

МАРИЯ
СЕМЁНОВА

БРАТЯ

Книга 1. ТАЙНЫЙ ВОИН

Annotation

Прошло семь лет после Беды – вселенской катастрофы, погрузившей весь мир в бесконечную зиму. От могущественной империи, угодившей под удар кометы, уцелела только периферия и независимые племена вдоль внешних границ. В одном из этих племён, в нищей лесной деревне, подрастает маленький царевич, чудом спасённый в момент Беды. Родительский сын становится его старшим братом, лучшим другом, защитником и героем. Однако трагические обстоятельства разлучают мальчишек. Родной сын насильственно уведён из семьи. Маленький царевич решает посвятить свою жизнь поискам и возвращению пропавшего. Но не всё так просто! Уведённый юноша попадает в своего рода школу, где умный и харизматичный учитель принимается лепить из него тайного воина – изощрённого убийцу для негласных дел...

- [Мария Семёнова](#)
  -
  -
  - [Начин](#)
    - [Ветка рябины](#)
  - [Доля первая](#)
    - [Через реку](#)
    - [В гостях](#)
    - [Скоморохи](#)
    - [Котляры](#)
    - [Взаперти](#)
    - [В дороге](#)
    - [Верёвка](#)
  - [Доля вторая](#)
    - [Последний приказ](#)
    - [Растрёпанные рукавицы](#)
    - [Рында](#)
    - [Столб](#)
    - [Господин учитель](#)
    - [Кон](#)
  - [Доля третья](#)
    - [Нож](#)

- [Листики](#)
- [Чаша](#)
- [Назидание](#)
- [Мольба](#)
- [Вилы](#)
- [Раскат](#)
- [Приснившаяся жизнь](#)
- [Надписи на стенах](#)
- [Ступень](#)
- [Полёт Рыжика](#)
- [Доля четвёртая](#)
  - [Вертеп](#)
  - [Мешок](#)
  - [Сквозь темноту](#)
  - [Книга милостей](#)
  - [Шерёшка](#)
  - [Мотушь](#)
  - [Царские знаки](#)
- [Доля пятая](#)
  - [Отик](#)
  - [Новости](#)
  - [На ту сторону](#)
  - [Дровяницы](#)
  - [Великий Погреб](#)
  - [Голос морока](#)
  - [Замок Невдаха](#)
  - [Меч и стрела](#)
  - [Царский дар](#)
  - [Розцепихин полавочник](#)
  - [Одолень-мох](#)
- [Доля шестая](#)
  - [Последний поклон](#)
  - [Пёрышки на снегу](#)
  - [Госпожа Кука](#)
  - [Кутовая Ворга](#)
  - [Шегардай](#)
  - [Воровской ряд](#)
  - [Вече](#)
  - [Гадалкин нос](#)

- [Кобыла](#)
    - [Тарашечка](#)
    - [Хвала о перстах](#)
    - [Трус](#)
    - [Шатущие люди](#)
  - [Доля седьмая](#)
    - [Опала](#)
    - [Вина и честь](#)
    - [Тени на берёсте](#)
    - [Песни в холоднице](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

Мария Семёнова

Тайный воин

© М. Семёнова, 2015

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

* * *

Автор сердечно благодарит:

Аллу Земцову
Юлию Зачёсову
Сиражудина Магомедова
Марата Гаджиева
Рабадана Магомедова
Екатерину Мурашову
Павла Молитвина
Дмитрия Тедеева
Юрия Соколова
Ольгу Савину
Владимира Бородина
Наталью Карасёву
Ольгу Ксенофонтову
Ольгу Скибину
Татьяну и Александра Урбанских
Татьяну Шевченко
Петра Абрамова
Екатерину Полянскую
Леона Абрамова
Елизавету и Константина Кульчицких
Вадима Платонова
Вадима Шлахтера
Евгения Голынского
Светлану и Валерия Сазоновых
Александра Кутукова

Виктора Краснова
Дину Дорофееву
Александра Теплова
Игоря Крашенинникова
Людмилу Седову
Наталью Попову
Анну Гурову
Ульяну Недосекову
Наталью Полийчук
Татьяну Буравцеву
Александра Соколовского

Начин

Ветка рябины

– Наша девчушка гоит^[1] ли? – спросил мужчина. – Всё из памяти вон, Айге, как ты её назвала?

Женщина улыбнулась:

– Больше ругаю Баламошкой, потому что она умница и опрятница. А так – Жилкой.

Мужчина рассеянно кивнул:

– Жилкой... ну да. Привезёшь однажды, покажешь.

Если бы не разговор, ускользавший от посторонних ушей, они выглядели бы самыми обычными странствующими торгованами, каких много в любом перепутном кружале. Двое крепких молодых парней, скромно помалкивавших в уголке, сошли бы за сыновей.

– Привезу, – пообещала Айге. – Вот наспеет, и привезу. Ты, Ветер, едешь ли за новыми ложками по весне?

Он снова кивнул, поглядывая на дверь:

– В Левобережье... за Шегардай.

– А я слышала, гнездари бестолковы, – поддела Айге.

Ветер усмехнулся, с уверенной гордостью кивнул на одного из детей:

– Вот гнездарь!

В большой избе было тепло, дымно и сыровато. В густой дух съестного вплетались запахи ношеных рубаш, сохнувшей кожи, влажного меха. По всем стенам сушилась одежда. Снаружи мело, оттепель раскачивала лес, ломала деревья, забивала хвойник густыми липкими хлопьями. Хорошо, что работники загодя насушили целую сажень дров. Все знают, что печь бережливее греет скутанная, но гостям по сердцу, когда в отворённом горниле лопаются поленья и дым течёт живым коромыслом, ныряя в узенький волок. А гости были такие, что угодить им очень хотелось. В кружале третий день гулял с дружиной могучий Ялмак по прозвищу Лишень-Раз. С большого стола уже убрали горшки и блюда с едой, воины тешили себя игрой в кости.

– Учитель... – подал голос парень, сидевший рядом с наставником.

Вихры у него были пепельные, а глаза казались то серыми, то голубыми.

Ветер не торопясь повернул голову:

– Что, малыш? Спрашивай.

– Учитель, как думаешь, где они всё это взяли?

За стеной, в просторных сенях, бойко шёл торг. Отроки продавали добычу. Да и старшие витязи у стола, где выбивали дробь костяные кубики, ставили в кон не только монету. Зарево жирников скользнуло по тёмно-синему плащу, расшитому канителью. Сильные руки разворачивали и встряхивали его, стараясь показать красоту узорочья – да притаить в складках тёмное пятно с небольшой дыркой посередине.

Айге положила ногу на ногу и заметила:

– Вряд ли у переселенцев. Те нищebroды.

Ветер пожал плечами. В серых глазах отражались огни, русую бороду слева пронизали морозные нити.

– Источница Айге мудра, – сказал он ученикам. – Однако в поездах, плетущихся вдоль моря, полно варнаков и ворья. Мало ли как они плату Ялмаку собирали.

За столом взревели громкие голоса. К кому-то пришла хорошая игра. Брошенные кубики явили два копыя, топор и щит против единственных гуслей. Довольный игрок, воин с как будто вмятой и негоже выправленной левой скулой, подгрёб к себе добычу. Кости удержали при нём плащ, добавив резную деревянную чашу с горстью серебра и тычковый кинжал в дорогих ножнах.

Ветер задумчиво проводил взглядом оружие:

– А могли и с соищущей дружиной схватиться...

Беседа тянулась вяло, просто чтобы одолеть безвременье ожидания.

– Отважусь ли спросить, как нынче мотушь? – осторожно полюбопытствовала Айге.

Ученики переглянулись. Ветер вздохнул, голос прозвучал глухо и тяжело:

– Живёт, но не знает меня.

– А о единокровных что-нибудь слышно?

Ветер оторвался от наблюдения за игрой, пристально посмотрел на Айге:

– Двоих, не желавших звать меня братом, уже представила Владычица...

– Но младший-то жив?

Глаза Ветра блеснули насмешкой.

– Говорят, Пустоболт объявился Высшему Кругу и вступил в след отца.

– Пустоболт, – с улыбкой повторила Айге.

– Если не врёт людская молва, – продолжал Ветер, – старый Трайгтрен ввёл его в свиту. Может, ради проворного меча, а может, надеется, что Болт

ещё поумнеет.

Над большим столом то и дело взлетал безудержный смех, слышалась ругань, от которой в ином месте давно рассыпалась бы печь. Здешняя, слыхавшая и не такое, лишь потрескивала огнём. Канительный плащ так и не сменил обладателя, увенчавшись витой гривной и оплетённой бутылкой. Щедрый победитель тут же распечатал скляницу, пустил вкруговую. Как подобало, первым досталось отхлебнуть вожаку. Под хохот дружины Лишень-Раз сделал вид, будто намерился одним глотком ополовинить бутылку. Он выглядел вполне способным на это, но, конечно, жадничать не стал. Отведал честно, крикнул, передал дальше. Два воина за спиной воеводы стерегли стоячее копьё, одетое кожей. Из шнурованного чехла казалась лишь чёлка белых волос и над ней – широкое железко.

– Учитель, Мятой Роже везёт шестой раз подряд, – негромко проговорил второй парень. – Как такое может быть? Ты сам говорил, кости – роковая игра, не знающая ловкости и науки...

Волосы у него были белёсого андархского золота, он скалывал их на затылке, подражая наставнику.

Ветер зевнул, потёр ладонью глаза:

– Удача своевольна, Лихарь. Ты уже видел, что делает с человеком безудержная надежда её приманить.

– А вот и он, – сказала Айге.

Через высокий порог, убирая за пояс войлочный столбун и чуть не с каждым шагом бледнея, в повалушу проник неприметной внешности середович. Пегая борода, пегие волосы, латаный обиванец... Как есть слуга в небольшом, хотя и крепком хозяйстве. Ступал он бочком, рука всё ныряла за пазуху, словно там хранилось сокровище несметной цены.

Зоркие игроки тотчас разглядели влезшего в избу.

– Прячь калитки, ребята! Серьга отыгрываться пришёл!

Ученик, сидевший подле наставника, чуть не рассмеялся заодно с кметями:

– А глядит, как тухлое съел и задка со вчерашнего не покидал...

– Не удивлюсь, если вправду не покидал, – сказал Ветер.

Томление бездействия сбегало с него, взгляд стал хищным. Глядя на источника, подобрались и парни.

Мужичонка по-прежнему боком приблизился к столу, словно до последнего борясь с погибельной тягой, но тут его взяли под руки, стали трепать по спине и тесней сдвинулись на скамье, освобождая местечко.

– Удачными, – обращаясь к ученикам, пробормотал Ветер, – вас я сделать не властен. А вот удатными... умеющими привести на службу

Владычице и удачу мирянина, и его неудачу...

Игра за столом оживилась участием новичка. В прошлые дни Серьга оказал себя игроком не особенно денежным, но забавным. Стоило поглядеть, как он развязывал мошну и вытаскивал монету, которую, кажется, удерживала внутри вся тяга земная. Долго грел в ладони, словно что-то загадывая... потом выложил на стол. Когда иссякли шуточки по поводу небогатого кона, в скоблённые доски снова стукнули кости. Пять кубиков подсакивали и катились. Игроки в очередь вершили по три броска; главней всего были гусли, вторыми по старшинству считались мечи. Когда сочлись, Серьга из бледного стал совсем восковым. Его монета, выдавший виды медяк с изображением чайки, заскользила через стол к везучему ялмаковичу.

Лишень-Раз вдруг поднял руку – трезвый, несмотря на всё выпитое. Низкий голос легко покрыл шум кружала.

– Не зарься, брат! Займи ему, с выигрыша отдаст. А проиграется, всё корысть невелика.

Взятое в игре так же свято, как боевая добыча, но слово вождя святей. Мятая Рожа рассмеялся, бросил денежку обратно. Серьга благодарно поймал её, поняв случившееся как знак: вот теперь-то счастье должно наконец его осенить!

Стукнуло, брякнуло... Раз, другой, третий... Словно чьё-то злое дыхание поворачивало кости для Серьги кверху самыми малопочтенными знаками: луками да шеломами. Медная чайка снова упорхнула на тот край. Серьга низко опустил голову. Если он ждал повторного вмешательства воеводы, то зря. Ялмак не зря носил своё прозвище. А вот ялмаковичу забава полюбилась. Монетка, пущенная волчком, вдругорядь прикатилась обратно. Серьга жадно схватил её...

– Бороду сивую нажил, а ума ни на грош, – прошипел Ветер.

...и проиграл уже бесповоротно. Дважды прощают, по третьему карают! Витязь нахмурился и опустил денежку в кошель.

Ближний ученик Ветра что-то прикинул в уме:

– Учитель... Ему правда, что ли, двух луков до выигрыша не хватило? Обидно...

Ветер молча кивнул. Он смотрел на игроков.

Серьгу у стола сочувственно хлопали по плечу:

– Ступай уж, будет с тебя. И обиванец свой в кон вовсе не думай, застынешь путём!

Серьга, однако, уходить не спешил. Он медленно покачал головой, воздел палец, двигаясь, словно вправду замёрзший до полусмерти. Рука

дёрнулась туда-обратно... нырнула всё же за пазуху... вытащила маленький узелок... Серьга развернул тряпицу на столе, будто не веря, что вправду делает это.

– Как же Ты милостива, Справедливая, – шепнула Айге.

На ветошке мерцала серебряной чернью ветка рябины. Листки – зелёная финифть, какой уже не делали после Беды, ягоды – жаркие самограннички солнечно-алого камня. Запонка в большую сряду красной госпожи, боярыни, а то и царевны! Воины за столом чуть не на плечи лезли друг дружке, рассматривая диковину. Сам Ялмак отставил кружку, пригляделся, протянул руку. Серьга сглотнул, покорно опустил веточку ему на ладонь. Посреди столешницы уже росла горка вещей. Недаровое богатство, кому-то достанется!

Воевода не захотел выяснять, какими правдами попало сокровище к потёртому мужичонке. Лишь посоветовал, возвращая булавку:

– Продай. Сглупишь, если задаром упустишь.

Серьга съёжился под тяжёлым взглядом, но ответил как о решённом:

– Прости, господин... Коли судьба, упущу, а продавать не вели...

Ялмак равнодушно передёрнул плечами, снова взялся за кружку.

И покатились, и застучали кости... На Серьгу страшно стало смотреть. Живые угли за ворот сыпь – ухом не поведёт! И было отчего. Диво дивное! Им с Мятой Рожей всё время шли равные по достоинству знаки. Кмети, уже отставшие от игры, подбадривали поединщиков. Остался последний бросок.

Вот кубиками завладел ялмакович. Коснулся оберега на шее, дунул в кулак, шепнул тайное слово... Метнул. Кмети выдохнули, кто заорал, кто замолотил по столу. Мятой Роже выпало четверо гуслей и меч. Чтобы перебить подобный бросок, требовалось истое чудо.

Серьга, без кровинки в лице, осоловелые глаза, принял кости и, тряхнув кое-как, просто высыпал на стол из вялых ладоней.

И небываемое явилось. Четыре кубика быстро замерли... гуслями кверху. Пятый ещё катился, оказывая то шлем, то щит, то копье. Вот стал медленнее переваливаться с боку на бок...

...лёг уже было гуслями... Серьга ахнул, начал раскрывать рот...

...и кубик всё-таки качнулся обратно и упокоился, обратив кверху топор.

Серьга проиграл.

Крыша избы подскочила от крика и еле встала на место, дымное коромысло взялось вихрями. Мятой Роже со всех сторон предлагали конаться ещё, но ему на сегодня испытаний было довольно. Он сразился

грудью на выигранное богатство, подгрёб его к себе и застыл. Потом востепенел, поднял голову, благодарно уставился на стропила, по-детски заулыбался – и принялся раздавать добычу товарищам, отдаривая судьбу. Серьга тупо смотрел, как рябиновая веточка, в участи которой он более не имел слова, блеснула камешками перед волчьей безрукавкой вождя.

– Спасибо за вразумление, воевода, твоя мудрость, тебе и честь!

Ялмак отхлебнул пива. Усмехнулся:

– На что мне девичья прикраса? Оставь у себя, зазнобушке в мякитишки уложишь.

Воины захохотали, наперебой стали гадать, какой пышности должны оказаться те мякитишки...

Ветер кивнул ближнему ученику:

– Твой черёд. Поглядим, хорошо ли я тебя натерил.

Парень расплылся в предвкушении:

– Учитель, воля твоя!

Обманчиво-неспешно поднялся, выскользнул за порог. Разминулся в дверях с кряжистым мужиком, казавшимся ещё шире в плечах из-за шубы с воротом из собачьих хвостов. Лихарь понурил белобрысую голову, пряча полный ревности взгляд. Айге отломила кусочек лепёшки, обмакнула в подливу.

– И надо было мне тащиться в эту даль, – шутливо вздохнула она. – Кому нужны скромные умения любодейки, когда у тебя встанут на крыло подобные удалыцы!

Ветер улыбнулся в ответ:

– Не принижай себя, девичья наставница. Кости могли лечь иначе...

Веселье в кружале шло своим чередом. Витязи цепляли за подолы служанок, хвалили пиво, без скупости подливали Серьге: не журись, мол, день дню розь, выпадет и тебе счастье. Он кивал, только взгляд был неживой.

Черева у дружинных вмещали очень немало. Обильная выпивка всё равно отзывала наружу то одного, то другого. Мятая Рожа было задремал у стола, но давняя привычка не позволила осрамиться. Воин протёр глаза, вынул из-под щеки ставший драгоценным кошелек и на вполне твёрдых ногах пошёл за дверь отцедить. Миновал в сенях отроков, занятых торгом, кивнул знакомым коробейникам из Шегардая и Сегды...

Наружная дверь отворилась с мучительным визгом, в лицо сразу ринулись даже не хлопья – сущее крушье, точно с лопаты. Мятая Рожа не пошёл далеко от крыльца. Повернулся к летящей пади спиной, распустил гашик, блаженно вздохнул... Он даже не отметил

прикосновения к волосам чего-то чуть более твёрдого, чем упавший с ветви комок. Ну проросла в том комке остренькая ледышка, и что?..

Ялмакович открыл глаза, кажется, всего через мгновение. Стоя на коленях в снегу, тотчас бросил руку за пазуху, проверить, цел ли кошель. Кошель был на месте. Только... только не ощущались сквозь мягкую замшу самогранные ягодки под зубчатыми листками, которые ему уже понравилось холить...

Другой витязь, в свой черёд изгнанный пивом из тепла повалуши, едва не наступил на Мятую Рожу. До неузнаваемости облепленный снегом, тот шарил в сугробе, пытался что-то найти. Боевые побратимы долго рылись вместе, споря, достойно ли во избежание насмешек умолчать о пропаже – либо, наоборот, позвать остальных и раскопать всё до земли.

Серьга волокся заметённой, малохожей тропой, плохо понимая куда. В глазах покачивался невеликий, но тяжёленький ларчик. Доброго старинного дела, из цельной, красивейшей, точно изнутри озарённой сувели... ларчик, ключ от которого посейчас висел у него, Серьги, кругом шеи, гнул в три погиба... Из метельных струй смотрели детские лица. Братец Эрелис и сестрица Эльбиз часто открывали ларец, выкладывали узорочье. Цепочки финифтевых незабудок – на кружевной платок матери. Серебряный венец, перстни с резными печатями – на кольчугу отца.

Он знал, как всё будет. Ужас и непонимание в голосах:

«Дядюшка Серьга... веточку не найти...»

И он пойдёт на поклёп, а что делать, ведь Космохвост за утрату их пальцем не тронет, ему же – голову с плеч.

«А вы, дитятки, верно ли помните, как всё назад складывали?»

И – две горестно сникшие, без вины повинные головёнки...

И – раскалённой спицей насквозь – взгляд жуткого рынды...

И – нельзя больше жить, настолько нельзя, что глаза уже высмотрели над тропой сук покрепче, а руки вперёд ясной мысли взялись распутывать поясок. Длинный, с браным бережным узором, вытканый на бёрде старательными пальчиками, все бы по одному перецеловать: «Носи на доброе здоровье, дядька Серьга...»

– Постой, друже! Умаялся я тебя настигать.

Злосчастный слуга не сразу и понял, что голос прозвучал въяве и что обращаются вправду к нему. Вздрыгнул, обернулся, только когда ворот сжали крепкие пальцы.

Незнакомец годился ему в сыновья. Серые смешливые глаза, в бровях застряли снежные клочья, на ногах потрёпанные снегоступы... Серьга

успел решить, что нарвался на лиходея, успел жгуче испугаться, а потом обрадоваться смерти, только подивившись: да много ли у него, спустившего хозяйское достояние, надеются отобрать? – но против всякого ожидания человек вложил ему в ладонь маленькое и твёрдое и замкнул руку, приговорив:

– Утрись, не о чем плакать.

Серьга стоял столбом, пытаясь поверить робкому голосу осязания. И таки не поверил. Мало ли что причудится сквозь овчинную рукавицу. Послушно утёрся. Бережно расправил ладонь... Света, гаснувшего за неизмеримыми сугробами туч, оказалось довольно. Серьга упал на колени, роняя с головы столбунок:

– Милостивец... отец родной...

Всё качалось и плыло. Возвращаться с исподнего света оказалось едва ли не тяжелее последнего безвозвратного шага.

– Встань, друг мой, – сказал Ветер. Нагнулся, без большой надсады поставил Серьгу на ноги. – Мне будет довольно, если ты вернёшь булавку на место и никогда больше не подойдёшь к игрокам, искушающим Правосудную. Служи верно Эрелису и Эльбиз, а я рядом буду... – Он выпустил Серьгу и улыбнулся так, словно вечный век его знал. Собрался уже уходить, но вспомнил, подмигнул: – Да, смотри только, Космохвосту молчи... Он добрый малый, Космохвост, одного жаль, недалёкий. Да что с рынды взять! Никому не верит, не может в толк взять, кто истинные друзья.

Серьга опустил взгляд всего на мгновение – убедиться, что рябиновая гроздь вправду переливается в ладони. Когда он снова поднял глаза, рядом никого не было. Лишь деревья размахивали обломанными ветвями, стеная и жалуясь, точно скопище душ, заблудившихся в междумирье.

Доля первая

Через реку

– Стой, ребятки!

Первым хозяйскому оклику внял пёс. Уселся, задышал, вывалив из пасти язык. Обвис верёвочный потяг, гружёные санки накатили ещё пядь и замерли, не достигнув откинутого хвоста. Потом остановились мальчишки.

– Что, атя? – спросил старший.

Жог смотрел на сыновей, переводя дух. Он торил путь, ломал снегоступами наст. От шерстяной верхней рубахи шёл пар, тёплый кожух вовсе ехал на санках.

Мальчишки, румяные от ходьбы, одинаково опирались на кайки.

– Оглянитесь, – велел отец.

Они стояли на самой середине реки. Позади, за оплывшими нагромождениями торосов, под серым куполом неба высился матёрый северный берег. Отвесные, обросшие ледяными бородами кручи, тянущиеся на множество вёрст. Рослый лес наверху выглядел седоватой щетинкой.

Жог коснулся пальцами снега, кланяясь далёким утёсам:

– Прости, батюшка Коновой Вен.

– Не поминай лихом, – отозвались дети.

Жог невольно улыбнулся, глядя на два лохматых затылка, темноволосый и золотой. Добрые сыновья. Не стыд людям показать.

Когда двинулись дальше, младший догнал отца:

– Атя, дай буду тропить?

Ему было десять лет, он помнил солнце и считал себя взрослым. Он совсем недавно подарил печному огню прядь волос, заплёл косы и привесил к поясу нож, а это обязывало.

Жог кивнул:

– Давай, Свётел.

Сын обошёл его, захрустел снегоступами, начал крушить льдистую корку. Жог чмокнул губами, поднимая улёгшегося пса. Зы́ка послушно вскочил, на потяге звякнули колокольцы. Старший сын, Сквára, лукаво щурил глаза, поглядывая в спину братишке. Не иначе прикидывал, надолго ли того хватит.

Здесь, кажется, было самое морозное место на перегоне между двумя зеленцами. Тело начало остывать. Жог повёл плечами, рукавицей сбил

окидь с рубашки, взял из саночек кожух.

Тропить было нелегко. Светел сгоряча положил себе дойти до левого берега, но уже через полверсты засопел, тяжело отдуваясь. Взрослый мужской почёт требовал немаленькой платы.

Ещё через несколько сотен сажений показалось впору просить смены, но Светел всё продолжал тащить пуды, повисшие на ногах. А каждую подними, да не зацепив носком ледяной край. Переставь, навались – и наракуй опять у колена... Светел чуть не плакал, упрямо отказываясь сдаваться. Мимо прохрустел лыжами Сквара:

– Пусти погреться, братище.

И пошёл колоть лапками ледяной череп. Любо-дорого посмотреть, как ставил ноги. Светел завистливо вздохнул, сваливаясь назад. Это ж Сквара. Его на лыжах уморить мог только отец, и то с натугой.

Жог посмотрел, как проворно мелькают заплатки на кожаных штанах старшего сына. Ближе к зеленцу надо будет парню напомнить, чтобы натянул новые. А то ввалится во двор каков есть, сраму не оберёшься.

Обрывы Конового Вена помалу отодвигались, истаивали, пропадали в тумане. Трое походников рассчитывали вновь поклониться им дней через пять-семь.

Левый берег Светы́ни был низменным. За невысокой грядой лежали топи, торфяники и заболоченные озёра. Прежде здесь были шумные птичьи угодья. То кликуны присядут на отдых, то утки птенцов выведут. Дальше начинались отлогие холмы, поросшие лесом, но во время Беды лес сгорел, подожжённый упавшим сверху огнём. Теперь до самого окоёма простирался бедовник. Зимой, в крепкий мороз, по снежной пустоши славно бежалось бы на больших лыжах. Сейчас стояла середина лета, самые долгие дни.

– Атя, а дядька Подстёга приедет? – спросил Светел, когда остановились передохнуть и отец начал стружить рыбу. – С тёткой Дузей и... ну...

Он досадливо притопнул обутой в лапку ногой. Имя сверстника, виденного полтора года назад, усколило из памяти.

– Озноби́шей, – подсказал Сквара.

– Я помнил!

– Приедут, – кивнул Жог. – Захотят же узнать, как там Ивень.

Светел спросил:

– Вдруг Ивень сам с котлярами пожалует? Свидеться?

– А позволят? – пробормотал Сквара. – Им там, люди сказывают, велят

родню позабыть...

«Мало ли что велят!» – хотел возразить Светел, но такие слова с набитым ртом не говорят. Он принялся торопливо жевать. Зубы тотчас заломило от холода. Вот что получается, когда жадничаешь и неправильно ешь.

– Ты за восемь лет позабыл бы? – спросил Жог.

Сквара помолчал, негромко ответил:

– Ни за что.

«А Лыкастик? – подумал Светел. – Забудет своих?..»

Отец покачал головой:

– Люди разное бают о том, что с уведёнными становится. Может, и не врут, что они мать родную потом идут убивать.

Светел наконец проглотил рыбу, но хвалиться памятью стало вроде незачем. Он нахмурился, сказал другое:

– Праведные цари не посылали матерей губить.

Жог тоже свёл брови, но по другой причине.

– Ты вот что, – строго напомнил он младшему. – Как придём, смотри, поменьше болтай. И в мыльню с чужими не соблазняйся!

Светел опустил голову, уронил золотые вихры на глаза:

– Не соблазнюсь, атя.

На самом деле за время дороги отец успел повторить наставление семьдесят семь раз. Всё знал младшего бессмысленным дитяtkом, неспособным усвоить сказанное однажды.

– А ты присмотри, – велел Жог старшему.

– Присмотрю, атя, – пообещал Сквара и взъерошил голову брату.

Сам он выглядел настолько близким подобием отца, насколько вообще это возможно. Только пока не вытянулся в рост и не нажил надо лбом серебряных прядей. Ничего: зато видно, каков станет красавец. Если доживёт, подобно Жогу Пеньку, до тридцати восьми лет.

– Не всех в воинское обучение берут, – сказал он больше затем, чтобы подбодрить младшего брата. – Да что впусте гадать. Вот придём, сами увидим.

Светел долго молчал, потом перестал хмуриться, спросил:

– А как думаешь, тётка Дузья пряничков напекла?..

У всякой матери болит сердце о детях. Даже если сама она уплывает в печальное белое небытие.

Когда случилась Беда, тяжело раненная Мать Земля напрягла последние силы – и населённая твердь растворилась множеством живородных ключей.

Эти кипуны и теперь били сквозь погребальные пелены снега, источая вар, согретый сердцем глубин. Ключища, особенно крупные, собирали кругом себя всякую жизнь, звериную и людскую. В первый год после Беды целые деревни переползали ближе к теплу. Люди разбирали вековые избы, бревно за бревном везли на новое место. Теперь жизнь вошла в русло, худо-бедно наладилась.

То, что в Левобережье опять наехали котляры, иные толковали как верный знак возвращения спокойных, мирных времён. Кому был черёд собирать в дальний путь сына, гордились, устраивали веселье. Гнездари созывали в гости родню, ближнюю и не очень. Приглашали друзей. Даже дикомытов с правого берега.

Походники собирались заночевать в небольшом, удачно расположенном зеленце меж холмов. Родники здесь были несильные, жилую весь с банями и зелёными прудами вытянуть не могли. А вот хорошая зимовьюшка в распадке стояла. Как раз до утра переждать странствующему человеку. С печкой и запасом дров, который совестливый гость обязательно возобновит перед тем, как на прощание поклониться порогу.

Уже падали сумерки, иначе над чащей виднелись бы завитки пара. Лес, уцелевший со времени Беды, начинался двумя большими ёлками. Они стояли рядом, трогая одна другую ветвями. Не поймёшь, из одного корня растут или из разных: место, где ствол проникал землю, таилось под пятью аршинами снега.

– Смотри! – сказал Сквара младшему брату. – Как есть мы с тобой!

Жог улыбнулся. Идти до зимовья оставалось не более полутора вёрст.

Светел обернулся к отцу:

– А вдруг дядька Дёждик вперёд нас прошёл?..

Ответил Сквара, чья очередь была прокладывать путь:

– Может, как раз встретимся, – сказал он, поглядывая на лес.

Свет быстро уходил с неба, но путники вступили в длинный ложок, и Сквара высмотрел под деревьями чужую ступень. Светел вымотался уже до того, что думал только о лежаке под кровом избушки, но при этих словах у него разом прибыло сил. Он живо догнал старшего брата, потом даже выскочил вперёд прямо по целине. Склонился над следами, с торжеством выпрямился:

– Подстёгины лапки! И тёткины, и...

– Ознобишины, – ехидно встрял Сквара.

Светел гневно повторил:

– И Ознобишины!

Однако держать сердце на брата долго не мог. Оба расхохотались.

Может, где-то витали лыжные делатели получше Жога Пенька, но здесь про них не слыхали. Люди снаряжались издалека, чтобы купить у него быстрые лыжи для торных дорог или охотничьи лапки. Сыновья уже помогали Пеньку плести снегоступы, а следы узнавали едва не лучше отца.

Потом Сквара потянул носом воздух, удивился:

– Ступень утренняя, а дымом не пахнет.

– Может, сразу дальше пустились? – предположил Светел. – Там всего ничего...

– Может, и пустились, – сказал Жог. – Вы вот что, оба, тишкните.

Зыка в упряжке вдруг заворчал, насторожил уши. Жог остановился, глядя вперёд. Потом нагнулся к саням, вытащил свой лук и надел тетиву. Повесил на правое бедро тул, открыл берестяную крышку. Сумерки сделали цветные перья одинаково серыми, но Жог и ощупью знал, где какая стрела.

Он отстегнул потяг и поставил сыновей тащить санки, а сам взял Зыку, вышел вперёд.

Левобережье – это не своя чаща. Дома по окликам птиц, по дальнему вою можно определить, где в лесу человек. И даже иногда – кто таков. Здесь всё не то, всё не так. Здесь никакая предосторожность не помешает.

У последней горки перед зимовьем ворчание кобеля перешло в глухой рык, злой и угрюмый. Жог потянулся за стрелой, но убрал руку. Врагов впереди не было. Только чувство беды, осязаемо плотное, как запах. Походники молча, скорым шагом одолели последний подъём.

Тёплые ключи журчали и булькали, вызванивая свою мирную песенку. Над кипуном, одевая инеем сосны, вихрился густой пар. Больше ничего мирного на поляне не было. Между родниками и приоткрытой дверью зимовья чистый снег обтаял и потемнел. Посреди лужи, раскинув руки и ноги, белело наготой женское тело.

Сверху к нему бесстыдно и властно приникло тело мужчины.

Деждик Подстёга и его жена Дузья.

Остолбеневший Жог узнал старинных друзей и успел дико подумать, с чего это они взялись «играть» не у печки, а в холодном снегу. Ему понадобилось мгновение, чтобы понять: супруги не двигаются.

– Тётя Дузья... – заикаясь, выговорил Светел.

Все трое живо скатились с горки. Ещё на что-то надеясь, побежали к Подстёгам. Надеяться оказалось поздно. Тела уже остывали. Кто-то, очень лихо управлявшийся с самострелом, всадил меткий болт Деждику под лопатку. Потом добил ударом копья, точно лося на охоте. Женщине

досталось в сердце ножом. С обоих спорили одежду и бросили в снег, как на брачное ложе.

Вот и все пряники...

Между прочим, санки с подарками, почти такие же, как у Пеньков, стояли под стеной избушки совершенно нетронутые. Кто-то глумливо помочился на них, а полсть даже не взрезал. Этот кто-то пришёл не разбой творить – убивать и желал всем послать про то весть. Один упряжной пёс лежал у полозьев, второй, похоже, вскинулся на врагов. Самострельный болт отбросил его, пригвоздил к брёвнам. Там он и висел, распахнув пасть в оскале последней ярости.

– Ознобиша!.. – позвал Сквара вполкрика.

Он помнил: младший сын Подстёги нрава был не отчаянного. А ну влез с перепугу на ёлку да так там и мёрзнет, не смея спуститься?..

Никто не откликнулся.

Ознобиши не оказалось ни в избушке под лежаком, ни на крыше, ни где-нибудь за наледями.

Жог высек огня. Не для костра, не для печки – какая тут печка! Растеплил свечу, забранную стёклышком походного светильничка. Сквара, лучший следопыт, низко пригнулся к земле.

Пенёк первым придумал ковать лапки ледоходными шипами, чтобы на косогорах, до блеска выглаженных ветром, не скользила нога. Он же взялся устраивать в плетёнке отверстие под носком валенка, чтобы свободнее качалась ступня. На снегоступах убийц не было ни шипов, ни отверстий. Четверо явились издалека.

Один вершил расправу, второй наблюдал, стоя у окраинных сосен. Может, держал самострел наготове, но тетиву не спускал. Двое других ещё прежде убийства свели прочь Ознобишу. Малец уходил оглядываясь, правда, бежать не пытался и подавно в драку не лез. Сделав дело, первые двое тоже ушли.

Тут вспомнишь, чем бабка в детстве стращала. Левый берег левый и есть, чего здесь доброго ждать!

Жог с сыновьями долбили мёрзлый снег складными лопатками, взятыми из саней. Светел трясся и кусал губы, но не хныкал. Семь лет назад он уже видел смерть. Очень близкую. Очень страшную. Таковую, что не сразу выдумаешь страшней.

Дно ледяной ямы застелили одеждой, собранной на поляне.

На полсти, взятой в избушке, перетащили Деждика.

Уложили рядом жену.

Скутали той же полстью беззащитную наготу.

Пепельные женские косы в узорных лентах замужества, растрёпанные, набрякшие кровью... Лицо мужчины, казавшееся сосредоточенным и спокойным...

Потом долго носили из ключища мокрые камни, выворачивая какие потяжелей.

Может, доберутся горностаи и вездесущие мыши. Но не росوماхи с волками. А медведей здесь давно никто не видал. Это временная могила. Вот кончится праздник, уедет с котлярами Лыкастик, тогда и можно будет сложить Подстёгам честный погребальный костёр...

Сквара что-то бормотал насчёт того, чтобы пройти по следам и выручить Ознобишу, но сам понимал: пустошное мелет. Похитчики были воинами, наторевшими убивать. Куда против них лыжному делателю с двоими мальчишками. Только самим сгинуть, чтобы Подстёгам не скучно было одним на Звёздном Мосту.

Кончив тягостный труд, походники уже не чуяли ни рук, ни ног. А ничего не поделаешь, пришлось вновь завязывать путца и уходить. Не здесь же ночевать, у осквернённых смертью ключей.

Сквара повёл младшего к санкам:

– Садись, я толкать буду.

Светел в ответ то ли заскулил, то ли зарычал. Отпихнул брата, пошёл сам. Жог молча тропил.

Они-то радовались готовому следу, они-то ждали встречи, тёплого ночлега и разговоров, а утром – весёлого, с прибаутками, совсем не тяжёлого последнего перехода...

Ведать бы заранее, как всё обернётся.

А и ведали бы, что толку?..

Жог беспощадно гнал ещё не меньше трёх вёрст. Сквара временами сменял отца. Светел тоже пытался, но не выстаивал долго.

Наконец Пенёк воткнул посох в снег.

Взялся было за рыбу, но оставил. Ни у кого горло не принимало.

Сквара молча покормил пса. Наконец улеглись.

Повозились в просторных кожухах, утянули руки из меховых рукавов. Заправили внутрь мягкие куколи: и ворот замкнут, и подушка готова. Так и свернулись на снегу возле саней, словно в спальных мешках.

Всё как в прежние ночи, да немного не так. Мальчишки сразу заснули, Жог остался стеречь.

И не только затем, чтобы никто не проспал погибельного онемения.

У Рыжика была мягкая-мягкая шёрстка: щенячий пух, ещё не проросший жёсткой щетиной. И несоразмерные, неуклюжие

крылья с нежными перепонками. Малыш кувыркался в тёплом песке, ёрзал вверх пузом. Аодх всё боялся, не повредил бы хрупкие крылья. Друзья только учились внятно беседовать, но мальчик ощущал весёлое удивление щенка. Ты же, мол, не боишься пальцы сломать, когда за ухом чешешь?..

Взрослые сука и кобель кружили высоко в небе: что-то вдалеке привлекло их внимание. Синими-синими были глубокие небеса в россыпи стоячих кучевых облаков...

Смотреть бы в них и смотреть, пока возможность была.

Солнце вдруг померкло. Гранитные скалы за лукоморьем из красных сделались чёрными. Издали, стелясь по земле, ударили чудовищные лучи багрового, огнистого света. Сполохи, застревавшие на зубцах крепостных башен, испускала великая туча, внезапно вставшая у небоската. С берега моря она казалась мелко-бугристой, как туго завитое руно, но некоторым образом даже издали ощущалась неимоверная сила, ворочавшаяся внутри. У тучи не было макушки. Она уходила куда-то в небо – сквозь небо – на непредставимую высоту, прямо туда, где по ночам горят звёзды. Дымный, чуть выгнутый хвост истаявал вдали не оттого, что рассеивался, просто в те горние сферы глаз человеческий уже проникнуть не мог. Низ тучи понемногу начинал оплывать... Растекаться на стороны, заполнять окоём, набухать кровавым свечением... Медленно-медленно валиться прямо на город...

Пасть матери сомкнулась на загривке щенка. Кобель схватил за рубашку маленького Аодха. Громадные крылья с неустойчивой яростью гребли под себя воздух. Симураны пытались разминуться со смертью, стремительно мчавшейся на Фойрег.

Они были уже высоко, так высоко, что недоставало воздуха ни для дыхания, ни на опору крыльям, когда палящая туча надела на город. Она клубилась и текла по земле, столь плотная, что куски холмов плыли и кувыркались в ней, точно поплавки в бурной реке. Огненное дыхание испепеляло всё сущее. И лес на корню, и брёвна стен, и живую плоть. Попадавшееся на пути даже не вспыхивало – испарялось бесследно, лёгкими хлопьями, подлетевшими к кузнечному горну...

Туча прокатилась над Фойрегом, и Фойрег перестал быть. Остались завалы мёртвого пепла, насухо выкипевшая гавань да кое-где каменные, точно облизанные, багрово светившиеся подклеты домов. Небо над останками города дрожало от непредставимого жара. Жар достиг высоты, где уходили прочь два симурана, и опалил им шерсть, но симураны продолжали лететь...

Кобель в последний миг успел прикрыть собой подругу и обоих детей.

Полуослепший от незримого пламени, уже понимая, что гибнет, он не сдавался. Несколькими бешеными взмахами сумел нагнать суку и опустить трёхлетнего Аодха ей на спину. Тот сразу вцепился, вжался всем телом в опалённую гриву. Подтянул к себе Рыжика, вынутаго из материнских зубов... Какое-то время кобель ещё держался внизу, принимая на себя волну за волной смертельного жара. Потом перепонки на его крыльях пошли кровавыми волдырями и почернели. Он стал проваливаться вниз, вниз, вниз, в раскалённое небытие. А ещё через несколько невыносимых мгновений израненную суку подхватил и спас могучий поток ледяного сивера, пытавшегося противостоять вселенской Бедё...

Светел ощутил падение в жуткую бездну и проснулся, дрыгнув ногами.

Ночная темень уже синела, понемногу рассеиваясь. Сквара сидел на санях и щипал себя, чтобы не падала на грудь голова. Рядом, вытянувшись в снегу, спал отец.

Его третий отец после спасителя-симурана и седого величественного человека, носившего в волосах каменную звезду.

Светел широко раскрыл глаза, стал смотреть на Жога и Сквару. Так, словно у него ещё и этих прямо сейчас хотели отнять.

«Надо было небом любоваться, пока оно не исчезло. И Ознобиша, родителей обнимая, небось знать не знал, что больше не доведётся. А я о чём думал, когда атя сказал кланяться Вену?.. Вот возьмут налетят... с самострелами... тоже за тридевять земель в неволю сведут... буду вспоминать, как последний раз оглянулся. Как на маму серчал, что за валами при всех, точно маленького, гладила по головке...»

Со вчерашних казней жаловалось всё тело, но сон рассеялся без следа. Сквара заметил взгляд младшего, подобрался к нему, обогнув санки. Спросил шёпотом:

– Опять приснилось, братище?

Светел со всхлипом втянул воздух.

– Я не попрощался... – кое-как выговорил он. – Перед Бедой...

И потянул носом, отчаянно стиснув зубы.

Сквара обнял его. Он был на два года старше. Светелу временами казалось, что вдвое.

– Никто тогда не успел.

Светел не выдержал, вцепился в него, ткнулся лбом в грудь. Он очень хотел рассказать Скваре, что хуже смерти боится потерять его, атю и маму.

И ещё, что станет лекарем и будет всех лечить, чтобы подольше не умирали. Много чего хотел сказать, только слова наружу не шли.

Сквара легонько встряхнул его, нагнулся к уху:

– Брат за брата, встань с колен...

– И не надо каменных стен, – проглотив горячий комок, так же тихо шепнул в ответ Светел.

Это были их особенные, заветные слова, оклик и отклик, зов и отзыв. Светел как-то сразу понял, что всё будет хорошо.

Сквара стащил с левой руки варежку:

– На вот, лекарь, попользуй.

Светел схватил его руку своими двумя и некоторое время гладил и грел. На указательном пальце не гнулся последний сустав. Сквара не шутя уверял: без «братища» весь перст так и отсох бы. Светел подозревал про себя, что мать была права и лекарь из него никудышный, ведь сгиб так и не заработал.

Поднявшись, Опёнки стали потихоньку начинать день. Сквара тонким лезвием снял кожу с мёрзлого шокурового бока, поставил рыбину головой на чистую доску и ловко взялся стружить. Подошёл Зыка, уселся в сторонке. Стал глядеть несатыми глазами, до того умильно облизываясь, что, конечно, получил кусочек на пробу. Светел тщательно размял зелёный ком горлодёра. Чеснок на Коновом Вене давно уже не вызревал, но мать и бабушка умели так квасить мох с водорослями из тёплых прудов, что люди узнавали истовый чесночный запах и вкус. Даже хвори зелёный чеснок отгонял настолько же люто.

Всё приготовив, разбудили Жога.

– Ешь, атя, – сказал Сквара.

Придвинул отцу горку самых жирных и лакомых стружек: с горба и пупка. Они не просто вкусны. Они дают силу тому, кто себя трудит больше других.

Пенёк хмыкнул в бороду. Однако угощение взял.

Рыбью шкурку и кости с кишками оставили на снегу, зверям здешнего Лешего.

Надели на пса шлейку-алык, так и не высушенную в зимовье. Пристегнули потяг, двинулись дальше.

Ледяной череп, прихваченный ночным морозом, был сущие кары. Светел сразу вышел тропить. Ему тоже досталось немного шокурового жира, добрый вкус ещё держался во рту. Мать перед походом всё шпыняла Сквару, наказывала, чтобы в дороге младшенького не обидел: вот, мол, ужо я тебе!.. Сквара улыбался, молчал...

Аодх тогда ещё дичился в новой семье. Он совсем не знал языка и трудно привыкал к чужому имени: Светел. Так хвалили его Пеньки, не надеявшиеся правильно выговорить андархское рекло мальчишки. Золотоголовый, золотоглазый приёмыш таился в углу, обхватив руками коленки. Вздрагивал от громкого голоса. Живмя жил в избе, не шёл даже во двор. Всё боялся, вдруг небо снова падать начнёт.

Сквара показывал ему игрушечный лук, но он ёжился и прятал лицо.

Когда все разошлись, Аодх начал оглядываться. Почти сразу заметил под сыпухой, возле самой божницы, одну из немногих покупных вещей в избе, выставленную на погляд. Красивую голубую чашу с тонкими стенками, сквозистыми на просвет.

Дома было много таких чаш... И не только таких...

Захотелось прикоснуться, погладить. Попросить чуда о возвращении неворотимого... Мальчик влез на лавку, как мог вытянул руку, поднимаясь на цыпочки. Достал наконец... Движение вышло неуклюжим. Посудина закачалась. Словно бы потопталась на полице – и обманчиво медленно опрокинулась вниз. Аодх не успел её подхватить.

Чаши фойрегского дела не зря славились прочностью. Она, может, и уцелела бы, угодив на берестяной пол, на толстые половики. Но конечно, должно было случиться как есть худшее. Чаша попала на твёрдый край лавки и с коротким звоном распалась на две почти равные доли.

Аодх смотрел на них, придавленный немым ужасом. Вот всё и пропало. Сгинуло насовсем. Расточилось...

В это время из сеней в дверь сунулся родительский сын, Сквара. Аодх немного побаивался его, такого сильного, уверенного и... диковатого, что ли, если с былыми сверстниками равнять. Сквара увидел, что произошло. Быстро глянул на приёмыша, взял обломок чаши. Выскочил вон.

Почти тотчас снаружи донёсся сердитый крик матери.

Сейчас войдёт, схватит виновного и...

Аодх, приученный, что справедливой кары не бегают, зачем-то поднял другую половинку чаши, бросился через порог.

Мать, красная от досады и гнева, голосила на весь двор, таская за ухо Сквару. Тот кривился, прыгал с ноги на ногу, но вырываться не смел.

Аодх невнятно вскрикнул, побежал к ним. Он заливался слезами, показывал осколок и тыкал себя пальцами в грудь. Вот, вот я, казните!

Мать обернулась. Тут же всё поняла. Выпустила намятое ухо, обняла сразу обоих и тоежь расплакалась.

Отец выглядывал из ремесленной, держа в руках заготовку для снегоступа. Дедушка закрывал утиный хлевок...

Поздно вечером, когда все улеглись и затихли, Аодх пригрелся под боком у старшего брата. И впервые за долгое время уснул спокойно и крепко.

Он ещё не умел понять: как того ни желай, минувшее не вернётся. Клади новое начало на пепелище бывшего – вот единственный путь.

Чашу отец склеил яичным белком. Она и теперь отсвечивала голубыми боками, красуясь рядом с божницей. Пеньки в шутку называли её братиной...

В гостях

Зеленец, куда вёз подарки Пенёк, назывался просто и хорошо: Житая Ростоць. Сразу видишь сильное ключище, занятое богатой, крепкой семьёй. Там, где тёплое дыхание вара давало бой многолетней зиме, туман клубился стеной. Сероватые клубы неспешно ползли вверх, утекая в низкие облака.

– Светелко, – окликнул Жог.

Он даже остановился. Светел подбежал, с готовностью кивнул:

– Не пойду в мыльню с ними, атя.

– И ты, Скварко, – продолжал отец. – Воробьи машисто живут, лакомо, не нам верста. Могут ласково принять, но и загордовать могут...

– Звигуры, – пробормотал старший, выговорив прозвище хозяев так, как предпочитали они сами, на андархский лад.

– Вот именно, – кивнул Жог. – На вас моя надея, ребятки.

Светел повернулся идти, но всё-таки буркнул:

– Что же в гости звать, чтобы смеяться потом.

Жог несильно шлёпнул его концом кайка пониже спины:

– А ты, как придём, покрепче молчи. Особенно когда котляры наедут. И леворучье своё, смотри, не очень оказывай.

Глаза у Светела стали круглые.

– Не то заберут?..

Сквара нахмурился:

– Мы им так заберём...

Брови у него были длинные и прямые, гладкие у висков и пушистые к переносью. Оттого хмурился он грозно, по-взрослому. Светел привычно и крепко надеялся на заступу старшего брата, но в этот раз вдруг подумалось: «Ознобише, поди, тоже так сказывали...»

Пенёк твёрдо приговорил:

– Горшок котлу не товарищ! Мы никогда царям обязаны не были, а нынешним царевичам и подавно. Ни мехами, ни кровью. И сирот, чтобы котлярам с рук сбывать, у нас не ведётся, не наш это обычай. Просто... Тебя нам вверили, чтобы на Коновом Вене возрос. Вот велик поднимешься, сам за себя и решишь. А до тех пор зачем людям языками болтать?

Светел кивнул с облегчением. Отец был, по обыкновению, прав.

– Хорошо, атя.

Жог, спохватившись, окликнул:

– Скварко! Штаны новые вздень!

Когда-то давно, когда ещё светило солнце, Берёга Звигур приехал в правобережье на большой торг. Привёз жену Обороху и младшего на ту пору сына. Они уже знали, что судьба Лыкасику – котёл, царская чадь. Мать баловала его, как умела. И допестовалась беды: дитяtko подавилось тестяным шариком, варенным в меду. Женщина растерялась, начала уже выть... Суровая Ергá Корениха, Скварина бабушка, перехватила у неё малыша. Да так ловко трянула, что шарик выкатился наземь.

После оказалось, что Воробей доводился кровником Деждику, давнему другу Пенька.

С тех пор левобережная семья водилась с правобережной. Съезжались, правда, хорошо если раз в год, если у кого-то опять ладили торг.

Походников заметили издалека. В тыне распахнулись ворота, Берёга Воробей сам вышел навстречу.

– Здорово в избу, – как подобало, приветствовал его Пенёк.

– Поди пожалуй! – ответил Берёга.

Они обнялись.

Тёплый воздух целовал щёки. В кожухах понемногу делалось жарко. Братья Опёнки смирно стояли у саночек. Утишали Зыку, чуявшего других кобелей. Зыка, сердитый не только в труде, нёс хвост копьём. У себя расправу держал – и здесь утвердится, если задирать станут.

Народу во дворе было полным-полно. Из-за спин хозяев и гостей любопытно выглядывали чернавки.

Глаза разбегались от обилия чужих лиц, но Лыкаша Светел высмотрел и узнал сразу. Тот, ровесник Скваре, выглядел крепким, гладким, холёным. Не диво. Сколько помнил Светел, Обороха всё вздыхала, глядя на сына, всё подкладывала ему кусочки послаще. В чужой, мол, сторонushке кто же сироте поднесёт?.. Небось совсем окормышем стал бы, но в котёл таких не берут.

Хозяйка тоже выбежала во двор. Упыхавшаяся, с набрякшими веками. Звигурова земля была добрая, кругом дома ни снега, ни грязи, бросай валенки, радуйся босиком. Так ведь нет. С голыми пятками шастали одни чернавки. Хозяйка, понятно, первая выхвалялась достатком. Даже у хлóпота стояла в красных сапожках.

– Будь здорова, как вода, тётенька Обороха, – вежливо поклонились Сквара и Светел. – Будь богата, как земля, плодovита, как свинья!

Она что-то ответила, махнула рукой.

Светел толкнул локтем брата:

– Мукá! Настоящая...

По вышитому запонцу тётки Оборочи в самом деле рассыпалась многоценная привозная мука. Ничего не жаль ради прощального почестного пира! Будут небось на столе правские блины с пирогами, а повезёт – и горячие белые калачи...

Светел проглотил слюну. Дома размалывали клубни болотника, высушенные в печи, а настоящей муки давным-давно не видали.

Мать посунула Воробыша вперёд: иди поздоровайся.

– А Подстёги разве не с вами? – спросил он, толком не отведя черёд расспросам о житье-бытье на Коновом Вене, о малой тётке Жиге-Равдуше и великой тётушке Коренихе.

– Они... – ляпнул было Светел, но вовремя прикусил язык.

– Про них атя скажет, – выручил Сквара.

Отец от самого зимовья наказывал им, чтоб не смели портить Звигурам праздник. Хорошо, Лыкасик ничего не заметил. Кажется, мысли у него скакали белками по дереву. Не успевали ни на чём скучиться. Ещё бы! Котляров ждали всего через день.

– Жалко, – сказал он. – Вот бы пряничков привезли.

Светелу было ещё жалче. Он успел намечтать себе совсем другую встречу с Воробышем. Тот с минувшего лета как перемытился. Светел, по обыкновению, примерил увиденное на себя. Возьмёшься перебираться пером, если вся привычная жизнь вот-вот канет и утечёт... Уже послезавтра Лыкашке, чего доброго, даже от домашнего имени отрешиться велят. Страшно, голова вкруг!

И сани с подарками разбирали не так, как представлял Светел, затягивая перед походом шнуры. Думалось, лыжи прославленной Пеньковой работы поплывут по рукам на всеобщее любование, а тётка Обороча примется спрашивать, как поступать с чёрными камешками из плетёного коробка... Настал делу черёд, а Воробыш к саням едва подошёл. На сей раз его сунул в спину отец.

– И не красиво, да спасибо, – всё-таки обиделся Светел, но шёпотом, чтобы только брат слышал.

Рассудительный Сквара пожал плечами и ничего не сказал, хотя обижаться следовало ему. Опрятные звёзды на снегоступах для Лыкашки выплелал именно он.

Правду люди говорят: где естно, там тесно. Народу в Житую Росточь съехалось столько, что не стало места какое в избах, даже в клетях. Левобережникам хотелось приобщиться к великому делу, взглянуть

на андархов, ощутить себя частичками могучей древней державы.

Берёга, вслух каясь, повёл Пеньков в просторный собачник. Надворные ухожи, предназначенные для ездовых собак, стали рядить лишь после Беды. Потому и называли отлично от былых псарен. Внутри было шумно и не очень тепло, зато просторно и чисто.

Пристегнув Зыку, отец поманил хозяина дома в сторонку, стал что-то тихо рассказывать. Звигур ахнул, всплеснул руками. Оглянулся на мальчишек.

– Во двор подите, – сказал им Жог. – Поиграйте.

Снаружи впрямь неслись задорные оклики. Передний двор был полон ребятни: шла игра в «ворона». Хозяйский сын бегал вокруг, взмахивал руками, изображал хищника. Получалось, надо сказать, схоже. Время от времени «ворон», каркая, бросался на стайку малышни, пытался кого-нибудь сцапать. Дети с визгом шарахались, удирая под защиту «клуши» – девочки постарше.

«Курята» обернулись на скрип двери. Лыкастик воспользовался этим и сцапал оплошного. Хватка вышла чересчур злая. Мальчонка трепыхнулся, заныл. Лыкастик его выпустил.

– Ну тебя совсем, хнюня. – И весело позвал: – Скварка! Иди, вороном будешь.

Тот проводил взглядом плачущего «курёнка»:

– Не... Вороном не хочу.

Девочка крикнула задорно, со смехом:

– Тогда клушей иди!

Сквара улыбнулся:

– Это пожалуй.

Звигур закаркал, возобновил ловлю. Светел устроился в углу двора и сразу пожалел, что не взял из саней веретено да кужёнку хорошо выбитой шерсти: на основу, когда бабка с матерью затеют ткать. От непривычной праздности было тревожно. Светел знал себя слишком взрослым, чтобы бегать с малёхами, а «вороном» или «клушей» казалось чуточку боязно. В сторонке посидеть, оно верней будет.

Лыкашу тем временем вовсе перестало спорить в игре. «Клуша» из Сквары получилась, про какую сказывают: за своих цыпят лютый зверь. На «ворона» он вроде и не очень смотрел, но тот всё никак не мог миновать его. А попытался сшибить силой – сам наелся земли.

– Не ворон, воробыш!.. – забила в ладоши девочка, спутавшая, кого собиралась подымать на зубки.

Лыкаш озлился, отбежал, назвал Сквару диким дикомытом и ушёл

со двора.

– От гнездая слышали, – пробормотал Светел, когда тот уже скрылся.

– Мог бы и уступить, – строго сказал Жог, вышедший со Звигуром из собачника. – Его праздник.

Сквара виновато улыбнулся:

– Мог, атя. – Оглянулся на малышей. – Так эти... пискуны. Жалко...

Жог для порядка дал ему подзатыльник и следом за Берёгой поднялся на крыльцо.

– Смотри! – Светел вытянул руку.

С неба раздалось карканье.

Пробив завесу тумана, со стороны леса к усадьбе летел ворон-тоскунья. Не игорочный, взаправский. Большая птица, чёрная с синевато-зелёным отливом по низу тела, высматривала добычу у людского жилья. Блестела умными недобрыми бусинками, хрипло бранилась. А иначе, мол, накаркаю вам смерть!

Незачем вещуну летать через двор, тем паче в праздничный день! Сквара сдёрнул с пояса пращу, выхватил из кармана голыш. Снаряд лёг в кожаное донце, закружился, взмыл.

Ворон кувырнулся в воздухе, испуганный камнем, свистнувшим на расстоянии пяди. Каркнул последний раз, выправился, торопливо захлопал крыльями, уносясь обратно за тын.

Братья было заспорили, где искать голыш. Тут оказалось, что за мальчишками наблюдали не только Жог и Берёга.

– Мазила! – прозвучал насмешливый голос. – В овин с трёх шагов попадёшь?

У входа во двор стоял парень в хорошей суконной свите и таких же штанах. Незнакомец был отменно сложен и выглядел сильным. Светлые волосы убраны со лба и сколоты по-андархски, усы ровно подстрижены, челюсть выбрита. На Коновом Вене таких звали скоблёными рылами и говорили, что у них всей красы – одни скулы да усы. А у этого на левой скуле ещё и краснел недавний шрам, словно кто метил глаз ему выткнуть, да чуток оплошал.

Сквара ответил:

– Я не промазал.

– Так убеди.

Детина казался взрослым. Но не настолько, чтобы почтительно слушать, что он ни скажи. Сквара хмуро спросил:

– Сам чей будешь?

– Лихарем люди зовут, – не очень понятно оттолкнуло скоблёное рыло. И вдруг указало на Светела: – Сшиби у него с головы лучинку – поверю.

Сквара пожал плечами:

– Да не верь.

Взял брата за руку и ушёл с ним к Зыке в собачник. Нужно было ещё вынести оставшийся съестной припас в каменный амбар, устроенный на морозе.

– Рано пташка запела, как бы кошка не съела, – хмыкнул вслед Лихарь.

Кошка вправду выскочила под ноги, когда открыли амбарную дверь. Но никого, конечно, не съела, метнулась, удра к дому. Светел оглянулся за ней. Бывая в гостях, он всегда высматривал кошек. Надеялся увидеть похожую на тех, которых помнил. В его первом доме велась особенная порода – царская дымка. Светел нигде больше не встречал такой шерсти. Туманно-таинственно-голубой, как предрассветная мгла над морем. Люди гордились, если им дарили котёнка...

Здесьняя кошка была, конечно, вовсе иная. Простенькая серо-полосатая с белыми опрятными лапками. Светела удивило другое. Она не подошла познакомиться, сразу порскнула прочь.

– Ну его, Лихаря этого! – сказал он Скваре, когда шли обратно. – Сам мазила!

Старший брат удивился:

– Ты что, обиделся?

Глаза колют только правда с полуправдой. Полная чушь не обижает, она смешит.

Из тумана высунулась чернавка. Кошка с разбегу прыгнула ей на грудь. Девушка обняла любимицу, унесла в зеленец.

Добраться до веретён снова не удалось. Во дворе на братьев Опёнков наскочила молодая Лыкашкина тётка с лубяным коробом в руках:

– В клеть волоките!

Сквара принял короб. Светел подхватил с другого конца.

– В которую?

Женщина указала рукой и сразу исчезла.

Кажется, последние дни в эту клеть без разбора сваливали всё подряд: пусть лежит пока, там видно будет. В том числе – привезённые гостями подарки. Светел сразу рассмотрел дивные беговые лыжи. Он следил, как отец гнул их в станке, помогал обшивать камысами. Одна лыжа косо торчала из-за сундуков, вторая лежала на полу, придавленная большой

кадкой, распор подевался неизвестно куда. Лапок совсем не было видно, зато плетёнка с чёрными камнями опрокинулась и раскрылась, целебные самородки высыпались на пол. Братья поставили короб. Светел присел на корточки, стал собирать знакомые камешки.

Сквара присмотрелся к очень красивой корзине, сплетённой из соснового корня.

– Матери бы такую, – сказал он. – И бабушке понравилась бы... Вернёмся, надерём?

Корень для плетения теперь добыть было проще, чем лозу. Вётлы почти не росли, зато бедовников – на каждом шагу. Другое дело, чтобы управляться с неподатливым корнем, мочь в пальцах требовалась изрядная.

– Эй! – окликнул возникший на пороге Лыкаш. – Глазы ямы, руки грабли! Не трожь, не твоё!

С другой стороны двора пристально наблюдал Лихарь.

Сквара обернулся к брату:

– Пошли.

Хозяйский сын прищурился сквозь потёмки:

– А ты там чего полные жмени набрал?..

Светел так выронил камни, словно горячих углей черпанул.

Воробыш злорадно пообещал:

– Всё батюшке расскажу!

– Беги рассказывай, – кивнул Сквара. – Других дерут, тебе сидеть мягче.

Лыкашка вдруг покраснел, сморщился... действительно убежал.

Братья вышли из клетки. Лыкаш ревмя ревел на заднем крыльце, мать его утешала. Рядом, комкая рукотёр, мялась с ноги на ногу Оборохина сестра, Облуша. При виде правобережников она устремилась к ним, замахиваясь шириной.

Сквара, шедший впереди, не стал ни уворачиваться, ни заслоняться ладонями. Остановился и лишь прижмурил глаза, чая шлепка. Ему было не привыкать. У матери он тоже выходил всегда во всём виноват.

Наказывать Жогова сына Облуша всё-таки постыдилась.

– Идите-тось, шатуны, повесть к празднику помогайте светлить!

Братья переглянулись. У них дома сказали бы «идите-ка». И не стали бы помыкать детьми гостей, когда свои есть. Ну ладно.

– Пошли, жадобинка моя, ты уж посиди, полежи... – проводил их больной голос хозяйки.

Опёнки бегом кинулись прочь. Хоть заходы скрести, лишь бы долой с глаз.

Вечером, когда затеяли пир, просторная поветь, где прежде хранили на зиму сено, мало не расщелилась по углам. Гости тесно расположились на новеньких, нарочно вытесанных скамьях. Чернавки сбивались с ног. Детвора, своя и приезжая, толкалась во дворе. Один Лыкастик сидел среди взрослых, между матерью и отцом. Принимал почести. Думать о нём было чуточку завидно, однако местами меняться не хотелось.

Когда наружу вытаскивали очередное блюдо с обрезками, ребячья сарынь бросалась, несыто расхватывала куски. Сквара было сунулся добыть вкусного себе и младшему брату, но вернулся смущённый. Толкаться за еду он не умел. Дома не приучили.

– Как есть дикомыты, – засмеялась чернавушка-полугодница, та, которой на грудь прыгала кошка.

– Эти взяхари, – рассудила другая, постарше. Она уже носила понёву и цветную ленту в косе. – Не дашь – просят, дашь – бросят.

Девки обидно засмеялись, скрываясь за дверью. Унесли за два конца тяжёлый поддон с озерком душистой подливой. У Светела запело в животе. То-то бы славно корки макать...

Он проглотил слюну:

– И ничего мы не бросали!

Сквара нахмурился:

– И не просили.

Кошкина хозяйка вдруг выскочила обратно. Огляделась, торопливо сунула мальчишкам долблёную деревянную мису. В мисе дымилась ячная каша. Правская, не из водорослей! И без скупости сдобренная той самой подливой!..

– Спасибо, красёнушка, – поклонились братья.

– За вкус не берусь, а горяченько да мокренько будет, – хихикнула девушка и снова исчезла.

Опёнки вытащили из поясных кошелёй дорожные костяные ложки. Светел сперва забылся, взял левой. Потом спохватился, даже глазами по сторонам метнул: не видать ли где Лихаря с его тревожащим любопытством? Тот веселился среди гостей. Сквара, глядя на младшего, фыркнул и, наоборот, переложил ложку в левую руку. Такая у них водилась игра. Опёнки принялись за еду.

Старшая девушка вынесла плошку с высокой стопкой блинов. Она торопилась, но отказать себе в удовольствии оговорить дикомытов всё-таки не смогла. Сквара как раз поднял глаза, и она ему улыбнулась:

– Не ешь масляно, ослепнешь.

Сквара досадливо опустил ложку. Что за радость иным людям гордовать, обижая других? Особенно от кого ответа не ждут?

Довольная чернавка заторопилась дальше, но злой язык не довёл до добра. У самой восточной девушка споткнулась на ровном месте, вскрикнула... не удержала блинов. Упало – пропало! Шустрая ребятня, обжигаясь, мигом всё похватила.

– Здорово ты её, – похвалил Светел.

Сквара моргнул.

– Не, – сказал он. – Я так не умею. – Подумал, рассудил: – Пошли, братище, не то опять кому под руку попадём.

Была уже непроглядная ночь, когда веселье наверху помалу затихло. Вернулся отец.

Сыновья не спали, шушукались, пощипывали сытого и выгулянного Зыку.

Жог обнял мальчишек, притиснул к себе и не стал ничего говорить.

От его рубашки пахло всем тем, что таскали на блюдах чернавки, дыхание отдавало пивом.

Потом он сунул руку за пазуху и вынул калач, припасённый с застолья. Остывший, чуть-чуть помятый... но всё равно настоящий. Сразу пошёл дух, лучше которого не бывает на свете.

– Домой бы свезти... – вздохнул Сквара.

Калачи, если сразу из горнила да на мороз, ещё не такое путешествие выдержат. Но это коли угостят. А не угостят – не просить стать.

Жог разделил лакомство натрое. Животок с губой – сыновьям, ручку – Зыке. Посмотрел на жующих Опёнков и приговорил, как о решённом:

– Своих напечём, получше.

Скоморохи

На другое утро ещё на брезгу проводили мужчин, снарядившихся к Подстёгам на их стылый погост. Едва они скрылись, как рассвет обратился вспять. С северо-востока, цепляя лесные вершины, выползла непроглядная туча. Она двигалась очень медленно, обещая навсегда накрыть Житую Рostочь.

Во дворе стали шептаться. Многим уже казалось – это внуки Небес вняли Оборохиному молению, пытались отогнать котляров. Ну... Совсем их, конечно, не остановишь, но хоть задержать...

Другие не верили шёпотам, потому что летом часто бывают такие ненастья. И даже вьюги хуже зимних.

Скоро над зеленцом пошёл дождь. Утопанный двор сразу размок. Вместе с каплями сквозь купол тумана проваливались сырые липкие хлопья.

В самый разгар непогоды у тына снова поднялась суета. На торной дороге, что тянулась в южную сторону, появились большие крытые сани, запряжённые косматыми оботурами.

У Воробыша аж щёки позеленели. Не иначе котляры? Уже?!

Но это оказались не котляры.

Оболок саней, остановившихся на последнем снегу, был поваплен многими красками. Радость и удивление глазу среди серого да чёрного под вечно пепельным небосводом. На передке кутались в шубы два седых человека. Один – лысеющий середович, второй – белым-белый дединька. Из-за стёганой полсти выглядывала рыжая кудрявая девочка.

– Мы люди почестные, скоморохи проезжие, – громко объявил середович. – Будем петь, гудить, народ веселить.

– Что, сильно играть собрались? – подбоченилась Обороха, вышедшая встречать незваных гостей. – Знаем мы вас, объедов, по чужим застольям шатунов!.. – Подумала, добавила с торжеством: – А и веселье наше вчера было, опоздал ты, потешник!

Она поправляла бисерный пояс, чтобы никто не сомневался в её праве решать. Вымокшие чернавки держали над хозяйкой большую рогожу, сшитую углом. Здесь, за пределами зеленца, крышка быстро тяжелела от снега.

На мордах оботуров таял иней, принесённый с мороза. Из ноздрей вырывались облачка пара.

Скомороший вожак, которого, надо думать, в иных местах ещё не так привечали, ответил с достоинством:

– Играть-то будем, на радость людям, а силком смотреть не заставим, никому хлопот не добавим. Кто добром отблагодарит, тому и спасибо.

– Ладно, заезжай, всё равно тебя и пестом в ступе не утолчёшь, – смиловилась хозяйка. Но тут же строго предупредила: – Смотри мне, вздумаешь баловать, живо путь покажу.

– Мы люди почестные, – повторил скоморох. – Не ошеулы какие.

Косматые быки влегли в упряжь и, упираясь раздвоенными копытами, потащили сани сквозь туман, на голую землю.

Здесь скоморошню взяли в кольцо ребятишки и молодятник, даже взрослые, кто не ушёл в зимовье.

– Прозываюсь Кербóгой, устал немного, – сказался середович. – Это моя дочка Арéла, всюду поспела, а дедушка у нас Гудим, уж вы поласковой с ним.

Словно желая пояснить своё прозвище, старик вытащил длинную пилу. В его ловких руках она согнулась, задрожала, запела. К тому времени, когда оботуры остановились у тына, мелюзга уже тянула вместе с пилой всем известную песенку, девочка метала из ладони в ладонь сразу пять раскрашенных колобашек, а Кербóга рассказывал мужикам новости, подхваченные в украинских городах Андархайны.

Послушать его, жить там было весело. Наместники бдели вполглаза и оглашали указы, составленные то ли попивая вино, то ли после ссоры с женой. В храмах молились о возвращении небесного света и так говорили про это, словно торгуя небесные сферы за подношения верных. Купцы то по-настоящему смело дрались сквозь дебри одичавшей страны, то стервенели, пытаясь семь шкур содрать за товары, что любому нужны. Воры знай себе плутовали, даже дубинки один у другого крали, потом – корчились под кнутом, проклиная на кровавой кобыле всё, что крадьбой накопили. Работающий народ, от толмачей до палачей, правил всяк своё ремесло, мздоимцам на зло, с ухмылкой слушал священство и придерживал кошельки.

А ждать ли порядка в стране, если праведный царь с ближним домом пропал в небесном огне, покинув державу отцов на третьестепенных царевичей, занятых грызнёй из-за венцов?

Кербóге внимали жадно, мужчины смеялись, девки повизгивали. Речи скомороха словно приоткрывали дверцу в незнакомый и яркий мир. Там стояли большие города, а в них жили невиданные здесь люди:

властолюбивые вельможи, бесстрашные воины, святые жрецы...

Волей-неволей поглядывали на Воробыша. Уже завтра все разъедутся по домам, в обычную жизнь. Необыкновенного мира из рассказов Кербोगи причастится только Лыкаш. Назовётся новой ложкой в котле. Получит настоящее андархское имя. Натореет в умениях, о которых даже не слышали в Левобережье. Таков котёл! Сиротки становятся полководцами, выходят в советники при державноимённым мужам. Может, всего через несколько лет и Лыкастик встанет на службу к кому-нибудь из высокостепенных людей, о ком так складно бает заезжень... И страшно, и завидки берут!

Братья Опёнки стояли поодаль, прижавшись под одной широкой рядниной. Понятно было не всё. Только то, что вечерять из своих припасов странникам навряд ли придётся. Тех, кто веселит народ складными разговорами, да к угощению не позвать?..

Несомненно, потешники были бы рады немедля затеять хоть малое представление, зарабатывать пироги и подарки. Однако непогода разошлась уже так, что начало заметать даже двор.

Лыкастик продержался у скоморошни дольше иных.

– А кочет плясать будет? – спросил он Кербогу.

Братья наострили уши. Они тоже разок видели на торгу, как под звуки дудочки прыгал, кружился, задирает лапы петух.

– Нет, – покачал головой Кербога. – Такого не держим.

– Был один, да слопали, пока сюда топали, – засмеялась девчушка.

Северной речью отец с дочерью владели очень неплохо. Хотя на лицо были, как и Гудим, чистые андархи.

– Ну-у... – разочарованно надул губы Воробыш.

Ему хотелось, чтобы на его праздник собралось всё самое дивное и знаменитое, что на свете ведётся.

Когда почти все разошлись, Опёнки наконец подобрались ближе к возку.

– А вы почто? – не слишком ласково повернулся к ним Кербога. Теперь было видно, что он и правда устал. Куда сильнее, чем объявлял вслух. Хорошо, если не всю ночь погонял оботуров, опаздывая на веселье. – Других дел нету, oprичь как глазеть?

Сквара вытряхнул забитую снегом ряднину.

– Да мы не глазеть пришли, – сказал он. – Мало ли, с дороги чем пособить... Вы с дедушкой старые, а девка соплива.

Девчонка фыркнула:

– Сам сопуля!

Сквара фыркнул в ответ:

– Не сопуля, а сопливец. Толку не знаешь по-нашему, а туда же, браниться.

Вожак скоморохов прищурился, взгляд был зоркий и пристальный.

– Да вы дикомыты никак? – спросил он затем. – То-то, смотрю, и хижам нипочём! Долго добирались?

– Не, – сказал Сквара. – Две седмицы всего.

– А прозываетесь как?

Сквара ответил гордо:

– Опёнками, лыжного источника сыновьями, Жога Пенька. Меня Скварой хвалят, а его Светелом.

– Братья, что ли? – удивился Кербоба. – Вот уж схожи так схожи!.. Прямо близнецы, бровь в бровь, глаз в глаз... Слышь, меньшей, твоя мамка в Андархайне часом не гостевала?

Светел вздрогнул. Сквара нахмурился, дерзко проворчал:

– Мамка дома сидела. А вот отец, случилось, гостил.

Он не по всякому поводу открывал рот, но, если уж открывал, мало никому не казалось.

Кербоба так хлопнул себя по бедру, что с мокрых штанов полетели брызги.

– Тебе, парень, на роду означено глумцом быть! А поехали с нами?

Он настолько легко и весело произнёс эти слова, что невозможное на миг стало возможным.

– Не, – помотал головой Сквара. – Я лыжи буду уставлять, как атя.

«А я – всех лечить», – добавил про себя Светел, но думалось ему совсем про другое. Уехать со скоморохами. Увидеть далёкие города. Побывать в самой что ни есть коренной Андархайне, близ Фойрега. А вдруг где-нибудь там...

«Вот велик поднимусь...»

Кербоба же с пробудившимся любопытством разглядывал стоявших перед ним мальчишек. Одинаковыми у братьев были разве только пятна под глазами и на щеках. Покусы мороза, где плящей зимой меховая харя примерзала к живой коже. Старший, худоватый, но сильный, доброго плетева, выглядел истинным северянином. Прямые волосы цвета чёрного свинца, нос с тонкой горбинкой, белая кожа. Глаза под строгими бровями – очень светлые, впрозелень голубые, точно камни верилы. Паренёк был так хорош, что его не портила ни челюсть, немного выдвинутая вперёд, ни даже шрамик в левой брови, отчего та казалась надломленной. Младший... Рыжаком его нельзя было назвать. Однако волнистые кудри

вместо обычной желтизны горели дивным огненным золотом: гнездари называли такие волосы рудо-жёлтыми, а дикомыты – жарыми. И глаза были не карие, не ореховые, переливались густым медовым расплавом...

– Эх, ребятёнки, были бы вы постарше годков на пять! – вырвалось у Кербоги. – Я бы нарочно для вас кощуну сложил. Про Бога Грозы и Бога Огня...

– Это как?.. – пискнул младший.

Кербога, не слушая, переводил взгляд с одного на другого:

– Только имена бы вам наоборот... Сквара – это ведь по-вашему «пламя»?

Братья переглянулись. Первое имя Светела тоже означало огонь.

– Отцу с матерью лучше знать, – буркнул Сквара.

Кербога, неожиданно вдохновившись, щёлкнул пальцами:

– А что пять лет ждать? Боги небось не сразу бородатыми родились...

Это он произнёс по-андархски, наполовину намеренно. Маленький правобережник попался. Понял сказанное и не сумел того скрыть. Сообразил свою оплошку, почему-то перепугался.

Старший на него покосился. Выговорил неожиданно правильно:

– Нам ли не разуметь, как молвят великие соседи!

Мокрый снег продолжал сыпаться на головы. Кербога отряхнулся, смешно, почти по-собачьи.

– Вот что, ребятёнки, недосуг болтать! Взялись помогать, помогайте, а нет, не мешайтесь! С оботурами управляться умеете?

Когда братья в надежде поесть сунулись к поварне, доброй девушки нигде не было видно. По счастью, злая чернавка тоже куда-то ушла. Лишь пожилая стряпка беседовала с государыней-печью. Пламя негромко рокотало, облизывая глиняный свод, последняя закладочка дров разваливалась позванивающими углями. Все голоса отдавались под куполом, сливаясь в почти осмысленный ропот. Прозрачный голубоватый дым извергался из устья, чтобы обтечь наверху завёрнутые в мох лопасти мяса. Потом выгибался, падал в крохотное задвижное оконце.

Печь дышала теплом. Даже с порога было видно, что сажа на своде почти вся выгорела. Скоро пламя иссякнет, оставив рдеющую стихию углей. Тогда стряпка скутает печь. Та помалу утихомирится, выстоится, слегка отдохнёт... И хоть опять бросай в неё калачи. А потом сажай гуся, чтобы дошёл к вечеру. И ещё завтра горнило в охотку будет томить кашу, зелья, мясные хрящи... Как не захлебнуться слюной?

Стряпка не глядя взяла длинный ухват, поддела тяжёлый горшок, перенесла на печной верх. Тем же ухватом ловко сдвинула крышку прогара. Говорок печи сразу изменился, окрашиваясь волнением. В дышало прозрачной струёй вырвалось пламя, затрепетали в воздухе искры. Горшок скрежетнул глиной о глину, плотно сел в отверстие, перекрыл выход драгоценному жару. Огонь деловито вздохнул, вновь повёл речи о чём-то домашнем и добром.

Мальчишек с неодолимой силой тянуло к печи.

Они так привыкли к снежным ночёвкам, что счастьем был даже холодный собачник. Хоть ветер не поддувает. И ледяной дождь не начинается среди ночи вмораживать в насталь... А тут!..

Откуда-то выскочила приспешница, сразу сунула братьям по плетёнке для дров:

– Ну-ка живой ногой за поленьями, пендери!

– Ты грейся, – сказал Сквара брату. – Я натаascaю.

Светел надулся, крепко схватил плетёнку, побежал следом за ним. Где дровник, они уже знали.

Таскать пришлось порядочно: не меньше полусажени. Про запас, чтобы вылежались в сухом тепле и горели споро и весело. Когда раскрасневшиеся братья вернулись с последними бременами, в поварне их встретили горькие слёзы.

Добрая девушка, что накануне поднесла им каши, давилась и надрывалась, съёжившись в уголке. Она что-то укачивала на руках. Светел, приглядевшись, заметил серенький хвост.

Братья поставили плетёнки, подошли.

– Дай мне её, – сразу сказал Светел. Протянул руки.

Черनावушка подняла мокрое лицо, оглянулась, ничего не поняла.

– Дай ему кошку, – сказал Сквара.

Девушка почему-то поверила. Всхлипывая, бережно уступила Светелу любимицу. Светел взял податливое тельце, сел на дрова.

Кошка, изувеченная жестоким пинком, была ещё жива, но огонёк дотлевал. Он слабел и еле держался, грозя изникнуть совсем. Светел потянулся к нему, обнял своим пламенем, ровным и сильным. Тут же вспомнилось, как угасал огонёк дедушки Корня. Светел тоже пытался его удержать, но дедушка был совсем ветхий, а Светел – маленький. Теперь он вырос.

– Ой, мамоньки! – вдруг испугалась стряпка.

Она услышала, как словно бы закашлялась печь. Нагнулась проверить... Увиденное в горниле кому угодно могло дать напужку.

Поленья прогорели ещё не вполне, но весёлый рыжий огонь почему-то опал синеватыми язычками. Они едва озаряли свод. Женщина взялась дуть в угли.

Кошкин огонёк перестал меркнуть. Ободренный, обласканный, он заплясал, ухватился, начал уверенно разгораться. Светел улыбнулся и отступил, выпуская его радоваться на воле.

Печь рявкнула. Огонь так и планул в самый свод, даже пыхнул из устья, опалил брови стряпке. Женщина отшатнулась, грузно села на пол, запоздало прикрываясь руками. Сквара бросился поднимать.

Кошка подняла голову, тихо мяукнула, потёрлась мордочкой о ладонь.

– А ты плакала, – сказал Светел черनावушке.

И мысленно поклонился печному огню: «Спасибо, братейко!»

Уже хорошо за полдень вернулись мужики, ходившие на Подстёгин погост. Детвору стало не отогнать от избы, где рассказывали и рядили. Братья Опёнки в толкотню опять не полезли. Была охота слушать докучливое нытьё Лыкаша, раздосадованного, отчего санки с тёти-Дузыниными пряничками не привезли.

– Придёт атя, расскажет, – решил Сквара. – Давай опять к скоморохам!

Светел обрадовался. Ему не терпелось ещё посмотреть на девочку, метавшую пёстрые колобашки.

Они только заглянули в собачник. Сквара хотел проведать Зыку и на всякий случай взять из санок кугиклы, вдруг пригодятся.

Внутри, к своему неудовольствию, братья вновь увидели скоблёное рыло.

Лихарь стоял возле их санок с одним из гостей, приехавшим на большой упряжке. Оба разглядывали Зыку. Близко, впрочем, не подходили, потому что без хозяев кобель знал себя охранником и становился суров.

– Слышь, малый? – обернулся гость к старшему Опёнку. – Может, пустим с Бурым? Всё забава.

– Выводи пса, – поддержал Лихарь. – Как раз снег перестал.

Сквара отмолвил неприветливо:

– Бурый ему лапу прокусит, ты нам санки через Светынь повезёшь?

– А я тебе о чём, Поливан? – обернулся Лихарь к мужчине. – Дикомыты и есть, учтивиться со старшими не учёны.

Гость покачал головой, не спеша сердиться:

– Малый прав. Это мы с тобой не подумавши разлетелись.

Взял Лихаря за плечо, увёл вон. Братья переглянулись, сели по обе

стороны Зыки и долго не решались уйти, словно кто только и ждал без них обидеть его.

– Он чей, Лихарь этот? – тихо спросил Светел. – С кем пришёл?

– Не знаю, – сказал Сквара. – То одних держится, то других... Ладно, братище. Вот проводим завтра Лыкашку, и домой.

В большом шатре, примыкавшем к болочку саней, стучали молотки. Двое парней, заглянувшие помочь, под началом деда Гудима возводили деревянную подвысь.

Лежачие доски нужно было сажать на деревянные гвозди в непременно порядке, чтобы посередине вышел четырёхугольный лаз, только вскочить человеку. В сторонке стояла деревянная западня.

Нужно было видеть, как объяснял Гудим работу парням. Не произносил ни слова, обходился движениями рук и улыбкой. Улыбка у него была очень славная. А руки толковали понятней, чем у иных вышло бы словами.

Светел не сразу, но всё же набрался смелости к нему подойти:

– Дединька, а на что прорубь?

Гудим хитро посмотрел на него... и вдруг зашагал на одном месте, тревожно озираясь, словно чая погони. Заметил кого-то – и внезапно присел, как провалился. Немного обождал... Выпрямился неожиданно ловким движением, схватившись за невидимые края. По-прежнему не сходя с места, машисто и весело зашагал дальше, посмеиваясь над одураченными преследователями.

– Ух ты!.. – сказал Сквара.

– Дединька, а что не говоришь? – спросил Светел.

Гудим коснулся пальцами губ, виновато развёл руками. Дескать, рад бы, да не могу.

Светел почти решился спросить ещё, но в это время пособники начали что-то делать вкливо. Почтенный скоморох мигом забыл о мальчишках, устремился на выручку.

– ...Брови у тебя дугами: ты чувствуешь, что сердце велит, – негромко доносилось из угла. – Сидят высоко: другим людям незачем знать твоих помыслов... – При лучине одна против другой расположились кудрявая Арела и старшая лихая чернавка. – У тебя маленький нос: ты думаешь о том, чего тебе хочется сегодня...

– А длинный был бы? – не иначе вспомнив кого-то, спросила вдруг та.

– Тогда ты больше думала бы о том, что завтра случится.

– Вот ещё нужда была, – хихикнула чернавка. – Я и так знаю,

что завтра будет. Толкуй дальше!

Арела поудобнее повернула её к свету лучины.

– У тебя невелики уши: тебя занимает не всё, что могут люди сказать, но важного для себя ты не пропустишь...

Светел невольно задумался о том, как устроено его собственное лицо и что могут значить лоб, щёки, губы. Ему даже захотелось сесть против Арелы, чтобы она дала смысл каждой черте. «Ну да! Такого небось натолкует, сам себя знать не захочешь...» Будь здесь мама, погрозила бы пальцем: боишься правду услышать! Мама была далеко, а всё равно стало обидно. Может, оттого, что частица истины в додуманных словах всё же была?

Из-за притворённой двери оболочка глухо звучал голос Кербози. Не дело слушать, о чём говорят за дверьми, но, если слух обостряется сам собой, как с ним совладать?

– Посмотри, насколько разнятся его ладони! Это значит, что твоему сыну предстоит удивительный путь. Видишь маленькие морщинки, здесь и вот здесь? Он будет радовать наставников, сумеет в полной мере постичь их науку. А эта бороздка гласит, что он проживёт ещё немало лет...

Братья Опёнки переглянулись, на всякий случай отошли подальше.

Спустя некоторое время голос Кербози смолк.

Чернавка оглянулась, сунула Ареле вкусно пахнущий свёрток и удрала вон, пока хозяйка не видела.

Юная толковательница посмотрела на Светела.

– Тебе тоже по личику погадать? – ехидно спросила она. – Или, может, по ладони? Я и по ладони умею...

Светел поспешно спрятал руки, замотал головой. Хотелось юркнуть за брата, но не при девчонке же.

– Атя не благословил, – степенно отказался Сквара.

Арела наставила палец на обоих сразу:

– Всех на русь выведу, всё как есть покажу...

Светел спросил её:

– Что петуха не держите, чтобы людей плясками забавлял?

Девчонка посмотрела на него едва ли не с жалостью:

– А знаешь ты, как их охотники учат?

– Не знаю, – сказал Светел. – Псов учил в запряжке ходить, а куры у нас давно не ведутся.

Арела проговорила зло и отрывисто:

– На железный лист ставят, чтоб соскочить не мог, а снизу горшок с углями. Сами на дудке играют. Он лапы вскидывает – больно!

Так несколько раз, и он потом, как дудку услышит...

Стукнула дверь. Вышла довольная Обороха, за ней сын. Последним появился Кербога.

– О, кто пришёл! – обрадовался он братьям. – Ну-ка, полезайте на подвысь! Видели когда-нибудь лицедейство?

– Нет, – мотнул головой Светел.

– Атя сказывал, – проговорил Сквара.

– Значит, – рассудил Кербога, – сумеете сообразить, что к чему. Ты, старшенький, будешь Богом Грозы, а ты, меньшей, – Богом Огня. Настал день Беды...

– А батенька благословил? – ядовито осведомилась Арела, но братья смотрели только на Кербогу.

– Настал день Беды, и вы обороняете Землю!..

Сквара напряжённо свёл брови:

– Это как?

– А так, – немного подумав, объяснил скоморох. – Люди, глядящие на помост, должны увидеть братьев-Богов, готовых не пощадить себя ради смертных. – И лукаво усмехнулся: – Конечно, показать не всякий сумеет...

У мальчишек разгорелись глаза.

– Наставляй, дяденька Кербога. Как нам кощунить?

Кербога нарадоваться не мог на Опёнков. Младший вспыхивал, искрился, пылал каждым движением. Старший, более суровый и сумрачный, как будто таил до поры и сизые молнии, и яростный гром. А сколько смеха жило в глубине глаз!.. Правду люди говорят: ни за что не угадаешь, в каком краю что найдёшь! Скоморошина рождалась шажок за шажком, слово за словом, из ничего, по наитию... Старик Гудим принёс широкие андархские гусли, тихонько взялся за струны.

– Грозу, – самозабвенно бормотал Кербога, расхаживая перед помостом. – Слезú... доползу...

Мальчишки благоговейно внимали. Вряд ли они умели постичь, какое чудо творения вершилось у них на глазах. Однако чудо от этого меньше не становилось.

Созвучие всё ускользало. Братья начали переглядываться. В глазах у обоих плескалось шальное веселье.

– В тазу, – нахально шепнул Сквара. – Привезу...

– Я тебя, охаверника! – рявкнул Кербога. Тут его взгляд вдруг остановился, он щёлкнул пальцами. – Небес бирюзу! Вот!..

И они в восторге повторили кощуну с самого начала.

Внимательная Арела подсказывала слова, если отец забывал.
Опёнки метались по настилу, прыгали через прорубь, заполошно размахивали руками.

Озарился, запылал тёмный лес...
Проломила все покровы Небес,
Метя Землю извести навсегда,
Та ли чёрная, чужая звезда...

Гусли прокричали горестно и тревожно.
Сквара огляделся, встал как врытый, взял брата за плечо.

Бог Грозы промолвил Богу Огня:
«Полегла, похоже, наша родня!
Судьбы пишутся на скорбном листе:
Братец Солнце запропал в темноте,
Тяжко ранены и Мать, и Отец,
Да и нам бы не изгаснуть вконец!
Примем битву у последней черты
Мы с тобою, младший брат, я и ты!»

Сквара и Светел плечом к плечу разили стругаными мечами. С таким пылом и гневом они махом разогнали бы любых супостатов, но гусли Гудима стонали всё обречённой.

Беспощаден был отчаянный бой.
Старший брат закрыл меньшого собой...

Сквара широко шагнул вперёд, схватил Светела, убрал за спину.

«Сбереги себя, Огонь, сбереги!
Чтоб не стыли у людей очаги,
Чтобы мир не погрузился во тьму –
За обоих нас я раны приму...»

Гусельная струна прозвенела отпущенной тетивой. Сквара уронил

деревянный меч, преувеличенным движением схватился за грудь, медленно осел на колени. Светел в ужасе простёр к нему руки, но брат его отстранил.

«Ты не плачь по мне, меньшей, не велю!
Пусть накинута на шею петлю,
Пусть согнут меня ярмом до земли
И надежда потускнеет вдали,
Пусть туман затмит Небес бирюзу –
Где та цепь, чтоб удержала Грозу!»

Сквара упрямо поднял голову, глаза горели. Привстав на одно колено, он воздел руки и резко, с усилием развёл, словно вериги порвал. Светел потрясал двумя мечами, стоя у него за спиной.

Гусли Гудима скорбели, и радовались, и обещали победу.

Кербога разошёлся не меньше мальчишек. Жаль было одного: вряд ли здешний люд увидит то, что сейчас видел на подвыси скомороший вожак. Завтра появятся котляры, небось станет не до веселья. Да и не перед котлярами такое играть. А потом правобережники уедут домой.

Ну ничего. Удосужиться бы с утра повторить. Может, запомнят, к себе на Коновой Вен увезут.

Гудим не сразу отложил гусли, всё ласкал их гибкими, сильными, совсем не старческими руками. Вдохновение, подаренное кощунной, выдалось таким высоким и светлым, что никому не захотелось просто так его отпускать.

Старший Опёнок вдруг спохватился, вытащил припасённые кугиклы. Выложил на ладонь все пять цевок, подровнял, обхватил, стал подыгрывать гуслиам.

– Девичья снастишка, – тут же подметила неугомонная Арела. – У сестёр небось отобрал?

Сквара как не услышал. Прикрыв глаза, водил кугиклами у рта, подпевая переборам струн.

– Глянулся тебе Бог Грозы, – сказал Светел.

Он бы предпочёл, чтобы она всё подмечала и язвила не Сквару, а его самого.

– И никто мне не глянулся, – покраснела девчонка. Но хоть замолкла.

Кербога вновь подумал, что, кажется, дал опрометку, приписав яркую даровитость одному младшему. Старший дикомыт играл по-настоящему

хорошо. Скоморох улыбнулся:

– Чудовые дела... Я тоже слышал, что у вас в Правобережье бабы не берутся за гусли, а мужики – за кугиклы.

Это, кстати, была правда святая.

– Так бабушка за ним сперва с веником, а после смирилась, – расхвастался Светел. – Только он у девок не отбирал, сам смороковал, как полюбилось. Он все песни знает! Колыбельную мне сложил, вот. Я мал был...

– По мне, и сейчас от горшка два вершка, – фыркнула Арела.

Светел не остался в долгу:

– Мал горшок, да сердит. – И посоветовал: – Не смотри высоко, глаза запорошишь. Тоже ещё, невеста!

Она зло сощурилась:

– Если хочешь знать, у меня суженый не пендерю лесному чета...

– Пиявка рыжая! – сказал Светел.

– Сам рыжий!

– Цыц, ребятёнки! – окоротил обоих Кербоба. – А ты, старшенький...

Что за колыбельная? Сыграешь?

Сквара кивнул, снова поднёс к губам кугиклы и заиграл.

Гудим немного послушал, взялся тихо вторить ему.

Сквара вывел напев очень просто, без трелей и иных украшений, а припесню неожиданно спел голосом. Светел даже вздрогнул, но заветные слова тот приберёг.

Брат за брата – хоть в огонь!

Моего меньшого не тронь...

Кербоба спросил, помолчав:

– Правда, что ли, сам сочинил?

Сквара кивнул.

Кербоба помолчал ещё.

– А всю песню со словами споёшь?

Сквара смутился:

– Других слов нету... только припесня.

– А пробовал?

– Всякий спляшет, да не как скоморох, – пробормотал Светел.

Кербоба повернулся к нему.

– Запомни накрепко, детище, – выговорил он сурово. – Нет таких слов:

«не могу». Есть слова «я не пробовал» и «я плохо старался». Если якобы не можешь чего, значит не больно-то и хотелось. Люди горшки обжигают, малыш. Простые смертные люди! И не позволяй никому гвоздить тебе, будто для каких-то дел нужно божественное рождение... А ты, маленький песнотворец, вот что. Продашь мне этот напев?

– Как продать? – удивился Сквара. – У нас, если песня любя, её перенимают да сами поют...

Кербога кивнул:

– Тогда давай так. Ты мне голосницу подаришь, а я тебе слова к ней подарю. Идёт?

Сквара задумался до того напряжённо, словно его подговаривали сбыть нажитое прадедовскими трудами. Всем известно: скоморохи не только глумцы, но и плуты изрядные. Однако зачем бы хитростью выманивать то, что тебе и так отдают?..

И наконец Сквара кивнул: хорошо, мол.

– Идите-ка, ребятёнки, погуляйте пока, – распорядился Кербога.

Мальчишки послушно соскочили с подвыси, пошли вон из шатра. Сквара уже прятал кугиклы, когда скоморох вновь окликнул его:

– А тебе говорили, парень, что у тебя голос крылатый?

Братья даже остановились.

– Это как?.. – подозрительно спросил Сквара.

– А так, что кругом сорок человек будут петь, а тебя всё равно будет слышно.

Сквара недоумённо свёл брови и вместе со Светелом вышел прочь.

Снаружи густели долгие летние сумерки и висел то ли мелкий дождик, то ли туман. Братья бестолково и молча потоптались у тына, взялись бродить по дворам. Ребятня опять во что-то играла, на сей раз, кажется, в «шегардайского коня». Звали к себе, но Опёнки посмотрели сквозь сверстников, побрели дальше. У обоих под ногами ещё пружинили старинные доски, помнившие небось такое... и столько... «Бог Грозы промолвил Богу Огня...» Рядом с подобными чудесами вчерашние забавы казались пустыми и скучными. Может, скоро это пройдёт, но покамест утвердиться на земле каждодневности что-то не получалось.

А ведь они ещё ждали от Кербоги посулённую песню...

По-прежнему молча Опёнки вывели Зыку. Вернувшись, взяли из санок веретёна, засели наконец-то за рукоделье. Пальцы привычно вытягивали битую шерсть, раскручивали веретено, сбрасывали петельку, подматывали готовую нить... Сквара теребил кужёнку левой рукой, Светел – правой.

В собачнике было темновато, но они привыкли управляться хоть ощупью.

Спустя некоторое время Опёнки посмотрели один на другого и вдруг начали смеяться.

Сразу стало легче. Мир понемногу становился на место.

Зыка, чувствуя что-то необычное, взялся мести хвостом сухой мох, потом встал и со вкусом облизал щёки обоим.

Когда в собачник заглянула Арела, братья пытались сложить что-то забавное про избалованного и вредного мальчишку, угодившего в суровую воинскую дружину. Они то и дело прыскали смехом, но, конечно, получалось до крайности несуразно.

– Нищета песенки поёт, – сказала Арела.

Подковырка состояла в том, что лишь беспросветная голь вечно возится с какой-то работой. Братьям, однако, было так весело, что они не обиделись.

– На себя посмотри, – только и сказал Сквара.

Посмотреть стоило, кстати. Арела несла перед собой правую руку ладонью вниз. Пальцы двигались, по костяшкам резво бегала блестящая серебряная монета. Переступала, кувыркалась, ныряла и выскакивала опять. Всякий о своём промысле: кто прядёт, кто гудёт. Светел вспомнил девчонкиного выдуманного жениха, вздумал было посоветовать меньше рассуждать о соболях, сидя-то на рогоже... Не стал: веселье удержало злые слова.

Сквара присмотрелся к пляшущей монетке:

– Как это ты её? Покажи.

Арела подбросила сребреник, зажала в ладони, приbedнилась:

– Наша стряпня рукава стряхня... Пошли, отец зовёт.

Теперь Кербога сам держал гусли. Гудим подтягивал на дудке о двух длинных стволах: левая цевка вела один голос песни, правая – другой.

– Верен ли напев? – спросил Сквару скомороший вожак.

Тот заворожённо кивнул, хотя голосница звучала немного иным ладом, как-то печальней и строже. Не колыбельная меньшому братишке, а горестное раздумье об утраченном и любимом. Да и пел Кербога совсем не как Сквара. Скорее наоборот. Припесня у него обходилась без слов, он тянул её, закрыв рот, вплетая голос в тоскливые, словно ветер, вздохи Гудимовой двоенки.

Расплескались густые туманы,

Всё окутала серая мгла...
Было двое нас, братьев румяных,
Неразлучных, как с ниткой игла.
Если буря в ночи завывала
И малыш поневоле робел,
Старший брат поправлял одеяло
И ему колыбельную пел.
Если мать задавала науку,
Хворостиной грозя большуну,
Младший брат отводил её руку,
На себя принимая вину.
А потом холода налетели,
В очаге прибывая огонь,
И порывы жестокой метели
Разлучили с ладонью ладонь.
Нас обоих ломало, и било,
И несло, как листки на ветру.
Я в сраженьях испытывал силу
И бросал медяки гусяру.
А теперь, посивевший до срока,
Сам себе не особенно рад,
Измеряю чужую дорогу
И гадаю, найдётся ли брат.
Перед битвой в смятенье знакомом
До рассвета мерещится мне:
Вдруг узнаю глаза под шоломом,
Да как раз на другой стороне?
Он споткнётся на поле злосчастном
От моей окаянной руки,
И навеки в глазах его ясных
Домерцают живые зрачки.
Или сам я на землю осяду,
Оступившись в кровавой пыли,
Обласкав угасающим взглядом
Побелевший от ужаса лик?
Кто из нас, зарыдав неумело,
Ощутит наползающий лёд
И, обняв неподвижное тело,
Колыбельную брату споёт?

К середине песни Светелу начало казаться, будто земля подалась из-под ног. Стало страшно. Весь мир валился за край, рушился в неворотимую бездну. Кербога только-только умолк, струны и двоенка ещё плакали, ещё звали назад чью-то невезучую душу, когда младший Опёнок вдруг всхлипнул, рванулся, со всех ног прыгнул наружу.

Скомороший вожак так и опешил.

– Что это с ним?.. – спросил он, заглушив ладонями струны.

– Лиха много поднял, – буркнул Сквара почти враждебно. – Ты его за болячку схватил.

И тоже выскочил вон.

– Ну вот, – сказал Кербога с досадой. – Делавши смеялись, сделавши плачем!

Светел отыскался в собачнике. Он обнимал Зыку, тряся с головы до пят и стонал, зарывшись лицом в родную тёплую шерсть. Сквара сел рядом, перво-наперво закутал брата меховой полстью.

– И всё он не так спел!.. – тихо провыл Светел. – Это не я, а ты заступался!.. И я тебя никогда... я тебя... я сам... я сам лучше помру... Дурак он противный, Кербога этот!..

Сквара сгрёб его в охапку, крепко-крепко. Взялся баюкать.

– На сухой лес будь помянуто, – сказал он. – Не журишь, братище, от слова не сбудется...

– Ну ты правда наседка, – засмеялся возле двери Лыкасик. Братья не заметили, когда вошёл. – В кугиклы свистишь, ровно девка, и только знаешь сопливному нос вытирать. Вам с ним, может, в косы ленты вплести да сватов ждать?

Сквара оставил притихшего брата, как-то быстро оказался против хозяйского сына. Тот и в дверь выпрыгнуть не успел.

– Ещё что умное скажешь?

Дрался он редко. Но если уж дрался... Накануне они слегка столкнулись в игре. Лыкаш, похоже, запоздало припомнил земляную крошку во рту.

– Бить будешь?.. – спросил он севшим голосом, косясь и оглядываясь в поисках взрослых.

Рядом, как назло, никто не показывался.

– Не, – сказал Сквара. – Не буду. Кулаков жалко.

Воробыша сдуло.

Сквара вернулся к младшему, снова обнял его.

Тот больше не стонал, но зубы продолжали стучать. Он кое-как выговорил:

– И вовсе мы... не румяные...

– Брат за брата, встань с колен, – шепнул Сквара.

Светел трудно перевёл дух:

– И не надо каменных стен...

Котляры

– И молодцы, что в кобение не дались, – похвалил Жог. – Гадать по рукам, щёки и носы толковать – это жреческое искусство. Чужих Богов не поймёшь! Держитесь-ка вы, ребятки, подальше от этих глумцов!

– Мы санки увязали уже, – сказал Сквара. – Только припас в амбаре забрать.

Жог невольно улыбнулся, с гордостью посмотрел на мальчишек:

– Радельники... Что бы я без вас делал!

Мимо раскрытой двери собачника, улыбаясь чему-то, прошёл Лихарь. У него был вид сытого кота, только облизнувшего с усов остатки сметаны.

Светел вдруг тихо спросил:

– Атя, на что нам котляров ждать? Звигуров ты почествовал...

Он хотел добавить, что народу во дворе полно и без них; вряд ли дядя Берёга какое там обидится – вовсе вспомнит о Пеньках после того, как проводит их за ворота. Воробьям не то что дальних друзей, им сына сегодня последний раз обнимать!.. Но пока Светел думал, как обратиться к отцу, Сквара сказал:

– Дядя Кербога про наших Богов кощуну складывал. Про Беду... И как Они за нас бились...

Жог нахмурился:

– Кощуну?..

Светел аж запрыгал:

– Я был Огнём!

Сквара как-то этак повёл плечами, словно стал выше ростом:

– Бог Грозы промолвил Богу Огня...

– Мы с тобой теперь одни, я и ты! – засиял Светел. – Будем драться у последней черты! Чтобы не было кругом темноты!..

И братья, подсказывая один другому, захлёб стали перевирать скоморошину.

Пенёк не столько слушал, сколько смотрел на мальчишек. Добрые дети – отцу с матерью венец. Пришлось менять гнев на милость.

– Ладно, – сказал он. – Ведите к этому вашему кобнику. А то дома засмеют: во дворе мимо скомороха прошёл!

Потрепал по ушам Зыку, первым двинулся наружу.

Мимо двери просеменила злая чернавка. Только сейчас было больше похоже, будто её саму кто крепко обидел. Даже лента в косе словно

потускнела, как-то жалко обвисла. Девушка утирала глаза, всё стряхивала с понёвы невидимые соринки.

Жог ещё порога не переступил, когда сзади ударил хриплый яростный рык.

Отец и сыновья обернулись. Сухой мох летел во все стороны. Вожак соседней упряжки, сильный, буровой шерсти кобель, как-то ушёл с привязи, чтобы тут же сцепиться с Зыкой. Разволновались и другие упряжки. Рёв поднялся такой, что с потолка сыпалась труха.

– Хозяина зови!.. – заорал Сквара брату.

Сам кинулся разнимать.

Светел вылетел вон:

– Дядя Поливан! Дядя Поливан, твой сорвался!..

Здоровенные псы катались клубком. Сквара подхватил палку, принялся дубасить по ком попадая, грозно крича и раздавая пинки. Зыка почти сразу опомнился, разжал зубы. Бурого схватил в охапку подоспевший хозяин.

Привязи были сделаны из жердин, прикреплённых к ошейникам, чтобы псы не перегрызали. Поливан осмотрел холостой конец.

– Ремешок перетёрся, – сказал он виновато. – Чем за обиду велишь отплатить, брат Пенёк?

Жог ответил не сразу. Сквара и Светел ощупывали Зыку, запускали пальцы в шерсть на его боках, шее и животе, заставляли показать лапы. Искали покусы. Не нашли ничего, кроме чужой слюны.

У бурого оказалось пробито ухо. Небольшая отметина, оставленная клыком, уже запеклась. Собаки не люди: кобели очень редко бьются, чтобы убить.

– Какие обиды, – сказал Пенёк. – Привязи своего покрепче, чтоб смирно сидел. – И насмешливо обратился к старшему сыну: – Ноги-то не отбил вгорячах?

Сквара пошевелил босыми пальцами, сморщился, смутился:

– Отбил, атя!

Зыка вилял хвостом, улыбался во всю пасть, не особенно понимая, с чего столько переполоху.

Возле скоморошни хихикали, переминались девчонки. Жадно расспрашивали тех, кому Арела уже погадала. Остальные краснели и бледнели: ждали черед. Опёнки прошли мимо, чувствуя себя гордыми властелинами собственных судеб. Следом за отцом вступили в шатёр.

Здесь вся их гордыня испарилась тотчас. Кербоба с Гудимом стояли на подвыси и с невероятной – глазом поди поймай – быстротой метали друг

другу... да не безобидные колобашки, а топоры. Даже в сумерках шатра было видно, насколько остро отточенные. Они вращались, мелькали и безошибочно укладывались выкаченными рукоятями в ладони. Светел попробовал перечесть топоры, но сразу сбился и бросил.

Арела в углу рассказывала Облуше, какая та добрая, хозяйственная и незлобивая:

– Уголки глаз у тебя кверху: ты хорошее видишь. И губы улыбаться готовы, всякому ласковое слово найдут...

Опёнки перекинулись взглядом. В конце концов, Сквара от неё рукотёром так и не схлопотал.

Любопытство тянуло к помосту, но братья смирно стояли подле отца. Дома, случалось, тоже баловались с топорами. Не дело под руку лезть.

Кербога заметил вошедших. Острые лезья просвистели последний раз, он по очереди вмахнул их в колоду.

– Утро доброе, лыжный делатель, – сказал он Пеньку.

– Хвали утро вечером, – проворчал тот в ответ. – Пришёл вот взглянуть, кто моих сыновей разным разностям учит.

– Добро! – улыбнулся Кербога, приглаживая ладонью остатки волос. – Я сам давно хотел с правобережниками спознаться. Про вас, друг мой, столько всякого бают...

– Кто ж мешал? – спросил Пенёк. – Оботурам до Светыни не дохромать?

Скоморох вздохнул:

– Ты сказал: хвали день к вечеру. Я тешу людей, пытаю судьбу, но сам давно отчаялся угадать, что́ будет назавтра. Как говорят у нас в Андархайне: над головой облака, под ногами туманы...

Братья оставили взрослых вести скучные взрослые разговоры, передвинулись поближе к углу, где гадала Арела.

– Суженый твой близко, – доносилось оттуда. – А уж мимо пройдёт ли, от тебя одной только зависит.

Пришлось Опёнкам пересчитывать топоры, торчавшие в колоде. Их оказалось одиннадцать.

Тут братьев поманил на подвысь дед Гудим. Светел и Сквара заулыбались, сразу ощутили себя огненными Богами, единым духом взмыли на высокий помост: кощунить станем!.. Да не просто так, а перед отцом!.. Ничего чудесней вчерашнего они представить себе не могли, однако старый скоморох предложил им нечто иное и совсем неожиданное. И опять объяснил молча, но столь понятно, что Светел мимолётно

подивился: на что другим людям слова?..

И вот уже Сквара нырнул под широкое рогожное покрывало, повапленное белыми и серыми пятнами. Оно стало до того жёстким от краски, что внутри не вдруг угадывался человек. Это было понятно; так они и дома притаивались на охоте. Гудим распустил Светелу волосы, отчего тот окончательно стал похож на маленький подвижный костёр, вложил в руки деревянный меч. Светел крепко стиснул гладкую рукоять.

Бело-серое чудище медленно поднялось, ожившим сугробом поползло через подвысь.

Светел устремился навстречу, замахиваясь мечом.

– Пурга бушует дни и ночи, совсем со свету сжить нас хочет, – нараспев произносил Кербога.

Жог на всякий случай хмурился, в точности Сквара вчерашний: «это как?..» Однако молчал, по крайней мере не запрещая сыновьям лицедействовать.

А снежное страшилище легко поддаваться не захотело. Бело-серый сугроб вдруг принялся наседать и загнал «Бога Огня» на самый край подвыси. Светел даже спросил себя, не забыл ли братёнок, чего ради всё затевалось. Потом сам едва не забылся, еле удержал руку, готовую огреть «пургу» уже не на любки, а в полную силу.

Наконец в сражении обозначился перелом. Чудище стало пятиться, распласталось под градом ударов... и Сквара улызгнул в открытую прорубь, оставив пустое покрывало валяться на досках.

– Вот так огонь, горяч и молод, разит и гонит смертный холод, – проводил его Кербога. И добавил почти шёпотом: – Счастлив твой народ, лыжный делатель... Глядя на таких сыновей, начинаешь в самом деле ждать солнца...

Жог ответил так же тихо:

– Они помнят его. И никогда не забудут.

Наконец Облуша поднялась с раскладной скамеечки. Вчера она побрезговала идти к слишком юной гадалке, но девки возвращались такие довольные, что Облуша тоже решилась – и, кажется, не жалела об этом.

Опёнки подошли к Кербогиной дочке.

– Уедем ныне, – сказал Сквара.

Светел жарко покраснел, разучился говорить, просто вытащил свёрнутый поясок. Конечно, не верста Оборохиному, с его андархским бисером и шелками из тридевятого царства, но бесскверные шерстяные нитки были окрашены корой черёмухи, берёзы и дуба аж в семь разных

цветов. Верно же мать присоветовала захватить с собой мелкого узорочья добрым людям на подарушки...

Сквара улыбнулся:

– Будешь нас вспоминать.

Девочка спросила с неожиданным уважением:

– Небось тоже сам... смороковал?

– Не, – сказал Сквара. – Это он выткал. Мы с ним бёрдо соседской внучке сладили... надо ж попытаться, каково удалось. А он и заправлял, и нитки считал, и...

– Умница ты, – опустила глазки Арела. – Рукодельник. Братейку любишь...

Сквара поправил:

– Брата.

– А палец не тогда ли попортил?

Сквара засмеялся:

– Не... Гвоздь забивал.

– Гвозди забивать не умеешь?

– Думал, умею...

Светел начал чувствовать себя обойдённым.

– Новую кощуну бы повторить, – вздохнула Арела. – Теперь, поди, не успеем.

В шатёр заглядывала очередная девка, желавшая узнать всю как есть правду и о себе, и о будущем женихе.

Арела вытащила монету.

– Вот... Смотри.

Уложила сребреник на пальцы. Медленно, обозначая каждое движение, прогнала блестящий кружок туда и обратно.

Нетерпеливая девка решительно оттеснила братьев, прочно обосновалась на скамеечке. От длинного свёртка у неё на коленях веяло горячей рыбой и дымом.

Пришлось Опёнкам вновь устраиваться возле колоды. Сквара вынул из кошель запасное колечко от Зыкиной упряжи.

– Дай я!.. – загорелся младший.

Схватил колечко, устроил на костяшках, как показывала Арела. Оно сразу упало. Светел попробовал ещё. То же самое.

– Ей батюшка небось руку держал, – обиделся он.

Вернул колечко брату – и почти обрадовался, когда Сквара тоже его уронил.

Кербога не был бы ватажным вожаком, не умеи он с кем угодно

поладить. Суровый лыжный источник, пришедший разведать, чему это глумцы-андархи вздумали учить его сыновей, уже беседовал с ним чуть не свободнее, чем с тем же Берёгой. Забыв сердиться, гладил усы, смеялся кстати найденной шутке.

– А вот скажи, друг мой, – наконец спросил скоморох. – Слышал я в северной Андархайне легенду... То есть как легенду, громко названо... так, байку. Поговаривают, в день Беды наследный царевич, единственный сын праведного царя, был всё же спасён. Люди верят, будто крылатые псы выхватили его из огня и умчали в неведомый край, чтобы он вернулся возмужавшим, восстановил добрые времена... У вас на Коновом Вене ни о чём таком не рассказывают?

Светел, накрытый внезапным ужасом, прирос к земле. Захотелось самому стать монеткой, закатиться под помост, да поглубже. Сунуть голову в любой мешок погрознее – укрыть слишком приметные волосы. «Не то заберут...»

Жог остался невозмутим.

– Мы люди несмысленные, едим пряники неписанные, – отозвался он вроде даже с ленцой. – Вот встречу другой раз симуранов, надо будет спросить.

Оба засмеялись.

Светел решился выдохнуть. Сквара, сидевший на полу, потянул его за руку. Светел повернулся к нему, еле вспомнив, чем они с братом только что занимались.

Сквара натужно, медленно шевелил сплочёнными пальцами... и колечко шагало. Не так, конечно, как у Арелы. Не плясало – неуклюже топталось, грозя провалиться, но... шагало!

Этого Светел уже не смог вынести. Девчонка, которую он изо всех сил старался если не впечатлить, так хоть разозлить, смотрела только на Сквару. Даже хитрость с монетой как-то так показала, что у Сквары вышло, а у него нет!

Он сердито выдернул руку:

– Ну тебя! Я тоже так смогу! Ещё и получше!..

Сквара смотрел на него снизу вверх, не столько с обидой, сколько беспомощно. Он не знал, как унять внезапную ревность брата, потому что сам был к ней неспособен.

– Котляры!.. – закричали снаружи. – Котляры!..

Братья побежали вон из шатра. Пенёк вышел за ними.

Все последние дни во дворе только и разговору было что о котлярах.

Наслушавшись, Светел помимо воли ждал величественного пришествия. Десятки саней, запряжённых оботурами и собаками, а может, даже правскими лошадьми... Большой вооружённый отряд...

Выскочив наружу, он жадно завертел головой, но никакого поезда не увидел.

Из серой туманной стены, неся в руке снегоступы, вышел всего один человек.

На этом человеке сам собой останавливался взгляд.

А вроде ведь ничего такого особенного. Обычного роста, сероглазый, русоголовый, с недлинной бородой, поседевшей смешно – слева больше. И даже не андарх – левобережник. И вот поди ж ты... Осанка, постав головы, чуть ли не хватка руки, державшей простенькие чинёные лапки... Как не вспомнить Кербогу с его рассуждением о крылатых голосах, слышимых в любом согласии певчих. Только пришлый котляр был такой весь. У ворот собралось десятка три мужиков, и все на него смотрели, но он стоял перед ними, как Зыка или тот же Бурый – перед стайкой ничтожных деревенских севляжек. Не вздорил, но что-то внятно остерегало: не тронь. Пропадёшь.

Со двора нёсся полный кромешного горя вой Оборочи. От него по спине принимался гулять на тараканьих ножках мороз.

Из-за спин вышел Лихарь. Спокойно приблизился к чужаку, поклонился ему. Тот кивнул, как старому другу. Их руки встретились в приветствии, накрест упершись локотницами. Потом Лихарь встал у котляра за плечом, стал что-то говорить ему. Светел вдруг ощутил на себе взгляды обоих. Ему опять стало жутко. Почему-то не подлежало сомнению: эти двое возьмут всё, что захотят. И кого захотят. И так, как захотят. И никто их не остановит. Ни крепкие Звигуры, ни храбрые гости, ни...

Старший котляр вдруг зевнул, прикрыв рукой рот. Спросил:

– Где новая ложка-то? Недосуг ждать.

Ворота растворились наконец во всю ширину. Лыкастик тащился на ватных ногах, судорожно вцепившись в мать и отца. Лицо Оборочи распухло и побагровело от слёз, она голосила не переставая. Берёга Воробей молчал, но тоже шёл, как к обрыву. Двое работников несли за Воробышем санки, заботливо собранные в дорогу. Ещё один вёл рвущихся, взволнованных упряжных псов.

Старший котляр подавился на середине зевка, словно увидев что-то несусветно смешное.

– Это что ещё?.. – указал он на санки. И отмахнулся от Оборочи: – Мамонька, да закрой уже рот, не на кобылу сына ведёшь.

Его веселье получилось таким заразительным, что иные начали улыбаться. А Обореха, вбивавшая воздух для нового вопля, захлебнулась и действительно замолчала.

Котляр оглядел двор, вытянул что-то из ворота кожуха. Поднял над Лыкасином блестящий трилистник своей веры.

– Именем Справедливой Владычицы и по праву, вручённому праведными царями, я забираю это дитя!

– Дайте парню лапки какие ни есть, и пошли, – сказал Лихарь. – Всё, что надо ему, в обозе найдётся.

Воробыш незряче озирался. Мало того что его прямо сейчас окончательно и бесповоротно забирали из дому, так ещё чуть не голого. Подбежавшая чернавка совала ему снегоступы, небось первые попавшиеся, схваченные со стенки в сених, но он никак не мог взять их, пальцы отказывались смыкаться.

Кончилось тем, что Обореха оттолкнула чернавку, бухнулась перед сыном на колени, подвывая, принялась завязывать путца.

У неё дело тоже не особенно спорилось, потому что она прикасалась к сыну, наверное, в самый последний раз. Старший котляр повёл глазами налево, направо... Взгляд вернулся к правобережникам.

– А это у нас кто? – весело спросил пришлый. Ни дать ни взять купец, заприметивший на торгу новый и завидный товар. – Метили по воробьям, а тут соколята!.. Ну что, дикомыт, лоб не умыт? Которого себе на племя оставишь? Старшего, младшего?

Светела накрыло мокрым рядом, земля снова поплыла из-под ног. Жог покосился на сыновей.

– Ты шали, – проворчал он, – да меру знай. Тем не шутят, чего в руки не дают.

Светел вдруг обнаружил, что стоит за спинами отца и старшего брата. Нет, он не прятался. Он вообще не понимал и не помнил, как там оказался.

В руке смешливого котляра сам собой возник тяжёлый боевой нож. Заплясал, завертелся, обегая ловкие пальцы, являя то лезвие, то рукоять.

– А кто шутит? – поднял брови Лихарь. Кивнул пришлому: – По мне, младшего бы. Со старшим наплачемся.

Колени у Светела стали такими же ватными, как у Лыкасика. Палящая туча валилась на него, дыша гибелью, он больше не мог ни убежать, ни улететь. Никто не поможет.

Дальше всё произошло быстро.

Лихарь сдвинулся с места. Пошёл прямо к Светелу.

Жог поднял руку, загрозявая от него сыновей.

Нож спорхнул с пальцев смешливого котляра.

Без промаха нашёл руку лыжного делателя...

...И со стуком прибил её к тыну.

Жог охнул, изумлённо посмотрел на свою ладонь. Зарычал, потянулся освободить.

– Стой лучше смирно, – всё так же весело посоветовал пришлый. – Не то бабу двойней брюхатить придётся.

Жог замер. У котляра стремительно крутился в пальцах ещё один нож. Наверняка не последний. Звигуры, домочадцы и гости топтались, переглядывались, бормотали... Никто не возмущился в открытую, ни один не бросился выручать. Пришлый очень хорошо знал, что творил. Здесь, в Левобережье, никто ему слова поперёк молвить не смел.

– Я пойду, – вдруг сказал Сквара. – Меньшой – курёнок дрисливый, только гузном с полатей сажу мести.

Светел ошалел от такой несправедливости, очнулся и понял, что всё пропало. Наяву. Насовсем.

Лихарь подошёл к ним. Котляр был меньше Жога на полголовы, но чувствовалось: что захочет с ним, то и сделает. Он оглядел Сквару с головы до пят, хмыкнул. Предупредил Пенька:

– Потише держись, не то и без второго останешься... – Выдернул нож, позаботившись, чтобы лыжного источника согнуло от боли. Повёл Сквару туда, где уже стоял Лыкастик. – Ещё лапки давайте!

– Мои в собачнике висят, у двери, – деловито проговорил Сквара. – Звёздочками заплетены.

Он не оглядывался ни на отца, ни на брата. Вёл себя так, будто с младенчества хотел стать ложкой в котле, да случая не было.

С пальцев Жога капала кровь. Его трясло от бешенства и унижения, но посреди двора стояла смерть, готовая добраться до обоих его сыновей и до него самого. Здоровой рукой отец нашарил Светела, молча притиснул к себе.

– Этого заприте-ка в клеть да не выпускайте дня три, – кивнув на Пенька, весело распорядился старший котляр. – Знаю я их, дикомытов. Дров наломают, а ответ вам держать.

На нём был воинский пояс, кожаный, в знатном серебре.

Молодая чернавка смотрела на Лихаря мокрыми больными глазами.

Скваре принесли его лыжи. Котляры с новыми ложками пошли со двора.

Когда они скрылись в тумане, Обореха упала поперёк санок, собранных для Воробыша, и снова завывала.

Взаперти

Вечером отец и сын сидели в пустой клети.

То есть это Светел сидел под стеной, обняв руками коленки. Жог ходил из угла в угол. Когда нянчил обмотанную тряпкой правую кисть, когда складывал её в кулак и тыкал им в брёвна.

Так-то. Для ночлега им клети во дворе не нашлось, а как запереть – вот она.

Пополудни добрая девушка сунулась было покормить их. Жог рявкнул так, что она мигом исчезла, едва не выронив мису.

Какая может быть еда в доме, где не оборонили гостей?..

Левобережники Звигуры хоть и числили себя жителями Андархайны, однако замков у них до сих пор не водилось. Дверь просто подбили с той стороны колом потолще. Знали Жогову силу.

«Это я во всём виноват, – клевала Светела неотвязная мысль. – Я, я, я виноват...»

Скудный свет, сочившийся в поддверную щель, начинал уже меркнуть, когда младшего Опёнка позвали наружу – вывести Зыку. Хотели управиться без него, но кобель оказался не имчив. Поднял холку и ну зубами лязгать: порву!.. Светел взял его на поводок и вышел с ним за ворота.

Что Зыка понимал своим звериным умом, чего не понимал – поди разбери... Он почти сразу напал на следы, тянувшиеся в туман. Приник носом, улавливая запах Сквары... да как потащил!

Светел пытался остановить его, но кобель, привыкший к саням, был сильнее. Упираясь и скользя, Светел не удержал равновесия. Зыка проволока его по самой грязи. Сквару он начинал уже слушаться, Светела считал сосунком. Он остановился далеко на снегу, видно сообразив наконец, что меньшей хозяйский щенок всё же не скуки ради цепляется за верёвку и срывает голос, приказывая стоять.

Идя с ним обратно, Светел ощутил боль в левом плече. Налетел на что-то, пока по земле ехал?.. Нет, плечо было другое. Светел даже ворот оттянул, заглядывая под рубашку.

Увидел багровые отметины, оставленные цепкими пальцами.

Вздрагнул и вспомнил.

Вспомнил, как оказался за спинами.

Пока он торчал стойком, одурев и померкнув от страха, Сквара взял его за плечо, убирая с дороги. И встал на его место, заслоня собой.

Сквара, которого он обидел, ревнуя в глупой игре.

«Бог Грозы промолвил Богу Огня... За обоих нас я раны приму... Это я, я во всём виноват...»

Жёсткая была рука у Сквары, суровая, почти по-взрослому сильная...

Когда сын вернулся измазанный, на Жога стало страшно смотреть.

– Кто?.. – только выдохнул он.

– Зыка сшиб, – сказал Светел.

Отец отвернулся и так двинул кулаком в стену, что отозвались стропила.

Светел невольно посмотрел вверх... и долго не опускал глаз.

– Атя, – сказал он погодя. – Если пособишь... Я вышел бы ночью. Гляну хоть, где Сквара.

Жог оглянулся. Застонал сквозь зубы:

– А ещё и тебя словят?..

Светел даже удивился:

– В лесу?..

Жог здоровой рукой рубанул воздух:

– Не велю!..

Светел притих, снова стал смотреть вверх, пока летние сумерки позволяли кое-что видеть.

Отлогая кровля была, по исконному северному уставу, берестяная. В жилой избе поверх берёсты лежал бы ещё дёрн, но кто станет дернить холодную клеть? Если бы отец посадил, он сумел бы украдкой сдвинуть берёсту. А там через тын, на лапки – и лесом. Лапки он, кстати, нарочно ради этого в собачнике не покинул...

– Атя...

– Цыц, сказано!

Светел уткнулся носом в колени и больше не раскрывал рта.

Ещё ему хотелось полечить Жогу руку, но он не смел предложить. Что-то подсказывало: эту боль отец ему не отдаст.

Царила уже кромешная темь, когда наверху зашуршало. Светел сразу вспомнил про кошку, но там явно копошился кто-то потяжелей. Потом закрипела берёста. Внутрь проникло немного слабого света.

– Идёшь или стряпать будешь, Опёнок? – прошипел голос.

Северное небо никогда не бывает совсем чёрным. И летом в особенности. Наверху мрели косматые тёмно-серые тучи. Ближе трепетали на ветру непослушные кудри Арелы.

Отец вдруг повернулся, схватил Светела и высоко поднял, вознося к самым стропилам. Светел уцепился за край, подтянулся, вылез в дыру.

Посмотрел внутрь.

Глаза у Жога Пенька были горестные, отчаянные и свирепые.
– Вернись только, – шепнул он сыну и протянул снегоступы.

Светел и Арела пробирались по лесу. Деревья над ними раскачивались и гудели. Снова начиналась метель. Это было хорошо: прикроет следы. Дуло с севера. Коновой Вен словно гнал прочь насильников, посягнувших на его свободных детей.

Становище котляров обнаружилось в нескольких верстах, на придорожной поляне. Его легко было найти по свету костров, по запаху дыма. Здесь Светел увидел всё то, чего ждал утром. Большие сани с болочком, улёгшихся оботуров, просторный шатёр... Дозорных с копьями, протоптавших тропинку возле костров...

Арела и Светел осторожно подобрались с подветренной стороны. Таясь в застругах, Светел смотрел на лагерь, уже понимая, что пришёл зря. Не получится у него ни увидеть Сквару, ни попрощаться. Он вернётся в Житую Росточь, проползёт обратно в дыру, и отец подхватит его на руки, чтобы услышать: «Атя... оплошал я...»

Светел поёрзал в снегу. Покосился на Арелу:

– А у тебя правда жених есть?

Девочка кивнула:

– Правда.

Светел вздохнул:

– Красивый?

Она пожала плечами:

– Не знаю. Я его и не видела.

– Ну да!

– Вот и да. Нас ещё до рождения сговорили. А тут Беда и... ну...

– А зовут как?

– А ты никому не скажешь?

Светел задумался. Пробурчал:

– До земли скрести долго. А то я землёй бы поклялся.

– Йерел.

– А ты – Арела, – удивился Светел. – Похоже.

– Нас потому так и назвали. Только он Орёл, а я – Обещание.

– Это я понял...

– Ты похож на андарха.

Светел промолчал.

Арела вздохнула:

– Я тебе свою тайну открыла.

«Было бы что открывать! Про какого-то жениха...»

– Моя тайна невелика, – ответил он неохотно. – Засыновлённый я. В животы принятый. Мои все... в Беду...

Арела хотела ещё о чём-то спросить, но Светел схватил её за руку, насторожил уши. К гудению сосен примешался звук, от которого у него радостно подпрыгнуло сердце. В лагере котляров, в обмётанном снегом шатре негромко пели кугиклы.

«Сквара! Живой...»

– Не реви, – сказал Сквара Воробышу.

Тот вытер кулаком нос, огрызнулся:

– Тебе хорошо!..

Сквара удивился, спросил:

– Чем хорошо-то?

Лыкастик не нашёлся с ответом.

Лихарь, шедший впереди, обернулся:

– Тут мамки нет, утешать не прибежит. А к нам реветь без толку.

Старший котляр засмеялся. Весёлый он, похоже, был человек. У него и прозвание отдавало шальным удальством: Ветер. Такого сильного и ловкого воина не всякий день встретишь. Если бы он как-нибудь по-другому показал свою ловкость с ножом, Скваре он, может, даже понравился бы.

Когда пришли в становище, у мальчишек отобрали пояса, пустили в шатёр к остальным ложкам. Там не было ни костра, ни жаровни. Толстые суровые стенки прикрывали только от летящего снега. Навстречу новеньким обернулось десятка два лиц. Ребята были разного возраста, и ровесники Скваре с Лыкашом, и помладше. Вплоть до таких, что наверняка не помнили солнца.

Ещё не обвыкшись в потёмках шатра, Сквара почти сразу споткнулся о кого-то из малышей. Нагнулся повиниться – нашарил полураздетого мальчонку, скрючившегося на полу. Под руками Сквары малыш съёжился ещё больше.

– Не... бей... – просипел он и всхлипнул. – Ничего... больше нету...

И надсадно закашлялся. Кто-то слупил с него не только меховой кожушок, но и верхнюю рубашку.

Сквара поднял мальчонку. Для начала натянул на него свой собственный кожух, просторный, нагретый у тела. Надвинул на растрёпанную голову куколь. Ему самому было пока не холодно после

скорой ходьбы. Потом он стал оглядываться, приучая к полумраку глаза.

Обидчика он распознал без труда. Крепкий светловолосый парнишка насмешливо улыбался, сидя не просто на толстом охвосте своего кожуха, а на чём-то более мягком. Сквара выпустил мальчика – тот беспомощно завалился и опять свернулся в клубок, – поднялся и, перешагивая чьи-то ноги, пошёл в середину шатра.

– Отдал бы, – сказал он светловолосому.

Тот немедленно распознал окающую помолвку.

– Да никак дикомыт!.. Что, и вас до котла допустили?

– Не, – сказал Сквара. – Меня сильно взяли... Ты отдай кожушок-то. Не срамничай.

Улыбка паренька стала глумливой.

– Нас тут пристыживать некому. Без выкупа не отдам!

– Хорошо, – кивнул Сквара. – Я тебе на кугиклах сыграю, добро?

– Добро.

И светловолосый ёрзнул, пересаживаясь удобнее.

Сквара вынул из нагрудного кармашка кугиклы, заиграл. Конечно, не братскую колыбельную, к которой Кербога придумал такие грустные и неправильные слова. Просто песенку, подслушанную на купилище в Торожихе. Потом другую и третью.

Ребятня сдвинулась теснее. Новые ложки могли хорохориться сколько угодно, а только расставание с домом ни одному из них легко не далось.

– Добро? – спросил Сквара, глядя на светловолосого.

Тот, чувствуя себя всесильным хозяином, лишь заулыбался шире прежнего:

– А теперь покажи, как у вас на Коновом Вене пляшут.

Сквара подумал. Снова кивнул. Взмахнул руками, присел... Но вместо плясового коленца схватил обидчика за ногу, опрокинул назад. Парнишка от неожиданности свалился и несколько мгновений барахтался на полу. Сквара поднялся, держа в руках кожушок.

– Рубашка где? – спросил он негромко.

Светловолосый вскочил, что-то бормоча наполовину грозно, наполовину плаксиво. Бросился на дикомыта. Сквара отшагнул, молча приласкал обидчика, как научил когда-то отец. Локтем под подбородок, возвратным движением кулака – в нос.

В углу кто-то завозился, стаскивая с себя лишнее. Скваре из рук в руки передали вязаную рубашку.

Он вернулся ко входу, одел малыша, сел и устроил его перед собой, чтобы надёжнее обогреть.

Светловолосый ощупывал нос, бранился – невнятно, но угрожающе.

– Зря воевать лезешь, – сказал Скваре мальчик из старших. – Пестунчик твой всяко не жилец. Лихарь баял, если до утра и додышит, всё равно у дороги бросим.

– Не тащить же, – подал голос другой.

Сквара сдвинул брови:

– А в сани? А в зеленец отдать?..

Мальчишка в ответ пробурчал:

– Про то не нас спрашивай, а Лихаря с Ветром... Меня, если что, Дроздом кличут.

– Тут всяк сам за себя, кто крепкий, дойдёт, – добавили из потёмок.

Сквара нахмурился круче.

– Вот помрёт, – сказал он, – тогда рухлядь и заберёте. А до тех пор тронет кто, зашибу.

Больше его не цепляли. Прежде неоспоримым вожакom был светлоголовый Хотён. Теперь Хотён держал в горсти расквашенный нос, но дикомыт на его место, кажется, не посягал... Вот забота, кого держаться, как быть?

Между тем хворый парнишка немного отогрелся, даже стал шевелиться.

– Ты чьих будешь? – шёпотом, чтобы не напугать, спросил его Сквара.

– По... Под... Оз... зно...

– А мы... к Воробьям в гости зашли, – в свой черёд сказал Сквара. – У тебя лапки, что отец мой сработал.

Ознобиша запрокинул голову, думая увидеть лицо, но глаза никак не хотели открываться.

– Ты... ты... Све...

– Не. Старший я. Скварой люди зовут.

– Теперь иначе звать станут, – проворчал из темноты Дрозд.

Сквара передёрнул плечами:

– Ну и ладно. Хоть горшком, только чтобы в угли не ставили.

Кто-то неуверенно засмеялся.

На закате дали поесть.

Ни к какому общему котлу новые ложки приглашения не удостоились. Не заслужили пока. В шатёр просто сунули корзину с лепёшками из болотника. Они оставляли горьковатый привкус во рту, но были по крайней мере жирны. Корзину поставили прямо там, где сидел Сквара. Кажется, лепёшки в самый первый раз оказались поделены справедливо.

Ознобиша есть сперва отказался. Пришлось уговаривать, заставлять.

Это у печки на пустое брюхо можно болеть. На холоде не получится.

Вяло дожевав, Ознобиша спросил:

– Ты моих... видел? Отика, маму?..

Кривить душой не хотелось, но и добивать мальчика чудовищной вестью было нельзя.

– Не, – сказал Сквара.

Настала ночь. Иные спали, но некрепко. То один, то другой вставал разогнать онемение, попрыгать с ноги на ногу, похлопать руками. Малышня постепенно переползала поближе к Скваре и Ознобише.

– А ты «Лебедь плакала» умеешь? – спросил неуверенный голосок.

– Умею.

– А «Журавлики вернулись»?

– Напоёшь, попробую, – пообещал Сквара.

– А и напою... Слушай вот!

Кугиклы тихонько ворковали впотьмах, вплетали свой голос в свист ветра, в глухое гудение леса. Никто не шугал Сквару, не просил замолчать. Тем, кто спал, наверное, снился дом.

– Уйдём, может? – спросила Арела. – Мне-то воля, а тебя во дворе увидят... Не прибили бы.

Светел отвечал равнодушно:

– Совсем убить постыдуются, а синяков не бояться стать.

Он почти неотрывно смотрел на шатёр, где то смолкали, то снова подавали голос кугиклы. Он даже не чувствовал ни холода, ни сонливости, словно братейко-огонь в самом деле грел его, незримо дотягиваясь из поварни. Может, так оно вправду и было. Светел уже трижды менял лёжку: снег таял. Ему было не до того, чтобы думать об этом. Он, наверное, сумел бы обмануть дозорных, даже в шатёр влезть. Но вот потом... «Вернись», – попросил атя. «Мне без тебя только голову останется сложить», – гласило несказанное. Поэтому Светел просто лежал, хоронясь в заснеженных ёлочках, и смотрел.

Перед рассветом лагерь зашевелился. В шатёр вошли котляры, слышался плач. Похоже, иные из младших только пригрелись, сбившись рядком.

Светел вдруг как-то очень по-взрослому понял, что никогда больше не сможет равнодушно слушать ни такой плач, ни песню кугиклов.

Шатёр стали сворачивать. Отвязали растяжки, свернули полотнища, вместе со срединным шестом унесли в сани. В плотных сумерках на снегу возились, затягивали путца снегоступов десятка два человек.

Светел приподнялся на локтях.

Где же Сквара?

Человечки сдвинулись с места, побрели вслед саням, один за другим растворяясь в струях позёмки.

Тогда Светел различил брата.

Долговязый мальчишка шёл, наклонившись вперёд. Нёс на закорках кого-то меньше и слабее себя, кругом теснилась мелюзга. Скварко...

Светел сам позже понять не мог, как это он сумел удержаться, не выскочил из сугроба, не бросился к брату. Но – сумел. Поезд котляров скрылся в метели, а Светел с Арелой выползли из ёлок и пошли обратно в Житую Рostочь.

– Он сбежит, – сказал Светел. – Вот отойдут подальше, чтобы не погнались, и сбежит.

Арела вздохнула:

– Не сбежит.

– А вот сбежит! – вспыхнул Светел. – Сквару не знаешь!

Арела снова вздохнула:

– А ты котляров не знаешь. Они всё равно погонятся. И поймают. Они всегда ловят отступников. И предают страшной казни, чтобы другим было неповадно. Рассказать, что с ними делают?

Светел гордо отмолвил:

– Сквара не побоится!

Дочка скомороха посмотрела на него, точно старая бабка, близко видевшая такое, о чём он и понятия не имел.

– За себя, может, не побоится, – сказала она. – А вот за тебя, за батюшку вашего, за мамку...

От её слов веяло ледяной жутью и какой-то окончательной правдой. Светела точно ударило. «Дядька Деждик... тётя Дузья... и Ознобишу кто-то увёл... А вдруг тоже они? Если Ивень что-нибудь натворил?..»

Воображение мигом нарисовало ему атю и маму распластанными в кровавом снегу. До всего тела немедленно добрался мороз.

Всё же он упрямо пробормотал:

– Пустит их кто на Коновой Вен...

Арела ответила с невесёлой насмешкой:

– Будут они дозволения спрашивать. Ты увидишь гостя на торгу, а на самом деле он за твоей головой пришёл. Ты даже и понять не успеешь.

Больше всего Светелу хотелось проснуться в знакомом лесу, между отцом и братом, и чтобы Зыкин мохнатый бок придавил ноги. Он с силой

зажмурился, потом открыл глаза. Ничего не изменилось. Северный ветер по-прежнему втыкал ледяные иглы в лицо. Позади шла Арела.

Светел всё не мог смириться:

– Я сам их всех в землю закопаю, что не найдут. Вот велик поднимусь...

– Их унять царю только под силу, – сказала Арела. – А праведных царей теперь нет. Одни царевицы, да и те младшие. – Помолчала и вдруг добавила: – Вы двое мне стали как братики... Давай ты мне на вечный век братиком будешь, а я тебе – сестрицей?

– Давай, – кивнул Светел.

Арела потянула его за руку, обняла. Он наступил лапкой на лапку и тоже чмокнул её, попав губами в ухо и забитые снегом рыжие кудри. На сердце почему-то сделалось легче.

– Я тропить буду? – попросилась Арела.

Он даже не оглянулся.

Было уже совсем светло, когда открылась дверь клетки. Внутри с тумаками и руганью закинули Светела. Жог, сидевший в углу, мигом вскочил и с глухим рыком бросился вершить святую расправу, но порога пересечь не успел. Дверь бухнула, с той стороны заскрипел кол.

– Атя, да целый я, – сказал Светел.

Жог сгрёб его в охапку, усадил подле себя, стал рассматривать.

Звигуры всё же выместили на мальчишке свой страх. Одно ухо побагровело и кровоточило, губы вспухли, левый глаз заплывал. Жог опять зарычал, тихо и страшно.

– Я брата видел, – похвастался Светел. – Утром уже. Он споро шёл, ходко, живой был. Ещё кого-то на спину взял. И на кугиклах ночью играл, чтобы ребятёнки не плакали, вот.

Руки отца на какое-то время стали совсем каменными. Потом Жог спросил:

– На спину? Не видел кого?

– Далеко было, не разглядел, – сказал Светел. – Только слышал, тот кашлял.

Жог хрипло выдохнул. И не стал больше расспрашивать.

Светел вдруг сказал:

– Я взрослым стану, атя. Я к самому главному вельможе пойду. Я знаки ему покажу. Я Сквару...

– Ты вырасти сперва, – прошептал Жог. – Будешь жив, тогда и меч в руки найдётся.

«Сбереги себя, Огонь, сбереги...»

Светел опустил голову:

– Только бы Сквара дождался...

– Дождётся, – сказал Жог.

Строптивного Опёнка не хотели больше выпускать из клетки, но пришлось. Зыка в собачнике рвался с привязи, лязгал страшными зубами и выл так, что не умолкали все остальные упряжки. Зато Светела кобель встретил, словно год его не видал. Вскинулся на плечи, умыл расквашенное лицо... и мирно дал себя выгулять. Никуда больше не стремился, не тащил по следам. Вернувшись, сгрыз свою рыбину, улёгся спать возле санок.

Вечером отец с сыном, обнявшись, молча сидели в клетке и только надеялись, что новая ночь окажется последней. Неожиданно снаружи прочавкали по талой грязи шаги, влажно закрипела дверь, и кто-то впустил к ним Кербогу.

Жог посмотрел на андарха так, словно тот был виновником всех его бед, и опять уставился в пол. Светел тоже сперва хотел промолчать, но вспомнил о новом достоинстве, коим облекла его Арела.

– Можешь ли гораздо, дядя Кербога?..

Скоморох сел против них, прислонился спиной к двери, положил на колени потёртую кожаную коробку. Внутри певуче звякнули гусли.

Жог наконец перестал высматривать на берёсте следы пропавшего сына. Нехотя поднял голову:

– Почто пришёл?

Кербога ответил без запинки:

– Хочу кое о чём рассказать тебе, лыжный делатель, а пуще мальчонке. Песню сыграть хочу.

Жог удивился:

– А я чего-то не знаю?.. – Помолчал и добавил: – А песни твои у меня сказать где сидят?..

– Догадываюсь, – кивнул скоморох. – Вот что, северянин, не вели казнить, вели слово молвить... а ты, маленький огонь, слушай.

Беседуя, он мешал северную и андархскую речь. Из-за этого Светел никак не мог решить, что звучало: просто слово «огонь» – или его первое имя. Это тревожило.

– С тех пор немало воды утекло: почитай, лет двести прошло, – начал Кербога. – Тогдашний праведный царь объезжал украины державы, как велось встарь. И Шегардай-города не миновал, самого северного,

что у границы стоял. И увидел, как у Последних ворот молчал юный вор, крепко закрыв рот, хоть его без пощады секли на кобыле, со спины всю шкуру спустили...

Без пощады значило насмерть. Светел зачарованно слушал. Он, конечно, знал это предание, ведь его вспоминали всякий раз, когда заводили речи о котлярах и котле. Только не каждый его рассказывал так, как Кербога.

– Царь сказал палачу: «Постой-ка!» – и похвалил парня за стойкость. Потом спросил, какое такое зло пригожего малого до греха довело. Едва живой смертник исповедался сиротой и рассказал царю о братишках: сам, мол, шестой. За ломаный грош батрачил, младшие кто болел, кто на улице кланчил. Он и не помнил, когда был сыт, вот и позабыл стыд. Всесильный владыка не погнушался проверить, во всём ли тот вор сознался. Оказалось – не приврал ни самую малость. «Да расточится держава, где у сирот лишь на милостыню и крадьбу остаётся право!» – сказал царь. И тотчас отрядил толкового вельможу, чтобы улицами ходил. Велел собирать сорванцов, торить их воинами, писцами, ремесленниками, учениками жрецов. Бродяжки впервые ели досыта, отмытые добела, черпая из одного котла. Стал тот закопчённый котёл для них именем, символом и святыней, а Последние ворота – местом поклонения, чтимым доныне...

Старинная притча до сих пор жила в детской игре. Только ребятишки играли в шегардайского «коня», ибо всеу поминать кобылу палача казалось страшновато. Зря ли гласила та же легенда, будто замученный брат всё-таки умер.

– Потом семьи, жившие в нищете, сами повадились отдавать котлярам детей. Сыновья достигали завидного положения и, случалось, вытаскивали родню из скудного унижения. Спустя ещё немножко народы-данники себе запросили ложки. Это считалось почётным...

Светел знал: Воробыи не один год завидовали Подстёгам, проводившим в котёл сына Ивеня. Добивались той же чести Лыкасику.

Но никто и никогда не уводил детей силой. И подавно не посягал на сыновей свободного племени, жившего за Светынью. До сего дня...

А Кербога продолжал:

– Ты, лыжный источник, верно подметил: нам ведомы все жреческие искусства на свете. Мы с Гудимом и правда жрецами были, святые ризы носили. Мы славили Справедливую Мать...

Жог внимательно слушал.

– Мой учитель начинал служение ещё в те времена, когда людям было позволено верить, что Мать Морана не только карает: и милует, и смеётся

Она. В нашем храме не чурались доброй шутки, послушание было радостным, а не жутким. Потом Круг Мудрецов велел придать Ей лик не улыбки, молитву же сделать грознее дыбы. Учитель не оставил смеяться, и по приказу Круга ему урезали язык. Хотя это мне должно было стать туго, ведь ту злосчастную службу сочинил я. – Кербога прихлопнул ладонями по коробке, гусли снова отозвались. – Знаю, северянин, тебе дела нет до жрецов Андархайны с их ничтожными распрями вокруг святой тайны... Но надобно тебе знать, что котёл, каким он был рано, воздвигался во имя Справедливой Мораны. Там и сейчас Её верные всем заправляют, а Её с некоторых пор называют – Морана Смерть...

Жог тихо спросил:

– Что ты этим хочешь сказать?

– Твой старший сын показался мне славным парнишкой, – ответил Кербога. – Что в нём рассмотрят Ветер, Лихарь и другие мораничи, я предсказать не могу. Может, поглядят, как он малышей под крыло берёт, и один из царевичей обретёт в нём сановника, опекающего сирот.

Светел с надеждой поднял голову. Он-то уверенно знал, как будет дальше со Скварой, и хотел об этом поведать, – и пусть его наградят подзатыльником за то, что без спросу встрял в разговор взрослых!

Но Кербога тяжело вздохнул и закончил:

– А может, его решат сделать изошрённым убийцей, чтобы исполнял волю Мораны... как она им видится. Я и предполагать не отваживаюсь, что теперь делается в котле.

Светел всё-таки подал голос:

– Сквара не такой!.. Он не станет!..

Кербога грустно ответил:

– Ты прав, маленький огонь, он не такой. Я тоже не думал, что выучусь метать топоры и буду зарабатывать свой обед, гадая служанкам.

Жог молчал. Лицо у него было серое.

Кербога вытащил гусли:

– Я обещал песню...

– Шёл бы ты, скоморох, – почти попросил Жог. – Ещё не довольно наговорил?

Кербога покачал головой:

– Я не враг, северянин, чтобы ты на меня злился. Я не душу травить явился. На мне вина за то, что творят люди моей веры, поэтому я пытаюсь хоть как-то помочь.

Он положил руки на струны. Светел даже не видел, чтобы двигались пальцы. Вещие гусли словно сами собой вздохнули, запели, заговорили.

Светел внутренне сжался, он ждал злополучной колыбельной или чего-то подобного, но услышал иное.

Под беспросветным небосводом
Клубится снегом темнота,
А молодого воеводу
Несёт дружина на щитах.

Песня вроде не имела отношения ни к Скваре, ни к котлярам. Она была о храбреце, который не пропустил врага в родную страну, но сам был покалечен в жестокой битве и угодил в плен.

Стянув кровавой тряпкой раны,
Он молча вытерпел позор.
Плелись цепные караваны
Сквозь серый дождь – на рабский торг.

Неласковая судьба выпала пленнику, и всё же он ушёл из оков, утёк от погони, выжил в лютой пурге. И вот показался вдали милый северный берег, замаячили в тумане родные холмы... Но где взять сил, чтобы одолеть последние вёрсты?

Терпи, надорванное сердце,
Ещё успеешь отдохнуть...

Кербога играл очень тихо. И пел в четверть голоса – только для них. Когда гусли смолкли, Светел выждал немного, потом отважился спросить:

– Так он дошёл, что ли, дядя Кербога? А почему его на щитах несут? Оттепелью нашли?..

Скоморох убрал гусли в коробку:

– А это тебе решать, маленький огонь.

Светел покосился на отца. Жог Пенёк сидел закрыв глаза, осунувшийся и постаревший. Светелу показалось, будто седых прядей у него надо лбом стало против прежнего вдвое.

В дороге

Когда оботуры начали отдуваться, пробиваясь в снегу, вперёд выгнали мальчишек. Полозновицу, оставленную санями по дороге сюда, успело замести по колено, спасибо хоть на том, что ледяного черепа не намёрзло. Новые ложки привычно засновали лапками, уминая и раскидывая косые белые гребни. Навьюченный Сквара двигался тяжелее других, но, когда наступал черёд рушить целик, выходил и рушил. Малышня по-прежнему толкалась за спиной, боясь отойти. Ознобиша пытался держаться за кожух, но через рукава получалось плохо, а варежки он потерял. Временами малыш силился говорить, начинал сбивчиво о чём-то рассказывать, потом смолкал и лишь часто дышал Скваре в шею. От него пышело жаром. Похоже, дела у сироты были по-настоящему плохи.

Когда Сквара, взопревший и красный, в сто первый раз свалился назад, к нему по готовому тору на широких беговых лыжах подошёл Ветер.

– Что не бросишь? – спросил весёлый котляр. – Умаешься эдак, завтра совсем ног чуять не будешь.

Сквара перевёл дух, ответил:

– Не брошу. Атя своих покидать не благословил.

Ветер засмеялся:

– А у тебя надея осталась родителя повидать?

Сквара покосился на Лихаря, подошедшего с другой стороны.

– Надеючись, – пробурчал он, – и оботур рогами наподдаёт.

Теперь котляры смеялись уже вдвоём.

– Учитель, – сказал Лихарь. – Воля твоя, а я паршука отобрал бы да об дерево головой.

В нём угадывался недавно повзрослевший юнец. Гордый каким-то подвигом и жаждущий продолжения. Сквара всем телом повернулся к нему, постаравшись и Ветру спину не подставлять. Хотя умом знал – бесполезно.

– Я те отниму!

Лихарь снова заулыбался:

– Учитель, воля твоя... вразумлю ощеулку?

Сквара оскалил зубы. Схватка намечалась безнадежная. Хотён с дружками оглядывались, боялись что-нибудь пропустить.

– Бить надо, кто плачет, а наставлять, кто слушает, – задумчиво проговорил Ветер. – Этот сам себе казнитель, ему других не надобно. Пусть несёт, коли охота. Щады запросит или с рук спустит – мозглёнка

в сугроб, неслушь в кулаки. Всем любо?

Сквара промолчал. Лихарь поклонился.

– Иди тропи, дикомыт! – крикнул Хотён, недовольный, что обидчик увернулся от колотушек.

– Учитель, воля твоя, всё же надо было младшего брать, – вновь начал своё Лихарь, когда котляры вернулись к саням. – Тот как воск, что вылепишь, то и будет...

– Дурак ты, – сказал Ветер.

Лихарь поклонился и замолчал.

Когда наконец клеть растворили, дикомыты вышли молча и не глядя ни вправо, ни влево. Берёга Звигур хотел было помочь вытаскивать из собачника санки. Он пытался утешать, говорил что-то о великой доле, коей удостоился Сквара... Пенёк отпихнул бывшего друга. Не пожалев больной руки, всё сделал сам. Светел бегом принёс из амбара остатки припасов. Народу во дворе было вовсе немного, гости заспешили по домам ещё накануне. Кто-то уложил на санки мешок со съестным. Мешок сразу полетел наземь. Пенёк с сыном выволокли санки на снег. Светел пристегнул Зыку. Походники зашагали на север.

Жог сразу встал впереди и с места погнал так, словно пытался избыть горе и срам, размыкать по целику. Саный след немедленно заметала позёмка.

Светел несколько раз подходил к отцу, просился тропить, но тот его прогонял. Пенёк даже не пытался искать знакомых дорожных примет – дрался на мах, неторником, только чтобы скорей.

К вечеру Подстёгин погост остался далеко в стороне. Светел так и не разглядел ёлок, порождённых то ли разными корнями, то ли одним. Как весело собирались они бежать здесь назад, с новыми вестями, с завидными рассказами, со сладкими Оборихиными гостинцами... с душистыми пряничками...

К этому времени Светел уже плохо различал впереди пятки Жоговых снегоступов. Не из-за сумерек, просто потому, что в глазах плавала муть. Отец шёл с прежней яростью, будто вовсе не собирался останавливаться до самого дома. Светел вынужден был поспевать. Не жаловаться же, действительно.

Раньше за них обоих пожаловался бы Сквара. «Атя, – молвил бы он, смеясь, – что не дашь передыху? Совсем мы с тобой мальчика уморили...»

Скварко...

На бедовнике, на полпути до пустых прибрежных болот, мудрый Зыка

принял решение. Остановился, лёг, скрестил передние лапы, устроил на них голову. Я, мол, тут пока поживу. Лыжный делатель обернулся с кайком в здоровой руке – поднять лодыря. Однако посох замер, не опустившись. Жог увидел потускневшего и тощего сына, пытавшегося не свалиться подле саней.

Тогда он впервые с утра раскрыл рот:

– Отпрягай. Здесь заночуем.

– Ты меня... у дороги сложи, – сипел Ознобиша. – Я ничего... я засну... тебе щада...

Сквара отвечал почти так же сипло:

– Ты мне... не с поля вихорь... чтобы в снегу покидать.

Он стискивал одну руку в другой. Пальцы немели и съезжали, он их перехватывал. Иначе всем смерть.

Лихарь смотрел косо и зло. Словно мешок денег поставил на то, что Сквара не сдюжит, и уже опасался проигрыша. Опёнку, впрочем, было особо не до того, чтобы смотреть на него или на Ветра. В ушах стоял гул, он боялся не услышать крик «Тропи!» и промешкать, ведь тогда котляры решат, что он сдался.

Он даже не сразу сообразил, что сани остановились.

– Иди шатёр воздвигать, – сказал Ветер.

Сквара повернулся к нему.

– Да ссади уже мальчика-то, – расхохотался котляр. – Твоя взяла, дикомыт. Завтра в сани возьмём.

Сквара попытался поставить Ознобишу, но вместо этого сам осел на колени, придавленный неожиданной тошнотой. Он задохнулся, близко увидел перед собой снег... А на снегу – отпечатки лапок.

Они сразу показались очень знакомыми. Здесь прошагал тот, кто из меткого самострела всадил в спину болт несчастному Деждику. А потом подошёл к тёте Дузье, пытавшейся приподнять мужа.

Поверх следа возникли носки широких беговых лыж.

Сквара поднял голову и сказал Ветру:

– Отдал бы пояс-то.

– На что тебе?

– Нож, как ты, крутить поучусь.

– Нож крутить?.. С лучинкой натореешь, там поглядим.

Пока разом ослабший Сквара с уцепившимся за него Ознобишей ковыляли кругом саней, шатёр уже подняли. Мальчишеский народец успел набиться вовнутрь. Сквара не столько сел, сколько свалился на привычное

место у входа. Ознобиша прижался к нему. Младшие ребяташки окружили обоих, кто-то заговорил с Ознобишей, кто-то натягивал Скваре куколь на мокрые всклокоченные вихры. Дрозд заботливо спрашивал, не потерял ли он кугиклы.

Вошёл Ветер, за ним Лихарь. Мальчишки сразу притихли.

Сквара поднял голову. Ветер держал в руке самострельный болт. С острым гранёным железком и коротким толстым древком, расширявшимся кпереди. Сквара хотел рассмотреть болт, но Ветер проворно закрутил его в пальцах.

– Дай руку.

Сквара протянул руку, обрадованный, что котляр решил показать ему свою хитрость. Однако Ветер вдруг цепко взял его кисть и... быстро кольнул наконечником в мякоть ладони.

Юный правобережник вскочил, сжал кулаки, уязвлённый болью, а пуще того несправедливостью. Потом что-то случилось. Кулак разомкнулся, рука отнялась и повисла. Коленки начали подгибаться, но совсем не как от усталости. Сквара прислушивался к собственному телу, не желая верить тому, что с ним творилось. Наконец из него словно выдернули все кости. Сквара обмяк, свалился, неуклюже подогнув проколотую руку. Он поводил глазами, но не мог ни шевельнуться, ни молвить внятное слово.

– Он кому-то из вас вчера нос разбил, – сказал Лихарь.

Хотён сразу выступил вперёд:

– Мне!

Лихарь кивнул:

– Отверстайся, если хочешь.

Хотён подскочил к Скваре, принялся пинать. Дружки с готовностью последовали за вожаком.

Ознобиша закричал и на четвереньках устремился им под ноги. Оборонить Опёнка он не надеялся, но хоть собой прикрыть... Лихарь с Ветром даже переглянулись, когда следом за Ознобишей подбежал Дрозд, потом ещё несколько мальчишек помладше. В шатре началась драка.

Лыкаш жадно смотрел на потасовщиков, но не вступал. Не знал, чью сторону выбрать.

Тем временем Сквара на полу начал дёргаться, сперва судорожно, потом всё осмысленней. Подняться не получалось. Дотянувшись, он сцапал Хотёна за ногу. Свалил и подмял.

Котляры снова переглянулись. Ветер кивнул.

Вдвоём они быстро раскидали драчунов в разные стороны.

Обозлённый Сквара так вцепился в полузадушенного Хотёна, что, казалось, убить было проще, чем отодрать, но, конечно, двое старших мигом победили его.

Хотён хватал ртом воздух, тёр намятую шею. Сквара тоже хрипло дышал, заново учась двигать ногами.

– Уразумели вы то, что должны были? – спросил Ветер. – Не бей лежащего, он ведь и встать может... Или уж бей так, чтобы вовсе не встал. Ещё кто возьмётся без дозволения кулаки чесать, накажу! – И вдруг обратился к Скваре: – Где палец попортил?

Дикомыт размазывал кровь по верхней губе. Одетого в толстый мех поди запинай, но Хотён метил в лицо. Сквара блеснул светлыми глазами, ответил дерзко:

– В носу ковырял!

Ветер ему отвесил затрещину. Сквара прынул уклониться, но какое там. Пол-лица онемело, кровь потекла гуще.

– А ты говорил – младшего, – сказал Лихарю Ветер.

Светел был уверен, что свернётся под боком у отца и заснёт мёртвым сном... Как бы не так. Сон не шёл. Светел то уплывал в неглубокое забытье, где горели далёкие костры и детскими голосами плакали кугиклы, то открывал глаза и не мог взять в толк, куда делись дощатые стены собачника. Когда он в третий или четвёртый раз встал разогнать онемение, до него вдруг дошло, что отец с вечера так и лежит недвижно. Индо на другой бок не повернулся.

– Атя?..

Добиться ответа удалось не сразу. Сын дёргал его и тряс, даже щёки варежкой тёр. Жог, в дороге всегда спавший очень чутко, никак не хотел отзываться. Наконец он приоткрыл глаза, назвал Светела Скварой и отвернулся. Он, оказывается, даже не опростал рукавов. Вот когда Светелу стало страшно. Он переполз через Жога, схватил его правую руку, лежавшую прямо в снегу.

Огонёк отца, неизменно основательный и надёжный, метался, как на ветру.

Светел хотел было погреть его руку, спрятать в рукав, но сразу забыл. Тряпка, заскорузлая от крови, глубоко впилась в кожу. Пробитую пясть безобразно раздуло, из неё, достигая плеча, растекался недобрый жар.

Светел поискал было узел, но узел тоже пропитался гнойной пасокой и засох, а может, замёрз. Светел вытащил нож, срезал повязку. Жог застонал, перекатил голову.

Подошёл Зыка, всунул морду, принюхался, стал вылизывать хозяйскую боль.

– Атя... – заикаясь, выдавил Светел.

Кругом на несколько десятков вёрст не было совсем никого. И ничего, кроме снега и темноты. Светел вновь стоял у забора, глядя на идущего к нему котляра. Никто не поможет.

Он отобрал у Зыки руку отца. Взялся греть, тесня чистым теплом гнильно-бурый прилив. Глаза часто моргали, а разум уже прикидывал, как поутру навьючить Жога на санки, как привязать, как устроить, чтобы отец, привязанный, не застыл – ведь впереди раскинулись самые морозные места, куда не дотягивалось дыхание больших зеленцов.

Светел даже подумал, а не вернуться ли в Житую Рostочь. От этой мысли желудок поднялся к горлу. Мальчишка десяти вёсен от роду сидел под кожаным пологом, натянутым на два посоха, удерживал огонёк отца и молча ждал, пока станет хоть немного светлей.

Как только тьма начала редеть, Светел вытащил мёрзлую рыбину, начал стружить. Он, конечно, всё умел, только самому от начала до конца раньше не доводилось. Руки почему-то дрожали, стружки получались не особенно тонкими и красивыми. Он по привычке отделил самые сытные для отца.

– Атя... поешь...

Жог что-то промычал, снова затих.

Сколько Светел ни старался – не смог ни уговорить его, ни силой всунуть в рот пищу.

Он долго смотрел на кучку стружек, потом тяжело вздохнул и самые жирные, сколько влезло, проглотил сам. Влезло, вообще-то, немного. Убрав остатки, Светел распрямил складную лопатку, принялся копать длинную яму в снегу, устраивая отлогий подъём с северного конца. Когда яма была готова, он затащил в неё санки. Приготовил верёвку. Скуля от натуги, стал перекатывать тяжёлое тело. Бездвижное и оттого особенно неподъёмное. Глубоко в сердце ещё трепыхалась отчаянная надежда, что вот сейчас отец раскроет глаза, засмеётся, схватит его сильными руками, похвалит за упорство и смекалку.

Ага, а потом зашуршит, осыпаясь, сугроб, и объявится Сквара.

А ещё разойдутся вечные тучи, выглянет солнце...

Рыбные стружки горели в животе, словно костёр. Светел размял в руках прихваченный морозом алык.

– Зыка!

Обычно при виде шлейки работающий кобель подбегал, виляя хвостом,

сам просовывал голову. В этот раз он лишь покосился на Светела. Сел возле санок, стал обнюхивать хозяина.

– Зыка! Тормошишь, что ли!..

Пёс слушаться не желал. Светел даже обошёл место ночлега: может, что-то потерялось в снегу? Нет, всё было на месте, и лопата, и рукавицы. Делать нечего, пришлось натягивать на Зыку алык прямо там, где тот сидел. Потом вытаскивать оставшуюся строганину и подманивать кобеля, чтобы встал перед санями.

Заново найдя север, Светел вздохнул поглубже... начал пробивать путь.

Шагов через двадцать он оглянулся. Зыка сидел.

Сообразив, что с дополнительным грузом санки стали много тяжелее прежнего, мальчишка вернулся, взял в руки потяг.

– Вперёд!..

Зыка неуверенно встал. Оглянулся на хозяина. Сделал шаг. Санки были слишком тяжёлыми. Пёс обернулся, заворчал, схватил зубами потяг.

Светел обежал санки. Чтобы упереться руками в задник, понадобилось почти лечь. Меховая харя съехала на глаза, стало понятно, что в одиночку ему санки из ямы не вытолкать.

– Зыка, миленький... ну пожалуйста...

Кобель, не иначе, понял его отчаяние. И то, что двигаться вперёд было почему-то необходимо. Он чихнул и наконец как следует влёг в упряжь. Полозья скрипнули. Санки выехали по откосу, одолели несколько протоптанных сажений, снова остановились. Светел отлепил руки от задника, вышел вперёд.

К середине дня он перепробовал уже всё. Приминал снег лапками и раскидывал сугробы лопатой. Брал таском, впрягаясь вместе с Зыкой. Толчком двигал сзади...

Когда место ночлега скрылось за подъёмком, стало казаться, будто пройдено необычайно много. Тогда Светел доел строганину, чтобы не угасал костёр в животе.

Несколько раз он устраивал себе передышку. Бросал тропить, принимался теребить отца, разминать ему руки и ноги. Даже обталкивал бока кулаками, обутыми в рукавицы. Чего не сделаешь, чтобы разогнать кровь. Самому Светелу было и без козуха жарко.

Когда Жог завозился, начал поднимать голову, сердце радостно взлетело: очнулся!.. Вот теперь всё будет хорошо. Сейчас отец встанет и...

– Атя, я сейчас, сейчас... – Он начал было развязывать верёвку, но отец смотрел на него, не узнавая.

– Куда в обрыв правишь, дурень, я тебя!.. – захрипел Жог, пристально разглядывая впереди что-то незримое остальным. – Лево, Зыка, лево!..

Пёс так обрадовался хозяйскому голосу, что вскочил и усердно поволок влево, даже с тора сошёл.

– Зыка, право!.. – заорал Светел, до смерти испугавшись, что санки сейчас застрянут на целине.

– Я тебя, дурня, – повторил Жог и уронил голову.

Зыка посмотрел на одного, на другого... отвернул голову, улёгся.

Светел подошёл к нему, хромя на обе ноги.

– Зыка... вставай...

Кобель приоткрыл один глаз, с неодобрением глянул на бестолкового щенка, опять отвернулся.

Светел беспомощно смотрел на него. Хотелось лечь рядом, уткнуться лицом в снег и не вставать больше. Тащиха-позёмка небось скоро все следы заметёт...

В мохнатый бок с силой въехал твёрдый нос снегоступа.

– А ну вперёд, дрянчуга!.. Вперёд, говорю!..

Кобель оскорблённо вскинулся, рывкнул, зубы лязгнули. Светел бросил посох, припал на колени, обнял грозно ворчащего пса.

– Вперёд, маленький... Ну давай, давай...

Зыка встал. Сердито вытряхнул шубу. Нагнул голову. Сделал шаг...

Светел побежал к задку саней, торопясь, покаме Зыка не перерешил. При мысли о том, что завтра всё повторится... и послезавтра... у него начали отниматься руки и ноги. Поэтому он оставил думать и просто толкал.

– Зачем меня взяли? – в сто первый раз спрашивал Ознобиша. – Ведь Ивень... Второго сына прежде не забирали...

Ветер выполнил обещание. Подстёгин сирота ехал в санях. Иногда он вылезал из болочка и шёл сам. Потом уставал, тогда Сквара подсаживал его обратно.

В голосе Ознобиши звучала такая тоскливая тревога, что Сквара сказал ему:

– Я Ивеня всего раз и видел... плохо помню его. Он добрый был? Раньше?

Ознобиша ответил с трепетной убеждённостью:

– Он лучше всех был.

– Значит, и сейчас лучший, – сказал Сквара. – Может, он так мораничам полюбился, что младшего брата в котёл решили забрать.

Это была, конечно, неправда. Два нагих тела посреди кровавого пятна, замаравшего чистый снег. Пепельные косы тётенки Дузыи... Вот от кого Ознобиша унаследовал серебристую голову. А от дяди Деждика – серо-голубые глаза и способность слово в слово повторить рассказ, услышанный полгода назад.

Сюда не добралась метель, прошедшая полосой. Сани ехали по своей полозновице, оботурам было легко. Никто не гнал мальчишек тропить. Вчера они думали только о том, как отстоять черёд впереди и не упасть от усталости. Сегодня, переведя дух, вновь начали гадать о будущем и бояться.

Ознобиша всхлипнул.

– Плакса, хнюня, рёвин сын, – немедленно раздалось сзади. – Проглотил горелый блин!

Вместо того чтобы окончательно повесить голову, Ознобиша вдруг улыбнулся, вытер нос.

– А я и есть рёвин сын, – сказал он, обернувшись. – Мне можно. Мой отик от людей зовётся Деждик Подстёга... косой дождь.

– Подстёга!.. – захохотал дружок Хотёна, Пороша. – Ну ты башка осетровая! Подстёгами знаешь кого ругают?

Одно и то же слово от зеленца к зеленцу имеет разное бытование. Там, где вырос Пороша, подстёгой именовали непотребную девку.

– На себя оборотись, – фыркнул Сквара. – Порошица!

Жители Конового Вена этим словом поминали самое заднее, сорное отверстие тела. Пороша глядел вначале недоумённо, потом вспомнил, покраснел, сжал было кулаки. Однако кругом смеялись, и Хотён всё-таки удержал прихвостника, не стал портить веселье. На самом деле Сквара и для Хотёна держал про запас гадкое назвище: Похотень. Но оно, означая дитя прелюбы, срамословило не самого гнездая, а скорее родителей, поэтому Опёнок оставил его пока при себе.

– Вот бы блина проглотить, – размечтался Дрозд. – Хоть горелого.

У Сквары тоже сосало в животе. Жирные лепёшки давали силу идти, но не как строганина.

Сани между тем катились всё веселее, приходилось наддавать шагу. Время от времени оботуры поднимали косматые головы, нюхали воздух, глухо ревели. Было ещё светло, когда впереди показалась хорошая оттепельная чисть. Горячие подземные токи здесь не рвались на поверхность бурлящими кипунами, но летом снег стаивал. Посреди леса лежала широкая поляна, заросшая пупышем. Оботуров распрягли пастись. Они тут же скрылись в низком тумане, только слышно было, как хрустят

на зубах стебли хвощей. Ребяшня уже ползала на четвереньках, жадно обламывая и жуя толстые красноватые побеги. Ветер не стал отзываться новых ложек, позволив лакомиться вволю. Взрослые обозники сами растянули шатёр. Принесли пилу, начали кряжевать на дрова большое дерево, поваленное тяжестью инея.

Сквара сидел в пупышах и блаженно улыбался. Было тепло, травяная сладость щекотала язык. Он не пошёл далеко в туман, зная из опыта, что у края оттепелей хвощи бывают сочнее. Вот бы набрать их с собой, пожевать завтра в дороге. С утра можно и не успеть. Нарвать сегодня – завянут. В снег положить?..

Лихарь принёс из оболочка два деревянных меча, с поклоном протянул один Ветру. Тот взял, чинно поклонившись в ответ. Каждый сделал по шагу назад, мечи встретились концами, очень похоже на то, как встречались их руки в приветствии возле входа в Житую Рostочь.

Из тумана выполз объевшийся Ознобиша. Устроился подле Сквары, приткнулся к нему, начал икать.

Меч Лихаря свистнул. Сквара невольно вздрогнул: он знал, легко ли заставить деревяшку так рвать воздух. Ветер отвёл удар, устремив его в землю. Ещё раз и ещё. Котляр не пёр силой на силу, он уклонялся и танцевал – легко, красиво. Потом они снова поклонились один другому. Теперь удары стал наносить Ветер. От ноги, из-за плеча, сверху вниз... Лихарь не зря называл его учителем, разница в умении была очевидна даже бестолковому дикомыту. Ветер ещё и берёт ученика. Мог забить, но не делал этого, не унижал. Просто учил.

– Смотри... – тихо сказал Сквара. – Мы тоже так плясать будем.

Ознобиша не ответил. Сквара посмотрел на него и увидел, что сирота заснул, разомлев от сытости и тепла. У него даже брови были измазаны в зелени. Сквара хотел вытереть ему лицо рукавом, но раздумал: пусть спит.

Ветер и Лихарь последний раз поклонились друг другу. Ученик подал источнику полотенце и не без робости о чём-то спросил. Ветер, только поднёсший утирник к лицу, вдруг швырнул его наземь. Отвернулся, сжав кулаки. Лихарь виновато подобрал ширинку, унёс оба меча.

Скваре попался на глаза сухой стебель хвоща. Дотянувшись, он сорвал его, устроил между пальцами, попытался крутить. От шиша к мизютке и обратно. Получалось медленно, неуклюже. Стебелёк то вываливался, то съезжал накось и застревал. Зато сразу стало понятно: чтобы лихо управляться с тяжёлым боевым ножом, пальцы требовались железные. Сквара нахмурился, вздохнул. Как-то Светел там... Атя...

Небось уже Светынь переходят...

Подошёл Лыкасик. Сел наземь.

Сквара смотрел на свою кисть, стараясь сообразить, как правильное скрещивать пальцы.

– Не сидится тебе руки сложа, – сказал Воробыш. – Ничего ведь не получается.

Сквара буркнул в ответ:

– А персты торчат, работать мешают.

Занятно: он ждал помехи от сломанного шиша на левой руке, а хуже управлялась почему-то правая.

Лыкаш спросил, помолчав:

– Что с нами будет-то, а?..

– Будет что будет, – кивнул Сквара. – Даже если будет наоборот.

Раньше бабкина присказка не казалась ему такой мудрой и верной. Иные слова только поймёшь, когда самого в один синяк изобьют.

Воробыш шмыгнул носом и на всякий случай сказал ему:

– Я тебя тогда не пинал. Это Хотён с Порошей и...

– Да я знаю.

Лыкаш искоса посмотрел на него:

– Я всё как есть вызнал... Нас знаешь куда ведут? В какую-то Пятерню!

Сквара никогда прежде не слышал такого названия. Сразу представилась огромная лапа, которая всех сграбастает и утащит. Стало жутко.

– Это где?

– Не знаю. Я только понял, там башня есть. Наклонная. И вертепы.

У края снега мальчишки затеяли кидаться снежками.

– А с пальцем что сделал? – спросил Лыкаш.

– Кривым веретеном прищемил.

Воробыш засмеялся. Сквара осторожно подложил крепко спавшему Ознобише под голову свой козух. Встал, тоже побежал перекидываться снежками.

Вечером, проглотив лепёшку, он снова взялся за стебелёк. Движение казалось чуть более привычным, но ненамного.

– Ух ты, – сказал Дрозд.

Все придвинулись ближе.

Сквара старательно и неловко переставлял пальцы:

– А ты возьми тоже попробуй.

– Ну-у... Я так не смогу.

Сквара фыркнул, тотчас вспомнил Кербогу:

– Нет такого слова «я не могу». Сперва попытайся.

Подошёл Лихарь, некоторое время смотрел.

– Сам ничего не умеешь, а других взялся наставлять, – бросил он неодобрительно.

Сквара поднял голову:

– А покажи, как надо.

Лихарь вытащил нож, блестящий и острый. Клинок замелькал, поди что-нибудь разбери. Со старшим котляром ученику было не равняться, но против Сквары Лихарь глядел великим умельцем.

– Ветер всем учитель, – сказал Лыкасик. – Источник. А ты нам кто?

– Господин стень, – ответил Лихарь и спрятал нож. – Ты, дикомыт, только не думай, будто в один день всему выучишься.

Сквара буркнул:

– Был бы ты источник, а не подобие, других бы под ноги не топтал.

Лихарь усмехнулся, глаза стали как шилья.

– У тебя, случаем, зубов не многовато во рту? А то можно поубавить...

Сквара пожал плечами:

– Зубов не станет, болеть нечему будет.

Ребята неуверенно засмеялись.

Появился Ветер, немного послушал, сел перед Скварой на корточки. Глазу радостно было смотреть, как двигался. И не только в любошном бою, а и самым простым обыком: повернулся, встал, сел...

– Показывай, дикомыт, чему научился.

Сквара сосредоточенно свёл брови, зашевелил пальцами.

– Молодец, – коротко похвалил Ветер.

– А можно мне с оботуров пуха пощипать? – спросил Сквара.

– Пуха? На что тебе?

– Тут один варежки потерял.

– Вязать-то умеешь?

– Умею.

– Щипли.

Поднялся, ушёл. За ним убрался и стень.

Когда все улеглись и стали шушукаться, Ознобиша ткнулся носом в ухо правобережнику:

– Страшный он... Ветер этот...

Сквара вздохнул:

– Ты ещё не видел, как он с Лихарем на любки воевал.

Ознобиша содрогнулся:

– Да и так видно, что хоть кого одним ногтем убьёт...

– Убьёт, – согласился Сквара.

Ознобиша помолчал и тоже вздохнул. Шмыгнул носом:

– Домой бы...

– Не, домой нам ходу нет, – хмуро пробормотал Сквара.

– Потому что убьёт?

Сквара промолчал.

– А ты его не боишься, – сказал Ознобиша.

Скваре хотелось сказать: ещё как боюсь! Вслух он ответил:

– Страхов много, смерть одна... Толку-то прежде смерти помирать.

Он очень хорошо запомнил, как переворачивался в полёте острый клинок. А ещё сегодня он наконец рассмотрел следы лапок, благо теперь котляры, не скрываясь, подвязывали каждый свои. У зимовья, тогда ещё безымянного, под крайними соснами стоял и наблюдал Ветер. А убивал – Лихарь. Рано или поздно придётся рассказать малышу, но как открыть рот, вытолкнуть наружу слова?..

Ознобиша посопел, сказал:

– А нравно ты на кугиклах. Я вот сколько ни пробовал... Оботур на ухо наступил, говорят...

На третий день огонёк Жога Пенька ещё трепетал, хотя заметно ослаб. Светел долго баюкал руку отца, ставшую похожей на подгнившую репу. Пытался ободрить, очистить, поддержать его огонёк... Беда только, у самого сил почти не осталось. Зыка тоже это чувствовал. Кобель артачился, дичал. Неохотно ел, ещё неохотнее впрягался в работу. И совсем не желал слушаться.

Одно утешение – кончилось проклятое левобережье. Под ногами был добрый речной лёд. Ещё немного, и в сером тумане явят себя заледенелые кручи. А там-то уж...

Светелу упорно казалось: вот выбраться на Коновой Вен – и всё станет хорошо. Дома стены помогут.

Трезвый рассудок напоминал: где тот дом, где те стены! Ещё потратишь самое меньшее день, разыскивая тропинку наверх!.. Да каково-то санки взопрёшь!.. А не взопрёшь, только останется совсем Зыку распрячь. Может, догадается домой побежать. А и догадается, всё равно никто уже не успеет...

Тем не менее Светел дрался к родному берегу так, будто вправду выручки чаял.

Около полудня он увидел Арелу. Кудрявая девочка невесомо стояла

на ледяном черепае, почему-то босая, в тонкой рубашке, по-андархски перехваченной их со Скварой пояском о семи цветах. Светел обрадовался, побежал к ней, с треском расшибая наракуй.

– У меня жених есть, – строго сказала Арела.

И развеялась облачком тонкой морозной куржи.

Светел очнулся, обнаружил, что убежал далеко в сторону. Шагов на пятнадцать, если не больше. Нужно было поворачиваться, тащиться обратно. От этой мысли он едва не завыл. С него и так уже, невзирая на туго затянутый гашник, норовили съехать штаны. Каждый переход сжигал так много сил, что потраченное не восполняла и жирная строганина. Светел просто не мог столько съесть.

Он высоко задрал ногу в лапке, разворачиваясь на следу. Зацепился пяткой за ледяной край, не удержал равновесия, упал.

Судьбы пишутся на скорбном листе... Светел немного побарахтался, отчётливо понимая: если не встать сразу, желание шевелиться очень скоро совсем оставит его. А потом к нему, замершему, склонится и одарит последним теплом Та, Которую принято было величать Незваною Гостьей.

Светел лежал. Даже мысль об отце, беспомощном и неподвижном на санках, поднять его уже не могла. Всё начало уплывать в печальную белизну.

«Сквара. Я с тобой не простился. Я обидел тебя. Я тебя обязательно разыщу. Может, через много лет. Ты уже старый будешь, седой, но я тебя всяко узнаю. Возьму за руку, домой отведу...»

Жаркая пасть сомкнулась на завернувшемся куколе. Жутко рыча, Зыка тряс его и возил, как нашкодившего щенка. Светел заскулил, попробовал перевернуться. Руки и ноги ещё не успели зайти. Он уцепился за Зыкин алык, кое-как поднялся на колени.

По снегу волочился перегрызенный потяг. Светел оскалил зубы, посмотрел на север. Туда, где вроде бы уже выступали из мглы далёкие громады утёсов.

Неужто сдаться у порога так долго снившейся земли...

Светел вернулся к саням. Хотел размять Жога, но убоялся, что свалится опять, на сей раз окончательно. Нет уж.

Как бы ещё нагнуться, надвязать потяг, не ткнувшись в снег головой...

– Вперёд, Зыка. Вперёд...

Когда на пределе видимого возникла чёрная точка, Светел решил было, что это опять шутила шутки усталость. Однако точка знай росла, быстро превращаясь в резвые санки.

Светел вскинул руки, размахивая посохом и крича.

Санки приближались на удивление скоро. Трое походников вихрили лыжами снег, сажеными шагами дыбая через Светынь. Сзади, вывалив язык, поспевал прилежный кобель. Светел узнал сперва рослого, широкоплечего Жога, потом Сквару, Зыку... последним – себя самого. Походники весело разговаривали и смеялись, только слов разобрать Светел почему-то не мог. И трое встречных тоже его не слышали, сколько он ни кричал.

«Следь моя – смерть моя...»

Увидеть обычно незримого двойника – это предупреждение и предвестье.

«Значит, смерть?.. Всем?..»

Горькая вроде мысль принесла чуть ли не облегчение. Жаль было Сквару, Зыку и отца, да и то... уже как-то не очень. Всё имеет предел, и свой предел Светел, кажется, перешагнул. Санки пронесли мимо, не потревожив сугробов, так близко, что снежком можно было добросить... Растаяли в морозном тумане левобережья.

Да и нам бы не изгаснуть вконец... Так он дошёл, что ли, дядя Кербога?.. Светел уставился на неясные очертания впереди, заковылял через реку. Снег ласково увивался в ногах, стелился пуховыми перинами, сулил отдых.

Шагов через десять Светел оглянулся. Зыка сидел.

– Вперёд!.. Убью!..

И опять он тропил, возвращался, срывал голос, поднимал недовольного Зыку, толкал санки. Падал... Вставал...

«Аодх, брат, что с тобой? Отзовись!..»

Светел понял, что ему опять чудится. Голос шептал в оба уха сразу, перекатываясь в голове. Светел вскинул глаза. Серое небо было пустынно. Хотя... Погодите...

Крохотная золотая искра над далёкими обрывами Вена...

Она разгоралась...

У неё мало-помалу обозначились крылья...

Зыка вскинулся на дыбы, завыл, дёрнул потяг, сдвинув санки.

Этого не могло быть.

Искра падала из-под облаков прямо на Светела. Могучие крылья подняли такой вихрь, что обессилевший мальчишка не устоял на ногах.

И уж это ему точно не примерещилось.

– Рыжик... – простонал он куда-то в шею припавшему к нему на грудь симурану.

Кое-как поднял руки, запустил пальцы в густой огненный мех. Рыжик

царапал передними лапами его кожух, горячий язык вылизывал запавшие щёки.

«Аодх, что случилось? Где Сквара?.. Почему...»

Светел мог только распахнуть перед ним свою память и беспорядочным потоком выплеснуть всё случившееся на левом берегу. Благо в таких потоках симураны умеют разбираться гораздо лучше людей.

Рыжик зашипел от горя и бешенства. Отпрянул от Светела. Ударил крыльями. Отлогий летящий прыжок сразу перенёс его к санкам. Зыка смиренно опрокинулся перед ним на спину, ведь против симурана самый грозный матёрый пёс беспомощен, как котёнок. Рыжик навис над ним, вновь жутко зашипел. В его шипении звучали слова, но это были пёсьи слова, Светел не понимал их. А вот Зыка понял, и очень хорошо. Вскочив, упёрся лапами в снег, натужно сгорбился – поволок санки.

Симуран, испускавший, казалось, собственное золотое сияние, легко перебежал назад к Светелу.

«Садись. Я тебя домой отнесу».

– Ты меня не поднимешь...

«Подниму».

Голова закружилась. Светел оглянулся на Зыку. На недвижимого Жога. Когда он ему руки последний раз оттирал?..

– Нет. Лети, брат. Скажешь, отцу плохо совсем...

Рыжик снова прильнул к нему, развернул широкие крылья. Светел провалился в его золотой огонь и некоторое время знал только родной спасительный жар. Потом симуран взял короткий разбег, ушёл в небо.

Что стремительному летуну расстояние, которое бодрые походники одолели за две седмицы, а Светел никак не надеялся проползти в одиночку!..

Светел провожал его глазами и не мог поверить, что помощь придёт, что будет всё хорошо.

Верёвка

Чем дальше на юг, тем чаще попадались населённые зеленцы. Мальчишек туда не отпускали, но днёвки, когда котляры пополняли съестные припасы и обменивались с жителями новостями, им выдавались.

– Говорят, там, впереди, есть места, где совсем снег не лежит, – сказал Озобиша. – Там пупыши круглый год растут. И текуны, и папоротник... Мама как-то на торгу солёного папоротника купила. Сколько пряжи отдала... Мы его по ниточке разделяли, чтобы не кончался подольше...

Пока до благодатных мест было, похоже, ещё далеко, хотя поход продолжался никак не менее месяца. Долго ли оставалось шагать, котляры не говорили, а спрашивать как-то не хотелось.

На руках у Озобиши красовались светло-серые варежки. Оботуров щиплют ранней весной, а теперь стояла середина лета, но много ли пуха на одни варежки нужно! Всего горстку длиннющих, волнистых, неощутимых ладонями паутинок. Сквара всё-таки ненадолго выпросил у Ветра свой нож: вырезать веретёна да вязальные иглы. Варежки получились красивые и тёплые невероятно. Озобиша их очень берёт.

После стоянки на оттепельной поляне Сквара повадился наблюдать за потешными боями Ветра и Лихаря. Близко, конечно, не подходил, но полюбоваться случая не упускал. Однажды он снова увидел, как, подавая учителю деревянный меч, Лихарь о чём-то спросил его. Ветер нахмурился, он не хотел отвечать, но стень пристал вдругорядь. Тогда Ветер ответил. Да не словом – клинком. Погнал Лихаря так, что тот не знал уже, куда деться. Учитель достал его в бедро и по рёбрам, сшиб с ног, замахнулся так люто, словно убить возжелал... Всё-таки удержал руку. Коротко кивнул, давая на что-то согласие... бросил меч Лихарю под ноги, чего прежде не делал... ушёл.

Сквара остался думать о том, будет ли он сам когда-нибудь хоть вполовину так же хорош. Даже попробовал повторить некоторые движения Ветра. Собственное тело казалось тяжёлым и неуклюжим.

На другой день Лихаря нигде не было видно.

Хотён было предположил, что стень ещё не натешился в последнем зеленце с красивой девчонкой, – догонит небось. Они уже двигались пределами Андархайны, дороги были довольно наезженные, не то что в левобережной глуши. Однако Сквара всё же рассмотрел и узнал следы беговых лыж.

– Ветер его вперёд выслал, – сказал он Ознобише. И усмехнулся: – Чтобы там горницы светили, пироги ставили...

Так они догадались, что поход приблизился к концу.

– Пироги?.. – переспросил Ознобиша и вновь испугался. – Что с нами теперь будет?

– Поглядим, – сказал Сквара. – Может, что занятное.

Ознобиша обречённо поднял глаза:

– Ты, наверно, в воинскую учельню пойдёшь, ты вона какой. А я куда?

– А ты меня от ран лечить станешь. Или андархской грамоте подучишься, у богатого купца товары возьмёшься считать. Помнишь, сам хвалился, как матери нитки для браного узора на умах держал и не глядя подсказывал?

Они третий день шли густым лесом, не встречая селений. Ближе к вечеру в воздухе повеяло оттепельной влагой, а впереди показался большой купол тумана. Он сразу притянул к себе все взгляды. На самом верху, там, где сидячее паоблако рвалось клочьями, возносясь в серые тучи, заиндевелой каменной пятернёй проглядывала вереница чёрных полуразрушенных башен. Над каждой вился хвост пара, казалось, башни дымили, как исполинские трубы. Одна, самая высокая, торчала неестественно косо, ещё две, обломанные судорогами земной тверди, утратили зубчатые макушки. Тем не менее башни стояли. Что-что, а строить андархи умели.

– Крепость... – прошептал Ознобиша.

Остальные сразу притихли, жадно и тоскливо глядя вперёд. Каждому помимо воли хотелось, чтобы дорога свернула и ставшая привычной неизвестность продлилась ещё несколько дней. В то же время все чувствовали нутром: вот оно. Прибыли.

Ещё поворот. Сани выехали из-за последних деревьев. Стало видно, что дорога упирается прямо в туман, а по эту сторону уже стоит народ, выбежавший встречать.

Это всё были крепкие парни помладше Лихаря. Очень подвижные, с глазами беспощадных и бесстрашных стрелков. Лыкаш уже вызнал, что этих ребят, ради отличия от взрослых мораничей, называли межеумками. Сам Лихарь тоже был здесь. Сквара невольно остановил на нём взгляд... Стень ещё издали как-то со значением кивнул Ветру, а почтительно поклониться подошёл уже после.

Мальчишки боязливо сбились в тесную кучку. Взгляды межеумков были пристальными, оценивающими: дельные ли души пришли Справедливой Матери послужить?

Сквара нахмурился, выставил челюсть, упрямо наклонил голову.

– Они все на меня смотрят!.. – прошептал перепуганный Ознобиша и что было сил вцепился в его руку.

Сквара ничего не ответил, но на всякий случай притянул сироту плотнее к себе. Ему эти парни отчётливо напоминали хищную стайку, жадную и хмельную, разгорячённую не только появлением новеньких. Потом Сквара заметил на утоптанном снегу пятна. Кто-то наследил кровью. Дрались, нос разбили? Кабана резали к пиру?..

Оботуры вдруг заартачились, заревели и встали.

Сквозь туман осязаемо наплывала безымянная, какая-то запредельная жуть.

Сквара ощутил мёрзлый ком в животе. Как он ни крепился, ноги стали чужими. Но на руке у него висел Ознобиша, значит, показывать страх было нельзя. Сзади всхлипнул Лыкасик и тоже, кажется, ухватился за кожух, но Сквара едва заметил его.

Межеумки с хохотом облепили оботуров, схватили их за кольца в носках, повернули, увели в сторону. Новых ложек погнали прямо вперёд.

Они погрузились в туман, вышли с той стороны и увидели то, что им назначено было увидеть.

У дороги росла большая сосна, простёршая над обочиной длинную и толстую ветку. Через ветку была переброшена тугая верёвка. И на ней, почти касаясь ногами земли, висел человек.

Если бы крепостные башни прямо сейчас начали падать, мальчишки, пожалуй, не заметили бы. Остолбнев, они смотрели только на висящего человека.

Он был вздёрнут за вывернутые руки, словно на дыбе. Рывки верёвки и вес тела выбили мышечки из суставов, беспомощно исковеркав когда-то сильные плечи. Ему позаботились обмотать запястья шерстяной тряпкой, чтобы петли не прорезали плоть, но кисти выглядели раздробленными. Половины пальцев не было вовсе, оставшиеся торчали как попало. А что самое страшное, человек ещё жил. Он дышал, раны точились кровью. Ещё не поздно было обрезать верёвку, возвеселить в пострадавшем теле огонёк жизни, залечить раны. Только миловать вздёрнутого вряд ли кто собирался. Его ждали последние муки и смерть.

Ветер прошёлся перед новыми ложками туда и сюда, вглядываясь в белые лица.

– Вот так, – сказал он, – у нас во имя Справедливой Владычицы карают отступников. Этому несчастному понадобилось оплевать материнский подол и предать наставников, пытавшихся вложить святые

умения в его злостные руки... Вот ты! Да, ты! Кого ты, не заслуживший имени, видишь перед собой?

Вытянутый палец котляра указывал на Хотёна.

Тот еле выдавил онемевшими губами:

– От... ступ...

– Ты? – Палец указал на Дрозда.

Дрозд лишь открыл рот... и снова закрыл. Ветер досадливо шагнул мимо.

– А ты?

– Стойного человека вижу, – сказал Сквара. Подумал и добавил: – Красивого.

Ветер даже руку опустил.

– Стойного? Это с чего?

Сквара ответил:

– Вас тут вон сколько, и все страшные, а он против не забоялся пойти. И на пытке молчит.

– Молчит, – засмеялся Лихарь. – Голос искричал потому что.

И ткнул смертника концом посоха в рёбра.

Тот судорожно дёрнулся. Начал поднимать голову. За потёками крови ни цвета волос, ни черт лица было не рассмотреть. Густые капли кропили какие-то листки, валявшиеся в снегу под ногами.

Ознобиша вцепился в Сквару что было мочи, его колотило.

– Правда красён, – хмыкнул Лихарь. Шагнул вперёд и вдруг сцапал Ознобишу за ворот: – Иди-ка сюда, Подстёгин младший сынок. Пора увидеть наконец, к чему ты у нас годен.

В свободной руке он держал заряженный самострел.

Остальные ложки на всякий случай шарахнулись прочь.

Смертник открыл глаза. Всё ещё разумные и живые. И внезапно рванулся, насколько для него это вообще было возможно. Он пытался говорить, но обезображенный рот не мог произнести внятного слова.

Сквара вдруг догадался о чём-то и, ещё толком не осознав, о чём именно, сам схватился за Ознобишу.

– Помилуй его! – крикнул он Ветру.

Опёнка мгновенно отбросил и распластал крепкий удар кулака, он понять не успел, кто ему поднёс – Лихарь? Ветер? кто-то из межеумков?.. Сквара хотел вскочить, но увидел сразу несколько самострелов, глядевших в лицо. И замер, точно Жог Пенёк у Звигурова забора.

– Отчего ж не помиловать, – сказал Ветер. – Пестунчик твой

и помилует. Увидим сейчас, годё ты на себе пёр или говно.

Ознобишины варежки валялись на земле, он топтался по ним и не замечал. Лихарь вкладывал ему в руки самострел, чуть не упираясь головкой стрелы смертнику в грудь, но малыш, бессильный от ужаса, мог только смотреть казнимому в подплывшие кровью серо-голубые глаза.

– Хватит бавить, стреляй! – пугающе грозным голосом рявкнул вдруг Ветер. – А то велю сейчас костерок под ним развести!

Как-то так это у него получилось, что Сквара наяву увидел голодное пламя, лижущее босые ступни. Кровавые листки показались растопкой. Ознобиша подпрыгнул, вцепился в самострел и надавил на крючок.

Толстым голосом отозвалась тетива. Болт, сорвавшийся с лонца, пробил листок, приколотый прямо к телу, высунулся из спины. Тело вытянулось словно бы с облегчением. Пузырями вырвался вздох, глаза начали гаснуть. Отступник обретал выстраданный покой.

Ветер вышел вперёд и ещё раз оглядел новых ложек. Прозрачного Ознобишу. Сквару с разбитым ртом, наконец-то поднявшегося.

– А теперь я вам скажу, кого вы на самом деле видели. – Ветер смотрел только на Ознобишу. – Это был твой старший брат, Ивень.

Ознобиша ахнул, бросился, обхватил беспомощно вытянутые ноги. Он силился приподнять Ивеня, облегчить боль, которой тот уже не чувствовал. Голова мёртвого вяло свешивалась на грудь. Теперь было заметно, что волосы, где их не склеила кровь, отливают пепельным серебром.

– Срежьте его, – каким-то чужим голосом приказал Ветер.

Лихарь с надеждой спросил:

– Воля твоя, учитель... Кому дозволишь верёвку забрать?

Сквара потом только узнал, что верёвка казнённого почиталась у андархов счастливой.

Ветер пожал плечами:

– Мальчишке, кому ещё? Его выстрел, ему и честь.

Некогда крепость высилась на мысу, господствуя над длинным, почти пресноводным морским заливом, удобным для кораблей и торговли. В те времена от матёрой суши её отделял ров с водой и острыми кольями. Когда землю корёжило после Беды, залив сперва превратился в озеро, потом стал снежной равниной. Мост не поднимали давным-давно – чего для? Он и прирос льдом к земле, теперь уже не поднимаешь.

Пришибленных мальчишек втокнули в передний двор и велели скидывать кожухи, ненужные внутри зеленца. Ознобиша, застыв лицом,

смотрел в никуда, только стискивал руками смотанную верёвку. Сквара снял с него кожушок, а верёвку обвязал кругом пояса. Ознобиша поднимал руки и поворачивался, как восковой. Он не противился, даже не плакал, но Сквара не сумел поймать его взгляд. Потом он заметил, что межеумки разбирают палки, лежащие у стены.

Первый удар, неожиданный и жестокий, обжёг сквозь рубашку Порошу, Хотёнова дружка. Тот взвыл от обиды и боли... И понеслось.

Межеумки били так, чтобы не покалечить, но вот помучить, напугать и унижить – сполна. Сквара отскочил, увернувшись от назначенного ему тычка, получил сзади по ноге и увидел, как палка опустилась на руку Ознобиши немного ниже плеча.

Тот даже не попробовал увернуться или прикрыться. Рука отнялась и повисла, но Ознобиша не изменился в лице. Сквара успел испугаться, что несчастный малыш так и даст ошалевшим от крови детям забить себя насмерть. Он подскочил к сироте, схватил его в охапку и под градом ударов потащил следом за всеми, туда, куда их, кажется, направляли, – в низкую дверь под каменной перемычкой.

После двора внутри было непроглядно темно. Сквара сразу подвернул ногу, полетел по щербатым ступеням вниз, в кучу таких же неловких барахтающихся тел. Сверху в него напоследок запустили палкой. Дверь захлопнулась. Лязгнул засов.

– А ты – пироги, – отряхиваясь, зло буркнул Пороша. – А уж горницу-то огоили...

Сквара промолчал. Что тут ответишь. Он торопливо ощупывал Ознобишу – живой ли. Сирота не отзывался, но, во всяком случае, дышал и глазами моргал.

Немного привыкнув к скудному свету, Сквара стал озиаться.

Они сидели в просторной палате с высоким сводом и каменными стенами. Сквара ещё никогда в такие хоромы не попадал. Что здесь было прежде, когда крепость кишела воинской жизнью, господствуя над большим торгом? Может, молодецкая, а может, холодница для припасов. Что делалось в отдалённых углах, разобрать покамест не удавалось. Ни печки, ни свечки, ни плохонькой лучинки в светце.

Единственный свет вливался сквозь маленькое окошко высоко на стене. Сквара долго смотрел на него, потом бережно уложил Ознобишу и подошёл.

Стоя на полу, до окошка было не дотянуться, но стародавние сотрясения нарушили кладку. Одни камни всунулись внутрь, другие подались наружу; ещё чуть, и стена рухнула бы совсем. Камни были

скользкими от влаги, но Сквара, цепляясь, влез на самый верх. Ухватился за поеденную ржавчиной решётку, посмотрел наружу.

Окошко выходило в тот самый двор, где их приняли в батоги. Сквара против воли поискал глазами тело несчастного Ивеня. Его, конечно, здесь не было. Оно и понятно. После такой-то казни кто ж ему даст честное погребение. Небось уже отволокли в лес, зверям на поживу.

Зато посреди двора стоял Ветер. Каменный чертог был, оказывается, порядком заглублён в землю. Голова Сквары торчала в окошке вровень с ещё не обтаявшими сапогами котляра. Ветер рассеянно слушал мужчину, вышедшего из внутренних покоев. Этот человек выглядел ему ровесником, но в отличие от жилистого походника тешил своё брюхо явно охотнее, чем трудил мышцы. Оно, это брюхо, обидно и некрасиво свисало через ремень, мужчина стыдился и втягивал его, потом забывал. Светлые волнистые волосы, скоблёное рыло, длинные ухоженные усы... Вот он дружески хлопнул Ветра по плечу, словно подбодрить хотел. Тот, хмурый, смотрел в сторону, не отзывался. Однако толстяк не отставал, беседа понемногу пошла.

Ветер называл мужчину «державцем», «высокостепенством» и ещё Инберном, – наверное, это было имя. Оба вначале говорили по-андархски, потом Инберн спохватился, перешёл на смешанную молвь Левобережья, не иначе из уважения к Ветру. Он поздравлял котляра с благополучным прибытием, звал подкрепиться с дороги. Дескать, с ночи не давал роздыху вареям и сам не выпускал из рук скалку и нож. Зато какие расстегайчики удались!..

Ветер недоумённо и болезненно смотрел на него: расстегайчики?.. Сквара вдруг понял, что видит самое настоящее горе. Всего лишь показавшееся из железного кулака, в коем Ветер замкнул его на время похода. Не с одним Ознобишей сегодня случилось могущее кого угодно сломать... У Ветра тоже сидела в сердце стрела, почему?..

Инберн не унимался. Рассказывал он о своих трудах не то чтобы многословно, но до того вкусно, что в животе тоскливо заныло. Тут Сквару заметил кто-то из межеумков. Подкрался, ткнул батогом сквозь решётку, угодив как раз в негнувшийся палец. Спасибо толстенной стене: возбранила достать в полную силу. Тем не менее Сквара охнул, шарахнулся, едва не упал, поспешно ссыпался вниз. Во дворе засмеялись.

– Что там? – негромко спросил Лыкаш.

– Двор, – сказал Сквара. – Ветру окормыш какой-то здравствует, боярин вроде... Инберном зовут. Пир ладить хотят.

– Эх, – вздохнул кто-то.

Без кожуха спине и плечам уже делалось отчётливо холодно. Гораздо холодней, чем снаружи. Было, однако, столь же отчётливо понятно, что никто не собирался ни выпускать их, ни кормить.

Мальчишки стали сползаться ближе друг к дружке. Спустя недолгое время самые наглые полезли в середину, выталкивая робких и слабых. Повторялась та первая ночь в походном шатре, только тогда все были одеты для ночлега в голом снегу. И если не сыты, так каждому хоть лепёшка брюхо грела. В мозглой каменной холоднице уже зуб на зуб не попадал.

– Меняться надо, – сказал Сквара.

– Надо, – отозвался Лыкастик. И не двинулся с места.

Сквара повторил громче:

– Слышь, гнездар! Меняться надо, а то утром ни рук, ни ног не найдём!

Данникам Левобережья обычно нравилось это прозвание, как бы приближавшее их к настоящим андархам, но Хотён внезапно озлился:

– Много воли взял, дикомыт! Покажу сейчас, где раки зимуют!

Кулаки сжались сами собой. Захотелось начистить рожу обидчику, а заодно выплеснуть всё беспомощное зло этого дня.

– Где ваши раки зимуют, мы весь год живём!.. – зарычал в ответ Сквара.

Начал подниматься... вдруг опаматовался. Остыл.

На Коновом Вене тоже подчас и ссорились, и дрались. Но безрассудной, слепящей ярости в людях там ох не жаловали. Поди позлился так-то в уединённом зимовье, пережидая затяжную метель...

Сквара выдохнул, расцепил кулаки, просто сказал:

– Кто правски меняться хочет, ползи все сюда.

Сначала к ним с Ознобишей, как тогда в шатре, подобралась малышня. Потом – Воробыщ, другие постарше... Наконец – Хотён с Порошей, сопящие, недовольные, а куда денешься? Говорят, голод не тётка, так и холод не бабушка...

Спал Сквара урывками. То через него кто-то полз, в середину или обратно, и обязательно упирался острой коленкой в живот, то самому приходил черёд меняться, тащить с собой Ознобишу: тот после гибели брата ни слова не произнёс и не двигался, смотрел в пустоту...

В какой-то миг Сквара подхватился, как от удара, рывком сел и понял, что сироты рядом нет.

Сразу стало жарко.

Сквара завертел головой, успев единым духом передумать и вообразить всё самое скаредное, что с малышом могло произойти

без присмотра.

Ночное летнее небо было далеко не таким светлым, как дома, но уловить движение позволило всё равно. Сквара вскочил, запнулся о чьи-то ноги, бросился к стене и, настёганный страхом, проворно вскарабкался наверх.

Так и есть!.. Ознобиша догадался пустить в дело удачную верёвку казнённого. Обмотал одним концом прут решётки, показавшийся ему самым надёжным, на другом конце сделал петлю и как раз надевал её через голову. Сквара перво-наперво схватил сироту, чтобы не спрыгнул. Стал растягивать и снимать с него петлю. Ознобиша отбивался, молча, с неожиданной силой, но Сквара был сильнее и верёвку у него в конце концов отобрал.

Спустился вниз, мало не свалившись. Утащил сироту в глубину обширной холодницы, чтобы не переполошить всех.

Здесь было устроено какое-то посрамление правильного очага, смахивавшее на полуразбитую печь. Каменная пасть в стене, предназначенная для огня, мазаная труба вверх... Когда-то по ней весело уносился жаркий дым и мелькали светлые искры, но дров в эту пасть давно уже не бросали. Сверху невозбранными волнами накатывал холод.

– Я всё равно жить не буду, – чужими губами выговорил Ознобиша. – На мне... Ивеня кровь... Я к нему... припаду лучше...

Сквара спросил его:

– Так ты что, не видел?

Даже в плотных потёмках глаза Ознобиши были круглыми, белыми и незрячими.

– Как он кивнул тебе, – продолжал Сквара. – Чтобы ты стрелял.

Ознобиша молчал.

– Мне бы вот так самострел сунули и сказали убить кого, я бы тоже правость всю растерял, – сказал Сквара. – Ивень тебя узнал, я точно видел. Ты прежде маленький был, но у вас же волосы одинаковые... глаза... Его правда ещё взялись бы стругать, а потом всяко убили. Ивень тебе свою жизнь с рук на руки отдал... Он хоть умер, родное лицо видя... Не всякому так везёт. А ты в петлю? Будто он обрадуется, если струсишь?

Ознобиша всё молчал, только в глазах что-то постепенно менялось.

– Мама... – проговорил он затем. – Отик...

Настал черёд Скваре молчать.

– Они... – тяжело сглатывая, продолжал Ознобиша. – Если Ивень... против Мораны... они... они же семьян... Сами нам говорили... Они... когда уводили меня... Ветер, Лихарь...

На самом деле что-то в нём догадалось уже давно. Только верить не хотело.

– Твои обнимают Ивеня на Звёздном Мосту, – прошептал Сквара. – Их примет светлый ирий, и камни не покатыются из-под ног. Мы их нашли путём в Житую Рostочь. Валунками покрыли...

Ознобиша не завыл, не заплакал. Как плоть вспухает и немеет под слишком лютыми батогамы, так душа просто не может поднять сразу всей боли. Он тихо спросил:

– Их... как Ивеня?

– Нет... их сразу. Если не врут следы... Лихарь стрелял.

– Лихарь, – повторил Ознобиша.

Сквара между тем рассучил верёвку на тонкие пряди и теперь плёл, ощупью творя и стягивая узлы.

– Они Ивеня мучили, – тихо проговорил Ознобиша. – Пальцы рубили. Руки вязали... А я с ними... под одним кровом спать стану? Слово приветное молвить? Из одной мисы хлебать?

Он даже не всхлипывал. Правду люди говорят: по полугорю не плачут, а целого и плач неймёт.

Сквара сказал:

– Ветер моему ате кровь отворил.

Зря сказал, наверное. Ознобиша промолчал, не стал мериться с ним несчастьями. Сквара попытался думать о том, как-то раненый Жог и маленький Светел добрались домой. Думалось плохо.

Ознобиша вдруг спросил:

– А нам если велят... вот так кого?

Холод в подвале стоял не то чтобы жестокий, а хуже... подлый. Он не накидывался в открытую, как честный мороз. Брал исподволь, незаметно проникая сквозь штаны и рубашки. Пора было идти к остальным.

– А друг друга если?.. – прошептал Ознобиша.

Сквара вздохнул. Ответа не было.

– Страхов много, смерть одна, – повторил он. – Что загодя бояться? Придёт пора помирать, тогда и помрём.

Ознобиша спросил по-прежнему шёпотом:

– Каково отомщу?..

Сквара долго молчал. Думал.

– Отомстить можно по-разному, – сказал он наконец. – Ты умный, доищешься. И я мозговать стану.

Закончив плести, он перехватил пряди зубами. Взял правую руку

Ознобиши, надел на неё плетёжок, затянул, закрепил – не сбросить, не снять, разве только обрезать.

– Это что?

– Это памятка тебе. Ради Ивеня наручень. Захочешь опять в петлю, на него поглядишь.

Ознобиша вздрогнул, сказал:

– Ты себе свей такой же... буду тебе меньшей побратим...

– Мёртвый не без могилы, живой не без доли, – сказал Сквара и снова взялся плести. – Завтра день встанет, братьейко... живы будем, посмотрим, разберём... а там, глядишь, сами кому в разбор поднесём... за все обиды разведемся... и честь свою возьмём...

Доля вторая

Последний приказ

Старенькое бёрдо было заправлено на непростой трёхцветный узор – для опытной ткахи. Светловолосая девочка поглядывала на клочок берёсты с нанесённым рисунком, напряжённо хмурила брови, боясь ошибиться.

– Зелёная вниз... Красная вверх... Ой... Опять пропустила!

И досадливо выдернула бральницу, чтобы начать ряд сначала.

– Дай я попробую? – переступила с ноги на ногу вторая девочка, державшая бёрдо.

Девки-полугодье выглядели ровесницами и были похожи, как сёстры, только вторая обещала подняться настоящей красавицей. Может, поэтому и считала, что всё у неё должно получаться лучше, чем у других.

– погоди, – отмахнулась первая. – Сама хочу.

Было уже далеко за полночь, у неё отчаянно слипались глаза, но она не сдавалась.

– Я рядок всего, – сказала красёнушка.

Ткаха снова сбилась с узора:

– Ты братца Аро попроси другое бёрдышко сладить, если терпежу нету! Сладишь ведь, братец?

Круглолицый мальчик подумал, хмуро отозвался:

– Почему уж не сладить...

Ему под ноги на чистый пол слетали прозрачные стружки. За стружками добычливо бросалась резвая кошечка, пушистая, нежной облачной шерсти. Она то валялась на спине, теребя пойманный завиток, то запрыгивала мальчику на колени, желая проследить, как являлись игрушки. Неулыба кошку не гнал, только следил, чтобы не лезла под ложкорез.

Дом выглядел полупустым, зато все сидели обутыми по-уличному и у каждого под рукой лежала толстая одежда. Так ведут себя люди, которые уже сложили в путь вещи и только ждут слова, чтобы поклониться порогу и идти со двора. Но слово мешкает, и они маются в повалуше, коротая ожидание за рукодельем.

Поджарый седоватый мужчина, сидевший на лавке, поднялся на ноги, беспокойно заходил из угла в угол. Из-под рукавов кожаного чехла поглядывала кольчуга, сбоку в потёртых ножнах висел прямой меч.

– Ещё и Серьга вот запропастился, – пробормотал он вполголоса. – Ну, пусть догоняет как хочет... Ларец куда уложили?

В сенях зашуршало. Сероглазая ткаха уронила разом и бральницу, и берёсту с узором, братец Аро подхватил на руки кошку, мужчина мигом оказался возле двери.

Та приоткрылась. В щель сунул вихрастую голову молодой парень. Заметив, какой переполох вызвало его появление, он подмигнул девкам, смущённо заулыбался:

– Да тихо всё, дядя Космохвост... Я так просто.

Мужчина убрал руку с меча:

– Серьга-то появился?

– Нет, дядя. Не появлялся.

Дверь снова закрылась.

– Шапку вздень, олух! – рявкнул вслед Космохвост.

В сенях прыснули смехом. Шаги удалились.

– Ещё вот и Серьга как в прорубь свалился, – проворчал Космохвост. Проходя мимо резчика, подгрёб ногой стружки, строго велел: – Станем насовсем уходить, подметёшь тут.

Мальчик, не поднимая глаз от работы, послушно кивнул:

– Подмету, дядя Космохвост.

Как и сестрица, он брал ремесленную снасть левой рукой.

Перепутный дом, выстроенный ещё прежде Беды, был просторным. В большой избе, где прежние хозяева витали семьёй, теперь была чистая повалуша. В малой, некогда предназначенной для гостей, стучали горшками стряпей. Решив перебраться за море, хозяева оставили двор двум вольноотпущенницам, старой и молодой. Женщины взялись домостройничать, дело пошло неожиданно споро. Не пожалели небось, что решили остаться. Проводят нынешних жильцов и с теми же поклонами выйдут новых встречать.

За стеной слышались голоса, потом дверь снова открылась. Вошёл крепкий мальчишка, принёс шаечку да деревянное ведёрко. Над горячей водой перебежал пар.

– Полночи осталось, – проговорил мальчик с надеждой. – Может, хватит уже мне голову светлить?..

Волос у него был по концам в точности как у белобрысого Аро, возле корней проступала природная русость.

Космохвост кивнул, думая о своём, проворчал:

– Верно, хватит. А ты светли знай.

Красёнушка взяла у паренька шайку, посыпала на дно горсть колючего порошка из лубяной коробочки, залила водой. Изошёл такой дух пареного сена и летних цветов, что даже братец Аро оставил работу и потянул

носом, а на губах обозначилось что-то вроде улыбки.

Ткаха пересела, оттягивая привязанные к поясу нитки, свободной рукой подняла бёрдо, напряжённо зашевелила губами, глядя на берёсту. В таком положении считать узорные нитки было ещё тяжелей.

Русый мальчишка обречённо вздохнул, усевшись, низко наклонился над шайкой. Из-под ворота стёганки явили себя железные звенья.

– Шею вытяни, – велела девочка.

Стала привычно плескать ему на голову душистое зелье, с тщанием втирать в корни волос. Он что-то бормотнул ломким голосом, недовольно. Остаток ночи ему предстояло маяться в старом полотенце, намотанном словно бабий повойник, и терпеть шуточки по этому поводу.

Братец Аро вдруг сказал:

– Дядя Космохвост, может, лучше меня под него луковой шелухой красить? Я небось терпеливый...

Страдалец погрозил ему кулаком. Девки засмеялись.

Космохвост не ответил. Он смотрел на кошку. Та, оставив играть стружками, подбежала к двери и напряжённо выслушивала за ней что-то, ускользавшее от косного внимания людей. Когда кошка вдруг распушилась, став в три раза больше обычного, поставила веретеном хвост и яростно зашипела, Космохвост принял решение. Обернулся к четверым подопечным, увидел, что все они тоже смотрят на кошку, резко выдохнул:

– Прячься!

...Ребята на миг замерли. Или наоборот – не они замерли, а время продлилось. Ткаха медленно-медленно резала маленьким ножиком привязанные к поясу нити, они утекали в щели и отверстия бёрда, знаменуя неворотимый конец. Космохвост накануне услышал, как шептались названные сестрицы: пояс, если выйдет хорош, предназначался ему. Мокроголовый парнишка отряхивался по-собачьи, не дожидаясь рук с полотенцем, а у вдумчивого Аро падал из-под резака последний завиток стружки. Ложка, и это Космохвосту тоже было известно, предназначалась дядьке Серьге. Всё равно больше нечем было отблагодарить за верную службу, а ложки получались сущее загляденье...

А потом они все разом сорвались с мест, потому что он крепко научил их, как поступать, если однажды он вот так велит прятаться.

Братец Аро только оглянулся в поисках кошки, но любимица успела исчезнуть, недосуг было искать, куда подевалась. Брат с сестрой мигом закатились под лавку, юркнули в узкую дыру, съехали в тёмное подземелье. Съёжились, притихли возле дощатой стены. Рядом зияло отверстие бокового лаза, оттуда тянуло морозом.

Двое оставшихся задвинули на место тяжёлую западню, оклеенную берёстой. Горстями бросили мусор. Не догадаешься, где пол нарушали.

Со двора донёсся крик, звучавший последним предупреждением и последней болью.

– Эх, – горестно зарычал Космохвост.

Выдернул из вторых ножен кинжал, бросился в сени. Мальчик с девочкой переглянулись, побежали за ним. Настала пора сделать то, к чему он их готовил несколько лет. А сделав – скорее всего, умереть, как уже умер старший воспитанник Космохвоста.

Наружная дверь распахнулась навстречу, со двора проникла хищная тень... Соприкосновение с мечом Космохвоста заставило тень обрести плоть, залиться кровью, рухнуть им под ноги.

Выскочив вон, Космохвост мгновенно метнулся в сторону. В мёрзлую притолоку на пол-ладони вошли сразу два болта.

– За спину! – громко приказал он подросткам. – Прорубимся!..

– Эльбиз, не отставай! – крикнул мальчик.

– Братец Аро... – жалобно, как учили, пискнула девочка.

Страх изображать не пришлось, ей и так было страшно. Она выхватила из-под плаща маленький самострел. Разрядила туда, откуда прилетели первые болты. Из темноты послышалась ругань. Игрушечное с виду оружие с двадцати шагов разило без шуток.

Они выполнили приказ Космохвоста, но намерение прорубиться оказалось куда проще высказать, чем исполнить. Толком не отойдя от крыльца, их наставник уже отбивался сразу от двоих в удобных короткополых одеждах цвета снега в ночи. Люди казались гибкими и проворными, но надо было видеть, что творил Космохвост. Меч и кинжал пели на голоса, выводя любому, кто совался, жуткую погребальную песню.

Не только для двоих подростков это был самый главный бой, а скорее всего, что и последний...

Мальчишка ахнул, споткнулся, сломался в поясе.

Девочка с перепугу чуть не назвала его настоящим именем, однако выучка взяла своё.

– Братец Аро!..

Он пытался говорить, но только хрипел.

За углом клетки послышался злой крик, кого-то приложили о брёвна.

– Сказано, ососков не трогать!

Наказанный жаловался: «ососок» только что проткнул ему болтом ногу, да и брать непременно живьём никто вроде не велел. Стрелка приложили вдругорядь. Живого всегда убить можно, а вот мёртвого поди

оживи!

Космохвост оглянулся посмотреть, что там с воспитанником. Не надо было ему этого делать. Чужой быстрый меч тут же вскрыл на нём кожаный чехол, проскрежетал по кольчуге. Воин досадливо зарычал, убил слишком шустрого нападавшего, схватился с другим.

Подбитый парнишка мотал головой, силился разогнуться. Названная сестра обхватила его поперёк тела: хоть собой прикрыть. Их защитник, понемногу теснимый обратно к двери, вновь оглянулся. Хотел, наверное, выкрикнуть последний приказ, но в этот раз не довелось.

– Во имя Владычицы! погоди, Космохвост, – поднял руку вражий вожак.

Голос оказался молодым, звонким, совсем как у погибшего Бранко. Все налётчики были в меховых рожах, что надевают в крепкий мороз. Щель для глаз да круглый продох у рта. На этой личине были нарисованы ещё и усы, не иначе в знак старшинства.

Космохвост опустил меч, поглядел на раскиданные тела, хмыкнул:

– Плохо учит вас Ветер. Нас в своё время строже учили!

Вожак не остался в долгу:

– Сам в сапогах, да след босиком! Бранко так натаскал, что он нас мало не проворонил... Лучше скажи, кого за спиной прячешь? Правских царевичей или подставу?

– Мальчишка – заенок, – уверенно сказал стрелок. – Ишь, корчится! Царевича он сразу на руках бы унёс!

– Зато девка точно царевна, – сказал другой. – Хороша-а! Вот бы её...

Девочка ахнула, испуганно и стыдливо, хотя на языке висело ругательство. За неё, с натугой разогнувшись, выбранился парень.

– Нешто и Эрелис настоящий? – удивились из темноты.

– А подстава где же?

– Заместки в доме сидят, – догадался стрелок. – В царских ризах. Он истовиков поплотше одел и вырваться думал с ними, нас обмануть!

Вожак вновь поднял руку. Стало тихо.

– Ты добрый пёс, Космохвост, – сказал он спокойно. – И дом сгорел, и хозяина давно нет, а всё стережёшь!

Воин засмеялся.

– Плохо учит вас Ветер! – повторил он. – Откуда тебе знать, Белозуб, сколько у меня подстав и куда я правских царят дел?

Тени засмеялись в ответ.

– Знаем уж, – отмахнулся вожак. – Сдавайся, рында. И нам лишнего не мёрзнуть, и тебе меньше ран принимать.

Космохвост пожал плечами:

– Боялся бы я ран, вовсе тут не стоял бы.

Вожак насмешливо покивал. Из-под нарисованных усов вырвалось облачко пара.

– Сеггара на подмогу ждёшь? Так не жди, не придёт. Мы о том позаботились.

– Сеггар придёт, – спокойно сказал Космохвост. – Моё дело дождаться.

Вожак покосился на своих:

– А нам тоже спешить некуда. Сейчас дом-то подпалим...

– С твоих гроз я велик возрос, – сказал Космохвост. – Не подпалишь. Тебе доказать надо, что сущих царевичей погубил.

Человек в меховой харе переступил с ноги на ногу. На это движение из сеней вылетел шипящий клубок и, взмыв, шарахнул когтями прямо в глазную скважину.

– Кошка!.. – закричали во дворе. – Царская дымка! Это истовики у него!..

Космохвост резко обернулся к подросткам:

– Бегите!..

Вот он и прозвучал, последний приказ, послушаться которого было нельзя... Девочка снова обхватила названного братца. Оба повернулись, молча юркнули обратно в сени.

Вожак нападавших метнул руки к лицу, но сорвал только личину. Кошка уже исчезла, бесследно растворившись во мгле.

– Так я и знал, что это ты, Белозуб, – сказал Космохвост. – Поделом тебе, дураку! Разбойников нанять ума не хватило? Сам решил славу взять? Или Ветер денег не дал?

– Вперёд!.. – зажимая лицо ладонью, рявкнул вожак.

Охромевший стрелок и его товарищи вновь выхватили оружие.

Мощный голос рынды был хорошо слышен в погребке. Стало понятно, что наверху дела совсем плохи. Тогда брат с сестрой нащупали и сдвинули вторую западную, тайную, о которой не знали ни служанки, ни даже дядька Серьга. Отворилась ещё яма, совсем тесная, только-только вжаться вдвоём. Ребята спустились в нижний погребишко и затворились. Коленки, поджатые к груди, не давали вольно дышать.

Братец Аро вдруг начал шарить кругом себя, не нашёл искомого, потянулся к западне, пригнетавшей им волосы:

– Тесличку сверху покинул...

Вот ведь как. Привелось от смерти скрываться, и что с собой унесли?

Небось не ларец с дорогими памятками родителей, оставшийся в мякоти дорожного вьюка.

Сестрица Эльбиз поймала руки брата, крепко сжала.

– И добро, что покинул, – шепнула она. – Станут смотреть, скажут: были, ушли...

Сестра говорила дело. Царевич опустил голову.

Наверху лязгало, гроыхало, там ревели жестокими голосами и что-то падало так, что с западни сыпалась пыль. Потом всё начало затихать.

Брат с сестрой ухватили друг дружку, слиплись в один комок. Они знали, что вот теперь нужно ждать самого страшного.

Кто-то не вошёл – ворвался в хоромину, затопал над головами, рубанул дверку голбца, с грохотом опрокинул скамью... Эрелис и Эльбиз втиснулись пуще. Долетел девичий крик. Надсадный, беспомощный, полный страха.

– Нерыжён... – стуча зубами, выдохнул мальчик.

– Нет, – тряским голосом возразила сестра. – Нерыжён бы им с три короба наплела и мною сказалась.

Крик стал совсем нестерпимым. Захотелось сотворить всё равно что, лишь бы он прекратился. Эрелис всхлипнул, завозился впотьмах:

– Её же... они её... выйду...

Эльбиз что было мочи вцепилась в его руки:

– Дядя Космохвост не для того им путь заступал! И Нерыжён с Косохлестом под стрелы шли! И Бранко...

Она была на год старше, поэтому сразу вырваться он не смог. В доме взвыла ещё и старуха. Толком разобрать из погреба не получалось, лишь то, что она велела молодой прикусить язык, не брать на душу срама.

– Тебе помнить, как за тебя умирали, – глотая слёзы, шептала брату сестра. – Тебе праведно царствовать ради их чести...

Раздались удары топора, треск дерева. В повалуше корчевали лавку. Потом со стуком отвалили верхнюю западёнку. Царевичи разом уставились вверх, замерли в темноте, прикрывая лица ладонями. Когда в погреб, прямо им на головы, прыгнул человек, дети судорожно дёрнулись, стукнувшись лбами. Однако тяжёлая крышка не выдала, не оказала себя среди других половиц. Человек заметил сперва ложкорез под ногами, потом дыру бокового лаза. Торжествующе заорал, начал втискиваться в нору. Его сапоги скребли и скользили по доскам.

За первым полез второй, остальные побежали наружу.

Тайный лаз, устроенный ещё прежним хозяином перепутья, выводил в дровник. И поди разбери в снегу слабенького зеленца, вылезал ли кто

оттуда недавно.

Довольно долгое время наверху ничего не происходило. Потом в погребишко начал проникать спирающий дыхание чад, а слуха достиг тяжёлый глухой треск.

– Запалили всё-таки, – сказала Эльбиз.

Эрелис отозвался:

– Само могло, от лучины...

– Так и так гибель, – закашлялась сестра.

Она держала в руках никому теперь не нужное бёрдо. Резные углы оставили глубокие следы на ладонях.

Западня, плотно всевшая от тяжести и возни, поддалась через великую силу. Приподняв её наконец, царята увидели над собой тучу плотного дыма и сквозь неё – багровые сполохи. Дышать сразу стало нечем. Как раз когда они высунулись, что-то начало рушиться. Пришлось снова прятаться. Второй раз они поднимали крышку уже вкупе с большой горячей доской, порывавшейся упираться и застревать. Стало ясно, что в третий раз может не получиться. Эрелис сжал в кулаке подобранный ложкорез и, понукаемый сестрой, полез через ход.

Крышка в дровнике, которую берегли и никогда не заваливали тяжёлым, оказалась прижата. Сколько ни пыжились брат с сестрой, она едва подалась, только дерево чуть слышно постукивало о дерево. Случайно раскатилась поленница или в ней что-то искали – какая теперь разница. Сзади подбирался гибельный чад. Немного подышать таким, и сперва тело разучится двигаться, потом душа забудет, как ей в теле держаться.

– Покричим? – спросила Эльбиз.

– Нет, – принял решение Эрелис. – Кому надо, те знают, а кто не знает, те нам не друзья.

Девочка еле слышно заспорила:

– Дядя Космохвост ради нас...

Мёрзлые поленья над ними затеяли дробную торопливую пляску.

Царевич устроился перед ходом, где таилась сестра. Поудобнее перехватил нож... Сердце колотилось во рту.

Крышка лаза откинулась. Эрелис выдохнул. Сверху на него смотрели оба заменка. Зря ли они в этом доме прожили целых полгода? Тайная хоронушка поблизости у Космохвоста была далеко не единственная...

В раскрытых дверях гибнущей избы метался огненный свет, пожар уже подгрызал изнутри тяжёлую крышу. Скоро она обрушится, станет

погребальным костром девушке, замученной подручными Белозуба. Молодой Бранко, всё ладившийся к ней с поцелуями, разметался в углу двора. Он так и не надел шапки. Его убили длинным ножом в шею: он не должен был закричать, но как-то сумел. Другие тела все исчезли. Бабка, простоволосая и босая, сидела на колоде, качалась, плакала. Рубаха на ней была разорвана донизу, попятнана кровью. Подростки едва успели заскочить в стряпную, где бросили женщин. Теперь девки пороли тёплый плащ, ладили старухе какие-никакие опорки.

И никто даже не поминал о драгоценном ларце, то ли сгинувшем в пожаре, то ли украденном. О нём ли печалиться!

– Дядя Космохвост... – глядя на пылающий дом, тихо выговорил царевич.

– До места, где сани стояли, кровавой след, – ответил юный рында. – Чей, не разберу.

Он горбился, прижимал руку к груди. Добрая кольчужка выдержала удар, но ребро было сломано. На волосах болтались шарики льда.

Подошла сестрица Эльбиз.

– Не так-то долго искали, – тревожно поделилась она. – Решили, мы все дымом задохлись? Али спугнул кто?

Ребята переглянулись.

– Значит, Сеггар близко уже, – рассудил царевич. – Навстречу пойдём или дядьку Серьгу обождём? Твоё слово, Косохлёт.

И чинно поклонился, свидетельствуя, что верен зароку и помнит, кто отныне главный защитник.

– Ждать некогда, – сурово, сквозь зубы ответил тот. – Бабку...

– Ступайте налегке, детушки, – утёрла слёзы старуха. – Я-то пожила.

– Мы повезём, – одним голосом взмолились девчонки. – В дровяных саночках, вон стоят...

– Бабушка Орепя нас не выдала, – добавил Эрелис.

– А ещё слушать обетовались, – голосом, какой наверняка был в юности у прежнего рынды, проворчал Косохлёт.

Скоро о том, что в разгромленной избе погибли не все, говорила только узкая полозновица, протянувшаяся к дороге. Да и та от жара огня уже оплывала.

Растрёпанные рукавицы

– Вот тебе ещё вот так! И вот так! Что, получил, Ветер?.. Щады тебе? А не пощажу! Ты моему ате кровь отворил! А ну говори, таракан, куда брата увёл?! Не то сейчас доказню!..

Кулаки Светела крушили невидимого врага. Он не замарают меча, меч против таких ему не потребен. На руках у него не нагольные дельницы, а сущие латные рукавицы, пластинчатые, со злыми выступами на костяшках. И сам Светел – рослый, бородатый и гордый, с блёстками серебра по вискам, в доспехе на широких плечах.

– А тебя, Лихарь, я и спрашивать не стану, я тебя сразу ногой в землю втопчу!

И Лихарь распростёрся рядом с Ветром, униженно моля взмилиться.

– Живо говорите, дрянчуги, где брат?!

Под снегом пробудились бурлящие кипуны, поверженные враги стали биться, проваливаясь в kloкочущий вар. Светел разжал грозные кулаки, повернулся в другую сторону, туда, где был Скварко. Брат стоял на коленях у каменной стены, заморённый голодом и закованный в тяжёлые цепи, потому что его хотели заставить служить жестокой Моране, да не на такого напали.

– Пойдём домой, братёнок, пойдём домой, – зашептал Светел и могучими руками разорвал цепи, поднял брата, обнял, повёл...

Сквара с самого начала называл его «братищем», а он Сквару – «братёнком», хотя надо бы наоборот, но уж так у них повелось.

«А если он меня, взрослого, не узнает? Если ему там вовсе глаза выкололи за смелость?..»

Он всего на миг представил Сквару слепого... нутро стиснула холодная лапа. Светел крепко зажмурился.

– Брат за брата, встань с колен...

Это он выговорил одними губами, но с такой жаждой и мечтой, что, отзовись ему Сквара прямо сейчас, дивиться было бы нечему.

Сквара не отозвался...

Светел тяжело вздохнул, открывая глаза. Кругом было пусто. Только Зыка, задравший ногу возле сугроба, да снежный горб дальнего амбара, куда их послали за куском сала.

Мечтать было весело. Одна беда – сидя на полатах, до дела не домечтаешься. Перво-наперво Светел взбежал на самый верх амбара,

огляделся: не идёт ли великая тётушка Шамша Розцепиха, вдовая сестра большака. Её ещё называли Носыней, за длинный нос и привычку всюду его совать. Удостоверившись, что старухи не видно, Светел зашёл в амбар, открытый ради обновления воздуха. Вытащил наружу мешок.

Это был его мешок, который взрослые считали потешным. В нём хранилась порядочная чушка льда, вырубленная на спускном пруду, обложенная сухой травой и хвойными лапками, завёрнутая в рогожу, повитая верёвкой. Светел поднял мешок на уступ в плотном снегу, утвердил его там и стал бить. Спихнулся, скинул с ног поршни и продолжил битьё, прыгая по снегу босиком. Когда жгучая боль в ступнях начнёт делаться глухой и далёкой, пора будет прятать мешок, возвращаться домой. Так он отмерял время. Мать всё чаще бранилась, что в амбар его хоть не посылай: уйдёт – не дожждаться. Это ей лишь бы поворчать. Мороз-то здесь с приближением зимы знай усиливался.

Светел молча колошматил мешок, бросал кулак вперёд не рукой, не плечом – особым слитным движением, которое они со Скварой подсмотрели когда-то у взрослых стеношников. Оно рождалось глубоко в животе, продолжалось разворотом бёдер, всего тела – и лишь в последнюю очередь выхлёстывало кулак. Зато и летел тот боевой гирей, разогнанной на ремне.

«Вот тебе, шашень. Вот тебе, гнида. За атю. За брата. Уж приду, не спущу...»

Верно ли у него получалось, Светел не знал. Сладят потеху на корочун, тогда поглядим. Вконец перестав чувствовать ноги, он обулся, стащил мешок обратно в амбар, камнем отбил от мёрзлой груды нужный ему свёрток, заложил дверь, пошёл по тропинке в зеленец. Подошвы горели, медленно отогреваясь, а дельницы выглядели так, что мать уши оборвёт, если увидит.

Их с отцом спасла чужая упряжка. На Коновом Вене было принято чтить симуранов, поэтому двое охотников не на шутку перепугались, когда золотой кобель со злым рыком упал на них из-под туч, погнав собак куда-то к реке. Эти люди не умели говорить с симуранами и не понимали, отчего рассержен благородный летун... Пока не увидели под скалами обросшего инеем угрюмого Зыку и вымотанного Светела, пытавшегося обогреть отца, оживить его правую руку.

Мать потом кланялась в ноги братьям Синицам. Обещалась им верно служить до старости лет. Целовала Рыжика, гладила Зыку, впервые допущенного в избу. Бабушка Корениха молча растирала в ступке вязовую

кору на припарки, бережно делила луковку, грела в горшочке козий жир с солью для спасительной мази...

Даже куклы, выстроенные свадьбой возле божницы, словно пригасили веселье.

«Те люди, котляры... даже Звигуры не вступились... – тихо всхлипывая, пересказывала мать принёсшей луковку свойке. – А Светел, он же что, мал ещё...»

Скоро вся Твёржа прослышала, как негодные Воробьи прятались за углами, пока Жог давал неравный бой котлярам, силясь отстоять первенца. И как после Пенёк уже раненным, с помощью верного Зыки дошёл почти до своего берега. Довёл младшего приёмного сына...

Светела никто вслух не корил, но он чувствовал себя виноватым.

Отец уже ходил, когда у Светела поползла по швам старенькая рубашка. Мать решила примерить на него братнину. Вытащила из скрыни одежды старшего сына, стала было раскладывать... Вдруг сгребла всё в охапку, зарылась лицом, охнула, взялась баюкать, припевая и приплакивая, как по мёртвому.

Завлекло избушку тьмой,
Измерцался яхонт мой.
Развязался поясок,
Отзвенел твой голосок.
Ты привстань, моё дитя,
Вновь дыханье обрета.
Резвы ножки распрями,
В ручки бавушку возьми.
Мой сынок, на твой помин
Кружевной спекла я блин.
Все едят, покуда свеж,
Только ты один не ешь...

Светел хотел сказать ей, что Сквара живой и обязательно вернётся, но не посмел. Ему стало страшно. Он увидел, как нахмурилась Корениха, уже кроившая старую тельницу на лоскуты. Повернулся к отцу... Жог, сидя на лавке, тёр здоровой рукой живот, кривился, точно от боли. Когда бабушка бралась за жгучую мазь, он терпел крепче. И губы у него были какие-то синие... Светел подрос к нему, сел рядом.

«Атя?..»

Огонёк отца бился и трепетал над пустотой. Светел в ужасе приник к нему, подхватил, обнял... Жог закашлялся, с облегчением перевёл дух...

«Не моги реветь, Равдуша! – велела матери суровая Корениха. – Сказано тебе, живой он! Живой! – И шуганула внука: – А ты что расселся, дела нету руки занять? Поди светец воскреси, совсем, вишь, загас...»

Прежде это Сквара всё был у неё и белоручка, и лодырь, и праздный шатун. И младшенького прижать норовил, если бабка с матерью недоглядят.

Светел вскочил. Жог взял его за плечо, тоже встал, ни дать ни взять опираясь.

«Пошли, сынок. Поможешь...»

Вернувшись из амбара, Светел ещё в сенях слышал голоса бабки и матери, звучавшие за дверью. Мальчишка на всякий случай притих, прислушался: наверное, это его ругают? За то, что слишком долго ходил?

– ...Да засмотрелся он поди на котляров этих!.. – безутешно всхлипывала Жига-Равдуша. – И тётенька Розщепиха сказала... Они ж вон какие! Сильные да страху не знают! К ним захотел...

Светел не сразу и сообразил, что речь шла о Скваре.

Бабушка осведомилась вроде даже насмешливо:

– А ты, значит, Розщепихе веришь больше, чем сыну? Что ж так? Не сама ль растила, кормила?

– Так своевольник он! – в голос вскрикнула мать. – Неслушь! Ему говори, а он всё по-своему!

– А ты бы хотела, чтобы он мягким воском у тебя в руках гнулся? – спросила Ерга Корениха. Когда Светел уходил, она обувала в крохотные поршеньки новую куклу, кудельные волосы были окрашены сажей. – Воск тебе кто угодно снова растопит и по-своему перелепит. Податливый да мягкий вышел бы отца с братом заслонять? – Помолчала, добавила: – Гордись, дура.

Она ведала небось, что говорила. Дедушка Единец Корень тоже не за так своё прозвище получил. Знали в нём люди негибкий нрав и упрямство. А кто не помнит, что внуки удаются все в дедов!

– Я бы не гордилась, а кашей его лучше кормила!.. – вконец расплакалась мать.

– Ты Розщепиху слушай больше, – посоветовала бабушка. – Уж она-то лучше всех знает, как детей нужно растить.

Мать вдруг вскрикнула:

– На себя оборотись! Кто его поленом тогда... за кугиклы...

Скварушку... сыночка моего...

Светел снял со стены лапки, со стуком бросил на пол. Голоса немедля примолкли. Светел повесил лапки на место, вошёл:

– Вот... Сало принёс... Благословите, к ате пойду?

Мать отвернулась, пряча мокрые глаза. Корениха, стоявшая поджав губы, строго оглядела избу. Дрова сушатся, воды натаскал...

– Ступай.

Светел выскочил обратно в сени и уже не слышал, как бабушка негромко сказала невестке:

– И меньшому ты не веришь, а зря. Он кровей хоть и пришлых, а кремлёвым мужиком будет.

В ремесленной Жога Пенька пахло смолистой елью, черёмухой и берёзой, дёгтем, маслом и воском, дымом, шкурами, клеем из рыбьей кожи, кипятком. Ждал дела станок для выгибания лыж, рядом стояли распаренные заготовки... а сам Жог сидел на скамейке, ссутулившись и повесив голову. Руки лежали на коленях, замерев в непривычной праздности. Вот жил-был человек, вершил хорошее ремесло, радовал себя и людей... а потом содеялось зло, и гордый промысел, никого не сумевший защитить, оказал себя бессмысленным и никчёмным. Страшно это, если подумать. Светелу бросилась в глаза обильная седина, побившая волосы Жога, ещё недавно такие же чёрно-свинцовые, как у старшего сына.

Он, вообще-то, хотел попросить лоскут ненужного камыса, подлатать рукавицы, но посмотрел на отца и сказал совсем другое:

– Атя, благослови, я бы лыжи гнутья поставил?

Жог медленно поднял глаза. Впрозелень голубые, Скварины. Только какие-то... пыльные, что ли. Совсем потускневшие.

Светела как ударило. «А если я Сквару где-нибудь в темнице такого же отыщу... Погасшего... Безразличного... Стану по имени называть, а он и не встрепенётся...»

– Атя?..

Жог молча кивнул. Снова уронил голову.

Светел взял заготовку, устроил в станке, начал бережно забивать клинышки, чтобы носок точно улёгся в «лесенку» из брусков. Обретались чудные лыжи с гребнями для упругости, с узкими носами и широкими прямыми пятками, на весенний оттепельный снег. Жог бережно выколол заготовки из мелкослойного елового кряжа, взятого от комлевой части ствола. Обратил сердцевинную сторону кверху, где будут падласы. Когда лыжи высохнут, утвердятся в красивом изгибе, источник ещё укрепит их

над углями, промаслит, обошьёт лосиным камысом – станут они служить и служить, год от года бегая лишь вернее и легче...

Сын взялся за вторую заготовку. Жог наконец поднялся, подошёл проверить, всё ли он правильно делает.

– Атя, – с большим облегчением сказал Светел. – Можно, я вон тот обрезок возьму дельницы подлатать?

И показал Пеньку изодранные рукавицы, счастливо избежавшие материнского глаза.

Жог даже удивился:

– Где растрепал-то так?

Мальчишка смутился, ведь отцу его воинские намерения могли не понравиться. Но куда теперь денешься, пришлось всё рассказать.

– Убью их... Ветра с Лихарем. – Подумал, dokonчил: – Если Сквара наперёд не убьёт.

Услышь Жига-Равдуша, ведро слёз пролила бы. Куда дитяtko разлетелось, будто одного горя ей мало? Услышь Корениха, тут же задала бы внучку всяких дел, чтобы разом не до придури стало. Пенёк, сам былой стеношный разбивала, сперва только хмыкнул. Прошёлся туда-сюда. Неожиданно погладил усы... И наконец снова посмотрел на сынишку. Светлые камни верилы как будто обрели блеск. Жог мотнул головой:

– Вон кожи висят... Показывай, каково бьёшь.

И Светел показал. Въехал по козам с левой и с правой, поднёс в разбор, всем телом вкладываясь в удары. У Ветра тотчас осиротели сусала, у Лихаря глаза уплыли под лоб, из носу потекла красная юшка. Ужо вам! Шутил волк с жеребцом, да зубы в горсти унёс!..

Он почти ждал, что Пенёк похвалит его, но тот лишь головой покачал:

– Руки разуй.

Светел стащил рукавицы. Костяшки были красными, распухшими и болели.

– Ты их, значит, как честный стеношник бить намерился? – спросил Жог. Невольно посмотрел на свою правую кисть с белеющим рубцом. – Дадутся они тебе сам на сам, как же. У них чести нет, они тебя издали стрелами утычут... Или как меня вот... – Он сжал кулак, поморщился, разжал. – Да сами будут не в тулупах овчинных с толстыми воротами, а в железных рубашках. А ты руки так-то разобьёшь, ни лука, ни меча, ни ножа толком взять не можешь, о гусях я вовсе молчу.

Светел слушал его, насупившись, упрямо наклонив голову. «А я всё равно мешок бить буду», – говорил его вид, но глубоко внутри он уже

знал: отец прав. Жог давным-давно понял, как справляться с упрямыми сыновьями. Мальчишки удались таковы, что ломать, запрещать – без толку. Он сам был той же породы. Зря ли прозывался Пеньком.

Он прошёлся туда-сюда по ремесленной, тронул заготовки, стиснутые в станке. Вдруг спросил сына:

– Ты чего вообще хочешь? Себе чести? Или им смерти?

Светел подумал, ответил:

– Сквару вызволить хочу. А котляров примучить, чтобы больше не встали.

Жог прошёлся ещё. Взял кожевенный нож, пальцем испытал остроту.

– Был бы жив твой первый отец, – сказал он затем, – он бы посмотрел, что творят крапивники-котляры, и совсем их извёл бы. Ты мал был, не помнишь небось, как крапиву на репищах изводили...

Светел прошептал:

– Помню, атя...

– Её до последнего корневища если не выдернуть, не изживёшь, – продолжал Жог. – Вот будет праведный царь, да с верными вельможами, да с неприступной дружиной...

У Светела аж зачесалась правая половина груди, где пониже ключицы являлись в банном жару отчётливо различимые знаки. «И дядя Кербога то же самое баял. О праведном царе, пожалевшем сирот. А потом крапива завелась. Мораничи...»

Жог вздохнул.

– А то будто не думал я, как тебе жизнь жить, – проговорил он глухо. – Всяко не в Твёрже век вековать... Да вот... поторопили малость. А твоя судьба гордая... Чтобы Сквара... не зря...

Он запнулся, на лбу выступили холодные капли. Светел тут же подскочил к нему, схватил за руки:

– Атя, ты не надо про Сквару, живой он, я его домой приведу. Ты меня научи! Как мне их бить, чтобы не поднялись!

Жог перевёл дух, сел на скамеечку, но голову, как прежде, не свесил. Поставил перед собой сына. Положил ему ладони на плечи.

– Будет что будет, даже если будет наоборот, – повторил он присказку бабушки Коренихи. – Ты вот что послушай. Младших царевичей, сказывают, в Андархайне много витает, и каждый вперёд других кичиться горазд. Кто к жрецам с подарками, чтобы лестницу подправили, кто старших наследников извести норовит... Станут важные вельможи ещё одного слушать, если он, никто и звать никак, из лесу постучится? – И сам ответил: – Небось и до ворот не допустят.

Светел подумал было о Рыжике. О том, что люди, так несправедливо и страшно живущие, поди, не захотят слушать даже симурана. Он тихо спросил:

– Как мне быть, атя?

– Если хочешь, чтоб слушали, сильным стать надо. Ты того прогони, у кого за плечами дружина.

Светел смотрел на него, молчал, напряжённо хмурился. Он видел захожую дружину в Торожихе, на прошлогоднем торгу. Спокойные такие, не задорливые мужики. Девки им улыбались наперебой, парни косились, но предпочитали не ссориться, это Светел крепко запомнил. А ещё взрослым витязям служили отроки. Ребята чуть постарше, чем он сам сейчас был. Они со Скварой тогда на дружинных смотрели издали... точно севляжки на симуранов...

С той разницей, что обычным псам летать никак не судьба, а толковые отроки сами однажды могли встать на крыло. Принять воинское достоинство. Иные – и воеводское.

А как они играли на гусях!..

– Вижу, разумеешь, – сказал Жог.

Светел ещё не всё себе уяснил, только то, что дорога впереди обозначилась ухабистая и тёмная. Он очень тихо спросил:

– Благословишь ли, атя?

У Жога снова полыхнула в глазах боль, но не такая беспомощная, как по Скваре, а какая-то гордая.

– Благословлю, – пообещал он твёрдо. – Когда время придёт.

И некоторым образом было понятно, что срок измерялся не вёснами, не снегопадами, а его, Светела, упорством. Да не в колотушках безответному мешку, не в затрёпанных дельницах, а кое в чём поболее.

– Атя, – сказал он. – Теперь-то что делать мне, научи...

Жог притянул его к себе, обнял. Потом сказал:

– Воин неистомчив быть должен. На ногах крепок и станом надёжен, чтобы не свалили в бою. Чтобы раненого побратима нести. Возьми-ка на плечи... – И указал сыну черёмуховый кряжик возле стены. – Присядь с ним да под потолок выпрыгни. Возможешь?

– Возмогу, – нахмурился Светел. – Атя... а гусли что?

Жог улыбнулся:

– Так куда воину без гуслей. Они, если хочешь знать, главнее даже меча. Изначальные гуслиры рождение мира приветствовали. Белый свет не остановится, пока гусли поют... Неси-ка дедушкины сюда!

Семья Жога Пенька жила в сильном зеленце. Не таком большом, чтобы держать своё купилище, но и не в каком-нибудь едва теплящемся хуторке. После Беды сюда собрались шабры из трёх лесных деревень, разошедшиеся потомки одного давнего праотца. Заново свели родство, назвались одним именем: Твѣржа – и стали жить дружно, потому что иначе было не уцелеть. Прежние деревни теперь стали концами.

Избы полумесяцем выстроились по берегу кипунов, с наветренной стороны, чтобы тёплая сырость поменьше лезла в дома. Дымящийся вар истекал в пруды, из них в другие и третьи. Были пруды с питьевой водицей, были банные и для стирки, были целебные, где горячие воды точились сквозь россыпь чёрного камня. Зелёные заводи с болотником, озёрной капустой и другими водорослями, годными в пищу. Влажные камни над ними обрастали мхом вроде того, из которого бабки делали горлодѣр. Было длинное проточное озеро, где кормились утки и гуси, плавали коропы и жирел на придонных рачках тот самый шокур, которого Пенёк с сыновьями стружили в походе. Старикам кормлёная рыба казалась не так вкусна, как когдатошняя, из вольных притоков Светыни. Верно или нет, но рос озёрный шокур уж точно быстрее дикого, и на торг везти его не стыдились. Лишняя вода из озера бежала в спускные пруды, где замерзала.

Чтобы она могла течь, пруды чистили. Это была всем работам работа. Мужики сокрушали прозрачные наплывы тяжёлыми пешнями с железками как топоры, бабы подгребали, ребятня оттаскивала битые пешенцы, сперва на саночках, потом на себе. В сильные морозы вроде нынешних подводили по желобам кипятков, потому что каменный лёд без него было не одолеть.

Светел, как все мальчишки, примеривал руку к тяжелой пешне и с обидой понимал, что не дорос. То есть поднять-то мог, но работать, доколе не покажется дно...

«Какое тут мечом в битве махать!..»

Выручало опять же мальчишеское, нутряное, природное понимание: не в эту зиму, так на следующую он с пешней непременно поладит. Жогу было обидней. Его всегда хвалили среди самых ломовитых работников. А в этот раз дядя Шабарша, большак, приставил Пенька чуть не к стариковскому делу – направлять желоба. Да ещё нарядил к нему в помощники двоих дюжих парней, чтоб не сам колоды переставлял.

Светел видел: отец восстал было, но Шабарша лишь строго зыркнул на него из-под кустистых бровей, и отец покорился. Кто от сыновей послушания ждёт, должен сам уметь слушаться, иначе никак.

– Ой-ёй, понамёрзло льду-то!.. – взлетел над струями пара,

над перестуком пешней задорный девичий голос.

– Да и мы с лопатами тут!.. – дружно отозвалось твёржинское женство.

Сколько голосов, но материн возносился отдельно от всех, слышимый ясно и внятно. «Крылатый...» – вспомнилось Светелу. Он давным-давно уже не слышал, как поёт Жига-Равдуша.

Дедушка Игорка пробежался пальцами по гусельным струнам. Руки у него сильно обгорели в Беду, лишились ногтей, но чудесная снасть вернула им ловкость. Внучка Ишутка подняла рогатый бубен, стукнула колотушкой в растянутую козлину.

– Ой-ёй, груди да комки! – вновь воззвала слава деревни. – Где ж вы, наши мужики?

Те – сила деревни! – слаженней застучали тяжёлыми лезьями, точно плясовой шаг задавая. Грянули в ответ:

– Кыште, девки, тресни, лёд! Рать могучая идёт!..

Битое крошево бросали лопатами в кожаные кузова. Ребятчи ватаги ставили их на санки, впрягались и наперегонки везли к ледяным валам. Там с внутренней стороны были давно отлиты и забросаны песком ступеньки наверх. По ним кузова втаскивали на плечах. Вываливали с наружной стороны, спешили за новой насыпкой. Младшие девки ведёрками носили тёплую воду, поливали откосы, чтобы оставались скользкими и крутыми.

Спускных прудов в деревне было достаточно, валы кругом зеленца намерзали уже восьмой год. Скоро и места не узнать будет, где бегал с кузовом Сквара.

– Кто хлабоня, кто у нас только ложкою горазд? – вопрошали девки.

Парни отзывались, ухая в лад ударам пешней:

– На таких наш норов крут! Вмиг загоним в бабий кут!

– Кто не яр, не спор, не дюж, не жених нам и не муж! – обижались неугомонные девки. – Лень работе не указ, заberi таких от нас!

Пенёк стоял на самом верху, поправлял то один рычаг, то другой, посылал дымные струи туда, где лёд уступал всего неохотнее. Может, ему казалось, будто девки пели о нём, хотя, конечно, это было не так. Светел всё оглядывался на отца, втаскивая на вал очередной кузов и сбрасывая, куда указывала палкой большуха.

«Если чем занят, будь там весь, – наставлял Жог. – Нет на свете дела важнее...»

Светел брался за кузов потяжелей, не давал себе никакой щады и чувствовал, что, кажется, не зря приседал с увесистым кряжиком

на плечах.

«А не запрошу передыху! Смогу! Я раненого побратима несусь!»
Опорожнял кузов и всякий раз смотрел на дорожку, по которой они тогда ходили за реку. «Вот гляну сейчас, а там Скварко идёт...»

Сквара не шёл.

«Ничего. Я сам туда приду, где его мораничи неволят. Я все их двери с петель снесу. Все стены на дрова разберу, всю крапиву повыведу. Сквара меня узнает... И обнимет... Я ему на гусях стану играть... Мы домой вместе пойдём...»

Братскому труду – братская трапеза! Внутри зеленца работников ждали столы, заботливо накрытые старухами. Взрослые шабры стали чинно рассаживаться, ребятня болталась кругом – подхватывать, что останется. Светел ещё немного послушал, как пели струны деда Игорки, но к сверстникам не пошёл, хотение пропало ещё со Звигуровых застолий. Побыл немного, поплёлся домой, начиная чувствовать, насколько устал. Не гордый будущий витязь – глупый малец, сам себя уходивший невмерным трудом. Потрепал по ушам Зыку, толкнул дверь, привычно покосился на палицу... Из рубашечных лоскутов родились новые куклы, они сидели вплоть братины. Одна темноволосая, другая жарая и растрёпанная. Светел скинул козых, уселся на тёплом припечке, сомкнул глаза...

Он уже спал, свесив голову на плечо, когда появилась бабушка Корениха. Светела разбудил запах. Бабка тихо открыла заслонку и рогачом, поставленным на деревянный каточек, вывела из вчерашнего жара толстостенный горшок.

Двигаться не было мочи, но мальчишка сразу поднялся:

– Бабушка, благослови, помогу?

Корениха чуть не сказала ему, что спросонья он, чего доброго, вывернет посудину на пол, но не сказала, отдала ухват. Светел перенёс тяжёлый горшок сперва на хлопот, после на стол. Пахло из-под крышки – голова кругом: кашей из рогульника с салом и зеленью!..

Корениха заметила, как проглотил слюну внук, сказала с усмешкой:

– Погоди чуть... Придут сейчас.

Она как в воду глядела. Почти сразу в сенях послышались шаги. Пригнувшись в дверях, ввалился хмурый Жог, за ним перелезла порог чуть не плачущая Равдуш. Корениха только кончила раскладывать ложки.

– Садись, сынок, садись, государыня невестушка, вечерять пора.

Светел смотрел на отца, беспокоился. Может, кто не думавши брякнул,

дескать, прежде Жог всё пешней махал, что ж теперь? Куда, мол, такому бессильному сына было сбережь!.. Или атя сам напраслину выдумал и на себя осерчал? А то просто смекнул, кто шепнул большаку: мужу-де с той несчастной поездки всё нездоровится, ты уж поберёг бы его...

Вот был бы Сквара, небось совсем скоро встал бы в пешни со взрослыми молодцами, да и сейчас учинил бы всё равно что, лишь бы отец не грустил...

Мать вдруг щёлкнула Светела звонкой деревянной ложкой по лбу:

– Куда не в черёд!

Размечтавшийся Опёнок уронил ложку, виновато заморгал. Бабка и мать строго смотрели на него, Пенёк молча жевал. Когда оказалось, что Светел без уважения крошит на пол лепёшку, да к тому ж норовит подцепить лишнюю толику сала, Жог вдруг встал и по-прежнему молча вышел за дверь. В стену ремесленной с силой грохнули тяжёлые, ещё не обтёсанные заготовки.

Равдуша вскочила, всплеснула руками, громко, со стоном, заплакала, принялась хвататься за какие-то дела, но чего не упустила, сама тут же бросила. Светел по вершку передвигался на край скамьи: куда бы деться?..

Бабушка толкнула его локтем:

– Ступай к отцу, утешь.

Повторять не понадобилось. Светела сдуло прочь. Жог бродил из угла в угол, натыкался то на верстак, то на станок. Мотал серой головой, икал, тёр ладонью живот... Светел рванулся к нему. «Ну даст подзатыльника... Ну прибьёт, пусть...»

– Атя!..

Подскочил, уцепился, ткнувшись лицом прямо в руку со шрамом, прижимавшую подложечье. Кажется, Жог был вправду готов оттолкнуть его... не оттолкнул. Выдохнул, сел и сам притянул сына к себе. Светел привычно ощутил его огонёк, обхватил, взялся храбрить. Как же он хотел сказать Жогу, что тот всех лучше, что ни у кого больше нет такого отца... Не сумел, да, по сути, и не надо было ничего говорить.

Дверь снова открылась, в ремесленную робко сунулась мать. Посмотрела на них, вытерла слёзы, подошла. Погладила мужа по волосам: отстранится ли?.. Жог не отстранился. Выпростал одну руку, обнял Равдушу за пояс.

Светел почему-то смутился, почувствовал себя лишним. Огонёк отца стоял крепко. Светел сполз со скамейки, убрался за дверь. Внутри тихо заговорила мать. Жог прогудел что-то в ответ. Светел не разобрал слов, только то, что в голосе отца прозвучало неожиданное лукавство. Потом

дверь заложили изнутри.

Светел вернулся в избу.

– Садись, – велела Корениха. Заново сняла крышку с горшка. – Ешь.

Он ковырнул почти нетронутую кашу. На самом деле ему хотелось только спать. Вот бы опять устроиться на припечке... На полатах хорошо, если рядом, но что-то подсказывало – нынче мать с отцом не скоро объявятся. А брат, у которого пригреться бы под боком...

– Ешь давай! – повторила строгая бабка. – А то в плечах моченьки не будет!

Светел нахмурился, зачерпнул полную ложку. Куклы смотрели на него с поллицы.

«Я силу наберу. Я велик поднимусь. Я Сквару пойду искать...»

Так он и задремал, поникнув на столешницу головой.

Рында

Прежде Беды крепость звалась Царским Волоком, потому что здесь кончался залив, а дальше торговые пути шли надвое: болотными речками к югу или через волоки в Левобережье. Старое название до сих пор бытовало, но теперь больше в ходу было новое: Чёрная Пятерь. Со времени Беды успело повзрослеть племя, которому прежнее название требовалось объяснять. Нынешнее и без толкований было понятно.

Сквара таких больших построек никогда раньше не видел. Только избы в два жилья в купеческой Торожихе, где держали торг и витали богатые люди. Да и то внутрь не входил. Светел ему рассказывал о просторных каменных лестницах, о сводчатых палатах, открытых тёплому солнцу и свежему ветру с моря... Теперь Сквара лучше представлял себе, о чём вспоминал брат.

Старшего Опёнка снедало любопытство, он рад был бы всё здесь облазить – от подвалов до смотровых площадок на башнях, но покамест новые ложки мало куда ходили одни. А открытого глумления над запретами мораничи не прощали, это он тоже успел себе уяснить.

Выпустив из загаженного подвала, мальчишкам для начала почти под корень обкромсали овечьими ножницами волосы. После чего, окончательно униженных и несчастных, повели – почему-то крича и подгоняя, как на пожаре, – в другую хоромину, чуть менее зябкую, по крайней мере без потёков сырости на стенах. Здесь несколько самых робких и безразличных облюбовали себе уголок, где и засели. Другие обнаружили нестроганные доски, сваленные под стеной. Тут же разгорелась драка из-за самых широких, годившихся для настила. Ознобиша первым сообразил, что на полу валяются не просто доски, а разобранные топчаны.

– Всё пытаются нас, – тихо сказал он Скваре, когда они вдвоём воздвигли первый лежак и взялись за следующий. – Смотрят на каждого... И в дороге, и здесь...

Топчанов хватило на всех. Они были не очень устойчивыми и могли держаться только упираясь один в другой. Скоро деревянные подвысы рядом выросли вдоль стен, ещё восемь заняли середину хоромины.

Двоим строителям достались уже привычные места возле двери.

– Значит, тут жить будем, – сказал Сквара.

Похлопал по занозистым доскам, улыбнулся.

– Весело тебе?.. – хмуро спросил Лыкаш.

Без кудрей у него мёрзла голова, топчан казался ненадёжным, а будущее – вовсе безрадостным.

– Не, – сказал Сквара. – Чтоб весело, так не очень. А больше толку нос вешать?

В тот день их ещё заставили чистить холодницу. Для уборки туда внесли свет. Сквара увидел по стенам кольца со свисающими цепями. Цепи заканчивались ошейниками. Сквара с Ознобишей только переглянулись. Может, Ивень тут перед казнью сидел? Ознобиша взял в руки один из ошейников, показавшийся менее ржавым с внутренней стороны, долго не выпускал...

Когда с работой было покончено, их накормили. На чёрном дворе, у порога поварни, какими-то остатками, вполсыта... но накормили. Не иначе – корками с пира, что любовно готовил к возвращению котляров толстый державец Инберн.

– Больше даром ничего не получите, – насмешливо предупредил Лихарь.

Новые ложки испуганно таращили на него глаза.

– Это как? – спросил Сквара.

– Господин стень!

– Это как, господин стень?

– А так, что из лука станете стрелять, кто попал, тот и съел. На шест лазить начнёте, а лепёшки наверху будут висеть!

Ознобиша сразу загрустил. Метко выстрелить или влезть куда-то вперёд других он не надеялся.

Лихарь добавил:

– Грамоте возьмётесь учиться, кто прочёл, тот и сыт!

Тут уже Сквара наклонился к уху братейки, решил подбодрить:

– Со мной-то поделишься?..

Когда их вели обратно, навстречу вдруг проплыла волна одуряюще сдобного запаха. Потом донеслось шарканье шагов, неровный стук сошки. Наконец из-за поворота каменного коридора вышла сгорбленная старуха. Она несла под мышкой опрятный лубяной короб. Из него-то и распространялся упоительный запах.

Мальчишки так и потянулись на дивный дух. Каждый немедленно вспомнил самую вкусную перепечу, когда-либо пробованную дома. Избяное тепло, ласку родных рук...

Одна нога у старухи была согнута то ли давней хворью, то ли увечьем. Тем не менее ковыляла древняя карга на удивление шустро.

– Здравствуй, бабушка, – уважительно поздоровался Сквара.

Он никак не чаял её осердить. Еле увернулся, когда старуха вдруг зло зашипела, развернулась и со всего маху треснула по нему костылём. Мальчишки влипли в стены, освобождая ей путь. Сквара заметил, как опасливо посторонились межеумки.

Позже они узнали, что склочная бабка звалась Шерёшкой. Она обитала на дальних выселках, где её дружно ненавидели и боялись шабры. Грозна она была, конечно, не сама по себе, а потому, что ей благоволил Ветер. Межеумки знали причину благоволения, но мелкой шушели не рассказывали. Знай оттопыривали губу: мол, сведаете в свой черёд. Скваре было любопытно, но что поделаешь, если не говорят. Да и не самое насущное, чего они ещё не знали про Пятерь.

Ветер не показывался уже несколько дней. Лыкаш, обладавший, кажется, способностью всё как есть визнавать, от кого-то слышал, будто господин учитель уехал по важному и даже опасному делу. Так было или нет, а новыми ложками без него распоряжался Лихарь. Когда их в одних рубашках выгнали в передний двор, все ждали, что вот сейчас придётся лезть на шесты или сбивать стрелами лепёшки. Но в углу двора виднелся всего один столб примерно в человеческий рост. Толстый, чёрный от времени и смолы. Наверное, он и прежде там был, только они мимо смотрели. Стоёк выглядел мало подходящим для лазанья, не нёс отметин от метания и стрельбы.

– Столб видите? – спросил Лихарь.

Ложки посмотрели в угол, а стень с удовольствием пояснил:

– Там ленивых и непослушных наказывать будем. Чтобы оставляли у столба либо свою вину, либо свою честь!

Ознобиша споткнулся на ровном месте. Сразу вспомнил вывернутые руки Ивеня. Да, кажется, не он один.

Сквара присмотрелся к столбу. Ни кольца, ни рассошины, чтобы перебросить верёвку.

Он спросил:

– А как наказывать будут, господин стень?

Лихарь покивал головой:

– Уж тебя-то длинный язык первого туда приведёт. Тогда и узнаешь.

Вместо луков им вручили широкие лопаты, окованные железом, велели подвязать ледоходные шипы к валенкам. Недавно прошёл снегопад – нужно было чистить дорогу.

В крепостные ворота упиралось много путей. Новых ложек погнали на тот, по которому собирались вывозить поганные бочки. С высокого берега

была хорошо видна белая равнина залива и подползавшее с юга тёмное пятнышко. Кто-то ехал в Пятерь. Может, Ветер возвращался?

Ознобиша поднял голову:

– С чего взял, что Ветер?

– Дозорные на башне уже давно небось разглядели, а войско не всполошилось, – сказал Сквара. – И нас вот за ворота ведут... Значит, Ветер не Ветер, но всяко свои.

Ознобиша вдруг спросил:

– Ты что, соскучился по нему?

Сквара подумал, ответил:

– Его спросишь, он хоть объяснит. А Лихарь только гвоздит, какие мы дураки, да язык отрезать грозит.

– А тебе спрашивать охота...

Сквара нахмурился:

– Я сюда не хотел. Но коли попал, толку-то притворяться, что сейчас дома проснусь.

За пределами зеленца дорога некоторое время тянулась по гребню, где почти не было снега. Потом ныряла вниз и довольно скоро превращалась в этакий ров между двумя гладкими льдистыми стенами. Здесь уже пошли в ход лопаты. Оплавленные оттепелями стены стояли высокие, в хорошую косую сажень, поди ещё приноровись, чтобы выброшенный снег перелетал край и не валился обратно. Половину мальчишек, тех, что были поменьше, с самого начала загнали наверх – отгрести, перекидывать дальше. Иначе к концу зимы будет и не добросить.

Сквара поддевал снег, зашвыривал туда, где переступали обшитые кожей валенки Ознобиши. Привычное, но натужное дело требовало усилия всего стана. Здесь было ещё не так холодно, снег садился на лопату сплочёнными глыбками, работа шла споро. Дальше, где снег станет сыпучим, будет труднее.

Рядом топтался недовольный Пороша.

– Пускай бы дикомыты лопатами и махали! – зло сказал он подошедшему межеумку. – Вон, ему нравится! А мы воинской учельне обязывались!

В ответ он получил подзатыльник. Очень сильный и такой быстрый, что парень не успел ни увернуться, ни даже сообразить, с какой стороны прилетело. Лишь бестолково взмахнул руками, сплющил нос о ледяную стену, оставил на ней ярко-красную кляксу.

– Воин должен слушаться и терпеть, – спокойно сказал межеумок.

Пороша сразу перестал спорить. Подхватил лопату, начал бросать,

зло шмыгая и время от времени осторожно сморкаясь.

Сквара смотрел на взрослых парней, пытаясь поверить, что всего через несколько лет они с Ознобишей станут такими же. Верилось плохо.

Уже к сумеркам дорога повернула последний раз. Стал виден ещё один зримый след стародавних корчей земли. Снежный ров упирался в широкую трещину с отвесными и почти чистыми стенами. Судя по тому, что снег до сих пор не заполнил её, трещина была неимоверно глубокой. Возле самого края позаботились устроить бортик и в нём слив, чтобы опорожнять бочки.

Последние рассыпающиеся сугробы спихнули прямо в обрыв.

– Домой! – велел Лихарь.

Новые ложки устало потащились обратно.

Лихарь посмотрел на их понурые головы:

– А хвалу петь я за вас буду?

Что петь, они уже знали.

– Славься вовек... – уныло, враздражку затянули мальчишеские голоса.

Петь было велено по-андархски. Не все верно выговаривали трудные чужие слова, не все их и понимали.

Господин стень отвесил ближайшему отроку сокрушительную затрецину, швырнув на соседа:

– Я петь сказал, а не скулить! Порадуйте Владычицу, не то я сам вас порадуя! К столбу захотели?

Угроза была непонятной и от этого особенно страшной. Испуганные ложки заголосили по-прежнему нестройно, зато во всё горло:

Славься вовек, Мораны справедливость!

Праведный суд и верность навсегда!

Будем служить мы Ей, покуда живы,

Разум наш ясен, и рука тверда!

Мы расточим врагов Её державы,

Трепет и ужас до скончанья дней

В них мы вселим – и Ею будем правы,

Гибель неся любому, кто не с Ней!

На втором круге песни они даже начали попадать в лад.

Сквара больше впустую открывал рот, потому что песня ему не нравилась. Под неё удобно получалось шагать, но и только, стихотворец был далеко не дядя Кербога. Вот кто песни слагал – заслушаешься! Даже та

неправильная колыбельная краше была. А уж мораничам он такое бы сочинил, чтобы они со злости в поганую трещину сами попрыгали...

Сквара жгуче пожалел, что лишь мимолётно соприкоснулся с ремеслом скомороха.

«Царица... удавиться... провалиться...»

Новые ложки топали валенками по плотно убитому снегу и блажили:

Славен разящий гнев Твой, о Царица!
Славен котёл и братья за спиной!
Круг Мудрецов, что выучил молиться
Приснодержавной Матери одной!

И как бы отдельно от всех плыл один голос, в восторге выводивший совсем другие слова.

Если мы вдруг прогневаем Царицу,
Свяжут верёвкой руки за спиной.
Бросят в котёл, чтоб до смерти свариться,
Или запрут в подвале за стеной...

– Молчать!.. – не своим голосом заорал Лихарь. Вмиг стало тихо. Тогда он зловеще, с нешуточным бешенством выдохнул: – Кто?!

Хотён и Пороша одновременно вытянули руки, указывая на Сквару.

Тот успел только зубы оскалить. Межеумки единым духом завернули ему за спину руки, поступив в точности по его песне. Согнули пополам, поддёрнули за штаны – и быстрым шагом потащили вперёд, прикладывая по дороге о каждый выступ стены. Ознобиша заплакал, побежал следом. Лихарь поймал его за ворот, швырнул к остальным, едва не снеся голову оплеухой.

Напуганные ложки сбились в кучку, молча затрусили дальше. Каждый представлял себе столб и то тёмное и ужасное, что возле него сейчас сделают с виноватым.

Сквара тоже думал о столбе, насколько ему вообще удавалось думать между сыпавшимися тумачами. Когда добрались до ворот, он исполнился решимости затеять последний бой и погибнуть, но к столбу не даваться. Беда только, ловкие межеумки никак не позволяли ему крепко стать

на ноги, а как без этого задерёшься? Сквара отчётливо понимал: что захотят над ним, то сотворят, и не вдвоём, а каждый поодиночке. Как Лихарь и Ветер в Житой Росточи...

По счастью, его протащили мимо столба. Спустили в уже знакомый подвал. Только не оставили спокойно отлёживаться на полу, а поволокли в глубину, нацепили ошейник. Дали ещё по пинку. Захлопнули за собой дверь...

Немного проморгавшись, Сквара разжал кулаки, утёр лицо рукавом, начал было думать, как пересидеть ночь раздетому... и неожиданно понял, что в покаянной он не один. У противоположной стены, ближе к каменной пасти, кто-то дышал.

Насторожившись, Опёнок притих, стал ждать, пока глаза привыкнут к скудному освещению. И наконец различил взрослого мужчину, сидевшего на такой же цепи, только в дополнение к простому ошейнику на нём была какая-то треугольная снасть из железных прутков: ни руки вместе свести, ни нос почесать. Мужчина молчал и в свою очередь пытался рассмотреть Сквару. Было видно, как блестели глаза.

– Ты кто, дядя? – сипло спросил Сквара.

Человек не ответил. Тогда он повторил по-андархски:

– Ты кто?

– Всё тебе скажи, – проворчал низкий голос. Мужчина передвинулся, на ногах звякнули кандалы. – Сам кто таков?

– Я-то?.. А я с Конового Вена, меня в котёл сильно забрали... Скварой люди ругают.

Мужчина подумал, отозвался:

– Тогда меня ругай Космохвостом.

– Ух ты!.. – восхитился Сквара и на время забыл даже про холод. – А у тебя, дядя, правда, что ли, хвост есть? Косматый?..

Человек негромко засмеялся:

– Рассветёт, тогда увидишь. – Помолчал, спросил: – Ты-то здесь за что, малый? Лихарю не так поклонился?

– Не, – сказал Сквара, забыв удивиться, откуда неведомый узник знает Лихаря и его нрав. – Нам хвалу велели петь ихней Моране, а мне слова не полюбились, я и давай свои складывать.

Космохвост вдруг помрачнел:

– Полно заливать-то, парнишка. Ведь врёшь...

Сквара нахмурился:

– А вот не вру!

– А не врёшь, спой, что сложил.

Сквара с готовностью набрал воздуха в грудь:

– Если мы вдруг...

– Тихо ты!.. – сразу щунул его Космохвост. – Придержи голосину! Допоеёшься, что отступником назовут! А с отступниками знаешь что здесь творят?

– Знаю, – вздохнул Сквара. – Видели.

– То-то, олух... Тихонько петь можешь?

Сквара кивнул и шёпотом повторил свою крамолу.

Узник расхохотался – громко, от души. Тут же охнул, настигнутый болью, смолк. Обождал, успокоил дыхание, опять засмеялся, уже осторожнее.

– Ну, парень!.. Если снова не врёшь...

Теперь Сквара лучше видел его. Этот человек выглядел настоящим воином, плечистым и крепким. Когда-то он брил бороду по-андархски, но теперь скулы облепила щетина. Голову охватывала повязка, запёкшаяся кровью возле виска.

Сквара хотел спросить Космохвоста, за что тот к мораничам в холодницу угодил, но его отвлекла тень, мелькнувшая наверху. Во дворе горели факелы. Мимо окна прошёл Ознобиша.

Узник заметил его взгляд, тихо спросил:

– Что там?

– Дружок мой, – сказал Сквара. – Братейко.

– Небось пожрать тебе сунуть хочет? Самого дурака сюда же запрут, да ещё откулачат...

– Не, – мотнул головой Сквара. – Не запрут. Умный он, не попадётся.

Ознобиша прошёл снова, в другую сторону, не глядя на окно, и пропал.

Космохвост потянулся к повязке на голове, но жестокая снасть остановила его. Он усмехнулся:

– А я, выходит, дурак, коли попался.

Сквара обождал, потом спросил:

– Ты, дядя, что им сделал-то?

В трубе над каменной пастью негромко зашуршало. Вылетела туча саж, на дно очага шлёпнулся узелок.

– Спасибо, братейка, – пробормотал Сквара.

Третьего дня они с Ознобишей мыли пол наверху и увидели дверку в стене. Она ржаво закрипела, когда её отворили. В чёрной трубе обнаружилась железная перекладина. «Лодырей коптить», – насмешливо пояснил межеумок...

Космохвост с любопытством спросил:

– Как добывать будешь?

Сквара потёр ладонями озябшие плечи. В ту дверку человека нельзя было пропихнуть, даже мальчишку. А вот откуда тянулся дымоход и как мог пригодиться, они быстро смекнули.

– Ты, дядя, если под стену достанешь, там палка припрятана...

Мужчина завозился, привстал на колени, сгребая кандалами каменный бой на полу. Рукой не сумел, повернулся, ногой выудил палку. Не с первой попытки перекинул в ладонь – и выгреб свёрток из очага.

– Лови, малец.

– Не, дядя, стой! Пополам...

На битых камнях не очень-то разоспишься. Особенно в холоде, под урчание несытого брюха... Временами узники замолкали, клюя носом в ошейниках, потом опять начинали разговаривать.

К полуночи Сквара узнал, что Космохвост был рындой. Этим словом, звонким, словно удар колокола, андархи называли телохранителей. Да не тех подобранных по статьям праздных красавцев, что во время великих приёмов стоят в белых кафтанах возле трона властителя. Стоят, маются, щиплют себя, боясь выронить золочёные топоры... Космохвост обходился без жемчугов и шитья. Был просто хранящей тенью за плечом Эдарга, царевича одной из младших ветвей. Тенью неприметной, но грозной.

Однажды господин с госпожой собрались из родного Шегардая в столицу: Эдарга пожелал видеть царь Аодх. Венценосные супруги отправились в самый дворец... а лучшему своему, самому доверенному рынде велели остаться в дальнем загородном подворье, побережь двоих дыбушат – годовалого царевича Эрелиса да старшенькую Эльбиз. Недовольный Космохвост остался ругаться с няньками и кормилицами. Тогда-то грянула Беда с победушками. Жар, плавивший южные склоны холмов, дотла сжёг подворье. Вот так скромный телохранитель в одночасье стал для венценосных сироток и воспитателем, и защитником, и едва ли не единственным другом...

– Это почему? – спросил Сквара. – Куда ж окольные подевались?

Он помнил рассказы Светела о многолюдье высоких палат. Царедворцы, воины, слуги...

– А ты представь, тебя бы целая деревня баловала и любила, а потом явился медведь, и все растеклись.

Сквара попробовал вообразить. Не получилось.

Космохвост понял его недоумение:

– Каждый, кто уцелел, к своей семье побежал. А у меня семьи не было, только господин да дети его.

В первые, самые страшные годы, когда ласковая зелёная страна оказалась под снегом и люди из всех сил чаяли протянуть ещё день, маленького Эрелиса считали седьмым наследником трона. Это, может, было и хорошо. Кому нужна жизнь или смерть захолустного царевича, который никогда не станет царём?.. Потом что-то начало происходить. Один из первых наследников заблудился во время охоты, замёрз насмерть. Другого в лютую метель нелёгкая потянула на башню, откуда сильный порыв швырнул его наземь. Ещё один выбрал неудачное место для переправы, канул под лёд вместе с санями... В общем, Эрелис довольно скоро вместо седьмого стал третьим.

Космохвост, не веривший в совпадения, нашёл где-то на улице других двух сирот, мальчика с девочкой. Выучил одеваться в узорочье, носить чужие волосы, ладить с царскими кошками...

Сквара сразу догадался зачем, но догадка была такой страшной, что верить не захотелось. Он спросил:

– На что, дядя?

Космохвост ответил без затей:

– Не каждый рында бьётся оружием. Иные просто умирают вместо господина и госпожи.

Сквара представил себе, как взрослый мужчина объясняет двоим голодным оборвышам, что их отдадут подосланному убийце. Стало ещё страшнее. Но с тем и любопытнее.

Цепь не позволяла ему лечь у стены, спасибо на том, что удавалось подняться. Он встал, сунул руки под мышку, начал быстро приседать, пытаясь согреться.

– А дальше что было, дядя?

– Дальше... – Рында вздохнул. – Так тебе скажу, парень: боялся за своих царят я не зря.

– Нешто убили?

Космохвост пожал плечами:

– Надеюсь, что нет.

– А... тех других ребят? Заменков?

– Я всех спрятал, как почуял, что злыдни настали. – И усмехнулся: – Пускай за многими зайцами бегают.

– А сам ты?

– А я бой дал, чтобы скрыться успели. Благо ваши мораничи

без хитростей обошлись, просто в дом влезли.

– Ну тебя, дядя... Скажешь тоже, наши!..

– А меня кто, по-твоему, сюда приволок?

Сквара долго молчал.

– И вовсе они не мои, – пробурчал он затем. – Слышь, дядя... Теперь-то что с тобой будет?

Узник зябко пожал плечами. Цепь звякнула.

– А что гадать... Ветер небось про царят выпытывать станет. Потом убьёт.

– Ты и Ветра знаешь?

– А как мне его не знать? – удивился Космохвост. – Я сам ложкой в котле был. Только при праведном царе первые ученики становились телохраниителями. Теперь мы, рынды, – второй разбор, а лучшие убивают.

Сквара стал думать о маленьких сиротах, вряд ли толком помнивших солнце. И как они, прижавшись, тихонько сидели в тесной и тёмной скрыне, пока их защитник отбивался от страшных людей в короткополых одеяниях котляров. И как теперь брат с сестрой шли, взявшись за руки, по ночной снежной дороге, держа путь в тайное место... о котором Ветер станет выпытывать, но дядька Космохвост нипочём ему не расскажет...

Почему-то он очень зримо представил кошку облачно-голубой шерсти за пазухой у девчушки.

Рында вдруг тоскливо проговорил:

– Хорошо вы живёте там у себя, на Коновом Вене. Я слышал, у вас до сих пор двери не запирают... Правда, что ли, или всё врут?

– От кого запирать? – удивился Сквара.

Космохвост снова вздохнул:

– Вот и живите так ещё тысячу лет да счастьем своему радуйтесь...

Сквара худо-бедно заснул только под утро. Приснилось ему всякое непотребство. То он убегал из подвала, таща на себе Жога, одетого и закованного, точно Космохвост, то рвался отбивать Светела, которого собирались вздёрнуть, как Ивеня...

Проснулся он от лязганья засова. В холоднице было почти светло. Сквара увидел, как у противоположной стены зашевелился рында. Дверь отворилась. Вниз сошёл Лихарь.

– Утро доброе, – весело сказал ему Космохвост. – Пожрать принёс или сразу пальцы обрубил?

– Нужен ты мне, – буркнул стень. – Тебе Ветра ждать.

Узник поудобней устроился возле стены, подобрал ноги:

– Так я и знал, что он тебе до сих пор никакого веского дела вверить не хочет. Ты небось ещё крови-то не видал.

Сквара чуть не взялся рассказывать ему про Подстёгин погост, но увидел, как Лихарь сжал кулаки, и что-то остановило. Космохвост отвернулся, бросив:

– Жалко мне тебя, Дудырь.

Почему это рекло так взбесило молодого котляра, Сквара не понял, а задуматься или спросить не стало времени, поскольку дальше всё произошло очень быстро. Стень шагнул к узнику, желая то ли припугнуть его, то ли пинка дать...

Космохвост метнулся навстречу движением, больше всего напоминавшим прыжок, хотя в его-то веригах какие вроде прыжки? Тело рынды выхлестнуло вперёд, распрямившись над полом, ноги оплели ноги Лихаря, подрубили их цепью. Стень заорал от неожиданности и свалился прямо на пленника. Космохвост, успевший перевернуться, метил схватить его за волосы или за шею, но снасть помешала – не достал. Правая рука лишь вцепилась в плечо, Лихарь сумел вырваться. В кулаке рынды остался порядочный клочок сукна. Котляр откатился, вскочил, в два прыжка скрылся за дверью. Сквара только заметил, какое белое у него было лицо.

– Эх, – досадливо проворчал Космохвост.

Бросил лоскут, устроился на прежнем месте возле стены.

Сквара отклеился от камней, снова начал дышать.

– А ты его, дядя, убить мог...

Язык почему-то заплетался.

– Жаль, не убил, – сказал Космохвост. Помолчал, непонятно добавил: – Прости, парень, если и на тебе отыграются.

Пока Сквара соображал, что имел в виду рында, вернулся Лихарь. Красный вместо белого, трясущийся от ярости и унижения. Он даже каменную крошку не выбил из одежды, зато в руках держал небольшой самострел. Едва сойдя со ступеней, стень молча навёл его на Космохвоста, спустил тетиву. Рында охнул, потянулся к бедру, к торчащему древку... обмяк. Свесил седоватую голову в заскорузлой повязке.

Следом за Лихарем в подвал ввалилось с полдюжины старших и межеумков. Космохвост потерялся у них под ногами. Только было слышно, как били.

Сквара шарахнулся и закричал. Это небось не сверстника, одетого в толстый кожух, ногами в мягких поршеньках отпинать. Сейчас Космохвоста убьют. Растопчут по полу.

– Лихарь, вонючка! Дудырь несчастный! Отлезь от него, короста! Чтоб

тебя Морана твоя сосулькой прибила!..

Он во всё горло выкрикивал поношения, одни других опаснее и страшнее, каким-то уголком разума уже ощущая верёвку Ивеня у себя на запястьях. Но не умолкал – просто потому, что иначе было совсем невозможно.

Как позже утверждал Ознобиша, Сквару стало слышно по всей Пятери. Меньшой побратим сразу понял, что старшего пришла пора выручать. Ветер в нетчинах, к кому плакать?.. И Ознобиша бросился на чёрный двор, в поварню, – Лыкаш наверняка вызнал, что именно там видели Инберна.

Строго говоря, державец был над Лихарем не начальник. Он гоил крепость: следил, чтобы на головы не сыпались камни, чтобы содержались в порядке пруды и ухожи и люди не сидели голодными. Однако межеумки ему почтительно кланялись, Ветер разговаривал как с равным... Значит, оставалась надежда, что как-нибудь со стеном управится. Если пожелает, конечно. Если же нет...

Страшно сидеть и гадать, как всё будет. Когда начинаешь действовать, становится не до боязни. Ознобиша влетел в поварню, не спросившись возле порога. Седобородый приспешник заподозрил в нём воришку, потянулся схватить, но не поймал юркого мальчика, с маху сел на пол.

В стряпной было почти ничего не видно из-за едкого дыма: в горячие угли пролилось жирное. Зато было хорошо слышно, как ругался державец, костеривший растопыр за испорченную подливу.

Подстёгин сирота припал к самому полу, спасаясь от удушливой пелены. Почти вслепую устремился на голос. Выкатился под ноги Инберну, обхватил сапоги:

– Господин, не погуби!.. Добрый высокоимён... высокодержав...

Следом на четвереньках выполз старик, снова попытался схватить отрока. Штаны у приспешника от волнения успели некрасиво промокнуть, подтверждая презрительную кличку: Опура.

– Добрый господин! Там Лихарь Сквару в холоднице убивает!..

Державец чуть не дал мальчонке пинка. Тоже успел решить, что бесстыдник посягал на хозяйский кусок. Потом начал кое-как разбирать, о чём тот верещал. Нахмурился. Новые ложки все были ему бровь в бровь, а дикарское слово «холодница» заставляло вспомнить о драгоценных погребах с припасами. Возможно ли, что ненасытные пролазы и туда добрались?..

– Доброе высокостепенство, там ещё пленник и...

Наконец всё стало понятно. Пленник, на которого у Ветра имелись особые замыслы, был важен. Державец стряхнул Ознобишу. Устремился к выходу из поварни, кашляя, ладонью разгоняя перед лицом чад. Он-то собирался неспешно, со вкусом обсудить с главной стряпухой, в чём способнее душить вепревицу: в жидком отходе горлодёра, в масле с водорослями или в пряном вине. От какого дела, злыдари, оторвали!..

Лихарь вдруг услышал Скварины вопли. Оставил Космохвоста, повернулся и подошёл, тяжело дыша.

Дикомыт перестал кричать, лишь смотрел на него зло и отчаянно и понимал, что погиб.

В это время снова открылась дверь. На пороге появился Инберн.

– Лихарь, – громко сказал он. – Погоди, ты чего хочешь, чтобы Ветер нам обоим головы оторвал?

Сквара вскинул глаза. Успел увидеть Ознобишу, мечущегося за спиной у державца. Ещё кого-то из ложек...

Лихарь ударил без предупреждения, наотмашь. Мальчишка всё-таки вскинул руку, но это ему не особенно помогло – отлетел обратно к стене, ударился спиной и затылком, повис на цепи.

Лихарь указал на него межеумкам:

– Этого спустить. Воды принесите. Пусть за вторым ходит.

Столб

– Дядя!.. Дядя, ты живой, что ли?..

Космохвост целую вечность не открывал глаз. Однако дышал, ресницы вздрагивали. Сквара всё протирает ему мокрой ветошкой то лицо, то ладони, окликал, тормошил и не знал, что ещё сделать. За руку подержать, как Светел его самого, когда палец лечил?.. Только Светелко вправду боль отзывал...

Он уже ощупал узника с головы до пят, завернул драный кожаный чехол, рубашку и убедился: повязка на голове была не единственная. Кое-где сквозь тряпки проступала новая кровь.

«Иные просто умирают вместо господина и госпожи...»

Повязки выглядели очень несвежими. Сквара начал их разматывать, промывать раны и повивать заново, благо стиранных полос ему дали в достатке. Вот только как быть с правой рукой, сломанной в локте? Поди вправь, чтобы зажила и снова работала. Если бы хоть эту железную штуку от ошейника отстегнуть...

Космохвост вздрогнул, зарычал:

– Хорош лапать! Не девка...

– Дядя! – обрадовался Сквара. – Живой!

Рында отозвался не сразу. Говорить ему, кажется, было больно.

– Зря ты, – прошептал он затем, – ему помешал...

– Что?.. – переспросил Сквара... и вдруг понял.

Космохвост в самом деле знал опальный нрав стена. Он решил укусить Лихаря, добыть огня. Доискаться скорой расправы. Пока не приехал Ветер да не взялся выспрашивать, где скрылись царята.

– Ладно, малый, не плачь, – сказал Космохвост. – Что ж теперь... Не свезло.

– Дядя, нам тут по одеялу принесли, – виновато захлопотал Сквара. – Я одно постелил, дай тебя перекачу и сверху укрою?

Узник кое-как переполз на тощую мякоть, с облегчением вытянулся.

Некоторое время оба молчали, потом Сквара спросил:

– Дядя, а кто такой Сеггар?

Рында сразу открыл глаза. Зоркие, холодные, колючие.

– Чего врешь! Знать такого не знаю.

– Сам не ври, – обиделся Сквара. – Ты, пока лежал, три раза просил: «Сбереги, Сеггар...»

– А ещё кого я просил?

– Я тебе помню? Какого-то Косохлёста...

Узник подумал, помолчал, сказал:

– Вот что, парень... Если я опять без ума что сболтну, сразу кулаком тычь, добро?

Сквара опустил голову:

– Не буду. Жалко.

Рында усмехнулся:

– Себя пожалей, олух. Тебя Ветер тоже спросить может, что от меня слышал. А врать ты не умеешь.

Оба снова умолкли. Сквара горестно прикидывал, как бы изловчиться разомкнуть на нём железные путы, утешить и выпрямить руку. А потом Ознобиша со свёртком еды закинул бы им маленький нож. Такой, что сможет просунуться в дверную щель: небось до утра поладили бы с засовом. А там метель, да посвирепее, пусть не только разиню с башни – дозорных сдует со стен. Только до леса бы дохромать, уж тогда-то...

Космохвост вдруг начал смеяться. Сквара удивился, поднял глаза. Худое избитое лицо рынды впрямь светилось весельем. Может, он догадался, как ему спастись, и сейчас расскажет об этом?

– Дядя, ты что?..

– Чужой беде радуюсь, – фыркнул Космохвост. Охнул, сморщился, но смеяться не прекратил. – Ветер сведает, Лихаря по головке погладит?.. Кабы не пожалел ещё, что у меня из рук повернулся...

От беспокойства и наползающей жути Скваре не сиделось на одном месте. Он вскакивал, метался туда и сюда, в сто первый раз обшаривал холодницу, ища ход на волю. Заглядывал в очажную пасть. Пытался двигать расшатанные вроде бы камни внешней стены. Куда там! Едва сбитые с места силами, отворявшими земную твердь, они собирались держаться ещё не один век. А уж если рассыпаться, то всяко не от жалких потуг какого-то мальчишки. Сквара переходил к двери, пробовал дёрнуть или толкнуть, но больше с отчаяния, уже понимая, что не помог бы и ножичек. Когда Инберн уходил, с той стороны не просто засов щёлкнул – ключ в замке проскрипел.

Космохвост наблюдал за ним, терпеливо щуря глаза.

– Не мельтеши, – сказал он затем. – Сядь!

Сквара сел. Поднял щечку, стал крутить.

– Не так, так этак, лишь бы голова вкруг! – проворчал рында. – Чего ради пальцы ломаешь?

Сквара ответил:

– Они так ножи вертят. Я тоже хочу.

– Зачем?

Сквара пожал плечами:

– Я сюда не просился. Но коли попал, надо все умения превзойти.

В это время со двора слышался шум, громкие голоса. Рында тотчас насторожился, даже вскинулся на левой руке, но боль уложила.

– Что там?

Сквара мигом взлетел к окошку. Неужели Ветер? Так скоро?.. Посмотрел, оглянулся, с облегчением сообщил:

– Старшие с Лихарем на деревянных мечях пляшут.

Космохвост прикрыл глаза. Некоторое время лежал молча, потом сказал:

– Я как ты был. Только время стояло другое.

– Я сейчас не бегу, потому что они атю с мамой застигнут, – проговорил Сквара упрямо. – Буду всё знать, чему убийц учат, тогда пусть попробуют.

Узник невесело улыбнулся:

– Ох, парень... Обойдёт тебя Ветер, а ты и не поймёшь.

– Это как?

– А так, что хитрости в тебе нет, простая душа. Вдруг меня к тебе нарочно подсунули?

Сквара переложил щепочку в левую руку, свёл брови:

– Ты-то про меня сначала так и подумал.

– Верно, подумал.

– Ты царевичей охранял, – сказал Сквара. – А я нужен кому, чтобы ради меня петли метать?

Космохвост только вздохнул: о чём с таким говорить. Снова прикрыл глаза. Сквара покосился на него и вдруг понял: если б не цепь, рында сам сновал бы по холоднице, колупал каждую щёлку, пытал дверь, примеривался к решётке... Никому не хочется умирать. Тем более – поднимать муки. Молчать за пределами сил, спасая других... Пока Опёнок соображал, как ещё отвлечь узника разговором, тот сам попросил:

– Спой опять, как ты Морану славил. Только тихонько!

Сквара спел.

– Правда, что ли, не врёшь, будто сам сложил?

Сквара покраснел:

– Кто дразнил, что врать не умею...

– А ещё сочинить можешь?

Сквара хотел ответить «куда мне», но вновь вспомнил Кербогу и сказал:

– Попробовать можно...

Космохвост открыл глаза, заулыбался, хищно, с предвкушением:

– Я тебе напою. А ты слова думай.

Ветер появился на другой день. Сначала мимо двери холодницы пробежал Лихарь. Сквара узнал шаги и немедленно повис на решётке. Ворота стояли, по обыкновению, открытыми, снегу накануне вывалило под самые стены. Лихарь торопливо вспрыгнул на беговые лыжи, проскочил под деревом Ивеня, унёсся в туман. Сквара проводил его глазами, вздрогнул, похолодел.

– Что там? – спросил снизу Космохвост.

– Лихарь во все ноги вон побежал... И другие во двор высыпали... Межеумки, старшие, Инберн...

Рында сдавленно зарычал. Сквара оглянулся.

– Не слезай, парень, – велел Космохвост. – Дашь знать, когда в ворота войдёт.

Глаза у него блестели, как в лихорадке.

Сквара судорожно вцепился в прутья, стал смотреть.

Ветер шёл так, что туман перед ним сам собой разлетался в разные стороны, шарахался, словно в испуге. Лихарь, с пятнистым лицом, попевал рядом, что-то говорил... Сквара сразу отвёл взгляд, его взяла такая тоска, что не захотелось даже злорадствовать. Ветер смотрел прямо перед собой и не слушал, что говорил стень.

Спохватившись, Сквара оглянулся на Космохвоста:

– Вошли, дядя... Пора?

Тот напряжённо вслушивался:

– Погоди...

Ветер остановился посередине двора. Сбросил лыжи. Потом рукавицы с рук. Куда они улетели, Сквара не разглядел, только то, что даже Инберн не решился подойти к источнику с приветствиями. Было тихо и жутко.

Лихарь стоял, опустив голову, красные пятна на лице то вспыхивали, то пропадали.

Ветер произнёс очень негромко, но услышал весь двор:

– К столбу!

Сквара втянул голову в плечи.

– Учитель... – одними губами выговорил Лихарь.

Ветер не пошевелился. Стень отвернулся, пошёл, двигаясь,

как деревянный. Пятна погасли на его лице, теперь оно было серым. Он встал у столба, почти касаясь лопатками. Опустил голову... Ветер кому-то кивнул. Подошли двое старших, такие же бледные и пришибленные, вытащили блестящие ножи, начали спарывать с Лихаря одежду. Перво-наперво в талую грязь упал ссеченный пояс. Двое резали и кромсали, хотя могли снять или заставить, чтоб снял. Задевали остриями живое. Бросали наземь измаранные кровью лоскуты. Лихарь только вздрагивал и молчал.

Когда те спрятали ножи и убрались с глаз, он остался босой и голый. По белому телу волнами пробежала дрожь.

Ветер сказал:

– Тебе спасибо, державец, что сберёг от поругания имя Владычицы и моё... Пленника сюда, если ходит.

Из подвала немедленно отозвался мощный мужской голос:

Тяжкая цепь, ошейник тугой,
Кости гремят во тьме под ногой.
Дверь на замке – не выскочит мышка.
Тут нам и крышка!

Певший не рассчитал сил, задохнулся, примолк, но рядом с охрипшим голосом тут же взвился другой, мальчишеский и крылатый.

В узком оконце меркнет заря.
Кончена жизнь – неужто зазря?
Что замолчал? Несладко, братишка?
Вот она, крышка!
Тем, кто с колен подняться посмел,
Голод и боль назначат в удел.
Вечно на дерзких валятся шишки.
Сцапали – крышка!
Холод и страх не пустим в сердца.
Братья за братьев, сын за отца!
Выглянет солнце, щёлкнет задвижка,
Сдвинется крышка!

Пели слаженно, вдохновенно. В дверном замке торопливо заскрежетал ключ. Двое заточённых переглянулись. Глаза у царского телохранителя

были бешеные, жадные и... счастливые.

– Эх, малый, – только и сумел он сказать.

Сквара ответил:

– А у тебя хвоста нету, дядя. Я смотрел...

Космохвост расхохотался.

По лестнице сбежали несколько старших. Это не межеумки, эти чуть помладше самого Лихаря. Сквара улетел в сторону, как котёнок. Поворот ключа снял узника с цепи, его подняли на ноги, потащили наружу. Сквара бросился следом. От него опять отмахнулись. Так, что пересчитал ступеньки, снова растянулся вниз.

Он поднялся, глядя на дверь. Отдышался, стиснул кулаки и уже один допел, что не успели вдвоём:

Выпита чаша жизни до дна.

Время платить, известна цена.

Смерти упряжка мчится вприпрыжку...

Будет вам крышка!

Качающийся Космохвост стоял перед котляром.

– Кто на него надел этот срам? – спросил Ветер, брезгливо указывая на вериги. – Снять!

Железную снасть немедленно убрали, освободив руки. Правая беспомощно свисла и так потянула Космохвоста за собой к земле, словно весила сто пудов. Глаза Ветра метнули в Лихаря страшную молнию.

– Сейчас тебя поцелует Владычица, – обратился он к рынде. – Ты умрёшь, старый друг, но умрёшь с честью. Ты был стойким противником, а я таких чту. – Ветер легонько тряхнул правой рукой, тоже свесил её, расслабленную, вдоль тела. – Драться можешь?

Космохвост подобрался, вроде бы окреп на ногах. Ответил:

– Могу.

Потом сказал Ветру что-то ещё, но тихо, Сквара не разобрал. Ветер выслушал, кивнул.

Им живо принесли два прямых андархских меча. Ветер не глядя выбрал один, второй бросил Космохвосту. Тот поймал его. Сразу стало понятно, что он был если не природным левшой, то уж владел левой рукой ничуть не хуже, чем правой.

Начали сходиться...

Если бы Сквара не помнил, как закованный и уже израненный узник

едва не убил Лихаря, он решил бы, что Космохвост заведомо обречён. Но он сам видел, на что тот был способен, и сумасшедшая надежда свела судорогой его пальцы на решётке.

Мечи встретились с лязгом, высекли искры. Сквара даже не понял, кто первым ударил, он попросту не заметил ни взмаха, ни обороны. Два клинка провернулись и отскочили. Завораживающий танец Ветра с Лихарем у оттепельной поляны был игрой волка с волчонком. Эти двое ни в чём друг другу не уступали. И одному из них должна была сейчас настать смерть.

Новый удар, звон, огненные брызги... Летучее мелькание серебряной стали... долгий звон... И общий, единой грудью, вздох всех собравшихся во дворе.

Рында словно бы споткнулся и замер, не кончив движения. Подломился в коленях, начал оборачиваться и не успел, свалился. Он запрокинул голову, его взгляд что-то говорил Скваре, но тот никак не мог понять, что именно, только видел, как у Космохвоста толчками вытекает изо рта кровь.

Ветер дышал так тяжело, словно этот бой вместо короткого десятка мгновений длился полдня. Видно, стремительная красота поединка потребовала до того лютого выплеска сил, что обычному человеку представить-то невозможно. Ветер подошёл, припал на колено, склонился к умирающему.

– Ты был стойким противником, – повторил он. – Владычица призвала тебя, друг. Кому послать весть?

Космохвост трудно прошептал несколько слов, вздрогнул, застыл. Кровавые толчки прекратились.

Ветер как-то разочарованно выпрямился над ним. Снова легонько встряхнул правой рукой, словно возвращая себе свободу ею владеть.

Сквара смотрел и смотрел на лежавшего в грязи Космохвоста.

Никчёмный, слабосильный мальчишка, способный только горланить глупые песни...

– Похороним честно, – приговорил Ветер. Отдал меч, мотнул головой, подошёл к Лихарю. – Теперь ты.

Голый стень всё так же стоял у столба, не поднимая головы и как будто став меньше ростом. Позже Сквара узнал, что на самом деле он мог отойти, и на этом наказание для него завершилось бы. Вот только бесчестье сделалось бы уже неизбежным.

– Я приказывал его в подвале морить?

Рука Ветра стремительно выстрелила вперёд. Палец злым болтом воткнулся Лихарю куда-то около шеи. Стень пытался сдержаться, но не сумел, взвыл, его перекосило, мышцы судорожно задёргались.

– Я тебе позволял свой колчан трогать?

Новый удар, новый крик. Лихарь кое-как выпрямился. И опять не попытался заслониться, не отошёл от столба.

– Я его увечить велел?

Стень упал на колени, из глаз неудержимо лились слёзы. Он поднялся. Снова встал у столба...

Дальше Ветер его ни о чём уже не спрашивал, просто бил. Невероятно искусно, очень жестоко и страшно, в кровь, в сопли, в хлюст. Наконец Лихарь свалился окончательно и уже не мог встать, только дёргался на земле.

Тогда из рук в руки поплыли ведёрки с водой. Лихаря окатили несколько раз. Ветер кивнул. Старшие подцепили стенья под мышки, утащили со двора. Босые ноги оставили в грязи две длинные борозды.

Господин учитель

Сквара просидел взаперти ещё полных два дня.

Он видел, как, возложив на щиты, уносили со двора погибшего Космохвоста. Видел дымный хвост, взошедший над лесом; он уже знал, что поляна, отведённая для честных костров, носит особое название – Великий Погреб. Позже Сквара видел и Лихаря. Наказанный стень выглядел подавленным и угрюмым, но бросалось в глаза: межеумки, старшие и сам Ветер обращались с ним совершенно по-прежнему, так, будто вовсе ничего не произошло. Не все справлялись одинаково хорошо, но, по крайней мере, никто Лихаря не задирали, не травил. Позже Сквара уяснил, что в котле люто запрещалось домучивать выстоявшего у столба. Принял кару, искупил, продержавшись честно и прямо, – стало быть, взял свою честь, и никто ему не волен старое поминать.

Правду молвить, проводив Космохвоста, Сквара к решётке больше почти не вылезал... Сидел на смятом одеяле, всё думал о том, что мог сделать, но не сделал для узника. О чём ещё мог спросить его, но не спросил...

На третий день Опёнка выпустили наружу. Выйдя во двор, он увидел возле ворот лёгкие саночки и сидевшего на них Ветра. Котляр поманил его рукой. Сквара подошёл.

Ветер бросил ему снегоступы и потяг, увенчанный чем-то вроде алыка: – Впрягайся. В лес меня повезёшь.

Сквара молча завязал путца. Скрестил на груди плетёные ремённые петли. С усилием тронул санки по шершавой земле, подмёрзшей возле ворот. Выбрался на снег, потащил по дороге.

Теперь Ветер его, наверно, убьёт. Странно только, зачем идти для этого в лес. Мог бы управиться и во дворе. У всех на глазах. Чтобы дурачьё крепче запомнило, каково похабничать про котёл и Морану. Разве только хотел попытать, не сказал ли ему рында чего занятного и такого, о чём с пленителями молчал. Про Косохлёста... Про Сеггара...

После заточения в ногах не было прежней резвой готовности. Сын лыжного делателя злился и налегал, чтобы хоть помирать было не стыдно. Чтобы Ветер напоследок рохлей не обозвал. Пока пересекали старое поле, тело разогрелось, набрало силу, отчего на душе странным образом полегчало.

Тащить пришлось долго. За неровными завалами обочин встали

изломанные снегопадами деревья. Почти на том самом месте, откуда они целую жизнь назад разглядели чёрные башни, Ветер указал Скваре не приметную тропку меж соснами. Сквара заново ощутил близость конца. Ещё с полверсты через чащу, и санки выкатились на длинную утопанную поляну. В сотне шагов виднелся городок, сбитый из снежных глыб.

– Стой, – сказал Ветер.

Сквара скинул вымокшие ремни. Повернулся к нему.

«Вот теперь убивать будет...»

Ветер вдруг улыбнулся:

– Что насупился, дикомыт? – И бросил Скваре его кожушок. – Одевайся, застынешь.

Вид у него, против всякого обыкновения, был усталый. Такой, словно источник не отошёл ещё от тяжкой поездки и, паче того, от страшного возвращения.

– Думаешь, убивать стану? – спросил Ветер.

Сквара понял: котляр видит его насквозь. Со всеми его страхами, надеждами и глупым упрямством.

– А что не бежишь?

Сквара буркнул:

– Так поймаешь.

Ветер кивнул:

– Верно, поймаю. А вот убивать тебя или нет, ещё поразмыслю. – И присмотрелся: – Это что у тебя на руке? Раньше не было или я слепой стал? Космохвост подарил?

Сквара поднял рукав, показывая плетежок. Всё равно без толку прятать.

– Не... Это из ужища, на котором ты Ивеня повесил.

Брови котляра смешно встали домиком.

– Так вот, значит, как твой дружок счастливой верёвкой распорядился?.. А я-то уверен был, что на ней и удавится. Духу не достало или ты помешал?

– Он петлю свил, – ответил Сквара, надеясь, что его речи отведут от Ознобиши беду. – Раздумал. Сказал так: если Ивень не послужил, я уж послужу за него и за себя.

Ветер насмешливо кивнул:

– Полно врать...

– Он умом твёрд, – упорно продолжал Сквара. – Может, враз пяти пудов не поднимет, зато покумекает и неволи приспособит, что пуды сами избегут. А если что год назад услышал, слово в слово расскажет. Он...

– Ладно, не о нём речь, – перебил Ветер. И вдруг задал вопрос, которого Сквара боялся больше всего: – Про что тебе Космохвост баял?

По счастью, у Сквары был срок придумать ответ.

– Про то, что каких-то царевичей охранял. Эри... Ари...

Взгляд Ветра стал пристальным.

– От кого охранял?

Скваре сделалось жарко. Он вздохнул, ответил:

– От мораничей.

Ветер, уязвлённый чужой неправдой, пристукнул кулаком по колену:

– От мораничей? А как своего сына, Косохлёста, учил в царском платье ходить, про то сказывал?

Сквара туповато переспросил:

– Сына?..

«Сироток на улице подобрал...»

– Сына. Он же сам с праведной семьёй в родстве состоял. Не особенно близком, но... Вижу, и об этом смолчал. Царская кровь сильна, все дети похожи. Отчего сироту своим сынишкой не подменить да потом у трона не встать?

«Обойдёт тебя Ветер, а ты и не поймёшь...»

Между прочим, слова «сын за отца» в песню предложил Космохвост.

– Он ведь... чтоб защитить...

– А о том, куда все наследники, что прежде Эрелиса, вдруг стали деваться, речей у вас не было?..

Сквара надолго замолк. «Так не он же их... Космохвост... вправду-то... или как?»

Он тихо спросил:

– Господин учитель... – И сам вздрогнул, сообразив, что впервые обратился к Ветру, как подобало уноту. – Мне ты на что про чужую склоку рассказываешь? Мы царям не обязаны. Пусть они хоть все там убьются, нам какая печаль?

Ветер досадливо мотнул головой:

– Да не в них дело, пендерь! Пора тебе соображать, как люди чёрную ворону за белого лебедя продают. Тут приврут, там подправят, ан глядь, себя не узнаешь.

Сквара смотрел под ноги. Морщил лоб. Думал.

– Вот твой дружок, Ознобиша, небось не всему верить горазд. Говоришь, решил Владычице послужить?

– Ну...

– Не «ну», а да или нет, господин учитель.

– Да, господин учитель...

– А ты, значит, не хочешь?

– Мы царям не обязаны, – повторил Сквара и на миг понадеялся, что Ветер сейчас махнёт на него рукой, велит такому поперечному убираться обратно за реку, в леса. Даже подумать успел: как же Ознобиша один?..

Но Ветер прихлопнул ладонями по коленям:

– Тогда иначе скажу. Твоя судьба теперь здесь, а каким узором сплести её, выбирай сам. Хочешь научиться бегать, чтобы я не поймал? Хочешь драться так, чтобы я победить не мог? Или всё будешь через два дня на третий в холодницу попадать, пока кривым стручком не засохнешь?

– Не...

– Что «не»?

– Лучше я драться буду... господин учитель.

Ветер поднялся. Отряхнул от снега меховые штаны:

– Тогда вставай, бить буду.

Сквара встал. Опустил руки, сжал кулаки. Он помнил, как был и корчился Лихарь.

Ветер посмотрел на него – и согнулся от смеха:

– Ты куда так напыжился, дикомыт?

Сквара смутился:

– Так сказал же... Бить будешь...

Господин учитель вытер глаза:

– Владычица, дай терпенья... Я бить сказал, а не душу из тебя выбивать! Вот смотри...

Его рука медленно проплыла вперёд. Пальцы, сложенные копьём и способные, наверное, проткнуть мальчишку насквозь, несильно толкнули Сквару в грудную кость.

– Ну? Что сделать надо? Ты, пугало огородное, в бою так же будешь стоять?.. Ударь меня, покажу.

Сквара нахмурился. Ударил. То есть удара не получилось. Ветер просто не допустил до себя его руку. Он вполне соответствовал своему назвищу – бить его было всё равно что пытаться разить вихрь, несущий снежные хлопья. Котляр мягко прятнул назад, перекатился и тем же движением встал, лёгкий, цепкий, готовый немедленно метнуть в ошарашенного врага хоть сулицу, хоть нож.

Сквара смотрел во все глаза. Дома, когда ладили бой, ловкие и гибкие стеношники ценились несколько не ниже могучих разбивал. Вот только повадки у бойцов дома были другие.

И что мог такой вихорь сотворить над бывалым стеношным поединщиком, он сам видел.

«Я вернусь, атя. Я всё буду знать. Я покажу...»

Дальше Сквара катился вперёд и назад, падал вбок, стелился по земле, взлетал и свивался в кольцо, уходя от ударов. Давно сброшенный кожушок обрастал на санях кольчужными звеньями инея. Ветер показывал и направлял, время от времени помогая делу пинками. Когда наконец он счёл, что довольно, небо начинало понемногу темнеть. Сквара стоял на четвереньках, да и то остатки рук и ног норовили из-под него выпасть.

Ветер сел на санки:

– Будет с тебя... Впрягайся, вези домой.

Казалось бы, почти прирученный дикомыт внезапно снова восстал:

– А не повезу!

– Что?

– На Коновой Вен не повезу, – повторил Сквара. – Мы царям...

– Дурачок, – сказал Ветер. – Ты теперь котлу крепкий. Твой дом в Пятери.

На обратном пути Сквара чертил между обочинами странные волны, несколько раз втыкал санки в сугроб и начинал предвкушать, как сейчас обо всём расскажет дяде Космохвосту. Спыхватывался...

Ветер спросил его:

– А ты, значит, решил, я тебя лупить буду, как Лихаря?

– Ну... То есть да... господин учитель.

– И отлуплю, если заслужишь. За что он тебя запер?

– За песню...

– Спой.

Сквара спел. Пусть доказнит, разницы уже не было.

Ветер, отсмеявшись, спросил ещё:

– А ту песню, которой мне здравствовали, тоже ты сочинил?

Космохвост предупреждал, чтобы Сквара всё валил на него. Он и петь один собирался... Сквара безразлично кивнул:

– Я.

– Ты уж Лихаря пощади, не пой такого больше при нём, – неожиданно попросил Ветер. – Он сирота у нас. За Владычицу обидлив, словно за мать.

Скваре, еле тащившему ноги, сделалось совестно, словно это он стена под лютые муки подвёл.

Между тем приблизились крепостные ворота. Ветер встал с санок, подмигнул ему:

– А я уже знаю, каким именем тебя величать буду. Только пока

не скажу. Открою, если заслужишь.

Поднимаясь в хоромину, где обитали новые ложки, Сквара мечтал только дотронуться до лежака. Он открыл незапертую дверь, вошёл... и сразу почувствовал: всё изменилось. На их с Ознобишей местах возле двери сидели Хотён и Пороша. Оба смотрели на него, как на злого гонителя. Он даже остановился: что я ещё кому сделал?..

– Скварко! Скварко!..

Ознобиша махал ему руками из дальнего от входа угла, махал так, что готов был развалиться топчан. Вскочил, бросился навстречу, обхватил, уткнулся, заплакал. Мальчишки прыгали и шумели. С соседнего лежака улыбался Лыкастик. Сквара неуверенно двинулся в ту сторону. Его схватили за тельницу, потащили вперёд.

Как выяснилось, изветников не любят нигде. Две руки, указавшие Лихарю на горластого злочестивца, не остались незамеченными. И не были прощены. За Скварино сидение в холоднице отомстил Ознобиша. А помогал ему, вот что странно, Воробыш. Они сговорились в тот же день. Лыкаш, как было у него в обычае, dokonно обо всём разузнал. Хитрый Ознобиша снова попался под ноги Инберну, взялся хвалить доброе высокостепенство за спасение друга – и, поскольку державец сразу его не прогнал, напросился на благодарную службу: способлять чёрной девке Надейке, мывшей котлы. Вот откуда происходили свёрточки, падавшие в дымоход. Чуть позже Воробыш, подгадав, запустил руку в коробок с маком. Лиловые маслянистые зёрна растёрли между камнями, подлили тёплой воды. Увели с кухни маленький кувшин пива. Примешали сонное молочко...

И поднесли Хотёну, ставшему без Опёнка в хороmine единовластным хозяином.

Двое Сквариных обидчиков уснули быстро и крепко. Пиво скоро запросилось наружу из полупустых черев, но спящие и не чуяли. Ознобиша ещё помог делу: уселся над ними, начал без усталости переливать воду из кружки в пустой кувшин и обратно...

Под утро обоих растолкали. Мокрых, опозоренных, вонючих. Тут же вместе с лежаками выселили к двери.

А теперь и Сквара вернулся. Теперь будет всё хорошо...

Когда все снова уgomонились, они с Ознобишей долго шушукались, прижавшись под одеялом. Скваре самому было что рассказать. И про дядю Космохвоста с его царятами. И про то, как возил Ветра на саночках в лес...

– Значит, про меня разговор был, – поёжился Ознобиша.

Сквара ответил:

– Хватит уже того, что ты больной едва не погиб.

Меньшой Зяблик вздохнул. Веселье от удавшейся мести и встречи с побратимом успело в нём отгореть.

– Может, лучше бы мне сразу...

– Ты почаще про Ивеня вспоминай, – посоветовал Сквара. – Устроишь им однажды, чего Ивень не смог. – Выпростал голову из-под одеяла, огляделся. – А где... те трое? Тихони?

Он теперь только сообразил, что, входя, не заметил в хоромине троих самых равнодушных мальчишек. Тех, что почти не подавали голоса, ни во что не лезли и только ждали, чтобы как-нибудь кончился один день и наступил следующий. Сквара даже по именам их не знал.

– Белозуб увёз, – сказал Ознобиша. – Ну, тот, что рынду твоего притащил. Ветер его опалил. Сказал, Белозубу только с такими мешками дело иметь.

– Куда их?

– Не знаю. Вроде на побегушки к кому-то. Сказали, никчёмные. Я думал, и меня заберут...

– Никакой ты не никчёмный!

– Если бы не семьян за брата наказывать, котляры на меня бы даже не глянули. На что я сгожусь?

Сквара ответил:

– Меня Ветер спросил, чем я в котле заниматься хочу.

– И что ты ему?..

– Я сказал, меньших пасти, чтобы не плакали. Или за пленниками ходить, которых здесь мучают и в холодницах морят.

– А он что?

– Посмеялся...

Ознобиша вдруг опять уткнулся в него. Сквара почувствовал на плече сырость. Сироте было страшно.

Он накрыл ладонью растрёпанную серебристую голову:

– Братья за братьев... сын за отца...

Ознобиша шмыгнул носом:

– Холод и страх не пустим в сердца!

Новые ложки стояли во дворе за спинами старших, когда умирал Космохвост. Ознобиша, по обыкновению, натвердо запомнил всё, что видел и слышал.

Из противоположного угла вдруг послышался грохот, возмущённые вопли, сдавленное хихиканье. Ребяшня есть ребяшня: в хоромине уже

зародилась игра. Что ни вечер, в ловких руках появлялись палки, и под кем-нибудь рушился топчан. А бывало, даже не один. Сквара с Ознобишей сразу насторожились, забыв, о чём только что говорили, и некоторое время прислушивались в темноте. Потом оба уснули.

– Ты уразумел хоть, за что я тебя наказал? – спросил Ветер.

Он сидел возле очага в передней комнате своих покоев. Толстые ковры покрывали не только пол, но и каменные стены. Сюда приходили старшие ученики, если Ветер хотел что-нибудь обсудить с ними подальше от сторонних ушей. Во внутренних хорах почти никто не бывал, а кто бывал, те держали рот на замке.

Лихарь скромно стоял возле порога, смотрел себе под ноги. «Ты меня прежде-то не особо засыновлял, – говорил его вид. – А теперь, когда окаянник этот появился, поди, совсем знать не захочешь...»

Вслух он ответил:

– За то, что скверно обращался с врагом, которого должен был сохранить бодрым и живым для допроса. За то, что не смог пропустить мимо края ушей его оскорбления. За то, что без спроса взял стрелу из твоего колчана...

Ветер безнадежно покачал головой:

– Ничего ты, дурень, не понял. Ты мальчишку зачем к нему посадил? Другого места во всей крепости не нашлось?.. Как ещё пленника прямо вместе с новыми ложками не вселил...

Лихарь поднял глаза и сразу снова потупился. Всё лицо у него пестрело разводами кровоподтёков, ещё худшие пятна прятались под рубашкой. Больно было не то что двигаться – и говорить, и даже дышать.

«Всё от него, от недоноска...»

– Ты вот слушал, о чём они говорили, пока вместе сидели? – негромко продолжал старший котляр. – Имеешь представление, чего Космохвост ему в уши напел?

«И надо же мне было тогда о правобережниках тебе рассказать...»

На столе текучим серебром блестела кольчуга, сверху стоял ларец, вырезанный из тяжёлой сувели. Наружу беззащитно свисал старинный платок, сквозь кружево играла финифть. Ларец стоял косо: сокровища небрежно сгребли в сторону, освобождая место глиняной бутылки и маленькому лубяному коробу. От короба распространялся запах, делавший воздух в комнате густым, сдобным, съедомым. Ветер внимательно посмотрел на стена и наконец как будто смягчился.

– Твоё счастье, – сказал он, – что старый царевич Коршак, уплативший нам за Эрелиса, на кого-то раскричался опричь зеленца, застудил нутро и не перенёс лихорадки. Поэтому мне уже не было особой нужды пытаться телохранителя о том, куда он отправил Эрелиса и Эльбиз. К тому времени, когда ещё кому-нибудь понадобится их жизнь или смерть, царевичей всё равно уже не будет там, где их прячут сейчас... То есть я, конечно, нашёл бы, о чём его расспросить. Но после всего, что ты без меня наворотил, мне было важнее дать Космохвосту смерть в хвальном поединке. Чтобы новые ложки увидели, как Владычица велит поступать с доблестными врагами... Того, что пленнику можно было вначале дать немного окрепнуть, они сейчас не поймут... Щенки ведь не сразу начинают кусаться, их нужно притравливать, да с остерёжкой, это ты способен постичь?

Лихарь долго безмолвствовал. Потом наконец подал голос:

– Я думал, теперь дело чести Эрелиса истребить...

Ветер положил ногу на ногу:

– Какая у нас с тобой может быть честь превыше чести Владычицы?

А Ей слава, когда нам державноимённые кланяются да помощи просят.

Стень поднял глаза. С мукой выговорил:

– Учитель, воля твоя... Тебе в самом деле так дикомыт полюбился?

Он же наглый... дерзословит всё время... как привезли его, из холодницы не вылезает...

– Он станет моим лучшим учеником, – перебил Ветер.

Лихарь аж покачнулся, лицо в промежутках между разводами стало зелёным. Старший котляр, конечно, это заметил, поскольку добавил:

– Я хочу его выносить неторопливо и бережно, как ловчего сокола.

А ты вынашивать не научился. У тебя средство одно – забить, сломать. С ним так не получится, это тебе не Хотён и подавно не Воробыш. Этого не пошлешь на третий год учения собственных родителей карать. Поэтому ты дикомыта больше не трогай, добро?

Лихарь задохнулся:

– Он же... он на Владычицу...

– Понадобится, я сам ему всыплю. Так у вас дело пойдёт, ты его однажды просто убьёшь. Или он тебя, а я этого не хочу.

– Учитель, – горестно проговорил стень. – Воля твоя... Но хоть скажи... что такого особого ты увидел...

– А ты помнишь, как их первый раз в портомойню отправили грязные тельники попирать?

Возле портомойни стоял высокий горшок, разивший мочой. Взрослые

и ребята цедили туда по малой нужде. Когда содержимое обретало острый запах и делалось едким, его использовали для стирки. Выливали в большой каменный чан, закладывали бельё, дочиста месили ногами.

– Кто кривился, кто просто покорствовал, – продолжал Ветер. – А этот – приплясывал...

Лихарь опустил глаза, пробормотал:

– Мы же вроде не плясками должны Владычице угождать.

Ветер вздохнул и долго рассматривал его, словно на весы укладывая. Наконец ответил:

– Знаешь, что мне Космохвост перед поединком сказал?

– Нет, учитель.

– Он знал, что живым уже не уйдёт, но всё-таки надеялся меня победить. Рында просил, чтобы мои люди отпустили парнишку, если он победит. Я обещал ему.

Лихарь молча разглядывал узор на ковре.

– Как он дрался... – с восхищением проговорил Ветер. – Ты можешь представить, чтобы пленный враг вот так радел за тебя?.. Хорошо, что мне не пришлось нарушать слово!

Лихарь не впервые выслушивал подобное от источника. Однако раньше у Ветра не было ученика, в котором он нашёл бы всё, чего недоставало нынешнему стеню. Так любовно, как дикомыта, он даже Ивеня не гоил. И это превращало обычную руганицу почти в приговор.

Тут из внутренних покоев высунулась служанка. Ветер оглянулся. Женщина почтительно кивнула и скрылась. Ветер махнул рукой Лихарю:

– Ступай.

Тот уже повернулся идти, но котляр спохватился:

– Постой-ка! Вот ещё что. Этот меньшой Зяблик... Ознобиша. К нему присмотришь. Если дикомыт не просто так дружка хвалит, если там правда ум бороды не ждёт... есть у меня на него замысел, потом расскажу. Чтобы Эрелис насовсем от нас не ушёл. Или другой кто...

Кон

Светелу опять приснился страшный сон.

Стояла кромешная ночь, из тех, когда в небе ни отблеска, ни мерцания, но он каким-то образом был зряч в этом мраке и нёсся через лес, отдавая в отчаянном напряжении все силы. С разгону перепрыгивал на беговых лыжах сугробы, а душа надрывалась похоронным стенанием: не успеть, не успеть...

Сквара только что шёл рядом, и было всё хорошо, а стоило на миг отвернуться, и подевался неизвестно куда и едва слышно звал издали: «Помоги...»

Светел всё-таки увидел его, застрявшего в опасной промоине, и распластался на тонком льду, и пополз, и достиг, ухватился и вытащил, и понёс... только всё равно опоздал. Спасённый брат стал каким-то маленьким у него на руках, из живого, тёплого делаясь прозрачным и хрупким, и гасли, подёргиваясь ледком, два бесценных камня верила...

Светел дрыгнул ногами, проснулся.

В избе было совершенно темно, на полатах держалось доброе грево. Ближе к печке тихо дышала бабушка Корениха. Светел лежал за спиной у отца, мама – посередине. Срок приближался, теперь её особенно берегли. Жог устроился на боку, положив руку ей на живот. Родители еле слышно шептались, выбирали имя позднему сыну. В темноте заговорной чередой проплывали слова, исполненные стойкости, мужества и упорства. А ещё – огня, пламени, солнечного тепла... Опытные бабки по им одним ведомым признакам уже определили: Равдуша, прозванная в замужестве Жигой, носила именно сына.

Когда мама стала разборчива в еде, Светел услышал однажды, как она вздыхала о берёзовом соке: вот бы напиться!.. Они с атей рады были хоть чем потешить её, но куда. Лиственные деревья не росли даже в самых сильных зеленцах вроде Торожихи. Там круглый год было тепло, однако без солнышка удавалось зеленеть одним водорослям да хвощам. Светел только спросил: «Атя, а берёзовый сок – вкусный?» Жог воздел палец, собираясь рассказать, но в дверь сунулся сосед, пришедший за лыжами, а после как-то не вспомнилось.

Равдуша давно уже никуда не выходила одна, только в сопровождении мужа или сына. «Маму теперь знаешь как надо хранить?» – говорил Жог, улыбаясь неудержимо и немного смущённо. В возрасте, когда начинали

присматривать подрастающим мальчишкам невест, они сами с Равдушей затеяли ещё одного. Вся Твёржа радовалась их удали. Дети после Беды рождались нечасто, а какие рождались – не стояли. Сопровождая мать, грузно опиравшуюся на рогач, Светел исполнялся лютости и был готов кому угодно дать бой. Только никто, конечно, не нападал. Даже тётушка Розщепиха помалкивала, держала язык под замком.

Ещё в зеленце с середины зимы жил гость. Отчаянный торгован из-за реки, путешествовавший с сыном-помощником и санками о двух псах, вместе не стоивших, по мнению Светела, одного Зыки. Он был человек мешаной крови. На лицо гнездарь, а по имени андарх – Геррик. Он приехал на Коновой Вен, прельстившись где-то подхваченными слухами о богатом купилище в Торожихе. Ну и как было на обратном пути не заглянуть в Твёржу, где плёл знаменитые лапки лыжный делатель Пенёк?

Ладно, приехал. Поставил саночки у общинного дома. Поклонился Пеньку, стал спрашивать о цене, заранее огорчаясь. Домашние диковины все продал, а купленным в Торожихе поди твёржинского источника удиви!

– Сам-то откуда, добрый гость? – спросил Жог.

Геррик назвал городишко в северной Андархайне, на полпути между Шегардаем и старым морским берегом:

– Из Сегды.

– Тогда вот что, удалой гость, – поразмыслив, сказал Жог. – Дай-ка ты мне в отплату ненарушимый зарок, что, если где хоть полслова услышишь про моего сына Сквару...

Тут Светел понял, отчего отец о Скваре последнее время очень редко упоминал. Не оттого, что забывать начал. Стоило имя назвать – и на губах снова обозначилась злоецающая синева.

– Твоего сына?..

– Да, моего старшего. Мораничи против всякого обыка в котёл увели. Если услышишь хоть что-то... Если увидишь...

Жог задохнулся. Уведённый Сквара как под лёд канул. Его не смог почувствовать даже Рыжик, летавший искать до самого Шегардая.

Светел, по обыкновению помогавший в ремесленной, знака Жоговой немочи не упустил. Приник сзади, обнял... Отец поднял руку, благодарно всключил ему волосы.

Посмотрев на это, Геррик уже после отозвал Светела в сторону, учинил подробный расспрос. Он всё удивлялся:

– Но вы же дани не платите?.. Царям не обязаны?..

Светел рассказал ему, откуда на руке Жога взялся белый рубец. О смелости Сквары, о безнаказанной жестокости котляров... Геррик

невольно отыскал взглядом сына.

– Вот так живёшь и думаешь, что всё хорошо, – пробормотал удалой купец. – А по сторонам оглядишься – и как ещё голова на плечах целая...

Снегоступы коробейнику Пенёк сладил. Всё сердце отдал работе. Лыжи вышли загляденье. Вот-вот сами через лес побегут, да вприпляс. И сносу им в той пляске не будет.

Геррик восхитился:

– Ну и лапки, хоть в божницу любоваться клади!

– Скваре покажешь, если на слово не поверит... – напутствовал Жог.

Гость уже приготовил санки в дорогу, но затягивать новенькие путца в тот день ему не пришлось. Псы, выведенные во двор, так рванули к хозяину, что сын, Светелу ровесник, не удержал. Налетели, опрокинули в снег... И Геррик охнул, подвернув ступню. Еле поднялся. А поднявшись – не смог толком шагнуть.

Вот досада!.. Он-то думал пристать к большому обозу, двигавшемуся на полдень. Не одному же с мальчишкой одолевать Светынь и Левобережье, порядком одичавшее после Беды!

Твёржа, понятно, вволю посмеялась над неуквырой-гнездарём. Заботливо связанные саночки наново распотрошили.

– Оставайся, добрый захожень, пока не поправишься! А там весна, Рождение Мира, новый торг. Жена твоя – жёнка купеческая, ждать привычная, ясные глазки, поди, не заплачет...

– Да и у нас будет что посмотреть, – сказал Жог.

– Что же?

– А ваши стенку ладят? На Кругу бьются? Вот то-то!

И Геррик, порывавшийся хромать на одной ноге обозу вдогон, уступил любопытству, остался взглянуть, «отчего цари андархов за Светынь не прошли».

Сегдинцы часто появлялись теперь в ремесленной Жога Пенька. Не в праздности же дни коротать. Где живёшь – живи, а не лавки просиживай! Помогали Жогу, вместе со Светелом резали по образцу кожаные заготовки. Жог шил рукавицы. Из стриженных шкур – на всех твёржинских мужиков, да ещё про запас. Чтобы все обували кулаки из одного короба, чтобы никто не клепал про супротивника, будто злой супротивник, примером, вымочил боевые рукавицы и заморозил ради весомости удара.

Рассуждали за работой о разном. О том, например, как бы согласить Корениху продать кукольное семейство на пробу. О необыкновенных

дорогах, вроде бы проложенных по льдам замёрзших морей куда-то на закат, на большой остров. По слухам, баснословно счастливый и изобильный. Туда из коренной Андархайны во множестве переселялась всякая голь: вольноотпущенники, бродяги, даже беглые рабы. Из-за этого дивный остров успел обрести насмешливое прозвание – «земля кощеев», Аррантиада. Уж что там надеялись обрести отчаявшиеся переселенцы, сколько их дошло, сколько сгинуло – в пурге, в разводьях, от разбойничьих стрел, – одно Киян-море и знало. Был тот остров впрямь благодатным или открыватели, по обыкновению, привирали?..

О Скваре, котлярах и мораничах больше не упоминалось. Геррик не забыл, как труден оказался для делателя тот разговор.

– Хватит горбиться, сын! – сказал Жог. – Поди разомнись!

Светел с готовностью вскочил. В глубине ремесленной у него висела на двух сошках рябиновая перекладина. Чтобы хвататься и вытягивать себя вверх усилием рук. Поначалу Светел едва десяток раз укладывал на неё подбородок. Ныне перевалил за два десятка, да ещё поднимал себя над перекладиной, утверждаясь на распрямлённых руках.

Кайтар, сын Геррика, тоже примеривался, но не полюбилось.

– На что тебе? – спросил он, видя упорство ровесника.

– Я к воинам податься хочу. В боевую дружину.

– А я не хочу, – сказал Кайтар. – Наше дело не драться, мы людей добрыми товарами радуем.

Светел с усилием выдавил себя наверх, просипел:

– Я тоже не хотел... Брата надо найти.

Кайтар засмеялся:

– Тебе, может, не витязем, а торговым гостем стать надобно? Коробейники всюду ездят, всё знают, а чего не знают, про то им другие рассказывают.

Светел достал носом знакомый сучок в бревне, медленно опустился, не ставя пяток на пол.

– Тогда я лучше скоморохом...

– Вот скоморохом не надо, – нахмурился Кайтар. – Торгованам рады везде, а потешников у нас не всюду пускают.

– Это как?

Кайтар оглянулся на взрослых, зашептал, прикрыв рот ладонью:

– Говорят, вредные они, скоморохи...

– Кто говорит?

Кайтар ответил ещё опасливее:

– Мораничи. Святые жрецы Матери Матерей.

Светел опять коснулся сучка. Тело раз от разу делалось тяжелей, руки слабли. Он позволил себе чуть задержаться наверху, чтобы спросить:

– Почему?

– Потому что при них люди пляшут, поют и солнце в небо закликают.

Светелу хотелось узнать, что же в этом плохого и почему за песни иным урезают язык... Было недосуг. Руки норовили оторваться от плеч, а он успел размахнуться достать сучок ещё раз или два, добавляя ко вчерашнему счёту. Пальцы на перекладине стали совсем чужими. Он представил, будто лезет на высокую стену – Сквару освобождать.

– ...А подобало бы плакать великим плачем, хвалить Владычицу за вразумление и гнать всякого, кто иначе толкует. Тогда Она, может, наказание отзовёт...

Светел почти не слышал его. Дрался вверх, выжимая из плеч и спины остатки могуты. Ещё... ещё!!! Достал – и только что не свалился на пол, какое там опуститься чинно и мерно. Сел на берёсту, торопливо сунул в рот пальцы. Из-под ногтей точилась кровь.

– Небось Круг унести хочешь? – с уважением спросил Кайтар.

Светел мотнул головой:

– Не хочу.

– Что так? – удивился Кайтар.

Он любопытно приглядывался к обычаям Твёржи, как надлежит сметливому будущему купцу. Желаеть прибыльно торговать, выведывая побольше о землях, куда ездить берёшься. И о людях, что в тех землях живут.

– Сын! – окликнул Пенёк. – Сбегай в амбар, принеси кожиц!

Там замороженными хранились рыбы шкурки, предназначенные на клей. Не всё рукавицы: люди к Жогу шли каждый день. Кому починить лыжи, кому сделать. И как прежде один без Светела попевал?..

Мальчишки вышли наружу.

– Что ж биться не будешь? – повторил Кайтар. – Я думал, ты ради боя...

Светел нахмурился:

– Атя биться не благословил.

Кайтар огляделся и тихо спросил:

– Потому что ты пасынок?

– Пасынками забор подпирают, – сказал Светел. – А я приёмыш. В животы взятый. Засыновлённый.

– И оттого тебе не позволено...

Светел с гордостью промолвил:

– Меня таким же Опёнком зовут, как и брата. Нарекли своим, теперь не чуждить стать!

– Значит, бережёт тебя батюшка, ты у него один теперь, – догадался Кайтар. И вдруг решил по-мальчишески поддеть сверстника: – Из дому-то как пускает? Да за тын, за ледяной вал? Тебе, может, с бабушкой Коренихой сидеть надо, дивных кукол творить?

Светел покраснел, хотел ответить подобающе, может, даже в снегу вывалять неучтивца. «Ты вождём будешь, – говорил ему Жог. – Твой первый отец сердце из узды не выпускал!»

– У меня превыше кулака власть будет, – важно объяснил он Кайтару. – На гусях играть стану. Под Младший Круг. А может, и после, если дед Игорка позволит.

– А-а, пальцы игровые хранишь?..

Светел промолчал. Отворив амбар, он вытащил наружу свой старый мешок. Тот, о который некогда растрепал дельницы. Поднял, встряхнул на руке: что-то лёгкое, ледяная начинка уж не стаяла ли?..

– Вот, – сказал он Кайтару. – Я хотел... раньше. Думал поединщиком ходить, как атя.

Кайтар стукнул по мешку. С правой, с левой. Примерился несколько раз, двинул в полную силу.

Светел поднял упавший мешок, водворил на уступ. Он хотел просто показать Кайтару свидетельство своих прежних намерений, но неожиданно раззадорился. Представил вместо рогожи скоблёное рыло Лихаря. Его усмешку. Таковую, как у Звигурова забора...

Рука вылетела снизу вверх, по кривой дуге, с разворота, всей силой совокупно устремлённого тела.

Внесла пята раскрытой ладони Лихарю чуть ниже виска.

С мешком что-то случилось. Он лопнул – но не под рукой Светела, а с другой стороны. Ряднина разошлась, раскрылась, острые обломки льда порвали её, воткнулись в сугроб.

– Ой, – сказал Светел и тотчас из грозного бойца стал мальчишкой, оробевшим от собственной удали.

Должно быть, ледяная чушка утратила крепость, пока лежала в мешке. Хотя что с ледышкой может произойти? Не в оттепель же её выносили?.. А и выносили, так что?

Они взяли кожицы и пошли назад в ремесленную. Кайтар всё косился на Светела и почему-то молчал.

Полтора века назад – в общем, давным-давно – цари Андархайны

решили распространить свою державу на север.

Левобережье особо не противилось воеводе Ойдригу, пришедшему из Шегардая. Тогда-то левобережников стали величать гнездарями, ибо следующее поколение с колыбелей принадлежало царям. Теперь они хвалили мудрость праотцев. Радовались мирному порядку жизни под сильной, хотя и чуждой рукой.

А вот на Коновой Вен андархи так и не прошли. Давняя победа подарила племени, оставшемуся свободным, назвище дикомытов.

Злые языки утверждали, будто ойдриговичей остановила Светынь, прогнали ранние и жестокие холода. Конечно, на самом деле было иначе. Враг не испугался ни морозов, ни студёных стремнин. Ему показали путь непреклонные воеводы вроде того, о ком пел песню Кербога. И ратники, шедшие в бой не по приказу властителя, возжелавшего славы. На Коновом Вене от века не строили крепостей для защиты от чужеземцев. И строить не собирались. Крепость может снести Беда, исподволь расточить время... а люди пребудут. Люди, которые ладят избы, рожают детей, пляшут, дерутся, мирятся, ссорятся, играют на кугиклах и гусях...

С того славного времени повёлся на Коновом Вене обык биться стенка на стенку. Ради совокупной гордости дедов, ради совокупного мужества внуков. Стеношные бои творились на больших купилищах, четыре раза в год, во дни, когда Боги особенно чают от смертных участия во вселенских делах.

Боёв ждали, к ним готовились. В каждой деревне мужики от безусых до седых, а бывало что и смелые бабы, ревновали в стенку попасть. Пусть видят Земля в снегу и Небо за тучами: не оскудел Коновой Вен. По-прежнему лютояр, по-прежнему никого не боится и ничего не забыл!..

Достойных стеношного братства выбирали и испытывали более древним уставом – на Кругу.

В Твёрже Круг рядили на одном из спускных прудов, на ровном, просторном заснеженном льду. Зрители устроились по высокому берегу, бойцы собрались внизу. Светел с дедом Игоркой стояли отдельно. Светел отчаянно стискивал гусли, спохватываясь, прятал в рукава пальцы, быстро немевшие на морозе. Было страшно до щекотки и трепыхания в животе. Схлестнуться на Кругу с таким же прытким мальчишкой и от него получить – куда ни шло. Там всяк силён и каждый ищет на себя более сильного... А тут!..

Три последние ночи Светелу снилось, будто он вышел на лёд, взял гусли и... заиграл не то. Спутал песню. Хватился, приглушил струны, начал всё заново... и снова ошибся. Вместо наигрыша под драку завёл

Скварину колыбельную, да с жестокими Кербогиными словами. Опять заглушил гусли... вспомнил наконец, как нужно было играть, ударил по струнам... а струны-то возьми и порвись...

Зря ли дед Игорка сперва учить его не хотел!..

Этот сон всякий раз сгонял Светела с тёплых полатей, заставлял одеваться, брать чехол с гуслиями, уходить в ремесленную. Там он зажигал светец и перебирал струны, пока не возвращалась уверенность, а гусли сами не начинали подсказывать пальцам. Они были ещё дедушкины и знали, конечно, куда как побольше неопытного гусяра. Такое знали, до чего ему, если ума хватит, лишь предстояло дойти...

Светел пытался наигрывать, сколько себя помнил. Тянулся за гораздым братом, вспыхивал и бросал: не получалось. Во всю душу взялся только в минувший год, когда остался старым гуслиям вроде первого наследника. Это ж нехорошо, когда прерывается след. Много теперь Светел делал такого, что надлежало бы брату.

Сегодня ему казалось, будто ещё и Сквара смотрел на него, нескладёху, и от этого было вдвое страшней.

Он даже отца не сразу найти взглядом сумел. Лица сливались, в ушах билось, гудело... Жог Пенёк сидел наверху, на коробе с рукавицами. Приметив, как затравленно озирается сын, лыжный делатель помахал ему. Светел вроде приободрился.

Разбивалы, коренные бойцы, среди которых ходил когда-то и Жог, покамест в дело не рвались. Пошучивали, посмеивались, подталкивали один другого плечами. Дойдёт черёд и до них.

Первой, предваряя взрослый задор, на лёд высыпала ребятня. Самые младшенькие, что ещё волос не плели. Им всё равно оказывали уважение, да не меньшее, чем главным бойцам.

Ладонь деда Игорки легла Светелу на плечо. Тот вздрогнул и понял: пришёл кон! Вот прямо сейчас!..

Он совсем перестал что-либо видеть кругом. Выпростал пальцы из рукавов. В руках дедушки подал голос большой бубен, зарокотал, загудел... Светел зажмурился, напрочь забыл всё на свете, ударил по струнам. Почему-то сразу стало легко. С берега дружно отозвались кугиклы, дудки, брунчалки. Кто никакой снасти не принёс, те свистели, мерно хлопали в ладоши.

Светел выкрикивал первые слова, деревня подхватывала громко и весело. Светел начал понимать, отчего люди приписывают гуслиям власть превыше даже меча. Если чин боя вдруг сменится бесчинием, гусли смолкнут, и с ними остановится мир.

Подо льдом бежит водица,
А до нас ей не достать.
Будем знатно мы яриться
И весёлого ломать.
Мы народ немножко грозный,
А обычай наш таков:
Не боимся ни мороза,
Ни пудовых кулаков...

Стоило ли ждать от малышей, чтобы они держали порядок строя или показывали хоть сколько-нибудь правильный бой! Ребятишки просто встали в кружок, самый храбрый выскочил в середину, стал отбиваться сразу от всех. Те бросали его на стороны, тузили рукавицами. Визг, писк, одобрительные голоса взрослых:

- Ишь, схватил да поволок, только брызги в потолок!
- В спину, в спину-то! Гусяр, куда смотришь?
- На боевого старосту смотрит, на кого ещё. И не в спину, это он на мах зацепил...

Задирается серёдка,
Огрызаются концы.
Разухабистой походкой
В Круг выходят молодцы.

Изловчившись, задорщик схватил кого-то за толстый ворот тулупчика, утащил в середину вместо себя, а сам занял его место.

Старый дед напомним внуку,
Что у нас не кажут тыл,
Чтоб на кровь не поднял руку
И лежачего не бил!

Раскрасневшихся, выплеснувших пыл малышей начали спроваживать с Круга. Двое утирали расквашенные носы, но в глазах метался огонь. Светел улучил время покоситься на деда Игорку. Не пора ли отдавать гусли? Старик лишь кивнул: играй дальше.

Взрослые и подростки разбирали из короба рукавицы. Против серого тумана Светел хорошо видел отца. Жог поймал его взгляд, улыбнулся в ответ.

Теперь начиналось уже близкое подобие взрослого Круга. Ровесники Сквары и Светела сперва плясали под гусельный перебор, братски положив руки один другому на плечи. Потом кто-то отчаянный покинул кольцо, пустился в пляс сам по себе. Казалось, парнишка валился то вперёд, то назад, падал влево-вправо, чтобы вот сейчас растянуться... чудесным образом выправлялся, продолжал плясать, подгоняемый звоном струн, криком и свистом.

Видят Боги, слышат люди,
Мы дерёмся на любки.
Зла таить никто не будет
На святые кулаки.

Скоро плясуну сыскался соперник. Они ещё покружились, наперекор ломая весёлого... Потом схлестнулись. Руки в рукавицах Пеньковой работы молотили по коже тулупов, по щекам и безбородым скулам, вовремя не спрятанным за мохнатые ворота. Светел украшал наигрыш как только мог, потому что сейчас в Кругу должен был ходить Сквара.

Без поддавок станем биться,
В ухо, в рыло, по груди!
Кто морозит рукавицы,
К нам сюда не выходи!

Сбитый откатился под ноги танцующим. С него было довольно. Навстречу победителю выскочил новый противник. Светел узнал Кайтара, забыл удивиться. Купеческий сын продержался долго, даже начал было теснить, но всё-таки упал, отполз прочь. Встал уже за Кругом, улыбаясь во весь рот, с рассаженной бровью, потирая левую руку над локтем. Вот чудеса. Привычный гордиться, что его родина была украиной великой Андархайны, парень ликовал среди стойких неприятелей андархских царей, и почему-то это было правильно и хорошо.

- Каков молодец-то, даром что сегдинский! – похвалили его.
- Вот ещё научится ходовую жилу беречь, совсем добрый будет боец, –

со знанием дела рассудила большуха.

Кайтар похаживал, выпятив грудь, махал отцу, ещё кого-то высматривал среди зрителей. Светел, кажется, даже знал кого: Ишутку. Зря высматривал. Девка помогала бабушке Коренихе, затеявшей кукол для Геррика. Светел сам рад был бы покрасоваться перед Ишуткой, да судьба велела иначе. Ещё несколько лет, и атя благословит его в путь.

Скварко... Он сегодня всех победил бы...

Молодецкая повадка
В нашей Твѣрже прижилась.
Будет всякому несладко,
Кто отважится на нас!

Подростки с воплями тащили прочь оставшегося непобеждённым. Паренёк унёс Младший Круг и до следующего праздника будет знаться героем. Отец подхватил его, мать тянулась утереть сыну лицо, тот не давался, словно без кровавых разводов геройство должно было от него отбежать.

Гусли вызванивали победу.

Жига-Равдуша могла бы сейчас сидеть рядом с лыжным делателем, тоже радоваться за Светела. Только её на берегу не было. С самого утра она что-то разохалась, поначалу не восхотела даже с полатей слезать. Кое-как, с помощью Жога, перебралась на лавку... да на ней опять и заснула.

Светел ещё посмотрел на старика Игорку. Теперь начинался Большой Круг, главное мужское действо. Позволит дед ему дальше вести наигрыш или прикажет гусли отдать?

Старик притопывал валенками. В зимний холод всякий молод, все пляшут. Дедушка смотрел с одобрением и гусли перенимать не спешил.

Светел заставил струны разговаривать по-иному, строже, суровей. Именитые разбивалы выступали с такой грозной удалью, с таким предвкушением вселенского праздника, что у зрителей сами собой начинали ходить плечи, переступать ноги. Что-то зрело и близилось, то ли битва, то ли свадебный пир, то ли благодетельная гроза... Даром что Божьих громов над Светынью не слышали который уже год.

Мы отчаянные люди,
Не дерёмся, так поём.
На Кругу не шутки шутим –

По сусалам раздаём!

Эти не то что пластались – весёлого-то ломали, словно своим мужеством надеялись сдвинуть, подтолкнуть запнувшийся ход мироздания. Удары сыпались такие, что под ногами вздрагивал лёд.

Как огонь, хранится память
Обо всех, кто Круг топтал,
Кто святыми кулаками
Солнце в небо зазывал!

Глядя на коренных стеношников, Светел всякий раз ждал, чтобы тучи разорвались. Ну, не в этот раз, значит, в следующий.

Наша ратная потеха
То-то славно задалась:
Даже если не до смеха,
Поднимаемся смеясь!
Кто кому начистил зубы,
Те за кружкой в уголке
После вспомнят, как же любо
Нынче было на реке!

На самом деле вместо реки под ногами был пруд, но с обыком не поспоришь. Светел снова нашёл глазами отца. Вот к Жогу, волоча свалившийся платок, подбежала Ишутка. Стала прыгать, размахивать руками, что-то заполошно рассказывая. Светел успел испугаться, не случилось ли чего с мамой, но Жог вдруг вскочил, схватил девчущку за плечи и чуть ли не запрыгал с ней вместе, а потом, напрочь забыв о деяниях на Кругу, бегом устремился в сторону дома.

...И согнулся на ходу, словно его пырнули в живот ножом...

Побелел, накрыл ладонями подреберье... стал заваливаться вперёд...

Канул вниз лицом, остался лежать.

– Атя!.. – отчаянным голосом завопил Светел.

Не глядя сунул гусли деду Игорке, начисто позабыв, что умолкшие струны должны были остановить мир.

Бросился к Жогу.

Вселенная действительно остановилась... Пруд был не слишком велик, но Светел бежал и бежал, расталкивая густую трясину воздуха. И уже понимал, что не успеет.

Не успеет подхватить, удержать...

Огонёк отца вдруг превратился в огромное бледное пламя. Заполнил всё небо, прынул к Светелу... обнял его... стал рассеиваться... истаявать... уходить...

На утоптанном снегу не было заметно, что следов от пробежки Светела осталось раза в два меньше положенного.

Как раз когда на Круг должен был выступить, но не выступил Сквара, в избе проснулась Равдуша. Проснулась от ощущения сырости... Хрипло, испуганно позвала свекровь – и вдруг стала рожать. Вот так, даже в баню отвести её не успели. Всё произошло очень быстро и на диво легко. Корениха приняла мальчишку. Темноволосого, в Пенькову породу. Младенческие глаза тоже обещали со временем стать отцовскими, она-то уж помнила. Дитя сучило крепкими ручками и ножками и громко кричало.

Жог успел узнать, что у него родился сын. Только на руки взять уже не довелось.

Дальнейшее Светелу запомнилось как-то рвано, кусками.

Капли крови на белом снегу возле ноздрей Жога.

Невероятно тяжёлая голова, которую Опёнок силился приподнять.

Потом сразу, хотя должно было минуть время, – белое полотно маминого лица. Сжатые губы Ерги Коренихи, державшейся наследным упрямством. Тихие пересуды соседей, считавших, что хуже всех досталось именно бабке. Тяжко детям родителей провожать, но родителям детей – во сто крат...

За соседями стояла вековая премудрость, нажитая не только Твёржей – всем Коновым Венем. Один Светел никак не мог смириться, упорно ждал, пытался искать огонёк отца, затерявшийся среди звёзд...

Зыка тоже не смирялся. Ненадолго умолкал во дворе – и опять выл...

Голос Коренихи: «Не моги заходиться, дочка, не велю! Молоко пропадёт, и сама горячкой изгибнешь!»

Запахи съестного по всей деревне и дома. Бабы растворили погреба и встали у хлопотов, чтобы честь честью проводить Пенька и встретить маленького Опёнка.

Пуповину, так уж вышло, Коренихе пришлось резать самой, но всё

остальное, что надлежало мужчине, Светел для брата сделал. Завернул в отцовскую рубашку, вынес за порог, показал Небу, Земле и сошедшимся людям. Обратил личиком к печному огню. Побрызгал водой, утверждая в кругах стихий. Вложил в ручонку стрелу из Жогова тула... Люди отметили, что мальчонка схватился за неё сразу и крепко.

Добрые имена, что проплывали над Светелом в уютной избяной тишине, так и остались ждать новых рождений. Само собой стало понятно, что на свет явился маленький ЖОгушка, тут даже рядить было не о чем.

А старшего Жога всем миром проводили к родителям. Сладили честной костёр, и огонь на сухую берёсту возложил опять-таки Светел. Вспыхнула крада, встало кругом домовины высокое огненное кольцо...

Первым вместе с языками огня к небу взмыл голос Равдуши. Взвился в песенном вопле, отчаянном, горьком и светлом. Заметался, клича осиротевшей лебедью, взывая к тому, кто уже не мог отозваться.

Закатилось, отгорело солнце ясное,
За горами его тьма покрыла пологом.
Заслонили моё солнце часты ёлочки,
Завлекли туманом тучи перехожие,
Загорелись в тёмном небе часты звёздочки...

Деревня подхватила мощным распевом. Сперва девки с бабами, густые мужские голоса поддержали, напутствуя Жога, вручая свой последний наказ.

А за мостиком ты встретишь старых дедушек,
Если их догонишь, свидишься вподстёжечку
Либо встречу встретишь стареньких старинушек,
Передай им слово доброе, приветное...

Равдуша стояла на коленях, расстелив перед собой большой красивый платок, давний мужнин подарок. Крылатый голос снова взмыл к облакам:

Мы проглупали, сироты неразумные,
Не глядели про запас мы на желанного,
Прозевали, упустили ясна сокола.
Улетел в неворотимую сторонушку,

Притомились его крылья многотрудные,
Не слетит, не отзовется, не воротится...

Равдуша простёрла руки, упала на платок, как в могилу. Может, и хотела бы унести следом за Жогом, да было нельзя. Свекровушка Ерга Корениха стояла у неё за спиной, держала на руках внука. Люди не берутся судить о памяти младенцев. Иным кажется, будто новорождённые совсем ничего не понимают. Другим – что едва осмысленные глаза вбирают всё и укладывают в память тоже всё, без остатка.

В руках у девок заливались кустики, мужчины играли кто на гудке, кто на сопели, дед Игорка и Светел вели гусельный лад. Светел видел свои пальцы на струнах, но что они выводили – хоть убей. Твёржа продолжала петь, отзываясь воплю вдовы крепким и суровым согласием:

А за мостиком ты встретишь малых детушек,
Если их догонишь, свидишься вподстёжечку
Либо встречу встретишь взятых наглою смертью,
Передай им слово доброе, приветное...

Светел как следует очнулся лишь через несколько дней. Когда мать уже выткала вдовье полотенце и повила на Родительский Дуб, а из Твёржи окончательно удалилась посрамлённая Смерть.

Настала пора Жизни возвращаться в обычное русло.

Пахло смолистой елью, дымом и дёгтем... Он ходил туда-сюда по ремесленной, трогая знакомые рубаночки, шилья и молотки. «Кто ж нам теперь лыжи уставлять будет?» – спросила на поминках большуха. Тихо спросила, но Светел расслышал даже сквозь общий смех, сопровождавший озорную повесть о сватовстве Пенька. Дядька Шабарша так же тихо ответил: «Есть кому!»

Светел, пожалуй, вправду знал и умел всё, что надлежит лыжному делателю. Выбрать и расколоть дерево, вытесать заготовки, распарить, зажать в станке, сварить клею для камысов. Выгнуть лапки, скрепить, заплести, шипами снабдить... Всё вроде знакомо, всё в руках держал и сам до ума доводил... Только двадцатилетнего опыта за спиной не было, чтобы умения подкрепить. Поди возмись в самый первый раз за работу, зная, что отец больше не заглянет через плечо, не поправит, не похвалит, не вразумит...

Всё теперь сам. Ни за кого не спрячешься.

Для начала можно было доверстать лапки, затеянные Жогом в то последнее утро. Светел ещё прошёлся туда-сюда, поглядывая на незавершённое плетиво. Отец закрепил ремешки узлом, чтобы не ослабли. Как распустить узел, помнящий его руку, тем самым окончательно подтверждая: больше не войдёт, пригнувшись в двери, не пододвинет скамейку, не возьмётся за проволочный крючок...

Светел вдруг бросился к перекладине, повис, подобрал ноги и так яростно бросил себя вверх, словно взлететь собирался. Снова и снова, без счёта. Начал потеть – скинул рубашку, досадуя, торопясь. Метнулся обратно... Ещё, ещё! Скоро на левом плече вылезли синяки от Сквариной пятерни, но он не заметил. Большой угар, наполнивший мышцы, казался пеленой дыма. Миновать её, и придёт великая ясность. Приметный сучок возникал перед глазами опять и опять. Светел хрипел, рычал, гнал себя дальше. Вместо пота из телесных пор пошла какая-то слизь. Лощёная жердь под пальцами потемнела от крови, стала скользкой и липкой... Ещё! Ещё!

Некому было снять Светела с перекладины да объяснить ему, насколько опасно вот так себя подвигать.

Ещё... Ещё!

Потом что-то случилось. Тело утратило вес. И плевать, что рот был полон густого железного вкуса, это не имело никакого значения, ибо Светел вправду выучился летать. Руки носили его вверх и вниз, как птицу крылья, унесли бы в небо совсем, да крыша мешала. От стропилины отделилось тонкое древесное волокно, начало медленное-медленное падение вниз. Ладони Светела разомкнулись, он воспарил рядом со щепочкой, такой же лёгкий, такой же неподвластный тяге земной.

Темнота затопила зрачки ещё прежде, чем берестяной пол принял его.

Светел пришёл в себя оттого, что ему вылизывал лицо симуран.

«Рыжик?..»

Нет. У матёрого красавца, склонившегося над Светелом, бурая шерсть играла серебряными искрами. Это был отец Рыжика, сгоревший в небе над стольным городом Фойрегом. Его, Опёнка, отец-симуран.

«Смуроха!.. Я так и знал! – обрадовался Светел. Вскинул руки обнять. – Я знал, ты всё равно живой и найдёшься! А то мама Золотинка сказала, что ты... на ту сторону неба...»

Тёплый язык снова прошёлся по щеке, смывая пот, слёзы и кровь.

«Она сказала правду, маленький Аодх. Я не выжил. Но я решил посетить тебя, пока след твоего отца ещё свеж».

Светел хотел рассказать ему, каким справным вымахал Рыжик, но уловил рядом движение. Повернул голову, увидел седого величественного мужчину с серебряным обручем в волосах.

«Отец, я ещё не встал перед вельможами и не объявил знаки, – виновато обратился к нему Светел. – Зато я лыжи верстать научился. И на гусях играть. И...»

«Значит, я в правильную сторону тебя отослал, – сказал человек. Непонятно как, но Светел оказался у него на руках. – Царские знаки – не самое важное, мой сын. Даже Огненный Трон не так важен. Надо, чтобы снова солнце светило. Ты должен понять, за что на самом деле стоит сражаться!»

Светел хотел попросить его истолковать сказанное, но медовые глаза уже стали впрозелень голубыми, а вместо каменной звезды надо лбом заблестели белые пряди, серебряные в чёрном свинце.

«Атя! – Светел всей силой души потянулся к Жогу Пеньку, но только и придумал спросить: – Атя... А берёзовый сок – вкусный?»

Доля третья

Нож

Большая часть крепости стояла необитаемая. Каменные чертоги, лестницы и переходы, некогда кишевшие жизнью, после Беды были разбиты трещинами, обрушены, завалены. Ветер не то чтобы напрямую запрещал новым ложкам соваться в руины. Уж кому, как не ему, было знать: мальчишкам что запрети, именно туда они и полезут. Те, кто послушался бы запрета, давно таскали мешки и намывали полы в чьих-то богатых домах. Тихие, послушные ученики были котлярам не нужны. Ребятам просто сказали, что за пределами жилой доли ничего заманчивого не имелось. Зато легче лёгкого было свернуть себе шею, заблудиться, застрять где-нибудь со сломанной ногой или рукой... да навсегда там и остаться, потому что никто не будет искать.

Поперечный Сквара, конечно, сразу взял обык разведывать крепость. Занялся этим почти сразу, как только им было позволено самим по себе выходить из спальной хоромины. Иногда лазил вдвоём с Ознобишей или Дроздом, чаще один. С одного из первых разведов принёс ветхий, насквозь проржавевший кинжал, завалившийся в щель, но утаить не сумел, отняли. Больше ничего любопытного не попадалось. За без малого десять лет оставленные палаты очистили от всего, что прежде там находилось. Что не вынесли, обратила в тлен холодная сырость. Полазишь вот так – сама собой станет очевидна праздность болтовни о сокровищнице, якобы ожидающейся где-то здесь счастливого открывателя...

А потом Сквару взялся натаскивать Ветер. На то, чтобы лазить по подвалам и башням, времени совсем не осталось.

Сейчас новые ложки торчали у наружной стены, там, где пытался расти мох и было хорошо видно дерево Ивеня. За ночь сюда опять намело снегу. Котляры и воспользовались им, пока не растаял. Сбросили с прясла сразу три толстых пеньковых каната, гладких, без всяких там узлов для облегчения жизни. Чтобы одни лазили по ним вверх и вниз, а другие закидывали снежками.

Ветер сам показал как. Взялся за ужище – и просто побежал вверх, быстрее, чем у других получалось по ровной земле. Снежки взвились тучей. Метали их не одни новые ложки – замахивались межеумки, сам Лихарь... Источник прыдал туда-сюда, раскачивался, прыгал, чуть не в воздухе повисал... знай мчался вверх, чудесным образом уворачиваясь от комьев. Никто в него так и не попал. Снежки вlepялись в заиндевелую

стену, белыми звёздами отмечали его путь. Внизу – густо, чем выше, тем реже. Стена здесь была такая, что до самой кромки ещё поди добрось. А и добросишь, крепкого удара уже не получится.

– Однажды боевые стрелы полететь могут, – выбравшись наверх, сказал Ветер. Судя по голосу, он не слишком запыхался. – Когда от погони будете уходить!

Обошёл зубец, спустился по другому канату, как с полатей в избе слез.

– Я в такого умельца и целиться бы не стал, – пробурчал Сквара. – Я бы срезень взял да верёвку над ним перебил...

Лихарь метнул грозный взгляд: на учителя умышлять?.. Потом кивнул Пороше:

– Давай.

Он не выделял его так, как сообразительного Хотёна, но чего у Пороши было не отнять, так это смелости, временами безрассудной. Когда состязались на беговых лыжах, он даже Сквару иной раз обходил. Сломая голову швырялся вниз с крутых горок, не призадумавшись, какие пни и коряги могут затаиться под снегом. На Коновом Вене ребят вроде него ругали оторвяжниками, но Сквара Порошу не любил, не хотел тратить на него хорошее слово. Пусть уж зовётся по-левобережному – оттябелем.

Пороша и теперь подбежал к верёвке чуть не вприпрыжку от нетерпения. Весело погнал вверх. В него тотчас полетели снежки.

Лазить умели все. Высота крепостной стены ребят давно уже не пугала. И от снежков уворачиваться они тоже умели. Кто от двоих метателей, кто даже от четверых. Но вот сразу то и другое... Пожалуй, для первой попытки впрямь требовалось бесстрашие!

Пороша, конечно, лез не столь легко и стремительно, как Ветер. В него то и дело попадали, да так, что под ударами плотно сбитых комьев он живо перестал улыбаться. Достигнув верха, Пороша немного помедлил позади зубца, давая себе передышку. Потом спустился, получив ещё изрядно ударов. И, морщась, поводя плечами, встал на привычное место подле Хотёна. Видно было, что нового череда он не очень-то ждал.

Стень проводил его не слишком довольным взглядом... и вдруг напустился на Сквару:

– Ты почему снежки не бросал?

– Жаль одолела, – засмеялся Дрозд.

Пороша накануне вдругорядь обрушил его топчан. Теперь Дрозд досадовал, отчего Сквара не метил в обидчика.

Сквара нахмурился, отмолвил:

– Забросать – дело нехитрое... Посмотреть сначала хотел, поучиться.

– Тебя кто спрашивал, чего ты там хочешь? – рассердился Лихарь. – Сказано было бросать! А ну, лезь давай! Покажи, чему научился!

Сквара нахмурился ещё круче. Подошёл к канату, как-то нерешительно взялся рукой... Помедлил, чуть ли не со страхом оглянулся через плечо, словно пересчитывая занесённые руки с приготовленными снежками... И вдруг взмыл вверх сразу на целую сажень. Влажные белые желваки украсили стену в том месте, где он только что стоял.

Конечно, потом в него попали несколько раз. В ногу, в спину, в плечо... Почти все меткие снежки пустил Лихарь. Уже было ясно: подучившись, дикомыт увернётся даже от него.

Когда Сквара добрался до самого верха, из-за ступенчатого зубца высунулся межеумок с палкой в руках. Внизу засмеялись, но мимо Сквары тут же пронёсся одинокий снежок и... расшибся об угол зубца, принудив межеумка отпрянуть. Ознобиша так бросить не мог. А вот Дрозд... Дрозд? Сквара воспользовался мгновением, чтобы, раскачавшись, ухватиться за соседний канат и благополучно съехать на землю. Ладони у него давно ороговели от верёвок и перекладин.

– Плохо, – сказал ему Ветер. – Ты не обошёл зубец.

Сквара перестал улыбаться, поклонился:

– Воля твоя, учитель. Следующий раз обойду.

В настоящем бою со стены грозили бы не палкой, а секирой или копьём. Он поклонился ещё раз и отошёл, начиная прикидывать, получится ли бросить вверх ноги, взять межеумка врасплох.

– Дрозд! – сказал Лихарь.

Дрозд, которого Сквара даже не успел поблагодарить за подмогу, с готовностью подбежал, схватился, быстро полез по стене. Однако ложки успели наготовить снежков про запас, к тому же проворство Сквары их кое-чему научило. Дрозду почти сразу пришлось несладко. Сквара вполсилы бросил несколько комьев, вполне понимая, что за такое луканье может снова схлопотать ругани, если заметят. Однако ничего с собой поделаться не мог. Бить в полную мочь по своему же товарищу, который только что ему ещё и помог, было ну никак невозможно.

Несколько крепких снежков попало Дрозду в лицо, мало не ослепив. Выскочив наконец под зубцы, где уже мало кто, кроме нескольких умельцев, мог его достать, Дрозд остановился передохнуть, отплеваться от снега. Вот это была большая ошибка. Кто-то снизу крепко засветил в него, попав по руке. Дрозд вскрикнул в голос, съехал на пол-аршина вниз. Ознобиша испуганно ахнул, Сквара завертел головой: кто?..

Довольно улыбалось сразу несколько человек. Хотён вроде бы опускал

руку. Сквара шагнул к нему:

– Ты что...

Пороша отвёл руку со снежком и аж подпрыгнул, запуская крепкий ком с ледышкой внутри. За ним – снова Хотён, Бухарка, ещё кто-то, ещё...

– Собьёте же! – забеспокоился Ознобиша.

Сверху ему отозвался жалобный крик. Дрозд, уже не помышляя выбраться на прясло, начал было потихоньку съезжать наземь. Подбитая рука сразу оплошала, он посмотрел вниз и сообразил, что в самом деле может свалиться. Пробудившаяся боязнь сковала тело, сделала его неловким, тяжеловесным. Это действительно был страх, способный убить. Унотам предстояло воочию в том убедиться... Руки разжались окончательно, пальцы утратили хваткость. Дрозд ещё попытался стиснуть канат коленями и ступнями, но движения становились всё суевейнее, он запрокинулся...

И сорвался.

Быть может, он мысленно обрёл себя на погибель и оставил бороться. Или, наоборот, понадеялся на спасительную мякоть сугроба, но не допрыгнул... Спрашивать его об этом никому уже не пришлось. Голова Дрозда вмялась в утоптаный снег под стеной. Тело переломилось, замерло, нелепо разбросав руки и ноги. Там, где полагалось быть голове, начало расползаться пятно.

Стало тихо. Мальчишки шарахнулись прочь, кто-то из самых младших заплакал.

– И что? – резко прозвучал голос Ветра. – Одного достали стрелой, так все тыл показали?

– Ты, крикун! – палец Лихаря указывал на Ознобишу. – А ну, пошёл на стену!

Ознобиша вовсе померк, как мешком накрытый. Молча, на негнущихся ногах обошёл мёртвого Дрозда, взялся за канат, полез. Сквара сжал кулаки.

Кидались в Ознобишу сперва вяло.

– Кто лезет – враг! – хлестнул Лихарь. – Вас без щады будут сбивать!

Ребята как будто очнулись. Снежки залетали. Ознобиша по-прежнему молча, упорно лез вверх. Сквара стоял, опустив руки, чувствовал на себе злой взгляд стена. Да плевать. Сбивать Ознобишу его никакой стень не заставит. Пускай в холодницу засаживает, к столбу ставит, хоть совсем убивает...

Ознобиша, весь в мокрых отметинах от ударов, между тем повис почти там же, где прежде Дрозд. И, похоже, застрял. Во всяком случае,

не двигался ни туда ни сюда.

Лихарь посмотрел на него, выругался, погнал новых ложек на другие верёвки.

Было страшно. Скомканное тело Дрозда по-прежнему лежало внизу. Трудно было отвести от него взгляд, но под градом снежков мальчишки один за другим одолевали верёвку, перебегали по стене, спускались.

Меньшой Зяблик всё висел, судорожно вцепившись в канат, накрепко зажмурил глаза. Только вздрагивал, когда в него попадали.

Сквара с разбегу прыгнул вверх. Он даже не стал метаться вправо-влево – помчался по стене, словно впрямь от смерти спасаясь. Поравнялся с Ознобишей, как следует раскачался, перепрыгнул к нему.

Рывок верёвки едва не выбил её из онемевших рук сироты. Ознобиша постепенно уступал погибельной жалости к собственной доле («И отика с мамой я предал... и за Ивеня не сверстался...»), но Сквара уже сгрёб жестокой хваткой и канат, и самого Ознобишу. Захочешь, не больно-то упадёшь. Сквара был так неистово зол, что межеумку с палкой лучше было совсем удрать со стены. Только дикомыт на самый верх не полез. Поудобнее ухватил Ознобишу, обозвал его для верности чёрным словом, начал спускаться.

Снежки грозили отбить ему нутро, переломать рёбра. Будь на его месте Ветер, небось ещё успел бы разглядеть, кто всех злее в него метал. А то перехватил бы снежок-другой, бросил обратно. Скваре до такой удали пока было как до небес. Слезть бы в целости самому да Ознобишу спустить, а уж там...

Когда до земли осталась сажень, он напоследок что было сил оттолкнулся ногами от стены, не желая соскакивать прямо на несчастного Дрозда, и они с Ознобишей полетели в сугроб.

– Второй в этом роду, кто не ладит с веревкой, – насмешливо проговорил Лихарь.

Перед глазами полыхнула белая вспышка. Сквара мигом вскочил, оставив Ознобишу барахтаться. Яростно прыгнул, бросился на стену с кулаками.

Что могло получиться из их схватки? Наверное, ничего хорошего, по крайней мере для Сквары, но это так и осталось никому не известным. На пути дикомыта возник Ветер.

И одним шлепком отправил Сквару кубарем в снег.

Тот опять без промедления вскочил... Однако разглядел перед собой учителя, опамятовался, остался смирно стоять.

– В холодницу, – сказал Ветер. – На два дня. Посидишь,

поразмыслишь.

Иные удивились тому, что приказ относился не к Лихарю, а к дикомыту.

Тот, успевший немного остыть, покорно опустил голову. «Хоть не к столбу...»

– Воля твоя, учитель, – всё же выговорил он сквозь зубы. – Вразуми только... за что?

– А ты сам подумай, – усмехнулся Ветер. Обвёл глазами остальных. – Тебе что сказано было делать?

– Наверх, – пробормотал Сквара. – И вниз...

Ветер покачал головой:

– Ты плохо смотрел, когда я показывал. Не вверх-вниз, а обойти зубец и спуститься по другому канату. В первый раз ты, по-моему, просто струсил...

Сквара вскинул глаза, хотел прекословить, вовремя передумал.

– Не споруешь, хоть на том спасибо, – насмешливо фыркнул Ветер. И сурово продолжил: – С чего ты взял, будто страж стены ударил бы тебя?.. Я бросил снежок и отогнал его. Я бы не позволил ему тебя сбить, но ты мне не доверился. Когда я приказываю, не твоего ума дело гадать, всё ли я предусмотрел!

Сквара больше не поднимал головы, уши неудержимо наливались краской.

Ветер неторопливо обошёл его кругом:

– Ты и во второй раз не сделал, что требовалось. Полез дружка выручать? А если бы вас не просто так на стену послали? Если бы, например, вы пленников из неволи спасали?.. И вот ты одному подстреленному спуститься помог, а сотню других погибать бросил, потому что добраться до них не сумел?

Сквара молчал.

Котляр снова остановился прямо перед ним. Покосился на кровавое пятно в снегу:

– Да ещё со стеном, который на ум всех вас наставить пытается, в драку полез... Дрозда жалко, да. И братейку твоего, сорвись он, было бы жаль. А вам кто сказал, будто вы сюда пришли в салочки забавляться?.. Кого снежком с верёвки сбить можно, под стрелами-то будет хорош... Дрозд стойно послужил Владычице. Показал вам, как бывает!

Сквара всё-таки поднял глаза:

– Учитель...

Источник обернулся:

– Ты почему ещё не в холоднице, сын неразумия? Больше наверх сегодня не полезешь, хватит, довольно набедил.

Сквара упрямо собрал брови в одну полосу:

– Учитель, воля твоя... Можно мне с собой доску и... ну хоть гвоздь...

Теперь уже нахмурился Ветер:

– Зачем ещё?

– В пальцах вертеть, – вполголоса предположил Хотён.

Кто-то с облегчением засмеялся:

– Вместо подушки...

Сквара окончательно покраснел, ответил:

– Я бы пока метать поучился. Не всё выходит.

– Возьми, – кивнул Ветер. – Скажешь, я велел.

Ознобиша смотрел в сторону. Вернее, вовсе никуда не смотрел. Лицо у него опять было почти такое, с каким он когда-то собирался лезть в петлю.

У древоделов Сквара вынудил обломок горбыля в ладонь шириной и полную меру брани. По мнению трудников, доске можно было найти куда более достойное применение. Ещё удалось выпросить брусковый гвоздишко, ржавый, с покалеченным концом. Прежде он удерживал запор в деревянной двери, даже был изнутри загнут, чтобы не вытащили ловкие воры. Сквара изрядно постучал молотком, выправляя гвоздь на колоде. Взял горбыль, пошагал в холодницу – отсиживать наказание.

Ознобиша не пришел его проводить.

Остаток дня из подвала доносились глухие удары железа о дерево и временами – о камень. А в промежутках – хруст камешков под ногами. Упрямый дикомыт бросал в мишень. Снова, снова, снова...

После полудня, чудом никого не зашибив, по Наклонной башне прогрохотал скопившийся иней. Новых ложек погнали разгребать сугроб, перекрывший подход к чёрному двору и поварне. За работой смеялись, что это Сквара вызвал обвал, стуча в стену. Смех был натужным, да и болтали ребята на самом деле попусту, ведь куржа падала и прежде, сама собой.

Сквара хорошо слышал их голоса. Ему тоже без конца мерещился мёртвый Дрозд и являлся непонятный страх. Всё время казалось, будто именно он совершил что-то непоправимое. Такое, что теперь загрызёт совесть и все будут в него пальцами тыкать: «Это он... Из-за которого Дрозд...»

Поэтому, наверное, с гвоздём у него мало что выходило.

Обезображенный горбыль лохматился щепками, но через раз, если не чаще, гвоздь бил в него шляпкой. Сквара силился понять, в чём было дело, но даже это не получалось. Дельные мысли все как морозом побило.

Вымахав обе руки, он отчаялся, оставил гвоздь, взялся гнутья назад. Утверждал на полу обе ладони и медленно отрывал ноги, задирая их к потолку. Потом возвращал тело в природное положение. Учитель считал такое упражнение очень полезным. С разгону, говорил он, да с напужки всякий перевернётся, а ты попробуй-ка не спеша...

Из трубы над очагом сыпалась сажа, на дно шлёпнулся свёрточек. Сквара сперва лишь покосился, отвёл взгляд. Ничто теперь не имело значения, даже еда. Потом примерещились голоса, донёсшиеся из дымохода. Опёнок распрямился, подошёл. Может, там Ознобишу застукали?..

На самом деле побратимы успели заподозрить, что тайной дверцей пользовалось уже не первое поколение мальчишек. Во всяком случае, межеумки и даже старшие на тайные посылки определённо смотрели сквозь пальцы. Помнили небось, как сами попадали в холодницу, ждали выручки от друзей...

Сквара вытащил кулёчек. Он сразу увидел, что завязывал его не Ознобиша. Тот не так любил плести узлы, как сам Сквара, но всё равно до «бабьего» узлишка нипочём не унился бы, он на мах никакого дела не творил... Лыкастик?..

А вот кем-то надкусанные пирожки, лежащие внутри, опрятно обрезал, скорее всего, Зяблик. Воробыш не стал бы возиться. И сам проглотил бы как есть, и в холодницу бы отправил как есть...

Сквара сел на холодный пол под стеной, обхватил руками колени. Помедлив, тоскливым шёпотом обратился к цепи с ошейником, свисающей с противоположной стены:

– Дядя Космохвост, почему у меня не выходит?..

«А ты поразмысли», – неслышимо долетело оттуда.

– Да я всяко уж пробовал. И шаги считал, и руку тянул...

«Даст тебе кто в бою шаги считать...»

Сквара только вздохнул.

«Тебе очень хочется, чтобы получилось?»

– Ветер говорит, нужно что угодно в мёткое оружие обращать.

«Ветер говорит! – передразнил погибший рында. – А ты сам?»

– Наверно, хочу, дядя Космохвост.

«Помнится, раньше ты хотел дома жить. Ту девочку в жёны взять, семерых детей народить, один другого горластей. А теперь – добрым

гвоздём кого ни попадя прибить норовишь. И на кугиклах забыл уже, когда последний раз песни творил...»

– Дядя Космохвост, – жалобно протянул Сквара. – Ты сам ложкой в котле был!

«Будто кто меня спрашивал! Я сиротой рос».

– А меня спрашивали? Тебе тоже пришлось, и учился, и лучше всех был! Зря они на тебя вериги надели? Подсказал бы уж, что ли!

«Ладно. Что надо, чтобы нож потребно втыкался?»

– Чтобы летел быстро и поменьше переворачивался.

«И для этого...»

– Руку тянем, чтобы он как копьё с копьёметалки слетал.

«А кроме копья, у чего полёт скорый?»

– У птицы сокола. У громовой стрелы...

В первый год после Беды, когда в Твёрже ещё пасли коров, ребятня бегала за дедом Игоркой, просила «гром показать». Старик объяснял им: кончик, мол, кнута мчится в воздухе очень проворно. Почти как колесница Бога Грозы. Оттого и гром получается.

«Ну-ка, попробуй...»

Сквара для начала повёл рукой в воздухе, вообразив её кнутовищем с длинным столбцом ремня, а кисть – растрёпанным кончиком-хлопушкой. С силой в одну сторону, потом резко в другую...

Запястье, которое Сквара по праву считал надёжным и крепким, дёрнуло так, что он невольно ухватил его левой. Когда-то давно отец не велел ему отпускать тетиву вхолостую, без стрелы: кабы не лопнула...

Сквара подобрал гвоздь, заново утвердил несчастный горбыль, попятился прочь.

Взмах!

Он сразу почувствовал: гвоздь ушёл с руки так, как прежде ни разу. Доска подпрыгнула и свалилась, оставив в воздухе медленный след из мелких щепочек и трухи. Сквара, одержимый какой-то внутренней дрожью, подбежал, жадно подхватил упавший горбыль.

Гвоздь, давно погнутый и затуплённый о камень стены, торчал в длинном расщепе.

Сквара выдохнул, сел, неуверенно улыбнулся. Сдул сажу со свёртка с едой. Он определённо что-то нащупал, до смерти хотелось мишенить ещё и ещё, но он знал: нельзя. Рука должна запомнить новое ощущение. Даже если удачный швырок вышел случайно. А уж если не случайно...

– Видал, дядя Космохвост? – обратился он к пустому ошейнику. – Как я его?..

Скрипучая входная дверь отворилась за спиной совсем бесшумно. Сквара оглянулся только потому, что изменили своё течение гулявшие по полу сквозняки.

В дверном проёме стоял Ветер.

Стоял, гоняя в пальцах тяжёлый боевой нож.

Увидев, что ученик оглянулся, котляр непрямым движением отправил оружие в воздух. Сквара едва успел повернуть за ним голову. Нож мелькнул и воткнулся в горбыль немного ниже гвоздя. Ветру не было разницы, стоит мишень, лежит или бежит. Доска в два пальца толщиной лопнула из конца в конец.

Вскочив, Сквара подобрал выпавший нож, хотел отнести источнику, но увидел перед собой закрытую дверь. Котляр исчез так же беззвучно, как появился.

– Учитель... – стоя с ножом в руке, пробормотал Сквара.

Никто ему не отозвался. Ни Ветер, ни Космохвост.

Листки

Ноги незаметно принесли Ознобишу в книжницу. Наверное, потому, что под каменными сводами, выстоявшими в Беду, было тихо и покойно. Другая ребятня своей волей сюда нечасто совалась. В один из первых дней Лихарь привёл в книжницу весь народец – да здесь и напугал чуть не хуже, чем рассказами о столбе.

«Будете высиживать, пока грамоте не вразумитесь, – предрёк он злоеще. – Пока по трое штанов за книгами не изотрёте...»

Все стали смотреть на свои штаны, щупать толстое серое портно. Пожалуй, изотрёшь! А уж трое...

Такого труса нагнал, что конца его речи, вроде бы сулившей награду по ту сторону книжных завалов, никто позже вспомнить не мог.

«Во где растопки! – справляясь с напужкой, уже в опочивальне изрёк Дрозд. – Год в печку кидай, ещё останется!»

Ознобиша и Сквара забоялись меньше других. Оба умели читать. Ознобиша в последнюю домашнюю зиму таскал хворост соседу, владеющему андархским письмом. Он ведь думал вскоре увидеть брата, всему наторевшего в котле. Не хотел осрамиться.

«Так я тоже за братом поспевал», – похвастал дикомыт.

Ознобиша удивился:

«Светелу-то зачем?»

«Он же андарх, – пояснил Сквара. – Чтобы нам со стыда не гореть, когда сродников встретит. Ну и мне не отставать стать...»

Теперь вот Сквара сидел в холоднице, щепал доску гвоздём. Тело Дрозда остывало в дальнем амбаре за пределами зеленца. Ему обещан Великий Погреб, в награду за честное служение Владычице. А Ознобиша стоял в книжнице и смотрел на деревянные полки, хранившие ненавистную моранскую премудрость.

Взять разбить жирник, вправду всё подпалить... да самому не выскакивать...

Ознобиша знал: это будет очень страшная мука. Но она кончится. Он догонит Дрозда, вместе с ним шагнёт на Звёздный Мост. Там ждёт брат. Ознобиша обнимет его... отика... маму...

Узловатый плетёжок как будто стиснул запястье...

Рука наобум потянула из ряда толстую книгу. Старую, в разохшемся переплёте. Она оказалась неожиданно тяжёлой. Ознобиша поставил

жирник, подхватил книгу обеими руками...

На пол выпал листок.

Сирота уронил книгу, чуть не опрокинул светильник – так бросился за этим листком, помстившимся вестью от брата. Живые глаза Ивеня... его кровь на рисунках и строках... головка стрелы... Ознобиша схватил улетевшую грамотку, трясущимися пальцами поднёс к свету...

Вместо откровения тайн, заставивших доброго Ивеня откинуться от Мораны, перед ним была песня. Не хвала Матери, но и не хула, как он было возмечтал. Краснозвучные строки доносили голоса древней напасти:

Осаждён оплот,
Битва у ворот...

Ознобиша нахмурился. Пока было понятно одно: речь шла не о Беде. Листок оказался ещё и берестяным, причём далеко не теперешним. Его скололи с зелёного дерева и в самый срок, в пору зреющей земляники, то есть лет десять назад. Однако всего чуднее выглядело само письмо. Кто-то орудовал до крайности непочтительно. Чёркал вкривь и вкось, вымарывал слова и целые строки, вписывал другие, снова марал... Если грамотка была про святого моранича, о котором новым ложкам ещё не рассказывали наставники, за такое обращение вправду можно было доискаться беды. Вот только писал и чёркал на берёсте не Ивень. Брата наторял грамоте тот же сосед. Руку Ивеня Ознобиша очень хорошо знал...

На всякий случай он отложил опасный листок, потянулся за книгой.

Она послушно отворилась на месте, приютившем блудную грамотку. Похоже, кто-то долго разламывал книгу именно здесь, вникая в написанное.

На четвёртое лето своего царения праведный Йелеген, второй этого имени, обратил вспять нашествие богопротивных хасинов, и вот как это было.

Ознобиша переставил жирник поближе, склонился над страницей.

В тот чёрный год Андархайна сделалась плачевно близка к поражению, ибо не зря говорят мудрые люди, что величайшая тьма сгущается перед рассветом. Даже царевич Хадуг, пятый наследник державы, велел перевезти свою семью в Фойрег. Однако шагад Бермал,

да будет проклята его память, мчался быстрее степного пожара. Поезд царевича был разбит, домашнее войско узнало гибель и плен. Случилось так, что худородный воин из стражи взял на седло царевну Жаворонок и с несколькими ратниками умчал её от погони. Вскоре праведная царевна, по хрупкости здоровья, приняла вред от стужи на переправе, отчего непорочный дух её освободился от бремени плоти. В то время вёлся обычай доверять останки земле, окружая их сокровищами, сообразными знатности; стоит ли удивляться, что покой мёртвых каждодневно нарушался жадностью богомерзких захватчиков. И вот Свард, так звали воина, сказал спутникам: выкопаем могилу вдвое глубже обычной! почтим государыню узорочьем, какое найдётся! утопчем над её плащом два локтя земли! И это было исполнено. Свард же встал на краю ямы, достигшей глубины обычной могилы, и сказал спутникам: зарубите меня! облачите в кольчугу и шлем, вложите меч в руки! да послужу я, мёртвый и похороненный, госпоже последним щитом! И это также было исполнено. Нечестивые хасины, шедшие по следам, вытащили и осквернили тело безродного стража, прах же царевны остался неприкосновенным...

Ознобиша стомился держать в руках тяжёлую летопись. Сел на пол, устроил книжищу на коленях. Посередине палаты имелся большой стол для занятий, но идти туда, где раздавали подзатыльники за ошибки, Зяблику не хотелось. Он продолжил читать.

Когда распространилась весть, ратники Андархайны познали стыд за долгое отступление и возжаждали мести. Царь сам повёл их вперёд. Была великая битва и великая победа. Остатки хасинов бежали в дикие земли Юга. Праведный Йелеген, второй этого имени, возвеличил храброго Сварда, назвав его в посмертии красным боярином Нарагоном, что в те времена значило «сторожок в ловушке». Царь повелел новому роду хранить имя предка, передавая его внуку от деда. Тогда же Круг Мудрецов отдал прошлому покидание останков в земле, признав богоугодность огненных погребений. Многие опасались усобицы из-за смены обычая, но страна, измученная долгой войной, ликовала о победе и приняла новизну, истолкованную как примету новой и радостной жизни.

Имели хождение слухи, будто Свард сам оборвал жизнь царевны, дабы оградить её честь, но мы не склонны принимать это на веру, ведь другие беглецы благополучно добрались к своим. Гусяры сейчас утверждают, будто меж худородным воином и царевной таилась несбыточная страсть, но известий, подтверждающих это, до нас также

не дошло...

Андархские летописцы обладали несомненной способностью о чём угодно повествовать сухо и скучно. Даже столь жгучий сказ о смерти и верности заставил Ознобишу неудержимо зевнуть под конец. Он спустил книгу с колен, тряхнул головой, опасливо взялся за берёсту.

Это было в горестный год:
Ждал скончанья света народ,
Осаждён оплот,
Битва у ворот,
Дым пожара затянул небосвод.
Отступает царская рать.
Хочет землю враг отобрать,
И селян и знать
В горький плен угнать, –
Видно, время подошло погибать!
По крутой тропе между скал
Изнурённый воин скакал.
Он не ел, не спал,
Раны принимал,
Он царевну от погони умчал.
Верный конь совсем сбился с ног...
Где ж ты, безопасный чертог?
Нежной девы вздох
Прозвучал врасплох –
Уберечь её воитель не смог.

Ознобиша до боли закусил сустав пальца. Как же ясно видел он маленькую царевну... по имени Жаворонок... и железного воина, беспомощного во всей своей силе. Вот он несёт её, прижимая к груди, а у самого по щекам слёзы. Потому что больше не откроются ясные девичьи глаза, не дрогнут ресницы, не улыбнутся уста. Потому что осталось сделать только одно...

И не время плакать о том,
Что не стала доблесть щитом;
Мятый сняв шелом,
На холме пустом

Витязь Небо попросил о святом.
«Поругатель робких невест
Скоро всё обшарит окрест.
Заberi, что есть,
Жизнь мою и честь,
Но не выдай им царевну на мeсть!»
Враг летит подобно стреле,
Ищет след, пропавший во мгле...
Глубоко в земле
Дева спит в тепле,
А над ней застыл валун в ковыле.

Ознобиша ещё долго сидел на полу. В слабеньком пламени жирника горела степь, мчались кони, вспыхивали мечи... Песня жила отдельно от летописи, она уходила от неё, как туман от земли, – ввысь, ввысь, – и взлетала с песней душа... И вот уже не плачущие побратимы добивали отважного Сварда, но сами Боги, вняв молитве героя, обращали его неприступным каменным стражем... Потому что это возвышало, а значит, именно так было правильно и хорошо. И не имело значения, в какой стране храбрецы заслоняли беспомощных, в какой век. И вот уже сквозь огонёк светильника к меньшому Зяблику шагали воины Севера, и стыла кровь на снегу, и кто-то говорил голосом дикомыта: «Отомстить можно по-разному...»

Взгляд Ознобиши скользил по заставленным полкам. Когда взгляд вновь стал осмысленным, мальчик задумался, сколько ещё здешних книг таило в себе подобные тайны и чудеса.

Рано утром, отбыв наказание, Сквара вернулся в жилую хоромину. Там было по-домашнему тепло и уютно. Мальчишки ещё спали. Вчера они складывали костёр. Относили на Великий Погреб окутанного чистыми пеленами Дрозда...

Что-то побудило Сквару сразу сунуть руку под тюфячок. Он тотчас понял, что безмолвный упрёк погибшего рынды коснулся его мыслей не зря. Пальцы ткнулись в обломки раздавленных тростниковых цевок. Сквара даже руку отдернул. Сглотнул, сунул снова... вытащил горсть мусора, бывшего когда-то кугиклами, сделанными ещё дома.

Прежде Беды, когда бабы и девки шли с дальних огородов домой и становилось скучно просто болтать на ходу, они срывали коленчатые

стебли дудника и обламывали, подрезали, а у кого ножика не было – крепкими белыми зубами обкусывали до нужной длины. По две, по три цевки каждая, да так, чтобы ладили с бабкиными, с материнными, с подружьиными... И приходили в деревню, ещё не называвшуюся Твёржей, свиристя на множество голосов, точно спевшаяся стайка соловушек.

Парни чуть постарше говорили ещё другое: у знатных кугикальщиц, мол, губы становились ловкими, сильными, уж до того способными для поцелуев...

Скваре нравилось слушать переключку задорных свистулек, но сам он к «девичьему орудышку» долго не прикасался. Засмеют, заругают!.. А то и в небо, как бабушка Корениха, упрекающими перстами тыкать начнут. Из-за таких вот охаверников, мол, настала Беда!.. Но потом он заметил на торжище, как слушал дудочные напевы маленький Светел. Пришлось порыться в снегу возле берега заледеневшей реки, но Сквара сделал кугиклы, певшие громко и ладно. В тот же вечер сыграл на них колыбельную хворому меньшому братишке... «Брат за брата, встань с колен...»

Сквара снова посмотрел на обломки в горсти. Куда их теперь? В печку?.. Если бы кто просто с размаху сел на топчан, кугиклы бы выдержали. Он проверял.

Кому понадобилось?..

И когда – нынче ночью или ещё прежде, а он и не заметил?..

Сквара невольно отыскал глазами Порошу и Хотёна, спина к спине посапывавших возле двери. Вздумали за что-то с ним поквитаться?

А если межеумки позабавились? Те последнее время ввадились прокрадываться по ночам, обливать кого попало водой. С наскоку палками бить...

Против этих ночных набегов новые ложки завели собственное обыкновение. Перед сном тянули жребий. На кого выпадало – спали в очередь, охраняли других. Застигнутых межеумков всем миром гнали вон в тумак. Пригодится небось, когда однажды они в опасном месте лагерем встанут...

Сквара наново огляделся. Ну конечно. Лыкастик, одетый, сидел нахохлившись на своём лежаке – и крепко спал. Умаялся после лыжного бега. Сквара дотянулся, легонько потрянул его за плечо. Воробыш вскинулся, спросонья мало не заорал, поднимая тревогу, но узнал Опёнка, вовремя закрыл рот. Нахмурился, потом улыбнулся – благодарно, виновато. Сквара уже не первый раз подумал о том, что в воинской учельне Лыкастика

навряд ли оставят. Значит, придётся расставаться. А жалко.

Он зачем-то сунул разломанные кугиклы обратно под тюфяк, склонился над соседним топчаном. Подстёгин сын лежал, свернувшись клубочком и с головой закутавшись в одеяло.

– Вставай, братейко, – прошептал Сквара.

Ознобиша сразу проснулся, высунул голову, обрадовался:

– Сквара...

– Вставай, пошли.

– Куда?..

Но Сквара уже шагнул в сторону двери. Ознобиша вновь спрятался было под одеяло. Всё же вздохнул, сел, свесил ноги, потёр ладонями лицо, быстро оделся.

Дикомыт ждал его за дверью. Когда Ознобиша вышел, Сквара подобрал с пола свёрнутый кольцами канат:

– Идём. Учитель позволил.

Окончательно проснувшийся Ознобиша нахмурился, хотел было заартачиться. В это время из-за угла появились двое межеумков. При виде ребят у двери предвкушение пропало с их лиц, парни приняли независимый вид, как ни в чём не бывало прошли дальше. Ознобиша снова вздохнул, потащился за Скварой.

Потом он стоял под стеной, глядя, как сверху, тяжело и медлительно разматываясь, валится длинное ужище. Сквара съехал вниз, ногами раскидал снег под стеной. Явилось комковатое пятно, ещё не растворённое оттепелями. Ознобиша попятился.

– Лезь! – велел Сквара.

Ознобиша замотал головой. Он думал, дикомыт раскричится, но Сквара вместо этого негромко сказал ему:

– Ты брата Ивеня спасти лезешь.

Ознобиша невольно представил... Переменился в лице... Всхлипнул, оскалил зубы, перепрыгнул страшное пятно, повис. Утвердил ноги, стиснул, стал подниматься. Сперва медленно, потом дело пошло.

– Я метать буду, – предупредил Сквара. И тотчас послал первый снежок, чувствительно достав братейку пониже спины. – Уворачивайся!

Ознобиша оглянулся было, на лице мелькнула обида, но мимо носа свистнул крепкий комок. Ознобиша на миг зажмурился от брызг, втянул голову в плечи, полез быстрее. Всё равно получил ещё и ещёжды – и принялся толкаться ногами, лукавствовать, прыгать... Представил: там, за стеной, на брата готовят верёвку, точат ножи... Глаза обожгли слёзы.

Упрямые, отчаянные, злые.

Он миновал место, где беспомощно висел третьего дня, даже удивился. Себя, что ли, жалел? Когда они Ивеня...

Сквара, кажется, поспедал мишенить в него за всю шайку, но сюда, наверх, даже он докидывал через раз. Ознобиша стал примериваться к бойнице. Между ступенчатыми зубцами выглянул дозорный. Он держал в руках палку.

Ознобиша вдруг исполнился вдохновенной ярости и прынул вперёд: ну, убивай! Скидывай наземь! А не пропустишь и не убьёшь – задущу! загрызу!.. Потому что Ивень... царица Жаворонок...

Дозорный начал замахиваться...

...И с немалой силой получил снежком прямо в грудь. Так, что аж покачнулся.

Как, что, откуда?.. Ознобиша быстро посмотрел вниз. Зря, конечно. Зато рассмотрел Сквару. У того висел мешком с плеч кожух, а в руке успокаивался тканый пояс, сработавший как праща.

– Лезь давай, – неожиданно добродушно проговорил межеумок. – Убитый я.

Ознобиша выполз на прясло. Другого каната всё равно не было, он потоптался, решил спускаться тем же путём, но ужище задёргалось. Снизу быстро лез Сквара. Ознобиша обождал его, поглядывая на «убитого» межеумка, собрал верёвку, и они со Скварой пошли обратно верхним путём.

– Вот об этом я тебе и твержу, – сказал Ветер. – Только ты слушать не хочешь.

Они с Лихарем стояли в Наклонной башне, превращённой временем, гнилью и жадными человеческими руками в гулкую пустую трубу. Здесь вечно гуляло жутковатое эхо, а если начинало дуть с моря, Наклонная ещё и выла, безнадёжно, угрюмо.

Туман висел над самыми головами, по каменным стенам текла холодная влага. Зато в маленькую бойницу было хорошо видно всё, что делалось на стене.

– Учитель, воля твоя... – пробормотал Лихарь. – Ты... разглядел ли, какими словами он паршука наверх гнал?

Ветер не пошевелился. Так и стоял, сложив на груди руки. Только вздохнул, глядя на прясло, где уже не было ни дикомыта, ни сироты.

– Брату на выручку послал, – ответил он погодя.

Умение постигать речи навзрячь, по губам, вручалось лишь старшим,

проверенным ученикам.

– Учитель... – тихо сказал стень. – Ты всё грустишь...

Он пытался сделать брови домиком, не получалось.

Ветер наконец оглянулся. Досадливо смерил его взглядом:

– А ты бы не загрустил? Если бы воспитал прекрасного ученика, а потом был вынужден казнить его за предательство? Ты бы не загрустил?..

Повернулся и легко, нисколько не осторожничая, сбежал вниз по скользким обледенелым ступеням.

Лихарь понурился, ушёл следом за ним.

В пыльном каменном переходе было холодно, темновато и тихо. Мальчишки редко здесь бывали, а в такую рань – подавно. Сквара вдруг остановился:

– Что покажу!..

Завернул правый рукав кожушка, потом рубашки. Локотница была замотана тряпкой. Ознобиша заметил рукоять боевого ножа, торчащую из-под шерстяной полосы. С испугу он успел вообразить клинок в ране, но тут же понял, что нож был просто привязан.

– Ух ты!.. – вырвалось у сироты. Он так удивился, что только и придумал спросить: – На правой-то почему?..

– Потому, – со знанием дела объяснил Сквара, – что искать будут на левой.

Вытащил нож, рукоятью протянул Ознобише.

Тот с уважением взвесил оружие на ладони. Нож был правский. Длинный, тяжёлый, очень острый и страшный. Совсем не как те домашние ножики, которыми они когда-то стружили рыбу, ладили упряжь собакам, резали дерево. Этот ковался для человеческой крови, в нём чувствовалась сила, грозная и недобрая.

– Где взял? – тихо спросил Ознобиша.

Пояса им вернули давным-давно, однако пустыми.

– Учитель дал, – сказал Сквара.

Ознобиша, что называется, встал в пень. Он-то был навскидку уверен, что нож Сквара нашёл. Ну не украл же, действительно.

Но чтобы Ветер...

– Как дал? Почему?..

Сквара пожал плечами:

– Я тебе знаю? Вошёл, в доску бросил и обратно не взял.

Костяную рукоять покрывала резьба. На первый взгляд – листья и цветы, просто чтобы не скользила рука. Если всмотреться, в травяных

завитках угадывались додревние андархские знаки, бытовавшие ещё прежде письма.

– «Волчий зуб и лисий хвост во имя Царицы», – разобрал Ознобиша. Помолчал, отдал нож, зачем-то вытер руку о штаны. – Учитель, значит...

Сквара нахмурился, почесал рубчик в левой брови:

– А что? Учитель и есть.

Ознобиша покраснел, остановился, хотел спорить... шорох и бормотание, раздавшиеся впереди, заставили обоих повернуть головы.

Из-за угла пролились неярые отсветы, послышался старческий кашель. Мальчишки переглянулись. Им не было никакой нужды бояться приспешника, согбенного и седого. Иные из новых ложек никого, кроме своих же наставников, давно не боялись... Встречаться с Опурой не хотелось всё равно. Ознобиша даже оглянулся, прикидывая, как бы потихоньку исчезнуть, но сзади был только выход на стену и межеумок на прясле, который поймёт, в чём дело, и обязательно посмеётся.

Старик вышел из-за угла. Он держал в руках глиняную лампу, заправленную самым дешёвым маслом и оттого нещадно коптившую. Бесцветный взгляд подслеповато скользнул по двоим мальчишкам, замершим у стены. Сквара уже было понадеялся, что Опура, по обыкновению погружённый во что-то очень далёкое, вовсе их не заметит... Не свезло. Дед вдруг ахнул, попятился прочь. Огонёк метнулся на фитиле, испустил облачко сажи и едва не погас, а по стариковской штанине, оправдывая прозвище, начало расползаться пятно.

– Маленький Ивень!.. – Приспешник засеменял к Ознобише, но не дошёл: качнулся к стене, схватился за сердце. Ключковатая борода затряслась. – Вот счастье-то, наш маленький Ивень вернулся...

Не зная, куда деваться, Ознобиша беспомощно покосился на Сквару. Дикомыт с пристальным вниманием смотрел на старика, ожидая, что тот скажет ещё.

– Маленький Ивень, – отдышавшись, чуть спокойнее прошамкал Опура. – Я знал, молодой Ветер во всём разберётся и отпустит тебя. Он умный, Ветер... я всегда говорил... Такой добрый мальчик не мог натворить ничего скверного...

Настал черёд Ознобиши явить крепость рассудка.

– Дедушка, – люто кляня себя за то, что не разведал иного рекла старика, кроме презрительной клички, сказал сирота. – Что же я натворил? Что про меня говорили?

Дряхлый слуга бережно поправил пальцами фитилёк. Лампа

принялась коптить ещё больше. Опура поднял на Ознобишу пустые глаза.

– Я знал, – повторил он. Мелко закивал головой, двинулся дальше, вовсе перестав обращать внимание на мальчишек. – То-то ты так удивлялся, когда тебя уводили...

Ознобиша даже шагнул следом, но сразу остановился. Душа надрывалась тотчас выпытать у старика, почему недоумевал брат. А ничего не поделаешь: жди теперь, пока неведомые ветра вновь прибьют утлую память старца к нужному берегу.

Почти до самой спальной хоромины они шли молча. У двери Сквара тихо сказал:

– Листки. У Ивеня под ногами...

– Листки, – потерянно вздохнул Ознобиша. И вдруг просиял: – Я без тебя в книжнице знаешь что нашёл?

– Закон, – напряжённо хмурясь, перебил Сквара. – Ну тот... помнишь?

Плотная страница, замусоленная пальцами учеников. Ребята засыпали с тоски, мечтая скорее дорваться до самострелов. Осоловелый взгляд Воробыша, резкий шлепок затрешины, дерзкий голос Пороши: «Господин стень, на что нам их Правда? Я думал, у нас закон всего один – воля Владычицы...»

– Если кто уворует и будет изобличён, пусть, идя на кобылу, несёт поличное... сиречь уворованное...

– Или изображение оного, – привычно подхватил Ознобиша. Запнулся, даже остановился. – Погоди, ты хочешь сказать... Ивень... жреческую книгу украл? Испортил?..

А сам мотал головой, не в силах представить, чтобы Ивень, которого он помнил добрым и честным, воровато озирался, дёргая листы с красивыми андархскими письменами и тонко выведенными рисунками. Он бы даже ту блудную грамотку на место вложил. Да чего ради красть-то её?.. И почему котляры предпочли догубить страницы, вместо того чтобы вшить их обратно?..

– Ничего я не хочу, – буркнул Сквара. Подтолкнул сироту, чтобы шёл дальше. – Я только... ну... те листки, они ведь не просто так были?

Ознобиша снова остановился, заморгал, начал икать:

– А я думал... Ве... тер... их... для костра...

– Пошли, – перебил Сквара.

Ухватил его за руку, крепко, так что плетежок вдавился узлами в кожу. Потащил за собой.

Чаша

Дел у женщины вечно неупрочот. Даже если это совсем юная женщина. Едва выучившись держать в руках веретено, она прядёт нитки, точёт ткани и пояса: готовит приданое. Потом её сватают, расплетают волосы надвое, навсегда прячут их под сороку... и сразу настанут новые хлопоты. Угождай, молодёнка, батюшке свёкру, государыне свекровушке, мужниным братьям и сёстрам. Всем кланяйся, да пониже. Готовь, прибирайся, чеши собак, корми прудовую рыбу. А если ещё и муж не больно ласковый попадётся...

– О чём слёзы, хорошавочка?

Голос прозвучал так внезапно, что Маганка сперва обернулась, а покрасневшие глаза прятать сообразила уже потом. В двух шагах позади, у забора, привалившись плечом и сложив на груди руки, стоял моранич.

Молодая женщина выронила бурочок с кормом, бухнулась на колени, ткнулась лбом в мшистую землю:

– Прости, милостивец...

Широкие ладони сомкнулись на плечах так, что затрепетала душа. Без усилия подняли, усадили на бревно. Моранич сел рядом. Она только видела скоблёный подбородок и губы, улыбающиеся из-под светлых усов, а выше взгляд вскинуть не смела.

– Что прощать? – спросил он весело. – Глазки, говорю, наплаканы отчего?

Она была нежная и вправду пригожая. Станет ещё пригожей, когда слезливую красноту заменит жаркий румянец, а ресницы вспорхнут счастливыми крыльями. Лихарь негромко спросил:

– А за твою обиду, красавица, никого не надобно поучить? Мужа там, батюшку свёкра? Может, с государыней свекровушкой любезно потолковать?..

Маганка испугалась:

– Что ты, милостивец... что ты...

И чуть заново в ноги ему не повалилась.

Лихарь её удержал. Сладко и жутко было чувствовать эти неодолимые руки и понимать: уж как пожелает он, так дело и станется.

– Ну, значит, всё хорошо у тебя, – легко согласился он.

Выпустил молодёнкины плечи. Потом вдруг наклонился, вновь обнял и крепко поцеловал прямо в уста. Поднялся, ушёл прочь, ни разу

не оглянувшись.

Маганка осталась сидеть с ещё не просохшими следами слёз на щеках, только губы полыхали угольями. Ни о чём не успев задуматься, она уже знала, что мужу о встрече с Лихарем не расскажет.

– Ну как? – окликнул Лыкаш. Он стоял на четвереньках в снегу, заглядывая вниз. – Нашёл что-кось?

– Чтобочку нашёл, – отозвался раздражённый голос из ямы. – А рядом что-нибудь лежит. Отпрянь, Воробыш, и так темно!

– Ну тебя совсем, – обиделся Лыкаш.

Отошёл в сторону, взял топорик, стал обтёсывать палку.

Сквара вылез из ямы. Высота стен порядком превосходила его рост, приходилось вырубать приступочки в плотном снегу. Яма-напытёк была уже третья. И опять даром. На старый залив понемногу падали сумерки, скоро возвращаться. Сквара вымотался и промок, а награда за труды всё не объявлялась. По насаде была и досада.

Он сердито вогнал лопату в сугроб:

– А мы всей сарынью хвалу поём каждый день, да погромче велят! За что велик почёт, если малой тростинки, точно золота, добиваемся?

Ямы в самом деле выглядели так, словно здесь дорогие самородки искали. Или, наоборот, собирались что-нибудь хоронить. Ветер пусть без охоты, но всё же разрешил Скваре поискать тростника на новые кугиклы. Только с поисками пока не везло.

Воробыш испуганно огляделся по сторонам:

– Болтовщину несёшь... Я-то ближник тебе, а вот другие... Доголосишься этак-то до кобылы!

Сквара пинком сбросил вниз кучу снега:

– Да кто тут услышит?

– Не сейчас, так завтра уши найдутся, – сказал Лыкаш. – Не зови больше гулять. Это у тебя в холоднице перина припрятана, а я туда не ходок!

Сквара зло обернулся, но вдруг забыл сердиться, глаза блеснули искрами празелени.

В землю челом поздравствуем Царице
Купно со свитой высохших старух!
Спальников рать весёлая сбежится,
Битые камни выдрочит как пух...

Начал он тихо, просто чтобы подразнить дебелого Звигура. К последней строчке голос набрал крылатую мощь. С опушки внятно отозвалось эхо. Воробыш зажмурился, заткнул пальцами уши, принялся блажить:

– Не слышу ничего... Ну ничегошеньки... А Сквару этого, Опёнка лесного, как и звать, вовсе не знаю... Даже не ведаю, где то Правобережье, где вредные дикомыты живут... Не надо меня в холодницу-у-у...

Сквара фыркнул:

– Какая холодница? Тебя иначе накажут. Как приставят седмицу-другую тельницы в портомойне без смены месить...

Воробыш сморщился, застонал. Сквара обошёл его, пригляделся:

– Что тешешь?

– Скалку.

Сквара удивился:

– В поварне скалок не досталь?..

Лыкаш опустил поднятый было топорик:

– Мамонька и коржики, и ватрушки всё одной скала, а у Инберна их!.. Я даже рисунчатую видел, резную... а ещё каменную, чтобы сама тестишко попирала... И длинную, для лапши. А на пироги – трубкой... Во разных сколько!

Сквара слушал, держа в руках кожух.

– А ещё, – продолжал Воробыш, – господин державец мне сказал, что скалку добрый повар непременно по руке подбирает, как справный воин оружие. Одному рогатина, другому секира...

– Третьему кистень, чтобы под мостом с ним сидеть, – засмеялся Сквара. Подумал, спросил с любопытством: – И какая тебе прилась?

Лыкаш стыдливо показал что-то вроде толстого веретена. Сквара взял, погладил в руках, любясь работой, потом притворился, будто хочет закинуть далеко в снег. Воробыш с воплем и смехом ухватил его за ноги, они покатались друг через дружку.

В стороне послышался тяжёлый глухой треск, словно их возня что-то нарушила, потревожила. Мальчишки разом вскочили. На краю леса начало валиться дерево. Еловый ствол с обломанными ветвями рухнул врасстяжку, оставив стоять в воздухе длинное облачко невесомой куржи. В сгущавшихся сумерках оно было белой тенью, ещё хранившей сходство с поверженной елью. Не спеша опадать, облачко медленно плыло в сторону, словно прочь уходила душа...

– Дрозда жалко, – вздохнул Лыкаш.

Книжницу в Чёрной Пятери иногда шутки ради называли собачником. За то, что в неё тоже воспрещено было входить с огнём. Дозволялся только особый светильник со стёклами в медных сеточках и с хитрой маслёнкой, якобы не проливавшейся ни от какого падения.

Другое и не менее строгое правило требовало непременно закрывать книги, уходя для еды: иначе «зажуёшь» память. Это правило ученики выстрадали, почему и блюлось оно неукоснительно. Наставники спрашивали строго, а лишний раз ни в холодницу, ни в смрадную портомойню не хотел ни один.

Ознобиша, с некоторых пор прекративший считать книжницу хранилищем старой растопки, передвинул стремянку, влез на последнюю грядку, вытянулся стрункой, досадуя на свой рост. Ну почему книги, которые были ему нужны, непременно оказывались под самым потолком?..

Он сидел в книжнице совсем один, если не считать чёрной девки Надейки. Из-под потолка, где устроился Ознобиша, был хорошо виден рисованный образ Матери Премудрости на стене против двери. Справедливая Владычица осеняла детей грамоткой, самой простенькой, о нескольких буквах: великие познания начинаются с малого. Перед этим-то образом стояла Надейка. Она часто приходила сюда и не торопилась прочь. Не иначе Справедливая напоминала ей умершую мать...

Ознобиша всё-таки дотянулся, вытащил пухлый том в прозрачной кисейке пыли. Из-за неё торжественная андархская вязь на корешке казалась невнятной.

– Твой дружок дикомыт в покаянной живмя живёт, а ты, смотрю, здесь поселился, – сказал снизу Лихарь. – Дела какого пытаешь или от дела лытаешь?

Ознобиша с перепугу чуть не кувырнулся на пол. Стремянка поехала в сторону, он тем только и удержал её, что кое-как схватился за полку.

– Сквару... опять? – только и сумел он выговорить.

Голос, уже вроде переломавшийся, снова стал детским. Ознобиша отметил это каким-то краем сознания, но даже не почувствовал обиды. Страх забивал всё.

...Жесткие руки на ложе меткого самострела...

– Ещё нет, но до вечера уж чем-нибудь да заслужит, – предрёк Лихарь. У него таял в волосах иней, от толстого кожуха ощутимо веяло морозом. – Ты, младшенький, мне зубы-то не заговаривай. Чем занят?

– Хочу... – снова отвратительно тонко начал Ознобиша. Кашлянул, выдохнул, ответил чуточку пристойней: – Хочу Справедливой Матери послужить...

Лихарь неторопливо подошёл. Ознобиша успел понять, что это конец, но стень взялся за стремянку и одним движением поставил её прямо вместе с мальчишкой. Тот прижимал к себе тяжёлую книгу, словно защититься хотел.

– Полно врать, – сказал Лихарь. – Сам выдумал или дикомыт надоумил?

...Острая головка болта у кровоточащей груди, ещё не оставленной дыханием жизни...

– Я... Мне Ивень... – Поминать имя брата при Лихаре было богопротивно и страшно, но Ознобиша ничего более путного придумать с маху не мог. – Свою жизнь в руки отдал... Он обидел... Правосудную... Я исправить хочу...

Приспешная девчонка хоронилась за полками, на цыпочках отступала к двери.

Лихарь снова хмыкнул, весьма недоверчиво. Отошёл к столу, где в особом гнезде сидел дозволенный светильник. Наугад открыл одну из книг:

– Закон обмена родича. Продолжай.

Надейка выскочила вон – и была такова.

Ознобиша, начавший было спускаться, вновь прирос к перекладине. Память была пуста, словно равнина старого залива после метели. Он опять стоял у зарешёченного оконца, надевал на шею петлю. Угол книги придавил плетёжок на запястье. Ознобиша глотнул, очнулся. Снежная пустота обернулась пожухлой страницей.

– «...Чтится с тех пор, когда андархи ещё жили подобно диким племенам, не ведающим правды Владычицы, – начал он, всей силой души горюя о том, что не пошёл на берег со Скварой и Лыкашом. – Если сын рода будет взят в непотребстве и подлежит казни, судья, судящий попряму, зовёт старшего в роду, дабы тот...»

Лихарь бросил книгу на стол. Взял другую.

– «Дабы, – пытаюсь унять зубовой стук, твердил Ознобиша, – тот предал на расправу иного домочадца, который...»

– Хватит, – перебил стень. – Царь Гедах Первый!

– Праведный Гедах, первый этого имени, – сообразив наконец, что Лихарь не просто в безделье взялся его уличать, без запинки выпалил Ознобиша. – Родился от праведного Эрелиса, четвёртого этого имени. Он был отцом Аодха Великого, который...

Долгая история Андархайны знала восемнадцать Гедахов. Ознобиша готов был рассказать про каждого, но стень удовлетворился шестью.

Нетерпеливо махнул рукой, довольно, мол. Потянулся к следующей книге. Каждодневник хвалений лежал на столе раскрытый. Ознобиша только сегодня за него взялся. Он сразу, без повеления, стал наизусть читать написанное на странице.

Больным и увечным, бездомным и сирым,
Уставшим победные ноги сбивать
По горестным тропам недоброго мира,
Готовит приют Справедливая Мать...

Книга хлопнула так, что Ознобиша съехал грядкой ниже. Лихарь смотрел на него с непонятной злобой, словно прозвучала не хвала Владычице, даже не смешная крамола, что сочинял Сквара, – нечто уже вовсе такое, за что без разговоров режут язык. Ознобиша, было успевший приободриться, мигом взмок. Почему-то стало ещё страшней, чем вначале.

– Закон! – глухо зарычал Лихарь. – С того места, где бросил!

– «Который... который и поднимет должную кару, – ни жив ни мёртв, выдавил Ознобиша. Челюсть прыгала. – К этому закону вызывают, если провинный, даже наследях взятый, оказывает себя младшим или единственным сыном... или в роду ещё почему-либо не могут допустить его казни...»

...Смех отца. Строгие наставления матери. Как они спешили на праздник, надеясь разузнать про старшего сына! Запах пряников. Ветер стоял под деревьями, а Лихарь стрелял...

Стень словно что-то выдохнул из себя. Ещё раз ожёг Ознобишу взглядом, молча повернулся и вышел. Ознобишу заколотило так, что из руки едва не выпала книга. Он кое-как сполз со стремянки, сел прямо на пол, стуча зубами и всхлипывая. Лихарь не заметил того, что, по мнению сироты, должно было сразу броситься ему в глаза. Страницы во всех книгах, которые сегодня читал Ознобиша, были по размеру точь-в-точь как листки у Ивеня под ногами. Младший брат постепенно освобождал свою память от корост ужаса. Сумел уже вспомнить, что на снегу валялись стихи...

Древоделы, ещё не простившие Скваре бездарно изведённый горбыль, мало не прогнали их с Лыкашом прямо с порога. Однако взмокшие мальчишки закатили внутрь толстый – как допёрли! – еловый кряжик и давай сразу требовать косарь да теслички. Глаза у обоих горели.

Останавливало только то, что на разрубе дерево блестело морозом.

– Вон тут крыло! – увлечённо показывали они древоделам. – А тут второе! А из суворины головка глядит!..

Задолго до Беды, ещё когда под солнышком вызревали шишки, полные смолистых семян, летняя гроза снесла ёлке вершину. Пошла в рост боковая ветка, кругом засохшего отломыша образовался наплыв... если правильно повернуть – в самом деле похожий на птицу, простёршую крылья.

– Что ладить-то собрались? – спросил старик.

– Чашу, – сказал Сквара. – Ради Дрозда.

– Братину, – сказал Лыкаш. – Большую, на всех.

– Чтобы Дрозд с нами пировал.

– И всякий, кто за стол больше не сядет...

Подручный старика наблюдал за ними с насмешкой:

– А то собирался кто вас сажать за почестный стол!

Лыкаш посмотрел на Сквару, ожидая, чтобы тот высунул язычок, но Сквара как не услышал. Дикомыт всё смотрел на птицу, сокрытую в дереве.

– Дедушка, – попросил он внезапно, – дай коловёрт!

– На что? – удивился старик. – Тут клюкарзой надобно, сверлом-то куда?

Сквара подхватил обрезок доски:

– Я тростника искал на кугиклы... А дай испытаю, если колена в дереве высверлить, будут ли петь?

– Дудки сверлённые поют же, – сказал молодой.

Дед с сомнением покосился, собрал в кулак бороду:

– Тебе господин источник правда разрешил или врёшь всё?

Сквара заулыбался:

– А ты его спроси, коли не веришь.

– Знаю я тебя, шивергу, – заворчал дед. – Волю дай, вместо дела бубен и гусли верстать примешься...

Лыкаш засмеялся:

– Ещё как примется! И тоже небось навыворот сладит, а не правски, как от людей повелось!

Сквара нетерпеливо схватил коловёрт, стал примериваться к обрубку доски.

– На гусли, – вздохнул молодой, – я бы в Мытной башне доброго дерева поискал. Там, говорят, сокровищница, в которой...

– Цыц! – осадил старик.

В ремесленную, привлечённый громкими голосами, заглянул Хотён.

Ничего занятого не увидел, побежал дальше.

Сквара довершил первую сверловину, выколотил деревяшку, стал в неё дуть. Вместо дрожащего перелива наружу полетела труха.

– Лучше до конца пробивай, заткнёшь потом, – весело посоветовал молодой древодел. – Сверлом всё равно сразу не угадаешь, да и лощить будет труднее.

Лыкаш поворачивал кряжик, обдумывая, как лёгкие деревянные крылья однажды вспорхнут на торжественный стол в большом зале Пятери, а кругом сядут нынешние новые ложки. Сквара в его мечтах был источником, на смену Ветру. Сам Лыкаш – державцем, как нынче господин Инберн. А ещё Пороша с Бухаркой, Ознобиша, Хотён... Каждое пёрышко резцом обласкать, да хорошо бы вызолотить по краям... Позолота потом сотрётся от времени, превратится в таинственный и тонкий узор...

Дверь, прикрытая от сквозняков, распахнулась резким толчком. Внутрь шагнул один из старших учеников, Беримёд.

Эти парни обращали внимание на новых ложек в основном тогда, когда нужно было раздавать подзатыльники. Вот и теперь Беримёд вошёл с таким видом, будто собирался всех отправить прямо к Владычице. Он и действовал, словно к врагам в дом вломившись. Мигом выдернул у Сквары деревяшку, бросил её на еловый кряжик... деревянные крылья, так и не выпростанные из-под коры, полетели на стороны, разлучённые ударом разрубистого топора.

Лыкаш опрокинулся с чурбаком, на котором сидел. Сквара внёс Беримёда в стену, и это была уже не потешная возня около ямы. Старший ученик досадливо крикнул, думая отшвырнуть сопляка легко, как привык, но почему-то не вышло. Скрипнул верстак, по каменному полу зазвенели подпилки и долотца, молодой древодел опасливо подхватил с жаровенки ковшик горячего клея. Воробыш поспешно выскочил вон, за дверью налетел на Хотёна, выправился, бросился дальше, увидел за углом медленно шедшего Ознобишу.

– Учитель где? А Лихаря видел?..

Ознобиша молча вытянул руку. Он стоял померкший, волосы прилипли на лбу, но Лыкашу было некогда замечать.

Когда Воробыш догнал стенья и вернулся в ремесленную, старших было там уже трое. Сквара не поспевал от них отбиваться, древоделы горестно прижимались в углу. По хоромине, среди любезного ремесленного порядка, точно смерч разгулялся.

Лыкастик снова исчез, сообразив, что Сквару, пожалуй, ещё и от стенья придётся оборонять.

Лихарь не стал проверять, послушают ли его слова. Оплёл кого в лоб, кого в ухо, кого по сусалам. Опёнок, разбитый в юшку, жался к стене. Он почему-то ещё стоял.

– От лени распухли! – рявкнул стень на своих. – Сколько вас, безделюг, на одного дикомыта потребно?

Беримёд, тоже вытиравший красные сопли, отозвался с хмурой дерзостью:

– Каждого бы учитель так холил...

– Опять всех собрал, – сказал с порога Ветер.

Рядом с ним стоял Инберн и досадливо качал головой, оглядывая разгром. Источник тоже огляделся, спросил:

– Чего не поделили?

Беримёд ткнул пальцем:

– Он гусли и бубен сделать хотел. В драку за них полез!

– Лжа, – обиделся Сквара. – Мы чашу делали!

Лыкаш хотел подтвердить, но язык вдруг примёрз к нёбу. Ветер посмотрел на древоделов. Те разом опустили глаза.

– Вон отсюда, – сказал Ветер ябедникам и подошёл к Скваре. – А ты...

Дикомыт разжал кулаки, шмыгнул носом:

– Учитель, воля твоя... мне в холодницу?

– Владычица, дай терпенья! – вздохнул Ветер. Оглянулся на дверь, где переминался едва ли не весь мальчишеский народец. Спросил вдруг: – Нож у тебя?

Сквара с готовностью завернул рукав, показывая берестяные ножны. Ребяшня отозвалась ропотом. Про подарок знали не все.

– А в ход не пустил, – сказал Ветер.

Сквара покраснел, переступил с ноги на ногу, опустил голову:

– Так свои вроде... в едином дыму... в одном хлебе...

– Молодец, – кивнул источник. Махнул новым ложкам, чтобы входили, сел на верстак. – Прибирайтесь давайте, смотреть срам. А чтобы не скучно было, вот что послушайте. Жил-был человек, и заболела однажды у него мать... Стало ей на белом свете невмоготу, а сын всё ходит за ней, дурень, всё муки её беспросветные длит...

На удачу мальчишкам, мыльня, устроенная при одном из тёплых ключей, была совсем рядом. Ребята живо натаскали воды, стали мыть заляпанный пол.

– Узнала про то Владычица, – продолжал Ветер. – Смилосердствовалась, отправила за несчастной матерью Смерть. Только человек схитрил: гусли взял, давай играть-веселиться. Глупая Смерть

послушала и вернулась, стала каяться Справедливой. Не в тот дом, мол, послали её. Нету под кровом горя, нету болезни...

Сквара, ползая с тряпкой, невольно вспомнил Кербогу. Котляр баял складно, но... всё-таки не как скоморох. Парень изловчился незаметно посмотреть на учителя. Ветер сидел сгорбившись, грустно разглядывал свои руки.

– Тогда Владычица пошла сама, – продолжал он. – И уж Её-то человеку обмануть, конечно, не удалось. Под Её взглядом гусли вспыхнули и сгорели. Всё же дерзкий человек стоял до последнего. Он схватил с дерева лист, сделал дудку, начал свистеть, являя веселье...

Сквара сразу подумал, что за атю с мамой, за бабушку или Светела он не только лист бы свернул – сам вывернулся изнанкой наружу. Ветер вздохнул.

Он молчал так долго, что Сквара отважился подать голос:

– Учитель, воля твоя... Ты ведь у меня кугиклы не отобрал?

Ветер поднял голову:

– Не перебивай, дикомыт, не то я стану думать, будто у вас на Коновом Вене детей вовсе не учат вежество соблюдать... Больную женщину Владычица, конечно, забрала, ибо той поистине довольно было страдать... В наказание за лукавство Она воспретила людям гусельную игру. Однако человек показался Ей смелым... хотя и неразумным. Поэтому если Она временами слышит звуки дудок или кугиклов, то милосердно прощает людям их слабодушие... Что опять уставился, дикомыт?

Сквара смущённо опустил голову:

– Учитель... почему слабодушие?

Ветер усмехнулся:

– Ты, дурак, мать любил?

Сквара чуть не ответил «А я и сейчас люблю», но лишь молча кивнул.

– Когда она тебя полотенцем охаживала, ты неужто смеялся и дерзословил?

Сквара молча нахмурился.

– А мы, провинившиеся столь тяжко, что Владычица нас покарала Бедой... Мы, стало быть, поём, пляшем да слушаем скоморохов, – продолжал Ветер. – Когда наконец покаемся, оставим Мать обижать?

– Учитель, – тихо и робко проговорил Ознобиша, едва ли не впервые обратившись к источнику. – Мы же... мы шутим и смеёмся временами... а ты нас не ругаешь...

О том, что Ветер сам, бывало, смеялся, сирота упомянуть не посмел.

– Не ругаю, – кивнул котляр. Зорко посмотрел на Ознобишу. – Я тоже

порой недолжным радостям предаюсь, ибо я слаб. Я всего лишь воин. Правы перед Владычицей только святые жрецы, благочестные ревнители наши... А с вас, ребята, что взять?.. Я от вас и не требую безгрешного поведения. Долог путь к правде, я видеть хочу, как вы первый шаг делаете. А вы, сколь я ни бейся, по сторонам всё шарахаетесь.

Ученики переглянулись, приподняли верстак вместе с сидевшим на нём Ветром, поставили на прежнее место.

Источник вдруг вскинул голову, посмотрел на ребят хитро и весело.

– Велика премудрость Владычицы, – сказал он. – Порно же состоялась наша беседа! Невдолге я жду приезда... нет, не скомороха, конечно. Просто гудилы. Отменно даровитого, впрочем. Он вас наставлять будет.

Мальчишки притихли, стали переглядываться. Иные недоумённо раскрыли рты. Сквара засветился было, но тут же свёл брови: в чём подвох?

– Учитель... воля твоя, – первым подал голос смелый Хотён. – Ведь он... Ты сам сказал... Воспретила...

Ветер улыбнулся:

– Я также сказал, что мы воины, а не святые жрецы. Наши орудья могут потребовать малого греха ради того, чтобы остановить грех больший... Вижу, Зяблик, ты уже догадался. Я прав?

– Ну... то есть я... учитель, воля твоя, – робко проговорил Ознобиша. – Я лишь подумал, что люди... не чтущие заповедей Владычицы... сами гудильщика всюду позовут. Куда иначе не войдёшь ни силком, ни любком...

Ветер наградил его оценивающим взглядом.

– А по рукам не признают? – усомнился Хотён.

Все посмотрели на свои руки. От воинского тружdenия, от постоянных ударов почти у каждого запястья стали заметно широкими, на локотниках разрослись мышцы.

– Притаить можно что угодно, – отмахнулся Ветер. – Заставить, чтобы не вглядывались.

Бухарка наморщил лоб:

– Как заставить, учитель?

Глаза источника лукаво блеснули.

– Кому догадка пришла?

Ознобиша на всякий случай придвинулся к Скваре. Потупился, бормотнул:

– А сделать, чтобы смотреть было противно...

Засмеялись почти все, кроме Ветра.

– То-то, – сказал он. – Вижу, начинаете мозговать! – И закончил: – Подобных игроков мы называем попущениками, ибо Владычица милостиво попускает им ради нас. Я хочу, чтобы с новым наставником вы были почтительны и послушны. Таких у нас мало, а живётся им и кроме вашего озорства нелегко.

Назидание

Сквара безнадежно сбился со счёта. Всякий раз, когда ему казалось, что стрела должна была оказаться последней, у старших находилась ещё одна. А потом и ещё...

На снежный городок посреди лесной расчистки падали ранние сумерки. Сквара, затянутый в плотный войлочный, обшитый кожей лузан, метался от стойка́ к стойку́, пытался приблизиться к стрельцам. Получалось плохо. Беримёд – из тех, кто в брошенный снежок попадает. Лузан против такого не оборона. Беримёд в броню мишенит из милости: захочет, вцепит на выбор хоть в глаз, хоть в паховину, поди увернись. Белозуб тоже когда-то был отменным стрелком. Теперь он водил головой, привыкал целиться одним глазом. По мнению Сквары, это делало его ещё страшнее. Учитель предупредил: сегодня иные стрелы могут быть боевыми. А что хуже боевых стрел, летящих как попало?..

Они снова загнали его за обледелую стенку. Спасаясь, Сквара кубарем нырнул под защиту замороженных глыб. Одну стрелу он услышал. Пропев совсем рядом, она до половины ушла в твердокаменный снег. Без железка на комлике так не воткнулась бы. Вторую, тупую томарку, Сквара почувствовал. Ох почувствовал!.. Ребро гадко хрустнуло: костяной напёрсток наконечника уклюнул сбоку, где не прикрывал тела лузан. Это Беримёд поймал на лету, издевочно сбил кувырок. Сквара прокатился брошенной куклой, кое-как собрал руки-ноги, едва не заплакал от обиды и злости.

А ведь луки у них сегодня были послабей боевых...

– Хватит, – долетел голос Ветра.

Учитель кутался в шубу, сидя на саночках у начала поляны. Ну почему он всегда останавливал урок, как только Сквара снег готов был грызть от досады – и почти наверняка знал, как дальше не оплошать?..

– Вылезай, иглище, – весело окликнул Беримёд. – Никто больше не тронет!

Белозуб, как и надлежало опалённому, промолчал. Зато Ветер добавил:

– Стрелы соберёшь, пока совсем не стемнело.

Тогда Сквара поверил, что урок вправду кончен. Сцепил зубы, отнял от бока ладонь, высунулся из-за стенки.

Двое стрельцов тотчас вскинули луки. Наградой мгновенно исчезнувшему дикомыту был смех: оба уже сняли тетивы. Сквара подобрал

томарку-обидчицу, вылез вновь, стал бережно вытягивать боевую, застрявшую в стенке. Работа предстояла долгая и суетная, пока впрямь не стемнело.

Старшие ученики подошли помочь.

– По мамкиным шлепкам парнюга соскучился, – обращаясь к товарищу, жалостливо предположил Беримёд. – Весь день гузно подставлял.

– Они, дикомыты, чуть что – в пень встают, – поддакнул опалённый. – Ни от стрелы уйти не могут... ни от ножа.

Сквара дёрнулся, перед глазами метнулись белые звёзды. Рука Жога, пригвождённая летучим ножом... За такое казалось мало убить, кулаки сжались сами... Язык поспел быстрее кулаков:

– Шёл за злато я на драку, приволок с цепи собаку!

Ляпнул и сам ужаснулся безлепию, вроде вышло, что храбреца Космохвоста приравнял к негодному псу. Однако детин проняло. Оба оставили искать стрелы, нехорошо выпрямились.

– Эй! – окликнул Ветер. – Вы двое! Раз так, бегите-ка домой, пусть сам своё нерадение собирает!

Беримёд с Белозубом тяжело выдохнули, повернулись, отошли. Сквара задумался, о каком нерадении речь, его вроде не ловить отряжали, но скоро забыл. Ветер трижды посылал его почти ощупью обшаривать пустой городок. Опёнок не мог с уверенностью ответить, сколько всего стрел в него выпустили.

– Другой раз крепче будешь считать, – посмеялся котляр.

– Учитель, воля твоя... зачем?

Ветер положил ногу на ногу:

– Андархский тул вмещает тридцать стрел. Начнёшь выманивать врага, тягаться с ним... Сочтёшь, сколько у него в колчане осталось.

– Может, – спросил Сквара, – я того вражину лучше в лоб камнем убью?

– А если в руку заразили уже?

– А я левой, – обрадовался дикомыт.

Ветер засмеялся:

– Дурак ты ещё... Впрягайся давай.

Сквара возложил на себя алык, чувствуя, как жалуются грудина и рёбра. К стрельцам он так и не подскочил, зато с утра наверняка будет не вздохнуть. И когда уже у него начнёт хоть что-нибудь получаться?..

Пока он вытаскивал санки с поляны, Ветер сказал:

– Ты сегодня должен был уразуметь кое-что.

Сквара упорно переставлял валенки с подвязанными шипами.

– Если... если как стрелы честь...

Говорить приходилось очень мерно и медленно, иначе перед глазами начинали плавать круги. Сквара уже достаточно знал с котляром, чтобы понимать: речь шла про другое. Стыд и срам, ему было всё равно. Лишь бы доплестись в крепость, снести одёжки в сушильню да самому без памяти упасть на топчан. Однако Ветер любил, чтобы ему отзывались, вот он и отзывался.

– Дурак ты, – повторил учитель. – Это на поверхности плавает. Вспомни лучше, как после озадорились.

Тут всё было понятно.

– Слово... что стрела, – прохрипел Сквара.

– Когда уже начнёшь толк разуместь? – вздохнул Ветер. – На Беримёдовы речи ты ухом не повёл. А когда Белозуб нож помянул...

Сквара промолчал. Сугробы справа и слева были высотой по плечо, сани тыкались в них передком, застревали навеки – не вытащишь. В груди жгло, дышать в полную силу не могло.

– Белозуб тебя за болячку схватил, – беспощадно продолжал Ветер. – А ты – его. Что это значит?

Сквара с трудом выдавил:

– Ну... до ножовщины не дошло ведь...

– Владычица, дай терпенья, – пробормотал Ветер и замолчал.

Сквара безразлично наметил себе в потёмках очередное дерево. Дойти до него... а там поглядим. Учитель на санках молчал ещё десяток шагов, затем смиловился:

– Это значит, балбешка, у каждого есть за что ухватить. Напирает на тебя великанище: шея – во, руки – грабли...

Сквара представил. Ёлки в снегу, смутно качавшиеся по сторонам, превратились в полчища недругов.

– Но на руках пальцы есть, – продолжал Ветер. – И уж один палец ты как-нибудь да согнёшь. Особенно если знаешь, что он его сломал накануне. Чтобы врага погубить, бóльшого обычно не надо... А ещё ты подпоил в харчевне оруженосца и выведал, где у господина дырка в доспехе. Постиг, дикомыт?

Тропа шла вниз, Сквара пяткой придерживал санки, норовившие наскочить ему на ноги.

– Ты – тайный воин Мораны, – негромко говорил Ветер. – Сшибки за достой больше не про тебя. Тебе думать лишь о чести Царицы. Ей же слава, когда мы умом бьёмся, не оружием. Было дело...

Скваре нравились байки учителя. С ними холостые назидания становились ощутимыми, наполнялись плотью и смыслом. Он хотел оглянуться, но зря сделал это. Рёбра под лузаном свело так, что Опёнок не кончил движения.

– Я тогда молодой был, – рассказывал Ветер. – Только Чёрную Пятерь обживал после Беды. Притаился коробейником, бегу себе по дороге... кому гребешок продам, кому наручень стеклянный девку порадовать, а больше вести нёс, конечно, люди тогда до свежей вести жадные были. Пустили меня в один двор на ночлег... – И неожиданно спросил: – У вас в Правобережье снохачи ведутся?

Сквара ответил стыдливо, неохотно:

– У нас таких, как прознают, с большины гонят и на вече не слушают. Не их это дело, советы добрым людям давать.

Собрался было добавить: «А ещё на купилище со знатым снохачом не всякий торгует», но дыхания не хватило.

Ветер кивнул:

– Тот свёкор ох лют был до невестки. Сам сед, а она... едва кукол оставила. Слышу – плачет в морозном амбаре, думаю, кто из шалости запер, чуть тёплая мне на руки выпала... а в дом не идёт. – Котляр помолчал, кашлянул, пояснил: – Неуступная, значит. А мужу – одиннадцать годков, на то батюшка и женил. Стал я смекать...

Тут уж Сквара забыл про боль, оглянулся, подсказал:

– Как сквернавца на русь вывести?

– В тех местах выводы не выводы, – махнул рукой Ветер. – Всё равно на молодёнку и свалят. Я к другому... Орудье мне твердит: не твоя печаль, тебе ради Владычицы дальше идти. Душа плачет: любодеям Правосудная ещё отпустит вину, а вот сильничать не велела. Ты, дикомыт, что стал делать бы?

– Я бы... – горячо взялся Сквара.

Однако замолчал, не продолжив. Ноги переломать большаку? Так с тем уйдёшь, а невестку снова обвиноватят. Да ещё работника не станет в избе. С собой взять бездольную то ли бабоньку, то ли девчушку? В прежний дом родительский отвести, где семье только порадовались – одна с хлеба долой?..

Ветер подождал, пока ученик с натугой одолеет изволок.

– Я там денёк лишнего задержался, – сказал он затем. – Домовладыка этот похаживал ко вдовушке-гулёнушке за лесок, пивка испить. И всякий раз подспудно боялся, что заблудится во хмелю, назад не воротится. Чего только не вызнаешь, если с людьми умеючи толковать.

Сквара представил дремучую чащу, а в ней коварный кипун, истончивший лёд на болоте. Лютый мороз и пьяного непотребника, храпящего у края поляны. А из темноты – огоньки хищных глаз!

Ветер усмехнулся в бороду:

– Потом я дальше побежал, а у большака самый худший страх взял да вдруг сбился. Лешего не почтил, другое ли, почём теперь знать... Всю ночь в трёх соснах путался, по собственной лыжнице выйти не мог... Тогда только спасся, когда вслух себя обрэк от невестки отлезть. Лишь после этого батюшка Вольный из лесу домой выпустил.

Сквара даже остановился, лицо так и горело.

– И... как она теперь? Молодёнушка?

Ветер пожал плечами:

– Теперь уж не молодёнушка, а баба матёрая. Я краем уха слышал потом, свекровка её в заднюю избу отселила, радёшенька, что на старого управа нашлась. Живёт с тех пор, вроде бы и дети пошли... Что умом объял, дикомыт?

Сквара знай сопел, вкладываясь в упряжь. Мысли трудно возвращались из тридевятого царства, где тайные воины Мораны творили на земле справедливость. Творили просто потому, что волчий зуб и лисий хвост имели для этого. А он, глупый, ничегошеньки покамест не приобрёл. Только это было и ясно.

Мольба

Гудила-попущеник прозывался Галухой. Он был невысокого роста, коротконогий и толстый. Из-под нахлобученной шапки густой волной выбивались волосы, кудрявые, тёмного старинного золота. Войдя во двор, он едва посмотрел на сбежавшихся мальчишек. Совсем спрятал нос в воротник, хотя внутри зеленца в тот день было тепло. Пошёл за Беримёдом в отведённую для него хоромину. Только мелькнули из-под широкого охабня штаны в красную да жёлтую полосу. Яркие, нарядные, почти скоморошьи. Ученикам в награду за любопытство досталось вынимать из саней большой запёртый короб. Против ожидания – совсем не тяжёлый. Очень доброго дела, пёстрый, как штаны самого гудилы, и... такой же потасканный. Когда им задевали за дверные углы и ступени винтовой лестницы, внутри глухо брякало и звенело. Ребята рассудили, что там хранились орудия «малого греха, потребного, чтобы остановить грех большой».

Ещё было замечено: встречать попущеника никто из волостелей не вышел. Ветер, Лихарь и державец Инберн просто занимались своими делами, как будто в крепости вовсе не появлялся заезжень. Подавно такой, о котором у Ветра с учениками вышел недавно столь удивительный разговор.

– Всё оттого, что он будет нас учить заповедным искусствам, – предположил Воробыш. – Никто мараться не хочет!

Хотён перебил:

– Твой державец, может, и не хочет, а господин стень вовсе ничего не боится.

Сквара про себя полагал, что Ветер боялся греховности ещё меньше, чем Лихарь. Однако в спор не полез. Ознобиша тоже смолчал.

– Смутность какая-то, – уже наедине сказал сирота побратиму. – Игрец вроде, потешник... Когда игрецы, веселью быть должно... А этот – будто самому завтра на смертные сани садиться и нас на одринах загодя видит!

Сквара ответил:

– Дома на похоронах воют сперва, как без этого. А после всё равно веселятся, чтобы избыть смерть. Мужья жён обнимают...

– У нас тоже, – вздохнул меньшей Зяблик.

Он давно обрёкся честь честью исполнить по семьянам погребальный чин, но к исполнению слова пока не очень приблизился.

Сквара задумался. Передёрнул плечами:

– Сказал же учитель, доля у попущеника нелёгкая.

– Ага, – фыркнул Ознобиша. – И мы, похоже, в том виноваты.

Сквара засмеялся.

На другой день после заутренней выти младшим велели остаться в трапезной. Кликнули двоих добровольников – принести Галухину скриню. Сквара сразу вскочил, ему не терпелось увидеть игровые орудия и попробовать каждое. Почти одновременно с ним поднялся Хотён. Петь гнездарь не очень любил, но уступать дикомыту даже в малости не желал.

Когда они доставили короб, Галуха без предисловных речей отомкнул крышку, начал доставать гудебные снасти, называя в очередь каждую.

– Вот варган, иначе зубанка... – в руке попущеника мелькнул гнутый прут с тонким язычком посередине. – Он удобен своей малостью, помещается даже в поясной кошель, его трудно сломать. Вы, без сомнения, видели подобные в своём родном дикоземье, но вряд ли умеете исполнить хотя бы вот это...

Он оскалился, прижал железку к зубам и загудел, двигая щеками, дёргая стальной язычок. Раздалась знакомая голосница хвалы, под которую они все вместе хаживали на угодия. Галуха, впрочем, прервал напев, едва обозначив.

– Вы должны с лёгкостью играть простые песни, любимые в той части страны, где доведётся служить. Равно как и сопровождать всё, что вам напоят... Иди сюда! Ты!

Сквара дёрнулся было с места, но пухлый палец указывал на Ознобишу. Сирота затравленно стрельнул глазами по сторонам, вцепился в столешницу. Ну не было у него ни слуха, ни голоса, ни тяги песнями развлекаться.

– А можно я? – спросил Сквара.

Попущеник обратил на него сумрачный взгляд:

– Я не должен ничего объяснять каждому увальню, но, похоже, иначе от тебя не отделаться. Когда перед едой все пели хвалу, вы двое открывали рты вхолостую. Значит, вы бездари с ослиными глотками, оскорбляющие согласие певчих. Только один робкий, а другой наглый. Если ты, наглый, ещё раз вперёд позволения отлепишь язык от гортани, далее будешь слушать меня, стоя на коленях в углу. А ты, робкий, выходи сюда и играй.

Наставники бывали снисходительны к неудачам, но отказов попробовать не спускали. И у канатов, и в грамоте, и в любом ином деле. Ознобиша кое-как выбрался из-за стола, взял варган, сунул ко рту. Обречённо задремал. Ребята стали смеяться. Даже Скваре понадобилось

усилие, чтобы не сморщиться. Ознобиша мучительно покраснел, но варгана не отнял.

Галуха скривился, замахал руками: довольно.

– Я нарочно выбрал среди вас самого неспособного, – сказал он. – Добрым потешником этому юнцу не стать никогда, но и он при нужде должен взять в руки любой гудебный сосуд. Порадовать мирян, дабы завоевать их доверие. – Кивнул Ознобише. – Ступай на место, да забирай с собой своё толстое ухо, пока наши тонкие вконец не увяли. А вы дальше внимайте, бестолочи. – Он вытащил из сундука обвислый пузырь с торчащими из него костяными трубками. – Вот шувыра, боевая дуделка некоторых диких племён. Её любят слушать на свадьбах...

Пробовать шувыру досталось Пороше. Пузырь, ладно певший под Галухиным локтем, вырывался, ржал и визжал, едва узнаваемо следуя голоснице. Однако на скамью Пороша вернулся победителем.

– Тебя вряд ли позовут играть для царевичей, но, при должном старании, с деревенского праздника в тычки не погонят, – разворачивая очередную снасть, сдержанно похвалил Галуха. – А вот двоенка, или двуствольная цевница, если по-вашему. Умелый скоморох способен извлекать из левой дудки один голос песни, из правой – другой. С вас будет довольно, если сумеете хотя бы заставить их звучать без раздора. Иди-ка сюда...

Голос попущеника шуршал, словно берёста с валежины, угодившей под снег ещё до Беды. Галуха, кажется, был наделён даром претворять в скуку даже самое искрящееся и влекущее. Сквара опустил подбородок на кулаки. Ночью он стоял в дозоре, теперь его мягкой тяжестью накрывала сонливость. Не спасало даже жгучее изначальное предвкушение. Сквара незаметно стал мять пальцами ушную раковину – сильно, до боли. Им объясняли, это был неплохой способ отрезвить пьяницу. Может, и сон как-нибудь сгонит?.. Галуха продолжал говорить, всё так же однозвучно, скупое. И волосы у него были сделаны из той же берёсты. Сухие, ненастоящие. Они по плечам-то двигались, как клеем намазанные – всей волной сразу... А вот руки не ввали. Сквара это заметил, потому что Ветер уже научил его видеть и толковать тонкие движения тела. Галухины руки бережно поднимали каждую снасть, ласкали, пробуждали к звучанию, глаголали тоскливо и скорбно, как о несбыточной, неворотимо погибшей любви... Сквара не заметил, как закрылись глаза.

Ознобиша ткнул его локтем, но затрещина Беримёда обрушилась стремительно и нещадно. Ошалело вскочив, Сквара увидел рядом с попущеником подошедшего Ветра. Галуха смотрел раздражённо и зло,

держа в одной руке маленький гудок, в другой – лучок от него.

– Этому сыну неразумия я уже подумывал дать имя, но он снова ищет пределы моего терпения, – сказал Ветер. – Видно, даже я не сумел научить его мало-мальскому уважению... В холодницу!

Сквара привычно взмолился:

– Учитель, воля твоя, а можно...

Но на сей раз источник, похоже, был в самом деле сердит. Скваре не удалось выпросить с собой самой завалящей снастишки, какой-нибудь пыжатки, чтобы повозиться с ней взаперти. Или даже скучнейшей из книг, вроде «Росписи болотным травам северных украин Андархайны», которая, на его взгляд, сама была уже наказанием...

Ветер лишь недобро нахмурился, повторил:

– В холодницу!

Сквара свесил голову, поплёлся, горестно оглядываясь, к выходу из трапезной. Его братейко внимательно смотрел на котляра, вспоминал домашнюю жизнь. Мама, бывало, наказывала безобразников, иной раз бралась даже за хворостину... но уж и добавлять не было позволено никому. Ни деду с бабкой, ни даже отцу. Вот, значит, как вёл себя учитель с попущенником. Как с наказанным. Коему Скварино неуважение явилось вроде придачи.

А Ветер dokonчил, не глядя на Ознобишу:

– Кто у дымохода вертеться начнёт – обоих на ошейники примкну и не посчитаюсь, что недоросли... Продолжай, наставник Галуха.

– Вот снасть, именуемая уд... – догнал Сквару возле двери голос заезженца.

Такое название вызвало к самым смешным толкованиям, но в трапезной никто не посмел даже хихикнуть. Сквара оглянулся. Попущенник держал на ладонях облый короб, увенчанный длинной, круто изломанной шейкой.

– Снасть сия весьма нелюбезна Владычице, почти в той же мере, что гусли...

Опёнок замешкался возле порога, надеясь услышать, как же поют эти длинные блестящие струны-сутуги... но натолкнулся на пустой взгляд Ветра – и мигом закрыл дверь с той стороны. Самое обидное, вся сонливость с него успела слететь, только поди теперь кому докажи.

Заточение, пусть и строгое, в этот раз оказалось для Сквары недолгим. Из очажной пасти ничего так и не выпало, зато ходить двором вплоть окошка холодницы не было воспрещено. Сквара пел очень тихо, однако

довольно скоро мальчишки стали смеяться, а спустя некоторое время Беримёд расслышал слова:

Веселил честной народ,
Был глумцом и ошеулом...
Я теперь уже не тот –
Стал попущеником снулым!

Когда старший ученик спустился в подвал, Сквара сидел под стеной. За неимением монетки гонял по костяшкам плоский маленький камешек.

– Пошли! – сказал Беримёд.

Дикомыт поднял голову:

– Куда ещё?

– А зубов не многовато во рту? – рассердился старший. – Можно и поубавить!

Он ходил под Лихарем и многое от него перенял.

– Валяй, – не отрываясь от игры, кивнул дикомыт. – Поубавь.

Камешек вертелся, плясал, вставал на ребро, подскакивал, пропадал.

Беримёд вскипел про себя, однако сразу решил, что прямо сейчас всё равно не рука учить наглеца. Он сказал:

– Учитель зовёт.

Ветер сидел в малой трапезной, которую отвели Галухе для отдельных занятий с учениками. Сквара низко поклонился, стал ждать выволочки. Учитель кивнул ему на попущеника. Тот, облачённый в засаленную андархскую вышиванку, стоял гневный и красный, словно Сквара опять что-то проспал. Опёнку сделалось совестно.

– Прости, господин...

Галуха спросил вдруг:

– Снулый-то почему?

«А потому, что сам на ходу спишь и нас усыпляешь». Сквара опустил глаза:

– Прости, господин...

Галуха зашипел сквозь зубы. На столе перед ним были разложены едва ли не все орудия, показанные на общем уроке.

– Выбери что-нибудь, зазорник.

Сквара оглядел стол, не увидел ничего похожего на любимые кугиклы и без колебания потянулся к андархским гусям. Они были широкие, о пятнадцати струнах, непривычной работы... Сквара видел похожие

у немого скомороха, дедушки Гудима. Им со Светелом очень хотелось тогда подержать гусли в руках, примериться к звучанию струн. Ан не пришлось.

– Я предупреждал тебя, каков будет его выбор, – сказал Ветер и со вздохом поднялся. – Ладно, пойду. Теперь вы столкнетесь.

Галуха явно придерживался иного мнения, но смолчал.

Сквара гладил пальцами тонко выдолбленную кленовую доску, тихонько пощипывал струны, пробовал по две, по три вместе. Торопился, пока снова не отняли.

– Играл на таких прежде? – мрачно осведомился попущеник.

– Не, господин.

– А взял почему?

– Так забавные. У нас... Господин, а тут под нижней палубкой щель дышит! Позволь, зачину? У древоделов клей рыбий...

Галуха выдернул у него гусли:

– Косорукий мальчишка! Тебе козлиную шкуру на пятах только тянуть, по обычаю дикарей!

«Слышал бы ты, как разговаривал бубен деда Игорки. Люди с ним советоваться приходили...» Сквара отвернулся, зевнул.

Попущеник всплеснул руками:

– Да ты ещё наглей, чем я думал!

– Господин, – сказал Сквара. – Можно, я лучше обратно в холодницу пойду?

– Что?..

– Так ты всё равно учить не учишь и самому попробовать не даёшь.

«А про то, какой я негодник, мне и без тебя каждый день учитель рассказывает...»

Галуха пуще прежнего налился краской. Тугие кудри снова мотнулись ворохом безжизненных завитков.

– Ну и пошёл вон!

Сквара двинулся вон, сперва гордо и быстро, потом замедлил шаги. Мысль, что учителю, приказавшему им столкнуться, выйдет обида, тяготила резвые ноги. Опёнок почти надумал вернуться, повиниться, когда попущеник свирепо окликнул:

– А ну поди сюда, никчёмный!

Сквара с большим облегчением подошёл. Галуха держал гусли, как держит свою добычу ребёнок, что-то отвоевавший в детской распре и смутно укоряемый совестью.

– Щель, которую ты по своему невежеству собрался заклеить, на самом деле есть изыск, устроенный ради гудебных чудес. Ты одно

правильное слово сказал: дышит. Вот, если твоё ухо способно уловить разницу...

Он не глядя, привычным движением заставил лёгкий снаряд издать звонкое и богатое созвучие. Быстро взялся за нижнюю полочку, стал попеременно прижимать и отпускать её. Звук действительно задышал, делаясь то задумчивым, то радостным и открытым.

– На. И не жалуйся потом, что не дали побренькать.

Сквара сел, поставил гусли, как надлежало, на колени ребром... Вновь попробовал струны, привыкая к их голосам... Пальцы побежали сами собой, воззвав давнишней припесней:

Брат за брата, встань с колен,
И не надо каменных стен...

Галуха из красного внезапно стал белым, как подпорченный сыр.

– Это что?..

Ему словно кулаком вlepили под дых. Сквара поспешно заглушил струны, успев испугаться, что сейчас его выгонят вон уже окончательно.

– Это?.. Ну...

– Эту песню играет боговдохновенный Кербога. Где ты её подхватил?

Врать Сквара так и не наловчился. Он едва не начал рассказывать, как менял напев на слова и каково пришлось торговаться с плутом-скоморохом. Удержал его взгляд попушеника, отчаянный, какой-то больной.

– Ну... – повторил Опёнок. – Меня учитель забрал, когда мы на праздник приехали... А там потешники играли. Вот.

– А ещё чего ты у Кербоги набрался?

«Бог Грозы промолвил Богу Огня... Судьбы пишутся на скорбном листе...» Сквара потупился, пробурчал:

– Так когда это было. Три года с лишком. Я всего и не упомяну.

Галуха словно заново учился дышать. Видно было, что теперь уже его распирало любопытство. Ненасытное и почему-то запретное. Сквара стал ждать расспросов, но попушеник молча прошёлся несколько раз из угла в угол.

– И... как он теперь? Кербога?

– Седой, – недоумевая про себя, сказал Сквара. – Маковка лысая. Топоры мечет ловко. С дедушкой Гудимом ездит, с дочкой Арелой...

Попушеник прошёлся ещё. Лицо помалу становилось обычного цвета.

– Говорят, ты в покаянной петле любишь.

«В покаянной?..»

– Ну... Люблю, господин...

– А известно тебе, что в одних её углах сказанное возле двери звучит громко, тогда как в других пропадает? Идём, покажу.

Сквара тоскливо оглянулся на разложенные гудебные снасти:

– Я думал, ты на всём учить будешь...

Маленький и толстый Галуха вдруг приосанился, даже повёл рукой, точно лицедей, вышедший на подвысь представлять величественного древнего царя.

– Тебе это не нужно. Ты любое орудие согласишься, если не с первой попытки, так со второй. Я тебя начаткам звукословия стану учить.

Сквара не удержался, вздохнул. Ну почему учитель считал первым долгом воина преодоление скуки?..

– И не вздыхай мне! – строго воздел палец попущеник. – Многие игрецы обходятся чуяньем, однако их постижению отмерен предел. Ты ведь не собираешься весь век дудеть и бренчать, не ведая смысла? Я тебе объясню, как рождаются звуковые дрожанья и какие законы управляют их переносом... Хочешь знать, как устроить, чтобы шёпот был услышан за сотню шагов и только тем человеком, которому предназначен? Хочешь знать, как двоим переговариваться в большом зале, стоя у разных стен и не боясь быть подслушанными? За мной!

Полных две седмицы Сквара надоедал древоделам и чуть не перевёл у них в ремесленной весь клей, свивая из берёсты длинные трубы. Эти трубы они с попущеником таскали потом по всей крепости. Бывало и так, что Галуха поднимался в Торговую башню, а Сквара лез по Наклонной, забираясь даже выше тумана. Со стороны было похоже, что занимались они чем-то необыкновенно весёлым, но Ветер приглядывал за обоими с растущим неодобрением.

– Всё, – сказал он однажды. – Ты, ученик, поди забыл уже, как бегать на лыжах и прятаться от погони. Завтра я вас в лесной притон поведу. А тебе, Галуха, своей дорогой ехать пора.

Сквара так и сник, но ответ мог быть только один:

– Учитель, воля твоя...

Ветер заглянул в погасшие глаза парня, дал подзатыльник. Несильный, почти ласковый.

– Кое-чего ты ещё не в силах понять, поэтому доверься моему разумению. Я вижу, как влечёт тебя гудебное дело. Но если так дальше

пойдёт, ты станешь в лучшем случае таким же горемыкой... попущеником снулым... а о худшем я и говорить не желаю.

Вечером Сквара долго искал Галуху, торопясь потолковать с ним напоследок, но заезжего наставника нигде не было видно. Сообразив, что толком проститься им уже не дадут, Сквара грустно потащился в опочивальный покой.

Там стоял такой хохот, что было слышно сквозь дверь. Сквара влез под одеяло, недовольно спросил:

– Чему радуемся?

– Лыкаш говорит, – начал рассказывать Ознобиша, – на поварне чёрная девка подслушала...

Пересуды слуг бывали вправду забавными. К тому же учеников всячески поощряли извлекать из них толк. Мало ли что сболтнут лихие уста, тайному воину Мораны всё впрок, всё может сгодиться. Однако сегодня Сквара мог лишь корить себя за то, как постыдно мало успел узнать от Галухи. Он перебил:

– Попущеник уезжает.

– Без тебя знаем! – отозвался Хотён. Изгнанный когда-то к самой двери, он заново отбил себе место посередине. – Тому и радуемся, а то от его сутужин пальцы болят!

Сквара огрызнулся:

– У тебя от ложки только не болят.

– Ну ещё кое от чего... – пискнул Ознобиша.

Хотён зло приподнялся:

– Ты о чём, недоносок?

– В носу любишь колупать, – самым невинным голосом проговорил Ознобиша. – А ты что подумал?

Вокруг снова захохотали.

Когда сарынь уgomонилась, младший братейко уже на ухо передал Скваре Лыкашкину повесть. Оказывается, чёрная девка Надейка нечаянно застигла Галуху, спускавшегося в подвалы. При этом заезженец так озирался, что приспешница даже задумалась, не ищет ли тот кривого подступа к Инберновым драгоценным припасам. Поест Галуха любил, это все видели. Однако попущеник свернул в сторону, где прежде помещались темницы.

Сквара нахмурился в темноте:

– Это туда, что ли, где мы двери меняли?

– Туда, туда. Ты дальше послушай!

А дальше было не очень понятно. Достигнув подземной невольки,

Галуха поставил светильник и... стащил с головы не только шапку, но и поддельные кудри, обнажив плешь с чахлыми завитками по кругу. Вышло так смешно, что девка еле успела зажать себе рот. А толстяк ещё бухнулся на колени – и давай стучать лбом в каменный пол, повторяя: «Прости, Гедах! Прости, Кинвриг...»

– Кто?.. – спросил Сквара.

Ознобиша злорадно пояснил:

– Беримёд сказал, это ученики, которых Галуха допрежь нас уморил. Может, за то, что при всех с него чужие волосы норовили стянуть!

Он хотел развеселить друга, но Сквара смеяться так и не стал.

Вилы

Некогда здесь была живая деревня. Стоял большой общинный дом, где собирались красные девки для рукоделья и досветных бесед. Кругом возводили малые избы чьи-то женатые сыновья. Ладили хозяйственные ухожи, без которых дом – не дом, а на ровном месте волдырь: клетки для добра и припасов, хлевы, амбары, погреба, пчельни...

Потом пристигла Беда. Деревне у речки, впадавшей в морской залив, не повезло. Море отступило, речка пересохла, залив стал мелководным озером, потом замёрз. Лопнувшая твердь растворилась бездонными пропастями вроде той, куда жители Чёрной Пятери сбрасывали поганое. А вот горячих ключей, чтобы жить кругом них зверю и человеку, земля произвести не расщедрилась. Россыпь небольших зеленцов зародилась верстах в двадцати, там, где раньше плескались солёные хляби. Туда-то люди перетасили сперва избы, потом и почти всё остальное. Вместо большой деревни сделались розные хутора, а так как строились поначалу на сваях, тёплые зеленцы стали звать не острожками, как в других местах, а затонами. Непогодье затон, Неустроев затон...

На старом месте волей-неволей бросили погреба, потому что из земли их не вынешь. Да и хранить припасы в бочках, спущенных под лёд, оказалось удобней. И ещё покинули общинный дом, поскольку явился Ветер и попросил оставить его. Теперь источник время от времени приводил сюда младших учеников, которым начинал доверять. Прежние насельники не смели без нужды показываться на собственном городище. Оно принадлежало мораничам, и те, посмеиваясь над робкими хуторянами, дали своему владению новое имя: лесной притон.

Мелкая шушель живо натаסקала дров, взялась отогревать замороженный дом. Ребята постарше осматривались вокруг, со знанием дела прикидывали, где расставить дозорных. Ветер потом, конечно, истолкует ошибки, заставив удивляться, как они столько всего не заметили и не учли, но когда-нибудь они действительно начнут всё решать сами, без подсказок учителя. Мальчишки словно заглядывали в будущее, когда следующий сбор новых ложек станет смотреть на них точно так же, как они сами нынче – на межеумков и старших. Великий почёт, который не живёт без хлопот!

Бухарка обнаружил пещерку в снегу, оказавшуюся входом под старый, но ещё прочный навес. Парень торопливо раскидал снег. В глубине

виднелась низкая дверь, какие обычно устраивают в погребницах. Решив проверить, не найдётся ли внутри чего занятного, а если повезёт, то и съедомого, Бухарка кликнул Хотёна. Вдвоём у них как раз достало сил отвалить тяжёлую крышку.

– Скварка!.. – весело закричали они почти сразу. – Скварка, иди сюда!

Опёнок подошёл, но, понятно, не один. Сбежалась вся шайка, любопытная, вечно голодная.

Погреб был выстроен прежними хозяевами на совесть. Венцы брёвен уходили на порядочную глубину. Настоящий поруб, сухой и просторный. В былые времена здесь всё лето небось держался ледок. Теперь подземелье, кажется, улавливало далёкое тепло недр: иней внутри виднелся только под крышкой.

– Ну, погреб. Порожний, – принялся Сквара. – И что?

– Ну ты башка осетровая!.. – хохоча, заорал Пороша. – Это ж холодница! Нарочно для тебя приготовлена!

Между прочим, лестницы в порубе не было. Только висела на стене погребницы верёвочная связь с деревянными грядками. Можно при нужде слезть на чистое песчаное дно, можно вылезти. Или, наоборот, спустить кого и оставить горевать в темноте.

Сквара заглянул вниз. Пожал плечами.

– За осетровой башкой, – сказал он, – я бы туда хоть сейчас. Даже без хлеба.

Мальчишки загалдели, обсуждая самое вкусное: кто за какое яство готов был бы в этой ямине высидеть ночь. Один вспомнил пирог с зайчатиной, другой – прощальный кисель, поставленный матерью из последней горсти овса, третий – лакомую кусню: крошёную лепёшку, залитую на сковороде утиными яйцами...

Из-за спины Сквары осторожно высунулся Ознобиша. Заглянул в непроглядную дыру и сразу отпрянул, ничего не сказав. В это подземелье он полез бы, только от верной смерти спасаясь. А так – ни за какие калачи. Может, там вправду когда-то хранили редьку, капусту и кадушки с квашеной репой, но теперь снизу отчётливо тянуло могилой. И как другие не чувствовали?..

Острожок у рыжего Недобоя был невеликий, но крепкий. Надёжный кипун грел его и поил, наполнял рыбные и птичьи пруды, холил оттепельные поляны, где паслись козы да оботуры. Семья у Недобоя тоже была правильная. Родители, жёнка, два сына, оба волосом точь-в-точь отец. Не всякий после Беды мог похвастать двумя выжившими сыновьями.

Старшего, Лиску, Недобой в прошлую осень женил. Сперва хотел взять за него приспешную девку из крепости, Надейку. Позже передумал, но невесту всё равно сговорил правильную: тихую, работающую. Скоро появятся внуки, тоже наверняка рыжие. Всё как у людей!

Младшему сыну Недобоя было четырнадцать лет. Детское назвище он давно перерос, а взрослое заслужит хорошо если через годик-другой. Покамест парня звали Лутошкой: кости есть, значит, мясо как-нибудь нарастёт.

Вблизи Недобоева острожка тянулась дорога, по которой ездили туда и обратно мораничи, населившие Чёрную Пятерь. Этой дорогой на Лутошкиной памяти дважды проходили поезда котляров, собиравших долю крови Левобережья. То есть первый поезд ему запомнился смутно. Сам тогда ещё толком от титьки не оторвался. Тот день породил лишь неясную тревогу да ощущение мурашек по коже. Не то страх, не то зависть. Возле своего гнезда мораничи новых ложек не брали, к облегчению и одновременно большой досаде Лутошки.

Второй поезд он выбежал встречать загодя и видел всё. Напуганных подростков и гордых котляров, уже не помнивших, как несколько лет назад сами здесь же топтались. Видел страшную казнь отступника и после этого три ночи не спал. Стоило закрыть глаза – мерещился самострел в руках трясущегося мальчонки. Потом жуть как-то заволоклась, отсыгнула, зато с новой силой приступила досада. У самого Лутошки жизнь впереди намечалась что ни есть правильная. Скоро Лиска наживёт деток, вздумает отделиться, как положено старшему. Сам выстроит избу, сам будет в ней жить. А Лутошке, меньшому, не доведётся даже место облюбовывать для нового дома. Ему – сидеть на корню, ему – гоить родительский двор. В котором батюшка с матушкой ещё много лет ни единого гвоздя без великого спросу вбить не дадут...

Так жили деды. Так, по старинам, надлежало блюсти себя и внукам с правнуками.

Лутошка орудовал вилами, сбрасывая в зелёный пруд загаженный мох из собачника.

Почему верная жизнь в отчем доме была вроде каши из водорослей, которую скупая хозяйка даже солью не сдобрит? А неверная, как у мораничей, забывших семью и хозяйство, глядела праздничным столом, накрытым для пира?.. У кого совета спросить? У отца?

Так отец известно что скажет. Ещё по уху съездит. Чтобы вовсе думать забыл, которая тропка в Чёрную Пятерь лесом ведёт.

Сорное крушье быстро намокало, расплзлось в воде. Пруд был зелёным только по названию. Водоросли в нём жили всякие разные. Красная першилка, чтобы сушить её и размалывать вместо перца. Водяной горох – длинные бурые стручки, жареными напоминавшие мясо. И вилочки рыже-лиловых листьев, сходных с дубовыми: озёрная капуста, волокнистая и невкусная, но сытная, особенно если сквасить. Лутошка воткнул вилы в землю, задрал голову, долго смотрел, как смешивается с туманом хвост тёплого пара, поднимающегося с пруда. В серых завитках возникали и расплывались чужие холмы, незнакомые лица, стены и башни... Всё то грозное, манящее, чему в Лутошкиной жизни ну никак не было места.

Он вздохнул, повернулся, потащил порожние саночки обратно в собачник.

Сквозь дощатую стену слышна была обычная пёсья возня. Тоненько кряхтели щенята, их мамка лакала из корыта, ссорилась с другой сукой, глухо порывивал на обеих вожак... В привычный строй звуков вплетались женские всхлипы. Лутошка придержал шаг. Маганка, невестка. Ещё не стужилось ей, не сдружилось. Вот и убегает поплакать то к рыбному озерку, то в собачник... Лутошка напустил на себя важный вид и вошёл.

Будь он постарше, его предостерегли бы Маганкины охи и ахи, совсем не имевшие отношения к горячим слезам. Но не предостерегли.

Он увидел свою невестку жарко разметавшейся на куче свежего мха. Взгляд ошалевшего парня так и прикипел к молочно-белым ногам в знакомых подвёртках. На левой ещё держался верёвочный лапоть-шептунок, правый слетел, потерявшись во мху. Ноги вскидывались, сплетались на спине здорового белобрысого мужика... который был вовсе не Лиской.

Задранный подол... кика, сбита с головы... Лутошка сперва шарахнулся прочь. Потом занёс вилы и с маху всадил все четыре рожна в белый, поджарый, прилежно трудившийся Лихарев зад.

Моранич рванул молча и так, что у паренька дёвко выскочило из ладони. Лутошка отлетел, распластался возле дальней стены. Удар железного кулака едва не сломал челюсть. Маганка, пискнув, в одном лапте бросилась за порог. Лутошка приподнялся и увидел, что до взрослого имени не доживёт. Лихарь стоял против света, в свалившихся штанах, но всё равно огромный и страшный. По ногам обильными ручейками брызгала кровь. Вот замахнулся...

Вилы свистнули в полёте, пробили доски в вершке от рыжей растрёпанной головы. Не потому, что стень пожалел мальчика или рука

дрогнула. Он просто швырнул вилы подальше, недосуг было следить, куда улетят. Из боевой жилы с каждым толчком сердца рвалась кровь, он искал, как бы её запереть, а вилы, оставшиеся в руке, мешали ему.

Стень был опытным лекарем. Плох тот воин Владычицы, кто умеет лишь наносить раны, а повивать не горазд. Лихарь не оплошал и на себе.

Он знал, где кроются в теле боевые и чернокровные жилы, знал, где они ветвятся, дробясь на более мелкие. Пришлось мучительно и сильно давить пальцами прямо в паху, оскорбляя только что наливавшееся ликующей жизнью гоило. От боли темнело в глазах, но Лихарь давно привык терпеть боль.

Псы понимали беду, случившуюся у людей. Они рвали привязи, бросались, бешено лаяли.

Лутошка на четвереньках полз к выходу. Прокушенный язык распухал, в голове гудела зимняя буря. Он только понимал, что теперь не будет совсем ничего. Даже простой правильной жизни, казавшейся ему кашей без соли. Дорого он дал бы сейчас, чтобы всё стало как прежде. Стень сдвинулся с места, хромая, рыча, загребая мох. Лутошка снова понял, что жить осталось мгновение, но Лихарь прошёл мимо, едва ли заметив.

Он на своих ногах покинул собачник, влез сапогами в стремяна лыж, побежал в крепость.

Знакомая тропка качалась и дыбилась перед глазами. Нужно было немалое мужество, чтобы так-то бежать... Срамно растарачив колени, спустив штаны, тяжёлые от багровых сосулек, а правая рука не может отделиться от паха, ловит ускользящий червячок боевой жилы...

На полдороге Лихарь трудно задышал, остановился, ему взгадило, он согнулся в приступе рвоты, уже сознавая, какую сотворил глупость. Раны были гораздо опаснее, чем помстилось в горячке. Следовало послать мальчишку за взрослыми да сразу свивать жгут из собачьего поводка. И никуда не идти самому, а гнать того же мальчишку в крепость за помощью...

Поняв это, Лихарь упал. Над ним, сбросив снег, освобождённо взмахнула лапами ёлка.

Вставать не было уже ни сил, ни желания. Какое-то время Лихарь просто лежал, примечая, как на краю зрения густеют и сливаются тени, а под серединой тела понемногу рушится снег. Тепло стало неотличимо от холода. Потом он всё же представил, как его здесь найдут. Заблёванного и без штанов. Смириться было до того невозможно, что Лихарь зашевелился. Снова придавил в паху заметно ослабевшего червяка. Стал подниматься...

Раскат

В синих редееющих сумерках мальчишки стояли у снежной, обросшей ледяными корками стены бывшего общинного дома. Держали в руках длинные беговые лыжи. За ночь погода успела перемениться. Пока шли в притон, меховые личины ощущались лысыми и неспособными обогреть. Сегодня они душили. Оттепельный воздух казался почти тёплым, но по приказу источника все лица были покрыты. Пора привыкать, объяснил Ветер. Мало ли чего может потребовать орудье во имя Владычицы. Сумей-ка вернуться в плящий мороз босиком, а летом – шубы не потеряв! Каждый нёс лук, тул со стрелами, нож и копьё, а в заплечной укладке – толстое одеяло, верёвки, лопату, пилу, топор, еду на два дня... По отдельности чепуха, но вкупе тяжесть приличная.

– Седмицу назад Лихарь здесь межеумков гонял, – сказал Ветер. – Лыжня зрячая, не заблудитесь. На горке за оврагом я буду вас ждать.

Ребята начали разговаривать, нетерпеливо переминаться, он вскинул руку:

– Трои́м самым проворным будет награда!

Тут же вновь воцарилась тишина, источник прошёлся туда-сюда, не торопясь утолять любопытство мальчишек, потом с усмешкой проговорил:

– Скоро нас посетит моя сестра по служению. Её сопровождают ученицы... Так вот, троим из вас, кого я увижу самыми первыми, будет позволено прислуживать гостям. Пошли!

Мальчишки ринулись так, словно их не по чужим зимникам за три овиди наперегонки послали, а в ближний амбар принести копчёного гуся. Потом, конечно, всё устроится как всегда. Сарынь собьётся в отряд, мелюзгу поставят в середину и будут меняться, по очереди торя путь. Но покамест молодые тела в восторге требовали быстрого бега, ребята галдели и неслись к околице кто во что горазд.

Правда, восторг длился недолго. Мороз успел уйти не только из воздуха. Лыжня в самом деле была отлично видна, но тучи, приплывшие из дальних далей, уже превратили крепкий снеговой панцирь во влажную и рыхлую мякоть. Весёлая гонка не задалась почти сразу. Какое веселье, если двинешь ногу – и вместо длинного летучего шага лыжа проваливается на две пяди вниз... да ещё прячется под россыпями льдистого бисера. Поди-тось подними для нового переступа!

Сквара живо соскучился по лапкам, оставленным в притоне. Потом стал думать, чего на самом деле ждал от них Ветер. Чтобы явили послушание – и каково пришлось, таково бежали? А может, следовало явить сообразительность, вернуться за снегоступами, пока ещё недалеко отошли? Или другой раз, когда велят взять длинные лыжи, надо будет лапки приторочить на кузов?..

Пока ясно было одно: когда они разыщут мостик через овраг и еле живые вползут на нужную горку, учитель посмеётся. Вам, скажет он, не на девок глаза лупить, а у Инберна лишку каши выслуживать...

Хотён отступил в сторону, Скваре пришёл черёд идти первым. Он оглянулся. Мальчишки по большинству избавились от удушливых харь. Сквара всё-таки решил потерпеть ещё, хотя начавшие пробиваться усы противно цеплялись за мокрый от дыхания мех. Сзади топтался Ознобиша. Он личину тоже не снимал, крепился.

– Тропи давай, – буркнул Хотён, сваливаясь назад. Добавил: – Наглядыш!

– От наглядыша слышали, – сказал Сквара.

Хотёна с некоторых пор начал привечать Лихарь. Скваре это было всё равно, потому что стена он не любил, но Хотён очень гордился.

Сквара взялся ломать и раскидывать липкий снег, а чтобы поменьше скучать, начал думать о девках. Перед глазами возник девичий танок в весеннем лесу. Рукодельницы и красавицы немного старше их с братом плыли вереницей, все важные и неприступные, в распахнутых шубах, чтобы видны были браные прошвы добрых понёв, узорчатые шушпаны и бисерные махры поясов, ждущих свадебного узла... Ещё была соседская девочка Ишутка, которую они со Светелом взяли было дразнить, но не вынесли её слёз, сами принялись утешать, повели к себе в избу, упростили бабушку показать кукол...

– Девки, они подарочки любят, – со знанием дела рассуждал сзади Пороша. – Бусы на шею, серьгу в ушко. И не костяную какую, а серебряную, да с камушком чтоб!

Иные ребята уже полюбили опытные взрослые разговоры. Сквара к ним жадно прислушивался, но сам не встречал.

– Где бы тот камушек взять, – отдуваясь, посетовал Воробыш.

– Ты и без камушка хорош будешь, – неожиданно великодушно отозвался Пороша. – Девки небось за карман пряников сладко целоваться готовы.

– А всего вернее – песни им петь! – подал голос самый младший, не помнивший солнца.

Он еле поспевал на лыжне. Зато звали его, будто в насмешку, Шагалой. Ребята повзрослее захохотали:

– Станешь петь, как Галуха, у всех рты перекосит!

– Тебе почём знать?

Сквара наострил уши. Маленький Шагала вытер нос, важно ответил:

– У нас витязи останавливались, с ними весёлый гуслиар был, Крыло. Вот бы кто гудьбе нас учил! Мамки руки вымахали, девок поровши. Все по нём сохли!

– Потихе бы про гусли... – предупредил кто-то, но осторожного перебили:

– А ты сам слышал, как играл-пел?

– Мне на что, я ж не девка, – опасаясь насмешек, буркнул Шагала. Затем передумал, сказал: – Ну, слышал... Ноги сразу плясать пошли, во как!

Сквара стал думать, получится ли спеть песню гостям, которых ждал Ветер. В том, что выбежит к учителю первым, он не особенно сомневался.

– Без гудьбы обойдёмся, – веско заявил Хотён. – Которые деревни Владычице виноваты, мы хоть бабу, хоть девку самую румяную выбирай. Мы – мораничи! Нам – воля!

– Эй, дикомыт! – окликнул весёлый Бухарка. – А ты с девками уже миловался когда?

Мимо плыли древесные стволы, окованные серебром. Вратъ, будто тискал белые плечи, ловил устами уста, было совестно. Правду открывать – почему-то стыдно. Словно должна была эта правда сделать его чем-то хуже Бухарки. Сквара молча повернулся, в прорезь меховой рожи надменно оглядел гнездая, благо рост позволял.

– А нас, – похвастал Пороша, – господин стень обещал с собой взять, когда в деревню пойдёт. Слышишь? Тебя небось Ветер с собой ни разу не звал!

Сквара в смущении уставился на носки своих лыж. Он, оказывается, понятия не имел, куда ходил Ветер, к кому и зачем. А лихаревики про своего наставника всё знали.

Ознобиша, бежавший следом, оглянулся:

– Чего для обещал-то? Возле двери стеречь?..

Мальчишки стали смеяться.

Сквара тоже развеселился, прибавил ходу. Слова прыгали и крутились на языке, сплетались в узоры красного склада.

Плетёмся шаг за шаг поутру рано:

Сквозь буреломы гонит нас Морана...

Он чуть не выпустил это вслух, во всё горло. Просто оттого, что радостно было дышать оттепельной сыростью, бежать по лыжнице. Оттого, что, по слухам, где-то ещё плескалось Киян-море, не желавшее уступать вселенской зиме. Напев родился сам собой, явившись удалым и задорным: если не под драку, то под пляску уж точно. Хоть сейчас хвататься за любую Галухину снасть.

Торчат, как копья, сучья из тумана.
Летишь с горушки вниз – а там Морана...

– Сквара, – пропыхтел за спиной Ознобиша.

– Ну?

– Ты что, приплясываешь?..

Всё же пение в лесу, даже мысленное, не услышанным не осталось. Лыжня понемногу забирала влево, и там, впереди, вдруг подал голос ворон-тоскунья.

Слегка насторожившиеся ребята обогнули густой частый ельник, заваленный снегом так, что деревья от дерева понять было нельзя. Хотён и другие, снявшие меховые хари, снова их натянули. Сквара приготовил самострел. Волки в здешнем лесу были не очень знакомые, поди пойми, чего от них ждать. Тоскунья, правда, вещал скорее о людях, но этот ворон сам был чужим...

В десятке шагов от лыжни стояло трое мужчин. Неустрой с сыновьями облюбовали валежное дерево, собирались пилить с него сучья. Вот, стало быть, о ком подавала весть глазастая птица.

При виде молодых мораничей мужики повалились на колени, неуклюжие на не предназначенных для этого лапках. Разом сдёрнули ушанки, ткнулись в снег головами.

Неистребимая домашняя привычка толкала Сквару поклониться в ответ. Младший сын старика ему самому годился в отцы. Однако здороваться, видя перед собой затылки и согнутые спины, было как-то неправильно. Сквара напустил на себя гордый вид, поскольку первый долг был всё же учителю, отправившему их состязаться. Пробежал мимо, особенно машисто вымётывая вперёд лыжи.

Лыжи были далеко не отцовской работы, хотя несли вперёд тоже

неплохо.

– Пусти тропить, – сказал Ознобиша.

Сквара свалился назад. Встреча с деревенскими заставила его вспомнить рассуждения Ветра и устыдиться задиристой песни, которая у него начала было складываться. Он даже честно попробовал сочинить что-нибудь гордое, выпретенное о Правосудной Владычице, о том, какой страх наводят Её верные сыновья, идущие широким плечом... Ничего не рождалось. Наводить-то наводят, сказал он себе, только на кого?.. А если бы вот так испуганно гнуться пришлось не старику Неустрою с сыновьями, а Жогу Пеньку?.. Деду Игорке с Ишуткой?.. Дяде Шабарше, бабушке Коренихе?..

«Обойдёт тебя Ветер, а ты и не поймёшь...»

Что-то мало получалось чести и гордости. Наверно, из-за этого высокие слова никак не приходили на ум, зато упорно лезло всякое неподобие:

Набрякли тучи влагой океана.

Здрав подол, бежит от них Морана...

Ознобиша быстро стомился, отступил с лыжницы. Ребята совестно менялись, но подолгу в головах никто не задерживался. Довольно скоро Сквара вновь оказался первым и сразу подумал, насколько осторожно следовало обращаться с песенным словом. Вот выплелась у него строка про туман с торчащими из него сучьями... И пожалуйста – лыжные следы впереди ныряли в стелющуюся пелену. Ничего такого, в чём вправду могла бы затаиться опасность, но путь сразу стал немного таинственным, тревожным. Привычные стволы, облачённые бугристой корой, потянулись вереницами невидимок в пепельно-серых плащах. «Тайный воин Владычицы должен уметь растворяться в сумерках, словно завиток дыма, – говорил Ветер. – А потом возникать на ровном месте, где мгновением раньше никого не было. Попробуй-ка ещё раз. Да не забывай следить, каково дышишь...»

Войдя в туман, Сквара быстро понял, что лыжный след завёл их на старую дорогу.

Древние цари Андархайны любили оставлять о себе память проложенными дорогами. Когда-то здесь катились телеги торговцев из Царского Волока в Шегардай. И тяжко шагали походом снаряжённые рати, те самые, что тщились преклонить Коновой Вен. Во время Беды

здешнюю землю корбило, вспучивало, рвало. Из-за этого лес на склонах шеломяней смотрел вершинами не вверх, а куда-то внаклон. Тяжкие снегопады сперва согнули деревья, потом стали ломать, наконец оставили сплошную лежину. Старый шегардайский тракт, против всякого ожидания, не завалило без вести, но покорёжило знатно. Да и ездить из города в Царский Волок, ставший Чёрной Пятерью, стало особо некому.

На дороге оказалось приметно морозней, чем у залива. Лыжи сразу заскользили легче. Это было хорошо, потому что ребята начали уставать. Не то чтобы совсем изнемогли, просто Хотён постепенно замолчал о девках, а Лыкаш прекратил вгонять их в слюну рассказами о лакомствах, которыми Инберн станет потчевать чужую источницу.

Сквара снова бежал первым, и с языка просилось на волю сущее непотребство.

А если вдруг из тучи гром бы грянул,
Мы насовсем забыли бы Морану...

Вот примерно за такое распоясывали жрецов, отрешая их от служения. А слишком весёлым скоморохам, говорят, резали языки. Ознобише ещё можно будет украдкой спеть, чтобы посмеялся, но остальным...

Сквара чуть не зазевался. Дорога, постепенно кренившаяся вместе с остатками леса, вдруг резко вильнула влево и вниз. Что впереди – мешал увидеть туман.

Лыжница вроде уверенно ныряла в размытое молоко. Сквара остановился, предупреждённый чутьём опытного лесомыки. Новые ложки сгрудились у него за спиной.

– Что там? – спросил Пороша. Вытянул шею, попытался заглянуть вперёд, не вылезая на целик. – Струсил, дикомыт?

Оттябель не дождал ответа, ему главное было обозвать Сквару трусом. Потом он решил спихнуть Опёнка с лыжни. Оступился, сам сел в снег.

– Не нравится мне этот спуск, – сказал Сквара.

– След есть, значит, межеумки прошли, – сказал Ознобиша. – И нам не обходить стать.

Сквара пожал плечами:

– Они тут каждый пень знают, а мы первый раз. Вот что... Я спущусь, покричу, а там по одному, добро?

Отправляя их в лес, Ветер не указал старшего. Кто тропит, тот, стало

быть, ватажок. Ребята отозвались вразнобой, радуясь передышке. Сквара оттолкнулся кайком, заскользил под уклон. Сперва медленно, потом всё быстрее.

Спуск оказался таков, что из-за него одному добрым людям не стоило выезжать на эту дорогу. Когда-то здесь был просто крутой поворот. Дорога огибала скалу, торчавшую возле края болота. Корчи земли превратили ровное место в косогорину. Да вместо того, чтобы милосердно приподнять внешний край поворота, ещё его и понурили. Всякий, кто не знаючи выкатывал сюда чуть быстрее потребного, мог оказаться в ловушке. Ко всему прочему здесь держался бодрый морозец, лыжный след почти не продавливался под ногами. Сквара почувствовал себя беспомощным обмылком на банном полу. Он что было сил чертил посохом, но его всё равно вынесло на самую кромку, перед глазами зинул обрыв, он увидел, куда придётся лететь, если он не удержится. Внизу была смерть. Из тумана щерились обломанные клыки пней, усеявших кручу. Впору было шлёпнуться врасстяжку, чтобы хоть так прервать гибельное скольжение, но спесь лыжника возобладала. «Где ваши раки зимуют, мы весь год живём!» Надсаженные мышцы зывали и голосили, правой лыжей Сквара обрушил крайний пласт снега, но всё-таки удержался. Вывернул на безопасное место, остановился.

– Что там, дикомыт? – донеслось сверху.

– погоди!.. – во весь голос заорал Сквара.

Сбросил юксы, воткнул лыжи в снег, оскальзываясь, побежал назад, к самому опасному месту. Как оказалось – весьма вовремя. В слоистой пелене наметилось движение. Сквара навскидку ждал Подстёгиного сироту, но из тумана с гиканьем вылетел Пороша. Ему тоже гордыни было не занимать. Увидев, куда мчат его лыжи, он замолчал и сел на каёк верхом, как Сквара прежде него. Наверняка успел трижды проклясть себя за то, что лихости ради споро отталкивался наверху. Теперь он съезжал боком и ничего не мог сделать. Вильнув посохом, гнездарь упал врасстяжку... даже это не помогло. Скольжение продолжалось.

Сквара прыжком одолел последние два шага, сцапал мелькнувший у края посох Пороши. Тот наконец остановился. Его лыжи наполовину зависли над корявыми зубами в пасти обрыва. Парень медленно закрыл беззвучно распахнутый рот, глаза снова стали живыми.

– Только попробуй посмеяться, – предупредил он Сквару.

Язык слегка заплетался.

Скваре препираться было некогда. На раскат, присев уточкой и тихо подвывая от ужаса, съезжал с горы Ознобиша. Ловили его уже вдвоём.

Грозили нам нешуточные раны
В крутых перинах бабушки Мораны...

Хотён, предупреждённый воплями снизу, медленно спустился сам.
Лыкасика и остальных перехватили уже с лёгкостью, сообщая.

Но за своих мы встали всей таранью
И никого не отдали Моране...

Сквара поставил на ноги почти не испугавшегося Шагала. Поискал взглядом воткнутые в снег лыжи.

Лыж не было, только разваленные дыры в сугробе. Кто-то нечаянно сшиб их, выбираясь с раската. И убежал, не сознавшись.

– Или нарочно сбросил, – сказал Ознобиша.

Сквара только теперь сдвинул на затылок личину. Он про неё успел совсем позабыть.

– Да кому занудилось?

Ознобиша пожал плечами:

– Кто-то очень хочет девок увидеть...

Сквара досадливо заворчал, полез выручать пропажу. Он предпочёл бы увидеть не девок, а попущика Галуху, да где там. Уже уехал небось, а куда? Учителя бы спросить, так не скажет...

У того, кто скинул лыжи в обрыв, умысла могло и не быть. Взял и наподдал просто так, из дурной мальчишеской лихости. Легче от этого не становилось. Без лыж отсюда выбираться в притон – сплошной срам и мученье. Ознобиша стоял у кромки, опирался на каёк. Другие погнали дальше.

– Не жди, – сказал Сквара. – Я потом один быстрее подоспею.

Ознобиша ответил:

– Ну вот сам тогда и отбежишь от меня. А я от тебя нипочём.

Сквара понял, что в победителях сегодня ему не ходить. Мысленно утешил себя: да и ладно. Поважней дел на свете полно. И девки, чтобы смотреть на них, не последние.

Лыжи скатились довольно далеко вниз, застряли под большим выворотнем. Пришлось ползти за ними на животе по крепкому и скользкому насту. Уже продевая в отверстия на носках верёвочный поводок, Сквара заметил на отломке стенового корня примёрзший лоскут

серой сермяги. Он присмотрелся. Деревянный зуб выдрал клок из короткополого обиванца. Точно такого, в каком ходил по лесу и он сам, и другие ученики. Кто-то расшибся здесь. Может, даже совсем насмерть. Нетерпеливый был, как Пороша. Или несильный, как Ознобиша. Сквара вылез обратно, цепляясь за отщепы и сучья, похожие на калечные беспальные руки. Встав на дороге, уже без особой спешки нацепил юксы – и они с Ознобишей побежали догонять остальных.

А тучи знай плывут в иные страны,
Где небогато верных у Мораны...

- Сквара...
- Ну?
- Ты что, снова приплясываешь?..

Покажется ли вешняя пора нам,
Когда совсем развеется Морана...

Песня распирала грудь, рвалась, как птица из клетки. Ералашная, в общем-то, песня. Глупая. И опасная, если попадёт не в те уши. «Тебе, парень, на роду написано глумцом быть, – говорил весёлый скоморох, дядя Кербоба. – А поехали с нами?» «Нет людей вредней скоморохов, – говорил Ветер. – Тебя мать когда полотенцем охаживала, ты в ответ смеялся и зубоскалил?»

Знать бы, кого слушать.

Пригвождённая к тыну рука Жога Пенька.

Подложные волосы Галухи, молившего о прощении.

Спеть бы Кербобе с Гудимом... послушать, что скажут. «Бог Грозы промолвил Богу Огня...»

Смелее, брат! На честном поле брани
Дадим отпор завистливой Моране!

Отсюда было уже не так далеко до горушки за мостиком, где обещал ждать их учитель. За краем леса начался открытый бедовник. Дорога взбежала на отлогое шеломя, стал виден овраг.

На самом деле это была трещина из тех, которые называли бездонными, поскольку снег и лёд всё никак не могли их заполнить. Люди паслись узких разломов, прикрытых намёрзшими корками, ненадёжными под ногой. Этот овраг был, наоборот, из самых широких и длинных. Он тянулся на вёрсты, здесь было одно из очень немногих мест, где удалось бросить переход. И то – не правский мост, а так, больше название: два толстых бревна с порядочной щелью посередине. У входа на переправу боязливо мялись младшие. Ребята постарше уже одолели овраг, они что-то рассматривали на горوشке. Сквара нахмурился. Ветра не было видно.

– Эй! – крикнул он. – Хотён! Что там?

Хотён помахал в ответ, но как-то невнятно. То ли: «Иди сюда», то ли: «Без дикомытов обойдёмся». А потом первый толкнул посохом, пропал из виду. За ним потянулся Пороша, следом остальные. За горوشкой начиналась короткая тропка: по ней из притона должен был прибежать Ветер.

Сквара и Ознобиша переглянулись.

– Ну что, – сказал сирота. – Пошли, что ли, пискунов переводить...

Порвутся тучи, снова солнце вспрянет,
Никто не будет кланяться Моране!

Следы по ту сторону оказались наполовину затоптаны, но Сквара всё-таки разобрался. Ветер слово сдержал, вышел на горку. И даже повременил, ожидая нерасторопных учеников. Потом из притона явился кто-то ещё. Если Сквара не совсем разучился узнавать следы, это был Беримёд. Он не ночевал с ними в притоне, значит, из крепости прибежал. Ветер, сразу сорвавшись, во всю прыть понёсся обратно. Видно, произошло нечто из ряда вон тревожное.

«Может, Галуха... Прочь ехать не захотел...»

Теперь лыжница впереди была не просто зрячая, а ещё и добротню укатанная двумя десятками бегунов. Ознобиша двигался первым, за ним мелюзга, Сквара замыкал вереницу.

Кто своему доверился талану,
Тот насмешил Владычицу Морану...

– Не дожидаться вас, модяков! – встретил их Беримёд. – Думал уже,

вы долгим путём обратно тащились!

Он был зол, выглядел усталым. Сквара не очень понял, за что напрягай, однако смолчал. Когда несчастье, тут не дерзить стать.

– Лихаря поранили, – шепнул Воробыш.

– Сильно? – спросил Ознобиша.

– Куда? – спросил Сквара.

– Не знаю. Помирает лежит...

– Зря гнались, – раздосадовался Хотён. – Какие гости теперь!

Сквара нахмурился. Самого Лихаря! Ранили! Да так, что помирает лежит!..

– На нас что, войной пошли? Или кто засаду устроил?

Лыкаш развёл руками. Больше ему вывести не удалось.

А Сквара спохватился, запоздало осмыслив упавшее с языка: «на нас»...

– Хорош болтать! – рявкнул Беримёд. – Снова жданки устроили? Кузова на спину – и за мной!

Пока добирались в Чёрную Пятерь, Сквара то и дело поглядывал на Ознобишу. После всех трудов выдюжит ли ещё и дополнок? Подстёгин сирота шёл не очень ходко, но ни разу даже не пожаловался.

– Живой, что ли? – спросил его Сквара посередине дороги.

Ознобиша ещё и фыркнул:

– Небось живей Лихаря.

Маленький Шагала тоже не ныл, не хныкал. Сомлел, молча свалился, когда кончились силы. Сквара так же молча взял его на загорбок. Лыкаш привязал к поясу лыжи, Хотён принял вьючок, а Ознобиша понёс копыя и посохи. Ночь стояла не особенно тёмная, но переднего из виду лучше было не упускать. Потом над лесным частоколом начали подниматься пять башен.

Уже в воротах под ноги попались смазанные тёмные пятна. Старшие ученики, все как один ворчливые и тревожные, погнали вернувшихся походников сперва в мыльню, потом в застольную. Однако вечно голодным мальчишкам кусок в горло не лез от усталости. Головы попросту клонились на стол.

Как шли из трапезной хоромины в опочивальную, Скваре запомнилось плоховато.

Когда все улеглись и сразу начали засыпать, вновь подал голос всеведущий Лыкастик.

– Лихаря, – проговорил он вполголоса, – в Недобоевом острожке

на вилы взяли.

Ребята заново проснулись, кто-то даже сел в темноте.

– Во дела чудовые! – удивился Хотён. – К нему просто так поди подойди!..

– Кто хоть? Да про что?

– Слышал, паробок вроде нас. А про что, врать не буду.

Сквара вспомнил старика Неустроя и его сыновей, тыкавшихся покорными головами в снег. Удивился:

– Что же стень содеял такое, что за вилы взялись?

– Ты лучше подумай, – шепнул Ознобиша, – что теперь с ними содеют.

Сквара начал было думать, но скоро уснул.

В эту ночь, против всякого обыкновения, не рухнул на пол ни единый топчан.

Покои Лихаря были в Торговой башне, в самом нижнем жилье, куда уверенно дотягивалось тепло кипунов. Жаровню с углями не приходилось вносить даже в лютый мороз, когда до предела съёживался купол тумана. Стень лежал на животе, стучал зубами под меховым одеялом. Он потерял много крови и отчаянно мёрз. Рука всё тянулась поправить тёплую полсть, укрыть бёдра и седалище, туго спелёнатое льняными полосами. Ветер ловил бессильную руку Лихаря, водворял под подушку. Смыкал пальцы ученика на потёртой кожаной зепи, где хранилась старенькая тонкая книжка. Он-то знал, чем была эта книжка для Лихаря. Сам котляр то подсаживался к стению, то расхаживал из угла в угол. Пахло обожжённой плотью, крепким вином, горькими травами.

– Учитель... – не открывая глаз, позвал стень.

Ветер тотчас оказался рядом, отвёл светлые волосы, падающие на лицо.

– Я здесь, – сказал он. – Лежи смирно.

Лихарь неловко шевельнулся под одеялом:

– Смеяться... будут же...

– Будут, – уверенно подтвердил Ветер. – Ещё и снеговика спят, как ты с той молодухой мужевал.

Лихарь содрогнулся, застонал. По шее перекатилась тонкая цепочка с надетым на неё царским сребреником.

– Лучше бы мне в лесу кровью истечь...

Пробежать больше двух вёрст, прижимая хлещущую боевую жилу, было подвигом. Но то, каким вышел этот подвиг у гордого и грозного стенья, обещало запомниться людям надолго.

Когда примчался Ветер, выдернутый из лесного притона, Лихарь лежал почти как теперь, со жгутом на левой ноге, затянутым под самый промежек. Ветер закрутку распустил, спасая ногу от омертвения, но неусыпно следил за кровавым пятном на повязке – не поползло бы вширь.

– Учитель...

Лихарь снова тянулся к одеялу, ему было холодно. Источник поймал его руку:

– Пить хочешь?

– Учитель... воля твоя... Как мне теперь...

Ветер посоветовал:

– А ты вместе с ними посмейся.

Лихарь было дёрнулся, не иначе представив, как должен будет весело вторить всякой соромщине. Ладонь источника пригвоздила к постели, не дав раструдить рану.

– Пока Владычица не подарила нас поцелуем, мы сами ученики, – сказал Ветер. – Вот и учись. Ртов им всяко не застегнёшь.

– Да я...

– Насмешничать они обязательно будут, – спокойно повторил Ветер. – Не в глаза, так заглазно. Или тебе покажется, что смеются. Выбирай, как с этим быть. Бить станешь, кто под руку попадёт? Так на зуботычинах далеко не уедешь. А вот если с ними поплачешь и посмеёшься, да ещё хоть как-то наумишь, ведь они тоже скоро по девкам пойдут... Тогда-то они и в воду за тобой, и в огонь.

Лихарь некоторое время молчал.

– Учитель, ты мудрый, – прошептал он затем. – Когда я ещё таким стану...

Ветер прошёлся туда-сюда.

– Мудрости во мне немного, – сказал он. – Надо просто ничего не бояться. А боишься – не показывать. Они ищут силы и клюют того, кто явит слабинку. Дашь почувствовать, что боишься насмешек, – тотчас засмеют. Ещё придёт время открыть им, что ты тоже можешь быть уязвимым. Но так открыть, чтобы только прочней к себе привязать.

– Объясни, учитель...

– Ну вот если бы это я вилами получил, ты что сделал бы?

Лихарь приподнял голову, глаза болезненно и страшно блеснули.

– Сжёг бы в доме этого Недобоя со всем родом... Чтобы ни семечка, ни ростка... – Стень запнулся, глаза померкли, он тихо сказал: – Ты думаешь о том, что сделал бы Ивень...

Ветер усмехнулся, покачал головой:

– Скажем так, ты не бросился бы меня добивать, чтобы самому стать источником.

Голос Лихаря наполнился страданием.

– Учитель...

– С тобой я этого добился, – сказал Ветер. Задумчиво кивнул. – Добьюсь и с другими, даже с правобережником.

Стень уткнулся в подушку, промолчал. Рука опять поползла натянуть одеяло, но остановилась.

– Ты был сиротой, – продолжал Ветер. – Сиротское дело понятное: кто куском поманит, за тем потянет. А дикомыт... одно слово, дикомыт. Он родительский сын, и я его приневолил. Если уж этот у меня из рук есть начнёт, значит я впрямь стою чего-то.

Лихарь опять не ответил, только начал дрожать. Подсохшее было пятно на повязке вдруг наново промокло, стало быстро расти.

Ветер сразу оказался подле ученика.

– Терпи, – велел он.

Стал закручивать жгут.

– Учитель... – прошептал Лихарь. – На что выхаживаешь? У тебя Ивень был... теперь этот вот... не я...

Пятно перестало расползаться. Ветер погладил стень по мокрым встрёпанным волосам.

– Дурак ты, – в который раз повторил он. – Не был бы ты мне нужен, стал бы я тебя всё время ругать!

Приснившаяся жизнь

К полудню перед воротами крепости стояла на коленях вся семья Недобоя. Ворота были раскрыты, но люди не решились войти. Бухнулись на талую землю, едва ступив в зеленец. Сам Недобой, в одночасье осунувшийся и постаревший. Пережитая ночь, несомненно, подбавила острожанину в бороду седых волос. Старший сын, беспомощный и свирепый, сжимал кулаки, как мог обходил взглядом молодую жену. Та молча раскачивалась, опухнув от слёз. Вот это было горе так горе, света невзвидеть, куда там её прежним кручинам. Впереди всех клонил белую голову старенький отец Недобоя. Бабка с матерью обнимали Лутошку, зачем-то связанного – и так избитого, что еле открывались глаза.

Они стояли как раз под деревом Ивеня.

– Добили Недобоя, – пробормотал Ознобиша.

Младшие ученики смотрели вниз, сгрудившись на стене.

– Парня теперь, знамо дело... – Хотён завёл руки за спину, согнулся, высунул язык.

Пороша тоже согнулся, стал хохотать, хлопая себя по бёдрам.

Ознобиша сглотнул, замолчал, отвёл взгляд.

– А двор небось на шарап! – У Пороши загорелись глаза, он ещё ни разу не видел, как отдают на разграбление двор, тем более не участвовал.

– Нас-то всё равно близко не пустят, – шмыгнул носом Шагала.

Он был деревенским сиротой и не отказался бы порыться в нарядных красивых вещах, которые в руках даже никогда не держал.

– Вешать не за что, – рассудил Воробыш. – Он же не отступник.

Пороша заспорил, отстаивая казнь:

– Он сына Мораны убить хотел. Значит, вроде как на Неё посягнул.

– Так не убил же? Лихарь ещё, может, встанет...

Ребята примолкли, раздумывая, кому чего бы хотелось. На Великий Погреб Лихаря проводить – или здравствовать ему, вставшему? Ветра они трепетали... и, пожалуй, любили. Лихаря – просто боялись.

Ощутимая возможность перемен притягивала и пугала.

Воробыш нечаянно выразил общую мысль:

– А кого, если вдруг, учитель новым стеном к себе...

– Белозуба, – предположил Хотён.

– Да ну! Одноглазого?

– И опалённый он, за стол последним садится.

– Тогда Беримёда.

Тут сморщился даже Пороша.

– Сквару, – хихикнул Шагала.

Пороша замахнулся дать подзатыльник.

Несчастные острожане маялись возле страшного дерева, не смея ни приблизиться к воротам, ни податься прочь. Что станут делать, если до ночи никто к ним так и не выйдёт? А колени занемеют или, паче того, нужда телесная подопрёт?

– Поясок бы цветной, – размечтался Шагала. – Ложечку костяную...

– А что не серебряную?

– Да серебряную кто ж даст...

– Ознобиша! Ты все законы на умах держишь, скажи!

Подстёгин сын зябко поёжился, втянул руки в рукава:

– Законы-то есть...

Андархская Правда напоминала ковёр, ткавшийся немало веков. Люди, вязавшие на том ковре узелки, видели всякое. Они давно вывели, какая вира надлежала за удар кулаком или за тычок ножнами, из которых не достали меча. Они в точности определили, сколько плетей заслуживал пойманный тать и что делать с насильником, прилюдно опростоволосившим бабу. И главное, какая продажа полагалась от судебного действия городскому державцу.

Одна беда: ни в каком законе даже словом не говорилось о мораничах. Кем в глазах андархской Правды был стень? Если благочестным жрецом, Недобоеву сыну могло выйти битьё кнутом без пощады. А если считать Лихаря воином, кабы самому не начали пенять и смеяться: от подлого мальчишки оборонить себя оплошал!

И выходил праведный закон вроде дышла. И поворачивать его волен был Ветер, державший расправу в Пятери и ближних к ней деревнях. Так-то.

А Ветер как затворился с больным Лихарем, так и не казался наружу.

Лёгкок на помине, подошёл Беримёд.

– Дикомыта не вижу! – рявкнул он, оглядев притихшую стайку. – Где шляется, бездельюга?

Шагала с облегчением вытянул руку:

– Да вон бежит.

Сквара вправду рысил через внутренний двор – босиком, держа в руке поршни. Обувка выглядела сухой, зато в волосах и на одежде таял снег.

Развесить одёжу у нагретой стенки не удалось. Окрик старшего

ученика перехватил Сквару на полдороге к сушильне.

– Где шатаешься, когда нужен?

Скваре не терпелось в тепло, поэтому ответил он дерзко:

– На что нужен-то?

Судя по лицу Беримёда, лишь срочность дела уберегла Сквару от оплеухи.

– Ступай до господина источника, – сдержавшись, велел старший. – Скажешь, виновные за приговором пришли. Спросишь, нам их в шею гнать или в холодницу ввергнуть, пока ему недосуг!

У Сквары тоже не было никакой охоты лезть на глаза Ветру. Однако показывать это Беримёду хотелось ещё меньше. Он нахмурился, положил поршни и скоро уже входил в Торговую башню.

Дверь в покои Лихаря была, конечно, плотно закрыта. Сквара вздохнул поглубже, поднёс к тёмным старинным доскам согнутый палец.

Изнутри не ответили. С волос на спину противно текло.

– Громче стучи! – прошипел Беримёд.

Поперечный дикомыт, конечно, послушался. Взялся за ручку, потянул дверь.

Если у Ветра передняя хоромина была сплошь обита коврами для тепла и уюта, то Лихаревы палаты казались нежилыми. Не опочивальня, а храм воинствующего воздержника. Оружие на голых стенах, развешанное не красоты ради, а так, чтобы удобней схватить, заголовожно вскакивая с постели. Ничем не украшенный образ Справедливой Матери Всех Сирот в западном углу. Несколько книг, всё хвалебники и наставления в вере, выглядевшие так, словно их давно затвердили наизусть.

Лихарь лежал на лавке лицом вниз, заботливо укутанный в одеяло, кроме схваченного повязкой седалища. Даже тюфяк под ним казался чужеродным. Пока не ранили, спал небось на голых досках, укрывшись рогожей. Скваре бросилось в глаза подсохшее пятно на левой половине повязки. Ветер дремал, сидя на полу, припав головой к тканым полосам на бедре Лихаря. Чтобы сразу почувствовать, если повязка промокнет.

Сквара хотел подойти, тронуть учителя за руку, но стоило сделать шаг, как тот открыл глаза сам. Перво-наперво поднёс к губам палец, указывая взглядом на измученного стена.

Сквара кивнул, тихо приблизился, сказал без голоса, одними губами:

– Недобой пришёл... Старые старинушки на коленях стоят.

Он знал – учитель поймёт. Несколько мгновений Ветер что-то обдумывал. Потом испытал новое умение ученика, спросив так же

беззвучно:

– Сам вымок где?

– По Наклонной лазил... Иней сшибал.

– Посидишь с ним, – приказал Ветер. – Двигаться не позволяй.

И быстро вышел за дверь.

От долгого коленченья зашлись уже все ноги, не одни старческие. Когда вышел Ветер, острожане сидели на земле, пугливо теснились друг к дружке. Одна Маганка то ли сама не шла к остальным, то ли не пускали её. Да ещё Лутошка, скорчившись, лежал там же, где в самом начале. Когда перед лицом прочавкали сапоги котляра, он завозился, пытаясь перевернуться, но помешали верёвки. Мать дёрнулась было к младшему. Под взглядом Ветра замерла, отважилась лишь тихонько подвывать, закусив согнутые пальцы.

Мимо тянулись по земле рваные клочья тумана.

– Милостивец... – ткнулись в ноги Ветру трое мужчин: рыжак, полуседой и совсем белый.

Ветер обошёл их, остановился над молодёнкой.

– Эта женщина единственная из вас оказала потребное уважение сыну Владычицы, – проговорил он негромко. – Впрочем, она тоже его бросила, вместо того чтобы подать помощь. Где вы все болтались, пока он истекал кровью?

Ответить было нечего. Маганка раскачивалась, заслонив локтями лицо. Мужики не смели оторвать лбов от земли. Волосы у деда были тонкие, лёгкие, утратившие живую упругость, шея – слабая и морщинистая. Мать с бабкой заплакали громче, видно поняв: ничем хорошим дело не кончится.

– Раньше надо было выть, мамонька, – по-прежнему вполголоса обратился Ветер к большухе. – Твой младший сын, не обученный чтить хранящее крыло Справедливой, пойдёт в кабалу. Если кабала окажется для него слишком тяжкой, я отдам тело.

Женщина схватила себя за щёки, с криком рухнула наземь. Старик потянулся к сапогам котляра:

– Милостивец...

– Милостивцем я был прежде, – сказал Ветер. – Пока думал, что в острожке Недобоя нам добром платят.

Двое крепких межеумков подняли связанного Лутошку, повели к воротам. Он не пытался противиться, только ноги всё время подламывались. Парни его не вели, а больше тащили. Лутошка без конца оглядывался на своих, пока ещё мог их видеть через плечо. Сейчас он

проснётся на знакомых полотах. Развеется затянувшийся бред, всё станет как было. Вот прямо сейчас...

Знать бы Лутошке, что Лихаря тоже одолевал мучительный морок. Стеню вновь было девять лет. Городскую улицу заливало неистовое солнце. Беспощадно яркое вместо хранительных сумерек, которые он с тех пор так любил. В пыли под ногами металась короткая тень. Оборвыш прижимал языком украденную монетку, уже понимая, что забиться в тихий уголок и спокойно оценить добытое богатство ему не дадут. Сзади мчалась погоня.

Сирота, ещё не звавшийся Лихарем, всё прибавлял ходу. Спёртый предгрозовой воздух не достигал лёгких. Какая-то часть его существа знала: это не совсем явь. Память взрослого подсказывала, как будет дальше. Он ведь отлично знал все дворы вблизи торгового, все выходы и лазейки. Сейчас он юркнёт в переулок... и там почти сразу налетит на взрослого незнакомца. Трепыхаясь в могучих руках, он поймёт, что это конец, но конец обернётся началом, ибо Ветер оглядит его с головы до пят – и спокойно скажет подоспевшим преследователям:

«Именем Справедливой Владычицы и по праву, вручённому праведными царями, я забираю это дитя...»

И блеснёт на солнце знак Матери, вытасценный из ворота за гайтан...

Так случилось наяву, так всегда повторялось во сне, но на этот раз глухие заборы бесконечно длились по сторонам, не спеша открывать спасительный переулок. Сзади бросили камнем, боль от удара зарницей полыхнула перед глазами. Мальчишка бежал и бежал, подволакивая левую ногу и чувствуя, как из телесного низа распространяется волна дурноты. Когда наконец в заборе отворился проход, он метнулся туда... и тотчас оказался на земле, а левое стегно сдавила тугая петля. Монетка вылетела изо рта, оборвыш забился, пытаясь схватить её, но сильные руки вдавили в уличную пыль... и это не были руки учителя. Лихарь заплакал от обиды и отчаяния, приподнял голову... увидел над собой дикомыта.

Вот это уже была самая последняя гибель, какая только бывает. Бесповоротная, страшная. Сирота девяти лет от роду понял, что вся последующая жизнь ему только пригрезилась. На самом деле он умер здесь и сейчас, в заплёванном переулке, в лиловых проблесках молний.

Ногти царапали пыль, он тянулся к монетке, но никак не мог её ухватить...

– Горячка, – сказал вернувшийся Ветер. Отнял ладонь от лба стены. Мельком глянул на затянутый жгут, кивнул Скваре. – Ты всё правильно сделал. Ступай.

Опёнок помялся, не торопясь уходить:

– Учитель, воля твоя... Может, ещё чем подсоблю?

Ветер уже разводил в чашке тёмную жидкость, пахнувшую болотными зельями и тревогой. Он сказал:

– За кабальным пригляди. Холопишко мне целым потребен.

Примкнутый в холоднице на ошейник и оставленный в одиночестве, Лутошка некоторое время просто дрожал, стуча зубами, как наказанное животное. Потом начал оглядываться.

Оттуда, где он сидел, невозможно было рассмотреть, что делалось за окном. Только размытый дневной свет на каменной кладке. Ещё снаружи тянуло по полу сквозняком и вроде бы доносились голоса, но ничего внятного несчастный Лутошка расслышать не мог. Лишь представлял себе, как много-много дней будет встречать и провожать этот недостижимый свет. У него вырастет борода. Сперва она будет рыжая. Потом поседеет. А он так и не узнает, что там, за окном.

Или наскучит им кормить никчёмного узника, возьмут сведут на Великий Погреб, где во времена Лутошкиного младенчества жертвовали людей. Затепят дымный костёр, наточат ножи...

Кабальному стало до того жалко себя, что он тихо заплакал. Слёзы щипали расквашенное лицо, кровяными потёками впитывались в заплатник. Цепь не давала обхватить руками колени, уткнуться в них лбом. Кулаки отца. Кулаки брата Лиски... Глаза у обоих были злые, полные страха и... чужие какие-то... а ведь он заступиться хотел за Лискину жёнку...

Душа, придавленная непомерным грузом, сжималась в комок. Лутошка перестал скулить, постепенно то ли забылся, то ли заснул.

Пробуждение оказалось не из приятных. Кто-то приподнял ему голову и хозяйски ощупывал челюсть. Лутошка рванулся, открывая глаза. Мутный свет из окошка еле мрел синевой, зато рядом ярко горел жирник, поставленный на каменный пол. Около огня что-то делал юный моранич, на вид почти ровесник Лутошке. Парень постарше, худой и долговязый, держал узника за волосы. Перепуганный Лутошка рассмотрел в руках младшего блестящие кривые иголки. Весь прочий мир разом перестал существовать. Обневоленный кое-как разлепил губы, сипло проблеял:

– Пытать будете?..

Голос прозвучал до отвращения жалобно.

Ребята переглянулись.

– А как иначе, – скорбно вздохнул маленький. – Надо же нам вызнать,

как ты вилы отгонял, где точило запрятал...

Лутошка заёрзал, заметался возле стены. Иголки кроваво переливались в свете огня. Длинный разомкнул ошейник, хмыкнув:

– И главное, мамкину складницу на горлодёр...

Эти слова Лутошкиных ушей уже не достигли. Он вскочил, неловкий на замлевших ногах. Бросился к двери. Старший моранич остался на месте, лишь засмеялся. Маленький шагнул наперерез. Этот не казался грозной помехой. Лутошка успел прикинуть, куда побежит, вырвавшись от мучителей. Домой нельзя, дома брат с отцом снова будут бить да, пожалуй, обратно приволокут...

Он влетел лицом в пол. Ещё ничего не поняв, попытался снова вскочить. Не вышло. Хлипкий с виду парнишка сгрёб его умело и цепко, вывернутая кисть держала надёжней всякой цепи. Лутошка смог только голову на сторону перекатить.

Подошёл длинный. Одобрительно посмотрел на дружка. Чуть-чуть поправил его хватку, отчего Лутошка мало не взвыл. Потом сказал пленнику:

– Иди сядь, дурень. Губу тебе зашьём, пока в заячью не превратилась.

– Смирно утерпишь? – ехидно спросил маленький и выпустил пойманную руку. – А то связать?

Какое-то время Лутошка лишь тяжело переводил дух, потом пробурчал:

– Утерплю...

Младший моранич вооружился иголкой. Лутошка напрягся всем телом, зажмурился – и не оплошал, не дёрнулся прочь, хотя из-под век временами брызгали слёзы. Пусть знают, что не у них одних в крепости отвага живёт.

Злодеи ещё протёрли шов каким-то жидким огнём. Лутошка открыл глаза. Он сидел в горячем поту, но знал, что холод скоро вернётся. Он кашлянул, не веря голосу:

– Я теперь тут жить буду?

Мораничи засмеялись, ответили разом.

– Не, тут нас казнят, – сказал длинный.

У него была окающая северная помолвка и приметные глаза: прозрачные, впрозелень голубые.

– Это он через день тут живёт, – кивнул на дружка маленький. У него приметными были волосы, отливающие пепельным серебром. – А тебя учитель велел в старую кладовку возле поварни.

Лутошка пощупал зашитую губу языком:

– В приспешники, что ли?

Кабальная доля уже не казалась такой беспросветной, как днём. Да и мораничей он, видно, зря посчитал жестокими изуверами.

Они снова переглянулись.

– Учителю не до тебя ныне, – сказал долговязый. – Выйдет, к делу приставит.

А младший добавил:

– Молись пока, чтобы Лихарь поправился. Тогда поживёшь.

Надписи на стенах

Чужая наставница с тремя ученицами появилась на пороге до того буденно, что Сквара поневоле вспомнил, как в Житой Росточи ждали пугающе-праздничного явления котляров... а дождались одного Ветра, вышедшего из тумана. Другое дело, Ветра они там не скоро забудут. Однако на сей раз речь шла о женщине. О едва заневестившихся девчонках. Уж их-то, верно, привезут если не в болочке, заложенном оботурами, так на санках о десятке собак?.. И с отрядом верных, конечно. Лепое ли дело бабе с девками – да одним?

С Дозорной башни подали весть о путниках на заливе, но никто особо не забегал. Ну, вышли встретить к воротам... И они, снимая лыжи, прошли под каменной перемычкой – четверо в меховых рожах, заиндевелых с мороза. Передовой чуть повыше, а так одинаковые. Все в короткополых зипунчиках, в стёганных штанах, подбитых кужёнкой. Беримёд и старшие ученики с поклонами приняли саночки, которые захожни в пути тащили по очереди. Тут-то Сквара сообразил: вот они и пожаловали, чаемые, важные гости.

Немного позже это подтвердил Лыкаш, всё как есть разузнавший:

– Учитель госпожу Айге сестрой величал, локотницы скрещивал...

– Ты не про бабнищу нам, ты про девок!

– Что девки, – насупился Воробыш. – У источницы за спиной смиренно стояли. Лиц попусту не казали...

Хотён и Пороша с Бухаркой немедленно приосанились, стали гордо поглядывать. Они первыми прибежали тогда в притон, и Беримёд это видел.

– А ты двор мети, – посмеялся Скваре Хотён. – Такой двор гости увидят, даже из милости ножками не коснутся!

Опёнок новыми глазами оглядел двор, в самом деле затоптанный. Подумал, пошёл за метлой.

– Потом трапезную осветишь ради нашего пира, – долетел сзади Бухаркин смех. – Не то скажут – гвазды жить поселились...

Тут вышел Беримёд, и до блеска отмывать застольный чертог выпало самим победителям. А Сквара, передав метлу Ознобише, побежал править нож. Из ближнего острожка уже доставили двух кормлёных молодых коз. Скваре с Лыкашом было велено их забить.

Занимались они этим в чёрном дворике за поварней. Там же,

под навесом, разгорались вкопанные в землю андархские печи. Огонь пылал в огромных глиняных корчагах, казавших на поверхность лишь жерла. Когда дрова прогорят, жерла замкнут крышками, дадут выстояться... И ещё бросят вниз пахучие ветки и листья, чтобы напитать мясо вовсе уже немыслимым духом...

Лыкаш вывел первую козу, серую, с ремнём вдоль спины. Она упиралась и блеяла, не веря незнакомым рукам, но особо испугаться не успела. Сквара быстро зажал её между коленями, взял за подбородок:

– Направь руку, Владычица...

Нож легко вдвинулся под ухо, достав позвонок. Острое лезвие мигом рассекло сонные боевые жилы с гортанью. Кровь забулькала, изливаясь в корыто. Сквара вздохнул. Ножом, что подарил ему Ветер, он с самого начала не пользовался за едой.

– Вот бы с нутряным салом запечь, – стараясь не упустить наземь ни капли, размышлял Лыкаш. – А можно добавить всяких обрезков, рубленых жил, зелёного чеснока... колбасу сделать...

Вторую козу, белую, пришлось тащить за рога, потому что под навесом уже раскачивалась знакомая полоса на серой спине. Сквара не стал зря пугать и неволить козу, ударил в сердце. Лыкаш живо накинуд на задние ноги верёвку. Тушу подняли, открыли горло, в корыто полилась новая кровь.

Опрятавали наперегонки, состязаясь, кто меньше оставит прирези на козлине. Забой случился врасплох, поэтому кишки у обеих коз были полны. Чтобы извлечь их, не попортив ни мяса, ни требухи, нужно было умение.

В отдельную лохань сложили лакомые черева.

– Ты желудки чинёные едал когда? – спросил Лыкаш.

Сквара подумал, ответил:

– Дома. Давно.

Лыкаш тоже задумался.

– Меня когда провожали, – проговорил он затем, – мама козьи желудки водяным ежовником чинила, самым добрым. Запекала, чтоб с корочкой... Помню, жевал... а во рту какво было – хоть убей...

Сквара попробовал вспомнить, что последний раз ел дома. Не вспомнилось. Они ведь предполагали вскоре вернуться. Кто будет думать о том, чем завтракал перед дорогой?

Передав готовые стяги приспешникам, Опёнок вымыл руки, пошёл глянуть, как там Лутошка с его штопаной губой, не клонится ли нарывать. Лутошка сидел бодрый. Бережно, здоровой стороной рта, ел что-то

из чашки.

Он, правда, так шарахнулся от скрипа двери, что едва не рассыпал снедь по полу.

– Вас тоже этим кормят? – спросил он, когда Сквара выпустил его губу, сел рядом на корточки.

– Чем?

– Да сырьём.

Опёнок заглянул в деревянную чашку. Там были крошёные водоросли, прозванные в память овощей, из обычных давно ставших привозными и многоценными: капуста, репа, боркан.

– Не всегда, – сказал Сквара. – Ещё пареное в праздник дают. Только учитель всё равно говорит, что от сырья вернее мочь прибывает.

Лутошка неуклюже пошутил:

– Я уж решил, мне по заячьей губе и харч заячий... – Потом жадно спросил: – А чем тогда из поварни пахнет?

Сквара выпрямился:

– Так пир ныне. Гостям почесть.

Лутошка смотрел с завистью. Рассказывать кабальному, что младшим ученикам с того пира не достанется даже объедков, Опёнок не стал. Ещё не хватало!

Мытная башня отстояла от житой доли крепости дальше всех остальных. Туда не было пути по стене. Прясла разорвали трещины, а мостиков никто не навёл. Не было пути и дворами. Выходы горячих ключей образовали перед башней болото, ржавое, мёртвое, опасное. Сквара попытался обойти его с одной стороны и с другой, полазил по ненадёжным, скользким от постоянной сырости развалинам палат и внутренних стен. Здесь приходилось прятать лицо от вонючего удушливого пара, не предназначенного для человеческих лёгких. На самом деле Чёрной Пятери досталась удача, выпадавшая далеко не всем людским поселениям: горячие кипуны пробудились прямо под крепостью. Только добрыми и животворными были не все.

Огромные куски кладки вырвало и выломало – где по швам, где как попало, расколов неподъёмные чёрные кабаны. Беда, слизнувшая всю середину Андархайны со столицей Фойрегом и царским двором, до северных окраин докатилась, можно сказать, лёгкими щелчками. Всего-то сожгла половину лесов, исковеркала землю и смяла каменные палаты, как дети мнут кусок сыра в горсти.

Ветер говорил, в Чёрной Пятери многие уцелели. На юге люди гибли

целыми городами, едва успев испугаться. Каменные твердыни плавились в небесном огне, оплывали, текли, вспыхивали погребальными пламенами для всех, кто ещё вчера любил, ссорился и надеялся под синим солнечным небом... Общий костёр поглотил вельмож и бродяг, святых жрецов и бессовестных богохульников. Праведного царя Аодха Четвёртого и царицу Аэксинэй ныне благоговейно величали Мучениками. Шёпотом передавали сказ о спасённом наследнике, который вот уже совсем скоро объявится людям и чуть ли не солнце в небо вернёт...

Подземелья в Чёрной Пятери были столь же запутанные и опасные, как остатки верхних палат. Холодница, где новым ложкам поначалу было так обидно и страшно, на поверку оказывалась далеко не самой лютой темницей. Это мальчишки поняли уже давно. Настоящая тюрьма располагалась на два жилья ниже. Туда с поверхности не доносилось ни звука. По стенам каморок виднелись полосы, оставленные водой. Если сравнивать, в холоднице впору было веселиться-плясать...

Тут, что ли, кого-то молил отдать вину попущеник Галуха?

«Гедах... И ещё этот... Кен... Фин...»

В самом дальнем зауголке зияло отверстие вроде того, у которого в лесном притоне ёжился Ознобиша. В прежний поход туда спустился было оттябель Пороша, но сразу выскочил вон. Скользкие каменные ступени вели в суций мешок с единственным выходом посреди свода. Гнездарь не успел даже как следует осмотреться внизу – у него начал гаснуть светильник. Скваре тоже хотелось сойти в таинственную палату, но было некогда. Они тогда снимали с петель и вытаскивали прогнившие двери каморок.

«Узников ждут, что ли?» – спросил Ознобиша. Спросил довольно спокойно, уже убедившись: крови Ивеня здесь не найдёт. Однако вопрос вышел зряшным. Ответ можно было предвидеть.

«Ага, – похлопывая палкой по ладони, сказал межеумок. – Кое-кого, кому холодница дом родной. Здесь-то песни орать небось не захочет...»

На самом деле тюрьма в крепости была невелика. Не какое следует узилище, так, неволька. Всего дюжина камор, потому что андархи любили считать дюжинами. Кого им тут было держать во времена Царского Волока? Купеческого охранника, спьяну подравшегося с ватажниками, помогавшими на перетаске? Невмерно хитрого торгована, утаившего тёмный товар?.. А теперь кого накрепко замыкать собрались, не Лутошку же?..

Двери в невольке затеяли выправлять после гибели Космохвоста. Попадись царский рында Белозубу сегодня, они бы со Скварой могли

совсем разминуться.

«А если бы атя тогда Светела послушал и домой нас увёл, с Ветром тоежь бы разминулись...»

Думал он об этом без прежней боли. Как ни противился – домашнюю жизнь понемногу затягивало пеленой. Раньше, что ни случись, Сквара тотчас принимался подбирать красные слова: своим рассказать. Теперь этот обывк вспоминался всё реже.

Ещё в тот раз Опёнок мельком заметил письма, процарапанные на стене одной из камор. Только присматриваться было недосуг.

Он подкрутил фитилёк, чтобы лампа давала побольше света. Стал по очереди отворять двери.

Неведомый обитатель самой первой каморы просто скрёб на стене чёрточки, собирая их в седмицы, а те – в месяцы... Просто? После своих отсидок в холоднице Сквара имел представление о твёрдости здешнего камня. У бедняги небось полдня уходило только на то, чтобы чёрточка стала заметной. А как он в тишине и темноте определял прохождение суток? Обходы стражи считал – да была она здесь, стража-то? Замечал ключника, черпавшего жидкую кашу?..

Сейчас во дворик возле поварни небось как раз несли козы тушки, должным образом выдушенные в пряной жиже, благоухающие, увязанные на цепи. Во дворике их ждут прокалённые печи, старик Опура хлопочет над тазиком глины – замазывать крышки...

Настенные отметки не содержали ни единого слова, но Сквара почему-то долго не мог от них отойти.

«А мы с Космохвостом сколько тогда в холоднице модели? Два дня? Три?...»

Он попытался сообразить, сбился, положил себе чертить на стенах покаянной, когда его туда снова засадят. Попробовал вычислить, много ли с тех пор прошло времени и когда погиб Дрозд. Поскрёб пальцем усы, ещё ни разу не стриженные.

Столбцы седмиц начинались высоко под потолком. Узник, похоже, не ждал скорого избавления. Если вообще ждал. Чтобы дотянуться до верха, он вставал на топчан, поднимался на цыпочки. Ощупью тёр камень маленьким отломком, найденным на полу. Стоял и царапал, время от времени опуская передохнуть затёкшие руки... По сути, бессмысленная меледа, но что ему ещё было делать, за что зацепиться умом?.. Может, он песни пел, в другие каморы кричал, если там тоже кто-то сидел...

Чёрточки узник выводил некрупные, ровные, даже изящные. Видно, привык всё делать на совесть. Вверху столбцы седмиц были очень

опрятными. Ниже – постепенно теряли стройность, по мере того как слабела царапающая рука. Самый нижний и короткий ряд попортила плесень. Чёрточки шатались, как больные, потому что их очень неудобно было наносить сверху вниз, спасаясь от воды на поставленном торчком топчане. Последняя царапина так и осталась незавершённой. Сквара заново осмотрел стену, навскидку подсчитывая столбцы. Получилось около двух лет. Потом обитатель каморы, должно быть, умер, ведь после Беды стражники наверняка разбежались, не позаботившись освободить вязней. Человек, упорно продолжавший отмечать время своего заточения, захлебнулся в воде, надорвался кашлем, зачах с голоду...

«А волшебство Мораны ещё и души не отпускает, – зловеще подвывая, рассказывал из-под одеяла Лыкаш. – Так и мыкаются в крепостных подземельях, стонут, вздыхают, выхода не могут найти...»

Сквара тоже вздохнул, осторожно притворил за собой дверь. Сидя в холоднице, он, по крайней мере, знал, что заточение не до века. И там был свет из окна. И дымоход, в который Ознобиша спускал ему добытые свёртки.

Вот так ребяшня играет в войну, геройствует понарошку, понятия не имея о настоящем немирье...

Вторая и третья каморы выглядели так, словно здесь никогда никто не сидел. В четвёртой Сквара нашёл то, что искал. Светильник, поднятый над головой, озарил красивую и чёткую андархскую вязь. Всего несколько строк, но работа, опять же навскидку, стоила целой стены седмичных столбцов.

Каждый рождённый узрит впереди смерть.
Жил да был жрец, прозывался Гедах Керт.
Царственноравного рода последний сын
Новым делам положить надумал зачин.
Нашей Владычице славу он, как умел,
Вечную хорошо ли, плохо ли пел.
Правдой и счастьем в устах звенели слова,
Только в отплату за них легла голова.
Жрец прозевал наступленье строгих времён:
Прямо из храма в оковах был уведён.
Круг Мудрецов...

Сквара прочитал выцарапанное ещё раз. Гедах... Гедах. Царское имя.

Было видно: позже надпись силились сбить, но не совладали, с досадой оставили. А последняя строчка выглядела такой же шаткой, как нижние метины из первой каморы. Человек даже перешёл на скоропись, больше не думая о красоте букв. И всё равно не успел, погубленный болезнью, голодом, подступившей водой.

«А мог бы я Космохвоста как-то спасти? Если бы уже взрослым был, как теперь, сильным, чтобы одним шлепком с лестницы не сшибить...»

Что-то трезво подсказывало: и в этом случае они разве улеглись бы рядом в снежную слякоть. Но Сквара счастливо унёсся из полутёмной каморы на снежную ночную дорогу, увенчанную опасным раскатом, и царский рында тяжело валился ему на плечо, сиплым шёпотом объясняя, как разыскать Сеггара.

Годы скользят, как тени во мгле.
Каждый оставит след на земле.
Дело вершил, а может, делишки,
Стоя у крышки?

Неведомо откуда взявшийся ток сквозняка шевельнул волосы, холодом коснувшись затылка. Деревья и скалы тут же сменились унылыми чёрными стенами.

«Кого живого увидят, за ним следом идут, – вещал в темноте опочивальни Лыкаш. – Догонят и по волосам трогают, ажно глядь, а там седина пятнами, как от перстов следы...»

Сквара быстро оглянулся, поднимая светильник, но, конечно, между ним и дверью никого не было.

– Гедах Керт! – окликнул он вслух. – Это ты, что ли, балуешь? Как тебя выпустить? И второго... который Фен... то есть Кин...

Ответа не последовало. Может, где-нибудь просто открыли дверь. Или с Наклонной опять сошёл иней, отозвавшись движением в продухах и трещинах камня. Сквара нахмурился, покинул камору, направился к дальнему зауголку.

Он был почти уверен, что древоделы для этого лаза тоже соорудили прочную западню, да с замком. Ничуть не бывало. Круглая дыра в полу зияла как прежде. Ветер с Инберном не увидели нужды её закрывать-замыкать, почему?..

Сквара чуть вслух не рассмеялся простейшему объяснению. Примером, смелый Пороша лазил в тюремную, так сказать, порошицу –

какой-нибудь смывной колодец с наклонным ходом в залив. Чтобы ключнику выплёскивать поганые вёдра, не оскорбляя их видом воинов и господ.

Лампа бросала отсветы на скользкие крутые ступени. Дальше залегал вещественный мрак. Сквара начал спускаться. Как только светильник оказался ниже уровня пола, огонёк затрепетал, готовый сорваться с фитилька. Сквара поспешно вытянул руку вверх. Маленькое пламя немедленно успокоилось, встало ровно и ярко. Сквара повторил попытку. То же самое.

Бывают, говорят, в пещерах мёртвые воздушы, которые не то что светильники – жизни погасить норовят...

Пожав плечами, он поставил светильник у края, сошёл в темноту.

Эта камора отличалась от остальной тюрьмы, как та – от холодницы для непослушных. Вода, оставившая следы наверху, в подтюремке так и стояла. Сквара присел на корточки. Увидел в чёрном зеркале свою следь, выглянувшую из Исподнего мира. Дотянулся пальцем, разбил отражение. Эта вода не имела отношения к горячим ключам. От неё веяло зимней прорубью. Стены смыкались над головой подобием купола, усеянного начатками капельников. В одном месте прочная кладка всё-таки не выдержала, частью обрушилась, породив горку битого камня, торчавшую над поверхностью. Сквара болтал в воде негнувшимся пальцем, раздумывая, зачем бы смывному колодезю лестница по стенам. Чтобы прочищать, если забьётся? Такой-то широкий?.. Взгляд всё возвращался к каменной гряде. Торчала бы она тут, будь камора в самом деле колодцем...

Разувшись, Сквара ступил в воду. Ступенька. И ещё ступенька... Штаны пришлось задрать выше колен. Сквара уже решил вернуться с верёвкой – и в это время что-то облекло босую ступню, сомкнувшись потусторонним пожатием. Сквара заорал во всё горло, успел подумать о том, что крик никто не услышит, судорожно взбрыкнул, отбиваясь, окунулся с головой.

Вместо бездонной дыры в Исподний мир под ним оказался надёжный каменный пол. Усыпанный обломками, обросший плотной слизью, цепкой, словно шелковистые пальцы. Сквара, барахтаясь, вынырнул и сразу вскочил. От пережитого страха дыхание рвалось из груди так, словно он кругом крепости три раза во всю прыть обежал. Потом стало холодно и обидно.

– Ну тебя совсем, Гедах Керт, – с укором сказал он давно погибшему узнику. – Не стану больше расспрашивать, как тебя отпустить!

Голос противно подрагивал. Сквара уже повернулся к лестнице, к светильнику, приветливо горевшему наверху... мокрой шеи коснулось знакомое дуновение. Сквара оглянулся, опять стал смотреть на грудку обломков.

– Ладно, – кашлянув, неловко проговорил он затем. – Нечего было глумиться, я бы и не ругался. Жди теперь, пока снова приду.

Он только переоделся в сухие порты, развешивал рубашку возле тёплой стены, когда в дверь сунулся запыхавшийся межеумок:

– Опять шатаешься неведомо где, когда надобен!

Сквара не знал за собой никакой вины.

– На что зандобился-то?

Ознобиша или маленький Шагала за такой ответ выхлопотали бы кулаков, но со Скварой межеумки больше не связывались.

– Учитель зовёт, – сказал гонец. – Да не бавься, живой ногой!

Мог бы не турить. По зову источника всякий мчался без промедления. Сквара бросил мокрые штаны на пол, только спросил:

– Куда, в трапезную?

Перед глазами успело мелькнуть видение пира вроде того, что сладили в Житой Росточи. Жаркое, калачи, стопки блинов... Даже повеяло запахом съедобных обрезков, которых им со Светелом не досталось попробовать.

Межеумок бросил нетерпеливо:

– В какую трапезную, олух! В Торговой сидят, у стена в покоях.

Сквара убежал вон и скоро уже стучал в знакомую дверь.

Жилище Лихаря, тесное, скудное, неудобное, плохо подходило для встречи гостей. Однако Ветер распорядился накрыть почестный стол именно здесь. Стеню уже стало заметно лучше, но не настолько, чтобы выйти и сидеть на пиру. Кого другого можно было бы с прибаутками отнести на руках, устроить мягкое ложе. Одна беда: Лихарь смеяться почти не умел, а над собой и подавно. Кабы по пути совсем не умер от унижения!

Он лежал на правом боку, опираясь на свёрнутое одеяло. Появление дикомыта его мало развеселило, но Скваре было не до злорадства. Он был способен смотреть только на захожниц.

И вот эту женщину, гибкую, скупую в точных движениях, парни на мах обозвали бабнищей?.. Правду сказать, в Твѣрже госпожу Айге ещё не так обозвали бы, особенно прежде Беды, когда жизнь шла чинно, святым обыком старины. Стриженный волос с проседью и голова проста... как есть самокрутка, да кабы не подстѣга, если по-левобережному. А уж принаряжена! Сверху узкий, вперехват, шугаёк, из-под него, срам глядеть,

мужские шерстяные штаны...

Ну и смейся, у кого глаз нет увидеть, что во всей Пятери с госпожой Айге один на один совладал бы лишь Ветер. Сквара низко поклонился, не отходя от порога. Опять вылупил глаза. Покраснел от собственной неучтивости и ещё больше оттого, что спрятать взгляд было превыше сил. Девки, замершие рядком ошую источницы, казались близняшками. Худенькие, прямые, с тонкими скуластыми лицами, с одинаково убранными волосами... Они сидели потупясь, но Сквара всё равно чувствовал: они за ним наблюдали. И весьма пристально.

А он стоял – ну одно слово, пендерь лесной: босиком, в старых штанах, в дырчатой обиходной тельнице, вздетой вместо промокшей. Он же собирался опять идти коловёрт у древоделов просить...

Ветер смотрел на него, безутешно сложив брови домиком. Эх, мол, горе луковое, я-то похвалиться хотел. Сквара понял: сейчас его выставят, осраив. У госпожи Айге от уголков глаз неожиданно разбежались морщинки.

– Твой учитель сказывает, наставник Галуха нашёл тебя способным к пению. – И наклонила голову. – Спой нам.

У неё был голос привыкшей повелевать, сдержанный, хрипловатый. Голос женщины, пировавшей с источником, державцем и стеном на равных. Не потому, что кто-то из милости привёл её к столу воинов. Сквара покосился на Ветра. Учитель кивнул.

Сквара набрал воздуха в грудь... и вдруг запел совсем не то, что следовало бы по уму.

Кровь на дорогу каплет из ран,
А впереди клубится туман.
Как отличить зерно от пустышки?
Выход от крышки?

Может, зря он полдня нынче думал про Космохвоста и несчастных узников, чьи души вздыхали и перешёптывались в подземельях...

Сердце подскажет праведный путь.
Страх не советчик – надо шагнуть.
Дух собери для яростной вспышки!
Прянь из-под крышки!

Ветер закатил глаза, обречённо понурил голову на руку. Лихарь смотрел не мигая, с чёрной ненавистью. А Инберн – то на одного, то на другого. Сквара вновь почувствовал себя за решёткой. Да не в привычной холоднице – внизу, в тюремном застенке, где урезают дерзкие языки. От этого пелось ещё вдохновенней. Последний раз взмыть на крыльях... ну а там, точно в песне, – ни дна ни крышишки...

Удивительное дело, рта ему никто не заткнул. Взмокший певец смолк сам.

Стал ждать, чтобы учитель прямо сейчас отправил его к столбу.

Первой заговорила источница.

– Хорошая слава, – проговорила она. – Так могли бы возвышать свою веру наши святые предки, которых гнали при Хадуге Жестоком. Кто научил тебя этой песне, дитя? Наш попущеник или другой кто? Отвечай правду.

Сквара покраснел ещё жарче:

– Мне... Владычица... самому вложила... когда запечалился... вот... госпожа.

Девки пошевелились, стали переглядываться. Перед ними стояло одно на всех длинное блюдо, а на нём – настоящий хлеб и на подоплёке пёстроного зелья – кружок жареной колбасы, едва початый. Боги благие, как от него пахло!.. Сквара эту колбасу проглотил бы в один миг и не жуя, но девки были воспитаны в скромности.

Ветер кашлянул:

– Мой ученик по своим делам так часто бывает наказан, что, верно, проникся духом гонимых, – проговорил он с усмешкой.

Госпожа Айге улыбнулась, отпила вина:

– Спой, дитя, ещё что-нибудь, чего мы прежде не слышали. Только выбери песню, где почаще упоминалась бы Справедливая. Негоже забывать, чей кров сегодня нас приютил.

Сквара успел отдышаться. Между прочим, победителей лыжной гонки в палате не было видно. Он уцепился взглядом за пятно плесени на стене, чтобы не думать о пряной мягкости колбасы, не давиться слюной... Запел снова. И снова – не то, чего от него, наверное, ждали. Стал выводить жалобно и слезливо, сугорбясь, точно попрошайка на торгу:

Кто-то вволю домашним балуется сном
И дыру в тюфяке протирает гузном,
Ну а нам – до рассвета с лежанки вставать,
Ибо так повелела Предвечная Мать...

Ветер широко открыл глаза – и тотчас крепко зажмурился. Так, словно любимец предавал его тем самым гонителям. «Что я тебе сделал, мой ученик?..» Госпожа Айге щурилась с откровенной насмешкой. Ну, мол, и песни у вас тут принято петь! Это что ещё за ропот на тяготы служения? Дозволишь ли продолжать?..

Сквара поспешно отвёл взгляд, вновь уставился на пятно.

Кто-то, сидя у печки, медовый кусок
По три раза на дню убирает в роток,
Ну а нам – жиловатые стебли глодать,
Ибо так повелела Предвечная Мать.

Теперь он видел, что девчонки не были одинаковыми. Две – светлы волосом. У третьей выбивалась из гладкого убора непокорливая вороная пружинка. Скваре даже померещился румянец на нежных щеках. И – улыбка, еле заметная.

Кто-то ходит нарядный, а если мороз,
В пышном вороте прячет и скулы, и нос,
Ну а нам – босиком на подворье скакать,
Ибо так повелела Предвечная Мать...

Кажется, Инберн собрался прекратить досадную песню, но Ветер едва заметно покачал головой. Он всё-таки решил довериться ученику, и ему не пришлось об этом жалеть. Заплёванный побирушка вдруг выпрямился юным воином, не по годам суровым и строгим.

Кто боится лишений и тяжких трудов,
Кто себя утеснить нипочём не готов,
Будет втуне до смерти о крыльях мечтать,
Ибо так повелела Предвечная Мать!
Кто не может осмыслить суровой любви,
Тот Владычицы сыном себя не зови,
Тот и службы святой не моги ревновать,
Ибо так повелела Предвечная Мать!

Когда Сквару уже выставили вон и волостели остались в своём кругу – прекрасно обученные девки были не в счёт, – госпожа Айге положила ногу на ногу, взяла кусочек пирога. Макнула в любимую подливу.

– Вот, значит, за кого просил ничтожный Галуха, – сказала она. – Правду молвить, не думала я, что эта пыль отважится донимать одного из нас просьбами. И уж тебя, Ветер, в особенности.

Котляр пожал плечами.

– Отважился тем не менее, – проговорил он. – Да ещё слова какие подобрал, слышала бы ты, сестра! Из других, сказал, надо таской вымучивать, а этот поёт, как чирик на ветке. Куда его воином гоить, он от Владычицы гудить взыскан!

Айге сдержанно рассмеялась, покачала головой:

– И что ты ему ответил, брат?

– Я ему велел складывать сундук и убираться подобру-поздорову. Остальным он уже преподал необходимое, а больше им вряд ли понадобится.

– У твоего подкрылыша выговор правобережника, – заметила Айге.

– А он и есть дикомыт. Я его в Житой Росточи взял.

– Владычица вправду коснулась паренька, тут Галуха не ошибся, – кивнула Айге. – А сам ты не пожалел, брат, что взял дикомыта? Получится из него воин?

Ветер ответил со спокойной гордостью:

– Ещё какой!

Айге вновь кивнула, дескать, посмотрим. Улыбнулась Инберну:

– Славным угощением ты нас почтил, высокостепенный державец! У тебя, верно, тоже наглядочек подрастает на смену?

В спальный чертог Сквара ввалился на неверных ногах, как раз после того, как на пол рухнули очередные два топчана. Под крики и ругань он нашарил свой, уцелевший, забрался под одеяло. Ознобиши рядом не было, но Скваре даже не хотелось шептаться. Скорее бы свернуться клубком, уронить голову в пахнущую пёсьей шерстью мягкость подушки... вообразить красный осенний лес... брата Светела, бегущего по тропинке...

Когда всё успокоилось, зазвучал голос Хотёна.

– Одну ножку вперёд, другую назад, – завистливо рассказывал гнездарь. – Садятся так и ещё на стороны припадают...

Троим лучшим лыжникам было позволено внести в хоромину стол, расстелить браный столешник. А потом – немного посмотреть, как готовились к пляскам заезжие ученицы.

– Да ну, – не поверил Шагала.
Судя по оханью и кряхтению лежака, он пробовал повторить.
– А ещё ложатся на животы – и кольцом ноги, прямо к ушам...
– Штаны-то, – жадно спросили из темноты, – штаны-то, поди, втугую натягивались?..
– Ноги к ушам? У них что, хребтов нету совсем?
Бухарка вздохнул:
– Вот чем себя трудить надо было, а не кулаками сдуру махать.
Сквара пригрелся, начал уплывать в тёплые облака.
– Слышь, дикомыт!
– Ну...
– А тебя на что звали?
Сквара неохотно приоткрыл один глаз:
– Сказывать велели, кто это из подземелий в двери скребётся...
Все замолчали.
– Да пел он, – проговорил Лыкаш, но не очень уверенно.
Дверь скрипнула. Воробыш подавился и замолчал. Хотён ругнулся от неожиданности. Шагала испугался, с головой юркнул под одеяло.
Вошёл Ознобиша, засидевшийся в книжнице. Мальчишеская сарынь сперва притихла, потом стала смеяться, потом на удивлённого Зяблика стали шипеть. Тот, постояв немного, ощупью пробрался к себе.
– Пел? Кто пел?
– Да Скварка.
– А раз пел, почто ещё не в холоднице?..
– Ну его, ты про девок давай!
Шаткий топчан накренился, как льдина. Ознобиша ткнулся лбом Скваре между лопаток. Опёнок вздохнул. Светел ещё бежал к нему, тянулся обнять, но между ними воздвигались сугробы, росли чёрные каменные стены, вились, угрожая сбросить, раскаты снежных дорог...
– Сами вбеле румяны, ручонки тонюсеньки, косточки утячи...
– А ножки?
Шагала, уставший гнуться пятками к голове, заявил со знанием дела:
– Правская девка вся круглая быть должна! Чтобы щёки – ух!
И титьки – во!
Ребята постарше засмеялись:
– Экий знатель!
– Титьку небось мамкину только видел!
– И ту не помнит поди!..
– Слышь, Хотён! А у девок мякитишки-то... во – или как?

– Ври складней, Хотён, – посоветовал Ознобиша.

Гнездарь вдруг смутился:

– С обильным телом в кольцо не больно совьёшься...

– Всё равно, – сказал Пороша. – Обильное, оно радостней.

– Ты сказывай, не томи!

Ознобиша хихикнул:

– Чтобы и на рожны сесть было не жалко...

– Маганку бы сюда. Мы тоже мораничи, нам воля!

Топчаны снова заходили от смеха.

– Как там кабальной в кладовке, прочно замкнут? С вилами не наскочит?

– Хотён! Про Маганку другой раз побакулим, ты про захожниц давай!

– А что про них, если ни сиськи, ни...

В дальнем углу размечтались, стали вздыхать:

– Где-то им у нас перины постелены...

– Была разница, если не здесь.

– Взяли бы да сюда вдруг пришли! На честную беседу...

– А ты им челом бил? Пряничков с орехами припасал?

Скваре примнилось движение в темноте. Какое, откуда – понять он не успел. Их с Ознобишей лежак затрещал, обрушился.

Пришлось просыпаться, под общий хохот попирать босыми ногами холодный каменный пол, обарывая тягу остаться досыпать как есть, на перекошенных досках. Пусть неудобно и холодно, но хоть снова не упадёт...

Пока возились, разговоры в опочивальне постепенно иссякли. Кто-то ещё мечтал самолично изведать, вправду ли пришлые девки выучены борьбе, но язык заплетался.

– Я понял, – прошептал Ознобиша, когда братейки выправили топчан и прижались под одеялами.

– Ну...

Сквара вроде никакой работы нынче не делал, а затомился, будто камни ворочал. Стоило растянуться в тепле, жёсткий лежак начал невесомо покачиваться, баюкать.

– Я понял, – повторил Ознобиша.

Сквара приоткрыл один глаз:

– Ну?..

– Лихарь взбесился, когда я из хвалебника читать начал. Он сам мне велел... уставшим победные ноги сбивать... а потом чуть душу не вынул...
Ведь неспроста?

– Ну, – промычал Сквара. Затих.

Они об этом непременно подумают. Вместе подумают. Потом, не сейчас...

– И ещё надо будет те восемь топчанов уронить, – мстительно приговорил Ознобиша. – Где Хотён.

Сквара неожиданно вздрогнул, приподнялся на локте.

– Что?.. – насторожился Ознобиша.

Вместо ответа дикомыт ужом вывернулся из-под одеяла, беззвучно ускользнул с топчана. Ознобиша улёгся было поудобнее, но потом вздохнул, почесал затылок и тихонько, ощупывая деревянный край, прокрался следом.

Впотьмах кто-то поскуливал. Тонко, жалобно. Сквара сидел на лежаке у Шагала, подтянув мальчонку вместе с одеялом к себе на колени. Тот всхлипывал – еле слышно, зная из опыта, что явными слезами можно доискаться если не тумачков, то насмешек, и неизвестно, что хуже. Ознобиша подсел, склонился к нему. Завтра Шагала снова будет лихим храбрецом и ни за что не пожалуется, но сейчас он всхлипывал, комкая одеяло. Потом через великую силу проглотил горе, выговорил внятно, с тихим отчаянием:

– А я правда не помню... мамкину титьку... и мамку вовсе не помню...

Ступень

Спустя неполные сутки после того, как проводили госпожу Айге и её учениц, для Лутошки началось кабальное услужение.

Когда его пинком подняли среди ночи, велели одеваться и сразу погнали вон, напуганный острожанин не знал, что первое думать. Поневоле вспомнилось, как Ознобиша советовал молиться, чтобы Лихарь поправился: тогда, мол, поживёшь.

«А вдруг он... вдруг преставила Владычица... и они меня сейчас... вот сейчас...»

От этой мысли коленки вмиг ослабли, а надоевший чулан показался безопасным, желанным, прямо родным.

Десяток сажений до переднего двора обернулся бесконечными вёрстами. Лутошка прошёл мимо навеса, где несколько дней назад отдавали кровь забитые козы. Ноги вконец лишились владения, живот скрутило узлами. Он воочию узрел выстроенных в суровом молчании учеников... страшную петлю, которой без пощады обоймут его злостные руки...

Во дворе было пусто. Только стоял у ворот Ветер, сопровождаемый старшим учеником Беримёдом, а возле стены виднелись хорошие лапки и копыё.

«Да неужто сдумали отпустить?.. Неужто удача...»

– Поди сюда, – сказал Ветер.

Лутошка ринулся бегом, как есть бросился на колени.

Ветер некоторое время смотрел на него сверху вниз. Тонкая шея, рыжие лохмы торчком. Не самый умный малый, но подвижный и крепкий.

– Ты ранил сына Владычицы, – глухо проговорил котляр. – По такой обиде нет виры, за неё отплата лишь кровью. Ты, острожанин, видел ли когда рукотворное начертание тверди земной?

Лутошка не посмел подать голоса, только закивал головой.

– Где видел?

Пришлось отвечать:

– К-купец... заезжий показывал... г-господин...

– Встань. Смотри.

Острожанин поднялся. Источник держал в руках берестяной свиток. Посередине была чёрной краской означена короткопалая, точно обрубленная пятерня. Рядом – ещё приметы, птичьи следы, надписи,

рисунки. Лутошка смотрел и не мог ничего сообразить. Было страшно.

– Ладно, – сказал Ветер. – Свою круговину знать ты обязан. Вот здесь твой острожок, это – Волчий овраг, за ним Громовое болото...

Стало немного понятней. Лутошка вновь торопливо закивал, даже посмотрел на источника, но тотчас потупился.

– Ты побежишь вот так... – Палец котляра вычертил извилистый путь по безлюдным лесам, снова упёрся в чёрную куксу. – Дыхалицу обойдёшь подальше... и к Смерёдине не суйся смотри!

«Да знаю я», – хотел сказать острожанин, но не посмел.

– Тебе позволят удалиться на несколько вёрст, потом следом побегит мой ученик.

Лутошка с ужасом покосился на Беримёда.

– Не он, – поморщился Ветер. – Теперь слушай пристально, кабальной. Ученику будет велено тебя перехватить. Вряд ли ты сумеешь уйти от него, но, если сумеешь, я сделаю иверину вот здесь, на стороне свитка. Это твоя мёртвая грамотка. Если зарубок станет столько, сколько у меня учеников, я брошу её в огонь. Тогда твоя кабала кончится. Понял?

Лутошка постарался не выдать ликования. На лыжах-то!..

А Ветер продолжал:

– Слушай дальше, рыжак. Я вручаю тебе оружие. Если принесёшь мне голову переимщика, займёшь его место у моего хлеба. Ибо ученик, которого после всех моих стараний какой-то мирянин убьёт, мне не надобен. Это ясно?

Мысленно Лутошка уже смеялся, входя с молодыми мораничами в трапезную. Потом вспомнил, как пытался прорваться мимо маленького Ознобиши.

– Слушай ещё, – продолжал Ветер. – Некоторые из моих учеников неумеренно добры. Если кто-то делает вид, будто не смог тебя изловить, либо уговорит сдаться миром, от меня это не скроется. И ты будешь наказан. Не он. Ты... Понял?

Лутошка сглотнул:

– Да, господин...

По двору дуло. Неровными, резкими набегам, гудевшими в щербатых стенах. За крепостными воротами смутно белела земля. Корявая сосна раскачивалась и стонала. Когда Лутошка лежал под ней связанный, снега там не было.

– Что ты понял?

– Что надо бежать старым берегом, господин... потом по шегардайской дороге до Серых холмов... оттуда через бедовники

и Неусыпучую топь и...

– А когда переимщик догонит?

Лутошка сжал кулаки:

– Я его... я ему...

– Тогда пошёл, – сказал Ветер.

Лутошка подхватил лапки, скрежетнул по стене железком копыя, удрал в темноту.

Беримёд с любопытством спросил:

– Кого отправишь, учитель?

Ветер смотрел в сторону. Обшаривал глазами двор. Потом позвал:

– Иди сюда.

Расплывчатая тень под стеной вытянулась в высоту, отлепилась от камня, подбежала. Беримёд фыркнул, но не в насмешку, а от внезапности и неприязни. Дикомыта ему жаловать было не за что.

Ветер улыбнулся.

– Пойдёшь за кабальным, – велел он младшему ученику и добавил: – Ты тоже всё слышал.

Сквара кивнул.

– Глянешь, куда свернёт на мысу, – продолжал Ветер. – Надумает в утёк, притащишь за ноги. Не надумает – перехватишь возле бедовников и на своих двоих приведёшь.

Сквара снова кивнул:

– Воля твоя, учитель. Когда?

– Сейчас.

Сквара уже держал в руке лапки. Он сплёл их сам, не затем, что в крепости лапок было мало, просто чтобы резвее бегалось по снегу. Серую тень подхватило порывом и унесло за ворота, метель быстро закидала следы.

Лутошка сноровисто дыбал старым берегом, ему хотелось смеяться. Громко, весело. Просто оттого, что он снова был волен дышать падерой, летевшей в лицо, а не запахами из-под двери. По равнине залива катились белые волны, тучи над головой шаяли, словно угли, наполненные ледяным серебряным жаром. Всё привычное и знакомое. Здесь он вырос. Здесь каждое дерево укроет и спрячет.

Скоро из крепости помчится хитрый моранич. Станет выискивать следы на снегу. Кабы в самом деле не перехватил.

Ещё несколько вёрст, и Лутошка начнёт прятать свою ступень, а потом...

Если идти берегом всё на закат и на закат, землю под ногами сменит лёд отступившего Киян-моря. Там нечего делать доброму человеку, но так далеко забредать Лутошка не собирался. Ветер зря считал его дурачком, готовым потеряться вплоть собственного двора. Люди сказывали – между кручами старого побережья и морскими торосами пролегла полоска ровной дороги. И по этой полоске уже не первый год поездами уходят переселенцы. Голые, худые, нищие люди. Такие же обездоленные, как Лутошка. Даже хуже. Изгои, вольноотпущенники, варнаки стремились на север, где морские течения и непокорство могучей Светыни до сих пор сберегали свободную гавань для кораблей. Там люди резали упряжных оботуров, восходили на обросшие сосульками корабли. Уплывали далеко-далеко, за Киян, на счастливый Остров Кощеев...

Лутошка оглянулся через плечо. Вот бы знать, Ветер уже выпустил ученика?..

Он стал мысленно перебирать всех, с кем досталось спознаться. Представить переимщиками сопливого Шагалу или хрупкого Ознобишу как-то не получалось. Остальные вдруг начали казаться один другого страшнее. Хотён безжалостный, оба уха срежет, не покривится. Пороша – вовсе оттябель, ещё и сожрать их принудит, просто ради забавы. Эти ходят под Лихарем, с них станется за наставника расплатиться. Бухарка, говорят, на лыжах проворней обоих, но с копьём не больно досуж... Ага, видывали, как они не досужи...

Лутошка посмотрел вперёд. Снежные волны разбивались о высокий каменный нос. Там ростани. Если прямо, значит в утёк. Об этом во дворе даже не говорилось. Лутошка и так знал, почему из крепости не бежали даже самые недовольные. А если явить послушание, свернуть в лесные трущобы... Путь мимо топей и Волчьего оврага выглядел вполне одолимым. Вот бы ещё следом послали толстого Лыкаша... чтобы начало дать иверинам на берёсте...

Узлы в кишках вдруг разрешились поганым комом, отяготившим низ живота. Лутошка дёрнул гашик, присел опорожниться прямо на следу.

«Вот вам! Всем мораничам, какие ни есть...»

До скального носа ещё оставалось несколько перестрелов. Довольно сроку подумать.

Когда кабальной всё же выбрался на утёсы, серебряная овидь закачалась у него перед глазами, а давно опустевшее нутро вновь свела судорога. Вот оно, время решать. Одолев последнюю кручу, парень остановился. Посмотрел на север. Снова на запад. Сделал шажок...

– Не надо бы, – прошуршала позёмка.

У Лутошки чуть сердце не выскочило из горла. Он мигом обернулся, наставляя жало копья.

На скале, возле которой стоял дикомыт, столько раз обтаивал и снова намерзал снег, что камень глядел сквозь потёки и косые пласты черепа, как согбенный урод, прячущий лицо в свалывшихся космах. Лутошка с перепугу не придумал ничего умней, чем спросить:

– Ты-то что здесь позабыл?..

– Мимо шёл, – сказал Сквара. Хмуро повторил: – Не надо туда.

На смену страху явились злость и обида.

– Тебя не спросил!..

Дикомыт пожал плечами. Оружия при нём видно не было.

Лутошка нетерпеливо спросил:

– А впереймы послали кого, скажешь?

Сквара кивнул:

– Так меня.

– Да ну, – не поверил было Лутошка. Потом оставил улыбаться, крепче перехватил копьё. – Уйди, испорю!..

«Если голову принесёшь...»

Дикомыт не двинулся.

– С Лихарем, – сказал он, – ты попробовал.

– Ты-то не Лихарь!

– Не Лихарь. Штаны не спущу и зад не подставляю.

В другое время Лутошка бы засмеялся. Камни отозвались эхом:

– Уйди!..

Сквара махнул рукой, в точности как Ветер на него самого:

– Дурень ты... В лес давай.

– Почему ещё?

Сквара не стал поминать ему о неминуемом разорении острожка. Там Лутошкой, как ни крути, поступились. Не диво, что и он о семье радеть не желал.

– Потому, что иначе обратно за ноги сволоку.

– А пупок не развяжется?

Северянин смолчал. От несправедливости и лютой вьюги, метавшей ледяное зерно, Лутошке обожгли глаза горячие слёзы. Он то ли всхлипнул, то ли зарычал. Бросился на дикомыта с копьём.

Что-то в нём уже знало, как всё завершится. Он только взлететь не предполагал, причём высоко. Он не почувствовал прикосновения, просто увидел свои снегоступы небывало задранными к небесам. Съехал

лопатками по челу каменного уroda. Хлопок о мёрзлую твердь сковал тело, покинул его беспомощно и непристойно разломанным. Бери, стало быть, и тащи.

– Я, может, не Лихарь, а ты прямая Маганка, – хмыкнул Сквара. Убрал от Лутошкиного горла отнятое копье. – Вставай.

Кабальной неуверенно завозился, собирая руки и ноги. Спросил хрипло, безнадежно:

– Казнить будешь?

– Не, – мотнул головой дикомыт. Воткнул ратовище пяткой в сугроб. – Дальше ступай.

– А ты?

– А я перейму, где учитель велел.

– Где?..

Сквара шагнул в сторону и пропал. Расточился среди теней, развеялся летучими пеленами.

Лутошка ещё постоял, глядя на запад. Окоём кривился перед ним, плавал, ронял в неворотимую бездну упорные поезда на белой дороге, тёмные корабли, дивный остров за морем... Не было ходу ему на вольную волюшку, да, знать, и не будет!

Ресницы прихватывало ледком. Острожанин зло отскрёб от лица корку слёз, поплёлся прочь от скал, к лесу. Он то и дело озирался вокруг, но берег оставался безлюден. Падера нахлёстывала сзади, пронизывала подбивку сермяги. Тащиться шаг за шагом скоро стало зябко. Через полверсты Лутошка уже снова бежал.

А может, ещё настажает он заветных иверин...

Или чью-нибудь голову господину источнику принесёт...

Стень выздоравливал не скоро и не легко.

– Ты чего хотел? – сказал ему Ветер. – Чтобы от грязных вил заживало, как от меча?

Лихарь ничего особенного и не хотел. Всего лишь снова на ноги встать.

Из четырёх ран послушно сомкнулась только одна, как и полагалось царапине. Вскроенную боевую жилу тоже удалось запереть, но плоть не желала срастаться надёжно. То один, то другой протык вскипал гноем, вновь пластал Лихаря на тюфяке, отнимал силы трясовицей. Торговая башня сверху донизу пропахла дёгтем и серой.

– Был большой и злющий стень, стала серенькая тень, – смеялись под рукой младшие ученики.

Кто придумал шуточку, сомнений не вызывало, но громко потешаться над наставником не дерзали. Это небось не попущеник, который вчера был, завтра сплыл.

Ознобиша в охотку посиживал среди книг, радуясь, что не надо в ужасе подскакивать на дверной скрип и цепляться за полки, чтоб с лесенки не упасть.

Сегодня, правда, он всё медленней переворачивал страницы хвалебника и хмурился, без конца задумываясь о стороннем.

– Слышь... – сказал он наконец.

Сквара поднял глаза от замусоленного «Истолкования лестницы», радуясь случаю ненадолго выпутаться из прямых и побочных ветвей, порядков и величаний.

– Ну?

– Я вот думаю... – медленно проговорил Ознобиша. – Если бы, например, учитель тебя и Хотёна к другому источнику в гости повёл... Ведь не без дела же?

Сквара согласился:

– Пожалуй.

– Чтобы научились чему новому, так?

– Ну...

Они устались один на другого. Когда принимали заходящих, Ветер на мужской стороне стола сидел сам-третей. И учениц с собой госпожа Айге привела столько же. Сквара неволей вспомнил узкие плечики, тонкие руки... косточки утячи... попытался представить подле них мужские ручищи... сильные, нетерпеливые... полуседую бороду Ветра... брюхо державца... Сморщился, мотнул головой.

Ознобиша невольно скоился по сторонам:

– Только Лихарю, поди, вереды не велели...

Сквара громко фыркнул, спохватился, уткнулся носом в «Истолкование». На него самого девки смотрели этак надменно, словно знали тайну, о которой ему и догадываться не полагалось. Особенно та... чёрненькая, с кудряшкой. От книжных листов пахло выделанной кожей, скукой, плесенью. Сквара поднял голову:

– Что значит царственноравный?

Ответить было легко. Подстёгин сирота кивнул на лестничный толковник:

– Ведомо тебе, откуда весь андархский почёт вышел?

Сквара заулыбался:

– Откуда люди выходят... Из бабьей снасти!

Ознобиша моргнул и тоже улыбнулся, потом воздел палец:

– Ты слушай, раз спрашиваешь. У всякого, кто ныне боярин, даже ближний или введенный, давний праотец славно бился за праведного царя и был от него взыскан. Кто землями, кто путём, кто местом возле престола. Примером, Хадуга Пятого, угодившего под обвал, заслонил собой простой горец. Добрый царь возвеличил этого человека, а тот оказался верным Владычицы. Так прекратились...

Сквара зевнул:

– Я тебе про храбрецов, а ты мне про жрецов. Не знаешь, прямо скажи, я кого другого спрошу.

– А вот знаю!

Ознобиша замахнулся толстым хвалебником. Сквара вмиг нырнул под стол, выкатился с другой стороны. Бить его с некоторых пор стало всё равно что гонять текущий туман.

– Но за самые великие заслуги, – важно продолжал Ознобиша, – когда речь шла не о сломанной ноге, а о державе, героев увенчивали саном царственноравных. Чтобы сидели в совете Высшего Круга, носили малый венец и своились с праведной семьёй, рождая царевичей.

Сквара засмеялся:

– Поди-тко радость великая... А кто был Гедах Керт?

– Кто?..

– Гедах Керт. Царственноравный.

Брови Ознобиши ненадолго разделила отвесная складка.

– Вот такого правда не знаю. А... в лествичнике разве нету?

– Нету. Я уж всё перерыл.

Они опять устали друг на дружку. Иные страницы из толковника были вырезаны. И основания отсечённых листов, подклеенные, опрятно зачищенные, напрочь отбивали желание спрашивать о причине поругания книг.

– Сведаль-то где про него? – невольно глотнув, понизил голос Ознобиша. Перед глазами вновь пронеслись скомканные листки в кровавом снегу. Он вспомнил мольбу попущика, спросил: – Керт, говоришь? Почему?

Сквара поддразнил:

– Всё тебе скажи...

– Ну и не говори!

– Я вниз лазил, в темницу, давно уже. Он про себя на стене выцарапал. Вот, я запомнил: «Всякий рождённый узрит впереди смерть...»

Ознобиша послушал стихотворение, с видимым облегчением опустил

книгу:

– Это кто угодно мог написать. Запрут так-то, ещё чего похлеще с горя наврёшь.

Безупречная вязь на тюремных камнях не позволяла Скваре от души согласиться, но и свидетельством истины не была. Дозволенный светильник бросал тени на сводчатый потолок, на ряды книг, уходившие в сумрак и тишину... Скоро Ознобиша разложит в памяти все законы и порядицы Андархайны. Станет, наверное, учёным писцом в свите городского судьи. Получит новое имя. Может, сам в судьи выйдет со временем... Гадать о расставании хотелось ещё меньше, чем о колбасе, чей запах Опёнку мерещился до сих пор.

Некоторое время оба молчали. Потом меньшей Зяблик спросил:

– Кабальной наш... как, чулан ещё метами не исцарапал?

Сквара поморщился, вздохнул:

– Было бы что помечать. Который синяк от кого принял?

– Ты его ведь не бил.

– Мне его привести было велено, чтобы сам шёл. Я и привёл на тяжёлке. А бить не наказывали.

Дверь отворилась. Внутрь книжницы сунулся Воробыш:

– Лихарь по двору ходит!..

Лихарь в самом деле стоял во дворе. Первый раз за несколько седмиц. Бледный, исхудалый и очень злой из-за собственной немощи. Тёплый кожух висел на нём, как с державца Инберна снятый. Уж точно не помешал бы костыль, но гордый стень обходился. Пусть и с трудом. Он даже время выйти подгадал, когда Ветра в крепости не было.

Братейки поклонились ему, как подобало. Он головы навстречу не повернул. Этих двоих он, верно, рад был бы насовсем позабыть. Весть между тем распространилась, из поварни толпой вывалили приспешники, в свой черёд начали кланяться. Лихарь и на них посмотрел, словно те его отравить покушались, да не совладали.

– А уж свиреп... – давясь негожим весельем, шепнул Ознобиша.

Сквара вдумчиво кивнул:

– Почесать не может, где свербит.

Ознобиша согнулся, пряча распирающий смех.

Ветхий Опура, кажется, был единственным, кто в искреннем восторге побежал к стене. По правой штанине до самой ступни расползлась влажная полоса.

– Лихарь! Юный Лихарь!.. – Старик оглянулся, ища, с кем поделиться

радостью, заметил Ознобишу, просиял, указывая рукой. – А у нас маленький Ивень опять живёт! Смотри, вон он! Ты уж не казни его больше, сынок! Он добрый моранич! Он в Мытную башню вовсе даже не лазил!..

Ознобиша так и застыл. Лихаря перекосило. Он оттолкнул заботливо кудахчущего Опуру, вновь скрылся за дверью.

Лутошка лежал на боку, подтянув колени к груди. Когда он открывал глаза, ему представала полоска неяркого света на каменной кладке. Валунки, взятые с берега залива, были немного подтёсаны, чтобы плотней прилегали. Один полосатый, другой крапчатый, третий белёсый, с крохотными устьицами слюды... Все звенья нехитрого каменного узора Лутошка, даже зажмурившись, видел не хуже, чем наяву.

Он лежал не двигаясь, лишь изредка шмыгал носом и вздрагивал, а из-под век медленно точились слёзы. Чужие звуки и запахи больше не давали притворяться, будто он лежал дома, где-нибудь в клети или в собачнике. Лутошка очень старался замечтаться или задремать, но тут же дёргался, оживал, опять начинал тревожно слушать шаги. Потому что вовсе не дедушкин мягкий шептун ткнёт лодыря-внука, забывшего покормить уток. Через порог властно ступит безжалостный Беримёд и... и лучше встретить его уже на ногах, потому что в рёбрах без того сплела паутину застарелая боль. Снова запоёт жестокую песню чёрный ночной лес, и Лутошка будет бежать во весь дух, кидаясь от каждого куста, где ему померещится переимщик...

Он испробовал уже всё. Петлял оврагами и опасными ходунами, уповая на прыть. Бросал копье под ноги, просил щадя. Собирал последнюю отвагу, давал бой...

Только в сторону далёкого Киян-моря Лутошка больше не смотрел. Потому что из лесу его даже Пороша, не смея послушаться Ветра, на своих ногах приводил. А вот если бы он в утёк повернул...

Широки распахнулись ворота во двор Владычицы. Зато обратно из кабалы – мышка не проскользнёт.

Один раз острожанин близко подошёл к заветной иверине. Запутал следы, почти удрал от Хотёна. Однако тот распознал хитрость, погнал в угон, полетел лётом – и взял беглеца уже в виду крепостных башен.

Ох, лаской вспомнились Лутошке отцовы да братнины кулаки...

– Успеешь охнуть, как придётся издохнуть, – сказала стена.

Лутошка невнятно вскрикнул, заслонился руками, задом наперёд пополз в дальний угол. Веки, под которыми вновь успели качнуться горелые ямы Великого Погреба, с горем пополам разлепились только

потом.

– Вставай, дурень, – сказал дикомыт.

Из-за него выглядывал Ознобиша с самострелом в руках. Он деловито спросил:

– Куда сведём?

Сквара немного повернул голову, продолжая смотреть на Лутошку. Предложил:

– Наверно, в холодницу. Там никого нету сейчас.

Острожанин засучил ногами, плотнее вжался в угол, тихо завыл. Ну конечно, не рядом же с поварней им его убивать, после такого сквернения там хоть печи раскидывай и возводи наново. На Великий Погреб не поведут – далеко. А в холоднице они его примкнут на ошейник. Отойдут на тот конец просторной палаты. И затеют веселье, а он будет метаться на короткой цепи, пока последний болт в сердце не примет либо кровью не изойдёт...

Лутошка с такой ослепительной ясностью увидел неминуемую гибель, что приготовился заорать в голос. Начал открывать рот...

– Хотя нет, – сказал Сквара. – Пусть на снеговике покажет сперва.

Стрелы, только что летевшие острожанину в грудь, вернулись с полпути, рядом улеглись в тул. Лутошка закрыл рот. Утёрся. Стал подниматься. Получилось не сразу.

– Тебя все, кто в воинском обучении, уже по разу ловили, – пока шли вон, объяснил Ознобиша. – Иные дважды. Чтобы вновь толк был, учитель велел тебе самострел дать.

– Стрелять-то умён? – спросил дикомыт. Фыркнул, глумливо добавил: – Или ты всё вилами больше?

Лутошка хотел ответить, даже посмеяться им в угоду. Его до того трясло, что вместо смеха вышло блеяние, звучащее всё же больше как плач.

Полёт Рыжика

Пещеры назывались Тёмными или Слепыми, потому что выходили на север. Солнце сюда почти не заглядывало. Разве краешком, только летом, в самые долгие дни. Когда по совету зрящих Смуроха привёл стаю в эти вертепы, многие сперва разворчались, особенно суки с детьми. Однако зрящие пристальней вглядывались в мироздание, а вожак знал, кого слушать. Глупые мамки думали только о солнечных лужайках для малышей. Зрящие понимали, что из рек на востоке не просто так ушла рыба и птицы совсем не случайно собрались в косяки задолго до осени. Что-то близилось. Небо утрачивало опору.

Когда это стало окончательно ясно, Смуроха задумал предупредить вожаса Бескрылых, своего побратима.

«Я с тобой», – сказала Золотинка. Рыжик спал у неё на спине, в ямке между могучими основаниями крыльев.

Так они и прилетели в каменный дворец, подобный рукотворной горе с уютными жилыми пещерами. У Рыжика там тоже был названный брат. Человеческий щенок с почти такой же огненно-золотой шерстью на голове.

Друзья сразу побежали играть к морю.

Их родители думали, что ещё есть время.

Мама Золотинка позже рассказывала: у людей велись свои зрящие, умеющие внимать голосам Земли и Небес. Едва ли не в тот самый день они тоже явились к царю с предварением о Беде. Они оглядывались на восток.

И тоже думали, что есть ещё время...

«Укройся на севере, праведный царь. Ты должен ехать немедленно. Шегардай выглядит безопасным...»

«Шегардай? – обернулся молодой приезжий, стоявший у трона. – Каждый наш дом – твой дом, родич и государь!»

Он казался бледным, лишь скулы так и горели.

Аодх кивнул ему:

«Я велю Аэксинэй собираться. Сам же уеду, когда опустеют улицы Фойрега. Пусть сообщат людям...»

Симураны внезапно насторожились. Выбежали на открытую площадку. Взлетели.

И тут на востоке вспыхнула сразу тысяча солнц...

На южных склонах гор снег до сих пор задерживался с трудом.

Там не только сгорели трава и деревья, там исчезла даже земля. Остался голый камень, местами оплавленный. Волна огня, пришедшая с юга, шутя перемахнула хребет. Стая видела, как она смела облака, как за долиной вскипели, обратились в пар ледники... Лишь в Тёмные пещеры жар не проник. Решимость Смурохи сохранила жизнь стае. Тогдашние сосунки выросли и уже понимались между собой, рожали щенков. А Рыжика прочили в вожаки.

На границе предгорий его встретили дозорные. Молодые кобели переняли добычу, тяжеловатую, чтобы тащить одному. Рыжик был хорошим охотником. Он умел снять барана со скальной стены и убить его прежде, чем тот успевал хоть что-то заметить. Симураны разорвали тушу на части, снова взлетели. Рыжик только проглотил печёнку, сердце, желудок – отнести детям.

Он летел, и собственная сила не очень радовала его.

Да, в полёте он умел забираться выше других, но что толку, если он так ни разу и не пробил тучи? Он мог мчаться без усталости, измеряя просторы земли, но чему радоваться, если второй брат до сих пор не откликнулся на его зов...

Рыжик обогнул сторожевую скалу. Её вершина в Беду потекла было, но застыла бородами, наплывами. Внизу открылись устья пещер.

Симураны любили раздолье, любили пространные чертоги, вырытые водой в каменной плоти гор. Но хорошо бы по сторонам нашлись пещеры поменьше: спать в тепле, обняв крыльями подругу, чутким телом загородив выход слишком любознательной малышне...

Рыжик вильнул между капельниками самородного зала, ударил крыльями. Погасил разгон, привычно вскочил на узкий карниз. Тьма, непроглядная для человеческих глаз, ему виделась красноватыми сумерками. Из глубокой выемки навстречу обернулись две суки.

Белая Лапушка потянулась вперёд, гортанно заворковала. Из-за неё высунулись дети: бурый с серебром, другая беленькая. Шустрый жарый был не вдруг различим в шерсти бабушки Золотинки.

Дети запищали на разные голоса, полезли к отцу. Смешные, неуклюжие, с нежными начатками крыльев... Рыжик втянул родной запах. Умилённо застонал, вывалил принесённое. Дети запищали громче, вцепились в тёплый полупереваренный ужин.

Голос Золотинки обдал сына строгим теплом:

«Я каждый раз боюсь, что ты расшибёшься...»

Она имела в виду каменную сосульку, наполовину закрывавшую вход. Она говорила так потому, что сама больше не умела летать. Ей и казалось –

сыну всё требовался присмотр. Рыжик вздохнул.

«Люди, – сказал он, – устраивают свои жилища поближе к теплу и хорошей охоте. А ещё они умеют обрубать камень...»

«Опять ты за своё».

«Тебе сын Аодх любовь прислал».

Золотинка тяжело затшевелилась, села. Её крылья, некогда просторные, стремительные и красивые, жестоко обгорели в Беду. Люди, принявшие Аодха, отогнали смерть от его второй матери. Потом они сплели крепкую сеть и научили других симуранов брать её за углы. Раны зажили, но перепонки больше не могли расправляться. С тех пор не стало бдительней наседки своим и чужим внукам, чем бабушка Золотинка.

Плохо было, по её мнению, то, что сын Рыжик всё время мечтал поселить в пещерах симуранов людей. И симуранов – в людских жилищах. Рыжик закалил себя дальними перелётами, как немногие. Жаль, отказывался понимать, что пути двух племён сойтись никак не могли. Довольно было уже побратимства их семьи с человеческими вожаками.

Щенок, что с него взять.

«Всё ли пригоже у твоего брата? Он взял себе суку?»

«Люди взрослеют иначе, мама. Аодх сейчас ставит на крыло нового малыша своей матери. Ты не поверишь, щенок тоже слышит меня».

«Ты поднимал дитя в небо?»

«Конечно. Он совсем ещё лёгкий. Зато Аодх теперь, наверное, стал тяжелее меня».

«Вот видишь».

«Щенок? – подала голос Лапушка. – Он такой же сын огня, как ты и наш младшенький?»

«Нет. Он похож на второго брата... которого я никак найти не могу».

Рыжик зримо вспомнил малыша Жога, чтобы Лапушка его тоже увидела.

Золотинка спросила:

«Опять искать полетишь?»

«Полечу».

«Старики хотят, чтобы ты повёл стаю...»

«Мой первый долг – брату Аодху».

«Ты давно отдал его».

«Нет, не отдал».

И это тоже была правда, хорошо известная матери. В день Беды она неминуемо канула бы в огонь вслед за Смурохой... если бы не странная сила, источаемая, смешно сказать, напуганным человеческим детищем.

Так что кто ещё кого донёс на правый берег Реки – то ли она Аодха, то ли Аодх её.

Всё же Золотинка сказала:

«Снежные овцы уже четыре раза ягнились. Многим кажется, тебе пора бы поверить: кто перестал отзываться, улетел на ту сторону неба».

«А ты бы поверила в гибель отца, если бы не видела сама, как он падал? Бросила бы его искать?»

«Нет. Никогда...»

Лапушка заскулила, придвинулась к старшей, стала бережно вылизывать рубцы на крыле. Сытые малыши взялись теребить отца, но сморились, заснули, один за другим, между тёплыми и надёжными передними лапами. Рыжик трогал их носом, облизывал, неудержимо улыбался. Потом задумался, оставил детей, поднял голову.

«Странно...»

Обе суки молча смотрели на него.

«Та крепость с чёрными стенами. Сколько я пролетал над ней, таясь в облаках... Там есть люди, я знаю. Почему я их не чувствую?»

Доля четвертая

Вертеп

– Ну, поклон тебе, что ли, Гедах Керт, – негромко выговорил Сквара.

На самом деле он долго гадал, как достойно приветить отлетевшую душу. Слова, принятые меж людьми, означали пожелание телесной мочи и здоровья; чтить ими призрака не казалось уместным. От поклона же не бывало обиды ни мёртвому, ни живому... и у самого спина поди не отвалится.

Замученный стихотворец ничего ему не ответил. Даже в волосы холодом не дохнул. Не захотел с мораничем толковать.

Сквара поставил светильник, сошёл вниз по ступеням.

Может, прежде подтюрьмок и был в темнице вроде глухого приямка. Потом из стены высадило треугольный отломок. Груда мокрого щебня скрывала щель в полпяди шириной. Оттуда осязаемо тянуло.

Битьш Скваре разгрести удалось, но отломок сидел мёртво. Вернувшись с ясеновым рычагом, Опёнок вставлял его то слева, то справа, жилился как только мог, рычал и пыхтел... однако с упорным каменюкой сладить не мог.

– Обида не беда, – буркнул он в конце концов. – Худа та мышь, что один только лаз ведает!

А сам взял выломок за макушку, потянул на себя. Ничего вроде не произошло. Просто рука не ощутила той мёртвой неподатливости, что прежде. Сквара налёг. Щель стала разверзаться, но медленно, ненадёжно. Он упёрся коленями, налёг крепче. Руки соскальзывали и дрожали. Глыба артачилась, норовила откачнуться в прежнее положение. Сквара переупрямил её, вставив рычаг. Перевёл дух, стал разбираться, чего достиг.

– Вот теперь другое дело! – сказал он вслух. – Гусь пролетит и крыльями не заденет!..

Щель давала проползти, но едва. Душа Гедах Керта постанывала на острых сколах и зазубринах камня. Если рычаг вдруг захрустит...

Было страшно, поэтому Сквара засмеялся:

– Не досталось бы мне, как немилому жениху, которому невеста щучью голову с зубами подсунула!

Смеялся ли кто-нибудь когда-нибудь в отрицавшем свет подтюремке?.. Диво, ледяная хватка страха сразу ослабла. Сквара косо поглядывал на взлохмаченную деревяшку, между тем торопливо стаскивая одежду.

Надсадину почти доверху заполняла вода, всё равно сухим не пролезешь. Он туго замотал рубаху с поддёвкой в кожаные штаны. Для начала по плечо засунул в щель свободную руку, стал шарить. Не нащупал никакого препятствия, полез в дыру уже весь.

Нечаянно задев рычаг, застыл не дыша... Ничего не произошло. Сквара медленно выдохнул, начал протискиваться дальше.

Почему-то он ждал, что окажется в длинной узкой промоине, где, чего доброго, придётся ещё и нырять. Ничуть не бывало. Подземные воды, затопившие сводчатый ход, с течением лет нашли себе сток между плитами пола. Плиты постепенно просели, увлекая за собой кладку в основании стены. Не спеша источили перемышку... вторглись в подтюрьмок. Сквара осторожно, ощупью, одолел два шага. Лаз всё расширялся. Сквара осмелел, шагнул дальше.

...И с головой ухнул в размыв. Только успел, что вскинуть руку с сухим узелком. Барахтаясь, выскочил на поверхность, поспешно схватил воздуха, прынул в сторону. Вместо пугающей бездны под ногами явились каменные плиты. Шаткие, наклонные, но всё-таки дно.

Сквозь пройденную трещину вливалась ничтожная толика света. Проваливаясь, Сквара успел себе наметать огромный чертог, полный бесконечной воды... последний океан, плещущий на берега Исподнего мира! Чего ни прибредится с перепугу. Откуда взяться пучинам в подвалах крепости, высившейся над береговым яром? Вода сгубила узников – да и прочь себе утекла...

Сквара стоял, погрязнув по пояс. Едва сочившийся свет позволял видеть низкие своды. Полузатопленный ход тянулся влево и вправо. С обеих сторон залегал мрак. Гулкий, влажный, по всему – многолетний.

Безжалостная вода цепенила нагое тело, над поверхностью веяли сквозные токи... Сквара натянул сперва рубаху со стёганкой. Подумал – и всё-таки вымочил многострадальные штаны, поскольку иначе недолго было застыть. Попробовал представить крепость наверху, прикинуть, в какой стороне что находилось... Никакой уверенности не было. Он пожал плечами, двинулся вправо.

«Будет что будет, даже если будет наоборот...»

Некоторое время пятнышко света ещё угадывалось позади. Дальше ход повернул. Оставшись в слепой темноте, Сквара стал ощупывать стену, считать шаги, чтобы, по крайней мере, не заблудиться.

Счёт перевалил уже за четвертую сотню, когда за спиной глухо бухнуло, словно захлопнулась тяжёлая дверь. Сквара вновь испуганно замер, стал слушать. Спустя малое время в ноги толкнулась волна.

Продолжай он идти, мог бы и не заметить.

«Шутки шутить взялся, Гедах Керт?» – хотел было попрекнуть Сквара. Вслух выговорилось совсем другое.

– Дядя Космохвост... – прошептал он. – Это ты?

Ему померещилось, будто тьма вздохнула в ответ.

Сквара нашарил на груди кармашек, сбережённый в одежде. Вытащил кугиклы. Он высверлил их в обрезке доски, одну цевку подле другой. Должным образом промаслил – и не покидал больше под тюфяком. Куда ни шёл, таскал при себе.

Маленькая снасть вздохнула тихо и трепетно, губы сами сложились в улыбку, потому что иначе толку с кугиклами не добьёшься. Сквара не выводил никакого напева... Тонкие ствольцы жаловались, лепетали, тянули свой голос ко всем, обречённым скитаться в холодной тьме подземелий. Вот приблизился царский рында с кровавой повязкой через лоб. Следом подплыла зыбкая тень в лохмотьях жреческих риз. Потомок героев, исчезнувший вместе со страницей, выдранной из лествичника. Вот ещё кто-то, кого Сквара совсем уже с трудом себе представлял. Только сильную руку с зажатой щёбнинкой, готовую нанести черту на камень стены. Кинви... Финри... Мелькнуло видение заплаканной узницы, нежной и неповинной. Да что вообще надо сотворить, чтобы насовсем сгубили в темнице, а потом ещё душу на заточение обрекли?..

Кугиклы плакали о несбывшихся жизнях, о последней тоске.

О ночной дороге, по которой, держась друг за дружку, брели четверо малышей.

О радостном служении, о вдохновенных песнях, чьё эхо доныне таилось под гулками сводами.

О ледяных валах Твёржи, о стынувших в морозном тумане утёсах Конового Вена...

Сквара опустил кугиклы. В глубине хода растаяли последние всхлипы.

– Дядя Космохвост...

Темнота отозвалась то ли стоном, то ли смешком, то ли отзвуком далёкого крика.

Сквара поник было головой, но тотчас встрепенулся. Если тут так привольно разгуливали сквозняки, значит где-то был продох. Вода, чьё несильное, но явственное течение он осязал стынувшими ногами, должна была откуда-то затекать. Причём с оттепели, не с мороза...

– Ну что, дядя, – пробормотал Сквара. – Ощупью ходим ночью как днём, плещет в штанах, но мы не сдаём... Грозные ятра смёрзлись в ледышку... Вышибем крышку!

Улыбнулся, поспешил вперёд, расталкивая коленями воду, чуть не приплясывая. Было смешно и совсем не страшно, а ход вроде бы постепенно выводил вверх. Темнота играла с ним в игры, заставляла видеть пятна и вспышки прозрачного света. Порой они складывались в бестелесный облик, скользивший над водой впереди.

Ознобиша сидел за столом в книжнице, обложившись старыми картами, путевниками, описаниями коренных земель Андархайны. Он все их уже пролистал, пора было нести обратно на полки, но меньшей Зяблик не двигался с места. Глядел, замерев, на язычок пламени, ровно стоявший за медной сеточкой, за стёклышком дозволенного светильника.

Где-то там, далеко на юге, где в Беду жестокий огонь не падал ключьями с неба, как здесь, а местами летел по самой земле...

Где-то там, в половине пути до сожжённой фойрегской круговины, стоял большой кряж холмов, называвшийся забавно и ласково: Ворошок.

Боярский род Нарагонов, много веков назад свивший гнездо в холмах, дал крепости своё имя. Однако городок в долине был старше. Поэтому к замку с самого начала прилипло другое название: Невдавень. Недавно выстроенный. Имя бытовало почти до самой Беды. Пятью годами прежде гибели Андархайны здесь разразилось своё худо, не настолько вселенское, но тоже не позавидуешь. Свард Нарагон, по прозванию Крушец, увидел худшее из отпущенного человеку: погребальный костёр своего первенца, Глейва. Что удивительно, даже сухой слог дееписания не минул намёка на небесную кару, постигшую владельца Невдавени. Полгода спустя Свард погиб на охоте, свалившись в безобидный ручей. Тогда же был утрачен и родовой перстень боярского рода, подарок Йелегена Второго. Дурная примета, признак близкого зла! Едва справили тризну, как умер от гнетухи второй боярич, Сабал. Ни того ни другого вдовый отец женить не успел. Наверно, всё невесты попадались слишком разборчивые. Последний сын, Болт, хозяйствовать в старой крепости то ли не захотел, то ли не возмог. Оставил праотеческий дом чужим людям. Отъехал счастья искать...

В удатном месте подобные злыдни не приключаются.

Местный народ, судя по всему, тоже так полагал. Пришлось замку опять сменить имя. Теперь он звался Невдахой.

Ознобиша на разные лады твердил это слово, в животе всё более холодело. Сведущий Воробыш подслушал вчера, как Инберн назидал стряпкам, готовившим дорожный припас: «Всем чтобы до Невдахи хватило!»

Новая услышка почему-то столь напугала Ознобишу, что он никому

ничего не сказал, даже Скваре. Сразу побежал заправлять знакомый светильник. Из книг ему легче было принимать злые вести, чем от людей. Теперь он всё знал. Уезжая, Болт Нарагон отрёк замок мирским товарищам Ветра. Ныне в крепости располагался один из путей котла – учельня летописцев, счислителей, помощников судей.

Огонёк за чистым стеклом горел ровно и ярко... Что напишут через двадцать лет про Чёрную Пятерь? Доведётся ли кому прочитать о верёвке казнённого, свившейся в плетёжок побратимства?..

Всего более державец Инберн любил размеренную, спокойную жизнь. Как говаривали в коренной Андархайне – сегодня мостить дороги, а завтра ездить по ним, не зная беды!

Вот только Владычице зачем-то было угодно, чтобы плавный бег этой жизни всё нарушался кочками да горбами.

Когда сразу трое приспешников начали кашлять и покрылись сыпушкой, державец огорчился, поняв: нежданную помеху с рук запросто не стряхнёшь.

– Карает нас Правосудная... – прошамкал старый Опура. Юношеские прыщи гадко и смешно казались сквозь редкую седую порось на щеках. – Умножилась в людях неправда!

Толстая Кобоха предположила, что трое заболевших чаще других пробовали яства, предназначенные для высокого стола, отчего и были наказаны. Запонец у неё был с надставленными завязками. Понятно, она страсть любила уличать в обжорстве других.

– Да я!.. – возмутился Опура. – Да за такие слова!..

Его сжатые кулаки выглядели ещё смешнее обсыпанных краснотой щёк. Кобоха схватилась за скалку. Приспешники подались в стороны, рассчитывая повеселиться, но до драки не дошло. Дед согнулся в три погибели, остановленный кашлем.

– Вон с моей поварни! – погнал Инберн паршивых. – Роетесь тут нечистыми руками!

Изгнанные вышли, повесив головы. Очень скоро всех троих позвали обратно. Никто не знал погребов и припасов так, как они.

Поразмыслив, Инберн заподозрил самое скверное. Велел послушному Лыкасику разжечь светильник поярче.

– Ступай посмотри, что там делается, расскажешь. Особо приглядишься к стенам и потолку...

Прозвучало зловеще. Воробыш забоялся. Подумал, что Инберн мог бы отправить вниз кого поплоше, вроде чёрной девки Надейки: сиротой

меньше! Хватились такой, когда уж и лёд прошёл!.. Тут же вспомнил, как Сквара помогал Надейке двигать неподъёмные короба. Стало совестно. Воробыш сморщился, нырнул в раскрытую прорубь, веявшую неподвижным земляным духом.

Инберн остался ждать, беспокойно теребя усы.

Погреба, где хранилось съестное, были отгорожены от прочих крепостных подземелий надёжными стенами, возведёнными уже после Беды. Лыкаш вырос в деревянной избе. Левобережники трудно привыкали к камню. Однако даже он понимал, что работа была вовсе не образцовая. У стойного плотника ведь не торчат внутрь дома корни и сучья, не свисает кора...

Голоса наверху отдалились, стали невнятными. Пламя светильника придавало уверенности. Лыкаш немного обжился, осмелел, сделал шаг прочь от лестницы, пошёл чередой тесных палат. Мимо плыли кадушки и стенные полницы, заставленные горшками... Тени как-то слишком проворно отбегали назад. Воробыш рад был жить под рукой Инберна, но сейчас, право, не знал, что лучше: брести тут в тишине – или гоняться по лесам за рыжим Лутошкой, проворным, злым и оружным. Неровную кладку густо обомшили бурые потёки, красиво отороченные белым пухом. С потолка свисали лохмотья вроде густой паутины. Они колебались в потревоженном воздухе: ловчие тенёта, наделённые собственным движением...

Достигнув самой дальней стены, Лыкаш вздохнул с облегчением. Начал соображать, какими словами доложит всё Инберну. Зачем-то протянул руку, тронул камни, как бы подтверждая, что в самом деле здесь побывал.

Ох, не надо было ему этого делать!.. В каменной толще вдруг ожило, заскреблось, вздохнуло, заплакало...

Воробыш едва не оглох от собственного крика. В углу справа шарахнулись тени, которым совершенно точно не полагалось там быть. Слева, наоборот, засветилось, как гнилушки в мокрой земле. Зловещие паутины стали отделяться от потолка, путаться Лыкашу в волосы, слетать на глаза...

Сейчас совсем обоймут...

И будет он ворочаться на полу уже не человеком, каким проснулся с утра, а жутким коконом, бурым в белом пуху, по сути съеденным, но ещё шевелящимся...

– Мама-а-а!

Обратно в поварню Лыкаш вылетел чуть не плача от пережитого

страха, с белыми глазами и непослушно кривящимся ртом. Вот, стало быть, отчего заговаривался и пачкал штаны несчастный Опура. Возьмёшь в толк, как сам того же хлебнёшь...

– Полно мамкать! – оборвал Инберн. Стало понятно: державцу тоже было очень не по себе. – Что видел?

– Там... там... – всхлипнул Звигур.

– Сказывай толком, не то обратно закину!

– Из стены лезет... Жалуется, стучит...

Приспешники попятились от поднятой западни. Инберн нахмурился. Кажется, подтверждались его худшие опасения. Кашель, сыпь... А теперь и юный гнездарь, которого он намечал себе в преемники, начал видеть и слышать всякую небыль.

Всё как прошлый раз.

Погреба пора было окуривать.

За пределами крепости, в сухом амбаре, сберегалась до случая горячая сера, добытая в верховьях Смерёдинки. Требовалось сделать немного. Перво-наперво поднять наружу съестное. Потом внести во все подземные храмины дырчатые горшки, полные рдеющих углей. Утвердить поверх каждого по сковородочке жёлтых комьев... И – прочь что есть прыти, сияясь опередить погибельный чад! А уж там дед Опура запечатает всю западню глиной кругом, как запечатывал андархские печи. Только крышку поднимут не через полдня, а суток через трое, когда в поварне окончательно перестанет вонять.

Ничего особенного. Немного повременить, да и всё...

Прошлый раз, когда в погребах расплодилась плесень, Инберн выпросил у Ветра смертника. Убийцу, откупленного в Шегардае.

Как все лиходеи, осуждённые смерти за душегубство, тот человек отчаянно хотел жить. Прежде чем спускаться, он замотал рот и нос мокрым тряпьём. Видел, как ограждали своё дыхание городские золотари. А уж обратно по всходу невольный окурщик не взошёл – вылетел пузырьём из воды. Потом оказалось, что последней серницы до углей он не донёс. Очень торопился спастись.

Он всё равно взялся кашлять сперва гноем, потом кровью и наконец умер, посинев от удушья. Не дожил до праздника, когда Ветер собирался напустить на него учеников.

Приспешники постарше очень хорошо это помнили. Молодые были наслышаны.

Инберн то обводил рассеянным взглядом поварню, то, хмурясь, смотрел в тёмную прорубь.

– Сейчас жеребья метать заступник велит... – вздохнул кто-то.

Толстая Кобоха что было сил вцепилась в подпечек. Так, словно её собрались отдирать и тащить, а она – нипочём не даваться. Девчонка Надейка моргала, закусив трепещущий палец.

Опура вдруг широко и радостно улыбнулся:

– Не надо нам, твоя почесть, никакой жеребьёвщины. Я тебе добровольник. Я-то пожил!

Лыкаш тоже дёрнулся вперёд, но спохватился, одумался, отступил.

– Ты? – словно не вдруг заметив Опуру, сказал Инберн. – А дробчоны кто взбивать будет?.. Загигбеники чинить? Кроме тебя недельца найдём! – Повернулся к вздрогнувшему Воробышу. – Этот ваш кабальной... долго ещё кладовку населять будет?

Гнездарю стало страшнее, чем в древодельне, когда Беримёд уличал их со Скварой в намерении вытесать гусли. Он бухнулся на колени:

– Добрый господин... твоё высокостепенство...

Инберн удивился:

– Ты меня о кабальном вздумал просить?

Лыкаш стиснул правую ладонь левой:

– Добрый господин... Моя мамонька вовсе по-другому плесень отжигивала. Стены велела мочой мазать, на пол красную соль сыпала... И пропадало...

Инберн не сразу, но прислушался. Насчёт мочи всё было понятно. Если в ней добела стирали одежду, значит и стены могла вычистить. Державец грозно уставился на ученика, встопорщил усы:

– Какую такую соль?..

Воробыш почувствовал на себе взгляды всей стряпни, почти пожалел, что высунулся. Однако представить, как давятся собственными лёгкими Опура или Лутошка, было ещё невозможней.

– Не в пронос твоей чести, господин... Красную. Я сам видел за Неусыпучими топиями, она там ключами кипит... И на вкус та же...

Инберн обошёл его, снова заглянул в прорубь. Кабального Ветер ему навряд ли отдаст, да и смертников в Чёрной Пятери ожидали ещё не скоро. Державец снова подумал про холопа в кладовке. Кажется, затею дать парнишке самострел поднесли источнику те двое неразлучных, младший Зяблик с дикомытом. Ветер их похвалил. Может, и Лыкашка не только умение греть масло для пряженцев из дому принёс?

Он принял решение.

– Сроку тебе седмица. Ухичивай погреб, как у вас принято. А не пропадёт плесень, полезешь окуривать.

Продух Сквара нашёл, но не очень обрадовался. Он всё-таки не угадал направления. Мрачный ход вывел его далеко за пределы крепости, под скалы у маленького лесного зеленца, служившего кормовищем вепрям и зайцам. Чтобы выбраться наружу, пришлось пластаться в щели между камнями. Сквара застревал, обдирался, гадал про себя, на что ему это надо. Он всё равно не хотел возвращаться в крепость поверху. Бежать от зеленца до зеленца по лютому морозу – невелика радость. Да и светильник хорошо бы забрать, покинутый на краю подтюремка... Тем не менее всякий путь следовало пройти до конца. Извиваясь и брыкаясь, Сквара вывалился из расселины и некоторое время блаженствовал, отогреваясь в тёплой калужине. Он даже не очень опознавался кругом. И так хорошо представлял, как выйти сюда лесом. Может, пригодится когда. А нет, ну и не надо.

– Была б дыра да пар валил, – лениво пробормотал он. – А что сунуть найдём...

Влажное тепло навевало дремоту. Залёживаться было нельзя, но от этого только хотелось плотнее сожмуриться, притворяясь, будто нежишься в домашней мыльне и пар любит в костях, изгоняя усталость дальней дороги. «Вот он я, мама. Не сердись уж, что припоздал...»

Так всё время тешил себя несчастный Лутошка. Вот засну и проснусь, и вновь станет канун Маганкиной прелюбы, и не сунусь я нипочём в проклятый собачник, саночки возле двери поставлю да мимо тихо пройду...

«От мечтанья не сбудется, – говорил ему Сквара. – Случилось уже, теперь думай, как жить, а отменить не отменишь!» Лутошка не слушал. Лил пустые слёзы о небываемом. Что взять с бедолаги? Добро бы отца его люди хвалили Корнем или Пеньком. А то – Недобоем.

Опёнок зло выругался, поднялся из нагретой лужи, полез назад, в знакомую тьму. Холод сразу вцепился отточенными когтями. Болотная вода стекала под землю, постепенно утрачивая тепло. Петь больше не хотелось. Сквара стучал зубами, чертил рукой по стене, отсчитывал шаги.

Когда, согласно этому счёту, впереди должно было забрезжить пятнышко света, темнота осталась непроницаемой. Сквара замер на месте, стараясь проглотить накативший страх, раздумывая, мог ли где-нибудь свернуть не туда. Получалось – не мог. Волей-неволей вспомнился глухой удар за спиной. Волна, плеснувшая в ноги.

– Чего боюсь-то? – спросил он вслух. – Коли так, обратно в болото... –

И тут же почти вьаве увидел, как злая воля смыкает без того едва проходимый лаз под камнями. – А нет, дальше побреду, куда-то ведь выйду!

«Ага, в завал упрусь или в стенку...»

Он очень бережно переступал босыми ногами, ища зыбкие плиты, так испугавшие его поначалу. Нашёл – выдохнул с облегчением: почти дома! Сейчас будет размыв. Щель в подтюрьмок, где всего-навсего иссякла маслёнка слабенькой лампы...

Промоина не обманула, разверзнувшись ещё внезапней, чем по дороге туда. Сквара вынырнул, одушевился, запел:

– Экий ты, братец, право, трусишка... – Он-то решил уже, что исчерпал все созвучия к слову «крышка» и нипочём не выдумает иных, но они вдруг посыпались сами. – Млеет душа, намокли штанишки... Рвись из-под крышки!

Руки быстро ощупывали стену, разыскивая иззубренные окраины трещины. Сквара так радовался и спешил, что даже отсутствие сквозняка не предупредило его. Ткнувшись в глухую преграду, он вновь замолчал от неожиданности и обиды.

– Эй, Гедах... или ты, как тебя... Финдриг... Дядя Космохвост, ну за что? Это ж я!..

Проход исчез, не оставив даже волосяной щёлки для дуновения. Отломок, через великую силу уложенный на рычаг, выплюнул деревяшку да, кажется, врос на вековое место в стене...

Шевельнувшийся было страх смысла ярость. Сквара до того обозлился на подземного духа или кого-то более телесного, вздумавшего запереть его в подтопленном коридоре, что готов был дать бой без пощады – вот только добраться! Кое-как отыскал на корявых стенах опору ногам, подпёр вероломный камень плечами...

Отломок на удивление легко уступил бешеному напору. Сквара вывалился в подтюрьмок. Его тотчас окутал тёплый свет жирника, показавшийся ослепительно ярким. Камень вновь бухнул в стену и упокоился, став почти незаметным в путанице трещин. Взбаламученная вода медленно унималась. Сквара даже не стал вылавливать из неё обломки рычага. Задыхаясь, всхлипывая, взбежал по ступеням, обжёг о стекло неверные с холода пальцы, кинулся вон.

– Чтоб тебя, Лыкашка, болячка взяла, – разворчался в потёмках опочивального чертога Хотён. – Ну вот кто тянул за язык!

Он был недоволен. Утром младшим ученикам лежала дорога к Неусыпучей топи – таскать красную соль.

– Учитель бы повременил да кабального отдал в окурщики, – поддержал Бухарка.

Пороша зевнул:

– И старик дело говорил... Порно ему, пожил.

Ознобиша взял под одеялом Скварину руку, ткнул ему в ладонь пята длинной палки. Дикомыт сразу проснулся, ощупал жердь. Ознобиша бережно стал направлять её в середину палаты.

– Тебя бы туда, – сказал Хотёну Лыкаш.

– А что? Плесень больно вонькая, смердит?

Воробыш рассердился:

– А не слышал ты, как в стене жаловалось, человеческим зыком стонало и в погреб скреблось!..

Лежак под Ознобишей вдруг затрясся. Сирота начал шарить, доискиваясь причины, нащупал братейку. Сквара корчился, закусив угол подушки. Ознобиша тревожно потянулся к нему. В ответ Сквара сунул кармашек с кугиклами. Зяблик сперва растерялся. Потом сам зарылся головой в одеяло, чтобы не захохотать вслух.

– Значит, теперь по малой нужде будем в погребке цедить, не в портомойне, – сказал Хотён.

– Нам зачем? Одного Опуры достанет.

– А как цедить велят, в кувшин или прямо на стены?

– Кто выше достанет, медовый пряник дадут...

Под озорной разговор младший Зяблик нацеливал палку, стараясь попасть в козлы одного из восьми топчанов, сплочённых посередине. Когда он решил, что всё удалось, они со Скварой сообща налегли. Раздался скрип...

Кто-то взвизгнул, заверещал. Сквозь темноту брызнуло жаркой пылью кресало. Братейки мигом спрятали шестик под одеяло, уткнулись и засопели. К ним даже не стали особо приглядываться. Эти двое редко прокудили.

Постепенно всё успокоилось.

– А из стены-то: ух, ух, не спущу!

– Мужеским голосом? Или девка-пискля?

– Вольно под одеялом смеяться, – обиженно буркнул Лыкаш. – Сказано, тебя бы туда! Тенёта на голову падают, камень светится, и оно из стены плачет...

– Тумана хоть не было? – спросил кто-то.

– Какого тумана?..

– Да люди сказывают, есть места, где в туман прянешь и насовсем

пропадёшь.

– Ну тебя! Наговоришь под руку, в зеленец боязно входить будет!

Ознобиша и Сквара согласно налегли снова. На сей раз меньшей прицелился верно. Что-то хрустнуло, срединный плот застонал – и с нарастающим шумом рухнул весь целиком, чтобы уже на полу рассыпаться досками, тощей постельной мякотью, барахтающимися телами. Никто особо не зашибся, но крик поднялся такой, что снова зажгли светильник, стали искать, кого бить за озорство.

Два злодея тихо лежали рядом, пряча между тюфячками славно послужившую жердь.

– Не так жалко теперь... – прошептал Ознобиша.

Сквара насторожился:

– Чего не жалко?

– Ехать мне скоро, – вздохнул Ознобиша. – Насовсем. Лыкаш dokonно узнал...

Сквара про всё забыл, вскинулся на локтях:

– Куда хоть?..

Ознобиша грустно шмыгнул носом:

– Кто ж скажет... Наверно, куда тех... разинь.

– Каких разинь! Ты умом светел!

Выбравшись из затопленных подземелий, Сквара гордился, знал себя победителем. Тут вся его гордость развеялась золой на ветру, сменившись бессилием. Вот так братейко мог бы сказать ему, что одержим лютой болезнью и через месяц умрёт. Тоже душа разорвётся и закричит, вызывая к немедленным действиям... а поди что-нибудь сделай.

– Воинских наук мне не вытянуть, – тихо продолжал Ознобиша. – Меня ведь рыжак ловить даже не посылали. А мирской путь... это, я понял, в коренных землях. Невдаха... замок такой... Совсем далеко...

Сквара свирепо пообещал:

– Я тебя всё равно найду! – Вспомнил, добавил сквозь зубы: – Братья за братьев... сын за отца...

– Холод и страх не пустим в сердца, – как-то трудно выговорил Ознобиша. – А я помню, как второго звали.

– Кого?

– Который с Гедахом... Попущеник его простить молил... Кинвриг, вот.

Сквара подгрёб его к себе, крепко стиснул. Меньшой Зяблик не издал больше ни звука, только плечу стало мокро и горячо.

Мешок

Лутошка сидел на куче сухого мха, зарывшись носом в колени, и опять понимал: жизнь кончена.

Он вначале не хотел брать самострел. Какого проку ждать от оружия, к которому нет привычки? Дедушка и отец снаряжали на охоту обычные луки. И Лиска с Лутошкой, как начали подрастать, учились тому же. Не ими началось – не им обик менять! То есть самострела в их краях не то чтобы вовсе не знали. Знали, конечно. Острожане лишь отводили всему должное место. Самострел легко взводить двумя руками, уперев в брюхо приклад. Его не надо всё время крепко держать, пока целишь. Но зато из лука десять стрел можно высыпать, пока из самострела – одну. А заяц, недобранный с первого раза, тем временем ускакал. А вебрь, что куда хуже, тебя самого пороть подоспел... Потому-то в руках у охотника место доброму луку. А самострел пускай настороженным ждёт возле тропы.

Бегать с ним по лесу? От переимщиков отбиваться? Ну уж нет!

– Владычица, дай терпенья! – сказал дикомыт. – Я тоже самострел не люблю, но раз надо, какой разговор?

Лутошка было упёрся:

– Не хочу за бабым орудьишком изгибнуть! У нас такой веры нету, чтобы короткими болтами...

Ознобиша выслушал, кивнул, потянул друга за рукав:

– Что дурня уламывать! Захотел в смертники, не нам встравать стать...

– В смертники?! – ахнул Лутошка. – Так ведь Лихарь... господин стень... он же вроде поправился... Или как?..

Правобережник пожал плечами:

– С копьём за тобой бегать меледа, с ним ты ничего нового уже не покажешь. Вот господин державец и спрашивал, не дадут ли тебя в окурщики, погреб от плесени поганым дымом травить.

– Каким таким ещё дымом?.. – окончательно испугался Лутошка.

К мысли о том, что однажды – не сегодня, конечно, – его прибьют до смерти, острожанин вроде уже притерпелся. Ну или думал, что притерпелся.

– А тем дымом, – сказали ему, – которым у речки Смерёдинки пышет.

Лутошка вскочил, как обжёгшись. Речушка Смерёдинка совсем не зря так прозывалась. Мимо её верховий отваживались ездить только с наветренной стороны: там клекотала, харкала вонючим паром

немилостивая смерть. Она выедала глаза, обращала живые черева в нежидь. Лютая смерть. Хуже только в костёр голому прыгнуть. Да и то...

...Мораничам хорошо было говорить. Сами они самострелами владели – залюбуешься. На поляне за пределами зеленца у них была устроена стенка из больших снежных глыб, называвшаяся городком. По сторонам торчали надолбы, вылепленные в рост человека. Ознобиша метал в них комья, обвалинные в саже, чтобы оставались следы, а Сквара стрелял. С разворота, на бегу, в быстром кувырке. Даже зажмурившись.

Друзья стали наперебой объяснять, как успокаивать дыхание, как следить за напряжением в локотнице. Приунывший Лутошка повесил голову ниже плеч:

– Я всё равно так не смогу...

– Нет слова «не могу», – сказал дикомыт. – Есть слово «я плохо старался».

– Тебе хорошо! Ты вона какой!

– Ага, и бабьих орудьишков не чураюсь.

– Как побежишь с самострелом, тебя станут бояться, – начал терпеливо втолковывать Ознобиша. – Болты хоть и тупые, да вдруг в глаз?

Укладывать спуск между сердечными толчками острожанин так и не наловчился, но в стоёк скоро стал уверенно попадать.

Потом его выпустили в лес...

Самострел у него, понятно, был слабенький. Стрелы – с угольками на комликах. Чтобы не пробили плотный кожух, но метину оставили бо́льшую и внятную, не отскребёшь. В первую же ночь Лутошка отвадил Бухарку, засадив ему прямо в грудь. Честно заработал иверину.

– Очень-то не ребришь: это тебе свезло, – предупредил Сквара, но втуне.

Лутошка ходил, не касаясь земли. Мысленно он уже мчался к морю. К причалам на севере, куда натоптали тропку другие, избывшие кабалу.

«А тебя, дикомыт, я вовсе в левый глаз заражу!»

Лутошка ещё не простил долговязому ни хлопка оземь, ни глумливой мягкости, с которой возле Серых холмов пала на плечи умело брошенная петля...

Ещё ночь – и стало окончательно ясно, что правобережник ошибся с предупреждением. Умный Лутошка натянул поперёк своего следа тонкую жилку. Хотён с разгона потревожил её – и, поспешно нырнув в снег, долго не решался подняться: вдруг да сработает хитро свёрстанная ловушка?.. Господин котляр, почему-то очень довольный Лутошкиными успехами, сделал на мёртвой грамотке вторую зарубку. Острожанин загибал пальцы,

высчитывал, сколько осталось дневать в постылом чулане. Сбивался, терял то одного, то другого унота, начинал счёт заново... Это развлекало его.

Он надумал даже помиловать дикомыта. Не в глаз уметить, а в брюхо. Чтобы синяк седмицу выпрямиться не давал, покуда пройдёт, вот как!

...А потом везение кончилось. Оттябель Пороша не испугался болта, свистнувшего у щеки. Вдругорядь взвести тетиву Лутошка не успел. Пороша скрутил его, в охотку отпинал, с торжеством повёл на петле. Этот был не так сметлив, как Хотён, но проворство и храбрость всё искупали. До утра Лутошка не столько оплакивал очередное пленение, сколько злился и недоумевал. Отчего случилась оплошка? Оттого, что слишком поверил в себя, решил как следует навредить и целил в лицо? Или, наоборот, рука дрогнула и духу не достало причинить смерть? И как следовало понимать неудачу: всего лишь как случайный урон, на день-два отсрочивший волю, или как предвестье будущих бед?..

Утром в поварне за стеной расшумелись больше всегдашнего. Потом заплакали стряпки. А дальше стало на удивление тихо... и никто не принёс Лутошке поесть. Он бы сам сходил, но было заказано. Высовываться дозволялось только по нужде, и то – бегом. Лутошке стало страшно. Он сидел на куче мха, вспоминал недавние разговоры об окуливании. Пугливо воображал серницы, смрадно шающие в темноте погреба. А если страшная туча одолела плохо промазанную западню и уже растеклась по всей крепости, вволю губя живое, до срока обходя лишь один неприметный чулан?..

Он почти въяве ощутил, как засочилась из-под двери знакомая и жуткая вонь... взвыл от испуга, когда дверь действительно распахнулась. Однако вместо дымного чудища через порог шагнул Ознобиша. Он держал на ладонях плоску с едой.

– Что блажишь?

Лутошка устыдился, нахохлился, промолчал.

Зяблик сунул ему деревянную миску, сам присел у стенки напротив. Голодный острожанин горстью запихнул в рот половину снеди и тогда только обратил внимание: зелье тоже было порублено не как обычно. Иной рукой. Лутошка жевать даже перестал, поднял глаза.

– Дед Опура в погребе умер, – негромко проговорил Ознобиша.

Лутошка поперхнулся. Вонючие серницы снова зарделись перед глазами, воссмердели погибелью. Желудок стиснула рука, проглоченные куски запросились обратно.

– Он... его... окурщиком?.. В смертники?

Ознобиша покачал головой:

– Нет, там красную соль пробуют, как Воробыш присоветовал. Дед, видно, слез посмотреть, ладно ли дело идёт.

Лутошка проглотил застрявшее, хохотнул. Не оттого, что сильно развеселился, просто от облегчения.

– Так он из лет выжил давно!.. В кашу, что ли, этой соли насыпал?

– Со всхода поскользнулся, – прежним ровным голосом сказал Ознобиша. – Оборвался, шею сломал.

Он смотрел куда-то мимо Лутошки, в стену. Тот никак не мог уловить его взгляд и понять, что было у моранича на уме.

Ознобиша дал ему дожевать, забрал плошку, поднялся:

– Пошли.

– Куда?.. – снова перепугался Лутошка.

– В лес.

– К-какой лес?.. День белый стоит!

До сих пор его выпускали только ночами либо глухим вечереньем, а приходил за ним всегда Беримёд. Старший ученик был очень немилостив, но Лутошка успел привыкнуть. Всякое изменение в заведённом порядке сулило новые кары.

– Да в ту же круговеньку, – сказал Ознобиша. – Вставай, пошли.

– А впереймы кто?..

Зяблик ответил:

– Там увидишь. – И непонятно добавил: – Или не увидишь.

...Лутошка, оказывается, до того крепко запомнил свою тропинку в ночном серебре или почти крошечных потёмках, что среди дня знакомые места глядели чужими. Он торопливо переступал лапками, со звоном рассыпал череп, стеклянный от утреннего мороза. Останавливался, ловил в тихом воздухе хоть подобие звука. Снова пускался вперёд, пугливо вслушивался сквозь хруст собственных шагов, держал самострел наготове...

«Только покажись, не спущу!»

Ничего не происходило так долго, что острожанин уже отчаялся сообразить, какую новую гибель на него придумали котляры. Ожидание становилось невыносимым. Выбравшись наконец на открытое, надёжно схваченное болото возле края Дыхалицы, Лутошка стал озиаться кругом.

Он медленно переступал на одном месте, прильнув к ложу самострела щекой. Странное чувство заставило его оторвать взгляд от дальней опушки, присмотреться к собственному следу. Что-то было не так... что-то было не вполне правильно...

Больше сообразить он не успел. Неизвестно откуда явился мешок, упал на голову, затмил белый свет. Лутошка ахнул, бросил руки к лицу, палец сам собой нажал на крючок, пустил болт без толку и цели... Даже не долетев носом до снега, кабальной понял: спастись не получится. Упал он уже с заломленными руками, беспомощно брыкаясь. Всё дело заняло мгновения. Моранич связал его, соединил за спиной локти, потом взял за шиворот, поставил.

– Эй... – глухо сквозь плотную пестрядину подал голос пленник, но ответа не добился.

Лутошка потянулся лицом к плечу, пытаясь сдвинуть куль с глаз, однако и тут не преуспел, путы слишком мешали. Моранич подобрал самострел, засунул приклад ему за пояс. Твоё добро, сам и неси! Накинул на шею петлю-тяжёлку. Дёрнул, заставляя идти...

С той же лёгкостью мог бы совсем повесить Лутошку, стоило захотеть.

Он не казнил взыня по вертепижинам и раскатам, вёл более-менее ровным путём. Ни разу даже не стукнул, но, кажется, уж лучше бы побил: всё меньше напужки...

Понукаемый тяжёлкой, Лутошка брёл в слепую безвестность и только твердил себе: не убьёт. Иначе кого другие ученики обходить станут? Хотя...

Сквозь темноту

Лихарь встал на пороге маленькой подземной каморы. Загасил светильник, склонил голову. Начал отгонять сторонние мысли, как надлежало перед молитвой.

В Царском Волоке был большой зал для советов, пиров и общих молений. Чудо зодческого труда с расписными сводами, опирающимися на стройные каменные столбы. Ох и службы творились там за несколько лет до Беды! Учитель рассказывал: сельщина приходила издалека, съезжалась на лодках послушать. Люди внимали святым жрецам, будто потешникам, веселящим народ куклами-пятерушками. Выходили из хоромины, утирая слезящиеся от смеха глаза.

Это было неправильное служение. Наводя порядок, Круг Мудрецов прислал в Царский Волок благочестного ревнителя веры. Лютомер Краснопев живо прекратил скоморошество. Вот чьё слово, честное и суровое, Лихарь, право, послушал бы. Но не довелось. Разминулись...

Внутри маленькой каморы темноту нарушали бледные сполохи. Когда к порогу кто-нибудь подходил, стены оживали зарницами прозрачного пламени, лучше видимого не прямым зрением, а по краю. Это говорил с живыми святой усердник Владычицы. Каменный закоулок лежал в чреве земли как раз под местом гибели Краснопева.

Когда по земной тверди пошли волны, чудесные своды рассыпались. Поговаривали, будто на воздевшего руки жреца плашмя рухнула стена с кумирней Владычицы. То ли в объятия приняла Своего верного, то ли это он поддержать пытался Царицу... Останков Краснопева позже не откопали. Да и не очень откапывали, правду сказать. Было не до того. Как именно было, Лихарь видел уже сам.

Внутренние палаты крепости превратились в горы обломков, однако толстостенные погреба в основании зала вынесли всё. Лихарь с Ивенем здесь знатно полазили. Без конца дознавались прохода в Мытную башню, сокровищницу хотели открыть. Всякий раз, когда они решали, будто разведали всё до последнего камня, за грудами битыша обнаруживалась ещё дыра в темноту.

Этого стень не мог обороть. Стоило спуститься сюда – вспоминал те вылазки с Ивенем... вплоть до самой последней, её же – в особенности. Что-то в нём начинало ждать: вот сейчас Ивень выйдет из темноты... улыбнётся, глянет в глаза...

Может, прежний друг и теперь стоит за спиной?

Лихарю потребовалось страшное усилие, но он не обернулся. Спасение было только одно. Рука сама вползла под стёганку, проникла в ворот рубахи... нашарила ветхую кожаную зепь, висевшую на гайтане между подоплёкой и тельницей... Лихарь вытащил небольшую книжку, поцеловал, прижал ко лбу. Как всегда, затрёпанная обложка приникла материнской ладонью. Живо отступили прочь все лишние тени, зато стали видней призрачные пламена, трепетавшие по стенам.

Стень шагнул через порог. С трудом, опираясь на руку, преклонил колени, благо здесь только Мать видела его слабость. А Матери он не стыдился.

В этом погребѣ не оставляли приношений, не теплили жертвенных огней. Верные мораничи приходили под святые своды очистить душу, сосредоточиться... поблагодарить...

Ветер предрекал: простота маленькой молельни однажды может смениться огнями и позолотой настоящего храма. Богописец запечатлит Краснопева яркими красками на доске. Благочестный предстанет в миг Беды возводящим людей по горней тропе, прочь от разрушенных стен, сквозь огнистое небо, – туда, где милосердно распахнула объятия Справедливая...

Ветер почему-то не хотел, чтобы молельня преобразилась. А вот Лихарю нравилось помечтать об украшении храма, о дивной картине, восславляющей подвиг Краснопева.

Он так зримо представлял ход светлых теней и багровые облака, что, кажется, сам бы сел рисовать. К его немалой досаде, способностью творить зримые образы Владычица его обделила. Он пробовал. Рука раз за разом оказывалась бессильна передать то, что видел умственный взор.

Вот Ивень... у того получалось...

– Ну, стало быть, вновь поклон вам, подземные духи, – поздоровался Сквара. – И тебе, дядя Космохвост, и тебе, что ли, Гедах Керт, и тебе, Фин... Кинвриг. И ещё иным, кого величать не умею! – Он помолчал, подумал, предупредил: – Ныне хочу ошуюю пройти.

Надо было прошлый раз сюда повернуть, не обманываясь правостью десной стороны. Всего через полторы сотни шагов Опёнок выбрался из воды, правда, по каменному полу текло всё равно. Чуть дальше босые пальцы пребольно ткнулись в преграду. Сквара нагнулся пощупать, нашарил ступени.

Он вновь попытался представить крепость, громоздившуюся

над головой. Получалось, он стоял как раз в основании Мытной башни.

– Ивень Зяблик, Деждиков сын!.. – вырвалось у него. – Ты ведь тоже тут запертый бродишь?.. Лазил ты сюда за книгами непотребными или всё врут про тебя?..

Было жутко. Без конца мерещились прозрачные руки, тянувшиеся метить волосы сединой... хотя уж Сквара-то ничего не причинил ни старшему Зяблику, ни Гедаху с Кинвригом, ни иным страстотерпцам. Откуда знать, что творит посмертное заточение с бестелесным существом замученного в подземелье? Может, это существо, подобно живому узнику, сходит с ума, забывает, что одушевляло доброго человека? Спешит выместить зло на всяком, до кого доберётся?..

– Вот сами померём, тогда поглядим, – вслух пробормотал Сквара.

Вообразил себя хищно и невесомо плывущим во тьме, даже хихикнул. Страх тотчас отбежал. Сквара засмеялся свободней, поняв, что витавшим здесь душам просто не повезло. Ибо Светлые Боги, на Которых бы в такой беде уповать, то ли вовсе сгинули в Беду, то ли в Исподний мир провалились – и тоже сидели во вселенской холоднице, скованные ледяными цепями.

«Бог Грозы промолвил Богу Огня...»

– Бог Грозы промолвил Богу Огня, – вполголоса повторил Сквара. Кашлянул, воззвал громче: – Светлый братец, посмотри на меня!..

Ступени под ногами стали деревянной подвысью Кербогиной скоморошни, где под рокот гусельных струн беззаботные Опёнки творили кощуну.

Ты не плачь по мне, меньшей, не моги!
Пусть кругом ещё не видно ни зги,
Будет Солнце и небес бирюза –
Полыхнёт за окоёмом Гроза!
Ты запомни, брат, простые слова:
Стает снег, зазеленеет трава.
Сбереги себя, меньшей, сбереги!
Обороной от злодейки-пурги,
От мороза и ночной темноты –
Только ты теперь стоишь, только ты.
Обошла меня холодная рать.
Взмыл бы в небо – да цепей не порвать.
Стрелы чёрные нацелились в грудь...
Не забудь меня, меньшей. Не забудь...

Сквара не всякий день повторял скоморошину Кербоги. Теперь сам не знал, где тут были слова изначальной кощуны, а где – без всякого права досочинённые вместо забытых. В каком краю стоит теперь твой шатёр, дядя Кербога? Где пригожая дочка твоя добрым людям гадают? Совсем истрепала когда-то подаренный поясок или ещё не совсем? А у малыша Светела тоже, поди, борода скоро ползет...

«А мне и не достоин больше петь про Грозу, ведь я моранич теперь...»

Так оно, наверно, на самом деле и было. Ибо пол под ногами расселся – неожиданно и бесшумно.

Замечтавшийся Сквара шагнул с надёжного камня на древние доски, насквозь трухлявые от влаги. Опёнок был лёгок телом, но они свой-то вес держали до первого прикосновения. Провалившийся Сквара сперва повис на локтях. Гнильё было бессильно изранить, однако опоры не давало. Ноги болтались в пустоте, остатки досок знай себе подавались. Сейчас рассыплется окончательно, а внизу – если не дыра прямоком в Исподний мир, так ловчая яма с погибельными рожнами на дне... Кабы Светел, явившись искать, не уловил в переключке вздыхающих душ ещё и его голос...

«Вот помрём и... накаркал, ворон...»

Под локтем хрустнуло. Вместе с кучей трухи Сквара полетел в бездонную яму...

...И всего через несколько пядей встал на ноги.

Дыхание судорожными всхлипами рвалось из груди. Видел бы его сейчас кабальной!.. То-то возместку узрел бы за все неправды, принятые в лесу!.. Сквара ощупал пролом над головой, потом пол и стены вокруг. Он стоял в наклонной, очень гладко обтёсанной дудке едва в аршин поперечником. По полу бежал талый ручеек, было слышно, как вместе с водой съезжали сквозь тьму упавшие деревяшки. Сквара начал упираться руками и ногами, полез вверх.

Книга милостей

Покинув молельню, Лихарь вновь затеплил светильник. Хромая, пошёл дальше сквозь тьму. В первые годы после Беды погреба частью заложили, частью завалили камнями. Люди думали, будто преграждают путь ядовитому болоту, растёкшемуся перед Мытной. Теперь смешно, но в те дни работа вовсе не выглядела бессмысленной. Идя вперёд, Лихарь узнавал камни. Вот этот оказался слишком тяжёлым, он тогда не удержал отломка, упал, увлекаемый тяжестью... в первый миг решил даже, что руку сломал. А вот этот они с Ивенем волокли вместе...

Тень бывшего друга плыла рядом, заглядывала в лицо. Когда слева послышался шорох, Лихарь повернулся так, что в бедре натянулась жила. Вскинул светильник... Ноздрей коснулся знакомый удушливый запах. В нагромождениях битого камня отсвечивали два маленьких глаза. Мелькнула чёрная ость по мягкому золотому подшёрстку. Курна. Кровожадный, отчаянный крысолов, спаситель крепостных подземелий.

Ветер своего первого ученика чуть его именем не нарёк...

«Тебя как звать, оголец?» – спросил он воришку.

Тот долго отмалчивался, тая злость: монетку у него всё-таки отобрали. Наконец буркнул:

«Как надо, так и зовут».

Его вправду каждый день нарицали по случаю. У мальчишки не было имени, чтобы зацепиться душе. Может, мамка и назвала, прежде чем бросить, но он того не слышал. А может, вовсе не озаботилась.

Ветер понял, о чём он говорил.

«Ладно. Поглядим. Будет у тебя имя...»

На самом деле именно тогда глубоко внутри что-то дрогнуло, что-то робко потянулось к этому человеку. Однако чувство было до того непривычным, что он и не понял. Лишь на всякий случай ещё больше насунился.

У Ветра больше не было дел в городе. Пока шли к воротам, бродяжка дважды пытался удрать, но сник, убедившись: ни опередить, ни обмануть котляра ему не удастся.

Они весь остаток дня шагали по дороге на север. Над морем утихала гроза, тучи, обведённые золотом, постепенно рвались, плавилась, истаявали в малиновом пламени...

Ветер нашёл под скалой пятнышко сухого песка, сладил костёр.

Дал будущему ученику большой, немного помятый пирожок. С улыбкой смотрел, как тот подбирает крошки с ладони, стараясь не упустить ни одной. Потом растянулся в кругу тепла, веявшего от углей. Беспечно заснул... Уличный шатун свернулся напротив. Во рту держался вкус масляного теста, лука и сыра. Все мысли были только о сумке спящего котляра. В ней наверняка лежали ещё пирожки. И деньги в дорогу. А раззява эту сумку не то что под голову – даже под руку не уложил...

Подобравшись поближе, бродяжка бережно вытянул у мужчины из ножен хороший, острый нож. Помедлил, примериваясь к горлу спокойно дышащего человека... Всё-таки отсегнул, схватил сумку, удрал в темноту.

Он бежал туда, где привык и умел жить: назад в город. Однако везение кончилось. На полдороге, когда уже вовсю светила луна, он попался на глаза воровским людям.

От обычных горожан он легко увернулся бы. Но эти были такие же, как он сам, только взрослей, опытней и опасней. В тот день им не досталось удачи. Злые и голодные бродяги таили при себе кистени из тряпок с ввязанными камнями. Какая против них оборона?.. Лихарь до сих пор помнил свою тогдашнюю беспомощность. Страх, нещадные удары и то, как легко чужие руки разгибали его пальцы на ремне сумки...

А потом подошёл Ветер, не сильно отставший от беглеца.

Половину шайки мгновенно сдуло в кусты. Самым наглым достало ума дать бой. Пожалеть успели не все. Котляр водворил сумку на плечо, вернул в ножны нож, кивнул окровавленному воришке:

«Пошли».

Он даже не запыхался. Сирота побежал следом.

«Там, в котле... я стану, как ты?»

На другой день Ветер показал ему книжицу:

«Это слово Владычицы...»

Мальчишка для начала только отметил, что книжка выглядела небогато. Ни заморского письма на обложке, ни серебряных уголков.

«На что мне? – пробурчал он. – Я грамоте не умён...»

Котляр рассмеялся:

«Ещё прочтёшь. Пока пусть пазуху греет и душу от всех зол загораживает...»

Потом он рассказал: глядя, как воришка подбирается с ножом к его горлу, совсем было решился назвать приёмыша Курной. Но руку перехватывать не пришлось.

«А вот лихости в тебе на троих. Будешь Лихарь!»

«Книгу милостей» он давно выучил наизусть. Это было самое простое

и первое наставление в вере, созданное для тех, кто среди многих Богов избирал для себя Владычицу Морану. Начальная ступенька великой лестницы до самых небес: опереться, поблагодарить и дальше идти. Больше десяти лет прошло, а Лихарь с ветхой книжицей до сих пор только в мыльне и расставался. Она вправду грела и защищала. В ней жила самая счастливая пора его жизни.

Время, пока он был единственным сыном.

Как же быстро всё кончилось. Из Левобережья пришли новые ложки. У одного новичка были серебристые волосы. И глаза, казавшиеся то серыми, то голубыми...

Подъём оказался довольно крутым, жёлоб ещё и выгибался направо. Умаявшись, опять потеряв направление, Сквара сообразил наконец, куда его занесло.

Всё же не зря они с Озобишей читали о том, как возводили свои башни воинственные андархи. Должно быть, здешних строителей до зубовного стука напугала неудача у Конового Вена. Они чаяли ответного похода Сквариных предков. Старались предухитить всё возможное, спасти полководцев и иной почёт. Те ведь только в песнях до смерти стояли со своими людьми, охраняя сбежавшуюся в крепость мирную чернь. Когда, стало быть, свирепые дикомыты с ножами в зубах залезут на стены и перебьют последних защитников, вельможи сперва отступят на самый верх башен... а после сокровенными дверцами, коренными трубами, лисьими норами улызгнут далеко в лес: ищи-свищи, глупый враг! Знать бы зодчим, что правнук былых отмщателей разведает их спасительный путь! Да начнёт от размыва в стене старого подтюремка!..

Уяснив это, Сквара сразу повеселел. Перевернулся, нашёл на потолке изъеденные ржавчиной скобы с остатками сгнивших веревок. Полез вверх быстрее прежнего.

— Ну что, Ивень... — ворчал он, подтягиваясь ещё на скобу. — Ты, значит, здесь вовсе даже ни ногой не бывал?.. Слыхом не слыхивал, как Мытная башня зовётся?..

Сверху волнами скатывался холод. Сквара начал прикидывать, скоро ли уткнётся в снежную пробку, неизбежную в такой узкой кишке. Он уже прикидывал, не придётся ли совсем бесславно вернуться, когда левая рука упёрлась в деревянную дверцу.

Скобы над головой были мокрыми и бугристыми от сосулек. Парень повис на одной руке, начал торопливо ощупывать подгнившие доски. Дверца была всего менее предназначена для открывания из стены. Сквара

не нашёл никакого подобия ручки, даже потянулся к неразлучному ножу на локотнице, чувствуя себя лазутчиком времён стояния на Светыни: «А надо будет – прорежем...» Ещё раз обежал пальцами ободверину, убедился: надо было толкать.

Воображение сразу нарисовало доски с той стороны. Толстые, накрест прибитые гвоздями вроде того, который он с такими трудами выправлял на колоде...

Забухшая дверка потребовала усилий всего тела. Сквара гнулся, как лук, налегал снова. С тысяча первого приступа под ногами стало подаваться. Раздался скрип...

Сумрачный свет до того ярко хлынул в глаза, что Сквара невольно зажмурился. Проморгавшись, выполз в лазею, огляделся. Встал на ноги...

Перед ним была сокровищница.

Та самая, о которой все были наслышаны, все судили и рядили, но своими глазами не заглядывал ни один.

Башня не просто так звалась Мытной. Здесь ямили самое редкое и многоценное из того, чем кланялись Царскому Волоку богатые гости. Сквара увидел некогда ярко повапленные, а теперь однообразно серые скрины, рассевишиеся от ветхости кожаные сумы. Цветные бутылки, обросшие мохнатыми шубками пыли... и нетленные кораба, сработанные из вечной берёсты.

«Учителю рассказать!.. Это ж сколько добра...»

Сквара стоял возле дверки, пытаясь понять, отчего сокровищницу устроили не в погребах и не в наземном жилье, а высоко в башне. Воров, что ли, боялись? Хотели самую дороговщину с собой прихватить, когда срок придёт съезжать гузном по трубе?..

– Ивень, – тихо спросил Сквара. – Почему ты не должен был сюда приходить?

«А на дыбу за что? Для себя утаить найденное решил?..»

И откуда всё-таки взялись листки, что потом липли у него на груди и валялись скомканные под ногами?..

Сквара вдруг зашпешил. Дался в руки клад – хватай сразу, не то в землю уйдёт, синими огоньками рассыплется!.. В хоромине было на удивление сухо. Высоко под потолком косо лучилась узкая прозорина, по-андархски забранная оконницами с мелким стеклом. Некогда белое и чистое, стекло давно заросло грязью, но свет, хоть и пятнами, ещё пропускало. Скваре тотчас захотелось подняться туда, посмотреть сверху на крепость... Он сделал шаг и другой. В самом большом пятне света виднелся покрытый скатертью стол. А на нём – десятка два книг.

По ту сторону угадывалась дверь. Настоящая дверь, не Скварина мышьяная норка. Он подошёл. Ему сразу бросилось в глаза: книги совсем недавно кто-то тревожил. В толстом слое пыли выделялись прямоугольники чистой скатерти, искрившиеся многоцветной парчой. Ивень?.. Чувствуя, что вплотную подобрался к разгадке, Сквара взял ближайшую книгу, обмахнул. Рука была мокрая, пыль тотчас обратилась грязью, пришлось тереть о штаны.

«Благородный читимач и другие развлечения для деятельного ума», – гласила торжественная вязь, выдавленная в дорогой коже. Сквара наугад раскрыл книгу посередине. Какие-то шестиугольники, разноцветные стрелы... Сквара захлопнул томик, потянулся за следующим. Сдул пыль, прочитал: «Умилка Владычицы».

С дешёвой обложки из проклеенной ткани улыбалась Морана.

Величественная, грозная и прекрасная, словно госпожа Айге и три её ученицы, вместе взятые.

Не узнать Её было невозможно. Она шествовала в белых развевающихся ризах... И милостиво, снисходительно улыбалась, очень по-матерински, а кругом Её колен вились в пляске весёлые ряженые. Кто вприсядку, кто кувырком. Пели дудки, звенели широкие андархские гусли, поддавали жару бубенчики...

Вот это да!..

Сквара люто пожалел, что не взял с собой Ознобишу. Жадно распахнул книгу – и тотчас увидел, что из середины были вытащены листы. Книга так и норовила распасться напополам. Сквара пригляделся. Нарядные буквицы, тонкие, прилежно исполненные письма...

Зачем надрываться убогим и сирым,
Ладони мозолить и ноги сбивать?
Скорей уходи из жестокого мира
Туда, где царит Справедливая Мать!
В любви не свезло и мощна оскудела?
На битвы с невзгодами душу не трать!
Булыжник на шею подвязывай смело –
За омутом ждёт Справедливая Мать!
А если враги подступили под стены,
Ты только не слушай зовущих на рать:
Ворота открой и вставай на колена,
И примет тебя Справедливая Мать!

Сквара засмеялся. Хотелось читать ещё. Он даже вспомнил, как Ознобиша рассказывал про какие-то стихи из хвалебника. Тоже о недобром мире, о сбитых ногах... И Лихарь взбесился...

Его предостерёг звук на самой грани слышимого. Сквара вздрогнул, насторожился, руки тихо закрыли книгу. Донёсшийся шорох был едва уловимым, но обвалившейся горстью инея не объяснялся. И к обычным жалобам заброшенного строения, доживающего в сиротстве свой век, не принадлежал.

Кто-то приближался к дверям хоромины с другой стороны. Кто-то, разведавший в тайную кладовую не воровской лазок, а удобный и прямой путь, чтобы одолевать даже хромая...

Сквара опрометью бросился назад, к своей норе и... с перепугу чуть не заметался куницей, угодившей в ледянку. То, что из трубы представало тесной дверкой в голой стене, изнутри палаты являло собой чёрный ларь с торчащим веником и дотлевающей ветошью, свешенной через край. Поди догадайся!..

Уже распахнув затвор, Сквара оглянулся. Сердце снова прыгнуло в горло. Он увидел на полу свои мокрые босые следы. Кинулся назад. Ничего лучшего не придумав, стал поспешно затирать ступень подолом рубахи. Не столько затёр, сколько размазал, но времени уже совсем не осталось. Шаги близились, неспешные, корявые. Сквара юркнул наконец в лаз, с натугой втянул за собой дверку. Повис, схватившись за скобы.

Конечно, он не смог удержать погибельного любопытства. Оставил крохотную щёлочку, приник лицом. Понадобилось обождать, но потом дверь отворилась...

Вот теперь он точно накликал.

На пороге со светильником в руке стоял Лихарь.

Сквара тотчас пожалел о содеянной глупости. Стеня он трусил не меньше, чем замордованный кабальной – его самого. И небось по той же причине. Вот сейчас Лихарь увидит... услышит, почует, нутром ощутит...

Младший котляр подошёл к столу, трудно волоча левую ногу. Поставил светильник. Не брезгуя выпачкать ладони, тяжело опёрся о край...

По двору он ходил так, что о ранах нельзя было догадаться, но подъём в башню дался ему через великую силу. А может, просто здесь, как он думал, никто не видел его. Незачем скрывать боль и то, как тянулась рука погреть больное бедро... удостовериться, что всё и правда в порядке...

Такого стеня Сквара прежде не видел. Даже когда тот лежал в бреду,

изнурённый и ненадёжный.

Опёнок ещё задумается об этом, но после. Сейчас главней было то, что Лихарь проник сюда наверняка не впервые.

Даже взглядом не удостоив разложенные повсюду богатства, стень замер возле стола, низко опустив скоблёное рыло. «Как на буевище пришёл», – подумалось было Скваре. Нет. Не так. На буевищах честно покоятся принявшие честную смерть. Люди ходят туда помянуть добром тех, кого любили живыми. Ладят веселье, кропят пивом домашние пироги... пускаются в пляс под свирели да бубны, незримо принимая родителей и старших братьев в свой круг...

Почти в точности как на рубашке дивной и покалеченной книги.

Пальцы на заледенелой скобе сводило болью от холода и напряжения.

...А Лихарь был ну вылитый тать у никому неведомой могилы в лесу. Разбил несчастного путника, тайком схоронил – и, побуждаемый занозой страха в давно очерстевшей душе, натаптывает к могиле тропинку. Не дознался ли кто, не потревожил ли зверь, не поднялся ли зарытый на отмщение погубителю...

От скобы начала отделяться сосулька. Сквара хотел подхватить её, тонкая льдинка выскользнула. Упала, разлетелась по камню.

Это был всего лишь тихий, вполне естественный звук, но Лихарь вскинул голову, повернулся... Сквара на миг увидел его глаза, светлые и свирепые. Стень смотрел прямо туда, где за волосяной щелью таился в темноте дикомыт. Потом его подвела веревчатая нога. От неловкого движения рана дёрнула болью. Лихарь поморщился, удобнее переставил на столе ладони... и «Умилка Мораны», спасая Сквару, первой съехала на пол. Да ещё обрушила с собой остальные, заодно истирая следы недолжного любопытства.

Когда стих шум падения, за тайным лазком уже никого не было. Сквара летел по жёлобу в ворохе снега, вслепую хватая скобы и временами промахиваясь.

Остановила его вода, плескавшая внизу.

Только выбравшись в подтюрмок, он обратил внимание на угловатую тяжесть за пазузой. Запустил руку, вытащил «Читимач». Он и не помнил, как припрятал его.

Всё тело противно дрожало, Сквара всхлипывал и никак не мог отдышаться. Сев у светильника, он некоторое время тупо разглядывал подмокшую книгу. Ну вот куда её теперь?.. А главное, на что?..

Шерёшка

На другое утро после того, как дикомыт при белом свете дня обошёл оружного самострелом Лутошку и привёл его, недоумевающего, на петле, – ловить кабального выпустили Порошу. Тот вернулся посрамлённый. А после – и Хотён с быстроногим Бухаркой. Кабальной ликовал, пересчитывая иверины. Рассерженные Лихаревы назорки понесли обиду наставнику.

– Кугикальщик в самый первый раз так лихо управился, потому что рыжак подвоха не ждал!

– Какого подвоха?

– Ну... с оборванным следом!

– С мешком на голову!

– А теперь ждёт!

Стень выслушал жалобщиков. Нашёл их слова не вполне пустыми. Ударил челом источнику, спрашивая совета.

Ветер пожал плечами, наново послал Сквару в лес.

К полудню дикомыт явился приплясывая и с пленником на тяжёлке. Лутошка плакал от злости и унижения. Он опять только понял, кто переимщик, когда его связанного не стали лупить.

Тогда лихаревики повадились болтать, будто дикомыт и кабальной сговорились.

– На обиженных воду возят, – сказал им Лыкаш.

После первой удачи с красной солью Инберн его заметно приблизил, отчего Воробыш пригрелся и обнаглел.

– Так вы попросите господина учителя, – ехидно посоветовал Ознобиша. – Пускай вас за Скварой пошлёт.

Верзилы надвинулись, засопели. Прибить бы слишком умного недомерка, да потом горя не оберёшься.

– А что, вдруг поймаете? – глядя честными глазами, продолжал меньшей Зяблик. – Тогда – Сквару за вами...

Они с братейкой были уверены, что Ветер скоро назовёт Ознобишину долю. Да непременно за утренней вытью, когда все сядут к столу. Входя в трапезную, оба трепетали. Против ожидания, источник подозвал к себе Хотёна и Сквару.

– Вы – двое лучших учеников, – объявил он громко. – Наши с Лихарем становики. Поэтому за солью на кипуны, как все, не пойдёте. Вам – дело

иное.

Обширная трапезная сдержанно зашумела. Гнездарь с дикомытом друга друга вовсе не привечали. Возможно ли, чтобы Ветер надумал их сдружить за общей работой? А вдруг он решил устроить им состязание, выбрать первого из двоих?

Лучшие уноты быстро переглянулись. Разом ударили поклоном источнику:

– Учитель, воля твоя!

Лихарь, впервые покинувший своё жильё ради места за верхним столом, угрюмо поглядывал на обоих. Он сидел косо, привычно стараясь меньше опираться на левую половину. Ему наверняка было больно и всё время казалось, будто ученики его тайком передразнивали.

Ветер подождал, пока стихнет ропот. Улыбнулся.

– На дальних выселках, – сказал он, – живёт одна бабушка. Вы все её хорошо знаете...

Ребятня зашумела громче. Конечно, они смекнули, что речь шла о Шерёшке. Время от времени старуха появлялась в крепости с коробком сладкого печенья, одуряюще пахнущего маслом, пряностями, мёдом. И почти каждый раз хоть кому-нибудь да перепало Шерёшкиного костыля. Склонной бабке, верно, казалось, будто разбойные недоросли метили отобрать у неё коробок, сожрать лакомство без всякого чину.

Удостоверившись, что все его поняли, Ветер посмотрел на двоих соперников и вдруг подмигнул:

– Так вот, дело вовсе простое. Украдёте у неё из печки печенье, принесёте сюда. Кто первый управится, тот молодец.

Сквара и Хотён снова обменялись быстрыми взглядами – с вызовом и задором.

– Бабушке обид не творить, дом не ломать, – строго предупредил Ветер. – Сведу – накажу. И помощников с собой не водить, незачем... Да, вот ещё: она знает, что вы покушаться придёте, и загодя сердится.

Он продолжал улыбаться. От этого воровской подвиг, предстоявший лучшим ученикам, выглядел праздничной забавой вроде лазанья на высокий столб за подарком. Правда, если подумать, ходка за солью или даже ловля кабального с его ослабленным самострелом оказывались как-то верней. Ребята смеялись над избранцами, от щедрой души давали советы. Однако взыблеть оказаться на месте двоих крадунов никто не желал.

Шерёшкин домик стоял опричь остальных, словно отменённый совокупной нелюбовью шабров. А в остальном деревушка немного даже

смахивала на Твёржу. Ледяной вал, ухожи, рыбные да птичьи пруды... В тёплом озере, впродоль которого дугой выстроились избы, время от времени вспухал зеленоватый пузырь. Вскипал, прорывался – и дети, ждавшие на берегу, с визгом улепётывали от аршинного буруна.

Как в Твёрже, здесь не отгораживались друг от дружки, жили открыто. Только Шерёшкину избу, чёрную, вросшую в землю, окружал такой же ветхий заборчик. Сквара долго рассматривал косой плетень, примеривался к работе. Потом убежал в лес, приволок охапку жердей, взялся за дело. Благо без топорика и лопаты он отроду никуда не ходил.

Начав у калитки, он вытащил десятка полтора кольев, годившихся только в печку, заменил новыми. Обожжённые комли входили в землю прочно и радостно. Сквара заплетал их хворостинами погибче, дело спорилось. Он, оказывается, даже не представлял, до чего стосковался по домашней работе. Дорвался вот – и кто б его теперь отодрал! Надо будет ещё на крышу залезть, шелом посмотреть, тоже небось гнилой. «Самому бы только в избу со стропилами не провалиться, взаправду дом не порушить...»

Он добрался уже почти до угла, когда из дому выглянула хозяйка.

Оглянувшийся Сквара тут же испугался за бабу. Теснины крыльца были не моложе тех, что разошлись под ним у входа в Мытную башню. Впрочем, сухонькая Шерёшка стояла себе, не проваливалась, только вместо обычной сошки держала в руке метлу.

– Здравствуй, бабушка, – поклонился Сквара, опуская топор.

– За печеньем пришёл? – неприветливо осведомилась та.

Сквара ответил по-андархски:

– И за печеньем тоже, добрая госпожа.

Лыкаш вынул у всеведущих стряпок, будто Шерёшка вела свой род из столицы. Но если была у Сквары надея умаслить её фойрегским разговором, то зря. Старуха лишь сморщилась.

– Как пришёл, так и уйдёшь! – упорно на языке Левобережья, словно отказывая ему даже в таком праве на общность, прошипела она. Пристукнула черенком метлы, скрылась в избе.

Сквара пожал плечами, взялся за угловой кол, для которого припас самую толстую и прочную жердь. Выговор у него был отменный, он это знал. Когда Светел только-только стал ему братом, родители очень боялись, как бы малыш не забыл на чужбине отеческого языка. Поэтому за каждое слово правильной речи Сквара брал в отплату андархское. Сперва потешались, после стали болтать...

За пределами зеленца падал снежок, внутри моросило. Сквара давно

сбросил кожух, работал в одной тельнице. Бегал за прутняком и возвращался, не успевая остыть.

К середине второго прясла старуха вышла опять.

– Всё колотишь, охаверник? – зло спросила она. – Поди прочь, не дам тебе ничего!

– Бабушка, у тебя рядом с крыльцом чихнуть страшно, – отозвался Сквара. – Скажи, где теснин взять, я подновлю...

Она захлопнула дверь.

К вечеру на приободрившийся заборчик стало можно смотреть не краснея. Сквара высушил рубашку над костерком, на котором обжигал колья. Снёс остатки гнилья в бабкин дровник и, пока свет позволял, стал точить неразлучный топор.

Шерёшка вновь не усидела в избе. Обошла плетень, придирчиво потыкала палкой, подёргала колья. Мрачно сказала:

– Ночевать не пущу, не надейся. Не звала я тебя.

Сквара поклонился:

– Изба твоя, бабушка, и воля твоя.

На сей раз она чуть помедлила, прежде чем спрятаться.

– Топоришко у тебя неплохой...

Он с надеждой поднялся на ноги:

– Если что направить или отбить надо, госпожа...

Шерёшка словно испугалась собственного мягкосердечия. Исчезла внутри... вскоре вновь появилась. Вывалила на крылечко ржавый топор и два больших косаря. Сквара, улыбаясь, обмакнул в воду точило...

На ночь он устроился в том же дровнике, выбрав угол посуше. От рубашки пахло потом и дымом, уютно, совсем по-домашнему. Было скучно без Ознобиши. Сквара начал подбирать слова, мысленно пересказывая братейке прожитый день, но скоро сбился. Достал из нагрудного кармашка кугиклы. Высвистал протяжную погудку к преданию о храбром Нарагоне. Передохнул, стал искать голосницу к песне из «Умилки Владычицы». Он уже который день трудился над ней, но напев не спешил даваться ему. Всё не выходил таким, как хотелось. А хотелось – чтобы голос летел и смеялся, выплетая лёгкий узор, чтобы плескали крыльями рукава да на ногах порывались вспыхнуть подмётки...

Дровник мостился под свесом кровли, примыкая к избе. Сквара вдруг отнял кугиклы, стал слушать. Показалось, будто за бревенчатой стеной кто-то плакал. Не бабка же, в самом деле?.. Может, домовый какое худо предчувствовал?..

Утром Шерёшка долго не показывалась. Сквара подождал,

подождал... Напустил на себя вид понаглее, отправился из дома в дом – побираться ради Владычицы.

Под небом святым не без добрых людей.
Подайте пластов, подарите гвоздей!
Простой деревяшки прошу у дверей,
Чтоб к вам Справедливая стала добрей...

А глаза и нахальная улыбочка говорили другое: «Я моранич. Мне – воля!»

На него смотрели, как на скорбного разумом, пытались кормить. Узнав, для чего требовалось подаяние, кривились, точно от кислого. Отказать, однако, не смели. Сквара стаскивал добытое к старухиному дому, шёл снова. Наконец застучал топором, сшибая полуистлевший настил.

Шерёшка высунулась к полудню. Может, вовсе носа не показала бы, но уж очень весёлый разговор шёл прямо под дверь. Звенел топор, свежее дерево в ответ побряхтывало и пищало. Принимало нужный облик, заново сплачивалось. Упорный молодчик ещё и напевал себе под нос, временами смеялся...

Старуха вышла на почти дотёсанное крыльцо, потопталась. Умело пригнанные доски даже не скрипнули.

– Можешь ли гораздо, бабушка, – поклонился молодчик.

Снова в рубашонке да на стылом ветру... как есть неслушь. Тощóй, тела не нагулял... только руки да голос – у взрослого мужика вперёд выпросил. И уж крылечко уладил...

– В душу выёшься? – зло спросила старуха. – А сам в печку глядишь? Ступай, отколе пришёл!

Дверь бухнула.

– Бабушка! – уже вслед окликнул молодчик. – Я потом на крышу полезу... чтобы не в напужку тебе...

На третий день Шерёшка вынесла ему миску варёного ситовника. Помедлила, осталась смотреть, как он снова по крыше туда-сюда, перестилая берёсту. Надо же было, действительно, показать ему, где течет.

– Сядь! – велела она, когда парень прыгнул наземь пополнить работный припас.

Он послушно сел, только рука нетерпеливо разглаживала на колене берестяной лист в изнаночных письменах жуковин.

– Под кем ходишь? – строго спросила Шерёшка. – Под Лихарем?

Она убирала волосы по андархскому вдовьему обыкновению: пускала седые пряди на спину и плечи, лишь голову повязывая платком.

Он гордо ответил:

– Мне господин Ветер учитель.

Бабка прищурилась:

– Когда красть печенье приходил Лихарь, он пытался разобрать крышу примерно там, где ты латаешь сейчас. – И похвасталась: – Я ему глаз чуть не выткнула чапельником, с тем и убрался.

Подвижные брови парня вдруг собрались к переносице.

– Ты, бабушка, к нам как придёшь, учитель тебя в свои покои ведёт... Что ж он не прислал избёнку поправить, пока зимней бурей не раскатало?

Шерёшка снова озлилась:

– Рот бесстыжий прикрой! Довольно того, что он жизнь мою никчёмную сохранил!

И замахнулась на бесчинника клюкой. Взлся, мол, дело делать, вставай и радей, а то, вишь, расселся! Он не стал уворачиваться, не отскочил, даже локтем не заслонился, только прижмурил глаза. В левой брови у него сидел рубчик, отчего та казалась надломленной. Бабкина рука замедлила движение... остановилась... утвердила костыль между колен. Охаверник фыркнул, вскочил и был таков – взмыл на крышу, снова застучал топором.

Вечером он уже привычно наладился в дровник.

– Ишь выдумал! – рассвирепела старуха. – В сенцы полезай, кому говорю!

Он как есть поклонился порогу. Вошёл, устроил в уголке тощий заплочный мешок, стал оглядываться. Соображал, к чему ещё приложить руки. Шерёшка затворила дверь, оставив его в темноте. Сквара сел, расправил под головой куколь, мало не засмеялся. Никак смутить его захотела, покинув в тёмных сенях?.. После его-то невишних странствий по крепостным вертепам?.. Рука сама собой нашарила на груди кармашек, но играть Сквара не стал, убоился побеспокоить старуху. С неё станется, выгонит обратно в дровник либо вовсе за забор да заречёт возвращаться...

Ему начало что-то сниться, когда в доме со стуком упала деревянная миска. Потом избяная дверь громко и обиженно заскрипела. Когда она стукнула о косяк, Сквара уже стоял, щурясь на свет. Шерёшка вышла простоволосая, лучина за спиной превращала её в растрёпанную кикимору.

– А свистульку свою в дёрн на крыше зарыл или приколотил куда? – спросила она так, будто Сквара у неё последнюю утку стащил и хотел втихаря сожрать, но попался.

Он начал было оправдываться:

– Не, я...

Бабка замотала головой:

– Лезь в избу, неслушь!

Сквара благодарно поклонился, шагнул через высокий порог.

Он, в общем, догадывался, что увидит, но оторопел всё равно. Шерёшка жила в таком позорном сиротстве, что, по мнению правобережника, всей деревне впору было кануть сквозь землю. Щели в стенах, пробитые где мхом, где ветошью, где очёсками собачьей кужёнки. На закопчённых стропилах – длинные махры слипшейся сажки, похожие на тенёта в Инберновых погребах: знак, что печка никуда не годится. Полати с драными одеялами... Пол, сберёгший клочья берёсты лишь по углам, куда не сворачивала каждодневная старухина тропка... Только из одного кута мучительно вкусно тянуло мёдом, маслом, сладкими пряностями, но в ту сторону Сквара боялся даже коситься.

– Бабушка, – сдавленно выговорил он. – А соседи что ж?.. Мужики?..

Шерёшкины глаза, светло-карие, как у многих андархов, угрожающе потемнели.

– Зги не приму от стервоядцев!

Сквара не решился спросить почему, просто молча смотрел, как разгоралось чёрное и опасное пламя.

– Они грабили крепость, а нас бросили умирать! – продолжала старуха. – Они не пришли спасти нас, хотя наверняка слышали крики!.. Если бы к нам сунулись волки, я даже им дитя отдала бы...

Шерёшкин взгляд был словно проклятие.

Вот когда скопом навалились холод и мрак пройденных подземелий! Сквара вспомнил развалины, перегородившие подход к Мытной башне. Вырванные, а то и сломанные кабаны величиной в половину избы. Целые стены кладки, сбитые с оснований, кренящиеся грозно и тяжеломерно...

Годы притупили некогда когтистые сколы, каждое прошедшее лето добавило по слою зелёного мха. Пройдёт ещё время, мох станет землёй, поди догадайся, как много всего скрылось под мягким круглым горбом... Сколько в нём угасло надежд, боли, радостных ожиданий, драгоценных светочей памяти... Кто сможет представить, как рушились палаты, ещё вчера сулившие надёжный уют, как дружеские стены вдруг превращались в каменные челюсти, крушившие беззащитную плоть... И люди кричали в этих челюстях. Звали на помощь...

А другие люди пробегали мимо, не слушая криков и даже детского плача. Тащили в мешках расхвачанное добро. Спешили нахапать побольше,

пока всё не рухнуло окончательно.

Сквара был готов сделать что угодно, лишь бы Шерёшка не смотрела так, словно он был одним из похищников. Он не смел раскрыть рта, только мял пальцами гайтанчик кармашка, не зная, вынуть или оставить.

Шерёшка устало вздохнула, опустилась на лавку, вдруг спросила его:

– Сам откуда взялся, чудо смешное?

Сквара, пребывавший мыслями во днях Беды, даже моргнул:

– С Конового Вена я, бабушка. Здешние нас дикомытами прозывают.

Она удивилась:

– Что, теперь и оттуда кровью брать стали?..

– Не, – сказал Сквара. – Мы с атей на левый берег в гости пришли. Меня сильно забрали.

Раньше он произносил это, гордясь и скорбя о своей поруганной вольности. Ныне – смущаясь, вынужденно вспоминая деяние учителя, которое старался приводить себе на память пореже.

– Кто забрал? – подслушала его мысли Шерёшка. – Ветер, стало быть?

Сквара ниже опустил голову:

– Ветер...

– Он тогда живо разогнал вороньё, – снова обратилась к минувшему старуха. – Молодой был, чуть постарше тебя. Он сам отваливал камни, чтобы добраться до нас. Он вынес меня из-под земли на руках... – Добавила шёпотом: – Только дитяtko спасти не успел.

Сквара попытался представить заваленных людей. Искалеченных, беспомощных, умирающих. И как учитель выносил к свету Шерёшку, в забытии уронившую голову ему на плечо. Собственные лазанья по подвалам предстали бесцельными и пустыми, он вспомнил страх и круги перед глазами от усилия, когда выставлял загородивший выход отломок. А если бы за той каменной дверью маялась, плакала... к примеру, Ишутка...

Что-то царапнуло. «Из-под земли?..» Нешто гостевые палаты в глубину вверглись? А что, в Беду и не такое бывало.

– Бабушка, – тихо спросил он. – Ты ведь, говорят, в самом Фойреге раньше жила...

Он думал услышать о городе, который знал по впечатлениям трёхлетнего малыша, но Шерёшка фыркнула:

– В самом? Да я праведного Аодха видела, вот как тебя!

Сквара только и смог восхищённо выдохнуть:

– Ух ты!..

– У моего отца не было родовых заслуг, позволяющих войти

во дворец, – продолжала Шерёшка. – Он своим трудом добился того, что царь пожелал увидеть его. Мотушь всю ночь перешивала наряды...

Мотушь, отметил про себя Сквара. Самое любовное обращение к матери, принятое у андархов. Больше всего ему хотелось узнать, не заметила ли будущая Шерёшка шустрого мальчонку, носившегося по палатам вперегонки с крылатым щенком. Вслух он робко выговорил совсем другое:

– Твой батюшка, верно, был знатный источник... Чем он так порадовал праведного Аодха?

Шерёшка вновь подозрительно уставилась на него:

– На что тебе?

– Мой атя лыжи людям верстает. Лучше делателя во всём Правобережье нету, – похвастался Сквара. – Я в его след хотел... да Владычица иную долю назначила.

– Батюшка держал списчиков, переплетал книги, – как-то тяжело выговорила Шерёшка. – Кто мог знать...

Она опустила голову и молчала до того долго, что Сквара отважился напомнить о себе:

– Ты, бабушка, небось и праведную царицу Аэксинэй...

Так уж вышло, что зрительно братишка Светел твёрже помнил отца. Он рассказывал о седом величественном человеке с такими же, как у него самого, медово рдеющими глазами. А вот мать... Руки, запах, ласка, тепло... Голос он узнал бы наверняка. Но покажи ему искусно списанное поличье – мог усомниться.

– Бабушка... Царица, наверное, красива была?

Старуха словно очнулась. Скваре показалось, она готова была поленом в него шваркнуть.

– Ты глуп, как и всё твоё племя! Красивая!.. Горе народу, чьих царя и царицу не называют прекраснейшими из смертных!.. Боги обратят взор на вождей, и кого увидят? Деревенского пендера об руку с дурнушкой?..

Сквара смиренно молчал.

– Царица была милостива, – снова заговорила Шерёшка. – Я понравилась молодой государыне, она пожелала, чтобы я приходила рукодельничать с её девушками. Она и печеву, за которым все вы охотитесь, меня научила... А год спустя сама набросила мне на плечи свадебный плащ...

Сквара сразу подумал, что баснословное печево наверняка пробовал и малыш Светел. Потом вздрогнул, похолодел, хотя в избе было тепло. Он знал: царица Аэксинэй, подарившая супругу долгожданного сына,

канула в огонь совсем юной. Значит, Шерёшкину свадьбу играли не полвека назад, как он почему-то решил, а накануне Беды. То есть чуть больше десяти лет тому. Так сколько же сравнялось...

– Бабушка, – очень тихо проговорил он, вглядываясь в её лицо, силясь мысленно стереть с него глубокие письмена, начертанные страданием. – Может... мне тебя лучше... малой тётушкой величать?

Седые космы встали дыбом, точно шерсть рассерженной кошки. Шерёшка замахнулась костылём:

– Вон ноги отсюда!.. Пошёл!..

Сквару сдуло к порогу, он только недоумевал, что не так ляпнул, каким образом схватил её за болячку. Он уже открывал дверь, когда его настиг голос Шерёшки:

– Куда? Вот же неслушь...

Он остановился, оглянулся.

– Я тебя зачем звала? – строго осведомилась бобылка. – Свистульку, говорю, куда свою дел?

Сквара выудил из кармашка кугиклы, ещё понятия не имея, как станет играть, чем возвеселит хозяйкино сердце. Снова вспомнил крепостные подвалы, напоённые болью и мстью до полного отрицания света... непонятное «из-под земли»... Шерёшка вдруг показалась ему ещё одной душой, застрявшей в промозглom мраке. И что с того, что эта душа была по-прежнему во плоти?

Кугиклы всхлипнули, простонали, словно ветер, заблудившийся в разрушенных переходах. Чья-то неприкаянная тень плакала, металась, звала другие такие же тени и не умела понять, что они не придут, что они ушли слишком далеко – не откликнутся...

Сквара мельком покосился на хозяйку. Годы мало-помалу облетали с её лица, стаивали, словно покровы инея, облёкшие изваяние. Хромая седовласая отшельница, которую они привычно считали древней старухой, на самом деле, наверно, была не старше Жиги-Равдуши. Мама...

Кугиклы встрепонулись по-птичьи, запели пронзительно, отчаянно, но и с надеждой, ведь Сквара положил себе непременно добраться когда-нибудь на Коновой Вен. Песня взяла под крыло растерянную, озябшую тень, увлекла её сквозь ледяную тьму, туда, где вот-вот должны были проклюнуться в чёрной воде проталинки света. Сквара ломился к ним из тьмы шаг за шагом, со всем наследным упрямством. Он тоже хотел бы вернуть неворотимое, да что поделаешь! Значит, надо собраться с духом и драться вперёд, где всё отчётливей кажутся далёкие огни на воде...

Шерёшка прикрыла горстью рот, её рука зримо дрожала. Потом другой

ладонью она заслонила глаза.

Сквара увенчал песню зовущим кликом лебедя, вернувшегося с чужбины, и смолк. Шерёшка тоже молчала, не шевелилась. Сквара тихо убрался в тёмные сенцы, устроился на своём мешке, выпотрошенный и почему-то очень несчастный. Лизнув языком, он убедился, что в кровь разодрал себе нижнюю губу, вроде бы давным-давно обмозоленную... Внутри всё дрожало. Впору хоть поплакать молчком, но слёзы он себе когда ещё запретил.

Утром он проснулся до света, сразу побежал в лес – разыскивать и корить поваленные берёзы, покамест не найденные «стервоядцами». Пришлось идти довольно глубоко в чащу, по свежему уброду да под невесёлые думы о том, что сделала с Шерёшкой обрушившая крепость Беда. Многие тогда потеряли родных и сами остались калеками, взять хоть деда Игорку. Приехал на последнее купилище с женой, с двумя сыновьями... а после пожара с небес, накрывшего торг, не нашёл даже костей для скудельницы. Кто поверит, что ему не хотелось проклясть Богов жизни, броситься за родными сквозь смерть?.. Сам обожжённый, со скрюченными руками, Игорка подобрал годовалое дитяtko, не ведавшее родства. Кое-как приковылял в чужую деревню, ещё не звавшуюся Твёржей...

В лесу Скваре повезло. Он наткнулся на три берёзы-сестры, недавно упавшие, ещё не вросшие в заледенелый после оттепели снег. Опёнок погладил сломанные стволы, горюя о зелёных жизнях, надеясь, что общий корень ещё доживёт, ещё выметнет побег к разошедшимся облакам... Ему пришлось знатно намахаться не только топориком, но и лопатой, зато припасённой верёвки еле хватило увязать на санках добычу. Будет чем крышу долотать, а там и пол выстелить наново!

Когда он вернулся, из дымоволока вились прозрачные сизоватые пряди. Хозяйка заканчивала топить. Сквара отвязал верёвку, вывалил берёсту возле крыльца. Скоро выглянула Шерёшка. На Сквару она уставилась совершенно с прежним недоброжелательством, если не хуже. Он поклонился, увидел: руки у хозяйки были в муке.

– Ой, – вырвалось у него. – А я тебе хотел печку переложить, пока изба от искр не сгорела...

«И ещё те берёзы раскряжевать да на саночках привезти, не то деревенские по следу прознают...»

Вот о печке упоминать определённо не стоило. Шерёшкин взгляд снова полыхнул чёрным огнём, она так шарахнула дверью, что внутри

наверняка обвалились бороды сажи. Хорошо если не прямо в тесто, замешанное на печенье!

Ну ладно. Сквара полез на крышу, где ещё оставались ненадёжные места и сущие скважни. Пока он там ползал, поднимая дёрн, перекладывая берёсту, жилой тёплый дух, сочившийся изнутри избы, стал окрашиваться пряным снедным благоуханием. Сквара проглотил слюну, стал представлять, что чинит родительский дом и вот-вот сунет за щеку мамино печево. Лишние это были мысли. Поневоле вспомнились прянички тёти Дузы. А дальше Сквара задумался, почему до сих пор не появился Хотён и что может взбрести на ум гнездарю. Не пришлось бы драться за короб царского печенья с ним и с Порошей, которого тот наверняка приведёт, невзирая на возбранение. Это ж недолго в труху Шерёшкин труд раскрошить...

Тут Сквару толкнуло, он посмотрел через охлупень, увидел: ошибся. Пороша не припожаловал. Хотён взял с собой другого прихвостника – Бухарку. Уже сняв внутри зеленца снегоступы, они подходили к Шерёшкиному забору. Заметили Сквару на крыше, начали действовать. Хотён быстро смял на голове шапку. По лицу потекло красное, он очень похоже обмяк, зашатался, повис у прихвостника на плече. Скваре и то захотелось прыгнуть на выручку. А Бухарка ещё принялся вопиять лихим матом:

– Смилуйтесь, люди добрые! Кто-нибудь, помогите! Господин заразился!..

Лихарь дал крепкую натаску избранцам. На такой вопль даже каменное сердце отозвалось бы. Сквара увидел: «стервоядцы», занятые своими делами на прудах и около изб, стали оглядываться. Кто-то побежал было, но заметил, что кричали у самого порога невыносимой шабровки, придержал шаг. Бухарка же растворил выправленную дикомытом калитку, втащил почти безвольного Хотёна во двор.

Сквара глядел на них с крыши, поневоле оценивая затеянную игру. Он тоже умел делать из бурых водорослей «кровавую» жижу. И тоже был выучен притворяться безнадежно больным, даже совсем мёртвым. Хотён, пожалуй, очень многих бы обманул. Вот сообразить ещё, как поступать? Сидеть, где сидел, ожидая, получится ли у них? Самому подать голос? Броситься как будто на помощь, а там изобличить состязателей, отстоять заветную плетёнку со снедью?..

Пока он раздумывал, открылась дверь. У Шерёшки всё-таки пробудилась душа. Бобылка устремилась с крыльца, отложив гадания и подозрения на потом.

– Бабушка, бабушка! – вдохновенно обрадовался Бухарка. – Не дай под плетью изгибнуть! Сплоховал я сберечь хозяйского сына, в обрух упадом упал, головой о пень заразился... Смилуйся, государыня, помоги! Испорют меня...

Он упорно обращался за подмогой лишь к ней, с трёх сажений не замечая дикомыта, оседлавшего охлупень. Шерёшка оглянулась на Сквару, ему показалось – неодобрительно. Что, мол, сиднем сидишь, мне, увечной, не способляешь?..

Дальше всё произошло очень быстро. Стоило хозяйке сделать два шага по двору, как Бухарка оставил блажить, мигом шастнул мимо неё в дом. Шерёшка ахнула, повернулась ему вослед, замахнулась костылём. Однако вытянуть поперёк спины опоздала. Погналась было за бесчинником... Раскапустившийся Хотён живенько вскочил на ноги у неё за спиной, схватил, притиснул локти к бокам. Она трепыхнулась, закричала... Руки Хотёна разжались: его самого осадила хлынувшая с кровли лавина. Гнездарь издал невнятное проклятие, пырнул Сквару ножом.

Он метил в живот, но Опёнок что-то почуял, сумел увернуться, резь обожгла рёбра, не войдя глубоко. Сквара зашипел от изумления и обиды, перенял нож, запустил Хотёна кубарем через двор. Тот вскочил, сжав в горсти помятые пальцы... Сквара заслонил охающую Шерёшку, а к Хотёну, потрясая лубяной коробкой, выскочил из дому торжествующий Бухарка. Становики Лихаря сразу удрали в калитку. Хотён лишь поискал глазами утраченный нож, но отнимать не пошёл.

Шерёшка всхлипывала, силилась встать, возила по земле костылём. Тот оказался надломлен, подняться не получалось. Сквара нагнулся, взял хозяйку на руки, понёс в дом. Она показалась ему совсем не тяжёлой. Рана была раскалённой полосой по левому боку.

– Пусти, неслушь! – привычно разворчалась Шерёшка. – Сама доколтыхаю!

Сквара поставил её в сенцах, виновато сказал:

– Сошка изломалась... Я тебе новую вырежу, ладно?

Он стоял потерянный, несчастный. И печенья не стяжал, и бобылку обидеть попустил... Да ещё себе застружину выхлопотал. Вконец смутившись, Сквара подобрал Хотёнов нож, досадливо крутанул его в пальцах.

Шерёшка вдруг улыбнулась. Кажется, впервые за всё время, что он её знал.

– Ветер научил? – спросила она.

На самом деле Сквара учился сам, только говорить об этом не стоило.

Тем более что подсмотрел, конечно, у источника.

– Ну...

– Пошли, балбес.

Сквара двинулся за ней в избу. Куда теперь спешить? Он застелет пол, выправит дровник. Может, согласит Шерёшку печку переложить... а там пускай Ветер хоть к столбу его отправляет за своеволие, не робеть стать.

– Рубаху сыми, – строго велела Шерёшка. – Вовсе пол измараешь, только мох подмела!

У него вправду расплывалось пятно на левом боку. Глупая рана и совсем не опасная, но больная. Сквара стащил тельницу. Стыдливо спрятал глаза.

Шерёшка поставила его перед собой, пригляделась, обозвала большой руки дурнем. Вооружилась кривой иглой, принялась на удивление ловко вычинять ему бок. Почти так же, как они с Ознобишей когда-то латали губу кабальному. Только не стала ядовито спрашивать, утерпит ли. Без расспроса знала – утерпит.

Кончив дело, она стёрла возле зашивины кровавые потёки, грозившие испакостить ещё и штаны. Сквара хотел было одеться. Шерёшка сердито перехватила рубаху, выдернула у него из рук, бросила к стене. Властно распорядилась:

– Скрыню отвори. Принеси, что сверху лежит.

Сквара подошёл к большому, застеленному лоскутным ковриком сундуку. Поднял крышку. Он ждал увидеть какую-нибудь хозяйскую сряду, и она действительно там была, но... на самом верху лежала мужская вышиванка. Андархская, старого дела, из настоящего льна. Очень красивая, наверняка дорогая. Сквара видел сходную у попущеника Галухи. Тогда ему казалось – наряднее могли быть разве царские ризы. Теперь он был не так в этом уверен. Тонкий ладный стан с подоплёкой, по вороту, по оплечью – обережный узор голубыми и зелёными нитками. Совсем не как дома, где в ходу больше был красный. Зато Сквара сразу вспомнил их со Светелом чашу-братину, небось до сих пор стоявшую у божницы.

Он бережно поднял вышиванку, протянул её хозяйке на ладонях. Шерёшка мельком глянула, отвернулась.

– Мужа моего, – хрипло выговорила она. – Тебе впору придётся... Надень.

Сквара влез в рубашку и подумал, что в крепости его засмеют. И ещё, что из-под такой красоты – да штаны грубого толстого портна, только по лесу трепать. А поверх – простенький пояс, тканый на бёрде...

– Спасибо, госпожа, – поблагодарил он на языке Андархайны.

Шерёшка вновь мельком глянула на него, сразу отвела глаза. Медленно подняла голову, стала смотреть... И наконец опустила ресницы, сникла, померкла.

– В подпечке твой коробок... Забирай, покаме я не одумалась.

Она впервые не обозвала его ни дурнем, ни неслушью. Плохой знак. Сквара нагнулся к подпечку.

– Ведь не придёшь больше, – настиг его странно неверный голос Шерёшки. – Знаю я вас.

Он выпрямился, свёл брови:

– Приду, госпожа.

«А пол-то выстелить... И печку... Я ж обещал...» Он хотел добавить, что только не знает, когда его вновь отпустит учитель, но не успел, и хорошо, потому что Шерёшка безнадёжно махнула рукой:

– Да не придёшь, не ври лучше. Даже Ветер твой... Вон ноги, говорю, ослопина, доколь сошкой не получил!..

Мотушь

Прожив несколько дней во дворе у Шерёшки, Сквара понял наконец, почему она поселилась именно здесь. Эта деревня была самой ближней из тех, где брошенный от околицы взгляд не упинался под небоскатом в Чёрную Пятерь. Крепостной зеленец и пять башен, вздымавшиеся сквозь купол тумана, прятались за лесистыми горбами холмов. Сквара про себя рассудил: женщина, осиротевшая в Беду, пережила под сенью этих башен такое страшное горе, что даже спустя много лет не могла на них спокойно смотреть. Но и не покинула здешние места насовсем, зная, ценила покровительство Ветра. А вот с чего бы учителю опекать чужую и вздорную калечь, найденную в обломках, – было вовсе не ясно. То есть занятно. «Вот приду, Ознобише расскажу...»

Ночуя в снежной норе, Сквара крепко обнимал наплечный мешок с заветным лубяным коробком. Чужие души – потёмки! Аще приласкали ножом, не взбрело бы на ум чего вдвое лукавее...

Хотён с прихвостнем наверняка далеко обогнали его. Сквара всё равно спал вполглаза. Больше мечтал, как не просто поведает обо всём побратиму, а и с собой прихватит его, когда отсидит наказание за неудачу, снова соберётся к Шерёшке.

На другой день, ближе к сумеркам, он прибежал в крепость.

Перво-наперво Опёнок стал искать глазами братейку. Меньшой Зяблик почему-то не ждал его у ворот. В книжнице засиделся поди. Ну добро, дикомыт всё равно незамеченным не остался.

– Добыл печенье? – нетерпеливо запрыгал Шагала.

Сквара, развязывавший забитые снегом лыжные путца, поднял глаза:

– А то не чуешь?

– Ну... я для верности... – смутился гнездарёнок. – Поглядеть дашь?

Сквара строго насупился:

– Тебе, может, ещё и попробовать?

Сам он в пути на лакомство не покусился, хотя соблазн был немалый. Полкоробка слопать – миг, а вдруг Ветер печеньеца по одному пересчитывать станет? Ещё он обратил внимание на зарешёченное окошко холодницы. Потому обратил, что сквозь прутья маячила постная Бухаркина рожа.

– За что его? – удивился Сквара.

Шагала радостно сообщил:

– Он-то просто сидит, а Хотёна на ошейник примкнули!

Сквара повернулся, намерившись расспросить. Вперёд высунулся Лыкаш.

– Ознобишу, – сказал он, – долой свезли.

Сквара мигом забыл о Лихаревых становиках, забыл о печенье. Вскочил, шагнул, сцапал Воробыша за грудки:

– Когда? Куда?..

Лыкаш почему-то оробел не на шутку.

– Ну... тут сани через залив... нынче утром назад... Учитель его с ними и отослал. – И вспомнил: – В какую-то Невдаху!

– Мирской науке учиться, – добавил Шагала.

Сквара выпустил гнездаря. Медленно склонился за лыжами. Всё куда-то отдалилось, лица ребят расплылись бледными пятнами, голоса зазвучали невнятно и глухо. Какой Шерёшкин забор, какая холодница с наказанными в ней состязателями?.. Сквара был способен думать лишь о братейке, ехавшем теперь незнамо куда. Ознобиша, которого он, может быть, больше никогда уже не увидит. «Я и с дядей Космохвостом толком не поговорил. И с попущеником...» Чужой запах в оболочке саней, держащих путь куда-то на юг. Умный и светлый мальчишка, которого наставники убоялись даже разок выпустить в лес перенимать безобидного, в общем-то, кабального... Как же он там один?.. «А теперь и ему ничего больше не расскажу...» Ночной сквозняк холодом в спину с опустевшего лежака...

– Эй! – вернул его в земной мир оклик Беримёда. – На ходу спишь, дикомыт? Учитель ждёт!

Перед дверью покоев Ветра Сквара стоял не впервые, но порога прежде не переступал. Он продолжал думать об увезённом братейке. Оттого постучался с ходу, даже не погодив собраться с духом и с мыслями. Да что собираться? Скверных дел, чтобы угодить, примером, к столбу или в петлю, он вроде не наворотил, а в остальном...

Ознобиша.

Он ждал, чтобы из дверей выглянула старуха-служанка, но учитель отворил сам.

– Входи.

Сквара поклонился, бережно шагнул через порог. Протянул Ветру коробку. Тот не стал в неё даже заглядывать, лишь кивнул, загадочно добавив:

– Сам ей отдашь.

Ей?.. Неужели в требу Владычице?.. Или не ввали слухи, гласившие...

Опёнок молча ступил на толстый ковёр, пошёл за учителем к двери во внутренние покои. Хотелось расспросить о Зяблике, но было не порно. Ветер казался хмурым, сосредоточенным, словно готовил себя к немалому усилию духа. Да и толку учителя донимать. Всё равно Ознобиша от этого не вернётся.

Ветер открыл дверь. Женский голос, негромко звучащий внутри, тотчас умолк. Сквозь белую оконницу проникал снаружи угрюмый гаснущий свет. Опочивальная хоромина была убрана красиво и очень богато, даже стены обтянуты дорогими андархскими тканями, лиственнo-зелёными с серебром. У широкого резного ложа горели светильники. В меховой мяготи лежала седая измождённая женщина, чем-то похожая на Шерёшку. Только бобылка всё время двигалась, кропотала, постукивала сошкой, а эта покоилась, не открывая глаз. Рядом сидела такая же немолодая комнатная служанка. Она держала на коленях раскрытую книгу. Палец прижимал строку, словно та норовила от неё уползти. Ещё в комнате имелась перегородка, каких Сквара прежде не видел. Этакая стоячая занавесь, вместо верёвки державшаяся на пяхах из тонких дощечек.

Он покосился на Ветра, чая подсказки. Учитель неотрывно смотрел на лежащую, взгляд светился страданием, любовью, безнадёжной надеждой.

– Мотушь... – одними губами выдохнул котляр. Подтолкнул недоумевающего ученика, сам отступил за перегородку. – Порадуй её!

Сквара перевёл дух, шагнул вперёд, опустился на колени у ложа. По андархскому обыку так поступали рабы. А ещё – простые миряне перед царицей.

– Государыня, – тихо сказал он, протягивая коробку. – Одари милостью, не побрезгуй.

Женщина шевельнулась, длинные белые пальцы тронули колено служанки.

– Что замолкла?

Слабый голос шелестел осенним дуновением в траве: вот-вот стихнет совсем. Однако тут её ноздрей всё-таки достиг запах, точившийся из коробки. Расслабленная открыла глаза, посмотрела на Сквару.

– Государыня, – повторил он. – Добрый сын прислал тебе лакомство, не побрезгуй отведать.

В ясных серых глазах затеплилась жизнь.

– Мой добрый сын, – еле слышно произнесла женщина. – Мой маленький Агрый, как давно я последний раз целовала его... Поведай, дитя, что с ним теперь? Ты ведь встречал его?

Агрым. «Полночный ветер». Ну конечно...

Сквара наклонил голову:

– Правда твоя, государыня. Как же мне не знать твоего великого сына! Он наставляет нас в служении Матери Матерей. Он...

Женщина слегка нахмурилась. Морщина, прорезавшая переносье, была едва ли не единственной на лице.

– Ты всё спутал, глупенький, – укорила она. – Моего малыша забрали в котёл. Агрым, верно, теперь как ты, только гораздо красивее... Скажи, дитя, что здесь за место? Как я попала сюда?.. Я спрашивала, но глупая рабыня не хочет ответить... – И протянула тонкую руку. – Помоги, сынок, утром я хотела встать, а ноги разбило... Мне бы только выйти отсюда... Маленький Агрым, должно быть, ищет меня... он так плакал... он клялся...

Её ладонь была холодной и сухой, пожатие – бесплотным. И ноги, конечно, изменили больной отнюдь не сегодня.

– Добрый сын уже нашёл тебя, госпожа, – тихо проговорил Сквара. – Ты дома, государыня, тебе никуда не надо идти. Отдыхай, теперь всё хорошо.

Расслабленная, не слушая, пристально вглядывалась в его лицо.

– Твой выговор, дитя... Я слышала такой в детстве...

Ветер тихо и медленно вышел из-за перегородки.

Он прошептал:

– Мотушь...

Тут Сквара понял, к какому усилию готовил себя давно повзрослевший Агрым, но сразу забыл. Бессильные пальцы на его руке превратились в орлиные когти.

– Опять он! Погибель зломерзкая!.. – Женщина пыталась закричать, пыталась отползти прочь, едва ли не спрятаться за ковёр на стене. – Сыночек, спаси! Не подпускай его! Не подпускай!..

Волосы разметались по шитым подушкам, глаза стали совершенно безумными. Ветер дёрнул Сквару за шиворот. Тот кое-как высвободил руку, сунул служанке коробку – и следом за учителем выскочил в переднюю комнату. Страшные крики у них за спиной сменились беспомощным плачем и постепенно затихли.

Тогда Сквара посмотрел на Ветра и увидел мокрые дорожки у него на щеках.

Опёнок стоял столбом, всей шкурой ощущая на себе Шерёшкину вышиванку. Против пореза она неотвратимо подмокала кровавой пасокой:

придётся застирывать. Вот, значит, что за тайна вверялась лишь самым ближним, доверенным ученикам и неболтливым служанкам. Вот ради кого месила пряное тесто злющая хромая бобылка. Вот почему страдальческой грустью звучал в древодельне сказ о больной матери и верном сыне. Может, если внимательно слушать под некоторыми дверьми прямо здесь, в Чёрной Пятери, тоже удалось бы разобрать запретные переборы?

– Учитель...

Ветер отнял руку от лица, вздохнул.

– Я старый дурак, – сказал он. – Я всё не теряю надежды, всё жду, может, когда-нибудь она вспомнит меня... Что тебе, соколёнок?

– Учитель... – Рассудком Сквара боялся ляпнуть не то, но язык, по обыкновению, нёсся вперёд, живя своей жизнью. – А за что Хотёна в ошейник?

Взгляд Ветра осязаемо упёрся во влажное пятно на рубашке. Что-либо скрывать от источника была пустая затея. Ветер усмехнулся:

– А за то, что нож потерял.

– Так я нашёл, – обрадовался Сквара. – Вот, я принёс...

– Ты дурак ещё хуже меня, – сказал Ветер. – Только молодой, может, успеется поумнеть. Хотён чаял похвалы и награды... и ради такой малости не постыдился пырнуть брата во имя Владычицы, с которым спина к спине должен стоять. Будь межеумок, угодил бы к столбу, старший – я вовсе за измену бы вздёрнул. Лихарь отстоял от нижней тюрьмы, пусть благодарит... – Тут его взгляд стал очень пристальным, он помолчал, добавил медленно, совсем другим голосом: – Я спешил порадовать мотушь и ещё не похвалил тебя, ученик. Сколь помню, ты до сих пор ни разу не жаловался и ни о чём не просил...

Сквара опустил на одно колено, даже не запомнив движения:

– Учитель, воля твоя... Ребята сказывают, Ознобишу на мирское услали... Утром только... Позволь, сани догоню? Он братейко мне... Хоть попрощаюсь как есть...

Ветер встал с кресла. Поднял ученика. Неторопливо обошёл, смерил взглядом... Они были почти одного роста, и парень сулил вытянуться ещё. Ветер взял его за плечи. Ненадолго притянул к себе, обнимая. Легонько оттолкнул.

– Беги, мой сын. Беги скорее.

Берег, над которым господствовала Чёрная Пятерь, был очень высоким и очень крутым. Отступившая вода ещё добавила ему величия, сделав совсем неприступным. Дорога, карабкавшаяся к воротам от давным-давно

сожжённых причалов, лезла наверх локтями, петляла влево и вправо. Скваре показалось долго спускаться по ней, он бросился напрямки, как не отваживался даже Пороша. Выскочил вниз на санную полозновицу – и унёсся, растворившись в лиловой густеющей мгле.

Стень и котляр смотрели ему вслед, стоя на сторожевой башне.

– Люторад слёзницу прислал, – задумчиво проговорил Ветер. – Пишет, в след отца хочет, к нам на служение... А благочестный всё не пускает.

Лихарь встрепнулся, вновь подумал об украшении храма, о настоящих службах. Кто лучше сына восславит святую память отца!.. Он с надеждой спросил:

– И что ты ответил?

Ветер усмехнулся углом рта:

– А как тут ответишь. Святому старцу видней!

Темнота быстро поглощала опустевший залив. Где-то там, с каждым шагом удаляясь от крепости, летел сквозь ночь дикомыт.

– Думаешь, вернётся? – спросил Лихарь. – Не удерёт?

Котляр ответил как о несомненном:

– Вернётся.

Лихарь помедлил, но всё же сказал:

– Воля твоя, учитель... Ты дал ему увидеть мгновение своей уязвимости...

Ветер сложил руки на груди.

– Вот поэтому, – сказал он, – я в нём и уверен.

Когда пускаешься в путь, первые полдня неизбежно пребываешь мыслями в оставленном доме. Таком ещё вроде близком, достижимом, манящем... Затем берёт своё походный порядок. Наступает обеденная выть: чужой оболочка сразу перестаёт быть незнакомым, необжитым. А уж когда в нём ещё и поспишь...

Ознобиша вылез под розовые рассветные тучи, поёживаясь, оголился до пояса, начал умываться снегом, как привык в крепости. Накануне он еле заснул без Сквариного сопения рядом. Правду молвить, пахло в болочке совсем не так, как у них в опочивальном покое, полном чистого молодого дыхания. Здесь никак не выветривался тяжкий смрад немытого тела и... какого-то злобного отчаяния, что ли. Эти сани привезли в Чёрную Пятерь смертника. Угрюмого, здоровенного, низколобого, спутанного ржавыми веригами. Страшного мужика сразу увели вниз, в невольку, где они так вовремя заменили сгнившие двери. А возчики, дав отдохнуть оботурам, наладились в обратный путь.

Теперь Ознобиша уже никогда не узнает, как распорядится обречённым Ветер. И о том не узнает, что будет дальше с другими ребятами... со Скварой...

Думать об этом было больно. Ознобиша жмурился, стискивал зубы, отодвигал лишние мысли. Так же, как годами отодвигал мысли о родителях, о брате Ивене. Он ничего не забыл, он просто не умел забывать. Однако думать предпочитал о том, что предстояло и что был способен сделать он сам. «„Умилка Владычицы“... убогим и сирым... листки...»

Слабенький лесной зеленец не мог круглый год животворить оттепельную поляну. Сейчас, в середине зимы, его выделяла лишь глубокая котловина в снегу, испятнанная следами кабанов и лосей. Сейчас там тебеневали запряжные оботуры. Разбивали крепкими копытами наракуй, выгрызали мёрзлые стебли. В низком стелющемся тумане косматые быки были копнами сена, ожившими на лугу. Они-то, оботуры, насторожились самыми первыми. Разом вскинули тяжёлые головы, повернулись на север, стали принюхиваться. Заметив их беспокойство, дозорные вскочили на ноги, подхватили копы – и почти сразу на поляну выскочил лыжник. Он был худой, долговязый и летел как на крыльях. Он был...

– Скварко!!! – не своим голосом завопил Ознобиша и босиком помчался навстречу.

Накрепко оттолкнувший себе слёзы, он уже заливался ими вовсю. Не то что не стыдился, даже не замечал.

Дозорные, конечно, узнали серое кратополое платье, но на пути встать всё-таки попытались. Сквара в драку не полез. Вильнул, вертанул, рассеялся снежной пылью, возник уже позади. Подоспел к Ознобише, сгрёб его, лёгкого, оторвал от земли. Тот уцепился руками и ногами, приник.

Дозорные понурили копы.

– Братя, – сказал один.

Второй кивнул, хмуро заметил:

– А когда бы не братя, ведь сделал бы что хотел и нас не спросил.

Обоим стало неуютно.

– Да ушёл бы точно так же, – подумав, произнёс первый.

Они сами были когда-то новыми ложками. Из тех, что рано покинули котёл, оказавшись мало пригодными даже к мирским наукам, какое там к воинским.

– Мораничи, – сказал второй.

И вздохнул, как прудовый гусак на летучий клин в небесах. То ли

с невнятной завистью, то ли с опаской.

А Сквара и Ознобиша всё тискали один другого. Обоим казалось – если прямо сейчас разомкнуть руки, всё исчезнет, уйдёт уже навсегда.

– Я тебе книжку принёс, что мы в холоднице прятали...

– Скварко...

– И кугиклы возьми, памятка будет, а я новые сморокую.

– Я не потеряюсь! Я твой плетежок сберегу!

– Я тебя провожу немного.

– А накажут?

– Не накажут, учитель позволил. Ты кожушок-то накинь...

Ознобиша сжал зубы, глотая рвущийся всхлип.

– Холод и страх не пустим в сердца...

– Братья за братьев... сын за отца...

Хотён и Бухарка стояли перед Лихарем, низко свесив повинные головы. Пороша маялся за спинами.

– Смилуйся, господин, – не смея поднять глаз, выговорил Хотён. – Оплошали мы.

Лихарь равнодушно передёрнул плечами:

– И что? Я в своё время с Шерёшкой тоже не сладил, а у Ивеня получилось. Я теперь стень, а он где?

Парни малость приободрились, стали переглядываться. Хотён тронул на шее ссадину от ошейника. Он высиживал в покаянной не так часто, как дикомыт, но нынешний раз обещал запомниться крепко.

От того, что, вопреки сказанному, пошёл на крадьбу не один, ещё можно было отовратиться. «А я его не приводил, он сам навязался!» За такую хитрость, пожалуй, даже вышла бы похвала. Зря ли сами учили: главное – не заветы блюсти, как пендерь Скварка, главное – уметь не попасться!.. А вот тут Хотён оплошал. Резанул дикомыта на глазах у половины деревни. Да не убил, чтобы прикопать потихоньку. Вдобавок нож упустил. А когда прибежал в крепость и с торжеством поднёс коробку учителю, тот раскрошил печенье. Сунул гнездарю излом с твёрдыми горошинами, торчавшими, как валуны из земляного обрыва. Шерёшка перехитрила всех. Уличила, кто сильничал.

«В холодницу! Обоих! – вынес Ветер окончательный приговор. И дальновидно добавил: – А изомщать вздумают бабке, на ремни шкуру порежу!»

Видно было: не шутил. Позже мимо решётчатого оконца провели вязня в цепях. Водворили туда, куда Ветер сперва собирался запереть

лихаревицей. Сразу стало очень не по себе, и сдавил шею ошейник, и вдруг показалось, что зря они так изгалялись над кабальным, и...

– Пошли, – сказал стень. Подумал о чём-то, кивнул замаявшемуся Пороше. – Ты тоже.

Все четверо подвязали длинные беговые лыжи, пустились обновлять засыпанную снегом лыжницу, тянувшуюся в Недобоев острожок. Лихарь гнал впереди, мощно, сяжисто, поди удержишься вровень. Не сбился с шага против ёлки, где когда-то истекал кровью. Лишь фыркнул в усы, наддал ещё, желая то ли уморить становиков, то ли, наоборот, раззадорить. Под конец гонки, когда за вырубками оказало себя сидячее паоблако острожка, парни заметно приободрились. Даже бледные щёки наказанных нацеловало морозом до весёлого жара.

Недобой со старшим сыном гребли снег на спускном пруду, собирались скалывать лёд. Большуха кормила гусей. Белый дединька одышливо заносил колун, исполняя прежний Лутошкин урок. Бабка чинила сеть. При виде мораничей все побросали работу. Сбежались к избе. Когда четверо миновали тын, острожане дружно повалились на колени. У большухи глаза стали наливаться слезами, она подняла голову, хотела взмолиться, разузнать о судьбе младшего сына... Муж пхнул её локтем, она снова упала лбом в землю.

Маганки не было видно. Лихарь немного постоял над согбенными, но ни о чём так и не спросил. Намётанный глаз выцепил незаложенную дверь клетки, самой дальней, у рыбного пруда. И туда-сюда – следы маленьких лапотков, не по ноге ни большухе, ни подавно троим мужикам. Лихарь кивнул унотам, чтоб следовали. Не стуча и не спрашивая распахнул дверь дальней клетки. Первым влез через порог.

Молодая женщина сидела за прялкой, укутанная поверх простенького зипуна в толстый плат. Клеть, лишённая очага, грелась только дыханием да огоньком лучины в светце. Короба, кадки, опрятно застеленная скрыня... Маганку выжили из избы, конечно, не за то, что согрела ложе мораничу. Сноха избивала чужую вину, страдала за то, что меньшей деверь вначале боднул вилами, а на кого замахнулся – разглядел после. Его кабалы мужнина семья Маганке не простила.

Чужие шаги за дверью, голоса на пороге заставили её испуганно сжаться, шустрое веретено в руке оборвало песенку, нитка свилась петлёй. Когда Маганка узнала Лихаря, её лицо озарилось. Он всё-таки пришёл! Лучший из мужчин. Светлокудрый красавец андарх, могучий, грозный, заботливый... Надёжный, словно крепостная стена. Её занозушка сердечная. Он снова пришёл к ней... а может, за ней. Он пришёл!

Маганка повалилась перед ним на колени, но веяло от неё не боязнью, как от других острожан, а надеждой весеннего ростка, пробившего снег. И ещё – поздним раскаянием, что сбежала тогда. Но он ведь простил её, винную, он ведь простил её, раз пришёл!..

Лихарь немного посторонился, пропуская учеников в клеть. Они вошли один за другим, плечистые, ражие, в молодых усах искрилась талая влага. Начали вопросительно поглядывать на стена. И – с мужским любопытством, с пробудившейся алчностью – на Маганку.

Лихарь же улыбнулся... Молодая женщина вдруг поняла, что это пришёл вовсе не её витязь, вымечтанный в одиночестве. Не тот, чьи руки, чьи тёплые губы вспоминались ей зябкими ночами в клетушке. Сердце вскрикнуло серой утицей, сбитой влёт из засады. Кануло, теряя пёрышки, в бездну, в тёмную воду.

Стень кивнул на неё ученикам:

– Вы – мораничи. Вам – воля!

Царские знаки

Воевода был не столько рослый, сколько широкоплечий и сильный. Люди таких называют ширяями. Под истёртым и латаным меховым кожухом легко угадывалась кольчуга. Дружина, стоявшая позади, во всём подобала вождю. Полтора десятка неутомимых походников, привыкших спать в снегу, рубиться, натягивать боевые луки и день за днём шагать по сугробам, таща гружёные санки. У одного, синеглазого красавца, между ножами парных мечей висел за спиной кожаный чехол с гуслиями. А кругом стлались горелые пустоши коренной Андархайны, не слишком привычные для северян. Голой земли чуть не больше, чем снега, зелень пятнами... Речной лёд, однако, не уступал обманчивому теплу. Витязи стояли над высоким обрывом, смотрели, как на другом берегу всадники останавливают настоящих коней. Невзрачных, мохнатых, способных выдерживать морозные зимы... но всё равно – настоящих! На севере успело подрасти поколение, никогда не видевшее живых лошадей. Только черепа на заборах.

– Вы, детки, там не сильно грустите, – сказал вождь. Он обнимал за плечи двоих белобрых подростков, одетых одинаково, по-походному, брата от сестры издали не разберёшь. – Просто помните, чему мы с Космохвостом вас обучали!

– Да уж не забудем, дядя Сеггар, – попробовала пошутить девочка. – Вздумают за кого попало просватать, пускай поймают сперва.

Братец Аро, по-прежнему круглолицый, внешне медлительный, весомо кивнул.

– Ты тоже не печалься, – сказал он вождю. – Время быстро пройдёт.

Другие двое ребят, давно переставшие светлить волосы, придвинулись ближе.

– Они ведь за нами будут, – утешила Сеггара красавица Нерыжень. – Никому в обиду не предадим.

Косохлест промолчал, он стоял с виду безоружный, сложив на груди руки. Юный телохранитель, натасканный по старинам котла, когда лучшие защищали. То есть так, как большинству взрослых охранников и не снилось.

Сеггар вздохнул.

– На вас, – проворчал он без улыбки, – только надея.

Рядом хлопотал возле саночек кряжистый середович. Пегая борода,

пегие волосы из-под войлочного столбунка. Дядька охал себе под нос и то затыгивал полсть, то спохватывался о чём-то, заново раскупоривал поклажу.

– Всё тебе гребтится, Серьга, – прищурился гусляр. – Была бы голова на плечах, а шапку новую наживёшь...

Серьга заполошно вскинул руки, схватил свой колпак. Кругом захохотали.

Дружинный стяг хлопал под порывами ветра. На линялом полотнище разворачивал крылья длинноклювый поморник.

Подошёл витязь, казавшийся хрупким подле вождя. На худом лице вовсе не росла борода, зато из-под шапки свисала длинная седая коса. Нерыжени был показан кулак, маленький и костлявый.

– Я те дам!

– Пряничка дашь, тётя Ильгра? – невинно отозвалась девушка. – А то медку?

Ильгра хрипловато рассмеялась, обняла любимицу, не стала больше ничего говорить. Всё было уже сказано.

На том берегу спешили. Сеггар крепче притиснул воспитанников, зарычал сквозь зубы, начал спускаться. Дружина в молчании потянулась за ним. Ильгра понесла стяг.

Приехавшие с юга выглядели птицами совсем иного полёта. Нарядные, в красных сапогах, в серебре. На дружинных они поглядывали кичливо, этак свысока, но кто окажется грозней в открытом бою, не хотелось даже гадать. А на́большим у них выступал почтенный вельможа, очень немолодой, но державшийся по-воински прямо. И кому какое дело, что меч у него на поясе рядом с ничем не украшенным клинком Сеггара выглядел драгоценной игрушкой.

Они сошлись на речном льду: царедворец о двух вооружённых спутниках и воевода с подростками и Серьгой.

– Яви вежество, наёмный рубака! – тут же велел Сеггару один из андархов. На его поясе посвечивали боярские бляхи. – Тебя удостоил встречи великородный Невлин, посланник Высшего Круга!

Вельможа досадливо покосился. Сеггар неспешно смерил взглядом говоруна.

– Что ж не поклониться доброму старцу, небось шея не заболит, – проговорил он и в самом деле слегка нагнул голову. – Но коли так, целуй лёд, Пустоболт: здесь со мной царевич Эрелис, сын венценосного Эдарга, третий наследник Огненного Трона. И его сестра, царевна Эльбиз!

– Это ты так говоришь, – подал голос Невлин. – Без должных улик я вижу перед собой лишь детей, одетых как попрошайки.

Воевода не зря звался ещё и Неуступом.

– А я думал, золото – и в обносках золото, – сказал он.

– Кроме того, – заметил старец, – ты привёл четверых...

Сеггар ответил:

– Двое других – наследники моего побратима, благородного Космохвоста. Они заместки, выросшие вместе с царями, чтобы служить им и умереть за них, если придётся.

– Вот этого я боюсь больше всего, – вздохнул Невлин. – Заместков. Подменьшей... Знал бы ты, друг мой, сколько самозванцев уже обращало на себя взгляды Высшего Круга, называясь именем царевича Аодха, якобы выжившего в Беду! Я поехал-то в эти дикие края потому лишь, что ты прислал весть не о нём, а об Эрелисе и Эльбиз... Как я узнаю, которые брат и сестра здесь царских кровей?

Сеггар открыл рот, но в это время из-за пазухи у пухлолицего братца высунулась кошка облачно-голубой шерсти. Мяукнула, вновь скрылась в тепле. Посмотрев на неё, царедворец неожиданно смягчился. Он сказал:

– Либо ты говоришь правду, и тогда всем нам повезло, либо я натолкнулся на хитреца, предусмотревшего каждую малость... Что ж, поставим шатёр, и пусть разденут детей. Здесь есть женщины?

До сих пор Эрелис в пристойном безмолвии слушал разговор взрослых мужей. При этих словах он решительно выбрался из-под руки Сеггара. Сделал шаг, загораживая сестру.

– Покуда я жив, никому не будет позволено утеснять её скромность, – спокойно, ровным голосом проговорил он. – Ни мужчинам, ни женщинам, ни даже тебе, благородный Невлин, сын Сиге из рода Трайгтренов. А для того, чтобы взглянуть на мои царские знаки, шатёр не потребен!

Кошка противилась, не хотела покидать уютную пазуху, но быстро притихла на руках у Эльбиз. Развязав пояс, Эрелис бросил наземь кожух, потом безрукавку и тельницу. Серьга дёрнулся подобрать, но Сеггар не глядя вытянул руку. Стылый ветер тут же прошёлся краснотой по белому рыхловатому телу. Эрелис ещё зачерпнул горсть снега из-под ног, с силой потёр у правой ключицы. На разгоревшейся коже тонким белым узором проступило клеймо. Да не какая-нибудь простенькая подделка, зажившая месяц назад. На груди отрока светились письмена древнего андархского устава, врезанные в кожу сразу после рождения. Врезанные искусно и весьма прозорливо, хотя кто знал тогда о близкой Бед...

Все сомнения прекратились. Великородный Невлин первым согнул колено перед отпрыском властителей Андархайны.

– Во имя Закатных скал!.. Я всё-таки дожил, – прошептал он. –

Явилась молодость, могущая вырасти достойной венца. Я дожил...

Третий наследник, не торопясь одеваться, повернулся к Сеггару. Поклонился ему:

– За твоим щитом нам с сестрой некого было бояться. Когда я честно вступлю в отцовский след, это не будет забыто.

Неуступ улыбнулся в ответ. Улыбка вышла кривая. Оттого, наверное, что угол рта поддёргивал шрам. Он повторил сказанное царевичем:

– Время быстро пройдёт. – Оглянулся на бывших заменков. – Ну что ж, ступайте, ребятки. Служите честно...

– погоди, – поднял руку вельможа. – Ты, добрый воевода, сын чуждого племени и вправе не знать наших законов. Сегодня царевич Эрелис полагает начало праведной жизни... в которой не должно быть места узам из прошлого. Никто не хочет принизить тебя, достойный вождь, но Андархайна живёт много веков. Мы видели всякое, в том числе временщиков возле трона. Иные законы, друг мой, пишутся кровью, и мы говорим как раз о таком.

Сеггар пожал плечами:

– Я думал, запрет касается лишь меня и моих людей.

Косохлест расплёл руки, всё бесстрастие слетело с молодого лица. Он с беспомощным отчаянием смотрел на любимых брата с сестрой. Воевода предупреждал: такое может случиться, но он не хотел верить. Нерыжень подалась к царевне, девушки обнялись. Ни одна не заплакала.

Воин, стоявший рядом с гусяром, крикнул вельможе:

– А с совестью ты посоветовался, законник?

У него были яркие зелёные глаза, а волосы – рыже-бурые с золотом, как осенние листья.

Невлин провёл пальцами по бороде.

– Многим кажется, что законы справедливыми не бывают, – ответил он печально. – У простолюдья не даром в ходу горькая шутка: где законы, там и обиды. Однако Андархайна издревле зиждется Правдой. Порою законы в самом деле рвут по живому, но, если не чтить их, настанут последние времена. Люди утратят пределы и впадут в дикость, устройство сменится неустройством. Пусть детей сопровождает слуга, привыкший к их нуждам. Большого разрешить я не властен.

– Не грусти, дядя Сеггар, – сказал Эрелис. – И ты не грусти, Косохлест. Я веряю себя заботам Высшего Круга, чтобы научиться царским обязанностям и в должный черёд принять ношу отцов. Да будет так.

Гусяр вдруг бросил руку за спину. Торопливо передвинул вперёд

чехол, вытащил гусли. Опёр их пяточкой на бедро, не глядя рванул струны.

Смотрят с небес
Древние Боги.
Суров их взгляд
На младших чад:
Ждёте чудес?
Сбились с дороги?
Подайте весть
О том, что есть
Огонь, и честь,
И правда в сердцах –
Не отводя лицо,
Сейчас и здесь
Стоять до конца,
Не посрамив отцов!

Воины стали подхватывать знакомую песню. Гуслиар играл вдохновенно, гусли дрожали и гремели, напутствуя уходящих.

Люди глядят
В тёмные тучи:
Как нам помочь
Развеять ночь?
Гусельный лад,
Грянь же созвучьем!
Подайте весть
О том, что есть
Огонь, и честь,
И правда в сердцах –
Не отводя лицо,
Сейчас и здесь
Стоять до конца,
Не посрамив отцов!

Брат и сестра уходили молча и не оглядываясь. На том берегу ждал оболоч, запряжённый четвёркой мохноногих коней.

Птица и зверь
Плачут в потёмках:
Приди, тепло!
Расправь крыло!
Только поверь!..
Свищет позёмка...
Подайте весть
О том, что есть
Огонь, и честь,
И правда в сердцах –
Не отводя лицо,
Сейчас и здесь
Стоять до конца,
Не посрамив отцов!

Вечные тучи плыли над пустошами, роняя редкий снежок. Постепенно скрылись следы санок и лыж, протянувшиеся обратно на север. И отпечатки конских копыт, обращённые к югу.

Доля пятая

Нынешняя Наклонная башня прежде называлась Глядной. Изувеченная в Беду, она и теперь выше прочих вздымалась над косматыми туманами зеленца. Иные называли её памятником былой славы. Злые языки предпочитали говорить о былом страхе. Башня стояла в северном углу крепости, кренилась в сторону Конового Вена... Поди теперь докажи кому, что случайно. Сквару с самого первого дня подмывало в прозрачный морозный день влезть на сущий верх и разведать, не покажутся ли на краю овиди знакомые бедовники Левобережья. Однако к зубчатой макушке Наклонной не было никакого подхода, ни изнутри, ни снаружи. За время бесплодных попыток Сквара вполне в том убедился. Собственно, в сторону Наклонной никто, кроме него, особо и не заглядывался. Кому нужна пустая, ненадёжная каменная труба, перекрытая толстой ледяной пробкой! Покинутую башню сделали себе игрушкой свирепые бури, исправно налетавшие с моря. Когда вихрь верно угадывал направление, башня начинала гудеть. Не особенно громко, но на удивление жутко. Гул распространялся по всей крепости, вызывая из каменных толщ, он казался стенанием самой Земли, томящейся в ледяном заточении. Когда Сквара впервые услышал голос Наклонной, ему тоже захотелось бежать. Всё равно куда, лишь бы подальше.

На самом деле мыть даже глубокий вмазанный котёл, отчёрпанный от снеди, – работа не самая неприступная. Главное, всё делать умеючи!

Чёрной девке Надейке умения было не занимать. Опрокинув в котёл большой черпак кипятку, она быстро погнала по кругу весёлком с мочальным помелом на конце. Низкая печь сберегала ещё достаточно жара, вода шипела, заплёскивая на горячие стенки, в середину стекали хлопья и жир. Надейка подставила бадью, как следует разогнала помои, тем же помелом стала проворно выплёскивать через край. На дне зашкворчало. Девушка оставила весёлко, плеснула ещё кипятку. Повалил пар.

Надейка жила сиротой, но так было не всегда. Она хорошо помнила мать, приспешницу на этой же поварне. Когда всё случилось, Надейка была уже большая, перенимала науку. Бегала по крепости с поручениями: то отнеси, это подай. Вот и вышло, что однажды она кое-что увидела... такое, чего совсем не надо было ей видеть... Двоих взрослых парней,

наглядышей Ветра. И самого котляра, готового обоих избить, отправить в холодницу, поставить к столбу...

Парни были так испуганы, а Ветер – до того разъярён, что Надейка убралась никем не замеченная. Побежала к матери, на ухо, взхлёб, вывалила свою повесть. Зря вывалила, наверно. Мама вдруг больно схватила её, взялась трясти, словно это Надейка что натворила: «Ещё кому сказывала? Сказывала или нет? Живо отвечай, да не лги мне!» Как будто дочь была знатая лгунья, совсем забывшая правду. Надейка хорошо помнила материны глаза, ставшие незнакомыми. Она тогда испугалась, заплакала...

Мать взяла с неё самое крепкое слово: молчать о подсмотренном! Но до конца, зная, дитятку не поверила. Вскоре Ветра проводили в поход во имя Владычицы, собирать новых ложек где-то за Шегардаем. В тот день, прямо как сегодня, выла Наклонная. Маму упреждали: падает метель. А она всё равно наладилась к Недобоихе за красной першилкой. И ещё дочь с собой повела. Дескать, порно ей, скоро будет бегать одна.

Посреди леса мама вдруг свернула на запад. Мимо острожка, мимо Пятери... Наверно, спутала тропку...

Потом они спали в снегу, а падера гнала над ними снежные волны. Понемногу стало светать, но мама почему-то не просыпалась. Сон, грозивший стать непробудным, одолевал и Надейку, но подросли лыжники Инберна. Матери так и не добудились. Надейку отпоили горячим взваром, оттерли руки и ноги. Теперь она приспешничала в стряпной. Чистила рыбу, промывала водоросли, отскребала котлы.

С год назад в крепость приходила большуха Недобоиха. Говорила с Надейкой, смотрела, каково поворачивается. Верно уж, не любопытства ради смотрела. Теперь, может, снова придёт. И о чём тогда плакать к могущественному державцу? Чтобы отдал? Чтобы не отдавал?..

Надейка была невелика росточком. Обходя помелом стенки котла, тянулась изо всех сил. Вот мешалка скользнула, злыми осами взвились брызги, ужалили руку пониже засученного рукава. Девушка ойкнула, схватилась за боль. Торопливо смахнула невольные слёзы. Стала дальше тереть.

Пугливые малыши, привезённые Ветром, вымахали в бедовых парнюг. Молодые стряпки заглядывались. Надейка не была исключением. Ох, девичье сердечко! Всяк день, дурёха, ждала, заглянет ли дикомыт. Вдруг снова пособит неподъёмную кадку из погреба наружу неволить? Шутя справится с тягой, ломящей женские руки, улыбнётся, маслица попросит кугиклы новые пропитать да на них и сыграет... А то опять

в холодницу угодит, а она узелок с пропитанием тайком ему сбросит...

Нечего сказать, высоко занеслась. Сквара – лучший ученик, сам Ветер не нарадуется. А красив...

Тётушка Кобоха снова недосмотрела. На самом дне котла пятнышком прикипела плотная корка. Ничего! На такую напасть у Надейки был приготовлен витень вроде охотничьего, только вместо ножа на ратовище сидела железная ложка, сточенная в скребок. Приспешница вынула из-под хлопота скамеечку-стояло, сработанную ещё Опурой. Взобралась, перегнулась...

Мощные руки, неслышно протянувшиеся сзади, сомкнулись на поясе. Легко сняли Надейку с подножки. Девушка упустила древко, сердечко трепыхнулось: Сквара?.. А она-то хороша! Красная, взмокшая от горячего пара, волосы растрепались... Ещё как следует не встав на каменный пол, она знала: нет. Не Сквара.

– Дай уж себе роздыху, труженка, – сказал Лихарь. – Вон и ручку белую ошпарила, лепо ли?

Девушка застыла, не смея ни головы поднять, ни покоситься на дверь. Из котла всё отчётливей тянуло горелым. Ну нет бы войти кому! На неё взругнуться за праздность!.. Да кто ж сунется? Кобоха, бывало, самому Инберну прекословила, но и у неё достанет ума с Лихарем из-за чёрной девки не задираться...

Стень взял её руку, бережно повернул, наклонился подуть на красные пятна, разбежавшиеся до локтя. Волосы у него были бледного золота, по андархскому обыку сколотые на затылке. Бритая скула, густые усы... Сквара... тот растил мягкую бородку, упрямо плёл косы, как водилось в свирепом Правобережье...

Лихарь, не спеша разгибаться, снизу вверх заглянул Надейке в глаза. Улыбнулся:

– Все ли тут, хорошавочка, с тобой ласковы, часом, не обижает кто? Ты скажи, я бы потолковал...

Ученики маялись во дворе, ждали, чтобы к ним вышел Ветер. Гадали о новых напастях, которые учитель так горазд был изобретать. Что на сей раз? Прикажет навьючить по мешку и бегом в лесной притон да обратно? Объявит сейчас – решил выдать кабальному Лутошке полный самострел и острые болты?..

Сквара сидел на корточках под стеной, гонял пальцами нож. Не думая вращал, не глядя. Смотрел на руины внутренних палат, что-то прикидывал...

Подошёл гнездарёнок Шагала, сел рядом.

– Тебе хорошо! – протянул он погодя.

– Чего ж хорошего?

– У тебя руки вона какие. А мне...

– Я с сухого стебелька начинал, – сказал Сквара.

Шагала помолчал, посопел, спросил:

– Слышал? Девка Надейка обварилась. Ковшик кипятку на себя вывернула.

Сквара свёл брови:

– Слышал... Ноги попортила, говорят.

Шагала хихикнул:

– А я слышал, повыше...

Сквара спрятал нож. Выглядело это так: только что крутился, мелькал, блестел – и пропал вдруг, поди пойми куда. Дикомыт поднял глаза.

– Ты себе повыше колен обвари, – посоветовал он Шагале. – Тогда будешь смеяться.

На каменную подвысь крыльца вышел Ветер, за ним Лихарь. Ребята живо сбежались поближе.

Учитель обвёл взглядом обращённые к нему лица. Улыбнулся, громко спросил:

– На обречённого, что внизу сидит, все ходили смотреть?

Ученики стали переминаясь. Они ходили, конечно. И Сквара – чуть ли не первым. В зарешённом дверном оконце было темно. Из каморы воняло.

– Зачем я его привёз, знаете? – продолжал Ветер.

Недогадливых не было.

– Чтобы мы кровь пролили, – ответил Хотён.

Шагала важно добавил:

– А кто вовсе убьёт, ради Справедливой имя получит!

Ветер кивнул:

– Так вот. Чтобы имени красная цена была, вязень должен выйти на бой кормлёным и бодрым. Я пока больше слышу о том, как он слуг обижает. Они уже и ходить туда приробели. Кто возьмётся гоить своего обречённого взамен страшливых мирян?

Ребята переглядывались, молчали. Иным после похода вниз пришлось отмываться. Обитатель каморы швырял в докучливых мальчишек дерьмом.

– Ладно, – сказал Ветер. Прошёлся туда-сюда по крыльцу. – Одному из вас, строптивцев, я некогда попенял: ты теперь котлу крепкий. Думай, не как прочь отскочить, а о том, где руки с толком приложить сможешь!

Взгляды стали постепенно обращаться на дикомыта. Шагала опасливо отступил. Сквара взяла тоска.

– Помнится, – продолжал источник, – тот сын неразумия мне ответил: я бы, мол, за узниками ходил. Которых здесь мучают и в подвале голодом морят...

Сквара вздохнул, вышел вперёд. Дурак был, что говорить. Уже тогда смекнуть мог: с Ветром – не пустословь. Ветер всё уберёт в память не хуже, чем Ознобиша. А потом однажды потребует, чтобы твоё слово легло на весы золотом, как его собственное.

Другая глупость – прежде Сквара думал: в Чёрной Пятери что ни узник, то Космохвост.

– Воля твоя, учитель, – сказал он. – Я стану ходить.

Сквара спускался в тюремные погреба. Шею тяготил ключ. В правой руке покачивался светильник, в левой – деревянное ведро. Оно пахло морозом и совсем немного – человеческими отходами.

Хотён ещё чесался после отсидки в холоднице.

«Всё тебе удача, наглядываешь! – сказал он зло. – Ты, значит, смотришь на вязня, примериваешься себе! А мы против него пойдём на мах да врасплох!»

Скваре быстро надоело это выслушивать.

«А я тебе мешал добровольником вызваться?»

Теперь Хотён шёл следом. Берёг на ладонях глубокую миску. Когда сквозняк поддувал сзади, Сквара сглатывал. В миске были не какие-нибудь крошёные водоросли. Хотён нёс кусок пирога и жаркое в подливе. Неволей вспоминалась Житая Росточь. Прощальный почестный пир, устроенный родителями для милого сына. Братья Опёнки тогда тоже облизывались... и тоже на место Воробыша не очень хотели. Кто ж знал!

Сойдя на два крова ниже холодницы, Сквара осторожно заглянул сквозь решётчатое оконце. Сунул ключ в скважину, толкнул дверь. Хорошо смазанные петли не закрипели.

Внутри стоял густой дух от поганого судна. В том, что живой человек исправно наполнял ведро, его, конечно, никак нельзя было винить. Зачем он столь же исправно обгаживал ушки, верёвочную ручку и всё прочее, чего касались чужие руки, понять было сложнее, но тоже возможно. Обречённый знал свой приговор. И напоследок развлекался как умел.

Другие люди дни отмечали. Стихи на стенке царапали...

Сейчас парням повезло: вязень спал. Во всяком случае, лежал, отвернувшись к стене, дышал ровно. Громоздкий человецища ростом

в сажень и полстолько в плечах, как есть соловый оботур, да почти такой же косматый. Одно слово – Кудаш, лучше рекла не выдумаешь. От заклёпанного железного пояса тянулась цепь, кованая, крупного звена. Ошейники для наказанных в холоднице были более жестокими.

Сквара оглянулся, на всякий случай прижал палец к губам... Ещё держа ведро, он увидел, как внезапно окаменело лицо гнездаря. Хотён пристально всмотрелся в лежащего, сделал шаг, другой... Сквара с предыдущих походов крепко запомнил, где кончалась цепь, он уже открыл рот, но тут Хотён выдохнул слово, которого Сквара ну ни под каким видом не ждал:

– Отик?..

Кудаш вскинулся с такой быстротой, что деревянная миска, выбитая у Хотёна из рук, ещё до полу не долетела, а гнездарь уже таращил глаза, вздёргнутый за шею, подвешенный на обхватившей руке. Сквара тоже ни о чём подумать не успел, просто выпустил ведро и...

Ветер говорил ему: однажды это случится. Руки сами содеют, а разум лишь после сообразит – что.

Смертник невнятно булькнул, выпустил Хотёна, расплылся на полу, превратившись из бешеного оботура в бескостный бурдюк. Сквара сгрёб хрипящего гнездаря, выскочил с ним из каморы.

Замок лязгнул.

Парни свалились под стену по ту сторону двери. Дышали оба как загнанные. Сквара продолжал наяву видеть свой левый шиш, воткнувшийся вязню меж рёбер. Тот самый шиш, не гнущийся в последнем суставе. Ветер называл подобный тычок «ударом костяного пальца». Он на чём свет ругал бездарного ученика...

– Смеяться будешь? – просипел Хотён.

Сквара покосился:

– Учитель дознается, оба со смеху лопнем.

Оба вновь замолчали. Всё равно было нужно заново открывать эту дверь. Убирать полное ведро, мыть пол.

Хотён знай тёр намятую шею.

– Как ты сократил-то его?

Сквара повертел пальцами в воздухе, пырнул воздух, сознался:

– Сам не очень пойму.

– А я тебя тогда ножом, – буркнул Хотён.

Сквара отмахнулся. Нынешняя переделка могла не такое смыть без следа. Он подумал и негромко, осторожно спросил:

– Отик?..

А самому вспомнилось гадкое «Похотень», по счастью так и не произнесённое. Гнездарь не особо рассказывал об отце. Однажды только обмолвился, что совсем не скучал по его кулакам. И звали Хотёна вовсе не Кудашёнком, но что с того? У лихого человека рекло сегодня одно, завтра другое. А послезавтра он и сам не знает, как наречётся. Особенно если в плен попадёт...

Человечища за дверью сперва рычал и сипел, пытаясь подняться. Если он ещё был способен испытывать страх, ему наверняка было страшно. Сквара помнил, как медленно возвращалось владение, когда Ветер таким ударом повергал его самого. Потом смертник вдруг захохотал, громко, грубо, обидно. Знать, понял: не убив гнездаря, цели всё же добился. Дал хорошую напужку обоим. И теперь уж в настоящем бою к нему с «костяным пальцем» точно не подобрёшься.

Хотён покосился на Сквару, вроде наметился передёрнуть плечами, вышла судорога.

– Не знаю... – пробормотал он. – Гляну, похож... Ещё гляну, не похож... – Снова набычился, обретя даже некое сходство с обитателем каморы. – Смеяться вздумаешь, побью!

Новости

– ...А я его спрашиваю: ты, дрянчуга, на что вдовушку мучил? – не спеша рассказывал Сквара.

Руки у него были по локоть вымазаны в густой жиже. Шерёшкин запонец, коротковатый на его рост, подмок, покрылся серыми кляксами. Рядом на полу стояло корыто хорошо вымешанной глины, грудками лежали валунки из ключища, крупные и помельче.

Хозяйка избы подметала мелкий бой. Бросала в ведро прокалённые обломки старого очага, белёсые, в пятнах сажи. Они казались бы мёртвыми костями, не дотлевшими в погребении, если бы рядом, на прежнем подпечке, не высилась почти готовая новая печь.

– А он что?

В голосе отшельницы мешались любопытство и отвращение. И невольный трепет при мысли: не живи она под рукой Ветра, громила вроде шегардайского вязня мог запросто вломиться и к ней.

Сквара примерил очередной валунок, облепил со всех сторон глиной, поставил, осадил, пальцами втёр густое тесто в каждую щель.

– А он говорит: так сразу деньги бы выдала, я бы пятки ей и не жёг.

Шерёшка с усилием разогнулась:

– У сирой вдовушки велики ли богатства?

Сквара оглядел замкнутый ряд, сунул руку внутрь, ладонью соскоблил глиняные потёки.

– Вот и я ему то же. Много ли, говорю, выпытал?

– А он что?

– Да ни гроша. Так и померла, сказал, ни за грош, дура.

– Дура, значит?

Шерёшка глянула так, словно сама не отказалась бы затупить о пленника острый нож или копьецо. Сквара продолжал вдавливать в глину камни помельче, чтобы тяжесть нового ряда не выставила наружу мягкое тесто.

– Дура, значит, она ему? – повторила Шерёшка. – А он, ума палата, деток зачем порешил?

Сквара смял в руках глиняную колбаску, снова раскатал, прилепил к влажному камню. Сверился с мерной палкой, упиравшейся в середину круглого пода. Если судить по лицу – верность печного купола занимала парня больше, чем зверство грабителя и судьба несчастных детей.

– Так пожалел, – ровным голосом ответил он Шерёшке. – Сказал, они ж маленькие, куда им без мамки? Всяко пропадать, зря не маялись чтоб.

Хозяйка крепче перехватила метлу. Зарычала, как загнанная в угол кошка:

– Сама бы убила! – Выдохнула, уселась на лавку, непонятно пробормотала: – Бережёт вас Ветер.

Печной свод помалу сходиллся, мерная палка всё круче стояла в отверстии наверху. Шерёшка смотрела, как Сквара примеривал к округлой дыре заранее отложенный камень. Невелика премудрость в доме печку сложить. Всякий это умеет, да что-то никто ей своего умения к порогу не нёс. Она шаркнула ногой, загоняя под лавку обломок, увернувшийся от метлы. Взгляд упёрся в зашивину на старой тельнице парня. Бобылка требовательно спросила:

– Тех, что с тобой царского печенья доискивались, покарал Ветер?

– Покарал, – кивнул Сквара. Вспомнил: – Тётя Шерёшка... Ты сказывала, учитель из-под земли тебя вынес...

Она кивнула:

– Как сказывала, так и было.

– А почему из-под земли? – спросил неугомонный молодчик. – Вы там с семьянами прятались?

Шерёшка не торопилась отвечать, он смутился и пояснил, почти жалея, что завёл разговор:

– Я в развалины лазил. Срединные палаты все рухнули... А чтобы в землю ввергались, такого не замечал. Они все на погребках, а те уцелели!

Бобылка поднялась, словно разом отяжелев. Прошлась туда-сюда по избе, хромя, стуча древком метлы, покинув у лавки новую и крепкую сошку. Сквара смотрел на неё, держа в руках камень. Схватился, когда с него стала отваливаться глина. Наново обмазал, владил в дыру. Печка сразу обрела цельный вид. Потом ещё глины добавить, бока выгладить... и хоть больных детей на здоровых перепекай. Сквара чуть не сболтнул это вслух, но вовремя удержался.

Шерёшка остановилась.

– Вязень твой в какой каморе сидит? – неожиданно спросила она.

Сквара зачерпнул из корыта, ответил с облегчением:

– Как сверху входить, в третьей.

– Я сидела во второй, – глухо выговорила Шерёшка. – А муж мой – в дальнем конце. Когда задрожала земля, его ударило камнем... Через две седмицы он перестал отзываться. Распоясанные ободряли меня...

«Распоясанные?..» Глина вытекла меж пальцами, шлёпнулась на босую ступню. Сквара не посмел раскрыть рта, лишь смотрел во все глаза.

– Моя девочка плакала всё тише, а у меня не было для неё молока, – глядя сухими, давно выгоревшими глазами, по-прежнему глухо продолжала Шерёшка. – Потом к нам склонилась Владычица... я не увидела в Её глазах гнева, лишь сострадание... я с рук на руки передала Ей дитя... я и сама умерла тогда, но меня заставили открыть глаза снова... за что-то наказывает Правосудная...

Она замолчала, вновь села, сгорбилась, отвернулась. Сквара поспешно отскрёб ладони ветошкой, сел перед хозяйкой на корточки, взял за руки. Хотелось проморгаться, наверно, глаза глиной запорошил.

– Тётенька Шерёшка... семьяне твои у Матери на правом колене... за тобой оттуда приглядывают!..

Бобылка с видимым трудом перевела дух.

– Вот и Ветер так рассудил, – прошептала она. – Он всех нас, узников, отпустил. Владычица, сказал, сполна отмерила кару... не смертному в Её суд вступать... Распоясанные звали меня с собой. Я осталась... на могилах...

Сквара недоумённо свёл брови:

– Тётенька Шерёшка... а... а за что ж тебя? Ты ведь... с девушками праведной царицы... – Вдруг догадался: – Твоего мужа, стало быть, изветники оговорили?

– Печку затепли, неслушь, – сказала Шерёшка. – Ночь скоро.

Огонь в обновлённой печи должен загореться прежде заката. Иначе заблудится домовой, убредёт из избы, превращённой в простую клеть. Печь, конечно, нельзя толком калить, пока не просохла, но Сквара и не собирался. Живо расколол сбережённое полено, до половины сгоревшее ещё в старой печи. Сложил в глиняной сковородке щепяной костерок шалашиком. По плечо запустил руку в устье, поставил. Раскрыл коробочку ветошного трута, ударил Шерёшкиным кресалом.

– Вернись, батюшка Огонь...

– Воскресни, родимый, – отозвалась хозяйка. – Царевич-молодец, лезь в новый дворец!

Почему-то Сквара волновался, добрый ли нрав окажет новая печь, но узкая серая струйка послушно явилась из устья. Потекла вверх, словно озираясь в избе... наконец выгнулась, как довольная кошка. Нырнула в дымоволок. Сквара с облегчением перевёл дух. Обернулся к Шерёшке, заулыбался.

Та смотрела на огонёк, трепетавший в горниле.

– Я говорила тебе, что мой отец держал переписчиков? Однажды он собрал забавные хвалы Правосудной, сложенные жрецом Кинвригом Незамыслом и его учеником Гедахом. Свёл воедино слова, невозбранно звучащие на улице и в храме, велел красиво переписать, сшить... Отец сам нарисовал обложки, дерзнув изобразить Владычицу в окружении веселья и радости. Мы с мужем повезли книгу Гедаху с Кинвригом. Они тогда служили Матери и людям здесь, в Царском Волоке...

«А я видел её! В Мытной, в сокровищнице!» – едва не ляпнул Сквара. Всё же не ляпнул: что-то заставило прикусить язык. Может, то, что «Умилка Владычицы» лежала распоротая пополам, а листки с весёлыми буквицами липли на груди казнённого Ивеня. Тайна, из-за которой погибло столько людей, казалась горячим железом. Поди возьми без клещей. Сквара люто жалел, что рядом не было Ознобиши.

– Мы не знали, что ветры в парусах веры успели перемениться, – продолжала Шерёшка. – Андархайна велика, вести идут порою неспешно... Круг Мудрецов определил поклонение, достойное верных, всё же прочее заклеил. Мы были в пути, когда из храмов начали изгонять смех. А когда прибыли сюда, то сразу оказались в одной неволе с нашими стихотворцами, ибо Царским Волоком уже правили яростные очистители веры. Там я и поняла, что непрадна...

Девственное пламя в печи успело опасть. Сквара сунул руку в едва нагревшееся горнило, добавил горсть щепок, те весело принялись. Он вернулся к хозяйке, снова сел перед нею на корточки:

– Тётенька... каким бы именем мне тебя звать, чтобы ты радовалась?

Бобылка покачала головой:

– Этого имени больше никто не произносит ни здесь, ни в погибшей столице, оно не продолжится... Зачем тащить его из могилы? Мой род миновался, теперь я просто Шерёшка – мёрзлая грязь.

Хотён, на несколько дней перенявший у дикомыта заботу о смертнике, встретил Сквару больной, задумчивый, на самого себя непохожий.

– Буянил?.. – неволей встревожился тот. – Опять напасть норовил?

Он не стал поминать слишком страшное слово, вырвавшееся у Хотёна. самого мороз прохватывал по спине и скопом лезли на ум рассказы о бедолагах, посланных в родную деревню – отцу-матери смерёдушкой за грехи.

Хотён, кажется, сперва думал отделаться привычной издёвкой, потом вздохнул, мотнул головой. Он понимал, о чём на самом деле спрашивал

Сквара.

– Лихарь сказывал, Кудаш с юга пришёл... А мы на Чёрном ручье жили.

Прозвучало с вызовом. Так люди сами себя уговаривают.

Опёнок тоже вздохнул:

– Нынче кормил его?

– Кормил...

– Ладно, вечером ведро вынесу, – пообещал Сквара.

После Шерёшкиных рассказов ему было о чём поразмыслить и без Хотёна, подзабывшего, как выглядел обидчик-отец. Распоясанные, отлучённые от служения жрецы в подземелье, наставник и ученик... чувство было, словно он до них дотронуться мог. Шерёшка бы не простыла в ветхой избёнке, пока сушит новую печь. Дождаться отлучки Лихаря, снова пролезть в Мытную башню...

Время было не вытное, но после суток лыжного бега желудок требовал пищи. Сквара наудачу сунулся в поварню. Ему повезло, нынче там распоряжался Воробыш. Ходил важный, румяный, боялся что-нибудь упустить. Стряпки, конечно, посмеивались, но в меру. Потетишься, а завтра окажется, что брали на зубок будущего державца. Памятливого, как любой справный владетель.

Лыкасик обрадовался голодному дикомыту, сам отложил ему в миску хорошо сквашенной озёрной капусты, даже добавил горсть свежего водяного гороха.

– Новости слышал?

Сквара, успевший набить рот, сразу опустил ложку:

– Вязень разболелся от Хотёновой холи?..

– Ну тебя с твоим обречёнником, – отмахнулся Лыкаш.

Сквара вновь догадался:

– Кабального, что ли, прибили?

Воробышу не рука была сражаться ради наречения имени, он завидовал воинской чести и тайком радовался проносу. Он огляделся, притишил голос:

– Учитель у себя затворился!

Сквара чуть не поперхнулся капустой, вскинул глаза. Мысль, что с Ветром могло что-то случиться, едва ли не впервые посетила его. Источник был несокрушимей каменных башен, самый нестомчивый, самый удатный, самый...

– И снесь отвергает, – добавил Лыкаш. – Лихарь у него как есть поселился, под дверью спит, в передних покоях.

«В передних?..» Сквара с облегчением показал Воробышу кулак, вновь принялся за еду. Значит, сам котляр был в порядке, просто не хотел от матери отходить. Такое бывало. Расслабленная впадала в прозрачное подобие сна: лежала с открытыми глазами, улыбалась обступавшим её незримым теням... напевала колыбельные маленькому Агрыму. В такие дни Ветер выставлял вон служанку. Сам сидел с мотушью, держал за руку, смотрел в глаза.

А Лихарь... Ну ещё бы.

Опёнок молча жевал. Лыкаш обошёл стряпную, вернулся:

– В Недобоевом погосте кручина теперь, во как.

Опять подумалось о кабальном, но лишь на миг. Сквара сообразил, кивнул:

– Кто ж вечен... Дединька совсем ветхий ходил.

Лыкаш хлопнул себя по бёдрам ладонями:

– Какой дединька? Маганку в рыбном пруду нашли!

– Маганку?..

Нежное, заплаканное лицо... маленькие руки без варежек... Поскользнулась с мостков, ударилась, на выручку не успели? Увиделось ли ей в последние мгновения солнце, то солнце, что начало разгораться перед глазами придушенного Хотёна?

– Недобой ругмя ругается, – рассказывал Воробыш. – Другого места, говорит, не нашла! Оттуда теперь воду спускать и всю рыбу только зверям, о чём думала, надолба!

Сквара медленно повторил:

– Думала?

– Так она сама, – пояснил Лыкаш. – Камней в мешок набрала. Теперь вся семья одни водоросли жуй. А чем уток кормить?

Сквара зачерпнул ещё капусты. Что же она вот так в воду головой, а, примером, не на лыжи да прочь, подальше от попреков и страха?.. Небось не в подземной темнице запертая сидела. Сквара знал, как жила некогда счастливая женщина, чьё счастье расточилось пеплом из рук. Что такого отняли у Маганки, что Шерёшка уберегла?

Он вдруг вспомнил, с каким лицом бобылка спрашивала его, придёт ли ещё. Вслух спросил:

– Лутошка что?

– Сказали ему. Плачет сидит.

Сквара подумал, вспомнил о другом.

– А Надейка? Живая?

Воробыш скривился:

– Тоже рёву на весь двор, когда повязки меняют.

Покалеченную приспешницу успели выселить из девичьей. Она лежала в чуланишке под лестницей, что спускалась в тюремные погреба. Раньше здесь хранили вёдра, веники, тряпки. Сквара затеплил маленький жирник, тихо окликнул:

– Надейка?

Девушка не отозвалась. Сквара потянул дверку, нагнулся, заглянул под каменный косоур. Внутри пахло почти как в портомойне, застарелой мочой. Только там в ней стирали, а здесь напивывали повязки. Надейка лежала на тюфячке, укрытая одеялом. Она показалась Скваре ещё меньше прежнего. Щёки провалились, под глазами круги... губы сухие... Стоять сугорбясь было неудобно, Сквара сел на пол, почти жалея, что явился сюда. Стал думать, как тяжело было Надейке поворачиваться, садиться, даже рукой, наверное, шевелить. В больном месте всё отзывается. Здоровый подвинется – не заметит, а ей...

Она вдруг проговорила, совсем тихо, не поднимая век:

– И ты смеяться пришёл?

Голос всё-таки дрогнул. Сквара встрепенулся, заёрзал.

– Не, я... тебе, может, принести чего? – Подумал, веско добавил: – А посмеётся кто, в ухо дам. Вот.

Надейка не ответила, только брови беспомощно изломились. Сквара маялся, не зная, что ещё ей сказать.

– У нас в деревне девочка одна... – вспомнил он наконец. – Ишуткой звать. У ней пятнышко на спине... то есть не на спине... в Беду опалило. Мы с братом её разок до слёз задразнили. Теперь уже невеста, красёнушка.

Надейка медленно прошептала:

– Красёнушка... Тебе почём знать?

– А что знать? – удивился Сквара. – Она ж разумница, дом ведёт, дедушку любит. Значит, со всех сторон хороша.

Надейка опять не ответила. Глаз она всё не открывала, наверно, и это было ей тяжело. Он знал, как такое бывает. Изначальная грызущая, казнящая боль, от которой корчатся и вопят, сменяется тяжёлым придавленным безразличием. Лекарство рядом ставь, и то рука не поднимется: слишком хлопотно. Сквара потянулся за кружкой, стоявшей возле стены.

– Ты попей... Вона губы растрескались. Я тебе голову подниму.

Девушка неохотно потянулась к воде, стала пить, сперва вяло, потом с пробудившейся жадностью.

– Ты, может, съешь чего? – понадеялся Сквара. – Я вкусного принесу!

У неё опять жалко дрогнуло личико. Она думать не могла о еде, сразу к горлу подкатывало. Сквара затосковал, чувствуя себя ни к чему, кроме пустой жалости, не способным. А больше всего хотелось удрать от чужой беды, поколе к самому не прилипла. Поэтому Сквара не уходил.

– Вот окрепнешь немного, – пообещал он, – я в книжницу тебя отнесу.

Надейка наконец открыла глаза, мутные, воспалённые:

– Зачем ещё?

Сквара окончательно потерялся:

– Ну... ты вроде там молиться любила... у образа.

Он думал, Надейка совсем разучилась улыбаться.

– Справедливая Мать да простит меня... перед образом я скоро забывала молитву... Я больше смотрела, как нарисовано.

Рисовать Сквару учили. Он мог начертать однажды пройденную тропу или крепостной переход, а в незнакомом месте – узнать начертанное другими. Видел в книгах поличья святых подвижников, рассматривал язвительные перелицовки гонителей. Срам сказать, перелицовки ему нравились больше. Он обрадовался, захлопотал:

– Я тебе дощечку принесу и угольков, забавляться станешь. А то берёсты надеру, ты только скажи!

На ту сторону

Внутри зеленца кропил тихий медленный дождик. Снаружи шёл снег. Тоже тихий, неспешный... однако упорный и настолько обильный, что веток небось наломает хуже бурана.

Ветер давно уже не выпускал Лутошку в лес сам. Это делал Лихарь, иногда Беримёд, а то вовсе младшие ученики вроде Хотёна со Скварой. Сегодня Ветер снова не появился. Не подразнил кабального иверинами на краю свитка...

Лутошке некогда было об этом раздумывать.

Он бежал краем болота, иногда придерживая шаг послушать кругом. В недвижимом воздухе опадала снежная пыль, на каждой веточке росло тонкое белое лезвие, обращённое вверх. Покинутый след сразу начинал заплывать, сглаживаться. Время от времени кабальной резко останавливался, с силой бил за спину посохом. Потом оглядывался.

Дома он уже чистил бы тропки к дальним ухоям да сетовал про себя, махая лопатой: ну нет бы дожждаться хоть скончания снегопада, прежде чем его из дому гнать! А в это время Маганка...

Лутошка дёрнул головой, прибавил шаг. С Маганкой он даже сдружиться, по праву младшего деверя, как следует не успел. Когда кончится его кабала, за Лиску уже будут сватать другую. Длинную и темноволосую, вроде Неустроевой захребетницы. Таковую, чтобы не глянулась Лихарю. Или уж знатую непутку найдут... чтоб мораничей не дичилась...

Нет уж. Когда Ветер бросит свиток в огонь, Лутошка в острожок не вернётся. Он на запад побежит, он за Киян-море уйдёт, он... а как вкусно Маганка рыбу коптила... водяной горох жарила...

Сзади прошуршало.

Лутошка крутанулся убить, потом умереть.

Сзади выпрямлялась берёзка, в недвижимом воздухе белой тенью трепетало облачко снега. Лутошка вслух выругался. Хотел – грозно. Получилось – плаксиво до отвращения.

– Эй! – заорал он на всю круговеньку. – Выходи! Я тебя вижу!..

Никто не ответил ему. Да он не особо и ждал.

На ветви берёзки взамен облетевшего садился новый снежок.

Лутошка встряхнулся, побежал дальше, одолевая рыхлый уброд.

Его бабушка уже лет пять всё усаживалась на смертные сани,

всё пеняла домашним: «Ажно схватитесь, как некому станет копытца вам вычинять...»

По Маганке отвыли погребальный плач волки, вороны, лисы и кабаны: им досталась рыбёшка из осквернённого её смертью пруда. А кто по нему, Лутошке, восплачет, когда он в бесконечных побоях душу изронит? Брат с отцом ему, винному, руки вязали, мать верёвку подавала, старики перстами грозили. Только Маганка ни слова поносного не сказала...

А кабы она с самого начала Лихаря не приветила?..

Стень ведь не сильничал. Это он после, за обиду, со становиками явился, а спокону Маганка сама его обняла... Лутошка шмыгнул носом. Сама? Такому Лихарю поди откажи. Он – моранич, ему – воля!

Но кабы Лиска к водимой поласковой был... Кабы деверёнок меньше важничал перед робкой невесткой, кабы милым братом сразу ей стал...

Если бы да кабы!

Лутошка разгонисто миновал поляну, где ему в самый первый раз оборвал след дикомыт. По левую руку простиралась Дыхалица. Губа страшных Неусыпучих топей, питавшихся ядовитыми кипунами.

Кабальной снова остановился. Лес молчал. Снег менял знакомый огляд, приметные деревья были чужими, вдали тянулись кудлы тумана. Лутошка пригляделся... вдруг понял: на самом деле там брели люди.

Люди по ту сторону, за гранью Беды. Облачённые в белое, они шествовали на иной берег Смерёдины, навстречу теплу, воле и счастью. Махали ему крылатыми рукавами, звали с собой.

Лутошка протяжно всхлипнул, заплакал, прыжком повернул лыжи влево. Ударил посохом, понёсся прямо через Дыхалицу. Вдогон светлому ходу, где среди иных теней скользила Маганка.

Когда под лапками не стало опоры, Лутошка пережил мгновение полёта...

...Провалился сразу по шею, заорал, забился в промоине, хватая ледяные обломки. Он всю жизнь ходил по зимним болотам и спасался из воды не впервые. Он выбросил на лёд самострел, брыкнул ногами. Снегоступы мешали ему, он скинул дельницы, схватился за край, стал сбрасывать юксы. Ремень на правой ноге распустился сразу, на левом Лутошка дёрнул не тот конец, узел стянуло, парень заспешил, содрал лыжу с валенком. Наконец повернулся в сторону, откуда пришёл, вскинул руки на лёд, рванулся...

Лёд, ещё хранивший его следы, а значит, вроде надёжный, лопнул с глухим хлопком. Лутошка вытаращил глаза, аршинная льдина встала дыбом, опрокинулась, сбросила в маину лапки и самострел. Рыжак

вынырнул снова, сорвал с головы шапку, словно она была причиной злосчастью. Выкинул подальше на снег. Где-то плавали рукавицы, он их больше не видел.

– Сквара!.. – крикнул он что было силы. – Эй!.. Кто живой есть, помоги!..

На самом деле он уже знал: ответа не будет. Ничто не шевельнулось на берегу, не отозвалось. Глубоко в животе зародился страх, потому что переимщику порно было подоспеть. Лутошка забился сильнее, укладывая тело вдоль края, бросил на лёд правую руку, выпростал коленку... рука тут же съехала, а ножа – воткнуть, зацепиться – у него не было.

– Эй! Эй, кто там!..

Маганка, наверно, храбрее была, когда стояла на мостках, обнимая грузный мешок... Может, и для него убивающий холод сейчас сменится теплом рыбного озера?.. Лутошка вновь лёг плашмя. Тело застывало, слабело. Ношенный обиванец, удобный для быстрого бега, стал неподъёмным. Надо избавиться от него. Извиваясь и дёргаясь, парень червяком выпростался на лёд...

Он полз, пластаясь, пресмыкаясь, загребая коленями и локтями, всё чувствуя под собой готовую обломиться скорлупу... пока с маху не внёс голову в обросший снежными махрами ствол. Перед глазами полыхнули звёзды. Кабальной обмяк, заплакал. Слезы были горячими на остывших щеках. Когда он попытался двинуться с места, руки и ноги веригами отяготил снег.

Вот так оно и случается. Человек без сторонней подмоги вылезает из полыньи, переползает на десяток шагов... да там и остаётся – сытить волков.

– Эй... – позвал он совсем тихо.

– Вставай, – сказала Маганка.

Тёплая рука обхватила руку Лутошки, отогнала онемение. Парень зашевелился, приподнялся на колени.

Потом он негнушными пальцами распутывал пояс. Маганка помогала ему. Он слупливал зипун, тельницу, остальную одежду. Временами глухо вспоминал, что впору срамиться, но стыда не было. Сшибал об дерево лёд, отжимал, натягивал снова. Зубами отрывал рукав от заплатника – обути левую ногу. Лутошка развёл бы костёр, но огнива с собой не принёс, а тереть казалось скучно. Влажные порты начали помалу греться у тела. Маганка тихо улыбнулась, поплыла прочь, снова обращаясь кудлой тумана. Полетела на тот берег Смерёдины, к воле и свету.

Лутошка потащился прочь от Дыхалицы, раскидывая уброд, то и дело проваливаясь без лапок. В теле постепенно воскресал жар. Кабальной даже вспомнил про переимщика и смутно загоревал, понимая, что остался беспомощным, беззащитным, голыми руками бери. Не видать ему сегодня иверины, как есть не видать, даже если возгривого Шагалу пошлют...

Когда приходят мысли не только о том, как сделать ещё шаг, значит не столь уж плохи дела.

Снег всё сыпал, молчаливо добавляя новый слой к скорбному покрывалу земли. Переимщик не появлялся. Лутошка вязнул, терял равновесие, барахтался встать. А вдруг посланный моранич сам доискался в лесу беды? Вдруг позволил бы головой своей завладеть?.. Ну нет, сразу столько везения не бывает. Унот крадётся по следу, он наслаждается муками кабального и не спешит, нарочно мыслит взять его у самых ворот...

Съезжая с высоченного сугроба на торную дорогу, Лутошка потерял опору с левой ноги, но не стал возвращаться. Совсем рядом висел туман зеленца. Оттепельная земля хлюпала, парень хромал, торопился, каждый миг ожидая сильных и торжествующих рук из-за спины. Попасться переимщику становилось всё обиднее. Лутошка понуждал себя шевелиться быстрее, но не мог.

Когда он миновал туман и вышел под корявое дерево, где когда-то лежал спутанным и избитым, с Наклонной башни пластом обрушился иней. Замученный Лутошка отупел уже до такой степени, что даже не сразу узнал этот звук – короткий шёпот, тотчас сменившийся грохотом обвала. Он понял, что погиб, шарахнулся в сторону, пригибаясь, ощериваясь, вскидывая руки со скрюченными пальцами, готовыми царапать и рвать...

Сообразил оплошку, уронил руки, поплёлся к воротам, всхлипывая и трясясь. Переимщик так и не появился.

На пряслах, под мокрым корьём навесов, прохаживались дозорные. В остальном крепость глядела странно пустой. Ни учеников во дворе, ни слуг у поварни... Лутошка смутно, из последних сил удивился безлюдью. Куда все подевались?

Уже на входе в чёрный двор навстречу попался Белозуб. Страх трепыхнулся застывающей рыбёшкой на льду. Губы не слушались, но Лутошка сумел их разлепить:

– Господин...

Опалённый посмотрел сквозь него единственным глазом. Даже не остановился. Что ж, по крайней мере, он видел: Лутошка вернулся ободранный, без лапок и самострела... но не на тяжёлке!

Чтобы сделать ещё шаг, кабальному пришлось схватиться за стену.

Он совсем не чувствовал левой ступни, а правую, в болтающемся мокром валенке, – словно издалека. Стряпки могли дать горячей воды, но последних двух сажень было не одолеть. Доковыляв до кладовочки, Лутошка съехал на пол и сидел целую вечность, тупо глядя перед собой. Клонило в сон, было холодней, чем в лесу, хотелось закрыть глаза и больше не открывать. Вздвогнув, кабальной ещё одну вечность выпутывался из мокрых портов. Свалив тряпье на пол, голяком зарылся в колючую подстилку, натянул одеяло... Одежду надо было развесить в сушильне, но Лутошка иссия. Сбилса в клубок, обхватил себя руками, сплёл ноги... Искорка тепла, сберегавшаяся внутри, никак не разгоралась. Лутошке стало жаль себя, он опять всхлипнул:

– Маганка...

Она не отозвалась. Наверное, кроткой маленькой тени не было ходу в Чёрную Пятерь. По полу бродили стылые сквозняки. Одеяло лежало на спине сухим листком, паутинкой, неспособной согреть.

На лес падал бесконечный снег, по крышам и каменным стенам сбегали разговорчивые струйки...

К полуночи со стороны моря задуло. Наклонная башня снова завывала.

Только на другое утро Лутошка узнал, что накануне умерла Мотушь.

Дровяницы

Это была хорошая находка. Молодая, в три человеческих роста ёлочка, засохшая стоя. Её вывернуло и уложило – может, даже в первую осень после Беды, когда чередами проносились лесобойные бури. Потом настала зима, да так и не прекратилась...

Весь хворост в лесах кругом жилья давно выбрали, годные в печку валежины приходилось выкапывать, вырубать. Подсунув рычаг, Сквара как следует упёрся ногами, стал вызыбать. Раздался хруст, полетели отломки плотного снега, смёрзшегося почти в лёд. Из ямы поднялся настывший кокон, длинный и плотный. Лесина даже уподобилась человеческому телу, окутанному скорбными пеленами. Сквара вновь подхватил топорик. Начал обухом сбивать наплывы, не дававшиеся даже дубинке, какое там кулаку. Прodel руку в изгиб кокорины, поволок на поляну, откуда слышалась знакомая хвала.

Взявшись за гуж, восславим дружной песней
Ту, что даёт нам силы для труда!
Станем работать истово и честно,
Ныне и присно будет Мать горда...

Чтобы обратить в пепел человеческую плоть, даже измождённую годами болезни, дров нужно очень немало. Несколько полных сажений. Да сухих, чтоб жарче горели. Иначе выйдет не погребение, а мерзость и срам.

Вроде не было ни приказа, ни зова, но дети Справедливой вышли на помочи все, от старших до мелюзги. Сердитый, крепкий мороз, сменивший оттепель, был им привычен. Не все и меховые хари натягивали. Ребята искали валежник, рубили мёртвые деревья. Кряжевали, наваливали на санки. Уже в крепости пилили по мерке, рвали колунами, оттаивали в сушильнях. Выкладывали поближе к печам... Дух разогретой коры, смолистого дерева стоял в трапезной, плавал в опочивальной, проникал в книжницу. Здесь, куда впускали только с дозволенными светильниками, он кому-нибудь мог показаться запахом пожара. Только нынче в книжнице некому было зевать над толстенными судебниками Андархайны, искать рисунки в дееписаниях... Где, между прочим, рассказывалось, как древние

государи, жившие честно и просто, устраивали братские дровяницы. Всем миром возили на оскудевший двор, пилили, кололи...

Сквара выволок своё деревце в середину поляны, раскачал, забросил на сани.

– Хорош! – сказал сверху Шагала.

Гнездарёнок был важен и горд порученным делом. Он следил, чтобы ражие парни не наваливали чрезмерного груза. Им ведь дай волю, сами потом ни наверх не взопрут, ни на спуске не остановят. Шагала перебросил верёвку, взялся стягивать поклажу, крепить узлами. Сквара вмахнул топор в пень, чтобы не потерялся, стал помогать.

Мимо промелькнул светлый кожух Лихаря. Стень летал туда-сюда на беговых лыжах, приглядывал, чтобы никто не лодырничал.

Мы Справедливой служим не по найму,
В бой – значит в бой, а в труд, так не ленись!
Скоро святые храмы Андархайны
Волей Царицы устремятся ввысь!

Дубовые четвертные полозья больших дровней были выгнуты и окованы железными подрезами ещё прежде Беды. Когда-то в оглобли прягли коней, потом оботуров. Это было давно. Оглобли с тех пор заменили на дышло с перекладиной вместо крюка. К перекладине становились самые сильные парни. Их в шутку называли «дышляками». Ребята похлипче впрягались в постромки. Так они вывозили к пропасти поганые бочки. Так добывали красный лес для ремесленной. Дрова, давшие название саням, нечасто оказывались на лубянике. Ученики, ходившие за ворота, редко возвращались без чурбака или сучьев. Этого обычно хватало.

Сквара считал себя сильным. Сразу встал к перекладине, справа. Сжал кулаки в негреющих рукавицах, стал смотреть, правильно ли младшие надевали алыки. Ещё не хватало, чтобы запутались. Несколько мальчишек топтались, оживляли ноги позади дровней. Эти будут толкать, а если сани разгонятся на изволоке – схватят верёвочные хвосты, помогут остановить. Дровни весили самое меньшее пудов двадцать пять.

По снегу проскрипели шаги, кто-то подошёл к дышлу, встал слева. Хотён?.. Сквара за последнее время почти подружился с бывлым ненавистником. Он повернул голову. Рядом поправлял дельницы Ветер.

Сквара не хотел пялиться на него, он всё равно видел, каким больным казался учитель. Ещё хуже, чем после казни любимого ученика. Тогда

Ветер до конца похода держал боль в кулаке. Теперь, похоже, не мог. Был предел и его духу. Тусклые глаза, лицо серое... ни вправо, ни влево не глянет... а борода почти вся стала седая. Надо думать, Ветру сплошное горе была расслабленная и безумная мать. А вот некого стало называть мотушью... и хоть в петлю. Выправится ли?

Шагала, оседлавший воз, кашлянул. Поди сообрази, как приказывать, когда в сани впрягся источник. Всё же гнездарёнок нашёлся:

– Слышь, Сквара... Навались, что ли.

Сквара взял дышло, подставил учителю перекладину. Когда тот налёг, дикомыт ощутил рядом совершенно прежнюю силу. Уж он-то с ней лучше других познакомился в бесчисленных любошных боях. Хмурый, придавленный тучами день сразу как будто посветлел.

Эй, налегай, во славу Справедливой!
Зорек наш взгляд, уверены шаги!
Мать Матерей, яви благое диво,
Труд невозможный сдвинуть помоги!

Вывернув с поляны, расчищенная и накатанная тропа сразу полезла в гору. Учитель и ученик молча топали валенками в подвязанных ледоходных шипах, наваливались на перекладину так, что тело клонилось наклон к земле. Пристяжные пыхтели на выносе, временами оглядываясь, всё ли в порядке. Шагала сжимал крепкий шест, пропущенный под последний вязок дровней. Если что, он упрёт его в снег.

Сквара вколачивал шипы в льдистый скрипучий тор, на каждом шагу боясь осрамиться. Раньше учитель всегда был где-то... выше. Он показывал, направлял, наставлял. Давал подзатыльники... Стоять с ним плечом к плечу, едва ли не на равных за общей работой, оказалось неожиданно страшновато. Как на слишком высоком дереве, куда залезть-то с перепугу залез... а поди спустись, поди докажи, что деяние не было случайным, что ты и вправду достоин!

Выбрались на перевал.

– Придерживай, – окликнул сзади Шагала.

Дорожка с поляны уже начала превращаться в жёлоб, вытоптаный в снегу, выкрошенный кованными подрезами. На подъёме – поглубже. На спуске полозновица заметно мелела, косо пересекая западное безлесное, убитое бурями чело холма. Здесь был не настолько страшный раскат, как на покорёженной шегардайской дороге, но, когда у тебя за спиной

своенравная и довольно грозная тяжесть, любой изволок заставит бояться и уважать.

Сани благополучно обогнули плечо холма. Ёлки, ещё торчавшие из сугробов, дружно указывали ветвями в одну сторону – на восток. Горушка вроде была не так велика, но Сквара всё равно поднял голову, привычно дивясь распахнувшемуся простору. Вот он залив, вот увалы в морозной дымке на другом берегу. Там он когда-то нёсся на лыжах, догоняя оболочку с Ознобишей. Вот крепость, словно каменное гнездо, смутно видимое сквозь туман... А надо всем – тучи, которым отсюда можно было брюхо пальцами щекотать. Примерно так обозревали земную твердь симураны...

На косогор выдвинулись с опаской.

– Пристяжные! – храбро кликнул Шагала. – Дышлякам помогай! Сбоку становись! Задние, хвосты придерживай!

Тягач из него пока был ненадёжный, но без его окриков сразу стало бы скучно. Ребята засуетились, перебегая направо, выше по склону.

Кары начались, когда они уже одолели самую крутизну и достигли угорья, более отлогого, но и более скользкого. Здесь, кажется, искал себе выхода наружу тёплый родник. Слабенькие струйки, неспособные породить даже оттепельной поляны, тщились выйти из-под снежного панциря. Ослаблял хватку мороз, и по склону расползлось пятно. В плящую стужу, когда съёживался купол зеленца и начинало рваться железо, в недрах что-то лопалось ночами, гулко и жутковато. Сквара всё хотел вырыть поглубже напыток и узнать наконец, что же там лопается, однако судьба была против. Стоило учителю его отпустить, он всякий раз пробегал мимо. То с Лыкашом – поискать куги на кугиклы, то к тётушке Шерёшке с мешком особенной глины...

Сейчас здесь был сплошной лёд. Врубаясь в него шипами, Сквара чувствовал, как сзади всё неодолимее наваливалась тяжесть гружёных саней. Та последняя кокоря явно оказалась сверхмерной. А может, и не только она. Дышло вроде бы повело...

– Эй, эй!.. – закричал с воза Шагала. – Держи!..

Голос от испуга прозвучал тонко. Сквара оглянулся. Дровни боченились, съезжали, пока ещё медленно, подрезы теряли зацепу. Шагала изо всех сил гнул упорный шест, помогало не очень. Боковые успевали поразному. Двое жилились в постромках, ещё двое, Вялец и Емко, обронили алыки, чтобы сани не утянули с собой в раскат. Из-за этого передок начало разворачивать вниз.

Шагала завопил вовсе не своим голосом:

– Кольца бросай!..

Сам он не мог дотянуться до железных колец, надетых на загибы полозьев. И шест не отпускать стать, и лесины торчат: пока доберёшься! Въялец дёрнулся было к саням, убоился, отскочил. Полозья скрипели, вздымали морозную пыль, всё быстрее катились вперёд, наделённые собственной волей, хищной и кровожадной.

Сквара снова оглянулся, и вместе с ним Ветер. Учитель, верно, решил: пора вмешиваться, пока ребятня не дошла своим умом до беды...

Тут всё стало происходить сразу, так, что словами не очень-то расскажешь, поскольку слова тянутся одно за другим, медлительные и неловкие.

Шипы-ледоступы не удержали – внезапный толчок дышла сбил Ветра сперва на колени, потом вовсе плашмя. Впору было глазам не поверить. Учителя? Сшибло?.. Перекладина стала выворачиваться из рук. Сквара бросил заведомую непосильщину. Сам едва не упав, метнулся под передок. Ему не надо было смотреть, он и так знал, где проляжет след жестоких подрезов. Ровно там, где непривычно медленно поднимался на ноги Ветер. Кольца, свитые из гранёного прутка, висели на коротких цепочках. Куда все отвернулись, пока грузили лесины? Сквара увидел свои рукавицы, кольцо и цепь, вмятую в льдистый покров изрядного комля. Съезжая задом наперёд вместе с дровнями, он только знал: цепь надо освободить. Рывок... Кольцо вылетело с порядочным куском льда, дерева и коры. Упало под полоз. Сани замедлили движение, стали разворачиваться круче. Скваре запорошило глаза, он ощупью схватил второе кольцо... Сани проехали ещё пол-аршина, дёрнулись, застонали, замерли. Дровяной груз посунулся вперёд... Тоже замер. Стало тихо.

Сквара стоял на коленях, держась за полозья. Никак не мог отдышаться. С воза, сквозь оседающие блёстки куржи, безмолвно смотрел Шагала. Сквара притаил улыбку:

– Портки-то сухие?

Гнездарёнок расплылся, но взгляд застыл, Шагала сунул руку под охвостье кожуха. Было бы слишком обидно, окажись дрова, добытые с такими бедами и трудами, негодными для святого костра.

Пока Шагала с облегчением вытаскивал чистую ладонь, мимо просвистели стремительные лыжи. Откуда-то сверху коршуном налетел Лихарь. Не подоспев вмешаться, он увидел достаточно, чтобы махом определить виноватого. На лёд брызнула кровь, прочь шарахнулись пристяжные – Сквара, сбитый свирепым ударом, через голову полетел под уклон. Вскочил ошалевший, без шапки и рукавиц.

– В холодницу! – вновь сжимая кулаки, зарычал Лихарь. – К столбу!.. Дышло бросил! Учителя...

Сквара, весь в снежной крошке, строптиво сощурился, плюнул, в глазах ярче обозначилась зелень.

– Как на помочи – не в час, морды бить – куда ж без нас...

Стень нагнулся к путцам лыж, зловеще спросил:

– Ты мне, значит, плевать будешь?..

– Тихо вы, – поморщился Ветер. Он отряхивал колени, с осуждением поглядывая на обоих. Подумаешь, съехали сани, подумаешь, кто-то не устоял... Эка притча, чтобы шум поднимать. Он сказал стень: – Встань с ними, поможешь.

Все как-то сразу остыли. И правда, какие свары у воза дров, назначенных для погребения. Сквара подобрал рукавицы, украдкой ощупал рот. Когда он посмотрел на учителя, Ветер перехватил его взгляд – и коротко, едва заметно кивнул.

С перевала донеслось пение. Плечо холма объезжали ещё дровни.

Друг, подставляй плечо единоверцам,
Сил не жалея на праведном пути!
Чтобы с ничем не замутнённым сердцем
К Матери в дом когда-нибудь войти...

Великий Погреб

К назначенному дню всё было готово. Ещё толком не рассвело, когда из ворот потянулась многоногая живая змея. Она ползла и ползла, пока в крепости не остались только дозорные и едва садившаяся Надейка. Остальные, до последних приспешников и чернавок, скрипели морозным снегом по тропе через лес.

Когда выходили, Сквара ждал, чтобы стень, по обыкновению, велел петь хвалу, но Лихарь молчал. Сегодня Владычицу должны были восславить дела.

Великий Погреб, ждавший под розовыми облаками, казался не столько велик, сколько зримо отъединён от этого мира и приближен к миру Исподнему. Глазам людей представляла не обычная прогалина в лесу – пустое ложе глубокого озера, осушенного Бедой. В первое время здешние жители не понимали меру своей вины. Они ещё не постигли, что исправлять следует всю свою жизнь, полную суеты и пустого веселья. Эти простецы пытались умиротворить Справедливую, принося кровавые жертвы. Они узрели на обнажённом дне озера впадину, сходную с отпечатком женского тела: широкие бёдра, щедрые материнские груди... В то время ямуруну заботливо обложили камнями. Теперь камни лежали чёрные по краям и сплошь расколотые посередине. Снегу здесь не давали улечься сперва жертвенные огни. Потом – погребальные.

Сюда ребята из младших учеников приходили вспомнить Дрозда. Отсюда в завитках дыма шагнули на Звёздный Мост ближники Белозуба, убитые Космохвостом. Отсюда вознёсся на суд Владычицы и сам Космохвост...

Маленькая женщина, всю юность принимавшая боярские оплеухи, вершила свой путь в лёгких саночках, застланных золотой старинной парчой. Лыкаш всё как есть разузнал: выстилка и самый лубяник были пропитаны дорогим маслом, благовонным, необычайно горячим. Ветер хотел, чтобы мать радостно и легко вырвалась из последней темницы. Одолела путы телесности – и, может быть, наконец-то узнала его... в слезах улыбнулась ему с правого колена Матери Матерей...

Везти саночки было бы нетрудно даже одному человеку. Тем не менее крепкие руки на длинной пóтяжи сменялись через каждый десяток шагов. Только Ветер как с самого начала встал в корень, так до Великого Погреба и шагал. Остальные в очередь подходили за честью. И Лихарь, и державец

Инберн, и все старшие ученики. Подпустили даже опалённого Белозуба. Дали взяться за потяг троим младшим, чаявшим сегодня заслужить новое имя: Хотёну, Скваре, Пороше.

Вязень, извлечённый из подземелья, шёл позади. Нёс в руках цепь, приклёпанную к железному поясу. Улыбался морозному воздуху, тучам над головой.

Жертвенная впадина перестала быть впадиной. За несколько дней её выполнили сухим деревом не то что по края, – с порядочной горкой. Теперь ученики стаскивали рогожи, прикрывавшие костёр от ночных снегопадов. Люди вознесли саночки на самый верх и сошли. Рядом с мотушью остался один Ветер. Было по-прежнему тихо, лишь внизу позвякивало железо. Меж раскинутых бёдер женского отпечатка виднелся большой камень, единый со скальным телом земли. Когда-то его снабдили кольцом, потому что нынешний смертник был здесь не первым. Лихарь повернул ключ в замке, выпрямился, отошёл.

Ветер, стоя наверху, огляделся, вздохнул. Сел подле саночек, положил руку на драгоценные пелены.

– Ты неплохо исполнял уговор, – обратился он к пленнику. – Ты добросовестно искушал моих сыновей, пугая их во имя Владычицы.

Он не повышал голоса, но слышали все. Хотён и Сквара невольно посмотрели один на другого. Обоих словно водой облило. Искушал?.. Уговор?..

– Старался, твоя почесть, – хмыкнул Кудаш.

– Я тоже своё слово держу, – продолжал Ветер. – Кому послать весть?

Смертник неторопливо пожал плечами:

– Так моя баба небось с другим свалялась уже, а больше и некому.

У него был корявый выговор, как у острожан, за всю жизнь близко не подходивших к учельне. До сих пор Сквара лишь слышал, как этот человек матерился или рычал. Опёнок вдруг испугался, поняв, что на самом деле ничего не знает про Кудаша. Кто он на самом деле? Откуда? Что натворил?..

Ветер кивнул:

– Думаю, сегодня тебя поцелует Владычица. Мои ученики будут по жребию нападать на тебя, чтобы почтить кровью этот костёр. Тому из них, кто заберёт твою жизнь, я обещал имя. Но если убьёшь ты, я не буду спорить с волей Владычицы. Убей, и уйдёшь.

Кудаш склонил косматую голову:

– Храни тебя Милосердная, господин.

Сквара показалось, смертник не особенно удивился. Может, у них

с учителем и об этом был уговор?..

Лихарь передал вязню оружие – саженой длины копьё с надёжным железком и злой оковкой о двух лезвиях по сторонам, чтобы враг древко не перехватил. Такие копья назывались «с ножами». Кудаш повертел его, взвесил, оскалился, хищно кивнул. Легко было представить, каким его видели перед собой проезжие люди в лесу... та вдова, якобы прятанная богатство...

Цепочка унотов отодвинулась полумесяцем, трое избранников стояли чуть впереди. Беримёд уже раскупорил большой свёрток. Такое же копьё, цепной кистень, топор, тычковый кинжал...

Шагала завистливо пробормотал:

– Я бы кистень взял...

– А я копьё, – шёпотом ответил Воробыш. Посопел, стыдясь пояснил: – Оно длинное.

Бухарка зарычал на обоих:

– Вам двоим мышей в подполе бить! И там пятна плесени забоитесь!..

Он люто досадовал, что его не называли для пролития крови. Искал теперь, на ком сорвать сердце.

Беримёд поднёс троим избранникам берестяной тул. Наружу взамен стрел казали себя одинаковые голые древки. Поди догадайся, которое комликом в красное обмакнули.

Нетерпеливый Пороша самым первым сунул руку за жребием... Вытащил, подпрыгнул в восторге: ему сразу выпало биться.

– А к матери для начала не сбегашь, сосунок? – усмехнулся вязень. – Пусть бы нос вытерла!

Пороша ответил неожиданно трезво:

– Мою мать такие, как ты, смертью сгубили.

Нагнулся и, словно вняв совету Шагала, подобрал кистень. Кудаш увидел оружие, хлопнул себя по ляжке, захохотал:

– Да ты сам из наших, из вольных!

Он радовался, хотя конец был близок и неотвратим. Всё не на кобыле умирать, под кнутом шегардайского палача!

Уноты, в том числе избранцы, отступили подальше. Сквара, бывало стоявший против Пороши на учебном дворе, знал его боевой облик. Хотелось предугадать, как пойдёт поединок. «А что, вдруг получится. Только бы не полез силой на силу...»

– Бейтесь, во имя Владычицы, – сказал сверху Ветер.

Пороша спрятал кистень за ногой. Пригнулся, боком двинулся на супостата. Кудаш выставил перед собой копьё. Он не спешил двигаться

с места. Он ещё в подземелье по вершку изучил свою цепь и наверняка знал, докуда достанет. Расстояние сокращалось вначале медленно... Сквара тоже вычертил у камня мысленный круг – и понял, что не ошибся, когда поединщики резко и одновременно рванули вперёд.

Свистнуло, лязгнуло: звенчатая связь кистеня обвила ножи копейной оковки, увела лезвие от уязвимого тела. Гибкий Пороша чётко, красиво развернулся на правой ноге, мимолётно оказавшись плечом к плечу с обречённым... Зачуял совсем рядом победу – и содеял от радости именно ту ошибку, о которой думалось Скваре. Надо было продолжить движение, но оттябель заторопился, не дотянул. Решил добрать силой...

С кистенём на копье они хаживали не только между собой, вставляли и против старших, взрослых парней, он побеждал без поддавок, почему же не вышло? Наверное, никто из бывших противников не был так страшно силен, как этот Кудаш. Гнездарёвы ноги оторвались от земли, его бросило на колени, теперь уже вязень взревел торжествуя: а сломя шею!.. а с песнями на волю пойду!..

Беримёд дёрнулся, сделал полшага вперёд... Качнулся на подмогу мальчишеский полумесяц...

Пороша подтвердил свою выучку тем, что всё-таки вывернулся у смерти. Ни Лыкаш, ни Шагала не поняли как, но что-то случилось, вязень вместо победного рёва вдруг заорал, будто его острой спицей пырнули, Пороша струйкой вытек из смертельных ручищ, выскользнул неудержимым угрём, покатился, начал вскакивать, опёрся ладонью, сломался, точно подбитый, вскочил всё равно, косо прыгнул вон, вбежал в других двоих избранников, они его схватили.

Всё длилось мгновение.

Копье и кистень лежали на земле. Кудаш рычал из лохматой вздыбленной бороды, щупал левую руку, ставшую бесполезной. У Пороши плетью висела правая. Срастётся, конечно, станет крепче былой, но когда! Сегодня он уже не боец.

Лихарь, досадливо морщась, прошёл мимо гнездара. Шагнул прямо к смертнику и так спокойно и властно взял его замлевшую руку, что Кудаш не подумал противиться. Стень покрутил, покачал суставы, резко, будто клещами, стиснул между локтем и плечом. Вязня перекосило, он охнул, присел... Лихарь оставил его, не торопясь повернулся, ушёл. Кудаш обмял возвращённую руку, сложил гирю-кулак, довольно оскалился.

– Вот бы, – сказал он, – ещё моя шаечка из лесу показалась...

Беримёд вынул из тула один пустой жребий. Два других поднёс Хотёну и Скваре.

Перед похоронами стенов наглядочек бродил как в воду опущенный. Брался что-то делать и сразу бросал, словно вспоминая куда более важное... страшное... Молчал как пень, даже на дровяницах трудился хорошо если вполсилы.

Видели: Хотён подходил за советом к наставнику. Лихарь сразу увёл его к себе в Торговую башню. О чём случился у них разговор, не знали даже всеведущие стряпки. Лыкасик и тот донёс лишь несколько слов, якобы сказанных гнездарю стеном: «учителю уподобишься». Что это значило, ребята не поняли.

Теперь на лице у него мрела решимость, угрюмая и больная. Хотён так шагнул к тулу со жребиями, что Сквара посторонился.

– Погоди, – сказал сверху Ветер.

Хотён уронил руку, протянутую к древкам. Все выдохнули, откачнулись, подняли головы. Источник кивнул Лихарю:

– Своего второго добавь.

Обрадованный Бухарка показал язык Шагале с Воробышем, подбежал, встал с wybranцами. Времена, когда его считали не очень-то досужим с копьём, давно миновали. Зря ли стень заставлял подопечных налегать на то, что труднее давалось!

Шагала с надеждой спросил:

– А не управятся выбранники, может, нас позовут?

– Ага, – кивнул Воробыш. – И ещё Ознобишу из Невдахи вернут.

– Его-то на что? – зло буркнул Пороша. – Ему всё нипочём, он родного брата убил!

У оттябеля на груди болтались лохмотья портна, где сгребла и рванула тельницу могучая пятерня. Снесённая кожа кровоточила.

Воробыш миролюбиво пожал плечами:

– Значит, не вернут...

Бухарка собирался идти к жеребьёвщине, как подобало, последним. Хотён против ожидания кивнул ему, уступая черёд. Бухарка жадно схватил древко... Комлик был чист. Гнездарь отступил приунывший. Хотён сделал шаг, протянул руку... вдруг побелел, словно ему кровь отворили, рука замерла... снова повисла, как от удара «костяным пальцем». Он хрипло выговорил:

– Тяни, дикомыт.

Сквара нахмурился, взял палочку. Её конец был вымазан красным. Он ещё плотнее свёл брови. Оглянулся на Ветра. Набрал воздуха в грудь...

Хотён, ставший уже совсем белым, вдруг сорвался с места. Пригнулся,

подхватил копьё – и невнятно заорал, бросаясь на смертника. Тот немного опоздал, удивившись, но тоже вскинул железко...

Каким образом у Лихаря в руках оказалась верёвка от свёртка с оружием, никто так и не понял. Но – оказалась. Свившись петлёй, оплела ноги Хотёну. Парень рухнул враспяжку, не добежав до цепного круга, где хохотал, гремел железом Кудаш. Лихарь тотчас накрыл ученика, сгрёб, поднял, потянул в сторону.

Хотён бессильно качался, плакал, с рассаженого лица капала кровь...

Ему обернулись вслед и сразу забыли. Все смотрели на Сквару.

Дикомыт мазнул взглядом по разложенному оружию... Не подошёл. Не стал ничего брать. Того хуже – сплёл на груди руки, глупый строптивец. Не иначе собрался устроить очередное горе учителю!

– Струсил, что ли? – только и придумал спросить Беримёд.

– Не, – мотнул головой Сквара. Повернулся к пленнице, откуда молча смотрел Ветер. Пустил в ход голосину: – Учитель, воля твоя... Скованного не буду!

Оглянулся даже Лихарь.

Ветер положил ногу на ногу... Кивнул.

Пришлось недовольному стению вновь идти к смертнику, отмыкать цепь от кольца. Сквара ждал.

Воробыш предрёк со знанием дела:

– Топор возьмёт. Дикомыты с топорами горазды.

– В кугиклы просвистит... – зло сплюнул Пороша. Он сидел на корточках, берёг правую руку. – А как тот зажмурится и уши заткнёт, ими же середь лба припечатает!

Шагала смотрел на одного, на другого, снова на Сквару.

– Бейтесь, во имя Владычицы, – сказал Ветер.

Сквара не двинулся с места, даже не разомкнул рук.

Кудаш чуть помедлил.

– А я думал, от камня этого уж и не отойду, – с усмешкой проговорил он затем.

Удобнее перехватил копьё, сделал шаг. Кто стоял ближе – подались прочь. Поединок, выплеснувшийся из цепного круга, грозил пойти неведомыми путями.

– Он, может, это... к Матери хочет? – сказал вдруг Шагала.

На него оглянулись, не поняв. Гнездарёнок смутился:

– Так твердит же, сильно забрали...

Лыкаш сознался потом, что вспомнил Ознобишу. Холодницу... петлю, затянутую на оконной решётке... Пороша – тот утверждал, будто прежде

прочих заметил, как смертнику впервые за всё время стало не по себе. Оттого, что не мог разгадать намерений дикомыта. Вот разве думал молодчик его во второй раз шишом в горло достать?..

Сквара стоял к нему левым плечом, словно вправду смерти просил. Смотрел в никуда, рассеянно улыбался... Кудаш пригнулся ещё, бросил себя вперёд, взревел на ходу, готовя удар: отскакивай, нет ли, врёшь, не успеешь! Смести мальчишку, а там...

Он увидел солнце. Оно полыхнуло с ладони метнувшейся руки дикомыта. Ярким блеском прынуло в глаз, залило слепящим светом весь мир. Обречённый умер, сделал ещё шаг и упал в этот свет, не почувствовав, как коснулся земли.

Боевой нож, давний подарок учителя, испил крови. Тёмные струи заливали резьбу на рукояти: волчий зуб и лисий хвост во имя Царицы!

Откуда-то слетело пёрышко, чёрное, с зеленоватым отливом... Покружилось... прилипло...

Ветер медленно поднялся на ноги:

– Подойди, соколёнок.

Сквара очнулся, сглотнул, подумал вытащить нож, но клинок, пущенный с нешуточной силой, наверняка сидел крепко. Некогда возиться, раскачивать. Сквара взбежал на поленницу. На виду у всего крепостного народца опустился перед учителем на колени.

От золотого свёртка на погребальных санях веяло летучим маслом и благовониями. Внизу кружилось множество лиц. Ещё не зажжённый костёр висел в тишине и безвременье, не принадлежа ни одному из миров.

– Ты порадовал Владычицу, как достоин доброму сыну, – сказал Ветер.

Сквара почувствовал его руку у себя на темени. Потом – касание холодного лезвия: кинжал источника срезал длинную прядь.

– Пресековением нечистой жизни ты выполнил Её волю, – продолжал котляр. – Отныне взор Матери никогда тебя не оставит... Встань же, сын. Сойди в людской мир, нарицаясь с сего дня новым именем: Ворон.

Сквара отважился приподнять голову. Занимало его, стыдно молвить, вовсе другое. «Я-то сойду... а ты? Не тут же останешься?.. Как бросить тебя?»

Ветер, кажется, понял смятение ученика. Скваре даже померещилось в знакомых серых глазах нечто вроде улыбки. Учитель нагнулся, вложил чёрно-свинцовую прядь в складки парчи, кутавшей изножье носилок. Взял ученика за плечо, вроде даже опёрся.

– Пойдём, сын.

Лихарь уже приготовил лучок, добыть живого огня, но Ветер не торопился.

– Где те двое? – спросил он.

– О ком ты, учитель?

– О тех, что тогда покинули сани.

Лихарь моргнул, вспомнил, оглянулся. Винных немедля вытолкнули вперёд. Емко и Въялец пришли в крепость недавно, вместе с Шагалай, оба только ещё начинали воинское учение. Они стояли перед источником, опустив толком не обросшие головы. Им-то казалось, давешняя оплошка была тут же прощена и забыта. Теперь холодом подкатывал страх: а ведь накажет...

Ветер долго смотрел на них. Без гнева, насмешливо и печально.

– Дело не в том, что под санями был я, – сказал он затем. – Мне-то не грозила опасность... но вы кого угодно бросите, как меня.

Отвернулся и до того долго молчал, глядя на золотую блёстку над вершиной поленницы, что Лихарь отважился подать голос:

– Учитель, воля твоя... В холодницу?

Ветер словно очнулся. Медленно покачал головой:

– Холодница – для тех, из кого я надеюсь высечь тайных воинов для Царицы, как высекают изваяния из упрямого камня... Робушам у меня нет наказания, потому что они никогда не заслужат имён. Где Белозуб?

Опалённый тут же увёл одного и другого и сразу приставил к делу – оттаскивать тело смертника подальше в лес, на брашно волкам и лисицам. Два дурня с облегчением переглядывались. Не прибили, не заперли, всего лишь непонятным словом назвали: минула беда!

Когда обрушилась середина костра, изглаживая последнюю вещественность погребённой, Ветер вздохнул, вспомнил о чём-то, рука, не покидавшая плеча ученика, снова сжала его.

– Приведи кабального.

Сквара сорвался бегом, но приказ котляра полетел из уст в уста ещё проворнее. Лутошка стоял на старом берегу озера, там, откуда с пристойного отдаления следили за действием приспешники и чернавки. Когда на него все стали показывать пальцами, а потом расступились, давая путь бегущему дикомыту, острожанин со всей ясностью понял: вот она, гибель. Сколько раз уже проносилась над рыжей головой, овевала ледяными крылами... а теперь выпростала когти схватить. Сквара, ставший Вороном, почему-то сразу сделался в два раза страшней. Разум скорбно

нашёптывал: не спастись, но живое рвётся жить, Лутошка попятился, хотел повернуться, задать стрекача даже без лыж... какое! Те же слуги и стряпки, что, бывало, жалели его и украдкой подкармливали, теперь со всех сторон сгребли острожанина – за рукава, за ворот драного обиванца, даже за волосы, свалили, бьющегося, втиснули в снег...

Беспощадные, чужие от страха... совсем как семьяне, когда он Лихаря...

Лутошка увидел возле своего лица знакомые валенки. Державшие руки все быстро убрались, осталась одна, обнявшая правую кисть.

– Вставай, – сказал Ворон.

Делать нечего, Лутошка повиновался. В хватке длинных пальцев не было жестокости, в ней сквозила невозмутимая готовность хуже всякой жестокости, и она-то окончательно уверила кабального: вот и смерть.

Он рванулся, как свалившийся в ледянку горностаи – от рукавицы охотника. Из подвёрнутой кисти тотчас ударила боль, пронизавшая тело до пальцев другой руки, до самых ногтей. Лутошка нашёл лбом коленки, затрясся, тихо завыл, оплакивая незадачную, беспросветную жизнь... которую у него ещё и отнимали теперь.

Ворон дал ему выпрямиться.

– Источник ждёт, – сказал он.

Голос тоже был незнакомый, страшный...

Так Ворон и привёл кабального кругом прогорающего костра: жалкого, беспомощного, с рыжими патлами, прилипшими к лицу. Поставил перед учителем, отпустил. На четвереньках Лутошка оказался уже без его помощи. От костра палило таким жаром, что ноги подломились сами собой.

Ветер долго смотрел на него сверху вниз.

– Ты тоже послужил Матери, кабальной, – негромко проговорил он затем. – Я обещал тебе продление жизни, если выживет стень?

Лутошка пополз к нему, слепой и косноязычный от страха:

– Господин... добрый господин...

Сейчас дюжина рук снова схватит его... закинет в рдеющий жар, в безмерные муки... А то Лихарь примкнёт к опустевшему кольцу, чтобы ещё кто-то смог получить имя... Хотён, Бухарка, даже калечный Пороша...

– Воля Матери обратила твоё преступление благом для учеников, – продолжал Ветер. – Владычица правосудна. Я обещал тебе однажды пересчитать иверины, если будешь усерден? Обещал сделать учеником, если явишь отвагу и голову переимщика принесёшь?

Голос котляра достигал слуха, но разум не мог осмыслить ни слова.

– Господин... – всхлипнул Лутошка.

Всё же слово «иверины» кануло не бесследно. Острожанин вскинул глаза. Ветер вытаскивал из-за пазухи грамотку. Тот самый, знакомый до последней жуковины, берестяной свиток его кабалы. Нешто решил добавить зарубку, отмечая день, когда впереимы никто не пошёл?..

– Сегодня Владычица правит людские дела, – сказал Ветер. – Ты не одолел боем никого из моих сыновей, но ты был усерден... Пусть твои иверины сочтёт Справедливая, а мне ни к чему.

Лутошка ахнуть не успел. Короткий швырок отправил мёртвую грамотку далеко в живое море углей. Тугая берёста взялась было вертеться, являя зубчатый край, словно её впрямь расправляла невидимая рука... Свиток полыхнул и пропал.

– Кончилась твоя кабала, – кивнул Ветер. – Ворон даст тебе оружие и припасы в дорогу. Ступай куда хочешь.

Голос морока

– Смешной ты, – сказала Надейка. – Ногами скорблю, а на что-то руку беребишь...

Он держал её правую кисть, терпеливо мямл плоть между большим пальцем и шишом. Оставил наконец, взялся за левую. Добрые были руки, осторожные. Но и не вырвешься, поколи сам не отпустит. Это Надейка, как всякая девушка, тоже чувствовала безошибочно. И... ничуть не боялась.

– Ага, – кивнул он. – Ещё диво дивное есть: ноги мёрзнут, да течёт из носа потом.

Надейка вздохнула, улыбнулась. Удивилась сама себе. Был, оказывается, продох у чёрного облака одиночества и отчаяния, в котором она совсем было потерялась.

– Ты, значит, Ворон теперь?

Огонёк жирника, стоявшего на полу у двери, делал его вправду похожим на клювастую птицу. Горбатый нос, змейки света на волосах, мерцающие глаза. Он улыбнулся в ответ:

– Ну... учитель так говорит. Уж знает небось.

Наваждение рассеялось. Правда, Надейке упорно казалось, что после именнаяречения у него и улыбка стала другая.

– Если однажды забудусь и прежним именем назову, осерчаешь?

Ворон удивился:

– На что серчать? Так меня родители нарекли.

– Тоже знали небось...

Он задумался.

– Они меня на другую жизнь называли. Проживи я по их замыслу, так и помер бы Скварой. – Глаза лукаво блеснули. – И то сетовали добрые люди, нас-де с братищем неправильно нарекли... Наоборот надо бы.

– Наоборот?

– Сквара – это по-нашему пламя, – пояснил Ворон. – А брат, он такой и есть... войдёт, сразу светло.

– Как Лутошка, что ли?

Хоть в чём-то равнять Светела с бывшим кабальным было смешно.

– Жарый он. Огненный.

Надейка передвинулась поудобнее:

– Добрым людям всегда виднее...

Вот это была правда святая. Приспешники на поварне только и болтали о том, как храбрый Пороша смертника измотал, а Хотён напугал. После чего, мол, всякий в него ножом бы уметил, не только что дикомыт. Надейка, приученная молчать, знай помалкивала. Её всяко не было у Великого Погреба, а Кобоха и Сулёнка стояли. Того только доспоришься, что засмеют.

– А вдруг бы ты промахнулся? – шёпотом спросила она.

Сама Надейка обречённого видела лишь мельком. Зато каждый день слышала, каким огромным и свирепым он был. С каждым новым рассказом убитый душегуб делался всё косматее и страшнее.

У Ворона брови недоумённо сползли к переносице.

– Не, – протянул он. – Не мог.

Сказано было без хвастовства, он в самом деле не понимал. Надейка робко отважилась возразить:

– Люди ж промахиваются...

Он завернул ей рукав. Отмерил пятую часть расстояния от локтя до косточки, снова принялся мять.

– Ну смотри, – попытался он объяснить. – Тебе дай сковородку и склад на блины, испечёшь ведь? И комом липнуть не будут?

– Не будут, – согласилась она.

– А нас так учат с оружием. Если глаз видит, рука... – Тут его пальцы остановились, он замолчал, взгляд стал пристальным. – Слышь, Надейка...

Девушка почему-то съёжилась, застыдилась, отвернула лицо.

– Слышь, Надейка, – медленно повторил Ворон. – Ты же на поварне от колыбели... С мочалками, с кипятком... Как вышло, что на себя черпак уронила?

Она зажмурилась крепче, попробовала утянуть руку. Он, конечно, не отпустил. Надейка стала дрожать.

– Да ты... ты сама это никак? – догадался Ворон. Пальцы, владевшие тайнами боевого ножа, погладили нежную щёку, стирая слёзы, вдруг брызнувшие из-под век. Он кашлянул. – Ну, дурёха... зачем?

Надейка громко всхлипнула – только один раз. Из всех сил сжала зубы. Её колотило. Она еле выдавила:

– А чтобы... кто попало... подол задрать не норовил...

Ворон тихо зарычал, передвинулся, обнял Надейку, умудрившись не причинить боли. Как же тихо и радостно оказалось у него на руках...

Он, по обыкновению, сразу всё испортил. Голос прозвучал слишком уж ровно:

– Кто обижал?

Надейка мотнула головой, уткнулась ему в грудь. Сила – уму могила, сила едва осознанная – стократ; только представить, как этот... воронёнок ошипанный... Лихаря пойдёт вызывать... Надейке без того нелегко на свете жилось, лишнее подглядела и маме смерть сотворила, ещё его погибелью сделаться?

Между тем парень, которого учитель хвалил почётливей – соколёнком, очень по-мужски себя вопрошал, как ему дальше величать эту девочку, доверчиво припавшую к залатанной тельнице. Он-то, дурень, размечтаться успел: вот поправится... глядишь, обнимет его! Представить пытался, как возьмёт в ладони её лицо, найдёт устами уста... Как станет гладить белые плечи... косточки утячи...

Новое и жаркое чувство развеяло, смело самотные мысли. Надейка на муки пошла, вырываясь из чьих-то лап, жадных, похотливых... А он на что был готов ради правды и дружества? Его ли руки такими же лапами станут?..

Надейка вдруг произнесла с удивлением:

– Вправду боль отсыгнула.

«Светела бы сюда. Вот кому учёного умения не надо...» Ворон снова кашлянул:

– Покажешь, что рисовала?

Голос всё равно прозвучал хрипло.

Надейка, спохватившись, вынула дощечку, развернула тряпицу. Из облака угольных пятен с гладкого пласта смотрела моложавая женщина. Смотрела, будто ей во плоти предстал кто-то, по ком она давно выплакала глаза, а теперь пополам рвалось сердце: узнать? не узнать? вдруг лишь померещилось?..

Видно было, как Надейка переделывала поличье. Сперва изобразила Шерёшку, какой та была ныне. Потом принялась стирать ложные годы, возвращая угрюмой бобылке если не счастье, то хотя бы надежду.

– Ух ты, – выдохнул Ворон. Взял дощечку, повернул к свету, долго искал, что бы сказать, но смог лишь повторить: – Ух ты!

Лутошка мчался через лес, летел по крепкому морозному насту на беговых лыжах. Хотелось орать в голос, хохотать и плакать одновременно. Стояла ночь, но ему ночной лес давно стал привычной дневного. А ещё он чувствовал себя почти как тогда, когда Ветер только показал ему свиток с начертанием круговеньки, объяснил, чего хочет, и самый первый раз выпустил в лес. Может, дело было в том, что сегодня облака вновь светились над головой, шаяли серебряным кострищем,

опрокинутым в небо. Или нынче Лутошка просто вновь видел перед собой росстани: куда захочу, туда побегу?

Сегодня из-за камня не выйдет злой дикомыт. Не отнимет оружия, не начнёт советы давать. Он, дикомыт, сам вручил бывшему кабальному хорошие беговые лыжи, привычные лапки и заплечную суму для пожитков. Всё это под вечер, как только пришли с Великого Погреба. Кликнул Воробыща, пошёл с ним в поварню, выругивать у жадных стряпок подорожники обвóленному. Сам Лутошка бросился в свой чулан, прятать в укладочку одеяло, безрукавку, сменную тельницу... Он всей шкурой чувствовал, как сейчас вскочит в ненавистную каморку самый последний раз. И выбежит, чтобы уже не вернуться!

Когда у прохода на тёмную винтовую лестницу что-то зацепила нога, он досадливо отбрыкнулся, гоня трепыхнувшийся испуг, – пусти уже, Чёрная Пятерь! Нагнулся посмотреть...

Боги жизни, надоумившие Ветра сжечь мёртвую грамотку, явили спасённому новую милость. А может быть, искушение. У стены таилась кожаная зепь на узком оборванном ремешке. Лутошку толкнуло злорадство, умноженное шальной лихостью. Сегодня на потолок взбегу, не свалюсь!.. И нещечко это утаю, а вы не хватитесь!.. Он живо огляделся, схватил, сунул найденное за пазуху...

Теперь, когда лыжный бег притомил тело и хмельной восторг начал выгорать, Лутошка стал задумываться: а не зря ли?

Приближаясь к росстаням у скалистого носа, он уже озибался в поисках переимщика. Как выпрыгнет сейчас, как начнёт по-разбойничьи потрошить заплечный мешок: «А ну, живо показывай, много ли из крепости прихватил! Отдашь волей, возьму охотой; не отдашь волей, возьму неволей!»

Лутошка остановился. Кармашек, по-прежнему лежавший за пазухой, потяжелел на сто пудов. В снег закопать, да поглубже, камнем сверху прижать, да потяжелей! Ну её, зепь эту и всё, что там внутри, лишь бы не тяготило!..

Никого не было видно кругом. Острожанин оглянулся ещё, посопел, потоптался. Выбрасывать утаённое внезапно сделалось жалко. Вот кончатся подорожнички и на охоте не повезёт, призадумаешься, что первое с себя продавать... Опять же, к переселенцам не совсем с пустыми руками...

Роковых игр Лутошка ни разу даже издали не видал. Не бросал по столу костей, взывая к удаче. Не пытался поймать за ухо бесталанницу-долю, превратить невстречу во встречу...

Он просто всадил каёк в наст, крепче оттолкнулся, побежал дальше, пересекая незримый рубеж. Скоро далеко за спиной остался тот камень в косых замёрзших потёках, о который его прикладывал дикомыт... Вперёд, скорее вперёд, куда не дотянется тень пяти чёрных башен, загребущими пальцами лезущих из тумана!..

Лутошка нёсся на запад. Свернуть к родному острогу, объявиться матери с отцом? Ну нет уж. Их воля над ним была четырнадцать лет. Теперь кончилась, хватит. Сами почти год назад отдали в кабалу. Маганку сгубили и небось правыми ходят... Ждутся, чтобы он им в ноги упал, взмолился назад? Снова уток кормить, на каждый чих изволения спрашивать?..

Кабальной был вынослив, а нынче, на свободе-то, лыжи снега и пятками не касались. Он стал ладить привал лишь под конец ночи, когда в небе угас серебряный костёр и померкшие облака налились предутренней синевой. На всякий случай основательно запутал следы, чтобы прибежавшие следом подольше вглядывались через озеро с прозрачным, выглаженным ветрами ледком. Примял себе для днёвки хорошее логово, начал расправлять меховой куколь...

Заново вспомнил о кармашке за пазухой.

Вытащил его наконец, растянул маленькую пряжку. Что там? Драгоценный оберег во имя Царицы? Дивные украшения, хранимые как памятка, приготовленные в подарок?..

К его немалому разочарованию, добычей оказалась книга. Не особенно толстая, порядком затрёпанная и, уж конечно, ни золотом, ни камнями не отделанная. Лутошка раскрыл её посередине. Подержал, рассматривая буквы. Грамота была умением за овидью правильной человеческой жизни. Жрецу либо котляру она была, наверно, нужна, иначе зачем бы они её постигали, ну а доброму острожанину или вольному путнику вроде Лутошки – на что? Так иные, по слухам, умели плясать на канатах и топорами играть, ещё кто-то, если люди не привирали, мечи руками хватал и ладоней не резал...

Синие облака мало-помалу розовели. Лутошка вскинул глаза. Ему вдруг показалось, его окликнули. Не по имени – эйкнули, как незнакомца. По-за кожей на тараканьих лапках разбежался мороз. Руки сами спрятали книжку, нашарили самострел...

Дикомыт не стал бы его окликать. И другие не стали бы. Вот мешок через голову, петлю на шею, болт в ногу, чтобы слишком резво не бегал...

«Эй...»

Снова шёпот издалека, голос мёрока, зов с того света. Окончательно

холодея, Лутошка завертел головой... На сей раз он увидел. Под облаками, неспешно снижаясь, плыла крылатая тень. Чёрная в кайме пламени, в огненной позолоте на перепонках...

Он, дурак, привычно ждал переимщиков, подобных ему самому. Парней-лыжников, оружных, злых и весёлых. Как будто у мораничей других несгодий на него не было. Он утаил книгу с их словами, они это поняли. Вызвали зубастую тварь, пустили вора ловить...

Лутошка, конечно, слышал о симуранах. Давным-давно... в баснях про небывальщину. Мыслимо ли что вспомнить, когда ум за разум заикается от страха! Острожанин понял лишь одно: опять смерть! Прижал самострел к плечу, заскулил от ужаса, надавил крючок. Толстый болт со свистом разорвал воздух.

Тварь словно споткнулась в полёте, вскрикнула, начала падать. Неловко забила крыльями... обрушила снежную шапку с высокой сосны... тяжело выправилась... пропала из виду, последний раз мелькнув в облаках.

Какая днёвка после такого! Трясущийся Лутошка выскочил из снежной норы, забыв про усталость, неверными пальцами подвязал юксы, ухватил посох. Едва рукавицы не покинув, бросился дальше. Через озеро, в распадок между холмами, густым ельником, скорей прочь отсюда, прочь, прочь...

Ветер стоял в своих покоях, во внутреннем чертоге. Смотрел, как древоделы разбивают ложе, где много лет провела мотушь. Уже сняли обивку, сработанную из дорогих красивейших тканей, зелёных и серых. Вынесли за порог меховые одеяла, тюфяки лебяжьего пуха, достойные опочива царицы. Настал черёд рушить деревянную раму. Сухие лёгкие доски, сплошь в ситчатой резьбе, трудно разъединялись. Скрипели, жаловались, стонали. Смотреть было тяжело, но Ветер смотрел. Под его взглядом древоделы старались быстрее преобразить хоромы. Искоренить всё, что соприкоснулось со смертью. Останется лишь ковёр на полу. Прочее – без остатка в огонь.

Лихарь безмолвно присутствовал подле котляра. Переминался, оглядывался, трогал стёганку на груди. Когда работники потащили наружу расщеплённые доски, Ветер, не поворачиваясь, обратился к ученику:

– Что гнетёт тебя, старший сын?

Стень ответил тихо и неохотно:

– Воля твоя, учитель... безделица. Полугоре...

– Это мне решать, безделица или нет.

Лихарь помялся ещё, ответил не сразу.

– Запропала «Книга милостей»... твой подарок... Всегда у тела носил, а вернулись с Великого Погреба, хватился – нигде не найду.

Ветер пожал плечами:

– Я здесь и полугория не вижу. Книга самоистин – не оберег, а ты – не суеверный дикарь, чтобы плакать о подобной утрате. Это всего лишь кожа и чернила, сын.

– Учитель...

– Помнишь, на лестнице мы всё время стены цепляли, пока с носилками шли?.. Думается, книга стала милodarом для моей матери, только ты не заметил. Гордись и ни о чём не горюй.

Лихарь кивнул, не смея прекословить. Ему, впрочем, упорно казалось: в крепости остались ещё уголки, куда он не заглянул.

Ветер прошёлся туда-сюда по пустому чертогу, не глядя на стена.

– Закрой дверь.

Лихарь повиновался. Запора не было, но без спроса войти никто не решится. И того, что сейчас скажет ему источник, не услышит более ни единая живая душа: дверь выстлана коврами с обеих сторон.

Ветер что-то достал из поясного кошель. Стень увидел двустворчатую каменную ракушку очень тонкой работы.

– Я хочу поручить тебе нечто важное, старший сын.

Лихарь приблизился.

– Поклянись верно исполнить то, что услышишь сейчас.

Голос котляра прозвучал необычно. Так говорят лишь о жизни и смерти. Лихарь невольно опустил перед учителем на колено:

– Во имя Владычицы... я исполню.

– Ты давно рядом со мной, – снова заговорил Ветер. – Ты видел: я много раз пробовал исцелить мать, но она так и не узнала меня. Ты знаешь и то, что разбила её не чья-то жестокость, а всего лишь болезнь. Люди говорят, я удался в неё...

Лихарь начал понимать, к чему он клонил. Немногие видели стена испуганным, но теперь ему было страшно.

– Я знаю, ты меня не предашь, – продолжал Ветер. – Поклянись же: если болезнь окажется родовой... если однажды настигнет меня... ты будешь сильнее, чем сумел быть я. Ты не позволишь мне страдать много лет, как позволил матери я.

Палец надавил на выступ резьбы, створки раковины раскрылись. Серебряное гнездо покоило родниковую каплю. Чистую и прозрачную. Ветер умел составлять яды ничуть не хуже Айге. Забвение, даруемое этой каплей, наверняка было блаженным.

У Лихаря потёк по вискам пот.

– Учитель... Твоя матушка не страдала... Я...

– Поклянись.

– Я... отец, воля твоя... я... во имя Матери Матерей... я клянусь.

Ветер не спеша сомкнул створки, гася драгоценное сияние смерти.
Отдал Лихарю ларчик. Вдруг подмигнул, вскочил стену волосы:

– Только при себе не носи... Потеряешь, как книгу, вот когда не оберёшься хлопот!

Лихарь попробовал улыбнуться на шутку, не получилось. Клятва была произнесена, но капля жгла руки даже сквозь камень.

– Учитель, – взмолился он. – Не губи душу смятением... Ты мне доверил, а хранить не понуждай... Пусть у тебя в скрыне лежит, с другими сокровищами... а я знать буду... уж раз ты так захотел...

Он не очень надеялся на согласие, но Ветер кивнул.

Они вместе отпирали большой сундук, поднимали кованую тяжёлую крышку. Вместе ставили ларчик-ракушку поверх другого ларца, крупного, сработанного из цельной сувели.

Вынув ключ из замка, Ветер положил руку Лихарю на плечо:

– Инберн поминальный пир сулился собрать. Идём, сын.

Замок Невдаха

Здесь, на юге, бытовал особенный говор. Слово «учельня» они произносили так, что Ознобиша сперва не понял и с надеждой переспросил: «Пчельня?..» Всё же кругом расстилались коренные земли, изобиловавшие оттепельными местами. Здесь даже настоящих коней держать умудрялись, так что... мало ли?..

Другие ребята вволю насмеялись простодушию северянина. Ознобиша в ссору не лез, молчал, улыбался... Насмешки чудесным образом прекратились, когда одному захотелось узнать, откуда его, такую скромницу, привезли.

«Из Чёрной Пятери», – сказал Ознобиша.

«Да ладно!»

Он пожал плечами. Заметил, однако, что желание поделить между собой его скудные пожитки быстро увяло.

«Лишнего-то не ври... а то всякое болтаешь и спотычка, вишь, не берёт!»

«Источником у нас был господин Ветер, – не тая левобережной помолвки, сказал Ознобиша. – А мирским державцем – господин Инберн Гелха. И ещё у меня там братейко остался, дикомыт...»

Он даже пожалел об этих словах, ведь они ничего не доказывали и не объясняли, но старожилам учельни как-то дружно стало не до него. Поскучнели, заторопились в разные стороны... Один лишь парнишка из младших доверчиво задержался и ожидаючи глядел на него. Ознобиша неволей улыбнулся в ответ:

«Чего ждёшь?»

«Чтобы ты спотыкнулся!»

«С чего это?..»

«А дикомыт суций был или врать опять станешь?»

«В жилой чертог проводи, всё как есть расскажу», – пообещал Ознобиша.

Мальчишка схватил его за рукав, прыгая от любопытства.

«Учитель Дыр говорит, будто на севере...»

«Учитель Дыр?»

«Дирумгартимдех. Он сам из южской губы, имя – язык вывернешь, а поди чуть запнишь...»

«Дирумгартимдех», – идя за пареньком, кивнул Ознобиша. Раньше он

чувствовал себя сильным и опытным разве только перед Шагалой. Здесь его, кажется, на мах забоялись. Странное было чувство. Ознобиша вдруг ощутил себя принадлежащим большой грозной силе, с которой предпочитали не связываться. Сказали бы ему год назад, что родство с Чёрной Пятерью защитит его... гордится заставит... Сквару бы им сюда...

Потом время побежало быстро и незаметно.

Теперь Ознобиша стоял с другими учениками на стене замка, смотрел вниз. Здесь были такие же, как дома, ступенчатые зубцы, удобные для андархского лука, сами стены – раза в два ниже, зато выстроили их на венце склона, крутого, длинного и неприступного. Смешно было равнять с ним береговой откос Царского Волока. Родовой замок Нарагонов, оседлавший холмы ещё в пору усобиц, никогда не захватывали враги. Вечные тучи нередко ползли прямо через Невдаху, наполняя туманом дворы, проникая в нетопленные хоромы, однако сегодня долину было видать до самого дна. Снизу вверх петляла единственная дорога. Сейчас по ней двигался отряд конной стражи и возок, запряжённый терпеливыми оботурами. В мирскую учельню ехали великие гости.

На затяжном подъёме кони шли шагом. Подкованные копыта то уверенно ступали по голой земле, то с хрустом размалывали ледяной череп. Чем выше, тем больше делалось льда.

– Редко бываю здесь последние годы, – покачиваясь в седле, рассуждал пышноусый вельможа. – Кто поверит, что всего двадцать лет назад Ворошок изобиловал оленями для охоты?

Старик Невлин, ехавший рядом, неторопливо кивнул:

– А кто тогда поверил бы, Болт, что в доме твоих предков котёл будет принимать наследника Андархайны?

Юный царевич ехал чуть позади, сопровождаемый двумя стражниками на могучих широкотелых конях. Эрелис не так давно выучился ездить верхом. Он наверняка считал, что справится с любой неожиданностью, но испытывать удачу ему позволено не было. Третий стражник шагал пешком, вёл под уздцы буланую лошадку царевича. Наружность плечистый верзила имел самую зверскую. Низкий лоб, свирепая челюсть, рыжая колючая борода. Он держал повод мягко, бережно. Поглаживал тёплую золотистую мордочку. Не потому, что конька нужно было успокаивать, просто очень уж ладно ложился в руку нежный шевелящийся нос, ищущий ласки.

Невлин повернулся в седле:

– Взгляни, государь. Вот то, о чём я тебе говорил!

Царевич посмотрел туда, куда указывала вытянутая рука: вверх и направо. Древние строители, конечно, поставили замок на самом высоком месте гряды. Беда, ломавшая твердь, с лёгкостью могла бы оправдать название крепости, обратить Невдаху мёртвой каменной грудой, но этого, как в насмешку, не произошло. Замок отделался глазурью ожогов на южных стенах да снесёнными макушками башен. Раскололся сам Ворошок. Позади крепости вспучилось новое шеломя. Оно сразу сделало Невдаху бесполезной как воинское укрепление, потому что людей во дворах можно было перестрелять оттуда, как кур. Другое дело, на холм полезли бы только при последней нужде. Из глубокой расщелины чуть ниже новой вершины валил густой пар. Там ярился и клекотал могучий кипун. Вода гудела в бездонной глубине, два-три раза на дню выплёскиваясь столбом пара и брызг.

Вот беззвучно рванулось, ударило в тучи узкое белое лезвие... Люди невольно втянули головы в плечи. Спустя несколько мгновений полоснул грохочущий свист, похоронивший прочие звуки.

Прянул вскачь лишь жеребец Болта Нарагона, отобранный за красоту и быструю меть. Неказистые лошади стражников охлёстывали себя хвостами, садились на задние ноги, прижимали уши, но удил не закусывали. Упряжные оботуры остановились и заревели, только рёва не было слышно. Из кожного болочка, оттолкнув чьи-то руки, высунулась девушка. Царевич Эрелис обернулся, указал сестрице на вершину холма. Его буланый не рвался удирать, лишь плотнее жался щекой к человеческому плечу. Царевна Эльбиз кивнула, поправила съехавший платок, стала смотреть. Сенные девушки вновь попытались утянуть её внутрь болочка. Она на них замахнулась.

Белое лезвие оторвалось от земли, унеслось в облака. Грохот смолк, оставив по себе медленно стихающий звон в ушах у людей. Потом вдалеке снова загремело, но понятней и тише. Это говорил водопад. Вновь пронизывая тучи, рушилась на склоны вода, извергнутая кипуном.

– Спасибо, благородный Невлин, – подал голос царевич. – Стоило приехать сюда хотя бы затем, чтобы это увидеть.

Рыжебородый оглянулся на господина. Эрелис перехватил его взгляд, глаза чуть заметно улыбнулись: «И тебе спасибо, друг мой...» Стражник расправил плечи, повёл буланого дальше, готовый заслонять юного наследника хоть от новой Беды.

Ещё два витка змеящейся дороги – оботуры втащили возок на площадку перед распахнутыми воротами.

– Добро пожаловать под кров моих предков, праведный государь, – сказал Болт.

Жизнь в Чёрной Пятери успела научить Ознобишу: чем важнее гости, тем больше переполюха, беготни и забот. А награда, если даже перепадёт, того гляди выйдет сродни наказанию. Он помнил, каков вернулся Сквара, призванный захожнец песнями веселить. Настолько замордованным и несчастным Опёнок даже из холодницы не выходил. Ознобишу так и не признали за своего гудебные снасти, а песни он помнил по преимуществу Скварины... то есть вовсе не ждал, чтобы его вытребовали для развлечения гостей. Только всё равно был бы рад укрыться подальше. К примеру, в любимой книжнице отсидеться... благо книжницей мирская учельня превосходила Пятерь настолько же, насколько уступала ей стенами. Ознобиша знал: прятаться нельзя. Этому Чёрная Пятерь тоже крепко выучила его.

Он на всякий случай держался за спинами, стоя в переднем дворе, но на цыпочки время от времени приподнимался. Стыд было бы вовсе не посмотреть, что там за царевич с царевной.

– А я думал, все цари – воины, – шепнул коренастый русоволосый Ардван.

Ему не было равных в краснописании, его прочили в переписчики важных книг, лествичников и указов.

Ознобиша, почти повисший у него на плечах, ступил наземь. Стражники и вельможи, даже старик, как ни в чём не бывало соскакивали с лошадей. Только пухлого белолицего парнишку вынул из седла рослый, могуче сложенный рында. И Ознобишин ровесник пошёл через двор на деревянных ногах, что есть сил пряча онемение и усталость. А из болочка, вырвавшись от служанок, прыгнула девушка, по виду – едва напевшая. Догнала брата, схватилась за его руку. Скромно потупилась, засеменила с ним рядом. Она была чуточку выше ростом, но брат есть брат. Особенно такой, кого называют третьим наследником.

Вот они, значит, царственные сиротки. Вот за кого принял гибель Скварин друг Космохвост. Ребята как ребята. Обыкновенные...

Потом, бегая с другими учениками и слугами между поварней и большим залом, Ознобиша разочарованно спрашивал себя: а чего, собственно, ему не хватало? Царского сияния ждал?..

Ночью обитатели учельни спали плохо. Неутолённое любопытство – скверный постельник. Поди задремли, когда в самый глухой спень

приезжает кто-то ещё и ворота, против всякого обыка, раскрываются, а спустя некоторое время где-то в стенах поднимают стук молотки!

Утром, когда ребята окатывались водой из каменной умывальни, всё сделалось ещё непонятней. Во двор вышел наставник Дыр. Темнолицый, тощий, согбенный. Прячущий нос в куколе мехового плаща.

Ознобиша невольно хихикнул:

– Неужто сам облиться решил?

Южский уроженец, ревнивый обладатель сложного имени, вечно натягивал сто одежек и тулился в тепло. Ардван прикрыл рот ладонью:

– Да у него все брызги меж рёбрами пролетят...

Наставник пересчитал глазами мальчишек, щуплых, полуголых, ёжившихся то ли от стылого ветра, то ли от его взгляда. Ознобиша, привыкший к морозам и умыванию снегом, был среди них молодец. Но и ему показалось, что хлопья, лениво сыпавшиеся с неба, сразу повалили гуще.

– Ты и ты, пойдёте со мной. – Дыр ткнул пальцем в Ардвана и ещё одного паренька по имени Тадга. Повернулся, ушёл внутрь.

Оба названных затрусили следом, торопливо натягивая рубахи.

Горца Ардвана в учельне считали самым решительным. На общих уроках он всегда отвечал первый. Бывало, наобум, зато невозмутимо и смело. Про Тадгу, сына рыбаков, говорили обратное. Он быстро только считал. Про всё остальное ответ сочинял на другой день, но уж не ошибался.

Ознобиша с облегчением проводил их глазами. В Чёрной Пятери его держали за умного, потому что на любое судное дело он без запинки говорил потребный закон. Здесь таких даровитых было в каждой дюжине по двенадцать. Это слегка задевало.

Пока гнездарь одевался, гадая, на что бы Дыру зандобились два лучших ученика, к умывальне вышел давешний телохранитель.

– Полей-ка, паренёк, – стаскивая нижнюю сорочку и нагибаясь, велел он Ознобише.

Младший Зяблик мигом принёс ведро, стал равномерно лить на заросшую дремучим волосом спину. Воин довольно зарычал, стал плескать в лицо и отфыркиваться. Ознобиша подал ему сухой край длинного утиральника.

– Добрый господин... дозволено ли будет спросить?

Грозный великан забрал у него ширинку, стал до красноты растирать загривок и грудь, разрисованную чёрно-зелёным узором наколки.

– Если про государя с маленькой государыней, то не пытай.

Он хотел свирепо нахмуриться, но глаза улыбались.

– Не, добрый господин, нас тут в почтении вразумляют, – отрёкся Ознобиша. – Я про другое хотел... Ты ведь рында?

– Ну... положим. Надо-то что тебе, оголец?

– А другого рынду ты, случаем, не знал, господин? Прежнего?

– Кого ещё?.. Рубашку давай.

Ознобиша уже протягивал ему тельницу.

– Космохвоста.

Великан замер, задумался, помрачнел.

– Тебя зовут, малый, – сказал он затем. – Беги уж.

Ознобиша оглянулся. Из-под арки, что вела во внутренние покои, ему нетерпеливо махал руками Ардван.

В большой зал ещё с вечера никого не пускали. Там и посейчас что-то с грохотом падало, сквозь стену невнятно слышалась ругань. Трое мальчишек пугливо переглядывались, сидя на каменной лавке в маленькой комнате. При Нарагонах сюда стаскивали посуду расторопные блюдницы. В сопредельной хоромине со скрипом протащили по полу деревянную тяжесть.

– Как к осаде готовятся, – поёжился Тадга. – А вдруг царевичей к нам вправду привезли от врагов укрывать?

У него была тягучая молвь приморского уроженца. Ардван прижал ладонью коленку, норовившую пуститься в пляс.

– Если к осаде, внаруже трудились бы, не внутри.

Ознобиша вдруг хихикнул.

– Чему взвеселился?

– Братейку вспомнил, – давясь смехом, пояснил меньшей Зяблик. – Он в наших подземельях на кугиклах взялся играть, а другого об это время в погреб послали...

Когда отворилась дверь и внутрь, опираясь на клюку, торопливо шагнул наставник Годун, мальчишки покатывались, просили Ознобишу баять ещё. При виде всклокоченного старца они тотчас захлопнули рты, вскочили, склонились. Запыхавшийся Годун более обычного соответствовал своему прозвищу, данному за седые, вечно вздыбленные космы, – Пушица. Он не стал тратить время даже на то, чтобы хоть чуть отдышаться. Лишь посмотрел так, будто они втроём лучший гербовник из книжницы несли на торг продавать, да вот попались. Рука с палкой махнула вперёд, деревянный крюк зацепил Тадгу... Дверь бухнула. Ознобиша и Ардван остались вдвоём. Смеяться больше не хотелось.

– Как думаешь, на что нас?.. – тихо, словно кто мог услышать и наказать, шепнул краснописец. Коленка вновь заплясала.

Ознобиша пожал плечами:

– Черёд настанет, узнаем... – Заново вспомнил Сквару, добавил: – Будет что будет, даже если будет наоборот!

Вот тут их как будто вправду услышали. В большом зале вдруг подала голос дудка, отозвались струны. Ребята переглянулись, опять приснули.

К тому времени, когда вдругорядь явился Пушица, Ознобиша успел напомнить приятелю обо всех Хадугах, от первого до восьмого, подробней прочих остановившись на седьмом, выдавшем, как известно, сестру за царственноравного Ойдрига:

– Этот брак породил ветвь царевичей, непрерывную и прямую... ещё так добавь: крепкую сыновьями, среди коих достойным высится Эдарг, Огнём Венчанный, разделивший с Аодхом Мучеником праведь кончины...

Ардван напряжённо шевелил пальцами, рисуя в воздухе линии и крючки. Так ему проще было запоминать. Потом поднял голову:

– Зачем рассказываешь?

– Ну как, он же спросить может, – удивился северянин. – В лестничниках, которые ещё не исправили, ветвь кончается на Эдарге. Потому что всего год назад...

– Да я не о том. Царевич небось одного выбирать станет, чтобы пожаловать... а ты мне вроде помогаешь. Неужто самому не охота, вдруг на будущее заметит?

Ознобиша фыркнул:

– У нас за такое в холоднице на ошейник сажали.

– За какое?.. – не понял Ардван.

– А за такое, когда братья братьев отпихивать начинали, вместо того чтобы одним плечом о деле радеть. – Прозвучало гордо не по чину, Ознобиша покраснел, добавил: – Нам учитель Ветер так объяснял.

Ардван посопел, помолчал.

– Что, правда сажали?

– Правда. Когда моего братейку с другими послали печенье украсть, а те его на ножи, чтоб впредь не унёс, учитель их сперва к столбу даже хотел и...

– Ну тебя! – замотал головой Ардван. Ему нынче своих страхов было довольно, чтобы ещё в чужие вникать. – Вот смотри...

Он собрался вычертить на ладони полузабытую древнюю букву, сущую ловушку для краснописцев, но тут снова закрипела дверь. Мальчишки безотчётно разлетелись по концам каменной лавки, вскочили,

согнулись... Деревянный крючок Годуна зацепил Ардвана. Ознобише достался неприязненный взгляд наставника: ох, всыпать бы, жаль, недосуг!.. Зяблик остался один, вновь почувствовал себя чужаком, смертельно захотел домой... в Чёрную Пятерь. Там всё было понятно. Там он знал, кого бояться, кого держаться. Там знакомый Лихарь был лучше незнакомых Дыра с Пушицей. Там Сквара на кугиклах играл...

По ту сторону стены повела напев дудка. Ознобиша вдруг смекнул, зачем его, новенького, нелюбимого, оставили напоследок. Сейчас надо будет петь или гудить... и он осрамится. Он обязательно осрамится. И с ним будет поруган перед царевичем весь воинский путь...

Теперь коленка запрыгала уже у него.

Меч и стрела

По мнению Невлина, Эрелису пора уже было усвоить: воссаживаясь на знатное место, являй пристойную чинность. Какие деревяшки, теслички?.. Это только у раба вечно дела невпроворот, поесть не присядешь. Это у ремесленника день-деньской засучены рукава. Правителю нет нужды биться за каждодневный достаток. Царь думает великие думы, являя внешнюю праздность...

Вдумчивый мальчик опустил скобель. Огорошил старого царедворца вопросом:

– А как же Йелеген Второй, победитель хасинов? Нешто врут, будто он углублялся умом в дела Андархайны, налегая на соху?

Дитя Беды, взрослевшее в нищете, среди простонародья, сперва под рукой у свирепого телохранителя, а потом, страшно молвить, у бродячего воеводы!.. Невлин уяснил уже: с выучеником таких пестунов толку можно добиться лишь убеждением.

– Славный Йелеген делал то, чего ждало его время, – отвечал он, воздев для вескости палец. – Если царь отпускает ратников по домам и уходит пахать своё поле, народ понимает, что долгая война действительно кончилась. Сейчас людям нужно поверить в возрождение Андархайны. Они хотят видеть государя на престоле, венценосного ручателя порядка и Правды... а не резчика со шрамами на руках, трудящего себя, точно подлый обыватель, ибо некому его прокормить!

Эрелис вновь надолго задумался. Подгрёб стружки ногой в вязаной чуне... кивнул наконец:

– Хорошо. Тогда я буду гладить кошку, подобно Хадугу Третьему, оставившему нам царскую дымку. Но я тоже кое о чём тебя попрошу, сын Сиге.

Невлин насторожился:

– О чём, государь?

– О моей сестре, – ответил Эрелис.

Невлин понял, что беспокоился не напрасно.

– Царевнам Андархайны свойственна кротость, – строго напомнил он подопечному. – Они не входят в заботы правления. Их стезя – укреплять трон могучими союзниками, становиться матерями для подданных!

Царевич потянулся за веником.

– Сестра выросла в дружине, а ты на другой день от неё кротости

ждёшь. Хочешь запереть, как утку в хлевок, а ведь её зовут Лебедь... Мне было позволено взять дядьку Серьгу, а ей сторонние девки служат вместо бабушки Орепеи. Пусть Эльбиз сидит подле моего столца и ткёт пояс будущему жениху. Уверяю тебя, она даже глаз не поднимет.

Невлин улыбнулся. Взыскательность ожесточает, если не давать послаблений.

– Не унижай себя просьбами, государь, – тихо проговорил он. Отечески тронул Эрелиса за плечо. – Вы с колыбели держались друг дружки. Не я буду тем, кто возьмётся вас разлучать... Девушкам прикажут одеть её как подобает.

Эрелис поднял глаза:

– А я ей прикажу, чтобы с кротостью потерпела.

И еле заметно улыбнулся в ответ.

Красный боярин Болт Нарагон вновь стоял в большом зале крепости, больше не звавшейся Невдавенью. Трапезная хоромина казалась пустой. Длинный стол, простоявший на своём месте не один век, отодвинули к самой дальней стене. Всю середину чертога занимала какая-то срамота, сколоченная из досок. Этакий прясельник в рост человека, с углами, поворотами и узкой полочкой наверху. Начало и конец скрывали занавеси возле красной двери. Внутри забора виднелся лёгкий шатёр. В шатре тихонько звякали струны, шушукались девичьи голоса.

Болт зевнул. На возвышении сучали четверо охранников. Между ними мерцал серебром хозяйский престол. Глейв, бедняга, на него так и не сел. А уж как он следил, чтобы младшие братья не забывались. Особенно Болт, которому даже не хватило наследного имени, означавшего «меч»...

Открылась боковая дверь. Раньше этим проходом туда и обратно сновали холопки-блюдницы. Боярин увидел рыжую бороду: нагнувшись под притолокой, в зал шагнул стражник. Болт не знал его имени, больно чести много. Следом появился царевич. Он, по обыкновению, нёс на руках кошку. Болт поспешно преклонил колено, опустил взгляд... На самом деле Эрелису только и ходить было дверьми, предназначенными для слуг. Он чем дальше, тем крепче напоминал Болту отцовского пригульного, которого они с Сабалом здорово поколотили разок возле этой самой двери. Хотя о каком сходстве речь, царевич был пухлый, ублюдок – кожа да кости. И всё-таки... взгляд, что ли, иногда...

– Трое учеников будут испытаны на способность к сосредоточению, – неторопливо шагая к хозяйскому столцу, рассказывал Эрелису Невлин. –

Двое – избранные птенцы здешнего гнезда, третий помладше, не удивляйся, его велел сопричислить я.

Невысокий Эрелис поднял голову, вопросительно посмотрел на вельможу.

– Он недавно прибыл сюда из Чёрной Пятери, – пояснил Невлин. – Я подумал, ты захочешь проверить, путём ли учит воинский путь котла.

Кажется, старик имел в виду развеселить царевича, но не улыба шутки не понял. Болт в своё время тоже наслушался острот. «Ты – Стрела, – говорил Глейв. – Тебе из дому улетать!» И однажды на охоте сам полетел из седла, сломал шею. Пойманному коню отец подрубил ноги. Бросил умирать у тропы. Глейва он, похоже, вправду любил.

Эрелис подошёл к знатному месту, уселся невозмутимо, как на меховую полсть в походном шатре. Снова бухнула дверь. Выскочила царевна, похожая на запыхавшуюся блюдницу ещё больше, чем её брат – на сына чернавки. Она держала моток ниток и старое облезлое бёрдо. Быстро оглядевшись, Эльбиз подхватила тяжёлый подол ферезеи, перебежала к престолу, уселась возле ног брата. Только тогда из прохода для слуг пискливой стайкой посыпались комнатные девки, упустившие госпожу. Последним подоспел дядька Серьга. Невлин замахал на него руками: брысь, брысь! Старый слуга виновато кивнул, увёл девок вон.

Болт отвернулся. Повеситься с тоски можно. Разве так надлежит являть себя людям наследнику Андархайны, пусть даже недельщине третьему, выросшему среди черни? Вот отец не ждал никого, никогда. Это его, вытянувшись в струнку, ждали домочадцы и дворня, а когда выходил – боялисьдохнуть. А замест кошчёлки на руках у него был меч при бедре и кольчуга под суконником, на посрамление вражьему вероломству. И рынды у Сварда Нарагона стояли в белых кафтанах, разве без позолоты, надлежавшей царской охране...

Вот кто истинный государь был бы.

На что старик взялся так возиться с бестолочным мальчишкой, которого сам поначалу признавать не желал? Может, лучше бы ему попомнить деяния Гедаха Шестого, воссевшего на трон через брачение?..

Болт нашёл взглядом царевну, склонившуюся над бёрдом. Представил её, угловатую, мальчишистую, в постели. Содрогулся. Когда уже ей няньку найдут из красных боярынь, чтобы наставила на ум?

Невлин обозрел зал. Кивнул служителю учельни:

– Пусть начинают.

Тощий служитель бегом скрылся за занавесью. Там послышался топот, возня, плеск, полстина колыхнулась... и на подвысь у начала забора

вытолкнули перепуганного юнца. Высокий войлочный колпак, увенчанный махрами, сползал ему на глаза. Отрок держал на ладонях большое блюдо, по самые края налитое водой.

– Унот должен обойти прясельник, не расплескав воду, – негромко пояснял Невлин царевичу, стараясь, чтобы поняла даже несведущая царевна. – Его будут всячески искушать, смотри пристально, господин...

Паренёк на подвыси нерешительно оглянулся через плечо, но сзади его ткнули, понукая вперёд. Делать нечего, он крепче схватил блюдо, ступил на узкую доску...

Он-то ждал, ему прикажут без ошибок считать!

Стоило Тадге сделать полдесятка шагов, как в срединном шатре пронзительно заверещала дудка. Унот вздрогнул, остановился, повернул голову. В шатре того только и ждали. Матерчатые стены разом облетели на пол. Ярko запылали подожжённые светочи...

...и Невлин чуть за голову не схватился от ужаса. Источница Айге предвеляла его, что юношей на испытании будут сбивать с толку девичьи танцы, но это!.. Хотя всё напрочь бросай, уводи царевну от неподобного зрелища!.. Едва расцветшие тела, лишь для виду прикрытые лентами, вереницами бус... накладные ресницы, претворяющие каждый взгляд в лукавый призыв... дивные манящие кудри, светлорусые у двух, иссиня-воронные – у третьей... тонкие, гибкие то ли руки, то ли крылья, распахнутые для полёта...

Все взгляды неудержимо тянулись к милым плясуньям. Окаменел Невлин, взыбь таращились рынды, шагнул вперёд Болт... Лишь Эрелис продолжал гладить кошку. Царевна, как обещала, не подняла головы от рукоделья, но искоса наверняка полюбопытствовала и она.

Госпожа Айге опустила дудку.

– Всё! – весело сказала она. – Готово!

Ученик на полочке захлопнул рот, встрепенулся... Правая рука у него стояла на пядь выше левой. Вода из блюда почти вся успела вылиться на пол.

– Ступай, дитя, – сказал Невлин.

Отрок заметался. Идти вперёд казалось глупо, назад пятиться – вовсе. Он спрыгнул, поскользнулся в луже, едва не выронил блюдо, исчез за полстиной...

Матерчатые стены шатра, увлекаемые верёвками, поползли вверх, светочи погасли.

Второму ученику хватило сосредоточения миновать юных прелестниц.

То есть сначала он раскапустился, как и первый, но вода облила ему пальцы – очнулся. Через великую силу отодрал взгляд от капелек росы на нежных телах. Пошёл дальше.

Он-то ждал, здесь велят толковать и красиво чертить додревние буквицы...

Источница Айге почти не целясь вскинула небольшой самострел. Стрела пошла с жутким воем, от которого подпрыгнули рынды, выметнул руку Болт, а старик Невлин, кажется, прянул вперёд, на защиту царевича. Тупой снаряд разлетелся щепами о стену под потолком... и в тишине стал слышен затихающий дрызг. Это искрошилось по полу упавшее блюдо.

– Готово, – засмеялась Айге.

Ардван подхватил колпак, свалившийся с головы, начал собирать осколки, бросил, стыдливо прыснул за полсть...

После короткого ожидания пустили третьего ученика.

Выкормыш Чёрной Пятери был года на два моложе первых двоих, притом хрупок телом. По мнению Болта, всё вкупе давало ему несправедливое преимущество. Мальчишка прошёл мимо дивных плясуний, даже не покосившись, с отрешённой полуулыбкой. Так вперился в блюдо с водой, словно оно заключало в себе погибель вселенной. Наверное, просто не дорос ещё любоваться на девок, рассудил Болт. Когда паренёк не дрогнул под гудящей стрелой, презрительная уверенность поколебалась.

«Глухой, что ли?..»

Ознобиша тоже загодя боялся, тоже гадал о природе испытания, но на самом деле не ждал ничего, потому что его торили воином, а воин должен быть готов всегда и ко всему.

Источница Айге одобрительно прищурилась, взяла другую стрелу. Длинную, с наконечником, обмотанным паклей. На сей раз она целилась тщательно.

Мальчишка продолжал идти, ровно ступая по узкой доске.

Стрела сорвалась с лонца, окунулась в языки светоча, вспыхнула.

Чиркнула по макушке высокого колпака...

Пакля и шерстяные махры были напитаны одинаковой смесью. Она не столько пламенела, сколько сыпала искрами, дымила и премерзко воняла.

Худенький паренёк продолжал невозмутимо шагать, неся на голове трескучий костёр, а в руках – воду.

Одолев весь забор, он скрылся за полстью. Там протопали поспешные шаги, что-то зашипело – и приглушённо прозвучал мальчишеский голос,

полный удивления:

– Ой! Правда горит...

Царский дар

Обратно его, торжествуя, вывели сразу оба наставника. Дыр и Годун шли с таким видом, будто сызмала воспитали сокровище. Ознобиша озирался по сторонам, только теперь как следует замечая шатёр, светочи, охрану, великих гостей. С хозяйского престола, успокаивая ворчащую кошку, смотрел белобрысый ровесник. Круглые щёки, сонные рыбы глаза...

Ознобиша подошёл. Преклонил колено, как подобало. Царевна знай уточила пояс, потупившись над бёрдом. Густая бисерная сеточка щекотала ей нос. Холостой конец нитей тянулся к ножке стольца.

– Поднимитесь, наставники, – негромко подал голос царевич. – Я ещё не привык, чтобы мне кланялись почтенные мудрецы... – И обратился к Ознобише: – Ты преуспел, друг мой. Остальным свезло меньше. Как тебе удалось?

Он говорил медлительно, словно семь раз отмеряя каждое слово. Зяблик пискнул, кашлянул, ответил взрослым голосом:

– Мне велели донести воду, государь. Я на неё и смотрел.

– Но тебя всячески подпугивали и сбивали, – сказал седовласый вельможа, стоявший у трона. – Другие не справились.

Ознобиша затосковал, не умея объяснить того, что у него само собой получалось. Они бы ещё Сквару взялись пытаться, как он песни слагал.

– Не ведаю, государь... Я на воду смотрел...

У царевича дрогнул уголок рта.

– Перед тобой плясали красные девушки, над ухом стрелы жужжали, на голове шапка горела...

Ознобиша окончательно потерялся:

– Не вели казнить, государь... Я на воду смотрел...

Эрелис снял пальцы с пушистой дымчатой спинки. Развязал кошель.

– Зачем же мне рубить яблоньку, от которой можно дожидаться зрелого плода? Подойди сюда, не бойся. Дай руку.

Ознобиша послушно вскочил, приблизился к возвышению. Царевич держал серебряный наручень дивной старой работы.

– Рукав заверни, бестолочь, – прошипел сзади Дыр. – Правый!

Зяблик поспешно дёрнул вверх шерстяную ткань. Все уставились на верёвочный плетёжок, изрядно засаленный и потёртый.

– Нищей самоделке не место рядом с царской наградой, – процедил

усатый витязь, подошедший из глубины зала. Он казался на кого-то смутно похожим, но на кого, смекать было некогда. – Сними живо, малыш, не срамись перед праведным государем!

Ознобиша жутко побелел, вскочил, прянул прочь, схватил левой рукой правую. Натянул рукав на самые пальцы.

– Нет! – выдохнул. – Не сниму!..

Боярин шагнул вперёд, встопорщил усы:

– Живо, щенок...

Ознобиша судорожно прижал запястье с плетёжком к животу:

– Руку режь, не сниму!

Витязь удивился:

– Будто не отрежу?

– Оставь его, – велел с трона царевич.

Боярин зло оглянулся, мгновение помедлил... кивнул, покоряясь. Ознобиша снова начал дышать, с надеждой поднял глаза.

– Подойди, друг мой, – повторил Эрелис. – Что за оберег ты так рьяно хранишь?

Сирота пробежал мимо поражённых ужасом наставников, снова опустился на колено. Показал руку. Царевич уважительно присмотрелся к Сквариным искусным узлам, даже пальцем тронул. Ознобиша вдруг увидел, что руки наследника были сплошь в рубцах и мозолях, а взгляд – вовсе даже не рыбий.

– Памятка, стало быть? – догадался Эрелис.

Ознобиша едва не начал икать, но справился.

– Это... из верёвки, на которой... мой старший брат умер...

Болт Нарагон перестал слушать. Насельники дремучего Левобережья уступали в грубости лишь дикомытам. У них, говаривали, старшим сыновьям было принято отделяться, а младшему – сидеть на корню, блюсти родительский дом. С гнездая станется променять царский дар на верёвочный витушок. А царевичи вроде Эрелиса будут вознаграждены тем, что их вовсе чтить прекратят.

К Ознобише сзади подошёл учитель Дыр.

– Государь, – выждав взгляда Эрелиса, склонил голову темнолицый южанин. – Дозволь предложить тебе ознаки иных дарований нашего ученика. Он неплохо запоминает стихи, с ним давно уже никто не конается в читимач...

Эрелис кивнул. Потёр пальцем висок.

– Читимач – благородное развлечение для ума, призванное учить полководца дальновидности в искусстве войны, – проговорил он

как прежде неторопливо. – Увы, пока оно представляется мне всего лишь переливанием из пустого в порожнее... хотя, тут ты прав, весьма изощрённым.

Невлин засмеялся первым, учителя почтительно подхватили.

– А вот красный склад я бы послушал, – продолжал Эрелис. – Не припомнишь ли, друг мой, приличной сему дню бывальщины о благородстве древних времён? Я уверен, здесь и гусли найдутся.

Ознобиша пришёл в ужас, покосился на скромную рукодельницу... вспыхнул: «Царевна Жаворонок! Это было в горестный год... Уберечь её воитель не смог... не смог... потому что...»

– Государь... позволь слово сказать?

– Говори, друже.

– Государь, – начал Ознобиша. – На воинском пути рассказывают, что по старинам котла лучшие охраняли. Вот погляди, сделай милость... Я стою между твоими рындами и тобой, а они в ус не дуют. Будь я злой подсыл...

Эрелис задумчиво оглянулся на свою стражу. В его взгляде Ознобише почудилась насмешка. Зато рука молодого боярина поползла к ножнам:

– Такими убийцами мы пол подтираем да в сточную канаву мечем!

– Мальчишка прав, – неожиданно вмешалась Айге. Перебить никто не решился, даже уса́тый обидчик. Источница подошла к престолу, остановилась на ступеньке, весело оглядела охрану, кивнула. – Теперь вот ещё и меня до царевича с царевной невозбранно пустили... На что они вообще тут стоят, если всякий, кому не лень, подойти может?

Она показала ладони. В каждой лежало по ножичку, маленькому, но наверняка смертоносному. Никто не пошевелился, лишь Невлин сдавленно ахнул. Айге покачала головой, убрала оружие.

Царевич ответил неожиданно спокойно:

– Я могу постоять за себя и за сестру.

Айге улыбнулась кошке, протянула руку, почесала пальцем белое горлышко.

– Ты мал и глуп, – сказала она Эрелису. – Можешь, конечно... Мало тебя Космохвост за уши драл.

– Госпожа Айге, – запоздало откашлялся Невлин. – Осмелюсь напомнить, перед тобой третий наследник державы. Стоит ли так выговаривать ему в присутствии простолюдыя?

Источница лукаво подняла бровь:

– Простолюдыя? А я так поняла, здесь всё добрые друзья собрались, имеющие к царевичу подхожденье!

Она вдруг перестала улыбаться, голос хлестал кнутом. Ознобиша отметил, как тотчас притихли девчонки, съёжились под куколями широких плащей, а боярин Болт, кажется, оставил мысль поискать к ним «подхожденье». Царевич задумчиво слушал. У царевны кончился уток, она мотала новый и глаз по-прежнему не поднимала.

– Люди, сберёгшие тебе Эрелиса, – обращаясь к Невлину, продолжала Айге, – сегодня вам всем подзатыльников бы навешали. Хорош правитель, который не дело судит, а убийцы пасётся, поскольку его некому заслонить! Ему меч из ножен рвать, только если вся охрана поляжет!.. Гнал бы ты, боярин, в три шеи нынешних рынд, кроме разве Сибира... этот будет неплох, если подучить... Да, вот ещё. Видел ты своих дармоедов, когда мои дочки брались плясать? Всякий раз – хоть государя с тронem выноси, не заметят. Право слово, благородный Невлин, прими девку в охрану. Сама не оградит, так мужиков отрезвит.

Видно было, насколько трудно старый вельможа глотал обиду и гнев. Всё же он обуздал спесь, потому как источница была права, а речь шла о важном. «Господин своему гневу – господин всему», – подумалось Ознобише. Так наставляли дома. На воинском пути. Невлин снова прокашлялся:

– Понимать ли тебя, госпожа, что ты предлагаешь оставить у царевича дочь?

Суровая источница, гораздо напоминавшая Ветра, тотчас исчезла.

– Вот ещё! – весело рассмеялась Айге. – Моих-то негушек, певчих пичужек, да к вам в лисью нору?.. Ну уж нет!

Когда Ознобиша беспамятно ввалился в бывшую молодечную, где обитали ученики, к нему бросились Тадга с Ардваном.

– Ну ты как? Что они там?..

Некоторое время Зяблик молча моргал. Он-то ждал худшего. Ревности, насмешек, подначек на драку.

– Я... ну... – выдавил он затем.

Оказалось, ребята и без него знали почти всё. Знали, что Ознобиша донёс блюдо. И что царевич пожелал молвить с ним слово. Какой-то здешний сродственник Лыкаша dokonно разведал даже о награде.

– Наручень окажешь? – спросил Тадга нетерпеливо.

Ардван просто дотянулся, отвернул Ознобишин рукав сразу по локоть. Явилась верёвочная плетёнка, которую они и так всякий день видели.

Тадга моргнул, удивился:

– А жалованный где? Прячешь, что ли? От нас?

– Я... – растерянно выдавил Ознобиша. Эти двое по-доброму приветили его в Невдахе, Зяблик не хотел их обижать. – Я... я речей наглецких наговорил. А царь ведь дважды не потчует...

Ардван, движимый привычкой внимательного краснописца, поправил:

– Царевич.

Ознобиша вовсе смешался:

– А я как сказал?

Тем же временем Эрелис сидел в боярской опочивальне, где поселили его и Эльбиз. Ещё одно уступление, которое они с трудом вынудили у строгого Невлина. Брат с сестрой, всю жизнь ночевавшие в едином шатре, на единых полатах, в едином сугробе у санок, прямо отказались жить врозь.

«А как же скромность царевны, которую ты обязывался ограждать?» – воздевал руки Невлин.

Хитрая Эльбиз приластилась к старику.

«Я выросла среди мужчин, добрый рачитель, я к иному бытию не привычна. А бабушку Орепею и названую сестрицу ты сам взять не позволил...»

Камень, которого не сдвинет коса, проточит ласковая водица. Царята в конце концов добились общих покоев. Поделенных на половины, со слугами и охраной Эрелиса, с комнатными девушками Эльбиз... но всё-таки вместе.

Сейчас роскошная опочивальня была безлюдна, царевна выгнала всех. Эрелис ютился в большом кресле, нахохлившись, закрыв глаза, держа на коленях жестяной ковшик. Эльбиз стояла сзади, лелеяла в ладонях голову брата. Гладила пальцами то лоб, то виски, придавливала большими пальцами возле ушей. Вот Эрелис замычал, подался вперёд, беспомощно согнулся над ковшиком. Давно опустевший желудок скомкала судорога. Когда страдалец перевёл дух и выпрямился, царевна быстро ополоснула ковш над поганым судном. Поднесла брату чистый утиральник.

Знал бы Невлин, чего эта скромница насмотрелась в дружине...

– Про девку... запомнила? – чужим голосом выговорил Эрелис.

– А то! – Эльбиз удобнее переставила руки, поцеловала брата в макушку. – Погоди, и Нерыжень и Косохлёста у них отобьём.

За дверью стерёг великан Сибир. Только он отваживал девок, настырниц, заботниц, страсть боявшихся грозной бороды. Кошка тёрлась в хозяйских ногах, тянулась столбиком, заглядывала в лицо. Эрелис попробовал улыбнуться.

– И бабушку Орепею...

– А там дядю Сеггара призовём, чтобы домашнее войско угоивал, – шепнула сестра.

Эрелис благодарно приник виском к тёплой ладони. Помолчал, тоскливо пожаловался:

– У них уже гербослов учёный над лествичниками сидит, женихов тебе исчисляет.

Эльбиз мотнула головой. В домашних гачах и тельнице с шугайком она была ещё больше похожа на узковатого в кости братишку-погодка, коновода и ощеулку. Она фыркнула:

– Не сильно же на посад сажать поведут? Кроме твоей воли-то?

Эрелис вздохнул, но это был вздох облегчения. Изгнанная руками сестры, быстро таяла боль, которой царские обязанности почти неизменно отливались ему. Вот уже и глаза помалу перестали слезиться.

– Не поведут, – сказал он. – Только волю сперва покрепче забрать нужно.

Розщепихин полавочник

Иногда Светел чувствовал себя стариком.

Старики помнят благословенные прежние времена, когда мир был чище и краше теперешнего. Мир, видеть который новому поколению уже не досталось. Теперь было полно малышни, народившейся уже после Беды. Мальчишки, ещё не заплетавшие кос, порывались различать зиму и лето по шапкам снега на морозных амбарах. Летом эти шапки были круглыми, прилизанными, опрятными. Зимой – косматыми и неухоженными. Услышав такое от Жόгушки, Светел без шуток ощутил себя последним. Последним в долгой людской череде помнивших солнце. Новой поросли уже надо было рассказывать о благодатном золотом костре в небесах, да и то – юнцы, слушая, не особенно верили. Один на весь мир сплошной зеленец, как это? А в реках и озёрах – купались? Но ведь там лёд?.. И кто кормил поленьями небесный костёр? Боги жизни? Сгинувшие оттого, что внуки стали плохо чтить дедов?..

Теперь бабушка Корениха творила кукол не только себе. Люди приезжали за ними издалека, щедро отдаривали источнику. Всяк хотел показать детям прежние времена. Весенние девичьи танки во всей славе и роскошестве красных сряд. Свадьбы с жениховскими и невестиными дружинами, с притаившимися колдунами... Поезда саней, запряжённых не собаками, не оботурами – долгогривыми, пышнохвостыми лошадьми...

– Вот молодые: из одного лоскута свиты, чтоб жили единою рукой, единою волей!

– А правда ли, кто у ладушки за спиной наутро проснётся, тот в доме главенствует?

– Правда, дитятко. Правда истинная...

– А у вас как с дедушкой было?..

Об этом годе Ерга Корениха осмелилась даже сворачивать из ветошек образа Старших Братьев рода людского.

– Смотри, дитятко: вот Бог Грозы. Волос у Него чёрен, борода огненная, в деснице – топор...

– А на ком Он едет, бабушка? Это симуран?

– Нет, дитятко, не симуран. Боевой конь крылатый. Зверь же Его в лесу – тур златорогий...

– Оботур?..

Послушав такие разговоры, люди стали приносить Пенькам кусочки

старого меха, перья, шерсть, пух. Под руками источницы разевали пасти медведи, покрывались пятнами рыси, расправляли крылья совы и ястребы. Все звери и птицы, которых давно не видно было в лесу.

Жига-Равдуша гордилась ремеслом свекровушки. А пуще – тем, как над её куклами спорились, ревновали покупщики. Светела смешило и обижало другое. Лыжи его дела люди давно ценили ничуть не ниже отцовских. Тем не менее мама всякий раз принималась объяснять:

– Это не Жог мой верстал, Жог-то, он с родителями давно... Это так, сыночек балуется... мал, глуп ещё...

Вот и сегодня погнала из ремесленной. Беги, стало быть, в лес, поищи для звериной куклы коряжку. У Светела грелся клей на жаровенке, но – молча встал. Надо же младшему показать, как мать слушают. Да и бабушке не самой сучки по лесу искать!

– Я со Светелком! – проворно слез с лавки бабкин помощник, от горшка два вершка.

Ничего не скажешь, занятные побеги тянулись от Пенькова корня. Старшой с девичьими кугиклами... меньшей с лоскутами. Только разницы, что Жогушку суровая Корениха не гоняла, не претила кроить, тачать.

– Куда на мороз? – всхлопоталась Равдуша. – Ручки-ножки зайдутся, щёчки с холода побелеют!..

Корениха подняла глаза. Она лепила венец рыжей шерсти на спину тряпичной росомахи.

– По моему сыну тебе не слёзы, и по своему – не пол-слёзы, – сказала она. – Хочешь дробёнушку вырастить и тогда-то вдосталь наплакаться?

– Я не дробёнушка!.. – надул губы малыш. – Я в доме мужик!..

Он уже правильно выговаривал все слова, даже имя брата, долго бывшего для него «Сетелком».

Светел в бабьи споры не лез. Улыбался, молчком подмигивал Жогушке, обуваясь возле двери. Он очень любил братёнка, обещавшего вырасти похожим на Сквару и голосом, и лицом. Сам был бы рад баловать и беречь ещё вдвое против маминой холи. Однако мужество требовало строгого пригляда. Поэтому Светел старался быть строгим.

Открыл дверь собачника, потащил наружу лёгкие санки. Зыка сразу встал со своего места, вопросительно завилял хвостом, подошёл, принялся к упряжи. Уже старый, с сединой во всю морду, но ещё сильный. Он помнил Жога Пенька. И Сквару помнил.

– Ложись, спи себе, – сказал ему Светел. – Я недалеко.

«Нет. Вас, щенков, без присмотра только оставь...»

– Ну как хочешь, идём. Только саночки я сам потащу!

Светел завёл это обыкновение, чая жизни в дружине. Зыка сперва на него едва не бросался. Потом смирился, привык. А вот мама всё не смирялась. Считала его воинские замыслы баловством. Вырастет, повзрослеет, забудет.

Равдуша, конечно, сама одела меньшого. Густо смазала ему гусиным жиром щёки и нос. Выбежала, накинув платок, за сыновьями к самым валам. Проследить, надёжно ли Жогушка устроен на саночках, закутан ли меховой полстью...

Напоследок оглядела старшего, заметила берестяной чехол за спиной, всплеснула руками:

– Куда гусли потащил? Дедушкины...

Это Светел тоже выслушивал не впервые. «В снегу изваляешь, под ёлкой забудешь, о валежину разобьёшь...» Вздохнул, двинул плечами, снял одну плетёную лямку:

– Мама, ну хочешь, давай в избе на полицу положу. Пусть покоятся, дедушку вспоминают. Глядишь, вовсе рассохнутся, вспоминая.

Равдуша жалко покривилась, махнула рукой, надвинула ему куколь на самый лоб. Потрепала по голове Зыку, прикрыла лицо рукавом, повернулась, ушла. Слезы у матери всегда были наготове.

Пока сани ехали мёрзлыми спускными прудами и через старое поле, Жогушка стёр с лица противный жир, обсосал пальцы. Когда тропинка пошла петлять под заснеженными деревьями, Светел остановился.

– Хочешь на плечи?

Ещё бы Жогушке не хотеть! На время сделаться великаном, легко поплыть на высоте взрослого роста! На крепких братниных плечах, на мягком куколе, покрывшем чехолок с гуслиями. Не касаясь земли, только голову пригибая под еловыми лапами, чтобы шапку на сучке не покинуть!

– А давай, – шепнул он таинственно, – братика Сквару искать пойдём?

– Давай! – кивнул Светел.

Они никогда не ходили в лес «просто» за дровами, или берёсты поискать, или провести оттепельную поляну, оставленную лосям. Всегда – только Сквару искать. Для Жогушки это была игра. Для Светела – лишнее подтверждение. Однажды так оно и случится. Он пустится за поля, за леса, за быстрые реки. Станет вправду брата искать. И найдёт. И возьмёт за руку. И домой поведёт. «Вот велик поднимусь...»

– Пёрышко, – сказал младший.

Светел очнулся, посмотрел под ноги. На тропе лежало чёрное пёрышко. Светел присел на корточки, поднял. Бабушке пригодится.

– Ворон потерял? – со знанием дела спросил Жогушка.
– Нет. Глухарь... Я тебе рассказывал про глухаря?
– Расскажи!
– Дело было в старую старь, – с удовольствием начал Светел. – В частом ельнике жил глухарь...

«Молодечеством дружинных не удивишь, – говорил атя. – А вот сказывателей вперебой зазывают!» С тех пор Опёнок при всякой возможности пытался баять по-скоморошьи. Даже на красный склад посягал. Он не знал, достаточно ли выходило. Дед Игорка морщился, мама отмахивалась, Корениха мрачнела. Один Жогушка, спасибо ему, радовался.

– Долго ли, коротко жил – не знаю, но однажды засмотрелся на лебединую стаю. Стали дружить все вместе, и вот – осень пришла, лебедям пора в перелёт. Забили они крылами... тут пошли чудеса! Просится и наш глухарь в небеса! «Ты не летун, – объясняет ему вожак. – Дальней дороги не выдюжишь ты никак!» А глухарь отвечает: «Верно, я грузный лесной петух, крылья мои не сильны, но велик дух!»

– Ух! – восторженно вставил Жогушка. Слушать брата он согласен был без конца.

– И полетели... глухарь, конечно, отстал, – продолжал Светел. – Вечером на болоте сладила стая привал. «Где же наш друг? Видно, понял: дело дрова – и повернул назад, приустав едва!» В самую полночь, когда никто и не ждал, с неба глухарь изнурённый камнем упал. Дыбом все перья, хрипит с непривычки грудь, но обещает назавтра продолжить путь! Несколько дней он вот так свой подвиг вершил: храбро летел, не жалея последних сил...

– Сил, – поддержал Жогушка.

– «Брат мой глухарь! – обратился к нему вожак. – Славен будь лес, где родится такой смельчак! Просим тебя: возвращайся теперь домой; храбрые крылья украсит подарок мой, белые перья, – чтоб каждый знал, говорю: гордая доблесть присуща и глухарю!»

С последними словами Светел легонько тряхнул братика, подбросил на сильных плечах. Счастливый Жогушка засмеялся, звонко и радостно.

– А мы по лесу рыщем-свищем! – покачиваясь с ноги на ногу, проговорил Светел.

– Братика Сквару ищем! – весело отозвался малыш.

– Мы не стряпаем, мы идём!

– Куда ни спрячут его – найдём!

Старики давно поняли: дети после Беды вырастали не такими,

как прежде. Им было не втолковать многого, что раньше само собой разумелось. Называя свой возраст, ребята порывались считать зимы, а не лета или вёсны, как когда-то велось. Зато во всём, что надлежало до снега, лыж и пёсших упряжек, дети обгоняли отцов. Сперва старики ворчали на отбившуюся от рук молодёжь, потом унялись. Не сдавалась лишь великая тётушка Шамша Розщепиха, по прозвищу Носыня, вдовая сестрица твёржинского большака.

Одолев высокий порог, она в пояс поклонилась божнице, чтобы тут же укорно заметить:

– Строже бы ты кручину блюла, Равдушенька. Куда с красными рукавами?

Речь шла о тоненькой полоске вышивки по плечам. Прозвучало – как будто вдовица весело нарядилась и на девичьи беседы пошла. Равдуша беспомощно оглянулась на свекровь. Корениха молча прилаживала к тряпичным росомашьим лапкам длинные когти, выгнутые Светелом из прочных, шилья делать, рыбьих костей. Розщепиха поджала губы:

– Вот муж твой, Равдушенька, помню, всегда меня с улыбкой встречал, возле печки усаживал... Без него, видно, и на скамеечке у двери хороша буду!

Чуть промешкавшая Равдуша покраснела, выдернула из короба чистый полавочник, толстый и мягкий: основа шерстяная, уток тряпичный. Расстелила:

– Садись, тётушка Розщепиха.

Гостя села. Она была сухонькая, невысокого роста. На морщинистом личике, объясняя прозвание, хрящеватой потёрчиной выделялся длинный нос. Шамша скрипуче осведомилась:

– Как сынки твои, мамонька, хорошо ли друг с другом живут? – Оглянулась, добавила полушёпотом: – Большун малóго не обижает?

– Обижает?... – удивилась Равдуша.

Тоже посмотрела на дверь, вспомнила, что проводила сыновей в лес, почему-то встревожилась.

Старуха подалась к ней, воздела палец:

– Я ж почему спрашиваю? Сама младшенькая росла, любимая... Так меня три сестры старшие уж так обижали, так обижали! Ляжем, бывало, спать, всяку ночь косу мне к полену привяжут, а то вовсе к полатам... А ведь родные сестрицы были, не приёмные какие. Смотрю я на твоего-то, Равдушенька, и уж так боязно мне! Подкидыши, они точно кукушата бывают! Только мать зазевайся... р-раз – птенчика из гнезда вон! Видела намеднича, странно Светел твой на малого смотрел...

Равдуша вовсе разволновалась. Успела пожалеть, что погнала Светела в лес. Что Жогушку с ним отпустила... зазевалась...

Корениха нехотя подняла глаза от работы. Она помнила, как ещё прежде Беды Носыня оговорила бабу, только вставшую после родов. «Рано вышла, лиха не нагуляй!» Баба испугалась, слегла в горячке, едва выходили.

– Ты, Шамшица, – молвила Корениха, – не думаешь ли, что мой сын зря принял мальчонку? Злым вырастил?

Розщепиха не смутилась нимало:

– Про сына твоего словечка зря не скажу. Только детки, ох, норовом не в отца! Жог, он степенный был, строгий, думчивый. А малой всё, слышу, смеётся... Умён ли?

Корениха белыми зубами перекусила нитку. Росомаха у неё в руках задвигалась, ожила, обратила когтистые лапы на Розщепиху.

– Твоими молитвами, Шамшица. Не жалуемся.

– На старшенького, – вздохнула большакова сестра, – ты тоже не жаловалась, да сама же его... И в Житой Росточи небось лиха посмешками допросился... Я же почему говорю? Ясны пуговики, не со зла! Сердце изболелось, дай, думаю, загляну, потолкую.

Бабушка пожала плечами:

– Толкуй, стало быть.

Взяла крохотный гребешок, сложенный Светелом из тех же костей, начала охорашивать куклу. Намеренно подсовывала на глаза Розщепихе, пусть бы та занялась: лапы кривы, хвост не порато пушист... Но нет, Розщепихин нос глядел мимо.

– Я же почему, – повторила она, – спрашиваю, малой-то умён ли у вас? На него теперь вся ваша надея! Пасынок, он ведь что?

– Пасынками, – проворчала Корениха, – заборы подпирают. Светел мне внук, невестушке – сын.

Розщепиха улыбнулась. Мудрая, видевшая жизнь женщина, пришедшая наставить на ум двух молодых дур, а те уши пальцами затыкают.

– Сын-то сын, – сказала она. – Всё едино, как ни зови его. Моё дело сторона, и то всякий день от него слышу: уйду да уйду прочь. Вырастили горехвата!

– Неправда твоя, тётенька Шамшица, – отважилась вступить Равдуша. – Сынок добрый у меня. Мы за ним...

Взгляд матери быстро обежал избытые углы, не ведая, на чём первом остановиться. Дров – полная стена, печь огоена, полы в узорной берёсте,

ступать жаль... Всё Светел, всё руки его.

– Вот! – Равдуша указала на поллицы. – Сама глянь, тётушка, зря ли лавки просиживает!

Возле божницы негасимо светилась голубая андархская чаша. Дальше стояла тонкая покупная посуда, отплата сыну за лыжи. Красовались Светеловы корзинки из соснового корня.

Таковыми кошницами, да во многом числе, не каждая изба похвалится. Чтобы с сосновым корнем поладить, потребны и верный глаз, и упорная воля, и железные пальцы. Многим хочется, да не всякому может.

– А я о чём? – оживилась Розщепиха. – На то щука в море, чтобы карась не дремал. Я хожу вот, поругиваю, ты за сына берёшься... и вона он у тебя рукодельник какой... и одет опрятно всегда, не то что старший... в отца весь. Только меня, горькую, за правду люди не жалуют...

– Что ты, тётенька, – испугалась Равдуша.

Насмешливого взгляда Коренихи не заметила ни та ни другая.

– Я же что? – продолжала Розщепиха. – Моё дело сторона, мне-то, сирой вдовице, таких никто не сплетёт. Хоть за вас порадоваться, удачных.

Равдуша дотянулась, сняла с поллицы самую большую, узористую корзину. Из-под крышки пахло вяленой рыбой. Равдуша схватила другую, быстро выложила мешочки с корой, хранимые для крашения и лекарского припаса. Обмахнула от незримых пылинок, с поклоном подала Розщепихе:

– Прими, тётушка. На доброе здоровье тебе.

Розщепиха цепко ухватила подарок, покрутила, колупнула ноготком... в кои веки не нашла, к чему бы придраться.

– Не всякая за доброе наставление так-то отдарит, – особенно скрипуче выдавила она. – Ладно, пойду уже я, шабровки любимые... Рада бы за разговорами ещё посидеть, да некогда мне. Одолели заботушки...

Равдуша, блюдя вежество, побежала проводить. Корениха обратила внимание: там, где сидела Розщепиха, на полу, на чистой берёсте знать было следы. Вот так. Вроде и обмела поршеньки у порога, а след покинула всё равно. Бабушка нахмурилась. Эх ты, Носыня! Нету на тебя Жога, нету подростшего насмешника Сквары. А пока войдёт в лета Жогушка, начнёт ощеулить, – вконец состарится Розщепиха, уже её и не тронь...

Бабушка сняла с лавки пёстрый полавочник, свернула. После надо будет вынести за порог, а лучше на мороз, выколотить хорошенько. В каждой твёржинской избе бытовало по особому «Розщепихиному» полавочнику, который только ей и стелили. Корениха нагнулась к полу, содрала листы со следами. Бросила к печке. Придёт Светелко, перестелет.

Вернулась Равдуша. Пошла было к хлопоту... бросила, заметалась в избе, как пичуга в клетке. Прянула снова к двери, спохватилась. Принялась торопливо одеваться, как в лес: стёганка, кожух, меховые штаны. Видела бы те штаны Розщепиха! Впрочем, сама Носыня далеко из зеленца не ходила.

Корениха поняла намерение невестки едва не раньше её самой.

– А не благословлю? – ворчливо спросила она. – Сын во главе стола садится, а ты, дурёха, всё не веришь ему?

Равдуша заплакала. Сделала движение – в ноги упасть.

– Матушка свекровушка...

– Ай, ну тебя, – недовольно отмахнулась Корениха. – Беги уже.

Светелу будет обида, но он крепок, выстоит. Равдуша... Равдуша не такова. Её бы пожалеть, поберечь.

Одолень-мох

Леса Конового Вена безбрежны. На самой полночи якобы лежат места, где в земле нет пищи деревьям. Там простираются мёрзлые моховые поля, где в лучшие-то годы земля оттаивала всего на пядь. Но это – далеко и неправда. Никто из Пеньковых знакомцев не забирался в те близкие Исподнему миру места, даже самые отчаянные купцы. Никто своими глазами не видел берегов леса.

Восточнее Твёржи раскинулся бедовник, ставший оттепельной поляной. Там кормились зайцы и лоси и можно было накопать соснового корня. Короткая тропа, которой ходил туда Светел, поднималась на большой холм с лысой вершиной, увенчанной всего одним деревом. Родительский Дуб был самым старшим в лесу. Ему не обломала сучьев даже Беда. Он, должно быть, приходился Древу Миров не внуком, не правнуком – родным сыном. Кору опалило огнём, в древесной груди торчал каменный отломок, брошенный чудовищным вихрем, но Дуб стоял. И с ним стояла надежда на возвращение солнца, на пробуждение почек, на новую жизнь. Холм тоже держался. Не оплыл, не сполз, как иные. Дивно крепкими оказались в нём первородные кости земли. А может, самоё землю зиждили могучие корни, пронизавшие шеломя до глубинного сердца. В вёдрые дни, когда тучи немного приподнимались, с холма виден был твёржинский зеленец. Сам изведавший раны, Дуб продолжал приглядывать за детьми. Простирал корявые, но по-прежнему сильные ветви. Благословлял, ограждал...

Сегодня серые космы ползли низко, по самой вершине холма. Казалось, Дуб тянулся сквозь тучи, высматривал солнце. Звал канувших в безвременье Богов...

Светел и Жогушка поднялись по склону. Честно, в самую землю, поклонились предвечному исполину. Светел поставил братёнка себе на плечи и ещё привстал на носках, чтобы тот сумел дотянуться. Когда в Твёрже кто-нибудь умирал, на коре Дуба возникала отметина. Детские ладошки легли на глубокую морщину: малыш гладил, отогревал рубец, оставленный кончиной отца. Рядом на суку трепетало вытканное матерью полотенце. Браные концы давно истрепало бурями, но вдовый узел, покрытый натёками льда, казался камнем в перстне. Было слышно, как на другой ветви хлопало кручинное полотенце тётушки Розщепихи. Как всегда, новенькое, чистое. Люди сказывали, с мужем своим она

прожила не очень-то ладно. Зато какая вышла вдова!

Про себя Светел давно решил повить Дуб даже не одним, а двумя обетными поясами. Он загодя выткал их у себя в ремесленной, чтобы мать не смотрела. Первый, простой пёсьей шерсти, являл строгие знаки Грома, белые, серые. Знамение решимости Светела пойти на поиски брата. Второй пояс цвёл синевой привозных шелков Андархайны, рдел праздничными багрянцами Вена... Его Светел повяжет, когда найдёт пропалого, когда домой приведёт.

Это обязательно будет.

В нескольких верстах от святого холма лежало болото Одолень-мох.

Здесь одиннадцать лет назад, под кровавым небом Беды, Жог Пенёк нашёл умирающую крылатую суку. А подле неё двоих малышей, обожжённых пламенем и морозом небесных высей. Один по-щенячьи тоненько плакал, вылизывал матери крылья с изорванными перепонками. Второй смачивал прогоревшую рубашонку, пытался напоить Золотинку...

Теперь вот Светел Жогушку сюда приводил.

Остров посреди болота знать было только по макушкам ёлок, ещё глядевших из снега. Здесь Жогушка сразу нырнул под один из вихрастых белых шатров, в тайный вертеп, где братья Опёнки хранили занятные сучки и коряжки, подобранные в лесу. Светел даже помогать не полез. Жогушка уж выберет для Коренихиной росوماхи стояло, с которого она будет скалиться как живая. А не выберет, значит, ещё пошарим в лесу.

Светел передвинул вперёд чехол с гусями, расправил толстое охвостье кожуха, сел на санки. Зыка обходил остров, приняхивался, задира лапу. Светел запрокинул голову. Смотрел в ползущие облака, пока не вернулось давнее ощущение высоты, полёта, стремительного приближения земли... После того как внизу мелькнула Светынь, мама Золотинка больше не отзывалась. Летела уже беспamięтно, одним чутьём. Она по сию пору не знала, что вывело её навстречу Пеньку. Быть может, воля Смурохи, оберегавшего детей и подругу даже с той стороны неба?.. Так думал Рыжик. Саму Золотинку Светел с тех пор видел только его зрением. Калечную, бескрылую, и всё равно – краше нету!

Гусли начали отвечать его мыслям. Сперва – робким, тоненьким голоском, вплетённым в глухой низкий рокот из-за окоёма. Всё же голосок не дал себя поглотить, окреп, запел веселей... и снова сорвался. Три отцовские тени клонились над Светелом, присматривая с небес. Не прибавилась бы к ним ещё братнина!

Самые злые, лишние мысли почему-то приходят не в час и оказываются наделены свойством пророчества. Светел яростно мотнул головой, даже зубы ощерил: нет, нет!.. На сухой лес, на свин-голос, чтоб не сбылось!.. Гусельные переборы вскипели бешеной надеждой, отчаянием, упорством. Тем упорством, что пробивает новое русло ручью, запертому обвалом. «Где та цепь, чтоб удержала Грозу?.. Доползу и разорву, разгрызу!» Зловещие низы по-прежнему рокотали, но им навстречу уже катились, летели чистые и яростно-светлые небесные громы. «Царю нелегко, – говорил величественный человек с серебряным обручем на седых волосах. – Царь несёт свою жизнь ради тех, кто за него умирал...» Когда он говорил это, кому? неужели трёхлетке, игравшему у ног на ковре?..

Ощущение пристального взгляда заставило открыть глаза. Пальцы продолжали играть. Светел чуть приподнял ресницы...

Перед ним, в десятке шагов, сидел крупный лис. Голодный, потрёпанный, но непугливый и любопытный. Он рассматривал человека, склонив голову набок.

Светел сперва только понял: лис был чужой. Опёнок знал всё зверье в своей круговеньке. И волков, и лосей с дикими оботурами, и воронов, и лисиц. Пересчитывал уцелевших на оттепельных полянах, оставлял угощение. Этот был незнакомый. Притом не рыжий, а чёрно-бурый в красивом густом серебре. Светел покосился на Зыку, свернувшегося под боком. Кобель даже головы не приподнял. «Не чувствует... Совсем постарел! А тебя, братец, и покормить нечем, ты уж прости...»

Странное чувство заставило присмотреться. Светел вздрогнул. В зелёных глазах лиса светился несомненный разум. Дремучий, по-лесному суровый... но при всём том не чуждый смешинки, даже ехидства.

«Ты, шпынь-голова, от рук отбоиш, перед кем взялся о Грозе поминать?»

«Батюшка Вольный... – догадался Светел. – Прости, батюшка, я... чтобы не в обиду тебе...»

«Верни солнце!»

Голос прозвучал внятно, как наяву. Светел хотел говорить ещё, но в это время позади зашуршало, проскребло. Из-под елового шатра задом наперёд вылезал Жогушка. Светел невольно повернул голову. Когда вновь посмотрел, лиса не было.

– Вот! – похвастал малыш.

Он выбрал для новой бабкиной куклы комлик молодой ёлочки с целой пятерью боковых корней. Вроде ничего особенного, но если чуть

наклонить... опереть на отломки... обложить волной белой шерсти, побрызгать крепкой водицей из рассольного кипуна... – и сядет шитая росوماха на индевелый лесной выворотень, от настоящего не поймёшь.

Светел похвалил Жогушку, сказал:

– Лис приходил.

– Лис? – огорчился братёнок. Самое занятное вечно норовило произойти без него.

«Лис, да не простой. Мал ты ещё с таким толковать...» Светел хорошо знал, чем отвлечь малыша.

– Я тебе про ёлку сказывал?

– Расскажи!

Светел снова положил пальцы на струны.

– Как-то лесом шёл человек, приминая лыжами снег... – снова нараспев, по-скоморошьи повёл он речь. Усомнился, даже примолк. Им со Скварой бабушка Корениха сказывала про охотника, но Светелу упорно виделся беглый пленник. Воевода из песни Кербоги, всё-таки одолевший последние вёрсты... ну, почти все. Светел задумался, смеет ли продолжать на свой лад, но суть сказа вроде бы не менялась, поэтому он решился. – Взголодал, замёрз, сбился с ног, добрести до дому не мог. Вовсе одолела метель – ан заметил старую ель. Под корнями хвоя гнездом: вот тебе, усталому, дом! Куколь на лицо натянул – и как будто в зыбке уснул...

Жогушка сосредоточенно слушал, шевелил губами, запоминал.

– Утром он и глаз не протёр, – продолжал Светел, – слышит ёлок над собой разговор. «Жизни исчерпался родник, – говорит древесный старик. – Долго длил я дней череду. Вышел срок – сегодня паду!» – «Ты ещё вчера занемог, – отвечает юный росток. – А метель-то выдержал всё ж! Может быть, ещё поживёшь?» – «Мне и след бы рухнуть вчера, потому – настала пора; я подвинул веку конца, чтобы приютить беглеца!»

Воевода Кербоги всё же вкрался в рассказ. Светел быстро глянул на брата. Жогушка сидел приоткрыв рот, голубые глаза сияли предвкушением.

– Встал наш путник, отдал поклон... Сделал шаг – послышался стон! Где была в ночи колыбель – рухнула старинная ель...

Жогушка сглотнул. Брови, прямые, длинные, подвижные, сползли домиком.

– Всё не так было, – вытолкнули дрожащие губы. – Он то дерево выручил... сошками подпёр...

Светел хотел утешить братёнка, но сам вспомнил две ёлки

Левобережья, росшие, поди разбери, из одного корня или из двух. Увидел вдруг, как одна падает... та, что больше и старше... падает, надеясь младшую защитить...

Он мотнул головой, решительно ударил по струнам.

– А вот рассмешу!

Жогушка шмыгнул носом. Неуверенно улыбнулся.

Светел приласкал пальцами гусли, прислушался. Подкрутил шпеньки, добиваясь нового, весёлого лада. Вновь попробовал струны, проверил, как зазвучали. Грянул уже во весь мах, запел.

Вот что было в годы стары:
Жил у нас в деревне Сквара.
Жил при нём братище Светел,
Что поёт вам песни эти,
Ну а самый славный брат
Вовсе не был и зачат.

Жогушка засмеялся. Захлопал в ладоши. Этот сказ он хорошо знал и всегда радовался ему.

Как-то Светел разболелся,
Лютым жаром возгорелся,
В избяном тепле у печки
Он истаивал как свечка,
Весь ослаб, изнемогал,
Маму с бабушкой пугал.
Старший брат – заслон меньшому!
Не бывает по-другому!
Чтобы прочь прогнать ломóту,
Он куги принёс с болота,
Дудочку смороковал –
Да на ней и заиграл.
Хворый сразу ободрился,
Начал жить, зашевелился,
Улыбнулся не улыба –
Дивной дудочке спасибо!
Прочь бегут и боль и страх,
Если песня на устах!

Светел пел плохо. Сам это понимал. Голос-корябка, отёсанный выученным умением... Глухарь, возмечтавший с лебедями летать! И на гусях Светел так же играл. Знал, как надо, наторил руки, а истого дара не было. Дед Игорка сперва его гнал: «Ступай, дитятко, уставляй лыжи...»

Но соседи не привыкли,
Чтобы парень брал кугиклы!
Злая тётка Розщепиха
Начала бояться лиха:
«Ты давай-ка их сюда,
А не то придёт беда!»
Лишь отец махнул рукою:
«Ваши страхи – всё пустое!»
Баб унять не всякий сможет,
Если очень всех тревожит,
Что беда, не ровен час,
Вновь докатится до нас.
Внук же вышел нравом в деда,
Послушания не ведал,
Он ни с кем не посчитался,
Лишь бы брат заулыбался.
Дудку он не отдаёт,
Ну а та себе поёт.

Жогушка, смеясь, подхватился на ноги, замахал рукавичками, заплясал. Зыка поднял голову, насторожил уши... стал нюхать воздух... снова улёгся. Светел сделал страшные глаза:

Бабка с горя хватать полено:
«Отберу – да об колено!..
Я в него вложила душу,
А балбес меня не слушать?!»
Рассадила внуку бровь,
По лицу пустила кровь.
Сорок зол с того удара!

Обронил кугиклы Сквара,
Плачут девки, плачут дети,
Горше всех – братище Светел,
Плачет бабка, плачет мать –
Кровь пытаются унять.

Давний случай и, в общем-то, ералашный. Подумаешь, рубчик в полвершка, было бы о чём поминать! Пустяковина – а Светел знай себе припевал, и вместе с ним веселились и тревожились гусли. «Сказ долгим быть обязан, – учил дед Игорка. – Сам суди, люди только уши развесят, усядутся поудобнее... а ты уже замолк! Другой раз и сказывать не попросят!»

С той поры в деревне нашей
Никого не гонят взашей,
Если кажется соседке,
Что иначе пели предки.
Лишь бы складно ты гудил,
Голосницы выводил.

– Братик, – сказал Жогушка.
– Что?
– Братик, ты светишься...
Светел опустил голову. Вздохнул, кашлянул.

Я бы слушал песни брата
От рассвета до заката.
До полуночных созвездий
Мы бы с ним сидели вместе,
Всё про милое вчера
Толковали до утра...

Обратно Светел шёл медленно. Тащил саночки, нагруженные изрядным бременем хвороста. Жогушка у него на плечах угрелся, притих, кажется, начал клевать носом. Светелу теребить братишку не хотелось. Однако проверить, не белеет ли этот самый нос, было всё-таки нужно. Пока

он раздумывал, Жогушка вдруг сказал:

– Снегирь!

– Где? – обрадовался Светел.

– Вон там!

На краю болота мрел густой ельник, некогда щедро кормивший смолистыми шишками целое птичье царство: снегирей, чижей, кривоклювых клестов. Холмы прикрывали ельник от ветра, комочек алого пуха одиноко рдел на серебряной ветке высоко над землёй. Светел даже остановился. Снегирей он не видел давным-давно. Отколь залетел, на что понадеялся? Живой ли сидит?..

Светел оборотил искушение стукнуть в дерево, проверить, взлетит ли снегирь. На всякий случай прошёл внизу тихо-тихо. Чтобы не свалился прихваченный стужей комочек, не опечалил братёнка. Только отдалившись, привычно спросил:

– Я тебе рассказывал про снегиря?

Спрашивал в тридевятый раз, но Жогушка радостно подался вперёд, ручонками в рукавичках обхватил его голову:

– Расскажи!

– На ветвях, на хвойных лапах, в лесу, где полно зверей, жила пара снегирей. Жили-были, не тужили, снегиряхе молодой порно стало вить гнездо. Только сладили жилище и милуются сидят, глядь – кукушки к ним летят! Вот ведь лихо так уж лихо! «Ты подвинься, снегиряха! Дай нам место для яйца!..»

– Ан напали на бойца! – воинственно подхватил Жогушка.

– Так сказал снегирь отважный: «Не попустим силе вражьей! Чтобы, значит, сын кукуший нашу будущность порушил? За троих чтоб ел и пил, деткам гибель причинил? Вы как ястребы пестры...»

– Разберёмся, сколь храбры!

– Тут пошла у них потеха. Мал снегирь, а всё помеха! Бьются бешено и зло, крови ужас натекло! За детей не жалко душу – отогнал снегирь кукушек! Спас жену и снегирят! С той поры его наряд...

Светел умолк на полуслове. Забыл, о чём и речь-то была. Они вышли из-под елей, поднялись на увал, где начинался бедовник. Светел сразу увидел лыжника, мчавшегося к ним со стороны деревни. То есть не лыжника – лыжницу. Жига-Равдуша летела через снежную пустошь, лёгкая, сильная, невыразимо прекрасная. Светел закрыл рот, стал смотреть, как она приближалась.

– Мама, – удивился Жогушка.

Зыка отчего-то разволновался. Стал поскуливать, оглядываться на лес.

Равдуша подбежала вплотную, диво разрушилось. Ресницы у неё примёрзли к щекам, словно она плакала всю дорогу.

– Мама, что?.. – успев подумать обо всём сразу, тревожно выдохнул Светел.

«Сквара вернулся. Нет, от Сквары не отбежала бы. Бабушка взяла померла. Нет, от бабушки тоже... С моей жаровенки изба занялась! – Он даже окинул взглядом тучи, ища дымный столб. – Геррик с сыном завернули... искать обещались... плохие вести доставили...»

Ни то, ни другое, ни третье. Равдуша с ходу бросилась, схватила у него Жогушку. Оглядела, ощупала, словно не чаяла живого найти. Принялась гладить и целовать – жадно, исступлённо. Целый, тёплый, весёлый... даже носик не побелел...

На Светела она смотреть избегала.

С него быстро облетали снегириныные перья заступника и надежды. Он наполовину догадался о чём-то. В груди сперва стало невыносимо горячо. Потом – пусто и холодно.

«...Аодх... брат...»

Опёнок так и подскочил. Завертел головой. Жогушка силился высунуться из-за материнного плеча. Он тоже что-то услышал.

«Аодх... брат... помоги...»

Стон, летевший как будто из дальнего далека, был полон боли и непомерной усталости.

Зыка неуверенно вилял хвостом между хозяином и хозяйкой. Тут он громко заскулил, взлаял... вдруг поскакал, проламывая целик, прямо на полдень, в сторону леса. Светел торопливо сдирал с плеч алык. Ремни цеплялись за берестяной чехолок, Светел сбросил и его тоже.

«Рыжик! Рыжик!.. Что с тобой? Где ты?..»

«...Помоги...»

Уже дыбая во все лопатки следом за Зыкой, Светел рассмотрел золотую тень над обломанными лесными вершинами. Симуран держался в воздухе из последних сил. Чуть взмывал, почти падал. Пытался дотянуть до бедовника и не мог. Всё-таки зацепил макушку сосны, безмолвно обрушился вниз, увлёк с собой лавины рыхлого снега. Только мелькнули в белом потоке гаснущие пламена крыльев.

Светел бросился так, что воздух перед ним превратился в упругую стену, а лапки перестали метать следы на снегу.

– Рыжик! Я здесь, Рыжик! Я здесь!

Доля шестая

Последний поклон

– Учитель, воля твоя... Дозволь слово молвить?

– Говори, сын.

Они поднимались из погребов, покинув молельню Краснопева. Лихарь шёл сзади, отстав на несколько ступенек.

– Учитель, прошу... разреши от бремени, не по силам мне... больше мочи нету стенам твоим быть...

Ветер остановился:

– Что случилось, малыш?

Как же давно Лихарь не слышал этого обращения. Он не поднимал головы, голос прозвучал глухо.

– Пошли меня новый воинский путь ладить, как Белозуба хотел... на пустом месте, из ничего...

Ветер сошёл к нему, взял в ладони лицо. Лихарь стоял бледнее золы. Зубы сжаты, веки зажмурены, ресницы слиплись от непрошеной влаги.

– Что с тобой, малыш? – тихо повторил Ветер.

– И нож благословлённый мои ножны минул... и святую книгу я не сберёг... потерял, ровно безделку ничтожную...

Ветер улыбнулся:

– Ты на себя поменьше наговаривай. Ты же ради безделки этой всю крепость перевернул. Хотя я тебе сразу сказал: такие книги сами знают, что делают. Сколько лет ты её у сердца грел, своей кровью буквы подновлял! Если ей пришёл срок укрыться на погребальных санях...

Издалека, на самой грани слышимого, долетел трепетный вздох. Звук проник в каменные толщи, плутал в трещинах и закоулках. Двое на ступенях сперва насторожились. Потом узнали голос кугиклов.

– Это просто книга, – продолжал Ветер. – Людское издельишко. Персть рождается и уходит, а вера в сердце живёт.

По лицу Лихаря прошла корча. Он долго молчал, наконец кое-как выдавил сквозь зубы:

– Отряди на невыполнимое... на гибель без вести... Только смотреть не нудь, как подле тебя другие поднимаются... новые... любимые...

– Так вот ты о чём, – улыбнулся котляр.

Обнял Лихаря за плечи, притянул к себе.

– Учитель...

– Что тебе до других? – тихо проговорил Ветер. – Ты – мой первый ученик и всегда останешься им. Я никогда не обещал тебе, что будет легко... Владычица может отмерить другим дарования паче твоих, чтобы я, по оброку, гранил их, словно честные камни... Но кому она вложила в сердце верность превыше твоей? Неужели после всех наших горестей ты ещё не понял, где твоё место?

Стень вдруг судорожно вздохнул, сломался в коленях... уткнулся Ветру в живот, затрясся и застонал. В точности как тот давний мальчишка, решивший предаться котляру душой, телом, любовью – однажды и навсегда.

Учитель потрепал его по голове:

– Пойдём. Пойдём, старший сын.

Лихарь склонился ещё ниже.

– И в Шегардай... – простонал он. – Не меня...

Ветер поморщился, благо ученик его лица видеть не мог.

– Ты, – сказал он, – уже довольно испытан. Ещё несколько лет, и ты взмоешь с моей рукавицы, чтобы самому стать учителем. А этого... этого ещё приучать надо на свист лететь. Из рук добычу клевать. Вставай, старший сын. Идём.

Ворон отнял от губ кугиклы:

– Подпевай, Надейка. Ну? Я жил в роскошных теремах...

Набрал воздуха, заново просвистел голосницу.

Девушка отвернула лицо. Кашлянула в ладонь:

– Куда мне... Говорить и то владения нету...

Ворон сам видел, как она заплошала. В каморке пахло теперь не только мочой. Под лестницей витал несильный, но отчётливый дух гнилой нежиди. Очень скверный знак. Надейка по-прежнему стыдилась, не допускала его до своих ран. А тётка Кобоха, неуклюжая и одышная, удручалась заботами о чернавке. Вот и приключился изгной.

Хотелось пойти немедленно придушить стряпку, и никакой Инберн не остановит, но Ворон напустил на себя строгость:

– Было, не было владения... ты пой давай.

– Оставь уж, – прошептала она.

Её лицо ему тоже не нравилось. Не нравилось, как сухо блестели глаза, как занимались жаром исхудалые щёки... А уж запах этот, не должный живому...

– Ты лежишь всё, – принялся он объяснять. – От лежания тело слабнет, кровь болотом застаивается. Вона, кашляешь уже. Меха воздух не гонят,

отколь пламя возьмётся? – И приговорил: – Не встаёшь, значит, петть будешь.

– Не буду... Поспать бы...

– Я тебе лекарство, дурёха. А ты – горькое, не приму!

Надейка закрыла глаза. Отвернулась.

– Я ведь не отстану, – свёл брови Ворон. – Лучше сама пой. Слушай вот.

И опять заиграл. Он был упрямее.

Проводив Ознобишу, он не мешкая возродил кугиклы, подаренные братейке. Теми же пятью, испытанной толщины свёрлами вынул отверстия в мелкослойной листовенничной заготовке. Промаслил, сладил затычки, даруя каждому стволцу особенный голос... Повторённая снасть, однако, очень скоро ему разонравилась. Быть может, именно потому, что доводилась близняшкой уехавшей в мирскую учельню. Месяц спустя Ворон вновь пришёл к древоделам. Те уже не пытались гнать его вон. На сей раз он выстрогал отдельно каждую цевку. Загладил горлышки, добился согласного звучания... а потом вдруг раздухарился. Посягнул на небывалое. Добавил к обычным пяти дудочкам ещё две по сторонам.

Даже толком не вылощив изнутри, испытал, что получилось. Торопясь, как на пожар, отсверлил ещё две... Покосился на прежние сплошные кугиклы, брошенные в сторонке... Выровнял новые на доске, опять-таки наперекор твёржинскому обыку решившись скрепить их. Начал было подгонять берестяной поясок... Вот тут его взгляд неожиданно замер, он схватил пустое ведро, сгрёб цевки с верстака, пристроил на обод, как на кружало... Узрел истину. И обжёг пальцы, не глядя схватив жестянку рыбьего клея, стоявшую в кипятке.

Он не замечал, как украдкой посматривал на него старик-древодел...

– Давай, давай, – тормозил Ворон совсем затихшую девушку. – Пой!

Затея выглядела безнадёжной, ибо человека можно спасти, только если он сам изо всей силы рвётся к спасению. Ворон это понимал, но врождённое упрямство не позволяло опустить руки.

Я жил в роскошных теремах,
Орава слуг и денег тьма,
Всё, чего душа ни пожелай.
И только в конуре
Собака во дворе
Поднимала слишком громкий лай.
Гости обижались и ворчали:

Твой пёс мешает после пира почивать!
Я лишал похлёбки лакомой
И словами всякими
Принимался неслуха ругать:
Растакую мать!

Голосница получилась весёлая и заводная. Ворон, сдерживаясь, пел в осьмушку голоса, да и кугиклы у него чуть не шептали... Лишь на припесне он всё-таки дал себе волю, выдав лихую, звонкую трель в семь цевок из девяти. Благо новая снасть замечательно для этого подходила. Надейка вздрогнула, удивилась. Открыла глаза. Против всякого ожидания неуверенно зашевелила губами.

А после грянула Беда.
И расточились навсегда
Красные палаты, рухнул тын.
У тех, кто здесь гостил,
Я больше не в чести,
Каждый горе мыкает один.
Слуги разбежались – не догонишь,
Да и была нужда кого-то звать назад?
Ведь спешит ко мне мой верный пёс,
Он мне косточку принёс,
Он всегда мне бескорыстно рад.
Мой мохнатый брат...

В груди kloкотало, Надейка задыхалась и откашливалась на каждой строке, но взгляд постепенно светлел. Начав просто чтобы от него отвязаться, в конце она подпевала уже с удовольствием. А зря ли говорят, что «хочу» – половина «могу»!

Девушка испуганно заморгала, когда ладонь Ворона вдруг закрыла ей рот. Он глядел вверх:

– Тихо...

Тогда Надейка тоже насторожилась. Слух у неё не был так, как у него, отточен замечать всё стороннее, могущее быть опасным. Однако и она различила по ту сторону каменного восхода сперва голоса, потом и шаги.

– Учитель, воля твоя... – донёсся голос Лихаря. Слышать спокойно

этот голос Надейка не могла. Стало жутко, захотелось спрятаться, потеряться в щёлке между камней. Она стиснула руку Ворона, не задумавшись, что тем объявляет обидчика. А стень продолжал: – Сколь хочешь ругай... Не безделица... душе наследье...

Ворон, слушая, расплылся в неудержимой улыбке. Над Лихарем с его поисками заглазно потешалась вся крепость. Стень это чувствовал и зверел. Являлся заново перетряхивать ребячьи убогие животки: вдруг кто утаил? Всякий раз потом бывало смешно. Когда страх отпускал.

– Чем лютовать, лучше награду объяви, – сказал Ветер. – Глядишь, кто принесёт, если вправду цела. Унотов мне собери.

Лихарь пообещал и... с силой топнул в ступеньку. Он, конечно, понял, откуда пели кугиклы. Надейка вздрогнула, сжалась. Ворон показал потолку язык.

Наверху неожиданно остановились.

«Сквозь камень увидели...» – пронеслось у него. Мысль была шуточной хорошо если наполовину.

– Не рано о наследье заговорил? – усмехнулся Ветер. – Я сам с тобой всякий день. А если... – Он помолчал. – Не обижай их, они мне сыновья. Тебе забота, если вдруг что.

Ворон оставил всякое баловство, тревожно уставился в потолок.

Голос Лихаря прозвучал настоящими слезами:

– На сухой лес будь сказано! Учитель...

Ветер вновь помолчал.

– На сухой или нет, мне едино, – ответил он наконец. – Уж как велит Справедливая, так всё и будет.

Шаги над головой отдалились.

– Даже если будет наоборот, – тихонько dokonчил за источника дикомыт. Услышанное очень всполошило его, но глаза вновь блеснули озорной празеленью, он убрал руку, нагнулся к уху Надейки: – За пропажей стало туго, стратил задницу парнюга...

На Коновом Вене задницей в прежние годы называли наследство. Надейка выросла в Левобережье. Она прыснула больше от неожиданности. Ворон ласково потрепал её ладонью по голове.

– Песню упомянула? А то приду ведь, спрошу!

Давно не мытые волосы собирались гадкими старушечьими колтунами, руку хотелось побыстрее вытереть. Ворон загоревал про себя. В болезни нет никакой красоты. И стыда нет, даже девичьего. Она ему небось и раны повила бы, и всё тело умыла, что ж сама соромится?..

Растворил дверь и не выбрался на карачках – вытек наружу одним

длинным движением, которое не всякий бы повторил.

Ветер вновь расхаживал по крылечку, почти как в тот день, когда вызывал добровольников гоить приговорённого. Уноты сбегались с разных сторон. Младшие – с лопатами, они разгребали снег на дороге. Старшие держали копья и самострелы. Беримёд в снежном городке учил их прятаться и нападать. Даже робуши переминались в сторонке, а к окошку холодницы приник наказанный за драку Бухарка. Ветер не спешил говорить. Смотрел на учеников, задумчиво пощипывал бороду, улыбался...

Потом он вдруг сел на каменный край, оказавшись почти вровень с ребятами. Положил ногу на ногу. Ученики удивились, помедлили, кто-то первым двинулся ближе. Когда они сгрудились вплотную, Ветер заговорил:

– Я вас, детушки, попрощаться собрал.

Ворон переглянулся с Хотёном. У гнездара на лице было такое же вопрошание. Младшие недоумённо косились на межеумков. Детушки?.. Ветер их по-разному срамил и хвалил, но прежде никогда так ласково не ребячил. Беримёд, на которого многие оглянулись, легонько дёрнул плечом. Дальше слушайте, мол.

– Учитель... – подал голос Белозуб. – Никак тебя Круг Мудрецов возвеличил? На новое служение уезжаешь?

Ветер усмехнулся:

– Нет, сын, ты слишком высоко возносишь меня. Благочестные жрецы Круга больше склонны меня бранить, как я вас браню... Опалять не опаляют пока, но и другого служения не вручают. Да я сам не прошу. Мне здесь, с вами, довольно чести... Дело в том, что завтра я на угрозное орудье иду. Долго я его откладывал, но ныне решился... вернусь ли, не ведаю.

Он вздохнул, умолк.

Огромность сказанного медленно рушилась на учеников.

Сразу вспомнились долгие отлучки источника. Куда, зачем – унотам он не исповедовал, но, бывало, возвращался в свежих отметинах.

Ворона прижгло жестоким стыдом. Высунутый в каморке язык предстал чуть ли не трусливым ножом в спину учителю. Вспомнить тошно.

Котляр обвёл их глазами и продолжал:

– Я похоронил мотушь... Теперь одни вы ждёте меня домой, а вам, как ей, я не нужен. Не пропадёте и сами. Если Владычица подарит мне поцелуй, не горюйте. Я за вами из-за плеча наглядывать буду. Слушайтесь Лихаря, он дальше вас поведёт, куда я не успел... – Ветер улыбнулся, развёл руками. – Что ж, бегите себе, детушки. Я всё вам сказал.

Никто не двинулся с места.

«Куда собрался? Что за орудье такое?..» – гадал про себя Ворон.

– Учитель... – первым всхлипнул Шагала.

Деревенский сиротка только привыкал к строгой и святой длани названного отца. Слишком страшно было снова ощутить вместо неё пустоту.

– Учитель за вас!.. – яростно, страдальчески, сквозь зубы выкрикнул Лихарь. – Себя не щадя!.. А вы!.. Трудили бы себя как должно, вместо него пошли бы сейчас!..

«Нас коришь, а сам почто? Ну да. Тебе же нас дальше вести...»

– Бегите уж, детушки, – повторил Ветер. Встал, отряхнул ношенный обиванец. – Рано плакать, может, Справедливая попустит, вернусь.

Ворона подхватила жаркая волна. Он не стал проталкиваться вперёд, хватило и голоса.

– Учитель! Возьми с собой!

Уноты, начавшие бормотать, сразу услышали и замолкли. Он почувствовал на себе десятки глаз. Нахмурился, выставил челюсть:

– Я ведь послужу... пригожусь.

Ветер, уже повернувшийся уходить, остановился. Обернулся – медленно, словно ушам не поверив.

– Ты мне?.. Пригодишься?

Лихарь махнул рукой, досадливо отвернулся: что с таким рассуждать, всё дурню пестюшки. Ворон покраснел, почувствовал себя отроком, лезущим в боярский совет, но не отступился.

– А вот пригожусь!

– Да ну тебя, – отказывая, повёл головой Ветер. – Что выдумал. Ещё тебе пропадать? Только имя обрёл!

Ворон увидел перед собой холодницу, столб, цепь смертника, что ещё:

– Коли нет, имя заberi, не по мне честь.

Дерзость была неслыханная. Шагала открыл рот, да так и забыл. У Лихаря округлились глаза, рука пошла к ножнам. Ворон будто не заметил. Глядел из-под сдвинутых бровей прямо, стоял крепко, развернув плечи.

Ветер смотрел на него пристально, как впервые увидев. Вот усмехнулся... покачал головой... негромко рассмеялся. Лихарь опустил руку. Ученики тоже стали хихикать, неуверенно, не вполне разумея над чем, но с большим облегчением. Источник был не из тех, кто, вот так отсмеявшись, выносит жестокие приговоры.

– Что с олухом делать... ладно, пошли, – сказал Ветер. – Людей хоть поглядишь, чудо лесное, а то одичал вовсе. – И добавил совсем тихо,

но ребята слышали: – Может, обратно весть принесёшь.

– Жила я в красных теремах... – нараспев, стараясь погромче, повторяла Надейка. Замолкала передохнуть, продолжала: – Орава слуг и денег тьма...

Она всё боялась: вот кто-нибудь войдёт, насмеётся: распелась, калечная, знать, отбежала скорбота! «Я, скажешь, петъ велел, – упреждал Ворон. – Пусть мне зубоскалят!» На это вряд ли нашлось бы много охотников, после обретения имени ему даже Беримёд подзатыльники отвешивать прекратил. Надейка всё же решила немного переиначить слова, чтобы давать меньше пищи трунилам. Есть ведь песни, примером, о любви и разлуке, их по-своему поют девчата и парни, а эта чем хуже?

– Я лишала каши лакомой...

Она не слышала шагов. Дверка чулана вдруг отворилась. В следующий миг Ворон уже сидел на своём обычном месте – у неё в ногах.

– Ой! – оборвала песню Надейка. – Сквара! – И от испуга закашлялась. Отдышалась, жалобно спросила: – Глянуть пришёл, каково слушаюсь?..

У него бывало не так много досуга, чтобы рассиживать с ней, а тут, диво, второй раз на дню заглянул.

Ворон был какой-то весь взъерошенный, живой и весёлый, точно после хорошей потасовки, глаза блестели. Ему не сиделось на месте, руки отказывались спокойно лежать. Он ещё немного помолчал, потом вывалил, похвастался:

– Меня учитель на орудье берёт!

– Ой, – вновь вырвалось у Надейки.

Ворон кивнул:

– Без моего назору будешь пока, знала чтоб.

Она встревожилась, хотела спросить, далеко ли уходят и когда чаять его назад, но он не дал опомниться. Бросил руку за пазуху, выдернул сверлёные кугиклы, вложил ей в ладонь.

– Вот! Петъ надоест, голосницу станешь свистеть.

Надейка, повинувшись привычке, попробовала отказаться:

– Да я не умею... матушка не научила... теперь что уж...

Он хотел напустить строгости, но не смог, веселье искрилось, прыскало, распирало.

– Значит, – сказал, – сама направишься, не дура. Мало я при тебе играл, нешто не присмотрелась! Ты дуй знай!

Надейка крепко зажмурилась, потянула носом, пытается скрыть

приспевшие слёзы. Было горько и сладко. Стоило терпеть боль и выслушивать Кобохины попреки, чтобы дикомыт вот так садился с ней рядом и говорил, как теперь. Одного жаль: скоро всё кончится. Надейкины саночки потихоньку сворачивали к Великому Погребу... если ещё удостоят костра за верную службу...

Девушка открыла глаза, стала смотреть на встревоженного, примолкшего парня. Долгим светлым взором, словно хотела впрок насмотреться. Потом взяла его руку, приникла щекой к закалённой, ороговевшей ладони, вновь опустила ресницы... Ворон всё считал её младшенькой, но тут показалось, что она ему в матери годилась. Была мудрей, глубже... знала что-то, о чём он подозревать даже не начал...

Надо было идти увязывать саночки, потому что Ветер собирался выйти в путь до рассвета. Однако Ворон не двигался с места, молчал и тихонько гладил пальцами её щёку, пока Надейка сама не сказала ему:

– Ступай уж. Тебе в дорогу укладываться...

Хмурая рассветная синева в самом деле застала двоих путников у вершины высокого холма, откуда на самом краю овиди ещё видна была Чёрная Пятерь. Дальше станет бесполезно оглядываться – уйдёт в закрой даже Наклонная, когда-то бывшая Глядной. Ветер воткнул посох в снег. Он смотрел назад до того долго, что ученик неволей задумался, как будет стоять здесь один, беспомощно собирая слова для сокрушительной вести. Ворон помнил: он взabyль испугался за учителя, когда останавливал сани, да оказалось, что Ветру вовсе не грозила опасность. Что же ныне стерегло впереди, если котляр с самого начала шёл как на смерть?.. Хотелось спросить, но дикомыт убоился. Как решит учитель – струсил ученик! Как погонит назад!

Ветер вздохнул, сбросил на плечи куколь – и поклонился далёким башням, коснувшись снега рукой:

– Прости, госпожа Чёрная Пятерь. Долго ты мне домом была...

У Ворона что-то шевельнулось в глубине памяти – смутно, точно рыба тень в зимней ямуре. Что именно, смекать было недосуг. Он тоже отдал поклон:

– Не поминай лихом.

Повернулся и, таща саночки, следом за Ветром побежал вниз, в распадок, где белой дорогой лежала давно застывшая речка.

– Учитель, дай буду тропить?

Обрётённая свобода чаще всего бывает голодной.

Теперь Лутошке казалось, в Чёрной Пятери кормили щедро и вкусно. Даже ему, кабальному, рыбные головы иной раз перепадали. А как они там озёрную капусту заквашивали!.. Со сладким борканом, с красной першилкой...

Последний раз острожанин худо-бедно набил брюхо на скудной оттепельной поляне. Он на четвереньках ползал в сером киселе тумана, давился горьким мхом пополам с мокрицей, жалел себя чуть не до слёз. У него дома не верили в басни о благодатном заморье, да и были правы, наверно. На своём месте жить надо! Пустишься так-то лесом идти, как раз в Исподний мир и придёшь!.. Чем дальше на запад, тем реже удавалось находить пропитание. Тошнотворный мох не лез в горло, Лутошку совсем уже взяла тоска, когда в тумане плеснуло. Захлопали крылья, пронеслась утица-нерыжень. Острожанин пополз в ту сторону. Скоро под локтями и коленями захлюпало: среди болота спрятанным нещечком лежало озерко, заросшее гусятником. Лутошка вымочил ноги, умаялся и чуть не упустил в глубокую воду лопатку, но всё же наелся сладких, как орехи, корней.

Это было позавчера. С тех пор он тощал, бредя в глухую морозную неизвестность. Скоро навстречу выйдет Маганка: «Ну здравствуй, браток мой, деверёк...»

Заметив на лесной чисти санные, пёсьи и людские следы, Лутошка ни жив ни мёртв шарахнулся прочь. Сердце припустило вдруг так, что кровь зашумела в ушах. Скрипы и шорохи леса отозвались голосами облавы, хрустом близких шагов, гудением натянутой тетивы... Немного отсидевшись за сугробами, Лутошка перевёл дух. Подивился собственному испугу.

Почему, когда прежде несбыточное желание вдруг являет себя достижимым, становится страшно? Так страшно, что начинаешь сомневаться в своей же мечте, просишь повременить с исполнением?..

Уверившись, что поляна вправду безлюдна, Лутошка вышел из-за деревьев. Начал смотреть. Вот место, где стояла палатка. Вот кострище, по запаху и виду – вчерашнее. Зверьё уже перерыло стылые угли. Лутошка вздохнул. Ему тоже мерещился запах съестного.

А ещё было похоже, что люди, стоявшие здесь ночь, дрались через нехоженные леса вовсе не по его душу. Трое санок, дюжина псов. Полстолько баб, из них одна, похоже, брюхатая, вторая детница. И всего три мужика. Здоровяк середович, молодой парень да косолапый дедок. Ясно, мораничи умели ещё не так притаиться... но на мышей не ходят с рогатинами, не ухичивают ловчих ям, мышь давят ногой. Захоти Ветер Лутошку вернуть – послал бы за ним любого ученика, ревнующего

об имени. Вполне бы хватило.

Не выглядели поезжане и купцами. Странники-торгованы пронырливы, жилисты, перелётны. Баб на сносях да малых детей им с собой не таскать стать... Лутошка долго не подпускал мысли, что на прогалине ночевали переселенцы. Люди, с которыми он чаял уехать за море, на Остров Кощеев. Он всё раздумывал, верна ли догадка, мог ли кто другой покинуть такие следы... а ноги уже несли его впродоль полозновицы, скорей и скорей.

Пёрышки на снегу

– Учитель, воля твоя... Дозволишь спросить?

С широкого застывшего плёса сдувало свежий уброд, белые колючие волны обтекали колени. Походники шли по гладкому насту бок о бок, Ветер чуть впереди.

– Спрашивай, сын.

Место было очень морозное, в продухи меховых рож вырывались ключья пара, тонкое серебряное кружево на кожухах разрасталось всё затейливее.

– Как думаешь, учитель... поправится Надейка?

Источник даже повернулся к нему. Тёплая личина не позволяла видеть лица, однако чувствовалось – Ветер, занятый строгими думами, ждал совсем другого вопроса. Ученик это понял, смутился, раскаялся, но слово – та же стрела. С полпути не вернёшь.

– Много ли обварила? – спросил наконец котляр.

Ворон смутился ещё больше.

– Сам-то не видал, стыдится она... Кобоха сказывает – живот внизу на ладонь и все ляги.

Ветер помолчал, подумал, ответил:

– Если изгномом не возьмётся и не закашляет, может, встанет ещё.

Дикомыт даже с шагу сбился, повесил голову, приотстал. Тащиha, гнавшая с севера прозрачный мороз,дохнула затхлостью Надейкиного чулана. Там, внутри, поёт ли девичий голосок? Или, как ушёл он, тут и забыла? А вправду сил нет уже голосок подать, в кугиклы подуть... Рука крошит уголёк, вовсе не может, свисает... Последние дни она даже рисовать позабросила.

И пробрало холодом сквозь двойной тёплый кожух: «Застану ли, как с орудья вернусь...»

Тут же заслонили небоскат померкшие девкины глаза, и робуши, приставленные к чёрной работе, уже растворяли лёгкую дверку, тащили вон залубеневшее тело... с этих станется подол вздёрнуть...

– Что запечалился? – спросил Ветер.

Дикомыт честно ответил:

– Жалко её.

– Почему?

Теперь уже Ворон стал в пень, озадаченный расплошным вопросом.

– Ну как, – выдавил он наконец. – Ведь славёнушка... Кому жить...

Ветер хмыкнул:

– И прежде такова была, ты не замечал.

Унот опустил голову, отвёл глаза. Источник был, по обыкновению, прав.

– Ты сам себе урок задал, – продолжал Ветер. – Нелёгкий, да, но Владычица нам праздной жизни не обещала. Ты молод, сын. Ты девку пожалел, присмотрелся – и уже любишь её, уже выше головы прыгнуть хочешь. Ты ещё поймёшь: так нельзя. Тяжко бывает мимо людей проходить, а что сделаешь? Наш первый долг – воля Царицы. Тайному воину не рука за всех радеть, о ком сердце восплакало.

«А кто невестушку оборонил от лютого снохача? Тоже молодой был?..»

Ветер подслушал его мысли так же безошибочно и легко, как сам Ворон разбирал следы на снегу.

– Вижу, мою повесть припомнил, – сказал он с усмешкой. – Я между свёкром и снохой встрял потому, что орудью Владычицы от того не могло случиться помешки. Иначе скрепил бы сердце, своей дорогой прошёл... И – да, зелен был, хотя постарше тебя. Теперь трижды умом раскинул бы, встревать или нет.

Ворон ещё подумал, робко спросил:

– А... Надейка-то препоной чему?

Котляр покачал головой:

– Ничему пока. Я тебя назидая, чтобы вперёд помнил: наша верность принадлежит лишь Владычице. Пасись, сын, прилепляться к людям, они суть лишь посредия Её промыслов... и то, ножи да стрелы надёжней. Видел я, как от Матери отступались и сами не замечали...

Ворон сглотнул, отважился подать голос:

– Ты... об Ивене, учитель?

Поминать казнённого старались пореже. В присутствии источника – тем паче. К удивлению, Ветер ответил спокойно:

– Нет, сын. Об ошибке, которую я сам тогда совершил.

Эти слова можно было толковать очень по-разному. О чём жалел Ветер? О том ли, что попустил себе привязаться к даровитому ученику? О том, что предал его Лихарю на лютую казнь?.. Как спросить?.. Ворон вздохнул, задумался, промолчал.

Он не раскрывал рта, пока лыжи не донесли их до поворота реки. Дальше путь пойдёт лесом, надо будет тропить: не больно поговоришь. Тогда Ворон решился, выпустил давно свербевшее на языке.

– Учитель... а про Ознобишу нету вестей?

Котляр глянул насмешливо:

– Владычица, дай терпенья... Решил мне показать, что тебя вразумлять бесполезно?

Дикомыт поставил домиком упрямые брови:

– Накажи, господин... Мы братейки с ним. Кровь смешивали. Не рукавица небось, под лавку сразу не кинешь.

Ветер наградил его долгим пристальным взглядом:

– Я слышал краем уха, наш умник чем-то отличился в мирском. Должно быть, самый толстый судебник наизусть рассказал. Даже имя получил: Мартхе.

Сказал и умолк, как-то так, словно по великодушию проболтался, о чём вовсе не должен был говорить... Новое Ознобишино имя по-андархски значило «гусиная кожа». Ничего не скажешь, сидело, словно удачно сшитый сапог.

– Спасибо, учитель, – истово поблагодарил Ворон.

Утром Опёнок поставил на чистую доску толстого мороженого шокура, привычно взялся стружить. Тонким ножом, вовсе не тем, что покоился на локотнице. Всякому клинку своё дело, особенно боевому, испившему крови. Стружки выходили нежными, прозрачными, невероятно вкусными даже на вид. Ворон отделил горку самых сытных и вкусных, с рыбьего горба и пупка.

– Отведай, учитель.

Ветер вытолкнул головой куколь, утянутый внутрь кожуха, заново продел руки в рукава. Сел, прислонился к саночкам. Посмотрел на стружки, на ученика.

– С чего так поделил?

Ворон удивился:

– Ну... ты себя трудишь...

– А ты на саночках ехавши заскучал? – насмешливо перебил источник. – Поболе моего тропишь небось. Вправду послужить мне решил или в дороге хочешь силами истощиться?

Взял нож у Ворона из руки, перемешал все стружки, разложил пополам. Дикомыт унёс шкурку и остов рыбы прочь от стоянки, с поклоном опустил на валежину: зверям здешнего Лешего. Вернулся к санкам.

– Учитель... Ты про отступление от Матери вчера говорил...

Ветер пристально посмотрел на него:

– Говорил.

– Я, пока ночью стерёг, девок вспомнил, захожниц, – сказал Ворон. – Которых госпожа Айге приводила... Если вдруг от Владычицы отбегут... – Сглотнул, содрогнулся. – Им... тоже пальцы рубят, плечи ломают?

«Косточки утячи...»

Взгляд Ветра на миг стал пронзительным. Потом котляр улыбнулся:

– Правосудная благоволит Своим дочерям. За кромешный грех им вручается сладкая чаша, на дне её неодолимый сон без конца... Спросил почему?

Ворон опустил голову, ответил не сразу.

– Страшно стало, – признался он наконец. – Надо всеми беды рассыпаются. Думал, уж то плохо, что Надейка в болезни лежит... А теперь ты вовсе как на казнь вышел... Потому и про Ознобишу пытал... ему в чужих людях одному... А у госпожи девки хрупенькие... им в холе жить, в бережи...

Ветер до конца не дослушал. Хлопнул руками по коленям, расхохотался. Громко, весело, непритворно. Ворон озадаченно заморгал. Неуверенно улыбнулся. Источник провёл рукой по глазам:

– Хрупенькие... в бережи... Ты, пендерь, небось и оружия на них не приметил?

Ворон вовсе смутился:

– Не... я...

Какое оружие, он тогда все песни сразу забыл. Тем только спасся, что пятно плесени на стенке нашёл.

– Дочери госпожи Айге – острые кинжалы Владычицы, – уже кроме смеха пояснил Ветер. – Они проберутся, куда нам с тобой нипочём ходу не будет, они разум затуманят, они совесть смутят, кого тайным лезвием не достанут, того шёлковой покроевкой удавят или ядом изведут... Мне, правду молвить, стыд был смотреть, как вы обречённого убивали. Любая из тех хрупеньких ловче управилась бы.

Ворон встрепенулся, вспомнил:

– А обречённый... он правда, что ли, детную бабу замучил?

«Или себя оговорил перед нами, потому что ты приказал...» Источник насмешливо покивал:

– Будто не видел я, как ты моему с ним уговору дивился. Сдумал уже, на оболганного напускаю? Нет, сын. Ты истого душегуба жизни лишил. И вперёд знай: Царица на безвинных не посылает. Только одна вина зрячая, а другую простым глазом не углядишь. В этом верь мне, пока Правосудная духовной зоркости не подарит. Знаешь, за что меня не любят в Кругу

Мудрецов?

– Я...

– За то, что умею отличать волю Владычицы от помышления тех, кто Её именем свою корысть прикрывает... Вставай, в путь пора.

– Учитель, а как...

Но Ветер уже поднялся. Отряхнул меховые гачи, сбросил на санки верхний выворотный кожух.

– Ты мне послужить намерился или безмерным вопрошанием в петлю толкнуть? Впрягайся, дальше пойдём.

Захожницы гостили в Чёрной Пятери не один день. Ветер всё затворялся беседовать с госпожой Айге, а Лихарь толком ещё не вставал, словом, выдалось мальчишкам раздолье. Ознобиша пустил корешки в книжнице, даже есть забывал. Отмахивался, невнятно ворчал, если звали наружу. Сквара же, если его никуда не гнал Беримёд, забирался в пустую и гулкую Наклонную башню. Карабкался под самый ледяной потолок. Доставал из нагрудного кармашка кугиклы... и збякая каменная труба, чьи повадки Галуха подстрекнул его так дотошно разведать, начинала глубоким гудом подтягивать пискливым крохотным сёстрам.

Кажется, тогда ему впервые не хватило обычных пяти цевок. Ну тесно в них жилось удалому напеву хвалы о суровой любви. На самом деле сетовать на недостачу голосов в снасти – что на руке лишку пальцев желать: управляйся чем есть и не дудку вини, а свою кривую научку. Напеву никуда было деться, Сквара его в три голоса втиснул бы, не то что в пять. Однако нуда есть нуда. Песня билась о края синичьего размаха кугиклов, рвалась в орлиную ширь, обещая лишь на просторе явить сущую красу и веселье.

Он долго искал, пробовал, ладил... Наконец поступил, как дома поступали способливые кугикальщицы: взялся выпевать голосом всё, что выплёскивалось, не вмещалось промеж мизютки и гудня.

Напев словно распрямился... расправил крылья, взлетел...

Тут Скваре показалось, что за ним наблюдали.

Он сразу исполнился лихости. Начал красоваться, повёл песню ещё отчаянней и задорней. Удивился, прислушался к себе, понял: не померещилось. Девичьи глаза подглядывали за ним, девичьи уши подслушивали.

Он заиграл так, что рот стало сводить. Да не от дутья, паче от мыслей, как бы вот этими губами, ловкими, сильными, другие губы обласкать, горячие, нежные... Всё виделась вороняя пружинка, выбившаяся из строгого уклада волос... На руки подхватить, к сердцу

притиснуть, закружить, неведомо куда унести... Эх...

Холмы вырастали впереди гряда за грядой. Одни стояли здесь от рождения мира, другие воздвигла Беда. Найти удобный распадок получалось не всюду. Длинные беговые лыжи давно водворились на санки. Походники то лезли вверх, то спускались по крутизне. Замечали направление по видным деревьям, по голым скальным вершинам. Идти было тяжело. Ворон всё чаще напрашивался тропить. Котляр молча улыбался, глядя, как мелькали заплатки на кожаных штанах любимого ученика. Ворон не видел этой улыбки. Хрустя ледяной настылью, он думал о том, что ещё мог сделать для учителя, но не сделал. О чём хотел непременно спросить его, но пока не спросил...

Ведь не врал Космохвост, будто они вместе новыми ложками были? Что на самом деле вытворил Ивень? Кто такой царственноравный Гедах Керт?.. Правда ли, что дочери Мораны обучаются ядам и противоядным снадобьям... гибнут шестеро из семи, всё испытывая на себе? Верно ли сказывают, будто их сокровенные пляски наделены столь страшным могуществом, что мужчина разум теряет и жилы себе резать готов, мечтая о небывалом? Правда ли, что кровные царевны благословлены от Богов: пылко радуются мужу даже в первую ночь – и на диво легко рожают детей?..

...Ворон встряхивался, корил себя за недостойные мысли, знай прибавлял шагу...

К сумеркам Ветер облюбовал большой старый выворотень, превращённый бурями в косматое подобие напосребницы. Вдвоём походники живо прорубили в белой стене уютную нору. Загородились саночками, на всякий случай положили самострелы поближе... и наконец-то доели божественное Шерёшкино печенье, сбережённое ещё с поминок по Мотуши.

Ворон унёс лакомый кусочек под большую ель, с поклоном утвердил в рассучье. Вернулся.

– Учитель... Дозволишь спросить?

Ветер смотрел на него с непростой смесью терпеливого отчаяния и насмешки.

– Неужто наконец удумал спросить, куда путь лежит?

Нахальный дикомыт глазом не моргнул.

– Да я сам вроде догадался уже. Держим всё к западу, завтра должны на старый большак вывернуть... В Шегардай идём, верно?

Ветер помедлил, задумался, подтвердил:

– Верно.

Опёнок подался вперёд:

– Учитель, почему тебе там угрозно? Скажи слово, как тебе послужить?..

Ветер подбросил на ладони последние крошки печенья, но есть не стал. Дунул, развеял, словно приглашая к трапезе кого-то незримого... Поднял на ученика взгляд, неожиданно блеснувший страданием... Спросил вдруг:

– Гудьбой потешишь меня?

Ворон растерялся, сразу охрип, кашлянул, рука нерешительно поползла в пазуху.

– Что же я тебе сыграю, учитель?

– А что моей матери сыграл бы, достань у меня ума ещё тогда тебя попросить.

Ворон замер, пальцы стиснули наполовину извлечённый кармашек. Кто теперь разберёт, отчего ни он, ни учитель не догадались хоть так приголубить больную душу расслабленной? Уж если сын принимал заведомый грех, на гуслях ей играл, вызвал к врачующей силе запретных струн...

«Как же я, дурак samotный, не выведал, что за песни звучали над люлькой маленького Агрыма... Может, позволила бы Владычица матери напоследок сына узнать...»

Он взмок от ужаса и стыда, слишком поздно сообразив: ни одной андархской колыбельной в памяти не хранилось. Чем занят был, отчего не вызнал, не расспросил?..

Руки между тем подняли куклики ко рту, губы сами сложились в особенную улыбку... без внятного помысла пробудили срединную цевку, четвёртую от длинного гудня... послушав долгий стонущий вздох, Ворон вдруг исполнился ясности и восторга. Расправил грудь – повёл горестный, гордый напев, что хвалил ещё Ознобиша.

О доблести, гибели и печали... о верности, продлившейся даже за краем могилы...

О том, что след жестоких завоевателей смыло дождями, замело белым снегом, сравняло вешними травами... а имя славного храбреца осталось ликовать в потомстве, вручаемое внуку от деда...

Ветер слушал, низко опустив голову.

– Откуда это? – тихо спросил он, когда голоса выплели первый узор и круг песни замкнулся. – Я прежде не слышал.

– Это... – Ворон снова смешался. – Это братейка мой в книжнице

берёсту нашёл. В летописи лежала, как есть исчерканная... там песня была.
Про давние времена, про витязя Сварда... вот.

Ветер вскинул глаза. Резко, требовательно спросил:

– Как ты догадался?

Ворон испуганно отмолвил:

– Учитель, воля твоя... о чём?

Котляр словно не знал, казнить его или миловать.

– Дальше играй, – велел он наконец.

Ворон послушно взялся за дудочку. В первую строку Ветер не поспел, подхватил со второй.

...Ждал скончанья света народ.

Осаждён оплот,

Битва у ворот...

Голос учителя, отнюдь не взысканный разлётом и силой, оказался безошибочным, даже приятным. Таков котёл. Оттачивает дарования, не брезгуя и самыми скромными.

На холме пустом,

Мятый сняв шелом,

Витязь Небо попросил о святом...

Ученик помогал как мог, прямо на ходу чуть меняя и сдерживая погудку, приспособливая напев к небогатому голосу Ветра.

...А над ней застыл валун в ковыле.

Источник с видимым сожалением завершил песню, верно, погудка, сотворённая учеником, пришлась ему по сердцу. Воодушевившись, дикомыт сыграл ещё круг. Пустил голосницу уже во весь мах, расцветил прозрачными лепестками узоров... Опустил смолкшие кугиклы, негромко пропел:

И какой с тех пор минул век,

Скажет только выпавший снег,

Только дождь в листве,

Да в степи рассвет,
Только жаворонка трель в синеве.

Ветер слушал не шелохнувшись. Взгляд странно разгорался, метя пригвоздить Ворона к снежной стенке норы.

– А это где взял?

– Так сам... то есть Правосудная... вложила. Вот.

Ветер прикрыл глаза рукавицей. Наверное, не знал, каким ещё словом огурника укорить, чтоб дошло. Помолчал, отнял руку, спросил:

– А не высоко ли занёсся? С боговдохновенным стихотворцем вздумал тягаться?

Опёнок потупился:

– Воля твоя, учитель... ни с кем я не тягался. Полюбилося... вот.

Слова упали в тишину. Ветер отвернулся и как будто забыл про ученика.

После очень долгого молчания, ни дать ни взять решившись, он глухо проговорил:

– Тот витязь положил начало долгой веренице мужей, отмеченных и не отмеченных славой... Бояре Нарагоны, возводившие свой род к подвигу чести, уже через несколько поколений всю плодили крапивников. Небрачным сыновьям было принято вручать имена, крепить ими семью, но очередной Свард, по прозвищу Крушец, оказался слишком надменным.

Ворон смотрел во все глаза. Учитель явно очень хорошо знал, о чём говорил.

– Он нёс родовой щит со скалой и мечом. Он держал расправу в городе у холмов и самозаконно правил у себя в замке. Одна молодая холопка вздумала противиться его прихоти. Он повалил её на пол в стряпной... и не пожелал признать сына насилия. Трое единокровных никогда не называли пригульного братом, только рабом. Когда он подрос, мать продали на сторону, а байстрюка сбыли в котёл.

– Почему? – выдохнул Ворон.

Ветер ответил со злой усмешкой, сквозь зубы:

– Наверное, Свард не хотел побочного отпрыска, обещавшего стать умнее и сильнее законных.

Ворон слушал, чувствуя, как меняются местами морозная земля и тёмное небо. Собственные беды представляли детскими горестями, ничтожными и смешными. На что жаловаться тому, кто был зачат

в любви?..

– Боярский ублюдок выдержал обучение на воинском пути, – очень ровным голосом продолжал Ветер. – В свой срок он пролил кровь и назвался тайным воином Справедливой. Не иначе как по Её изволению первым орудьем пригулыша стало отнятие жизни красного боярина Нарагона. К тому времени Свард успел оплакать наследника. Его не каждый день видели трезвым. Псари нашли господина лежащим в ручье. Никто не заподозрил убийства.

Ворон молчал, пытаясь в густеющих сумерках рассмотреть лицо учителя. Вот теперь он почти догадался, и от этой догадки затрепетала душа.

– В награду, – по-прежнему бесстрастно произнёс Ветер, – мне позволили отыскать мотушь. Так я выполнил то, в чём поклялся при расставании... но она уже была такой, какой ты её видел. Я же, к несчастью, с годами стал похож на отца. Мотушь приняла меня за боярина... – Ветер махнул рукой, добавил совсем другим голосом: – Ей бы понравилась твоя песня.

Отвернулся, лёг поудобнее, натянул куколь, опустил щеку на самострел. Ворон остался в одиночестве смотреть сквозь темноту. Ощущение было такое, словно учитель едва не поддался чувству, побуждавшему длить рассказ, но в последний миг передумал.

Под утро в гуще еловых ветвей началась птичья возня, слышалось карканье. Пернатые посланцы Лешего делили печенье. Когда тронулись в путь, Ворон увидел на снегу несколько пёрышек, блестящих, впрозелень чёрных. Он вспомнил о чём-то, улыбнулся, подобрал, спрятал в кошель.

Госпожа Кука

Лутошка всю жизнь прожил в лесу, но опытным полесовником так и не стал. Его дом был в острожке. С насиженным теплом в избяных стенах, с ухоями и прудами, поставлявшими каждодневную пищу. Конечно, Лутошке случалось на день-два покидать зеленец. Его посылали то на рассольные кипуны, то на заячьи кормовища, то к ближним соседям. Он и бегал хорошо знакомыми трущобами от жилья до жилья. Тамошние пущи давно привыкли к Лутошкиной поступи, стерпелись с его присутствием и не посягали сгубить. Оттого он не выучился слушать речи корб и суходольных боров, говорить на их языке... Чего ради себя трудить, если и так хорошо?

День за днём, ночь за ночью пробиваться всё дальше за Смерёдинку оказалась сущая гибель. Опоздав к становищу переселенцев менее чем на сутки, он уже и не надеялся эти сутки нагнать.

Зато самого Лутошку нагнали волки.

Он их так и не увидел. Просто напал в лесу на следы, ума хватило понять, что не собачьи. Той ночью Лутошка спал на дереве, привязавшись к стволу. Без конца вздрагивал, смотрел вниз. Сколько ни стерёг – ни тени, ни шороха... К утру начал обзывать себя пуганой вороной. Волки бежали за переселенцами, надеялись поживиться объедками, задрать упряжного пса... Когда рассвело, острожанин пригляделся как следует. Если верить следам, кругом дерева всю ночь хороводила голодная стая. Ждала, не свалится ли обессиленная от холода пища.

Лутошка руками и ногами ухватился за ствол, едва не решился здесь и остаться. Однако это была бы вовсе верная смерть, причём бесславная и обидная. В Чёрной Пятери его, по крайней мере, выучили не сдаваться без боя. Рыжак спустился по обломкам ветвей, нацепил лыжи, повесил под руку самострел... понёсся вперёд, как от переимщика удирая. «Не тронь, не спущу!...»

А глаз сам выискивал впереди нависшие сучья, развилки, согнутые стволы: куда взлететь, если что.

Вечером ему попались две берёзы бок о бок. Та, что побольше, манила гостеприимной рассохой. Было ещё совсем светло. Лутошка с сожалением оглянулся, побежал дальше. Однако вскоре начался сплошной мелколесок – краю не видно. Поняв, что спасительного насеста может не доискаться, Лутошка сжал судорожно задробившие зубы, повернулся, бросился

по своему следу обратно... Ему показалось, в темнеющей чаще что-то неохотно отпрянуло...

Этой ночью он, кажется, не спал вовсе. Внизу то и дело мерещились волчьи тихие разговоры, отблески глаз... Лутошка ёрзал в рассохе, бил себя кулаками, безжалостно щипал губы и нос. Утром перепрыгнул кольцо опрятных следов, стрелой полетел через чапыжники, просто потому, что живое надеется до последнего. Что-то в нём уже знало: ещё одна голодная ночь, и терпеливая стая может обрести чаемое.

Когда наконец сквозь мороз потянуло влагой и тепелью, Лутошка был способен понимать только одно. Сейчас он вывалится на траву. И начнёт горстями запихивать её в рот, начнёт грызть горький оботурий мох прямо с земли... а там будь что будет!

Словно в отплату за прежние бедствия и неудачи, рыжаку подспорило счастье. Туман впереди оказался не просто одеялом оттепельной поляны. За двухсаженной серой стеной лежал очень приземистый, но самый настоящий зеленец, родильный чертог, святость которого уважалась всеми лесными народцами. Месяца через два сюда, не обращая внимания друг на дружку, сойдутся выводить потомство и волчицы, и лисы, и оленухи. Отощавый Лутошка вовсе не ведал, в какое место забрёл, да и не до того ему было. Он увидел перед собой зелень... силы враз кончились. Он упал на колени, слёзы брызнули из глаз, покатались по искусанному морозом лицу. Мамоньки милые, здесь даже сныть пыталась расти!.. Лутошка пополз вперёд, жадно срывая и заталкивая в рот красноватые побеги с неразвитыми начатками листьев. Глотал не жуя, больше мял под собой. Всё казалось, самые сочные и сладкие стебли росли вон там, впереди.

Кроме снедной травы, острожанин кругом ничего не видел, не слышал, не примечал. Когда перед носом шастнула мышь, Лутошка и её дёрнулся схватить, не успел. Подойди к нему сейчас волки, он бы только зарычал: кто к моей сыти прилез, испорю!..

Он долго полз так, постепенно успокаиваясь, тяжелея, медленно избывая безнадёжную тоску смерти. Волки в зеленец за ним не пошли, он даже не задумался почему. Здесь было вдосталь пищи: вот и всё, что он желал знать.

Зубы всё медленнее перемалывали траву. Лутошка даже начал выплёвывать самые жиловатые стебли. Из набитого брюха распространялась блаженная истома, глаза начали закрываться. Теперь всё будет хорошо. Всё будет хорошо...

Ткнувшись в нагромождение валунов, Лутошка почти ощупью нашёл между глыбами удобную щель. Вполз в неё, свернулся, заснул сразу

и крепко.

Его разбудила жажда. Проглоченная трава кололась в животе, став сухим сеном. Между тем вода плескала совсем близко. Настоящая и живая, это небось не снег, который, пока согреешь его для питья, сам норовит отнять весь жизненный грев... Лутошке пригрезилась мелкая рябь, унизанная отсветами солнца. Он потянулся к ней, чмокнул губами, открыл глаза.

Перед лицом были потёки сырости на боку валуна. Однако озёрный запах и плеск никуда не исчезли. Утки, обрадовался острожанин. Рука нащупала самострел. А добуду!.. С кувырка мишенить, как дикомыт, Лутошка так и не научился, но вот из-за камушка, с лёжки...

Он тихо-тихо взвёл тетиву, передвинулся, бережно выглянул.

Валуны, давшие приют острожанину, и правда громоздились над озерком. Только уток Лутошка не увидел. Если прежде и были – все разлетелись. По ту сторону глубокой заводи на обомшелом камне стояла Маганка.

Туман жемчужными волоконцами вырастал из воды, свивался в невесомые пряди, утекал вверх. Превращал замызганный обиванец в чистые лебединые ризы. Маганка смотрела в воду, держала что-то в руках.

Верёвку от мешка, набитого тяжёлым камнем!!!

Лутошка обмяк, лишённая воли рука выпустила самострел. Тут же на смену бессилию явилась бешеная волна, он взвился на ноги, заорал:

– Маганка, стой! Не смей! Не моги!..

На середине вопля понял ошибку. На той стороне была не Маганка. Молодица ахнула, выпустила то, что держала, – вовсе не привязь мешка, готового увлечь в глубину. Вскинула голову, узрела Лутошку и завизжала, не зная, что делать: бежать?.. ловить упавший в воду сачок?..

Она впрямь немного напоминала Маганку, но казалась попроще, поглубже лицом. Может, оттого, что была ну очень брюхата. На сносях: вот-вот родит с перепугу.

Позади озера всполошились псы, поднялся тревожный бабий галдёж. Оттуда уже мчалась подмога: бородатый здоровяк середович, вооружённый копьём, и молодой парень с таким же самострелом, как у Лутошки. Острожанин встретил их, как научили мораничи. Опустил оружие, взятое в левую руку, поднял правую для приветствия:

– Мир по дороге, добрые люди!

Переселенцы замедлили шаг, стали поглядывать один на другого,

остановились. Молодица перестала визжать, только всхлипывала. Напрягшийся Лутошка увидел себя как бы со стороны, их глазами. Серый кратополый сукман, лёгкая укладка, самострел в привычной руке, отличные лыжи... Суций моранич! Лутошка даже заметил, как мужик вглядывался в туман у него за спиной. Рыжий да красный, человек опасный! Почём знать, в одиночку пришёл или ещё десять таких позади прячется?

Наконец копьё понурилось железком в землю.

– И тебе путь дорожка, добрый молодец... Далеко поспешаешь?

Стрелец казался простоват, зато бородач выглядел неробким бойцом. Такой и человеческой крови не испугается, достаточно в глаза посмотреть. Лутошка едва не растерялся. Он никогда вот так не имел дела с чужими людьми, не очень-то дружелюбными и оружными. В крепости у него каждый день рёбра трещали, но там всё было понятно. Чего ради побежал в неизвестность? Нет бы домой...

– Киян-море хочу посмотреть, – сказал он. – Корабли. Пристать ищу, кто за море едет.

А ведь мог в сторону уйти, когда заметил следы. Вовсе мог назад повернуть...

– Ишь, гусь перелётный, – хмыкнул бородач. – Отик-то в дорожку благословил?

Лутошка покраснел, насупился, отрёкся:

– Неповинен я больше ни матери, ни отцу.

– В глупом сыне и отец не волен, – ещё поддел бородач. – Сам чьих будешь, такой непорудливый?

Острожанину надоели насмешки, он подбоченился:

– Про Чёрную Пятерь слыхал небось?

Вот с чего надо было начинать! Молодой испугался, захлопал белёсыми ресницами, середович еле удержался, чтобы вновь не наставить копьё.

– Только беглых из котла нам тут не хватало... Ступай себе, паренёк, ступай мимо!

Лутошка важно пояснил:

– Я не беглый. Я там в кабале был, да избыл, обвóленный за ворота ушёл. Теперь за Киян податься хочу. Возьмёте – с вами пойду, нет – без вас доберусь.

Он храбрился, страх последних двух дней был ещё свеж, но обида и желание себя показать всё пересилили.

Молодица выловила уплывший сачок, погрузила его в воду на всю

длину жерди и уже доставала из плетёной ловушки серо-зелёный слизистый ком. Мало ли что творилось вокруг, а и дело забывать было нельзя.

– Ладно, – помолчав, сказал бородач. – Пойдём, стало быть, с боярынькой потолкуешь.

В становище переселенцев Лутошка вошёл царевичем, двое по бокам казались почётной дружиной. На берегу озёрного ковша стояла палатка, в ряд выстроились сани, булькал над углями котёл. Даже странно, что, ввалившись в зеленец, острожанин ничего не услышал и не почувал... А впрочем, всё к лучшему. Изголодавшимся и ошалевшим от страха не с чужаками разговаривать стать!

Следы не обманули. Возле костра кудахтало бабье царство. Ещё одна молодлица укачивала дитя, другие, поуспокоившись, следили за варевом, чинили растоптанные поршни, выщипывали собак, тут же мыкали шерсть на кужёнку для прядева... Единственный дединька тащил хворост к костру. Чувствовалось, боярыня с ватагой не первый день были в пути. Засаленные стёганки, усталые, давно не мытые лица... Поглядев кругом, Лутошка окончательно воспрял духом. Все труды были знакомы. Седмицу спустя они и знать не будут, как без него допрежь обходились!

Одна из баб нырнула в палатку. Спустя малое время оттуда появилась хозяйка.

– Поздорову ли, государыня Кука, – сдёрнули шапки бородач со стрелком.

Лутошка тоже отдал поклон. Спина не заболит небось; он хотел остаться, да и женщина ему в мамки годилась. Молодые бабы торопливо принесли что-то вроде складного столыца, накинули тёплую меховую полсть. Негоже боярыне стоя толковать с простолюдьем. Выпрямившись, острожанин посмотрел внимательнее... и чуть всё вежество не растерял. Голову хозяйки поезда венчал богатый, хотя и не слишком чистый повойник... а из-под него свисали наперёд две косы! Ни вдова, ни девка, ни баба! Самокрутка, охлёста, непутница!.. Лутошка сглотнул, заморгал, метнул глазами по сторонам. Снова посмотрел на боярыню. Та поймала взгляд рыжака, явно тешась его замешательством. В год Лутошкиного рождения она была, верно, диво как хороша, но щёки давно отвисли, изморщились, забыли румянец.

– Куда Чага запропастилась? – вдруг спросила она.

– Не вели казнить, матушка, – снова поклонился бородач. – Прибежит невдолге. С напужки сачок выронила. Пока подняла...

Женщина досадливо повела головой, вздохнула:

– Ну, рассказывай, Марнава. Кого привели?

Лутошку не то чтобы привели силком, у него даже самострела не отобрали, но гордые боярыни говорят как хотят, а подлые людишки знай кланяются.

– Да вот... в камнях хоронился, – начал рассказывать бородатый Марнава. – Из Чёрной Пятери, якобы. За Киян с нами хочет идти.

Женщина вдруг схватила облокотницы кресла, подалась вперёд, глаза вспыхнули не то радостно, не то хищно:

– Из Пятери?.. Моранич никак?

– Бает, матушка, кабальным у них был, обволили.

Лутошке стало неудобно. Нутром почувствовал – название воинского пути было им не пустой звук. Косолапый дединька забыл про костёр, бабы сбились в кучку, стали шептаться. Вперевалку подошла брюхатая Чага, поглядела по сторонам, ничего не поняла. Положила сушиться на сито выловленную бадягу, оторвала кусочек, стала перетирать с растопленным салом. Бадяга смердела так, что мутило на душе, но молодница и носа не отворачивала.

Боярыня Кука вновь откинулась в кресле. Разжала пальцы, зябко спрятала руки в полсть.

– Рассказывай, отроча, – хрипло выговорила она. – Дозволяю. Как звать тебя?

– Лутошкой, добрая госпожа.

– Правда, что ли, из крепости прибежал?

– Правда, госпожа.

– И давно бежишь?

Лутошка начал загибать пальцы, усомнился, начал с начала.

– А не из унотов прогнали такого бестолкового? – мимолётно усмехнулась боярыня.

– Они, госпожа, бездарников не прогоняют. Их в другое служение отдают.

Женщина беспокойно подвинулась в кресле, махнула рукой. Лутошка начал думать, что это значит: не верит ему? поздорову убираться велит?.. Кука вновь уставилась на него. Глянула так, словно это он её вынудил бросить родовые хоромы, отправил скитаться. Напрямую спросила:

– Обречённого, в Шегардае взятого, видал?

Бабы перестали шушукаться, наострили уши. Чага оставила тереть, оглянулась.

– А как же, – удивился Лутошка. – Видал...

Странные ему попались переселенцы. Не хотели знать, чему он умён был, чем мог быть им полезен. Расспрашивали знай про Чёрную Пятерь, лежавшую далеко в стороне, про смертника вот... Всё проверяли, правду ли говорит? На что бы?

– Как звали его?

Лутошка удивился ещё больше:

– Кудаш...

Боярыня Кука вздрогнула и словно бы уменьшилась, усохла под меховой полстью, но глаз не отвела. Чага тоже смотрела на острожанина, хмурилась, недоумевала.

– И... как было? – спросила хозяйка ватаги. – Сказывай, велю!

Лутошка пожал плечами:

– А что сказывать... В неволе сидел.

– А потом? Напустили вас котляры?

– Я-то издали смотрел, я же кабальной был, – не сбившись, отговорился Лутошка.

Его взяла тоска, мшистая земля под ногами помстилась коварным ледком Дыхалицы. Как ступать, чтобы до берега добрести?

– Сказывай! – требовательно повторила боярыня.

– Так нечего сказывать... У господина источника матушка померла, он своим на Великом Погребке наречение и устроил. Чтобы, значит, почтить. Ну они и почтили... Из дикомытов ученик один, Скварка. Теперь Вороном прозывается.

Сказал, как щитом заслонился. «Не я, не я это! Всё он... Я одаль стоял...»

– Что?.. – спросила боярыня. Она мелко подёргивала головой, заранее отрицая весть, которой сама требовала. – Сделал-то что? Сказывай!

Лутошка отвёл глаза:

– Нож бросил... Смертью убил.

Госпожа Кука выдохнула так тяжело, будто яму копала на меже целой прожитой жизни. Бабы начали охать. Чага вдруг облилась восковой желтизной, завывала низким страшным голосом, обхватив руками живот:

– На кого поки-и-и-инул...

– Уймись, дура! – рывкнула боярыня Кука. Дряблые щёки пошли неровными пятнами. – Мазку давай!

Молодица сразу закрыла рот. Кое-как встала, подала мисочку. Госпожа сунула пухлый палец в вонький зеленоватый жир, стала притирать лицо. Ровными, привычными движениями, обходя лишь веки и губы.

– Ты вот что, отроча, – почти спокойно сказала она Лутошке. – Пока

у костра велю помогать. Вернутся наши мужики, поглядим, что с тобой
делать.

Кутовая Ворга

За сутки пути до столицы Левобережья учитель и ученик заночевали в деревне.

Жилые зеленцы здесь уже именовались не острожками, как возле Чёрной Пятери, где после Беды затворялись от голодного лесного зверья. В этом краю оставили свой след времена, когда цари Андархайны заглядывались на север. Как положено, за войском Ойдриговичей на новые земли двинулись переселенцы. Подобно нынешним, стремившимся за море, это были всё голодранцы, оставившие на родине предков лишь горести и кручины. Нищие, варнаки, беглые кабальные... Ожихориваясь вдали от прежних кривд и обид, они впервые были в своём праве, вольные люди. Память той радости до сих пор не угасла. В шегардайской губе Левобережья деревни назывались вольками.

Селение, куда источник привёл Ворона, было очень невелико. Всего четыре двора. Зато стояло оно у широкой промоины в заливе того же островистого озера, где славные предки когда-то выстроили Шегардай. И звалось сообразно – Кутовая Ворга.

Заметив впереди туман зеленца, Ворон жадно стал высматривать черты и приметы, роднившие чужую вольку с давно оставленной Твёржей. По правде говоря, немного нашёл. Здесь не рядили ни спускных прудов, ни ледяных стен. Да откуда им взяться? Кипуны бурлили в самом озере. Там небось устраивали и заплоты, чтобы кормился шокур. Или, может, рыба сама приходила в тёплые воды по краям маины, хватала наживку?.. Ворон потянул носом. У кого-то в деревне исходила горьковатым дымом коптильня. Рот наполнила слюна. Доведётся ли отведать...

...А вот детвора за околицей баловалась точно как в Твёрже. Конались бабками: расчертили площадку, вымерили шаги, назначили «сало» и «кон», поставили гнёзда. При виде захожней, явившихся на опушке, ребятня с визгом сгребла бабки, старшие подхватили младших, удрали в туман. Изнутри зеленца тотчас отозвались псы.

Скоро навстречу незванным гостям вышли деревенские мужики. Кто с луком, кто с копьём, кто с сердитой собакой на ремне. Сошлись на середине старого поля... и беспокойство сменилось радостью: Ветра узнали. Большак скинул шапку, хотел поклониться, котляр не чинясь обнял его, скрестил локотницы.

– Можешь ли гораздо?

Мужчины вздохнули с облегчением, попрятали в тулы ощеренные головки стрел. Здесь не слишком опасались разбойников, лихие шайки так близко к стольному городу не подходили, но друзей принимать всегда веселее, чем неведомых чужаков. Псы укладывали вздыбленную щетину, обнюхивали пропахшие лесом штаны захожней, трогали носами подставленные ладони.

Кутовая Ворга была тайным воинам Владычицы вроде собственного подворья.

Большак сразу выслал вперёд одного из парней:

– Скажешь матери, честные гости пожаловали... Пускай стол накрывает!

– Как твой средний сын, гоит ли? – шагая рядом с ним, спросил Ветер. – Помню, ты не надеялся...

Старейшина просветлел лицом, снова затеял кланяться в ноги.

– Что ни день, о тебе, милостивец, напамятку даю Справедливой... за многими делами не упустил просьбишку передать...

– Так, стало быть, приходил благочестный?

Ворон скромно шёл сзади, тащил саночки, слушал разговор. «О ком это они?»

Большак осенил себя троечастным знаком Владычицы:

– Как есть приходил, скорбных ног на лыжах не пожалел, ветхости своей ради нас пощады не дал... скудостью не погнушался... Две седмицы с дитятком просидел!

Ветер улыбнулся:

– И как? Отмолил?

– Истинно, отмолил! Ради его святых седин отвела руку Правосудная.

«Так у них тут правский жрец есть! Самой Царицы молением достигает...»

– Покажешь мальчонку? – спросил Ветер. – Из памяти вон, как зовёшь его?

Ворон видел, сколь отчаянно лебезил перед учителем старейшина Кутовой Ворги. Даже снятую шапку до сих пор в руках мял.

– Прости, милостивец... Он безымянный теперь во имя Владычицы. Другонюшка, да и всё. Меня добрый старец сразу предупредил: не до ста лет сынку вековать, срок земной ему недолог положен... Я уж, как встал средний мой, и отпустил его со святым жрецом в Шегардай. Сколько ни отмерила Царица, пускай в благом служении проведёт.

Ворон покосился на площадку для игры, покинутую детьми. В Твёрже размечали инако. «Глянуть бы, как они здесь конаются...»

За стеной тумана оказал себя тын, обнимавший все четыре избы: здесь обитала родня. Как раз когда хозяева и гости входили в ворота, распахнулись двери собачника. Наружу пёстрой твякающей лавой выкатились щенки. Крупные, толстые, полные задора и счастья. По виду – месяца на два, самая пора новым хозяевам раздавать. Следом заполошно выскочил мальчик, упустивший непосед:

– Лови, лови!..

Рыжий кутёнок прямо на ходу взялся трепать пегого, оба покатались кувырком. Чёрного поймал за задние лапы шлёпнувшийся врасстяжку мальчонка. Шустрая серая сучонка перепрыгнула обоих, влетела прямо в ноги Ворону. Он подхватил тяжёленький барахтающийся комок, увидел карие глазёнки, такие проказливые, весёлые, что самого неволей разобрал смех. Щеня извернулось в руках, нечаянно мазнуло передней лапкой по бороде, со вкусом вылизало всё лицо. Он и не подумал сторониться тёплого проворного языка.

Всё-таки Кутовая Ворга была гораздо больше похожа на Твёржу, чем ему показалось вначале.

Остальных щенков быстро переловили. Взрослые посмеялись, но взгляд старейшины, брошенный на сына, был строг.

В избе, куда следом за хозяевами влезли захожни, хлопотала запыхавшаяся большуха. Родив троих сыновей, выдав замуж дочку, она ещё хранила почти девичью стройность. Женщина уже застелила Божью Ладонь браным столешником из красного сундука, выставила холодное: озёрную капусту, горлодёр, копчёную, квашеную, солёную рыбу. Выложила утреннюю, едва остывшую перепечу. То что надо походникам после нескольких дней на одной строганине!

Ворон вместе с учителем поклонился Божьему углу и доброй хозяйке. Надёжное избыное тепло, застольная дружеская беседа... а если погода ещё и мыльню нагреют...

Ему отвели место внизу стола, на скамье, с такими же отроками. Ровесники заговаривать не спешили, дичились молодого моранича, поглядывали искоса. Ворону опять стало смешно. Небось пересудов на седмицу достанет, когда они с учителем отсюда уйдут!

Чинно жуя, он всё приглядывался к печи, томившейся вчерашним теплом. Теперь было понятно, отчего дух в этой избе стоял совсем не такой звонкий, как, примером, в Шерёшкином доме. Над устьем печи был прилажен перевёрнутый горшок с выбитым дном и от него – дощатый короб, обмазанный глиной. Он тянулся до окошка наружу. Похоже, эта печь хуже обновляла и чистила воздух. Зато – ни тебе махров на подволоке,

ни чёрных залежей на сыпухах по стенам. Подволоок, кстати, был не высокой бочкой, как ладили в Твёрже, а низкий и плоский. Давил на голову. Даже резные лики Богов и самой Матери в святом углу глядели какими-то утеснёнными. Не храм жилой, а клеть с печью. Опёнку новшество не понравилось.

Ветер, как выяснилось, тоже посматривал на государыню-печь.

– Это опять же Другонюшка меня надоумил, – с гордостью пояснил большак. – Побывал я у него, подсмотрел... Ещё стены покрасить, будем совсем как в городе жить!

От Ворона не укрылась мелькнувшая улыбка источника. И что, мол, не хочешь жить самосушно, всё за кем-то влечёшься?..

Хозяйка отняла от устья заслонку, стала с видимой натугой вываживать большой гретый горшок.

Ветер сказал, не оглядываясь:

– Помоги, сын.

Опёнок сразу вскочил. С поклоном, дождавшись от хозяйки согласного кивка, вошёл в бабий кут, перенял ухват. Повернулся, опустил горшок на хлопот, на толстый деревянный кругляк. Женские руки дрожали, ему было легко.

После трапезы он вышел наружу. За тыном, за влажной туманной стеной то примолкал, то вновь поднимался ребячий гомон и визг. Там возобновилась игра. По другую руку плескались буроватые воды. Это беспокоился, баламутил воргу кипун. Ворон и не помнил, когда видел сразу столько открытой воды. Захудалая левобережная волька внезапно предстала местом чудес, где что угодно может случиться.

– Жог!.. – радостно долетело из-за забора.

Дикомыта как стрелой уязвило. Вздогнул, рванулся...

– Какой жог, когда плоцка? Глазы протри! – окоротили кричавшего.

Опёнок выдохнул, мотнул головой, нахмурился, оглянулся. У двери собачника сидел хозяйский сынишка. Подперев щёку, чертил щепочкой по земле. Ворон подошёл, присел рядом на корточки:

– Что козны метать не идёшь?

Мальчик потупился:

– Отик не велит. Сказал, уши оборвёт, если снова за щенятами не угляжу.

Его точно подслушали. Дверь скрипнула. В щель высунулась серая мордочка.

– Я тебя, шатущую!.. – подхватился мальчишка.

Сучонка заскребла лапами, вылезла наружу вся и, миновав цепкие

руки, прямиком бросилась к Ворону. Он снова обнял толстенный колобок радости и добра, сучонка ёрзала у него на руках, в восторге лезла к лицу.

– Люб ты ей, – сказал мальчик. – У вас на воинском пути псов содержат? А то отик после торгового дня покупателей ждёт...

Ворон строго отмолвил:

– Учитель говорит, тайный воин Мораны ничем себя не отягощает. Ему собака не в помощь, он тем обойдётся, что может сам унести.

А если по правде, Опёнок уже некоторое время раскидывал умом, мечтал, искал в Чёрной Пятери место щенку. Праздные, конечно, были мечты.

– Меня, – сказал хозяйский сын, – если что, Тремилкой зови.

Взял у него сучонку, понёс водворять, истошно визжащую, в закут. Ворон с ним не пошёл. Чего ради зря полошить собак, без того взволнованных появлением чужаков. Разлаются, потом не уймёшь.

Он присмотрелся к рисунку, покинутому на земле. Тремилко изобразил что-то вроде горбатого мостика над оврагом. Посередине, радостно вскинув руки, среди точечной россыпи приплясывал человечек. С другого края ему раскрывала объятия женщина в просторных одеждах.

– Это что? – спросил Ворон, когда мальчик вернулся.

Тот смутился, но ответил:

– Это братик по Звёздному Мосту к Заступнице переходит.

«К Заступнице?.. А-а...»

– Ты же в город побежишь? – спросил гнездарёнок. – Увидишь его там, нещечко передашь?

Ворон был бы и рад, но отмолвил честно:

– Не... Учитель здесь остаться велит. Я уж всяко просился.

Малец вздохнул, поскуцнел. Взял щепку, пририсовал Моране длинное развевающееся корзно. Ворону захотелось возвеселить его. Он спросил:

– У вас битки свинцом заливают?

Тремилко аж выпрямился.

– Ещё чего!

– И правильно, свинчаткой много не собьёшь, – похвалил дикомыт. – Только мы всё в пристенок больше конаемся. А у вас как ведётся?

– У нас-то? А в тройки, гнёздами, с салкой, загонами, в плоцки, на вышиб, в жошки, в покаты...

Ворон понял, что напал на охотника. Развесил уши, собрался нести в Чёрную Пятерь новые забавы, любезные Справедливой. Тут сзади открылась дверь избы, вышел Ветер и с ним большак. Ворон сразу вскочил, поклонился. Он еле поверил, когда котляр вдруг сказал:

– Щенки у тебя хороши, друже. Продашь одного?

Хозяин замаялся. Отказать Ветру он не мог, но и спятить от слова, данного покупщикам, не решался.

– Которого, милостивец?..

– А шустренькую, что к сыну приластилась.

Большак вздохнул с облегчением. Люди не жаловали в собаках серых рубашек, предпочитали яркую, пёструю шерсть, чтобы никто даже издали за волка не принял. Поэтому о сучонке он ещё ни с кем не бил по рукам. И продать если рассчитывал, то вовсе задёшево.

– Не обижай, милостивец! Бери безмездно прямо сейчас!

«Шургá!.. Я буду звать её – Шурга...»

Ветер усмехнулся:

– Прямо сейчас орудье не велит. Вот из города пойду, возьму. – Помолчал, кивнул на Ворона, закончил: – Или ученик заберёт. А вот отдарок не задержу. Поди сюда, малыш!

Тремилко заробел, но подбежал, склонился. Ветер вытащил из кошелька книжицу. Ворон узнал список «Книги милостей», но дела отнюдь не заурядного: от славных краснописцев Невдахи.

– Держи, малыш. Это слово Владычицы, оно тебя обережёт и согреет...

– Учитель... что тебе в городе так угрозно? Сказал бы уж.

Они стояли среди замшелых валунов у берега ворги, смотрели на беспокойные воды. Прямо перед ними танцевала в вихрях тумана, истаивала на глазах, превращалась в кружево льдина, прихотью течений занесённая в самое сердце кипуна.

Ветер помолчал, ответил не сразу, неохотно, но всё-таки поделился с доверенным учеником:

– Был я в Шегардае несколько лет назад... Орудья ради Владычицы. Запомнили меня крепко.

– А притаись! – вспыхнул Ворон. – Уж ты-то да не сумеешь!

Ветер покачал седоватой головой. Как похож он был сейчас на Космохвоста, ждавшего нерадостной участи: «Небось про царят выпытывать станет. Потом убьёт...»

– Не хочу, – сказал котляр. – И не таково нынешнее служение, чтобы вершить его втай.

Ворон сглотнул:

– Учитель, воля твоя... Ты всё молчишь, какое орудье...

– Потому и молчу, что оно тебе не понравится.

Ворон твёрдо отмолвил:

– Ты не обещал мне, что на веселье ведёшь.

И услышал в ответ:

– Я должен завершить судьбу скомороха, любезного горожанам.

Ветер пристально смотрел в лицо ученика. Ворон слушал невозмутимо. Никаких чувств не оказывал.

– Этот скоморох – пятерушечник, – продолжал Ветер. – Он смешит позорян тряпичными куклами, вздетыми на пятерню. Сам он хвалится Богобоем, а иные ругают Брекалой или Бахоркой. За то, что паскудно представляет Владычицу.

– Это как? – удивился Ворон. – За что людям жаловать такого?

Источник передёрнул плечами:

– Невегласы, плохо знающие жизнь души, падки на грубый и тупой глум. Они не вникают в суть, была бы рассмешка. Ты, сын, однажды ещё поймёшь, что люди в своём большинстве глупы, слабы, трусливы... Такие не очень-то любят постигать собственное нутро, поскольку для этого нужны смелость и работа ума.

Ворон слушал молча, напряжённо хмурился, соображал.

Котляр продолжал:

– Наказание, ниспосланное Правосудной, должно было подвести простолюдье к раскаянию и пробудить совесть, но слишком многие, как ничтожные шавки, предпочли на всю жизнь испугаться оттрепавшей руки. Они не умеют, как мы, любить Мать, явившую гневный лик Своим чадам. Зато рады хоть каждый день смеяться над тем, что устроило. Это их тешит.

Опёнок тотчас вспомнил вертепы Чёрной Пятери. Свои шуточки по колено в стылой воде. А ведь впрямь помогало...

– Миряне, – говорил Ветер, – особенно любят внимать, как глумится и навлекает на себя кары кто-то другой, оставляя им лишь удовольствие слушать.

Ворона обдало стыдом. «Я хоть сам складывал... и пел сам... и уж все-то не похабничал...»

– Мне потому и угрозно, что явить руку Владычицы нужно открывом, у всех на виду... а простецы за своего любленика на части порвут, тем паче меня. Что ж! – Ветер вскинул голову. – Вышел чужую бороду драть, свою подставляй.

Ворон всё не смирялся, ему плохо терпелось на месте, он начал топтаться, переступать. Отсиживаться в Кутовой Ворге, ждать вестей... сыто есть, мягко спать, пока где-то за овидью источника убивать станут?..

на части рвать?..

В кипуне со звоном лопнула льдина.

– Учитель, воля твоя... Зачем сам идёшь? Лихаря бы послал, Беримёда...

В глазах Ветра сверкнул грозовой отблеск.

– Будто совладают они! Белозуба я уже посылал... надолго зарёкся! – Он помолчал, содрогнулся, пронзил взглядом ученика. – Белозубу во всех мелочах было сказано, как поступать. А он что учудил? И царят под мою защиту не привёл, и Космохвоста смерти обрэк... Я его самовольство до сих пор толком не расхлебал! Лучше самому гибель принять, чем ещё раз подобной грязью умыться!

Ворону жутко захотелось немедленно вызнать, что именно натворил опалённый, каким образом сгубил царского рынду. Он не посмел открыть рта. С маины тянуло подгнившими водорослями, рыбой, полузабытой жизнью прежде Беды.

Ветер вдруг шагнул к нему, крепко взял за плечи. Пристальный взгляд что-то искал в душе Ворона, в самой её глубине.

– Тебе после меня жить, сын. Мой сын... Я тебе такое скажу, чего даже Лихарь не знает. В покоях у меня, где мотушь лежала, скраден тайник. В нём вся жизнь моя, все сердечные помыслы... Вернёшься один – распорядись честно!

Слушать становилось всё невозможней. Домой без учителя?.. Вовсе ничего не сделав, не защитив? Лучше сразу головой да прямо в кипун!.. От напряжения всех сил Ворона озарила спасительная, счастливая мысль.

– Учитель, воля твоя! А дай вперёд сбегая, огляжусь! Как есть всё разведая, вот! Выслушаю, высмотрю, тебе расскажу! Чтобы ты загодя нужное знал, пришёл да ушёл! Я разведая, а ты разведаяешься! Вот!

Ветер отмахнулся. Посмотрел с жалостью, будто ученик сморозил несусветную глупость.

– Ты? Вперёд?.. С тобой, дикомытом, в лесу весело, на то и взял, а в городе какой развед сотворишь? Две улицы пройдёшь, на третьей вовсе потеряешься, сопли развесишь... Сиди уж в зеленце, не срамись.

Ворон упёрся, насупился, глянул исподлобья:

– Отпусти, не потеряюсь. А потеряюсь, людей спрошу, не захнычу. Меня атя на купилище брал, вот. В Торожиху. Самого гулять с братишкой посылал. Вот!

Ветер смотрел на него, по обыкновению не зная, плакать с горя или смеяться такой наглецкой повадке. Дикомыт в отчаянии ждал рокового отказа, но учитель помедлил... задумался... вдруг щёлкнул пальцами,

просветлел. Крепче прежнего стиснул плечи ученика.

– А ведь и отпущу, сын! Хватит беречь тебя, что птенца слепыша... Лети, Ворон, пробуй крылья! – И улыбнулся: – Правда хоть людей поглядишь, а то, кроме леса, и не видал ничего.

Дикомыт бросился за лыжами, пока источник не передумал, сделал два шага, на третьем его догнал голос учителя:

– Штаны новые вздень, а то срам!..

В клети Ворон перво-наперво слупил kratopolые серые одёжки, к которым привык в крепости, точно к собственной коже. Незачем в городе сразу изобличать себя мораничем и тайным воином! Раздевшись, он вытащил новые штаны, вместо затасканной тельницы натянул Шерёшкину вышиванку. Пригладил ладонями... Не маминого тканья рубаха была, а всё равно – как будто перебрался пером, чужое уронил, сродное на крыльях расправил...

Ветер с усмешкой поглядывал на него:

– Косы дикомытские распустишь или как попало сойдёт?

Ученик смущённо плеснул руками, схватился за гребень. Всё Левобережье убирало волосы по-андархски, он в недосуге чуть не запямятовал.

– А туда же: травка, жаворонки... – поддел котляр. – Ты, небрега, солнце-то помнишь?

– Помню, – кивнул Ворон. Подумал, спросил: – Учитель, как мне сказаться, если спросят там, отколе себя явил?

Ветер кивнул, довольный вопросом:

– Говори, из Нетребкина острожка с дядей пришёл.

У Ворона замерла рука, державшая гребешок, густые тёмные пряди съехали на глаза.

– Из Нетребкина? Так вроде нету такого...

– А кому надо, чтоб был? Это у нас вроде тайного оклика, знающий поймёт, а иным... Иным, коли допытаются, скажешь, дядя со свояком в кружало пошёл, а ты сестре гостинчик присматриваешь.

«Сестре! Надейку порадовать... Как она без меня...»

– Денежек неколико возьми, пригодятся. – Ветер высыпал ему в поясной кошель скупую горсть медяков.

У Ворона не было красивой заколки – связал волосы ремешком. Ощущение сродного пера быстро истаивало. Он вспомнил, вытащил из ворота кармашек с кугиклами:

– Воля твоя, учитель... Побережёшь для меня?

Поклонился, отдал. Ветер не менее торжественно принял снасть, так ладно воспевающую его праотца.

– Ещё вот что... из моего колчана возьми, сын.

Он держал в руке самострельный болт с наконечником, повитым берёстой.

Ворон взял стрелу. Узнал. Сдвинул берёсту. Колющее железко покрывала плёнка. Точно таким болтом котляр некогда уколол его в руку. Таким же, самодурно взятым, Лихарь сократил опасного пленника.

– Яд, – кивнул Ветер. – Что он делает, ты видал. Такого больше не пригодишь, остались стрелы наперечёт. Зря не трать – на крайность даю.

От неказистого болта веяло тёмной силой, глухим, далёким предостережением... Притихший Ворон убрал его в тул, заправил поглубже, хотя и без особой нужды. Перья отличались на ощупь, он знал, что не выхватит по ошибке.

Ветер улыбнулся:

– Дорога зрячая, небось мимо не пробежишь. Сроку тебе даю день туда, день осмотреться, день назад. И ещё один сверху. Потом сам пойду, бавить не стану.

Ворон заторопился:

– Учитель, так и я тоже не стану... Я прямо сейчас побегу, если позволишь!

Когда они вышли из клетки во двор, к ним направился ожидавший большак, но вперёд мужа в ноги Ветру бросилась хозяйка:

– Господин источник высокостепенный! Не откажи... для сынка...

Глаза у неё были наплаканы, руки прижимали к груди спешно собранный свёрток. Из-за угла избы выглядывал меньшой.

– Ты, милостивец, дуру-бабу не слушай, – с напускной досадой перебил большак. – У ней одна стряпня на умишке. Благочестный старец дитя отмаливал ради того, чтобы голодом уморить?

Ветер покачал головой, укорил:

– А ты, добрый друг мой, случаем, не забыл, к кому мы моления обращаем? К Матери, о детях радеющей... Ты встань, статёнушка.

Ворон живо шагнул вперёд, поднял хозяйку. Женщина не сдержалась, снова заплакала, уткнулась в его походный козлик. Опёнок осторожно принял у неё свёрток. Дикомыт не снаряжал саночек, нёс лишь кузов с самым необходимым, но отяготит ли молодецкие плечи гостинчик, собранный матерью ненадёжному и любимому сыну?..

Тремилко, так и не успевший рассказать Ворону о здешних забавах, сорвался с места, подскочил.

– Я тебя, огурника! – рявкнул отец, но опять больше для виду.

Отрок сунул в руку дикомыту припасённое нещечко... И скрылся, пока в самом деле за ухо не схватили. Ворон посмотрел, удивился. Он ждал, что сокровищем, назначенным в подарок старшему брату, окажется выигрышливая бабка. Ошибся. В ладони лежала деревянная ворóба. Разножка, коей выводят круги и шагают по начертаниям земель, отмеряя стезю.

Шегардай

Тропка, бравшая начало близ Кутовой Ворги, не обманула. Всего вёрст через двадцать она влилась в другую, пошире. Здесь холод чуть опустил, самые морозные места остались в стороне, позволили сдвинуть меховую харю с лица. Провожая стужу, понемногу завязалась позёмка, лыжницу стало переметать, но это было не страшно. Шегардайскую тропку, не иначе как раз на такой случай, прокладывали с немалым умом. Выскочишь на Орлиный бедовник – и даже ночью, как теперь, не промахнёшься мимо Конь-скалы. От неё в любую погоду виден голец Сухая Кость, дальше – холм Столбунок. И в серебряной дымке, у самого небоската – высоченный Горелый нос, после которого дорога спустится на лёд.

Стали попадаться следы, вчерашние и постарше. Значит, не ошибся добрый хозяин. В городе вправду чаяли большого торгового дня.

Ворон увидел свежую полозновицу, через некоторое время услышал голоса и вскоре догнал целую семью. С гружёными санями и упряжкой в восемь собак. Взрослые шли пешком, из поклажи, закутанные до глаз, выглядывали двое детей.

– Мир по дороге, добрые люди, – весело мотнул андархскими патлами Ворон.

– И тебе путь дорожка, сынок, – отозвались походники.

Можно было немного поговорить, но Ворон побежал дальше. Он приучит Шургú к постромкам и выючку, чтобы сопровождала его, когда он на орудья будет ходить во имя Владычицы. А после...

Слёзы обидных так и будут литься,
Сильные слабых вовсе сокрушат,
Если за правду с именем Царицы
Тайные братья в мир не поспешат!

Лыжи напрочь перестали касаться крепкого наста. Ворон ощутил крылья, воспарил к облакам, вдалеке увидел с высоты всю свою жизнь. Она была простой и понятной.

Кто утеснять надумал безответных,
Через плечо сначала оглянись:

Стайкой теней, во мраке незаметных,
Дети Царицы рядом поднялись!
Кто нарушает древние законы,
Власть обращая подданным во зло,
Тот на суде Царицы непреклонном
В грязь обмакнёт надменное чело!

Когда-нибудь Правосудная даст ему время и укажет дорогу. На север. На Коновой Вен. В родные холмы. В Твёржу. Туда, где по сей день гадают об участии первенца и не ведают, какой гордой и строгой доли удостоился их Сквара. Быть оружной десницей Владычицы! Нести Её волю! Волчий зуб, лисий хвост...

Мама, атя, бабушка... брат Светелко...

И вот уже пронёсся под сильными крыльями туманный клуб Житой Ростоци. Мелькнули две ёлки, росшие из одного корня. Широкой белой дорогой распахнулась Светынь... кивнули намёрзшими бородами утёсы правого берега...

Брат упорно виделся Ворону всё тем же «маленьким огнём». Хотя парнице наверняка вымахал косая сажень, удача, ате помощник... небось к Ишутке присватался...

Только бы учитель невредимым вернулся из Шегардая. Тогда всё будет. Всё сбудется.

Понемногу светало. Ворон улыбался встречному ветру, знай прибавлял шаг.

Большое островистое морцо, приютившее столицу Левобережья, называлось Воркун. Землю здесь меньше изломало в Беду, чем окрест Чёрной Пятери или возле Невдахи, но дорога, подходившая к городу с юга, почти вся пропала. У Горелого носа езжалый путь в самом деле сворачивал на застывшие хляби. Однако лёд Воркуна, изобильного ключами, стоял ненадёжно. Поэтому дорога, сколько можно было видеть, пролегла сущими локтями, опасливо перебегала от островка к островку. На перегонах через широкие ворги торчали вежи. От жерди к жерди тянулись верёвки. Вблизи и вдали ползли тёмные пятнышки: поменьше – пешеходы, покрупнее – санки с поклажей. Ворон начал было прикидывать напрямки, но одумался. Морцо незнакомое; ввергнешься в воду, намокнешь – стыдобушки не оберёшься и время драгоценное потеряешь!

Возле берега, там, где дно падало в глубину, во льду была выбита

лунка. Ворон подошёл. Заботливо расчищенной проруби придали вид раскрытой ладони, только аршина в полтора шириной. Вода ходила далеко внизу, заплёскивала на гладкие зеленоватые стены. В сторонке торчком, чтобы снегом не заносило, стояла длинная пешня.

Ворон спустил с плеч кузовок, вынул лепёшку, надкусил, разжал пальцы над прорубью.

– Угостись со мной, батюшка Водяной, да уж и пропусти незаказно.

Водица плеснула, желтоватый кружок лепёшки метнулся в сторону и пропал.

Ему сказывали, Шегардай являл себя над закраем необычно, даже чудесно. Приветствуя других путников, уходя вперегон, Ворон жадно вглядывался вперёд, ища туманный горб зеленца. И всё равно Шегардай его обманул, как обманывал многих прежде и после. Взняв на укатанный лоб очередного островка, Опёнок посмотрел вдаль... и увидел, что рассветный небоскат словно истаял. Разобрать, где кончалась ледяная твердь и начиналась розовая небесная мгла, сделалось невозможно. Ворон даже остановился в недоумении. Потом смекнул.

– Ух ты! – в голос вырвалось у него.

Впереди лежал зеленец. До того размазанный и обширный, что взгляд не постигал его целиком, не вычленил из дымки над озером.

Вот, стало быть, он и город.

Путь, на который у людей не считалось зазорным полагать сутки, дикомыт пролетел за вечер и ночь.

Он ударом кайка бросил себя вперёд, хлынул со спуска, побежал дальше.

Ближе к туманной стене Ворон понял, отчего в старину «гостинцем» именовали не подарок, не сбережённое в пути угощение, а наезженный тор, стезю гостей-торгованов. Люди с санками и без санок двигались сплошным ходом. Дикомыт сперва продолжал кланяться то вправо, то влево... погода перестал. Замест взялся пристально наблюдать идущих, ловить обрывки речей, присматриваться к повадкам. Приметил раз или два, как на него обращались украдчивые девичьи взгляды. Задрал было нос. Спихватился: не того ради пришёл.

Вот, стало быть, что такое большой торговый день в Шегардае...

Иные останавливались, выкладывали товары и принимались голосить, зазывая покупателей, даже в зеленец ещё не войдя.

– А кому гребни костяные для кудрей русских, чтобы хмелем вились?

– Налетай, желанные! Горшки звонкие, лощёные, поливные! Сами варят, сами парят, сами из печи на стол прыгают!

Эти продавщики не чаяли захватить себе на торговом юру бойкого места. В Торожихе тоже таких видывали, несмелых и вялых. Люди сворачивали, приценивались, качали головами, шли дальше. Ворону было страсть любопытно, но он пошёл мимо.

– Ишь, народищу! – удивлялись кругом.

– Правда, что ли, Высший Круг аж красного боярина посыльным прислал?

– Если правда, с веским делом, поди.

Ворон внимательно слушал.

На плоском острове, отличимом от ледяных полей лишь торчащими вершинами деревьев, один за другим воздвигались шатры. Там расположился привоз. Путники с большими упряжками въезжали на подворья, ставили временное селение, привязывали собак, перекладывали товар на телеги.

С Привоз-острова вдруг подала пронзительный голос дудка, сипловато отозвались струны гудка. Ворон сразу насторожился, принял на заметку.

«Всё как есть высмотрю, визнаю... Чтобы учитель наверняка...»

В зеленец входили горой. На последних саженьях снега Ворон отвязал лыжи, пристегнул вместе с посохом ремнём к кузовку. Выпустил из-под кушака полы кафтана, подвёрнутые в пути для удобства. Принял самый наглый вид, поскольку в животе начался трепет. Пошёл вместе с сопутниками в туман.

Вынырнул по ту сторону, опять едва не запнулся на ровном месте.

Перед ним была Ойдригова стена.

Высота в ней была хотя далека от той, на которую они лазили по верёвкам, но... некоторым образом чувствовалось, какой мощи была великая Андархайна, когда приводила к дани Левобережье, посягала на Коновой Вен. Прясла, связанные облыми желваками башен, шагали по островам, спускались к воргам, выгибались над водой сводчатыми перемышками для пропуска рыбацких челнов, даже больших парусных лодий... только где они были ныне, те лодьи! В рыжую озёрную рябь спускались заборные решётки, изглоданные ржавчиной, обросшие висячими космами. Одни едва казали себя из каменных гнёзд, другие, перетлевшие, развалились и торчали со дна, третьи косо свисали, съехав до половины...

В самые плящие морозы стена оказывалась прямо в тумане. Сырость увечила её, выбивала камень за камнем, но могучая древняя кладка

сдаваться не собиралась.

– А люди что говорят? Какое такое дело?

– Да всё бабьи сказки передают. Одна жёнка слышала, наместника поставить хотят, другая – боярина невест прислали смотреть...

– Невест? Для кого?

Ворота, принимавшие южный путь, стояли настежь распахнутые. Ворон опустил руку на поясной кошель. О здешних крадунах он был порядком наслышан: тор, да ёр, да третий вор! С надвратной божницы улыбался людям каменный лик. Ворон присмотрелся. Даже сквозь сплошной мох было заметно: чьи-то руки пытались лишить образ мужеских черт, отбить бороду и усы... сделать из Владыки Владычицу. Не справились. На входящих по-прежнему радостно и светло взирал Бог Солнца. С укороченной бородой Он лишь казался моложе. Ворон, как подобало, поклонился Ему. И вошёл.

Многомудрые предки облюбовали для жизни большой островняк в самом сердце широкого Воркуна. А и что бы не жить? Рыба ходит руном, лови хоть с порога, никакой враг укывом не подберётся, и для торга место удобное...

Андархи возвели крепость, поставили обережное войско, учредили губу. Ойдриг Воин, строитель стены, был всего лишь царственноравным. Покорение Левобережья вознаградило его браком с дочерью Хадуга Седьмого. Сделало родителем целой ветви царевичей. Ветвь числили среди младших, но она звалась Шегардайской, и в том была великая честь.

– Слыхали? К лобному месту доски несут, знатную лавку ставят.

– Вечевать, значит, будем?

– Большим вечем, раз дело весомое.

Со времён Ойдрига город пережил многое. Военную славу, время надежд, когда Шегардай видели чуть не северной столицей державы. Потом – ратные неудачи, упадок, насмешливое звание тронного города захолустья. Наконец – Беду с победушками.

И ничего, не запустел, не пропал. Жил себе.

А всё потому, что далёкие праотцы верно истолковали приметы и в самом деле избрали доброе место. Такое, которое Мать Земля позже сполна взыскала животворными кипунами. Не пришлось бросать нажитое, перебираться неизвестно куда.

Ворон шёл всё медленней, изо всех сил храня независимый вид, хотя глаза разбегались. Учитель снабдил его подробным начертанием города, многое объяснил, но из памяти сразу всё разлетелось.

Звуки, запахи, людская галда... под ногами узоры каменной вымостки... знакомая и незнакомая речь... мелькание множества лиц, яркие кафтаны, дома в два-три жилья... расшитые девичьи опашни, вопли нищих, запруженные мосты...

Вот про это Ветер и говорил: «Две улицы пройдёшь, на третьей потеряешься!»

– Невест, говоришь? На что глядеть будут, на знатность или красу?

– Была бы сваечка, а у нас колечек достанет.

– Сваечка, да не простая, а золочёная...

Степенные мужи гладили бороды, усмехались:

– До золотых колечек небось простой сваечки не допустим.

– Станем вечем ополдни, узнаем.

– Твою-то старшенькую мать уже румянит, поди?

Ворон даже шаг придержал. Голова неслась крúгом, хотелось во все пятки прочь, к привычным голосам и зрелищам леса. Зубы сжались сами собой. Дать существо насмешке учителя вместо обещанного разведа было ну никак невозможно.

– А кто, стало быть, наместником сядет?

– Никто в глаза ещё не видал, а наместничью деньгу как есть готовить велят. Продажа, поди, вдвое потяжелеет.

– Пришлют ещё сопливого юнца какого, на шею нам за дедовскую славу, за наши грехи...

Ворон крепко зажмурился, вдохнул, выдохнул, вообразил пятно плесени, кугиклы у рта. Какой лес?.. Понимай, развед уже начался! Смотри, тайный воин, во все глаза, слушай во все уши, запоминай!.. Ворон повёл плечами, гоня судорожь. Наново осмотрелся.

Громадный шегардайский зеленец состоял из множества куполов. Там, где слабо тепло, туман проседал, свешивался длинными бородами. Они были похожи на воронки смерчей, ещё не тронувшие земли. К плёсам, где в рыжей воде клокотало, фыркало и свистело, от ближних берегов тянулись мостки. По ним ходом двигались мужики с большими лагуна́ми, только не деревянными, а клёпаными железными. Мокрые от пара черпальщики наполняли лагуны кипятком. Водоносы кутали их стёгаными чехлами, чтобы не остывали. Поднимали на заплечные крошни, спешили прочь. Разносили по домам обогревки.

– Значит, то ли девку на посад, то ли над нами посаженника...

– То ли всё дело в посад... с разбегу да об телегу!

– Торгуй нынче, пока вольность не отобрали!

– А кто отберёт? Так будто и отдали!

Засмотревшись, Ворон чуть не наступил на пьяного, раскинувшегося прямо на мостовой. Судя по опухшей роже и потёкам блевотины, валялся он здесь едва ли не с вечера. Мальчонка лет десяти размазывал слёзы отчаяния и срама, тормозил взрослого:

– Пойдём, отик... Вставай уже, домовь пойдём...

Беспутник лежал вонючим топляком, не отзывался.

– Эх, жаль Малюту, – сказали сзади. – Справный делатель был.

Другой мимоход тоже покивал, посочувствовал:

– Горе всякого человека ломает.

Ворону не было заботы. Он шагнул уже дальше... валенки прилипли к земле. Неправильно это, мимо ребячьих слёз проходить. Опёнок вернулся, подцепил пьяного за плечи некогда нарядного зипуна.

– Далеко живёшь, малый?

– А вон там! – обрадовался парнишка. – Где угол Третьих Кнутов!

Двор валяльщика Малюты вправду оказался в полусотне шагов, Ворон и вспотеть не успел. Мальчонка распахнул калитку. Когда-то здесь всё было изобиходовано на добро и любовь, на долгую жизнь, детям, внукам, правнукам. Крепкий нарядный дом на людном тору, большая ремесленная...

– Куда его? – спросил Ворон, затаскивая пьянчужку во двор.

Мальчик вытер нос кулаком:

– Тут оставь, дяденька. Я умою, да и проснётся... Спасибо тебе.

«Дяденька»! Ворон засмеялся, почувствовал, как насовсем отбегает страх перед городом.

– погоди, – сказал он. – Дай отрезвить спробую. Тебя как люди хвалят?

– Верешко́...

– Гляди, Верешко. Небось пригодится.

Ворон крепко взял Малюту за уши. Принялся драть.

Во дворе войлочника полагалось бы стоять крепкому запаху мокрой шерсти, мыла и кипятка, но здесь веяло лишь чешуёй да водорослями с морца.

– Давно он так у тебя? – спросил Ворон.

– А как маму Родительской улицей проводили...

Верешко стал рассказывать. Уже полгода минуло с похорон, Малюта всё топил печаль в кружке, а та никак не тонула. Только работников делатель вскоре лишился. И войлочные ковры из его ремесленной давно уже не выходили. Ныне помалу таскал в кружало всё нажитое. Так дело пойдёт, в доме на Полуденной улице поселятся чужие люди, а Малюта

с сыном по миру побираться начнут...

– Дяденька, – несмело проговорил Верешко. – На своё подворье идёшь или, может, где заночевать надо?..

Малюта недовольно замычал, шевельнулся, начал открывать глаза.

– Я на день всего, – сказал Ворон. – Мы с дядей из Нетребкина острожка прибежали, вечере назад пустимся.

Он был бы рад ещё чем пособить славному пареньку, но зря ли говорил Ветер: всех не спасёшь. Учись миновать людей, когда орудье Владычицы нас мимо ведёт...

Ворон распрощался, вновь вышел в уличную суету.

В больших деревнях, куда он прежде захаживал, бывало по одной улице, много – по две. Богатая купеческая Торожиха выхвалялась аж тремя.

А здесь!..

Накануне Ворон рассматривал начертание города, но вчуже. Пока сам не увидел, не окунулся – толком не верил. Улицы даже имели наименования, чтобы люди не путались. Первые, Вторые, Третьи Кнуты, Царская, где-то дальше – Позорная... Имелась Большая, не менее четырёх Средних, с полдюжины Малых. Мыслимо ли упомянуть? А куда денешься, ведь они здесь, в Шегардае, небось и друг дружку не все знали по именам...

В лес тянуло по-прежнему, однако встреча с сыном пьянчужки заняла руки делом. От этого всё чудесным образом изменилось. Душа словно высунулась из-под крыла, затеяла озиаться. Всё более ободряясь, Ворон пересекал по мостам ворги и ерики, любовался, тешился чудесами стольного города. Полуденная улица постепенно вела его к Торжному острову.

Стороны проезда гуще прежнего обрастали лотками. В толпе сновали шустрые коробейники, продавцы снеди ловко несли на головах деревянные ночвы, полные лакомств.

– Пирожки пряженные!

– Загибеники знатные! С требухой, с сыром, с молоками, налетайте, гости удатные!

– Шанежки, шанежки обливные, единым духом съестные!

– Ватрушки с кашей, хотят в животы ваши!

– Бублики дроблёные, сканные, кручёные, в кипятке верчёные, сам бы ел, да деньги надо!

В брюхе немедленно заворчало, уличное угощение показалось самым вкусным, что на свете встречается. Срок, отведённый учителем для разведки,

худо-бедно на ногах выдержать было можно. А вот без еды... Ворон повёл носом за бублейником, стал прикидывать, как бы обратиться к нему.

– А наместник-то, люди истинно говорят, собою отрок безусый...

– На то хотят окрутить его нашенской невестой, с городом повенчать.

– И девку жаль, и парню несгодье!

– Да неужто разумницу не найдём, чтоб о наших вольностях по ночам ему куковала?

За углом тренькнули струны, натужно зашипела пыжатка. Донеслось пение. Ворон сразу всё позабыл, сердце стукнуло: скоморох?

«Проследишь, куда пойдёт, – наставлял Ветер. – Где задержится, с кем разговор заведёт...»

Пока дикомыт храбрился свернуть с широкой Полуденной в боковую Малую, казавшуюся узкой и грязной, пока запоминал приметные узоры мха на резном камне, гудилы сами вышли навстречу.

От сердца почему-то враз отлегло.

Ни гогочущих позорян, ни матерчатой занавеси, чтобы выставлять над ней пятерушки. Не скоморох со свитой – простые кувыки. Один слепой, другой колченогий, третий горбатый. Обычным выглядел только щуплый подросток, пособлявший безокому. Тот, рослый, широкоплечий, так тискал пыжатку, словно не выдувал, а выдавливал из неё голосницу. Хромой, не выпуская костыля, теребил надтреснутое посрамление гуслей. И все, кроме дудочника, блажили – заунывно, вразброд:

Люди добры, дайте грошик...

Есть охота, дайте грошик...

Ворон вздохнул, отвернулся, перешёл на другую сторону, откуда слышалось громкое:

– Лапотки заморские, семи шелков, надел и был таков, царский сын и то не побрезгует, оборы завяжет, спасибо скажет... Поспешай, желанные, всё испродали, три пары последние задёшево отдаём!

«Последние? Надейке, что ли, купить... семи шелков, это как?»

Подступиться к чудовым лапоткам не удалось. Рука сама пала к поясу, сцапала узкое жилистое запястье. Маленький поводырь, оставивший своего слепца ради лёгкой, как ему казалось, поживы, рванулся с неожиданной силой – но куда! Этот хват самого Беримёда, бывало, капканом держал.

Пойманный глядел зло и так, словно это Ворон на него первый напал.

– Орать стану, – предупредил он низким, вовсе не мальчишеским

голосом. – Всю улицу всполошу, на выручку позову!

– Зачем? – позволяя выпрямиться, спросил Ворон. – Я тебе костей пока не ломаю...

Пальцы между тем ощутили на тонкой руке мужские грубые волоски. Опёнок присмотрелся. Коротышка был ему верстой, если не старше. Соразмерно сложенный, не каженик какой с большим телом на кривых ножках. Просто маленький. Дикомыту примерно до середины груди.

– Что глаза лупишь? – прошипел тот. – Урода не видел?

Ворон пожал плечами:

– Уродиться премудрость невелика. А вот снастям гудебным кары творить и красный склад увечить, как вы, этого без великого труда не можешь.

– Насмешничать всякий горазд! – ощерился коротышка. – Тебя где высидели, больно умного?

Ворон хмыкнул:

– А в Нетребкином острожке, у реки Нетечи, за лесом Нехожалым... – И развеселился:

Люди добры, дайте грошик,
А не то съедим всех кошек!
Дом сгорел, сломался ножик!
Ни порога, ни окошек!
Каша есть, да нету ложек!
Люди добры, дайте грошик!

Всё было радостно и забавно, всё удавалось. Дикомыт засмеялся, разжал пальцы. Коротышка исчез, словно провалился сквозь мостовую. Ворон пошёл дальше.

Когда Полуденная улица приблизилась к Царской, он встал на распутье. Даже помедлил на очередном мосту, прикидывая, как быть. Направо пойдёшь – и вот тебе Торжный остров, увенчанный развалинами дворца. Большой, людный, шумный, точно птичье гнездовье. Там, может, уже хаёт Владычицу и мнит себя ненаказуемым пятерушечник. Налево пойдёшь – упрёшься в западные городские ворота. Ими, по нерушимому обыкновению, в Шегардай въезжали цари.

Глянуть бы хоть одним глазом на древнюю каменную подвысь, с которой взял начало котёл... Подойти, поклониться, обойти посолонь...

Иначе дома насмешками в подпол загонят и носа высунуть не дадут. В Шегардае, скажут, побывал и к святым камням кровавого пальца не приложил? А не за кустом ли у Кутовой Ворги с начала до конца просидел?..

Ворон постоял, потоптался... свернул вправо. Туда, где гудела, юри́ла, выплёскивалась из берегов торговая площадь. Учителю – первый долг. Даже поклонение обождёт.

Воровской ряд

Прежде у Шегардая было сердце. На Торжном острове, за не слишком основательным тыном, возвышался дворец. Понятно, гораздо скромней фойрегского, где от века стучало сердце державы. Однако ситчатое кружево полотенец и серёг кровли, резьба деревянных подзоров красного крыльца славилась на всё Левобережье, а острую маковку терема, говорят, видно было аж с Горелого носа.

Предание называло маковку золотой, но воочию в том убедиться теперь было нельзя. Шегардай не сберёг царской чести. После Беды, когда жизнь стала быстро скудеть и сделалось ясно, что Эдарг с домочадцами не вернётся, дворовые слуги сперва опустошили погреба с припасами, потом разбежались, прихватив драгоценную утварь. Обезлюдевший дворец горожане потихоньку ободрали изнутри и снаружи. А там вовсе разбили, пустив гордые хоромы на дрова. Сгорел в печах терем, сгорели ступени, хранившие поступь царей и первых котляров. Остался неколебимо стоять лишь каменный подклет. Он был тёмен и склизок от сырости. Туда с торга бегали по нужде.

– Едет, говорят, малолетний посаженик из царственноравных...

– Малолетний? Да кто его возвеличил? За что?

– Про то не ведаем, а вот то, что он дочь купеческого старшины берёт за себя, – это правда святая.

К той поре, когда Ворон достиг Торжного острова, в брюхе пело уже так, что он был способен замечать только съестное.

Вот сбили глиняную обмазку с крышки большой андархской печи. Из настоявшегося горнила рванул пар, начал истекать одуряющий запах жаркого. Дикомыт захлебнулся слюной: приспешники руками в толстых рукавицах перебирали цепь, вываживали связку румяных гусей, поддон натёкшего жира. В шкворчащий жир сразу начали бросать куски хлеба, для тех, кому сочное мясо встанет дороговато.

Подальше снимали мякоть с костей цельной козы, приготовленной такой же способности. Сочные лопасти мяса крошили на просторной колоде со столницей, сдабривали горлодёром, кислой капустой – и закладывали благодать в круглые лепёшки, ловко взрезанные карманом. Пышащие чинёнки расхватывали прямо на месте, оставшиеся выкладывали на ночвы и, взяв на плечо, несли по рядам.

– Налетай, не зевай, с пылу с жару, ни закалу, ни пригару, соколами

в рот залетают, на языке тают, брюхо радуют, мощне легченье творят...

Ворон постоял, посмотрел, как мелькали в проворных руках широкие блестящие тесаки, иссекали нежную мякоть... Пошёл дальше. Он хорошо если второй раз в жизни видел снесь, покупаемую за деньги. И уж точно впервые собирался есть без всякого вежества, на ходу, даже не поблагодарив как следует варю, ибо та, мельком глянув, успела отвернуться к другому покупщику... Живот требовал своего, но решиться было непросто.

– Какую ещё купеческую дочь? Мостки-то под ногами не разойдутся?

– С чего бы?

– С того, желанный, что не купеческую, а Твердилы, кузнечного старшины.

– И верно: девка красавица...

Ещё дальше манили к себе саморыбные рундуки. Ворон загляделся на ломти жареной сомовины, стал уже слушать разговор у прилавка, чтобы не вовсе дураком подступиться к сидельцу... В это время сзади наплыл ещё запах. Ворон принюхался... ноги сами повернулись, зашагали в ту сторону.

Там на огромных горшках, закутанных валяными полстями, сидели толстые, тепло одетые бабы. Себе гузно грели и каше со щами не давали остыть.

Одна баба, самая дебелая, шуровала кочергой в переносной жаровне. Над углями шипела глиняная сковорода. Толстуха лила тесто, ловко переворачивала блины, наполняла то крошёной рыбой, то сладким пареным борканом... то чем-то белым из поливного горшочка. Ворон подошёл. Если глаза и нос его не обманывали, в горшочке была сметана. Правская сметана. Густая. Жирная. Тягучая...

Брюхо совсем прилипло к спине. Голова закружилась.

«Тайный воин всё обязан уметь. Даже у чужих людей еду покупать. Чтобы ноги назад к учителю донесли...»

– Будь здорова, как вода, тётенька! Сколько просишь за блинок со сметаной?..

Лакомство, кажется, вовсе не достигло желудка. Истаяло прямо в горле, рассосалось по жилкам. Подбирая с ладони последние капли сметаны, Ворон начал замечать несытые и лихие глаза, шильями колющие с разных сторон. На торгу было полным-полно побирušек. Одетых в обноски, в рогожу, в лоскутные гуньки, стянутые мочалом. Обутых в тряпичные опорки, вовсе босых. Серые, потёртые людишки кланялись прохожим, каждого величали, подставляли горсти для подаяния...

В нарочитом унижении крылся лютый укор, закоснелое злобство ко всякому, кто выглядел хоть немного достаточней. Если «добрый господин» не останавливался, в спину летело:

– Чтоб тебе, скупердяге, свело брюхо коробом, спину жёлобом...

И смотрели так, словно каждый горожанин и гость, у кого завалился в кармане хоть грошик, должен был немедленно им этот грошик отдать. А уж кто блин горячий жуёт и поделиться не хочет...

Ворон выпрямился, надменно разгладил усы. Ещё мальчишески редкие и, по его мнению, зазорно мягкие. На Коновом Вене одетого в нищенскую рогожу считали отрёкшимся от людей. Если руки есть, почему тянешь их за подачкой, почему топор не берёшь, новую жизнь не возводишь вместо порушенной? Особенно после Беды?..

Думал об этом Ворон недолго. Его гораздо больше заботило, где уже наконец пятерушечник, отчего не выходит хабальничать. Срок, назначенный Ветром, вдруг стал казаться слишком коротким. Он не увидит скомороха, ничего не разведает. И что ему делать, если он так ничего и не разведает?.. С чем возвращаться?..

В животе сплотился противный комок.

Достойный подарок для Надейки тоже был где-то здесь, но на глаза не попадался, в руки не шёл. Изобилие торга повергало в недоумение хуже скудости. Чем потешить бедную девочку, лежащую в боли, в стыде, в гноище несвежих повязок? Жемчужными переливами раковины, выловленной в омутах Воркуна? Резным гребнем из лосиного рога? Наручнем с голубыми бусами – на исхудалое запястье надеть?..

Всё казалось пустым, никчёмным, но как побывать на знатном торгу и, вернувшись, ни мелочишкой калечную не подарить?

Ворон в сотый раз пересчитывал свои медяки, приходил в отчаяние, корил себя за угождение чреву. Блинок, такой вожденный и так скоро исчезнувший, ополовинил мошну.

«Небось хорош был бы и с бубликом – на голодный зуб положить...»

Теперь к тому, что вправду поманит, поди, будет не подступиться. И кивнуть не на кого, сам виноват.

– Что творится-то, люди добрые, а?

– Вечем встанем! Вольности отстоим!

– Да от кого?

– А бают, желанные, весной уже встречать нам посаженника от Высшего Круга.

– Сам едва не в пелёнках, зато окольных кромешная тьма,

и ни к единому без горячего пирога не подойдёшь!

Горожанам докучали свои дела, Опёнку – свои. Он мало не рассмеялся, увидев прилавок скальника и на нём кипу ровных берестяных листов. Рядом шуршали, постукивали на ветру цельные сколотни, снятые с деревьев потоньше. Во дела чудовые! Кто ж за деньги покупает то, что даром берут?.. Призадумался, понял. На островах рядом с Шегардаем лес свели почти наголо. Эту берёсту привезли с матёрого берега. Кому письмо написать, кому повить разбитый горшок, кому босовики выплести...

Ворон вдруг зевнул. Глаза стали слипаться. Да не оттого, что всю ночь на лыжах бежал. В крепости, бывало, ещё и шибче гоняли... Он прислушался к себе. Это город наваливался на него, слишком шумный, слишком разнообразный. Рассудок захлёбывался с непривычки. Вбирать вбирал, а вот проглотить... Ворон понял это, потому что его научили слушать себя и уяснять, что творится.

Лекарский ряд, где торговали целебными мазями и порошками, он прошёл без особого любопытства. Вряд ли здесь продавалось что-нибудь на пользу Надейке. Такое, чего в Чёрной Пятери не найдёшь. А вот нарваться на бесстыжего надувалу с сушёными тараканами от всех лихорадок – запросто!

Лишь бросилось в глаза, что тут, как и всюду, товар, выставленный на самом бою, стоил дороже, чем сходный где-нибудь в зауголке.

– ...воровской ряд, – долетело до слуха.

Ворон сперва подумал: вот именно. Спohватился, понял: ослышался. Не может же быть, чтобы где-то здесь среди бела дня кражу всякую продавали?.. Повернул голову. Мимо неторопливо шагали двое мужчин. Пристойно одетые, основательные, спокойные. Не ухо-парни какие с бегающими глазами. Один держал в руках хорошие сапоги, самое то, что нужно для слякоти.

– Переплатил ты, брат, – щупая рыбью кожу, огорчился второй. – Я в воровском ряду точь-в-точь видел, самую малость ношенные. Ты почём взял?.. Ну вот, а там вдвое дешевле.

Сразу захотелось узнать, где тот ряд. Придумать бы ещё, как дорогу спросить, да чтоб язык не отсох! Ворон отметил про себя: поминая увиденные сапоги, говоривший слегка мотнул головой. Сам того не желая, указал в дальний угол у берега. Ворон поднялся на цыпочки, вытянул шею. Увидел, пошёл.

Толичко погляда ради, конечно. Не силком ведь раскошеливаться

заставят.

– Совладали с Бедой, совладаем и с позадицей при наместнике...

– А ты, желанный, уверен ли, что с Бедой совладали?

– Так живём вроде.

– Жить живём, да туча всё реже от стены отдаляется. Ты разве не замечал?

В черевах булькнуло, перелилось из кишки в кишку...

Снова донеслось пение. Дикомыт оглянулся быстрее, чем следовало, но увидел всего лишь старых знакомых, тянувших враздрайку:

Люди добры, дайте грошик!

А не то достанем ножик!

В устах безобидных кувык угроза была смешной и весёлой. Ворон не выдержал, подтянул:

Наша рать молчать не может,

Уши песнями корёжит,

Вы их пальцами заткните

Да с мосточков бултыхните.

Мы потешники-гудилы,

В дудки дуем что есть силы,

Доведём вас до расплошек,

Так что лучше дайте грошик!

Маленький поводырь завертел головой, приметил Ворона. Покраснел, насупился, отвернулся. Стало ещё забавнее. Народ смеялся, бросал коротышке в торбу кто кусок снеди, кто мелкий медяк.

Ворон продолжал держать ухо востро и вскорости понял: воровской ряд не для красного словца так назывался. Торговали здесь исключительно тётки в кручинных вдовьих уборах. Каждая – с оравой детей, мал мала меньше. Дикомыт только начал озиаться в поисках чего-нибудь для Надейки, когда мимо пробежал ремесленной внешности мужичонка. На сермяжном заплатнике – россыпь мелких опилок. Ворон по себе знал, до чего они цепкие. Всядут – не вышибешь, сколько ни колоти.

– Подушка у тебя под головой не вертится, Моклочиха? – обратился

мужичонка к торговке, сторожившей на земле кучку разношёрстного хлама, прикрытого сверху рогожей. – Третий раз у тебя сручье кровное выкупаю!

Нагнулся, выдернул из-под рогожи старую, хорошо разведённую ножовку. Сунул торговке в лицо.

– А я при чём? – куда громче нужного, чтобы слышало побольше торжан, вскинулась Моклочиха. И как пошла ныть, Ворону аж захотелось уйти, пока зубы не разболелись: – А я что, я же горькая вдовинушка, сирая сиротинушка, в людях обидная, мне ночью в двери стук, мешок на порог и за выручкой назавтра придут, а я что, мне и дом запалят, если не испродам, а я сирая вдовинушка, мне на малых детушек...

Мужик сморщился, плюнул, сунул торговке несколько монет, спрятал под полый вырученную пилу и был таков – дело делать. Зимний день короткий, а хлеб за брюхом не ходит.

Тётка буркнула ему в спину:

– Сам следи другой раз, куда сручье кладёшь, зеворотый!

Ворон окончательно понял, что самомалейшей зги здесь не купит. На что Надейке дешёвое колечко или серёжки, по коим сейчас уже плачет какая-нибудь несчастная девка? Утирается, нянчит в горсти ушко, намятое родительскими перстами: не сберегла, окаянная!

– А дружина у него – всё кромешники, обидчики, окаянники лютые...

– Откуда ж нам на голову взялись?

– Да обсевки царевичей, отцами отвергнутые, от матерей проклятые.

– Охти! Совсем глушью нас считают, ребят справных не шлют...

Дикомыт почти надумал уйти, но берег, где шептался, таил глаза воровской ряд, выводил к широкому плёсу. Ворон спустился к самой воде. Вот это простор!.. Маина в Кутовой Ворге здесь показалась бы лужицей. За ржавым разливом был виден самый гнилой, подветренный, северо-восточный угол зеленца – Дикий Кут. Движение воздушных масс стягивало туда всю сырость, проливая её почти непрерывным дождём. Строиться в Диком Куту можно было, разве от смерти спасаясь. Зато эта часть Воркуна, измелевшая, густо заросла кугой. Самой настоящей! Можно пойти, нарезать стеблей, сотворить простенькие кугиклы, подарить коротышке-поводырю...

Над шелестящей куговиной неохотно взлетали дикие утки. Однажды не откочевав, они со временем стали раза в два крупней против прежнего и тяжелы на крыло. Вот выдвинулась гребная лодка, кто-то в нарядном кафтане и шапке с длинным пером натянул лук... Полуголый кощей, увязая в жиже, полез доставать сбитую дичь.

Ворон посмотрел ещё, прикинул ближние подходы к Дикому Куту.

Отложил на потом. Комок в животе беспокоился, крутился уже вовсе нехорошо. Эх, не впрок пошёл блин, на который так зарились нищие!.. Ворон начал горестно коситься на остов дворца. Телесной нужде заплоты неведомы, а обратно до ворот успеется ли добежать?.. Да и торг покидать, где вот-вот явится злодей-скоморох...

К началу воровского ряда между тем подходили три человека. Один, невысокий, в простом зипуне, двигался со старческой медлительностью, опираясь на посох. Ворон сперва отметил, как кланялись ему люди, даже горластые торговки. И лишь потом различил наверху посоха: трилистник Владычицы.

«Благочестный!.. – осенило его. – Святой старец! А который при нём Другонюшка?»

Впереди старика, как бы расчищая дорогу, выступал рослый молодой жрец. Он нёс волосы гладко убранными со лба, прямые, очень тёмные, даже не чёрного свинца, как у Ворона, – инно впросинь. Пряди на висках серебрились, что редко бывает у таких молодых. Он смотрел недовольно, взгляд обшаривал рогожки торговок.

«Неужели у святых людей, причастных слову Мораны, тоже что-то стянули?..»

Позади старика, навьюченный большой сумкой, поспевал мальчик.

«Хоть и нет в воровском ряду правды, а всё не зря Справедливая сюда привела», – обрадовался дикомыт.

Худенький отрок шёл, завесив лицо тряпицей, накрест связанной на затылке. Слово от мороза прятался, хотя какой мороз в зеленце? Ни носа, ни щёк, только блестели ясные, улыбчивые глаза.

Ворон заторопился навстречу.

Жрец с учениками остановились возле той же Моклочиhi. Старец коснулся посохом рогожи, торговка потянулась поднять. Черноволосый вдруг простёр руку, указывая прямо на дикомыта... да как заорал на весь Торжный остров:

– Держи вора!

Опёнок чуть не подпрыгнул: какой я тебе вор?.. – и тут же заметил краем глаза тень, метнущуюся к подклету дворца. Похоже, крадун так ждал барыша, что не смог дотерпеть какое до завтра, даже до вечера. Толокся подле Моклочиhi: скорей забрать медяки – и в кружало! Только вместо калачей и пива самому закалачили руки, сдёрнули шапку. Пригнули к коленям буйную голову, поволокли прочь. Воровской ряд шегардайцы терпели ради надежды пусть за выкуп, пусть через два раза на третий, но возвратить уворованное. А вот пойманному крадуну щады никакой

не давали.

– Попался, Карман? – приговаривали мужики. – Кончилось раздолье, нынче на кобыле поездишь!

Согнутый в три погиба вор невнятно кричал, правился. Ему никто не верил, конечно. Как из-под земли выросли стражники в одинаковых, синего сукна свитах и таких же колпаках с красными, заметными околышами. Забрали Кармана, смазали по сусалам, чтоб замолчал. Увели.

Ворон сделал к единоверцам шаг, сделал другой... на третьем повернулся и споро заспешил прочь, пытаясь не сорваться на бег. А не ешь на чужом торгу лакомства, неизвестно кем приготовленные! Боком выйдут!..

Он вбежал в сырые каменные закоулки, уже мало что замечая кругом, напрочь позабыв всякий стыд. Рука дёргала гашник, там же пребывала и вся душа. Некогда чистый подклет, где стояли бочки с репнёй, грибами и рыбой, где хранились до нового урожая редька и яблоки, теперь был загажен так, что не вдруг ногу поставишь. И отовсюду смердело, хоть совсем не дыши, а куда денешься?

Сунувшись в очередной зауголок, Ворон чуть не налетел на мужчину и женщину. У неё бабьи косы зазорно свисали из-под волосника, по щекам размазались пятна дешёвых румян. Непутку мял, тискал, вжимал в стену кряжистый мужик в шубе с воротом из собачьих хвостов. Ворон шарахнулся, рванул прочь, заскочил ещё в какую-то совсем глухую камору...

Тут уже осталось только погибнуть. Ворон бросился в угол... Проклятый блин покидал тело судорожными, мучительными толчками. Перед глазами вдруг начало меркнуть, поплыли тёмные пятна. Опёнку взгадило, пришлось ещё и нагнуться, он понял, что до конца дней своих вовсе никакой снеди в рот не возьмёт... Желудок чуть не выскочил вон заодно с отвергнутой пищей, но постепенно дурнота отпустила. Страдалец кое-как отдышался, утёрся, встал, поправил одежду. Огляделся.

Стену напротив украшал выцарапанный рисунок. Голая баба во всей славе зрелого женства, изрядно приукрашенного чьим-то несатым воображением. Впрочем, тот, кто здесь трудился, не просто похабничал. Рядом с пышной красавицей был изображён сам рисовальщик. Да не в любовной ярой готовности, а заневоленный и несчастный, привязанный к наклонной скамье. Палача с кнутом неведомый обречённый изобразить не успел, зато присутствовала строка андархской скорописи:

«Станет эта кобыла брачным ложем моим...»

Вече

Маленький ученик жреца всё-таки отстал от своих. Он знал: благочестный вновь опечалится, будет журить. А Люторад обзовёт бестолочью. Спросит, не соскучился ли безымянный по родной волюке. Придётся каяться, опускать винную голову, но... мыслимо ли не застрять у лобного места, не заморозиться умением плотников, возводящих почестную лавку для кутных старшин?

Думающие большаки выходили советоваться с господином Шегардаем лишь по самым важным делам. Третьего дня люди видели, как в город – с окольными и на гнедом коне! – въехал важный вельможа. Взял место в самом чистом постоялом дворе. Порывался выдворять оттуда всех иных пожильцов. Молва уже разнесла имя красного боярина и то, что у него успел перебивать весь городской почёт. Ныне, стало быть, решились объявить дело. Послушать, что народ скажет.

Заботы волостелей не слишком занимали безымянного ученика. Счастье было в ином: дюжие древоделы вынесли к лобному месту резные древние доски и сопрягали их, бережно сплавивали ударами киянок. Выступ находил вырез, зуб входил в паз... беспорядок на глазах сменялся порядком осмысленного целого. Всякий раз, видя подобное, мальчик отрешался от суеты окружающего, замирал открыв рот, принимался мечтать. Что-то стучалось в рассудок, просилось на свет, обещая чудо и радость... увы, слишком невнятно. Вглядишься попристальней – ускользнёт, как растаявшая снежинка с ладони.

– Можешь ли гораздо, Другонюшка, – промолвил негромкий голос над ухом.

Унот вздрогнул, обернулся. Сзади стоял долговязый парень с лыжами и кайком, притороченными за спиной. Широкие запястья, гибкая, подвижная сила... Был бы суцая гроза, кабы не улыбка. Парень сказал ещё:

– Я тебе, Другонюшка, привет принёс от родимцев.

Отрок тотчас забыл и свои мечты, и знатную лавку.

– От мамы? Как ей можется?.. – Опамятовался, повёл рукой. – Да что ж стоим, идём к нам, в дом Милостивой... Присядешь с дороги, поешь! Ты сам откуда, желанный?

Парень расплылся ещё веселее, сощурил впрозелень голубой глаз:

– Я-то? А из Нетребкина острожка.

Было видно, как Другоня под платком лишь безмолвно пошевелил

губами. Уговорное слово объявляло тайного посла Наказующей. Его ни о чём нельзя больше спрашивать. И к себе вести тоже нельзя. Можно лишь слушать, что скажет. Помогать, если велит. Ему – воля!

Моранич спустил наземь укладку, стал развязывать короб. Вспомнил, запустил руку в поясной кошель.

– Вот, покуда на памяти... меньшей братишка готовальничек передал.

Другоня принял воробу, глаза ни с того ни с сего защипало, пришлось жмуриться и моргать.

– А вот от матушки, чтобы с городских снедей живот не схватило.

В руки лёг промасленный свёрток, пахнувший домом.

– Сучилища ваша, – продолжал необыкновенный моранич, – сама бела, на боку пятно жёлтое...

– Звонка? – испугался Другоня. – Как она, старёхонькая? Жива ли?

Ворон рассмеялся:

– Щенков родила на ветхости дней. Сказывают, от Парата. – Не стерпел, хвостнул: – Отик твой моему... – Осёкся, выправился: – Вечорась подарил одного.

Другоня решился посмотреть ему в глаза, попросить:

– Ты... ты щеня береги... Мамонька моим рождением с белым светом прощалась, а у Звонки молоко взяло пошло, подложили ей к брюху, тем и окреп.

Ворон любопытно спросил:

– Малый при старце... тот, что вора кричал... Он тоже во имя Владычицы безымянный?

– Что молвишь, желанный, ему никак нельзя рожное имя слагать, – испугался Другоня. – Это Лютомера Краснопева святого родной сын, Люторада!

Ворон покачал головой, подивился:

– Что ж он недовольником ходит, точно ему сапоги жмут?

Унот даже оглянулся на всякий случай. Озорно блеснул глазами, хихикнул:

– Он... а он правда недовольник. На служение хочет, в след отца. А старец всё не пускает. Говорит, Люторада недоволен в праведном деле, искусства жреческого не постиг.

Ещё старшему ученику без конца досаждал «собачий выкормыш», но об этом поминать не стоило. Чего доброго, мама проведает, загрустит.

– У нас тоже такой есть, – весело отозвался моранич. – Слышь, правду, что ли, бают, будто после Беды люди в город бежали, а тут от них затворились?

Другоня опустил взгляд. Эту старину в Шегардае редко вспоминали, стыдились.

– Правду.

– И то не врут, что твой старец...

Другоня улыбнулся:

– Не врут.

Жрец, тогда уже весьма почтенный годами, велел крепким унотам спустить себя со стены. Пошёл к беженцам... И с ними встал, обнажив белую голову, у чтимых Последних ворот, видевших святую царскую милость. Долго, сказывают, стоял... Однако шегардайцы усовестились. Вынули запорный брус из проушин – да так обратно и не вложили. Вытесали из него основание для знатной скамьи, чтоб память была.

– Я бы поклониться подошёл, – сказал Ворон. – Но куда, мне в острожок обратно бежать.

Другоня рассудительно кивнул. Орудий воинского пути он знать не знал и ведать не ведал. Только то, что они бывали страшны.

Народ тем временем зашумел, стал тесниться. На площадь, стуча посохами, важной чередой вступали большаки. Кутные, ремесленные, от купцов. И жреческие, конечно, ибо в городе продолжали чтить немало Богов. Круг Мудрецов давно присоветовал отдавать Моране первый поклон, но где Круг, а где Шегардай!

Ворона и Другоню оттёрли в разные стороны. Дикомыт поспешно вскинул на плечи кузов, хотел было протолкаться к малышу, но оставил. Учитель ему не велел особо тереться подле единоверцев. Незачем. Тайный воин Владычицы должен быть тайным. А у Ворона и так пока не особенно получалось.

– Внемли, добрый господин Шегардай! – гроыхнул над людским множеством голос Окиницы, старейшины рыбаков. Мужичонка он был не из самых видных, щуплый и кривоногий, зато голос – на троих рос, одному достался, зычный, гулкий. Ещё бы, кричавши-то с лодки на лодку. – Внемли и рассуди, господин Шегардай! Бьёт тебе челом красный боярин Болт Нарагон, посланник Высшего Круга!

«Нарагон?..»

Глаза округлились, дикомыт вытянулся как только мог. Сзади ругнулись, обозвали волопёром, он не услышал. Какой там шегардайский почёт, какое державной важности дело, столь гордое, что лишь красному боярину рука его оглашать! Ворон постиг только то, что сейчас увидит брата учителя. Единственного уцелевшего.

Вот появился...

До чего же похож!.. И – ни капельки не похож...

Болт восходил на подвысь медленно, щёки цвели гневными пятнами. Он ведь оговорил с глашатаем, как тот объявит: «...с делом к тебе». И что? Рыбак, привыкший рассуждать о плотве, вышел к людям и бухнул обычное: «челом бьёт». Взяли волю после Беды!

В отместку Болт забыл поклониться четырём ветрам, как вроде бы велел здешний порядок. Если из-за этого отвергнут и всё оружие, с коим он прибыл, – да пусть. У него поважней забот нынче в избытке.

Он долго расправлял и разглаживал свиток. Ещё дольше поправлял шапку с глазастым павлиньим пером.

Люди ждали. О сути привезённых вестей судачили и пересуждали на все лады. Сейчас всё прояснится.

– «Славный господин Шегардай, – начал наконец Болт. – С земным поклоном к тебе, батюшка, малые дети твои от чресл Эдарговых, от праведного семени Ойдригова: царевич Эрелис и милая сестра его, царевна Эльбиз...»

Площадь вымерла. Проглотили языки даже самые говорливые. Аж стало слышно, как над разливом ссорились чайки и в дальнем углу воровского ряда перекликались торговки. Тишина длилась.

– Кто-кто?.. – наконец спросил одинокий голос неподалёку от Ворона.

Поднялся было шум. Болт откашлялся, с видимым удовольствием повторил:

– Сиротки ваши, царевич Эрелис да царевна Эльбиз.

Вече наконец поверило, что ослышки впрямь не было. Людской сход закипел белым ключом:

– Так Йерел живой?!

– А мы горевали: миновалось славное племя...

– Не врала, значит, молва.

– И Ольбица, чадунюшко наше!

Ворон прислушался, удивился... понял: Эдарга с домашними здесь вправду любили. Чего бы ради горожанам толмачить имена царят на родной язык Левобережья, как не затем, чтоб звучали поласковей?

«Дядя Космохвост, внемлешь ли? Целы твои подкрылыши... не зря ты жизнь положил...»

Люди говорили все разом. Слухи о малолетнем наместнике, с коим почти уже окрутили дочь кузнеца, забылись как растаявший снег. Каждый хотел докричаться, вызнать насущное.

– Слышь, боярин! Ты сам-то видел царят?

Болт неторопливо кивнул:

– Как вас вижу, так их перед собой видел.

– И что? Похожи на отца с матерью?

Болт дождался, пока площадь снова затихла.

– Эдарга вашего я не знал. Дети что... Волосом светлы, глазом серы.

– А знаки? Знаки царские оказались?

Говоривший даже рубаху на груди оттянул, на правой ключице.

Болт кивнул:

– Оказались. Я там был, когда Эрелис открыл великородному Невлину Трайгтрону свою улику, и тот признал её подлинной.

– Невлин?

– Старый ворон мимо не каркнет!

– А царевна? Ольбица?

– Ручательством её правости сперва было слово царевича, а позже – очевиденье сведомых жён.

Площадь снова вскипела.

– Почто без них приехал, боярин?.. – закричало, не сговариваясь, десятка два голосов.

Болт поднял свиток, тряхнул в руке. Шум начал понемногу стихать.

– Хорош бавить! Читай дальше, боярин!

Младшему Нарагону такое обращение очень не нравилось, но делать было нечего.

– «По сиротской доле своей возрастали мы не в родительском доме, вдали отцовской заступы...»

От Ворона не укрылось: головы стали поворачиваться в сторону каменного остова. Вот он, родительский дом царят, не сбережённый подданными. Из дверного провала, одёргивая подол, выходила Моклочиха.

– «Воспитание принимали от людей добрых и верных, но вовсе незнатных, в скудости, в простоте, венценосным рождением отнюдь не кичась. Ныне ищем мы царскую науку у благородного Невлина, сына Сиге из рода Трайгтренов, опоры Огненного Трона. Нынешнему колену праведной семьи – собирать державу, чтобы не было стыдно славным отцам...»

– Где царята, боярин? Где прячешь?

– Возвращаются, возвращаются старые времена...

– Старым временам под заступ пора. Своя воля дороже!

– Своя волюшка доведёт до горькой долюшки. Городу без Ойдриговича, что дурным плечам без головы!

Болт успел пожалеть, что решил читать грамоту сам. Не воинское

это дело, не родовитому витязю пристойное. Сразу бы отдать рыбаку, чтоб глотку надсаживал. А письмо! Разве так правителю должно с подданными говорить? Им бы Сварда Нарагона сюда. Живо бы выучились молча шапки ломать.

Так думая, Болт отчётливо понимал, насколько неравен отцу. Это злило и унижало.

– «Доверишь ли, господине Шегардай, сыну отцовскому в пределах твоих расправу держать, как Эдарг держал, тобою любимый? Во имя стен Ойдриговых обещаю блюсти исконную Правду, чтить вольности твои и свободы, в трудах взятые непокорно Беде. Со старцами, тобой избранными, совет держать и слово их ценить высоко...»

– Слово царское, слово золотое! Вези Йерела, боярин!

– И Ольбицу, Ольбицу маленькую!

– Речи, что с воды, да темно дело последи...

– Жили без царевича и не пропали, уж дальше как-нибудь проживём!

– А не проживём! Без праведной семьи пусту быть Шегардаю!

– Отцов податями заминали, теперь до нас добрались?

– За себя постоим и сами заступимся!

– Кругом гляньте, желанные! Где слава бывая? Во владении безобразица, в людях злочиние! Будет царевич, будет городу совесть!

– Знаки всякие подделать можно, выдывали. Какого захотят подменка, такого посадят! А там до ярма на шею недалеко!

– Тебе, стало быть, и Невлин подменок? И Нарагон этот надутый?

– Не-е, этот правский, ишь смотрит, как семерых съел, осьмым подавился...

Ворону хотелось сгинуть отсюда, пойти искать скомороха. О вече после можно узнать, чем дело решилось. Учитель его не ради царят сюда посылал. И Болта не поминал. Однако толпа так стискивала со всех сторон, что дикомыт быстро понял: тишком выбраться не удастся. Мысленно плюнул с досады, остался стоять. Впредь наука!

Болт возвысил голос, бросая людскому сходу последнюю строку грамоты:

– «Научишь ли, господине Шегардай, своего сироту быть добрым правителем, достойным правды отцов?»

После этих слов громкие сварливые голоса как-то сами начали притихать.

Ворон видел: жрец Мораны оглядывал вече, словно чего-то ждал. И дождался, вестимо.

– Не в доме родительском... – всхлипнула в задах схода бабья

слезливая жалость. – Привезёте детушек, мужики... где жить станут?

– Да приютим уж! Все двери разом откроются!

Со знатной скамьи одновременно поднялись двое старейшин, купец Яголь и Твердила, кузнец. Рванули шапки с голов, заметили один другого, уставились. Каждый хотел предложить свои палаты, но не перед людьми же супориться.

Глазастый народ начал смеяться, но по-доброму, не обидно. Нет зазрения, если муж мужа о благом деле ревнует. Потом голоса вовсе затихли: неторопливо встал жрец Милостивой. Тяжело стуча посохом, вышел вперёд. Протянул руку, словно за подаянием. Вечники напряжённо ждали, а благочестный впрямь попросил. Негромко, устало:

– Дайте, люди добрые, мне лопату и поганую тачку. Дом засиревший чистить пойду...

Слова старца отозвались на площади так, что Ворон сперва слегка оробел. Людям, принявшим решение, хочется немедля засучить рукава – и увидеть, как слово облекается плотью. Жрец, хорошо знавший горожан, на такое дело их и направил.

Противники возвращения царят живо закрыли рты, вече единым телом качнулось в сторону пустого подклета.

На лобное место чередой поднимались ремесленные большаки.

– Мы с вами, желанные, дворца без хозяев не сберегли, нам заново и отстраивать.

– Кто оттуда к себе во двор нещечко вынес, вину друг другу отдадим и поминать не будем. Все винны, всё возвернём, что не наше.

– Всякий, кто солнышко помнит, черёд отработает, а понадобится, и вдругорядь, и по третьему.

– Которые не работники, те припасом взнесут.

– А кто и припасом не может, вот корчага пивная: бросай, люди, кому сколько сердце велит!

Ворон во все глаза наблюдал, как летели в огромный горшок медяки, сребреники, целые кошельки и дорогие застёжки, лихо сорванные с одежд. Господин Шегардай ничего не делал наполовину, в одно плечо. Оттого, наверное, и стоял по сию пору крепкой ногой на своих тридевяти островах. Ворона подхватил общий задор, он тоже надумал бросить монетку. Начал опускать руку к мошне, успел испугаться, совсем про неё забыв: украли небось!.. Кошель был на месте. Дикомыт ещё не знал, что во время вечера покраз на площади не случилось. Так установила вольная семья, люди посовестные. Опёнок вытащил денежку, шагнул в людскую стремнину,

тянувшуюся к лобному месту. Медяк полетел в звонкий слой, укрывший корчажное дно. Ворону почему-то казалось, его внѳсочек будет виден среди прочих, а на него самого все посмотрят, начнут удивляться, спрашивать, отколь взялся. Ещѳ чего! Его даже сзади пихнули. Не застревай, проходи, другим место дай!

– Вот так, – трезво молвили рядом. – Насобирают казну, иные в горячности последнее отдадут, а для доброго дела сохранить озаботятся ли? Небось завтра уже по богатым сундукам расточится...

– А верно, люди, – подхватили новые голоса. – Общну сберечь надо!

– В храм снесѳм!

– К старцу нашему! К Моранушке под присмотр.

– Правосудная сиротского достояния растащить не попустит!

– А не лучше к людям посовестным?

– Уж за ними не пропадѳт...

Ворон всѳ оглядывался на облезлый подклет. Силился представить, каким был дворец. Каким он будет, когда горожане исполнят взятый ныне оброк. На ум являлись рассказы брата, Шерѳшкины басни о великолепии Фойрега... откуда-то, словно ветром нашѳптанная, уже наплывала неясная голосница, мимолѳтными искрами вспыхивали слова.

Пусть твердят, что остался лишь прах...

Возведѳм и вернѳм не на словах...

У лобного места спорили, стучали клюками два старика. Каждый лучше другого знал расположение теремов и крылечек, облики подзоров и горделивых коньков.

С лобного места зло глядел Болт, про него успели забыть. Ворон временами косился на витязя. В спесивом вельможе казалось всѳ меньше сходства с учителем. Ветер, непризнанный сын, был наследник древнего мужества. Болт, законный боярин, глядел вырождаком. Посрамлением рода, как и отец.

Ну его совсем!.. Ворон вертел головой, слушал, ждал, вспомнят ли Космохвоста. Не вспоминали. Это было понятно, ведь царского рынду за придворного не считали. Тем не менее обида колола. «О ком бы вы тут решали, если б не Космохвост!»

Вернулись четыре сына Твердилы, посланные отцом домой. Дюжие парни с натугой воздвигли торчком большой столб, весь в резьбе. Где в полплоти, где в четверть, где облыми изваяниями. Один у другого

на головах стояли голые, связанные, согбенные пленники. Их попирали ликующие воины в старинных доспехах. На самом верху воздевал меч полководец в лучистом венце.

– Вот! – с торжеством объявил кузнечный большак. – Сего дня ради хранил!

– Так это ж не из дворца! – закричали в ответ. – Это от Позорных ворот!

– И что? – нимало не смутился кузнец. – Всё от праотческих памятей.

Завязался жаркий спор, надлежало ли ставить бревно в убранство дворца. Дикомыт, послушав, растешился. Говорилось о временах, когда из Шегардая северными воротами уходила царская рать – гнуть в дугу Коновой Вен. Тогдашние городские волостели надёжно ждали победы. Даже загодя возвели на дороге особые «позорные», сиречь зрелищные, ворота. Для восторженной встречи славных полков, прохода пленников и добычи... Ну а Ойдриговичи прибежали домой такие растерзанные, что в речи горожан обрело новый смысл даже слово «позор». Ворота, ставшие горькой насмешкой, потихоньку разбили. Теперь это была ещё одна старина, нелюбимая в Шегардае. Название, правда, к северным воротам прилипло. Только объясняли его теперь иначе. Оттого, мол, что там начиналась казнь обречённого, назначенного к битью без пощады.

– Несите, ребята, столбик обратно, – посоветовали сыновьям кузнеца. – Если к делу и придётся, то вовсе не скоро.

– Малютиными бы войлоками полы выстелить... Ковров заморских не надо!

– Нету больше Малюты, осталась горесть похмельная.

– Берёсту припасать надо, кровля велика выйдет.

– Палаты красными шелками затянем, золотыми гвоздиками прибьём...

– Кружевной столец выточим, чтоб на Огненный Трон похож был!

– А где знателей найдёшь, каков трон царский?

Ворон опять вспомнил брата. Светел говорил: царь Аодх никогда на трон не садился. Судил и решал, расхаживая в палате. Не хотел быть тёмным пятном посреди сияющей глыбы.

«А вдруг Светелко сюда припожалует? Захочет сродников посмотреть? Открыться царятам? – Сердце стукнуло. – И я тут как тут...»

– Нашу грамоту кто вельможам доставит? Боярин?

– Своего гонца снарядим. Боярин мимоездом у нас.

– Куда ж дальше собрался? К дикомытам, что ли?

– Сказывают, за Киян, в Аррантиаду.

- Брось, что ему туда? С нищими, с варнаками?..
- Объявил, страну дознавать для Высшего Круга. А окольные шепчут: к самой Коршаковне утайкой вздумал подъехать, да вскрылось. Теперь вроде опалённый, покуда всё не утихнет.
- Что сказать, отважен боярин!
- И остров незнаемый, а уж сопутники...
- Вернётся, мимо нас небось не проедет.
- Если вернётся!

Ворон покинул отшумевшее вече, пошёл обратно на торг. День перевалил за полдень: где же Богобой-скоморох? Как найти его, если на острове не появится?

Гадалкин нос

Был, оказывается, на широком торгу ещё угол, куда Ворон пока не заглядывал. Этот ряд занимал целый мысик, выдававшийся в разлив Воркуна. Его так и называли: Гадалкин нос.

Здесь не продавали товаров, хотя богатства из рук в руки переходили немалые. Сюда редко заглядывали жрецы, ибо здесь искушали Богов.

На одном берегу взывали к Их милости, конаясь в роковых играх имуществом и серебром. Одни просто тешились – повезёт или нет, лишь бы весело было. Другие, как во хмелю, обретали и роняли в прах деньги сущими истинниками. Эти игроки даже не заметили веча, не участвовали в спорах из-за царят. Узнают назавтра, кивнут, спросят, в срок ли ждать следующего торгового дня.

Ворон сразу отметил людей, не принадлежавших игре. С виду обычные горожане зорко оглядывали бережок, склонялись к игральщикам, успокаивали рассерженных. Ворон прошёлся, постоял, посмотрел. Не все игры были роковыми. Вот доска с гнёздами: в них щелчком загоняли глиняный шарик. Рядом ловили горстью падающий обляк. Подальше следили за опрокинутыми скорлупками, притаившими рыбий позвонок... Ворон даже потоптался в раздумье. Он до сих пор ничего Надейке не облюбовал, казны осталось только в воровской ряд возвратиться. Здесь он мог поправить мощну, но что хорошего купишь на неправый прибыток? Ворон потоптался ещё, нахмурился, перешёл на другую сторону мыса.

Здесь большей частью толкалось шегардайское женство. Девки тревожили Небеса, выпрашивая про суженых-ряженных. Бабы просили раскинуть жеребья о возвращении мужа, о покупке козы, о будущем детей. Ворон не стал задерживаться близ ворожей. Его жизнь была вручена Справедливой. Как рассудит Она, так с ним и станется. Может ли смертная баба, даже воистину зрящая, Её замыслы проникать?..

В самом дальнем конце, на обросшем ржавыми махрами валуне у воды, сидела тоненькая девушка. Русые волосы по ветру плащом, руки зябко спрятаны под мышками, на глазах тугая повязка. Никто к ней не подходил. Опёнок не заметил при ворожее гадательной снасти, неволей вспомнил Арелу. Где-то теперь была языкастая Кербогина дочка, кого «налицо выводила», кому толковала ладони, щёки и лбы?

Он двинулся было прочь, но девушка остановила его:

– Не уходи, добрый молодец... Гадать не просишь, так хоть рядом

постой.

Ворон пожал плечами. Вернулся. Ни в какое кобение он ей не дастся, вестимо. Даже говорить с ней не будет.

– Многие сегодня незримо стояли, – продолжала вещунья. – Советы сродникам подавали, на стороны клонили.

«Незримо стояли?..»

Вредному дикомыту сразу захотелось спросить, не тянулись ли мимо гадалки чередой два Йелегена, восемнадцать Гедахов и четыре Аодха. Он сдержал язык, промолчал.

Девушка наклонила голову, улыбнулась.

– Все непременно о царях вопрошают, – сказала она. – Будто дел у них других нет, кроме о захолустке нашем радения... А вот храбрец Эдарг с умницей Эсиникой, Огнём Венчанные, приходили вече благословить. Ныне семя посеяно, да не простое, а стоколосое. – Помолчала, тихо добавила: – Многие сюда вернутся не таковы, каковы сегодня уходят. Многие попрощаются с господином Шегардаем не таковыми, каковыми здоровались...

Опёнок помимо воли развесил уши. Хотел сесть рядом на корточки, но притороченные лыжи ткнулись пятками в землю. «Кобникам не верь, Скварко! – долетел строгий голос Жога Пенька. – Такого наплетут, от своей же тени шарахнешься!»

Ворон встал. Сделал шаг прочь.

– А подарок, коего уже и не чаешь, здесь есть, – догнал его голос вещуньи. Казалось, девчонка еле сдерживала смех. – Ступай, добрый молодец, в зелейный ряд... сам отыщешь, простота лесная, или свести тебя?

Дикомыт смолчал и на это. Начал краснеть.

– Найдёшь тётеньку Грибаниху, спросишь толику стыньки... Да вот по мошне ли выйдет покупка?

Ворон ушёл негодуя, полный решимости никакую Грибаниху не искать. И последних медяков у неё не лишаться.

Поперёк тропы, что вела прочь с Гадалкиного носа, протащились кувыки, стеная, точно души клятых изменников:

Вор Карман верёвки гложет,
На кобылу он возложен,
Люди добры, дайте грошик!

В зелейном ряду Ворон сразу почувствовал себя щенком, которого всякий носом в лужу суёт. Вот куда надо было сразу идти, когда в брюхе заняло! Озёрная капуста, квашеный и свежий горох, зелёный чеснок! Болотник сушёный, пареный и сырой. Даже водяные орехи в чешуйчатой скорлупе, таившей сладкую мякоть. Даже грибы, выраставшие в тёплых погребах белёсыми, неказистыми, но по-прежнему вкусными... И что дёрнуло убожника отсегнуть от истовой пищи? Высокому столу позавидовал? Съел, как украл, стыдобищей и аукнулось. А если б не на простом разведе, если б на орудье ради Владычицы?..

«Может, на то меня учитель и посылал...»

Ворон задержался возле грибов. Рассудил про себя: где-то тут должна была найтись и Грибаниха. Хотел уже начать спрашивать. Не успел.

С лобного места вновь подал голос бирюч. Не Окиница, но тоже возвещатель что надо.

– Почтить... новое правление... – разобрал издали Ворон. – По приговору... торговая казнь!..

Зелейницы зашумели все разом. Дикомыт сперва только понял, что бабоньки рады были мчаться прямо на площадь, да товар не пускал. Дело, некогда столь обиденное, что не каждый оборачивался взглянуть, вдруг поднялось межевым знаком у границы будущих дней.

– Вернулась Правда!

– Раньше что? Кто татя изловит, тот самочинно и лупит. Теперь на суд будем водить!

– А у судей всё сочтено...

– Законы книгами пудовыми, знай нужную открывай.

– Чему радуетесь, дуры? Молодые, жизни не видели!

– Любой татьбе роспись дана, за всякую покражу своя кара назначена.

– Не жила ты при Эдарге! И ты не жила!

– Будто плохо было? Обидней нынешнего?

– Законы-то святы, судьи супостаты...

– На тех супостатов есть люди посовестные!

– Хоть сядет царевич, будет кому кривду к порогу сложить.

– Закон – паутина: мухам гибель, шмель вырвется. Как жили, так и дальше жить станем!

Ворон уже не слышал болтовни торговков. Ноги быстро несли его к лобному месту, где снова собиралась толпа.

Кобыла

В самые лихие годы после Беды закон в Шегардае считался всего один: что с бою взято, то свято! Но без конца так жить было негоже, и первыми, как ни странно, это поняли злостные враги судей и писаных правд – «люди посовестные». Помогли навести порядок, счесться ремеслом и соседством, прищучить или прогнать неисправимых бесчинников... С тех пор всё помалу вошло в берега. Каждодневыми городскими делами распоряжались выборные старцы. Ради важных вестей и решений, как сегодня, выходили на вече.

Скоро в Шегардае снова будет царевич. Совсем скоро, но нужно всё-таки подождать. И городской державец будет, чтобы возглавлять большаков. Но тоже не назавтра, даже не через месяц.

А вот торговую казнь можно устроить прямо сейчас.

При старом правлении у лобного места возводили для бичеваний глядный помост. Со временем возродят и его, но сегодня обойдутся телегой. Большой телегой, чтобы поставить кобылу и ещё хватило места палачу – размахнуться кнутом и никого не ожечь!

Когда Ворон подрос вместе с другими торжанами, сорвавшимися из зелёного ряда, телега как раз вкатывалась на площадь. В неё даже не стали закладывать оботуров. Облепили с разных сторон, катили просто руками.

– Ну, Карман! – приговаривали мужики. – Привык нашими пропажами жить, ещё нас же и запряг!

Крадун стоял одетый в белую рубаху без пояса, не связанный, не закованный. Придерживал на шее обмотанную верёвкой зелёную андархскую чашу: поличное. Кланялся на стороны.

– Простите, кого обидел, желанные! По делам лихим муки принимать стану!

– Как сечь будут? – спрашивали в толпе, где стоял дикомыт. – Неужто нещадно?

– Нет. Простая казнь, говорят. Всего десять кнутов.

– Что ж он в белой рубахе, словно на смерть?

– А для красы, для басы: праздник, чай. Первая казнь!

– Эх, беспамятные! На смерть-то обречённого в колодках выводят...

– Винен, люди добрые, винен кругом! – отбивая поклоны, кричал с телеги Карман. – Умел воровать, сумею по закону ответить! А тебе,

господине Шегардай, благодарствую за великую честь!

– Десять кнутов всего? Не мало злыдарю будет?

– По судебнику вроде двадцать пять выходило.

– Люторад сорок требовал...

– Правда, что ли, благочестный вступился?

– Правда истая.

– Ведайте, люди добрые: ни зги я татьбой себе не скопил, пазуху прорывал, на сына крадучи...

– По уму бы сороковичок вlepить, да с обходом.

– Это казнь уже не простая будет, жестокая...

Ворон чуть не спросил, что ещё за обход, но тут же услышал:

– Окаянники, старины забыли! С обходом только без пощады секут!

– Верно! У Позорных начинают, у Последних заканчивают.

Кто-то посмеялся:

– Полно вам кнуты считать. Темрюй с трёх ударов убьёт, если захочет.

– А не захочет – после сорока на своих уйдёшь, недоказнённый.

– И поди разбери, страшно порет или мягко кладёт!

Дикомыт уже не знал, на кого смотреть – на приговорённого или на палача. Темрюй стоял на той же телеге. Он был вправду тёмен, как туча. Чёрная борода по глаза, такие же волосы, курчавые, густой шапкой на лоб. Красная рубаха, немного линиялая, с застаревшими сгибами, словно долго хранилась в сундуке. Рукава высоко закатаны на могучих руках. В правой – кнут: три аршина столбца, выплетенного из тонких ремней, медное кольцо, ещё аршин сменного хвоста из лосиной сыромяти, сложенной углом вдоль.

Мальчишки, бежавшие у телеги, задирали головы, с восторгом смотрели на палача. Для них он был героем, явившимся из древних времён. Взрослые переговаривались:

– Грозен стоит наш Темрююшка, прям беда.

– Пороть не разучился ли?

К палаческому искусству в самом деле очень редко взывали. Разве что удавалось изловить кого из лихих людей, шаливших в Шегардайской губе. Да и то последние годы смертников чаще выкупала Чёрная Пятерь.

Словно подслушав, Темрюй усмехнулся, двинул плечом... С отчётливым презрением глянул на мужиков, вроссыпь шарахнувшихся от телеги. Кнут взвился чёрной змеей. Хвост с грохотом разорвал воздух, обрушился на доски настила. Брызнули щепки.

Карман, которого страшный кнут даже не коснулся, вмиг забыл хорохориться. Ахнул, упал на колени. Стал белее рубашки. Похоже,

ему лишь теперь стало по-настоящему жутко. Ворон видел, как забежали его глаза. Он искал путь спасения, но, если бы сейчас народ раздался улицей и ему шепнули «беги», вряд ли, ослабевший, сумел бы даже с места сойти.

Ворон отметил взглядом парнишку, своего примерно ровесника, но узкоплечего и бесцветного, словно росток, проклюнувшийся в тёмном подвале. Жидкие волосики, едва намеченные усы... Этот единственный не бросился наутёк при взмахе кнута. Цеплялся за колесо, смотрел прозрачными, отсутствующими глазами:

– Отик... за что они тебя, отик...

– Жаль Заплатку, – вздохнул кто-то.

– А ты поди, утешь его, – весело посоветовали сердобольному. – Ни кошеля не найдёшь потом, ни пояса, ни штанов.

– Вот и пусть глядит, как отец кобылу нюхает, да мотает на ус. Самого положат, поздно будет.

Телега остановилась возле лобного места.

Темрюй нагнулся, что-то поднял с настила. Ворон увидел у него в руках толстую широкую доску с вырезом на конце для головы и двумя пониже – для рук. Знаменитая шегардайская кобыла выглядела очень старой. Тяжёлое дерево потемнело неравномерно, потёками с верхней стороны на нижнюю, оказывая как бы смутный отпечаток лежащего тела. Палач закрепил доску в упорах, повернулся к осуждённому:

– Раздевайся.

Голос, низкий, глухой, падал комьями могильной земли. Карман смотрел, не понимая.

– Раздевайся! – закричали ему. – Рубаху сымай!

Он всё не понимал. Темрюй поднял его, вытряхнул из тельницы. Полуголый вор ёжился, растерянно озирался, держал руками штаны, зачем-то усаживался на кобылу. Палач взял его за плечи, повернул, уложил, бессильного, вниз лицом. Заставил нагнуть голову в прорезь, обхватить доску, отчего на спине натянулась кожа. Привязал ремнями руки и ноги.

– Ну, держись.

Было тихо. Карман мелко дрожал, мышцы подёргивались.

Темрюй долго отступал прочь, волоча опущенный кнут. Жёсткий хвост шуршал по настилу: как есть пополам перерубит! Карман ждал удара, судорожно зажмурившись, из-под век текли слёзы. Палач прятнул вперёд. Выучка позволила Ворону увидеть его движение, почти по-воински отточенное, скупое и совершенное.

Площадь выдохнула одной грудью. Карман глухо охнул, замолчал,

вместо него тонким голосом вскрикнул Заплата. На белой спине вора, от правого плеча к левому боку, вздулась горячая полоса.

Темрюй сделал ещё движение. Кнут мягко побежал волной, выложил хвост ему на ладонь. Палач осмотрел его, отпустил. Стал отходить, забирая в сторонку, чтобы хлестнуть накрест.

– Поделом Карману, – слышались голоса. – Скольких обидел!

– Богатеев от бедных не отличал, на сиротский грош зарился.

– Ловили его, рёбра считали, а толку?

– Из наших рук уходил, от Правды не увернётся.

– Другим крадунам будет наветка. Попомнят, когда к чужой мошне руку потянут.

– И то добро, что стойно терпит, святого дня не бесчестит.

– Вдругорядь украдёт – с прибавкой получит.

– Отик, за что...

Темрюй ударил. Карман страшно дёрнулся, заскулил и затих. Палач подобрал кнут, осмотрел, смахнул горстью кровь. Начал медленно отходить.

– А верно, желанные, что старец просил вполплети драть, да не послушали его?

– Старец, он святой, ступит – снега не примнёт, мы же земной заботой живём.

– Крепче бей! – хрипло заорали слева.

Ворон покосился, увидел мужика в шубе с оплечьем из собачьих хвостов, подивился. «У него ворюга этот тоже что-то стащил?..»

– Жаль Кармановой спины, – говорили кругом, – и Заплатку жаль, а своих детей жальче.

– Этот поднимется, хуже отца станет.

– Куда ему! Как есть полудурье.

– За что они тебя, отик...

Казнь длилась. Торжественная, неторопливая. Послушная змея в руке палача со свистом и треском обрушивалась на беззащитное тело. Рубила крест-накрест. Взлетала, свивалась, возвращала сгиб хвоста в хозяйскую ладонь. Темрюй обтирал кожаное лезвие, придирчиво оглядывал: не размягчилось ли. Снова начинал отступать.

Позоряне вслух считали удары. Смеялись, давали советы палачу. Подбадривали и хвалили Кармана. Объясняли детям: вот он, закон; вот как муку по делам своим надлежит принимать. Слушали седобородых, помнивших бичевания не то что при Эдарге – при отце его Йелегене, то ли в шутку, то ли взыбиль прозванном Йелегеном Третьим.

- Когда Мышля с Комягой взяли на разбое...
- Четыре!
- Комяга ещё и девку снасил.
- Обоим, стало быть, всыпали по полсотни. Чтоб не повадно.
- Пять!

Опёнок смотрел, как пропитывались чёрной кровью штаны вора, съехавшие ниже бёдер. Куда денешься, виделись плечи Ивеня, листки, прилипшие на груди... Казнь, содеянная в Чёрной Пятери, была куда страшней нынешней и кончилась смертью, но она случилась давно. Притом всего один раз.

– Так Мышля помощник драл, ученик, а Комягу – сам палач, старик Воссил. Люди ему знай пеняли, почитай каждый кричал – хорош мазать, шибче пори!

- Как не помнить! Так и говорили: шум один, а толку не видно.
- Шесть!

«А эти, мечи не державшие, каждый торговый день готовы казнить. Да не своими руками. Любому здесь кнут дай, вели пороть – обделается со страху, откажется. А палач, десница закона, у них за последнего человека. Поганым считается...»

- Ну и что? Мышляй ещё Беду встретил, а Комяга помер в ночи.
- За что они тебя, отик...
- Семь!

«Небось и от меня разбежались бы, прознав, как я Кудаша убивал. Который вдову...»

- Восемь!

«Нет, права была мама, когда после торга нас с атей седмицу в избу не допускала...»

- Девять!
- «Хотя ездили не в Шегардай, в Торожиху всего лишь...»
- Десять!
- Пóлно!

Темрюй по-прежнему не спеша обтёр кнут. Отвязал наказанного от кобылы. Карман тестом сполз на самый настил. Шевельнулся, кое-как сел. Лицо опухло от натуги и слёз, он по-рыбьи разевал рот, не понимая, на который свет угодил. Палач всё так же невозмутимо облил его из кожаной бутылки чем-то прозрачным. Крадун согнулся, завизжал на всю площадь. Позоряне стали смеяться:

- Не с боли кричем кричит, с одного страху.
- Решил, добавкой потчевать станут?

– Попомним, шабры, доброго царя Аодха! Казнить казнили, пора миловать.

– Благодарю, пропастной!

Карман сумел подать голос не сразу.

– Бла... благодарю... покорно... за ум...

Под общий смех и общими силами его спустили с телеги, дали пить, он больше расплескал, чем проглотил. Заплата подлез под руку отца, хилые коленки сразу сломались. Люди подхватили обоих, повели прочь, весело предупреждая друг дружку о вредных пальцах недоросля. Израненный Карман еле переставлял ноги, через десяток шагов начал ступать увереннее.

«А я бы выдержал?» – невольно спросил себя дикомыт. Праздно спросил, зряшно. Уж ему-то на шегардайской кобыле ездить была никак не судьба. Вот голову здесь когда-нибудь обронить на безнадёжном орудье, это пожалуй. Но кнут? Кнут – для преступателей Правды. Не для тайных воинов, карающих во имя Правосудной.

Телегу с палачом покатили вон с площади, за ней помчались мальчишки. Ворон проводил их взглядом... и понял, что забыл, как назывался подарок, присоветованный гадалкой. Стыдь? Стужа?..

– Эй!

Голос показался знакомым. «Владычица, дай терпенья!..» Ворон повернулся. Так и есть. Сзади стоял маленький поводырь. Сквозь поредевшую толпу протискивались остальные кувьки. Слепой, хромой да третий горбатый.

Ворон молча смотрел, ждал, что скажут.

– Нас, потешников безыскусных, охаять всяк норовит, – мрачно изрёк коротышка. В кулаке у него торчала пыжатка. Он говорил дерзко, но глаза прятал. – Охуждать ума большого не надо... Сам умелен чему?

Ворон ответил не вдруг. Он мог тридцатью тремя способами отделаться от кувьк, этому его тоже учили. Но казнь, пусть самая справедливая, оставила душу замаранной. Хотелось умыться. Он взял дудочку. Не самая любимая снасть, но что в руки попало, тем и воюй. Ворон дунул. Пыжатка недовольно засипела.

– Ага! – с видимым торжеством сказал коротышка.

Рано он злорадствовал. Ворон уже обогрел дыханием деревянное тельце, уже начал объяснять дудочке, что можно не только шипеть обозлённой гадюкой, которой наступили на хобот. Можно, оказывается, шептать летучей позёмкой, заблудившейся в тростниках. Горевать лебедем-шипунем, зовущим подругу. Лепетать, словно зыбь Воркуна, бегущая

из тумана...

Он трёх строчек словесных для новой песни сложить ещё не успел, а голосница уже была тут как тут, стучалась из небытия, просилась в полёт. Кувьки обступили его.

– Тихо вы там! – неожиданно прикрикнули на них. – Не порно распелись!

У Ворона даже попытались выхватить пыжатку. Он, понятно, не отдал, но играть прекратил: что такое?

– Дайте гудил правских послушать!

В дальнем конце площади ухал бубен, звенели колокольцы, надрывался гудок. И надо всем господствовал пискливый, пронзительный голос, рвущийся сквозь гомон и смех. Пятерушечник, за чью голову учитель конался своей, выходил к лобному месту.

Тарашечка

К самой скоморошне Ворон протискиваться не стал. Вышедшему на развед незачем лишнее внимание привлекать. Толкнёшь кого, а он тебя и заметит. Запомнит. Хватит уже наставленного пальца Люторада, а после – досадливого взгляда дядьки, пытавшегося дудку отнять. Ворон просто дал себя увлечь людскому потоку, стремившемуся к лобному месту. Где-то рядом двигались кувьки. Остановиться пришлось шагах в тридцати от уже установленной занавеси: и видно, и слышно.

Ворон сразу стал искать глазами вожака Брекалу. Или Богобоя, как злыдарю-пятерушечнику было угодно себя величать. Не нашёл. Тот уже скрылся за занавесью. На виду оставались двое помощников в цветных лоскутных балахонах, в колпаках с отворотами и махрами. Один тряс увешанный колокольцами бубен, ловко ударял им о колено, не переставая свиристеть на рожке. Второй прижимал к груди пузатый гудок, водил по струнам шершавыми тетивами лучка.

Эй, народ, готовь полушки,
Погляди на пятерушки!
Глум творить гораздо будем
На потеху добрым людям!

Ворон начал было притоптывать ногой. Поймал себя, перестал.

Насмешим и позабавим,
А кого на ум направим,
Чтобы падали с катушек,
Посмотрев на пятерушек!

Ворон сообразил наконец: он зря нёсся целую ночь, как на пожар, а потом полдня обшаривал торг, искал хулителей Справедливой. Вот, стало быть, почему Ветер с улыбкой смотрел на его нетерпение. Чем лететь во всю прыть, лучше бы, дурень, поберег силушку. А пожалуй что и поспал до позднего утра где-нибудь на Горелом носу. Скоморохам не пристало вылезать поперёд веча, перекрикивать торговую казнь. Сами горожане выгнали бы с торга, а то и поколотили. Умные потешники дали отголосить

обоим действиям. Зато теперь им была полная воля – играй хоть до ночи!

Наши куклы пятерушки,
Чай, не детские бавушки,
Кто умён, себе смекай,
В шапку денежки бросай!

Ворон почувствовал, что увлёкся. Сам он ни разу подобного не сочинял, уже хотелось попробовать.

Вот гудошник закрыл рот, стал оглядываться на занавесь – тоже лоскутную, пёструю, яркую, видимую издалека. Брекала всё никак себя не оказывал, отзываясь на оклики невнятным ворчанием и сотрясением загородки.

– Давай уже! – кричали позоряне. – Не тяни!

– Что стряпаешь? Людей томишь!

– Уйдём сейчас других игроков слушать!

– Куда глядишь, понукалка? Понукай себе!

Из-за цветной преграды раздался уже знакомый голос, громкий, гнусавый.

– Боюсь выходить! – пропищал он. – Злые вы, побьёте Тарашечку!

Начались смешки.

– Это он Люторада пасётся!

Молодой жрец, было дело, пытался порвать занавесь, разметать кукол. Скоморошню сообща отстояли, но любимец позорян так легко обиды не отпускал.

– Нету, нету Люторада! – закричали с разных сторон. – А придёт, путь покажем!

– Выходи, Тарашечка, не бойся!

Над занавесью возникла рука. Не просто так возникла, конечно. Одета в вязаную пятерчатку, она зашевелилась, прошла пальцами по верхней досочке, сложилась, к восторгу позорян, непристойным кукишем – и пропала. Ворон смотрел взыбиль, ждал, что будет.

Гудошник опустил лучок, обернулся к занавеси, окликнул:

– Эй, Тарашечка! Где гулял нынче, что видел?

– Ходил тишком, разжился горшком, – прозвучало в ответ.

Вновь возникла рука. Выставила на занавесь маленький, с кулак, повитый тряпкой горшочек.

Позоряне стали смеяться, больше впрок, предвкушая.

- Расскажешь, Тарашечка, как дело было? – спросил понукалка.
- Всё как есть представляю, народ позабавлю!

Гудилы вновь заиграли. Ловкие руки взмахнули над краем занавеси платком. Сдёрнули – на полочке осталась сидеть старуха. Неопрятная и вдобавок простоволосая. Рубаха, лапотки, шугаёк... белёная понёва с едва намеченной клеткой. Не то вылинявшая, не то вовсе белым по белому. Старуха дремала, опустив кудельную голову, сложив на коленях несоразмерно крупные, набитые ветошью руки. Гудилы завели колыбельную. Расхлябанную, дурную. Такую спела бы чужому дитяти нерадивая и подвыпившая кормилица. Народ снова начал смеяться.

Старуха вскинулась. Ворон чуть не отшатнулся. У пятерушки было лицо! Таких кукол дикомыт никогда раньше не видел. У тех, что творили на Коновом Вене, лица всегда делались лишёнными черт. А эта!.. Носатая, с единственным зубом во рту! И глаза – выпученные, свирепые!

Вот это страшилище! Такую на пещицу у святого угла не посадишь. Подавно дитятку не вручишь...

Ворон опять вздрогнул. Старуха зашевелилась. Подозрительно повела носом, ухватила тряпичными лапами драгоценный горшок...

Дикомыт с усилием унял прохватившую было дрожь. Куклы назывались пятерушками оттого, что каждую водила пятерня, продетая снизу. Ловкий скоморох создавал лишь подобие жизни, но до чего убедительное!

– Тихо, желанные! – рявкнул гудошник. – Кто бабку разбудит, долго жалеть будет!

Колыбельная продолжала звучать. Старуха вновь принялась клевать носом. Сняла одну руку с колен, сонно почесала ляжку. От движения, как за нитку вздёргнутый, задрался подол, явив неожиданно пухлую, румяную ногу. Люди захохотали, стали показывать пальцами, лупить друг дружку по спинам. Ворон закрыл рот, опаматовался и понял, кого представляла старуха. Вернее – Кого.

Понукалке пришлось снова утихомиривать общество:

- Дайте бабушке поспать, а мы будем продолжать!

Под восторги всей площади над занавесью поднялась ещё одна кукла. Наконец-то явился неизменный предводитель скоморошин Брекалы – Тарашечка.

– Что в горшке злодейка прячет, кашу с маслом, не иначе! – пропищал голос.

Тарашечка красовался очень яркой рубахой, зелёной в жёлтый горох, и колпаком под стать. У него тоже было лицо. С длинным носом

и краснотным ртом, застывшим в глумливой, хищной улыбке. Он стал подкрадываться к добыче, потешно приседая и прячась всякий раз, когда просыпалась старуха. А та, под общий стон позорян, всё теребила подол то справа, то слева.

Покража у Тарашечки очень долго не ладилась. Он высовывался и пропадал, заходил то с одной, то с другой стороны...

Увлёкшийся народ кричал ему:

– Обойди её!.. Обойди!

Иные даже показывали руками, как это можно было проделать.

Тарашечка повернулся к советчикам, поблагодарил за подсказку, даже поклонился, мотнув длинным хвостом колпака. Снова подобрался к старухе, дёрнул за рукав. А когда та оглянулась – вынырнул позади, ловко сцапал горшок, да и был таков.

Зычно взревел рожок, загремел бубен.

Ах ты, жадная хозяйка!

Нас теперь поди поймай-ка!

Пятерушки несколько раз промчались вдоль занавеси, радуя позорян: проворный Тарашечка с горшком – и всклокоченная карга, бессильная его изловить. Она то и дело спотыкалась, падала, с каждым разом всё непристойнее и смешнее. Гудильщики вели разудалую плясовую.

Народ топал и хлопал, Ворон почти решил, что сейчас действие закончится, но какое! Рожок вскрикнул и пугливо замолк. Хрипловатый голос гудка съехал так, словно кому-то дали под дых, и лишь бубен продолжал злое гудеть. На пути Тарашечки выросли двое стражников – синие кафтаны, зубастые жестокие рожи. Воришка так в них и влетел. Согнулся, замер, обречённо свесив колпак. Выскочила старуха, принялась махать руками, изобличать.

Ах ты, пакости мешок!

Отдавай-ка мой горшок!

В чём варить я буду щи?

Догоняй, лови, тащи!

Ворон уже ждал: сейчас снова не обойдётся без падения и задранного подола. Он вдруг представил, как в следующий торговый день на его месте

в толпе будет стоять Ветер. Стоять, сжимая под плащом не знающий промаха самострел... Потому что нельзя похабничать над Матерью, нельзя срамословить и хохотать, вышучивая Её гнев. Ибо родимой, наказавшей дитя, во сто крат больней, чем настёганному!

И полетит певчая стрела в отмищение Справедливой.

И попадёт в цель.

А учителя тотчас схватит сотня рук и...

...У занавеси отчаянное веселье погони сменилось заунывной тоской. Синие кафтаны взялись водить пойманного туда и сюда. Тарашечка, опутанный толстой верёвкой, ковылял понурясь, нёс на шее поличное – тот самый горшок. За спинами стражников ликовала старуха. Метала рукавами, плясала во все ноги, вскидывая подол.

– Тарашечка! – не переставая играть, окликнул понукалка. – Куда ведут тебя?

Болванчик в ответ гнусаво провыл:

– На кобылу ведут, положат под кнут!

И всё шествие медленно скрылось за занавесью, как в болоте погрузило.

Потом, под угрюмые раскаты бубна и плач гудка, так же медленно всплыла кобыла с лежащим на ней похитителем: руки свешены, рядом поличное. Странно гляделась злая улыбка деревянной рожицы, воткнувшей нос в косую теснину. На безликих лицах домашних кукол нужное выражение хоть можно было домыслить...

– Слышь, Тарашечка! – подал голос гудошник. – Сильно ли тебя, несчастного, казнить будут?

– Взял чуть всего-то, а драть велели без счёта! – истошно заверещал безобразник. – Лишают жизни святой за горшок пустой!

Начали ждать палача. Тот медлил, не показывался.

– Тарашечка! Где же кат, не заболел ли?

– Как есть заболел, весь побледнел, с лица похудел! – заливался болванчик, дёргаясь на кобыле. – Блинов объелся, вовсе разболелся, в задке засиделся!

«Блинов?..»

– Тарашечка! Но совсем ведь не сгинет, тебя не покинет?

– А его злая баба лечит! Брюхо правит, мнёт плечи! – пищал осуждённый и гулко стучался носом. – Чтоб скорее пришёл, чтоб злее порол!

Действительно, над краем занавеси неторопливо и величественно воздвигся палач. Кровавая рубашка и чёрные кудлы кругом лица придавали

ему известное сходство с Темрюем, но лишь отчасти. Темрюй правил своё дело, не обременяясь страстями, равно отойдя и от лютости, и от жалости. Этот – каждой чёрточкой являл преувеличенное, небывалое зверство. Раздутые багровые щёки, оскаленные зубы, выкаченные глаза... Не городской законный казнитель, а разбойник из чащи лесной. Душегубец Кудаш за миг перед тем, как напороться на нож!

Он был такого росту и мощи, что Тарашечка лежал перед ним ничтожной козявкой. Вдовьим голосом провыла дудка, горестно возрыдал гудок, безнадёжно затрепетал бубен...

Ручища с кнутом начала медленно подниматься...

И тут опять выскочила злая старуха. Стала помавать тряпичными лапками за спиной исполина, хватать его за рубаху. А уж скакала-прыгала так, что Ворон даже разглядел мелькнувшую руку Брекалы, водившего пятерушку.

– Тарашечка! Это что же она такое задумала?

– Учит палача, как бить сплеча! Не в той руке кнут, и всё тут!

Великан довольно долго отмахивался от наскоков настырницы, но в конце концов не стерпел. Оставил кобылу, развернулся – да как пошёл охаживать приставалу! Старуха носилась, прыгала, падала. В который раз взметнулся подол, кнут ожёг прямо по наготе. Позоряне захохотали.

Дикомыт вздрогнул, поморщился... Вновь пробрало холодом, сделалось одиноко и страшно. «А если учителя не сразу смертью убьют? Если схватят живого?» Он с потрясающей ясностью увидел Ветра, распластанного на кобыле. Его крепко стиснутые побелевшие кулаки: «Сто один... сто два...»

Ворон даже на некоторое время перестал замечать представление. Между тем Тарашечка под шумок слез с кобылы, прихватил горшок и удрал. Палачу было не до него. Он яростно преследовал старуху и так хлестал кнутом, что раскачивалась занавесь. Стражники появлялись, пропадали, бестолково метались, тоже попадали под бич. Когда Ворон снова стал смотреть, битва уже затихала. Насовсем исчезли стражники, скрылся великан, лишь с криками взлетала и низвергалась вконец раздёрганная старуха. В последний раз выскочил палач, сгрёб её и уже бесповоротно уволок в бездну.

Ворон понял, что не сможет просто уйти, ничего не предприняв. В памяти ещё жило назидание Ветра: проследить, осмотреться... не лезть ни во что. Да неужто источник впрямь ждал, будто он, ученик, спокойно вернётся? проводит его на верную смерть?.. Ворона посетило озарение, он понял, что нужно было сделать.

«За тебя, Мать Владычица. За тебя, отец...»
Рожок и бубен с гудком надрывались неподобным весельем.
Над занавесью появился Тарашечка, поставил горшок, сел рядом –
руки в боки, нога на ногу.

Мы играли вам и пели,
Про кого ж на самом деле?
Кто достаточен умом,
Догадается о том.

Вымахнул платок, накрыл Тарашечку и унёс. На доске занавеси
остался только горшок. Высунулась рука, забрала его.

Мы играли, мы гудили,
Мы злодейку посрамили.
Нам на пиво и ватрушки
Собирают пятерушки!

Действо кончилось. Позоряне стали разговаривать, переглядываться.
Хмель развеивался, Ворон видел: вдосталь навеселившись, люди как будто
трезвели. Многие прятали глаза, отворачивались, норовили незаметно
уйти. Наверно, это были здешние мораничи. Смогут ли теперь
Правосудной молиться, не видя перед собой старуху на полочке? Как после
такого-то глума назавтра к святому жрецу на улице обратятся?..

Брекала вышел из-за занавеси, на ходу вынимая изо рта пищик.
Он был чем-то похож на Галуху, немолодой, взмыленный, круглолицый,
очень довольный. Он держал в руках пёстрый колпак вроде
Тарашечкиного, только большой. Для денег.

Хвала о перстах

У скомороха зверски саднило нёбо, распух язык, болели щёки и шея. Так бывало всегда, если он долго говорил через пищик, стараясь, чтобы звучало внятно и громко. И будет болеть, пока не опрокинешь в кружале пива похолоднее. Замлевшие пальцы покалывала вернувшаяся кровь. Брекала был доволен. Сегодня битва Тарашечки с Мораной рождалась почти на ходу, по мгновенному наитию. А ведь с утра он даже не собирался на торг выходить. Опасное это дело, скалозубить о будущем правителе города. Поди знай, как дальше дело пойдёт: ещё попомнят некстати. Однако покровитель Огненный Змей не оставил Брекалу, не забыл жертвенных возлияний. Пролетел слух, будто на торгу крикнули вора. Да не кто-нибудь крикнул – Люторад, скомороший ненавистник. Уж этот вцепится, не отпустит. И точно, пронеслась весть о скором суде, стали ждать казни. Тут уж на площадь побежали и те, кто по лености пропустил вече, а Брекала бросился к скрыне – обрядить палача. Теперь он посасывал намятый рот, предвкушая отменный сбор и пиво в кружале.

В дальнем конце площади что-то начало происходить.

Над говорливым скопищем неожиданно взмыл всего один голос, но такой, что головы начали поворачиваться.

Сказала Владычица: «Я создаю
Для каждого пальца науку свою.
Большой – чтоб не выскользнул меч из руки.
Второй – чтоб к победе направить полки.
И третий, оружием ставшая плоть,
Стальными тисками закроет щепоть.
Четвёртый и пятый... но вы, ребята,
Совсем не желаете слушать Меня!»

Человек пел – и как! Ему не верста были ни Брекала, ни понукалка-гудошник, не говоря уже о рожечнике. Голос заполнял широкую площадь, играл сам с собой, ударяясь в стену подклета, уносился на ликующих крыльях через разлив, достигая аж Дикого Кута.

Без натуги, без выученного умения, свободно и легко, как птица поёт.

Брекала сперва не поверил собственным ушам. Потом сообразил:

его вызывали на поединок.

Ан правда: последние пальцы руки,
Собой не красны, не сильны, не ловки,
Пустой болтовне посвящали досуг,
О низком и ложном мололи сам-друг,
Лентяи от пясти до самых ногтей...
Чего ещё ждать от бездарных детей!

Позоряне тоже всё поняли. И очень обрадовались новой потехе. Стали тесниться, расступаясь улицей от одного к другому. Ошеломлённый скоморох увидел наконец супостата. С ним надумал тягаться бессовестно молодой парень, почти отрок. Явно пришлый, с лыжами за спиной. Наглой удали в нём было на семерых, а голосина!.. Вот уж правда святая: Боги одним дают, другим лишь показывают.

– А ну рот закрой!.. – крикнул Брекала.
И вмиг понял, как жалко прозвучал его самочинный запрет.
– Охолонь, Тарашечка, – посоветовали стоявшие у занавеси.
– Тебя мы слушали, желанный, – добавил кто-то, подражая пискливому говору болванчика. – И ты нам парнишку слушать не мешай!
Раздался смех.

Владычицы гневен и горестен взор,
Двоим лоботрясам гроза и укор.
«Бежите умений? Да сбудется так!
Без вас обойдёмся, сжимаясь в кулак!..»

И словно для того, чтобы окончательно приобидеть Брекалу, у его противника объявилась подмога. Кувыки – слепой, хромой да третий горбатый – встали по сторонам, изготовили гудебные снасти, обшарпанные, надтреснутые, годные разве что нищенскую жалёную тянуть. Владиться в голосницу они и не пробовали, куда им. Просто взялись отмечать каждый круг песни ударом струн, воплем пыжатки.

Вон оно как. Гусли, всемерно изгоняемые Мораной, провозглашали Ей хвалу... А небо почему-то не падало.

«Всех дел вам отныне и впредь, говорю, –

Лишь в ухе копать да чистить ноздрю!»

Возмущённый, побагровевший Брекала сделал несколько шагов навстречу обидчику... остановился. Он был способен распознать настоящее, когда оно ему представало. Голос парня словно выдёргивал крашенные пёрышки его представления, пускал по ветру, – им ли равняться с лебединым размахом и чистотой!

Понукалка и рожечник не поняли увиденного вожакom. Да что с них возьмёшь. Бросив снасти, общники пробежали мимо Брекалы. Яркие, весёлые балахоны плохо вязались с перекошенными яростью рожам: кто-то собирался ссыпать их заработок себе в шапку! Действительно, коротышка уже обходил людскую улицу, драный треух в его руках зримо тяжелел.

Брекала, непонятно как, уже знал, что сейчас будет.

...И братьев-глупцов наградила шлепком:
«Вас только и вспомнят, прибив молотком,
Да, может, бездельной касаясь струны...
Моим сыновьям вы отнюдь не нужны!»

Супостат в кулачную не полез. Ловко скользнул в сторону, чтобы не наскочили вдвоём. Шагнул встречу гудошнику, нарушил разбег, как-то боком припал вдруг перед ним на колени... Понукалка и улетел кувыркoм через торчащие лыжи, обидно, больно.

Рожечника тем временем перехватили горожане. Он рвался, его придерживали, похлопывали по плечам:

- Не баламуть, добрый человек.
- А тебе, малый, велим дальше петь, общество радовать.

С тех пор и ведётся меж нами, людьми:
Помянем с проклятьем, прихлопнув дверьми,
А важный урок поручаем не им
И правую битву не ими вершим.
Да только больнее тоски не сыскать,
Чем Матери вовсе ненадобным стать!

Эхо последний раз пробежалось по Дикому Куту и смолкло.

– Вот, – сказал Ворон.

В шапке поводыря медь звякала о серебро.

– Слышь, парнюга... А ещё можешь?

– Могу!

Брекала повернулся, пошёл прочь. Возмущённые пособники, зло оглядываясь, потянулись за вожаком. Складывать занавесь, поднимать брошенных кукол... Люторад так и не разметал пятерушек, сами в грязь уронили.

– Неча тужить, – сказал понукалка. – Этого захолустника тут завтра не будет, а мы опять выйдем.

Брекала не ответил. У него за спиной снова взмыл голос, возвещавший простую и жестокую истину: одни летят в заоблачные небеса, другие лишь вспархивают на забор. Откуда и кукарекают, полагая, что достигли горних высот.

Ворон спел ещё хвалу позабавнее, потом другую. Начальный вдохновенный восторг, умноженный сознанием победы, стал притихать. «Это я так наказ учителя исполняю? Слушаю да смотрю, слова не говорю, в стороны озираюсь, ни во что не мешаюсь?..» Ещё было весело и смешно, но понемногу подкатывал холодок. Когда его называли «скворушкой голосистым», это прозвучало едва ли не отрешением от воинского имени. Ворон покривил душой, стал тереть горло, смутился:

– Хрипну, почтенные, не могу, будет с меня.

Его трепали по лёгкому кузову на спине.

– Ты передохни, желанный, молочка попей, ещё выходи.

– Отколь явился, парнище? Заночевать есть где?

Он отвечал:

– Да мы с дядей из Нетребкина острожка прибежали. Он домой уже снарядился, мне велел догонять.

– А собой-то хорош... – пялились девки. – Глазки, глазки ясные, что пуговики заморские!

Если он вправду хотел донести что-то учителю, пора было спасаться.

– Слышь? – дёрнул его за руку поводырь. – Калиту подставляй.

И щедро пересыпал Ворону не менее половины всего, что насобирав. Дикомыт отошёл с кувыками в сторону и тогда только спросил:

– С чего помогать взялись?

Коротышка нахохлился, отвёл глаза:

– Ты тоже мог вора крикнуть... Покрывали бы сейчас спину

не Карману, а мне.

Облака начинали пристывать сумерками, торг помалу сворачивался. Ворон заспешил.

– А ещё поможешь?

– Ну.

– Тётку Грибаниху знаешь? В зелейном ряду вроде сидит.

Кувьки засмеялись:

– Кто же Грибаниху не знает! Один ты и не знаешь. А что тебе до неё?

– Подарок надо купить, а у неё есть, говорят. Покажете её, пока домой не ушла?

– Ну!

Коротышка снял со своего плеча руку слепого.

– Тебя как дразнить будем? – спросил он, пока вдвоём шли через торг.

Правду отвечать было нельзя, но и врать особенно не пришлось.

– Да ты слышал уже, люди окликали: Скворцом.

– Скворцом?

– А я клюваст, волосом тёмен и всё фюить да фюить... Тебя-то каким назвищем величать прикажешь?

– Хшхерше.

Ворон даже остановился.

– Ух ты! Это по-каковски же?

Лицо парня не выглядело чужеземным. Теперь, когда Ворон к нему присмотрелся, черты казались умными, строгими. Не самыми пристальными побирушке и крадуну.

– Нас таких две деревни было на берегу. – Поводырь чиркнул ребром ладони над головой, обозначая малый рост. – Морянами звались. Старикам верить, племенем вышли из-за Кияна ещё при добром Гедахе. Всё волной смыло в Беду, мест не знать, где избы стояли... Один я теперь.

Ворон попробовал повторить:

– Хшер...

– Хшхерше. Буревестник по-вашему.

Тропка вела их мимо Гадалкиного носа.

– Погоди чуть, – сказал Ворон. – Спросить надо.

Ему не хотелось вовсе уж тупой надолбой стоять перед Грибанихой и краснеть, спотыкаясь: «Стыдь... студь...»

Прыгая по склизким камням, он живо добежал в дальний конец мыса... Девушки не было.

– Поздорову ли, тётенька, – торопливо обратился он к пожилой ворожее, склонившейся над чашей цветных камешков, красноватых, белых

и пёстрых. – Вон там, на валуне, утром девка сидела, глаза повиты?

Некоторое время гадалщица смотрела так, словно он у неё допытывался о шествии умерших царей: кто за кем выступал да что говорил. Потом покачала головой.

– Ты, дитятко, меня не морочь... Не было здесь никого. Тебя помню, присаживался отдохнуть, а девок не видела.

Ворон удивился, понял, что срамления перед Грибанихой не минует, помчался с мыса долой.

– А-а, здравствуй, дружок сердешный, – обрадовалась коротышке зелейница. – Я уж собираться хотела, где, думаю, помощник незаменимый?

Хшхерше заулыбался:

– Я тебе покупщика привёл, тётушка. – И ехидно добавил: – Только он сам не ведаёт, чего надо.

Ворон понял: тайным воином Мораны ему не бывать никогда. На него с любопытством смотрел уже весь зелейный ряд. Уши начали разгораться.

– Стыдь нужно, тётенька.

Торговки захохотали:

– Ну и ребятки нынче родятся!

– Своего стыда нет, растрёпа, прикупить вздумал!

– Стыдь? – удивилась и Грибаниха. – А-а, стынька нужна, что ли?

– Точно, тётенька. Стынька.

Грибаниха кивнула, наклонилась, по плечо запустила руку в лубяной короб. Пошарила, извлекла с самого тла пестрядинный кисет, по виду – с крупой.

– И ведь нести не хотела, не спрашивали давненько... а потом словно под руку кто толкнул – возьми, не утянет. Тебе, сыночек, много ли надобно?

Этого Ворон тоже не знал.

– Всё давай, тётенька.

Хшхерше присвистнул. Грибаниха, успевшая вооружиться крохотным мерным ковшиком, опустила мешочек.

– А денег-то у тебя хватит, желанный? За весь мой припас попрошу с тебя четыре таймени да две утки... Так и быть уж, одну утку прощу.

Ворон ухарски вывернул кошель:

– Давай считать, тётенька.

– Загибеников корзинку поставишь, тётя Грибаниха, – подбоченился морянин. – Половину с сыром, половину с кашей да салом. Вишь какого я тебе богатея привёл!

Чуть не из-под локтя у Ворона вынырнула бабёнка-носыня, как есть сестрица злого Тарашечки.

– Куда столько берут? Мёртвую, что ли, по зеленцам везти далеко?

«Ах же ты ягарма, гадилка, чтоб тебе...»

Ворон во все плечи повернулся к бабёнке, смерил взглядом и улыбнулся, но зрачки блестели иголками.

– Отчего ж мёртвую? Ещё толчётся, не в своё дело суётся, а завтра отнимут зипун, саму с мостка да в кипун! Тогда и повезём... подальше куда...

Оговорённая пакостница с ним зубаниться убоялась, вякнула, квакнула, подевалась куда-то.

– И вторую утку прощу, – сказала Грибаниха. – Ну её! У самой дело не спорится, так всем другим торг надобно изурочить!

Хшхерше помогал делить монеты на кучки, отсчитывая четыре таймени.

– Тётенька, – сказал Ворон. – С ней, со стынькой этой, хоть что делают? Кашу варят?

Торговка и коротышка безмолвно уставились на него. Грибаниха махнула рукой, засмеялась. Дикомыт окончательно смутился, начал пояснять:

– У меня сестрёнка названная... в болезни лежит, вся кипятком обварилась. Подарочком утешить хочу. А гадалка сама собой велела к тебе, тётя, за сту... за стынькой этой идти. Вот.

Грибаниха помолчала ещё, подумала, спросила:

– Раны велики ли?.. Да на себе не кажи, балбешка! Ишь, бедная... Запоминай теперь. Вот столечко зальёшь тёплой водой, чтобы на два пальца покрылось. Зёрнышки тотчас распухнут, всю воду вберут. Как расползутся – взбей в пену да тут и намазывай.

Морянин фыркнул:

– Только девке не говори, почём брал. Прибьёт тебя.

– Жива бы дождалась, – сказал Ворон. – А там хоть бы и прибила.

– Стынька плёночку даст, – продолжала наставлять Грибаниха. – Засохнет, так и оставишь, сама после сойдёт... Да, раны от гноя не умывай, не вереди, стынька высушит. – И отодвинула от кучки в четыре таймени ещё несколько монет. – Это тебе на удачу, чтобы встала сестрёнка.

Пока шли назад, Хшхерше спросил:

– Что за девка, о ком печёшься? Полюбовница али вправду сестра?

Ворон начал рассказывать, увлёкся, даже имя назвал.

– Сирота, значит, как я, – рассудил коротышка. Остановился, вытащил

из ворота ремешок с несколькими блестящими ракушками, снял одну. – Это из-за моря, с прародины нашей... – Сунул Ворону в ладонь, вдруг покраснел. – Надейке отдай, пусть забавляется.

Трус

Нынче у скальника продажа шла еле-еле, вовсе в посад. Только зря зяб на ветру, поддувавшем с Воркуна. За весь день отдал несчастные две стопки листов, сколотни же так и стояли, бились один о другой, падали временами... А какие сколотни – чистые, гладенькие, ни тебе дырочки! Через великий труд снятые с молодых берёз, тянувшихся в густом ельнике! На кубышки, бурачки, узорные туеса...

Небо мрело, близилась пора складывать короб. Будет другой день, а там, глядишь, начнёт подниматься дворец. Вот когда берёста пойдёт не стопочками – возами. Только не та, которую он вынес сегодня. Сегодняшняя – для тонкой работы...

Мимо скорым шагом, направляясь в зелёный ряд, прошли двое парней. Одного, поводыря слепого кувыки, скальник знал. Второй, долговязый, с лыжами за спиной, был чуженин. Этот посмотрел на товар, вроде даже начал придерживать шаг, но тоже не остановился. Покуда берестовщик убирал непроданные стопки, парни появились снова. Длинный с облегчением улыбался, поправлял что-то в пазухе: не хотел доверять многоценную покупку ни кузову, ни поясному кошелю.

Вот он снова поглядел на берёсту, на связку длинных сколотней... Взгляд неожиданно загорелся и прикипел, парень забыл слушать, что говорил коротышка. Запнулся на ходу, покинул товарища.

– Можешь ли гораздо, добрый продавец! Почём скалу отдаёшь?

У него была жестковатая северная помолвка, глаза светились нетерпеливым мальчишеским замыслом, а руки явно знали, как управляться с берёстой. Уж скальник в этом кое-что понимал.

Шегардай – город не маленький. Конечно, до славных столиц ему далеко, но кружал, чтобы доброму человеку выпить и закусить, в нём аж целых четыре. После удачных представлений, с приятной тяжестью в кошеле, Брекала с общниками неизменно обходил все. Выяснял, который хозяин лучше угадал пиво и где красивей служанки. Бывало, поздней ночью тянулись улицами к себе на Привоз-остров, распевая громкие песни. Поддерживали друг дружку, весело приветствовали поздних прохожих...

Сегодня всё было не так. Брекала прогнал от себя рожечника с понукалкой, словно они были чем виноваты. Швырнул в короб скомканный балахон. Прокрался задами, как тать какой...

Толкнул скрипучую дверь под облезлой вывеской с бараном и бочкой. Засел один в самом дальнем углу, отвернувшись к стене.

Торжане, кончившие дела, неторопливо обсуждали удачи и неудачи минувшего дня. Благодарили покровителя-Змея, гладили бороды, запивали кто выручку, кто выучку.

– Ты, друже, ума не теряй, кошель береги...

– Кошель? Воришки небось надолго притихнут.

– Это верно, на кобылу никому не охота.

– А по мне, они таких надежных только и ждут.

Брекале разговоры купцов звучали беспечным лепетом детей, никогда не ведавших горя. Служанка живо расстелила перед ним столешник. За голый стол садиться – совсем себя не блюсти.

– Чего добрый господин подать велит?

– Пива. Покрепче которое.

– А кушать господин что будет? Уха добрая, греночки...

Кулаки сжались сами.

– Пива неси, говорю!

А ведь он выходил из-за полстины упаренный, опустошённый, но безмерно счастливый... Ему вновь удалось это. Люди окружили его скоморошню, они смотрели во все глаза и смеялись. Подталкивали один другого, теснились поближе, он видел в прорези их глаза. Видел – и гнал своих пятерушек по пути, подсказанному позорянами. Ощеулил над тем, чего народ подспудно боялся. Трудился людям на потешенье, всему свету на удивленье, себе на барыш...

Эти самые люди сегодня сказали ему: ступай, Брекала. Мы будем слушать другого.

– Санники теперь руки погреют.

– Правда, что ли, дворец намерились возродить?

– Работа великая. Скоренько только рушить, а строить...

– Да чтобы на прежний похож был.

– Царята всё равно не обманутся, не признают.

– Какое признают? Их дыбушатами из города увезли!

Скоморох отодвинул опустевшую кружку. Румяная служанка сразу принесла полную. Потом ещё. Пена стекала через край, впитывалась в столешник. Шипение пузырьков отдавалось безголосой песней пыжатки. Перед глазами стоял взгляд захожего парня, победный, ликующий, впрозелень голубой. Хотелось погасить этот взгляд. Омрачить страхом. Затопить чем угодно, даже болью и кровью...

Кружки были толстые, дешёвой работы, чтобы не очень жалеть, если

побьются. Столешник – чистый, высушенный у печи, хотя изрядно потрёпанный. Служанка – кудрявая, полнотелая, не чуравшаяся объятий. Нечёсанный подстарок, угрюмо сгорбившийся в углу, очень мало напоминал всегдашнего Брекалу, разговорчивого и щедрого гостя. Добрая девушка подсела к нему, положила руку на плечо, хотела что-то сказать.

– Не до тебя! – замахнулся Брекала.

Она отшатнулась, с лица пропали ямочки-умилки. Торгованы смолкли, оглянулись: о чём раздор? Девушка молча встала, тряхнула головой, занялась другими гостями.

Пиво становилось всё горше с каждым глотком. И крепости в нём никакой не чувствовалось. Не приносило оно внутреннего смягчения, не развеивало обиды.

– Чтоб тебе глотку замкнуло и черви глаза выели, – сдувая пену с очередной кружки, бормотал проклятия пятерушечник. – Чтоб ты в щепку высох, сопляк. Чтоб тебе, как нынче Карману, на кобыле скакать, да не верхом...

Кружка вновь показала дно. Можно было хоть до завтра придумывать кары наглецу и мечтать: ужо сбудутся! Злые речи не отменяли случившегося, не исцеляли души. Ещё утром гордый Богобой отправлял Тарашечку воевать со злой ведьмой, намекая: умный поймёт. Теперь...

– Парнишка певун изрядный. Одно слово – Скворец!

– Ему голосом промышлять, а он смутился. Все деньги собрал бы.

– И соберёт ещё, если останется.

– Не останется, дядьку догонять побежал.

– У них в острожке небось и холя, и воля, и доля, раз так поёт весело.

– Может, ещё когда заглянет, послушаем.

У Брекалы поплыли перед глазами чёрные клочья, пиво поднялось к горлу. Он чуть не опрокинул скамью, швырнул на скатерть медяки, незряче устремился за дверь.

На улице было темно и моросил дождик. Брекала покинул в кружале шапку, но возвращаться не стал.

Подлый мальчишка за всю свою жизнь столько песен не выслушал, сколько он, Брекала, скоморошин сложил. Ну, высунулся один раз вперёд, о чём горевать? Пришёл незнамо откуда и туда же ушёл, а Брекала остался. Минует седмица – опять хвостом за ним побегут, Тарашечку зазывать будут...

Всё так, но по тёмной улице вместо великого Богобая брёл маленький скоморошек, потерянный и порядком хмельной. Не житель вершин – посередень с несколькими удачами. И как он, пеший, ни прыгай, всё равно

будет грызть нутро страх: вот сейчас вновь прилетит из лесу Скворец. Взмахнёт крыльями на том конце площади. Зазвенит, запоёт. И глупые позоряне...

– ...Скоморох... – шепнул в ухо голос. – Пора платить, скоморох...

Странный был шёпот. Бестелесный какой-то. Брекала остановился, завертел головой. Рядом никого не было. Он пожал плечами, двинулся дальше. Холодный воздух немного разогнал хмель, пятерушечник понимал, что хватил лишку. С крепкого пива ещё не то могло поманиться. Платить? Он в кружале разве не заплатил?..

Брекала шёл, переступая лужи, смутно жалея, что забрёл в «Барана и бочку». Далековато от Привоз-острова. Ну ничего. Не впервой.

Через сотню шагов улица вывела его к мостику через ерик. Брекала помедлил в некотором замешательстве. Он-то был уверен, что свернул на Позорную, а оказалось, его занесло на улицу Первых Кнутов. Наверно, в оплошке виновен был голос, примерещившийся на перекрёстке. Мудрено ли, что свернул с прямого пути, потащился привычной тропкой, обходом кружал...

Этот мостик жители окрестных дворов прозвали Вонючим. Что ни вечер, с него выгоняли потерявших совесть пьянчуг, а самых зlostных опур, бывало, с головой макали в ерик. Брекала, знавший об этом, разок посмеялся над бесстыдниками, отправив Тарашечку по кружалам, а после сюда. Он помнил: торговая площадь аж взвыла, когда болванчик порывался спустить штаны у перил. Люди хохотали и взвизгивали, гадая, уронит ли портки. И если уронит, то насколько дотошно окажется сделана кукла!

Пятерушечнику стало смешно, он забыл недавний испуг, остановился, злорадно взялся за гашник...

– ...Скоморох, – вполз в ухо тот же шёпот, бесплотный и, чего уж там, жутковатый. – Слово отплаты требует, скоморох...

Усмешку вмиг стёрло. Какое такое слово?.. Брекала быстро оглянулся, предчувствуя, что опять никого не увидит. Вспомнилось проклятие, с горя брошенное в кружале. Уж не за него ли требовали воздаяния?..

О подобном лучше рассуждать у печного огня, а не на безлюдье да в густых сумерках. Знакомая улица сразу стала незнакомой и страшной. Из углов зловеще поползла тьма. Брекала неуклюже сорвался с места, пустился бегом.

Дыхания, отягощённого пивом, хватило ненадолго. Пятерушечник вновь зашагал, отдуваясь и спрашивая себя, что случилось. Какая ещё плата за слово, обронённое спьяну да в сердцах?.. Так судить, языки через

один резать придётся. А с моста зачем убежал, чего утратился? Дурной славы назавтра? Подумаешь! Нахотчутся и забудут. Заскучают по Тарашечке. Придут из-за занавеси его вызывать...

Когда впереди качнулась тень человека, беспамятно опиравшегося о забор, Брекала вспугнутым зайцем бросился куда глаза глядят. Влетел в кривой переулок, долго шарахался вдоль глухих заборов, всхлипывая и трясясь, пока сточная канава не вывела на улицу, вновь показавшуюся знакомой. Лапотная? Ржавая?.. Он толком не помнил.

– ...Скоморох... – приподнял волосы на затылке шёпот из ниоткуда. – Не будет тебе пути, скоморох...

Брекала вскрикнул, зажал уши ладонями, опять побежал.

Позже он толком вспомнить не мог, как метался по городу, ища спасения за Полуденными воротами. Жуткий шёпот был всюду, он наполнял перекрёстки, плыл в клочьях пара над воргами, сочился с мелким дождём. Брекала затыкал уши, но мостовую дыбило и кренило, руки поневоле хватались то за мокрый каменный угол, то просто за воздух... и пошатнувшийся разум вновь окутывала липкая пелена:

– ...Скоморох... слово твоё что свинец, скоморох...

Туманная граница шегардайского зеленца уже мнилась Брекале спасительным рубежом. Он так вомчался в знакомую мглу паоблака, словно вместе со слякотью городских улиц должны были остаться позади и все его страхи. Вот сейчас в лицо повеет чистый мороз, он единым духом одолеет последнюю оставшуюся версту... а утром откроет глаза в тепле заезжей избы – и, глядишь, посмеётся, вспомнив нынешний трус.

Деревья по вену Привоз-острова стояли в густом серебряном пуху. Из временного селенья торжан вкусно пахло жареной рыбой. Брекала вздохнул с облегчением, захотел есть, пригладил ладонями волосы.

Тонкая высокая берёза впереди содрогнулась сама собой, как от удара. В безветренном воздухе повисла и медленно поплыла в сторону полоса прозрачной куржи. Над землёй шествовала тень женщины с седыми распушенными волосами, в кручинной понёве.

– ...Скоморох... ты недобрый сын, скоморох...

Брекала подвернул ногу, упал, забился в снегу, кое-как вскочил, снова чуть не упал... Начал кричать и не умолкал, пока не хлопнул дверью заезжей избы. Дворник и общники еле узнали его: без шапки, волосы дыбом, с головы до пяток в снегу.

В избе пятерушечник сразу бросился к печи. Приник к тёплому боку, заплакал и долго не смел покинуть припечка, чая обороны от ужаса, таившегося снаружи.

– Что стряслось? – испуганно дивились пособники. – Обобрали? Откулачили? Кто?..

Брекала задыхался, сглатывал, не отвечал. Другие пожилыцы на них шикали. Большой торговый день переполнил привоз, сведя в Шегардай невозможную уйму народа. Люди спали на полатах, под лавками, среди пола. Многие собирались в обратный путь уже на рассвете; что за шум в самый глухой спень?

Мало-помалу всё улеглось, разбуженные поворчали, повернулись на другой бок и снова починули.

Дровяное грево втекало в спину, подпитывало оскудевшее жизненное тепло. Брекала начал возвращаться из царства призрачных голосов к обычной вещественности знакомых стен, скрипучих половиц, закопчённых стропил, уютно озарённых лучиной. Он всё смотрел на крохотный язычок пламени, ожидая, чтобы тот метнулся и погас, задутый незримым дыханием. Этого не произошло, угольки всё так же шипели, падая в корытце с водой... зато внизу живота начало распирать, да всё ощутимее. Так, что Брекала стал оглядываться на дверь.

Понукалка с рожечником безмятежно посапывали, приткнувшись в тесноте под тулупами. Брекала сидел, обхватив руками колени. Голова то валилась на грудь, то запрокидывалась. Он всхрапывал, открывал глаза, вновь смотрел на лучину. Телесная нужда гнала за порог, страх приклеивал к полу. Живя на морозе, дворник соорудил для пожильцов удобный задок, даже подогревавшийся от избяных стен... одна беда: через сени туда ходу не было, бегай кругом...

Брекала крепился долго, но всякому терпению положен предел. Когда не стало уже никакой моченьки, он всё-таки встал, торопясь, всхлипывая сквозь зубы, стал перешагивать спящих, выбрался в сени. Согрел в руке поясной оберег, открыл дверь на крылечко... Ни в какой задок он не побежит, подумаешь, талое пятно под стеной, завтра же снегом запорошит!

Могильный шёпот немедленно пробрал до костей:

– ...Злой ты, скоморох...

Брекала спятил так, что не удержал равновесия, опрокинулся через порог. Дверь громко бухнула, изнутри снова послышались возмущённые голоса.

Заботливый дворник не очень понял безумные жалобы скомороха, но взял свет и вышел с ним вместе. Чего не сделаешь для гостя, даже и похмелье за чужое пиво потерпишь! Сло́ва не произнесёшь, когда этот гость, до задка не дойдя, со стоном и рычанием принимается поливать

прямо с крыльца...

– ...Человеки бессердечные... – раздалось словно бы из стеновых брёвен.

Хозяин подпрыгнул и заподозрил, что бредни пьяного пожильца были не совсем бреднями.

– Ты, что ли, шутишь, батюшка Домовой?

Голос противно дрогнул, потому что это наверняка был не Домовой.

...Снова скорбный вздох прямо над ухом, такой близкий, что явственно ощутилось, кольнуло иголочками ледяной пыли даже дыхание:

– ...Горьким плачем плакать вам, скоморохи...

Брекала с дворником схватили один другого, вместе закатились обратно в сени.

Стало ясно: Брекала в городе разворошил какое-то лихо. Пятерушечника озевали, сглазили, изурочили. А самое скверное – вместо того, чтобы отходить свою порчу задом наперёд, как делают люди, он доставил её прямиком в заезжую избу.

Кто-то высмотрел у него на кафтане, между лопаток, чёрное прилипшее пёрышко.

– Вот оно!

– Сожги быстрее, разиня!

– Да вместе с кафтаном! Кафтан живет сымай!

– Огня давайте!

– Ну тебя, пятерушечник!

– Куда к печке лезешь?! В сени ступай! Ещё отнота нам твоего не хватало!

– Хозяин! Можжевела найдёшь? Окурить бы, да хоть посыпать...

Скоро в избе поплыл благой дух от сухих веточек, брошенных на угли. Однако лучше не стало. Разбуженные люди, зевая и ругаясь, друг за другом потянулись наружу... лишь для того, чтобы убедиться: речь шла не о простом знахарском наговоре.

– ...Мать гоните... плюёте в глаза... укора не слышите...

Вот тут уже в доме кончился весь покой, ночной угомон сменился криком и страхом.

– Прав был Люторад! Истинно прав!

– Гневается Владычица...

– А всё они! Скоморохи!

– Ещё и нас под Её гнев подведут!

– Пускай вон убираются!

- Люди, вы что? Куда им среди ночи?
- А куда хотят! Одной Беды мало, вторую в гости зовут?
- Как смотреть-веселиться, всем хороши были...
- С их потешек весь город горькими слезами умоется!
- На них Правосудная перстом указала, и нам то же будет!
- Запереть в срубе да запалить, как маловерных в Беду...
- Остынь! О делах Божьих взялся решать?
- Надо, чтобы старец слово сказал!
- А пятерушек – в огонь!
- За Люторадом пошлём!
- Да кто пойдёт? Сам иди, смелый если!

Расправы всё-таки не случилось. Темнота в небе ещё не начала толком редеть, когда скоморохов с руганью и дракой выкинули наружу. Следом полетело имущество.

Рожечник вытряхнул из-за ворота набившийся снег, подобрал занавесь. Тонкие распоры были изломаны, пёстрая полстина жалко обвисла. Невелик труд новые жёрдочки вдеть, а всё обида.

Брекала выглядел полоумным. Волосы щетиной, глаза по ложке. Он схватил старый лубяной короб, где лежали куклы, снасти, балахоны. Сбил расписную крышку, вывалил всё наземь, принялся топтать.

Понукалка ахнул, бросился спасать гудок, не успел. Только хрустнули полочки да жалобно вскрикнули струны.

– Брекала! Опамятуйся!..

Но скомороший вожак словно оглох. Тряпичных кукол с их деревянными головами растоптать оказалось труднее. Нагнувшись, он подхватил злодея Тарашечку, треснул им о приворотную надолбу. Болванчик продолжал улыбаться, глумливо и зло. Брекала зашвырнул его прочь... побежал в сторону города, бессвязно крича.

Он боялся – стоит умолкнуть, и тут же вновь подкрадётся шёпот из темноты. «Скоморох... – укорят невидимые уста. – Зачем гонишь Мать, скоморох?»

Там, где люди тесно живут, слухи разлетаются мигом. Любую весть выметут за порог языки болтливых служанок, из уст в уста передадут нищие, вместе с горячими бубликами разнесут улицами горлопаны-торговцы. А уж когда новость доберётся к водоносам, что с утра до ночи таскают по домам кипяток для грева палат, – праздных ушей в городе не останется.

– Слыхали, бабоньки? Богобой-то чем свет благочестному старцу

в ноги ударился. Лютораду руки целовать лез...

– Да брось!

– Истинно говорю, желанные, от гончаровой дочки слышала у колодца, а та – от Некши слепого. Поводырь евойный сам видел, как скоморох в святые двери стучался!

«Баран и бочка» только открывал двери первым гостям, а все уже всё знали.

– Лежмя, сказывают, в молельне лежит, вон нейдёт, плачет, лоб расшибает, прощения у Моранушки просит...

– Что ж с ним будет теперь?

– Повинной головы и меч не сечёт.

– Так то меч...

– Люторада не простит. Скажет, как отец его говорил: «То не мой враг – Владычицы!» И не простит!

– А в заезжем-то доме горшки на полках скакали, пол расседался, голос из стены говорил!

– А скомороху самому, говорят, аж перья вороньи с неба слетели, на кафтан тучей липли – не отодрали!

– Охти, страх! Нешто дни последние наступают...

– Люторада не один о Справедливой радеет. Уж как старец велит, так всё и будет.

– Тарашечку, бают, разбил и в майну кинул...

– Правда, что ли? Эх, зря!

– Зря? Вот так отцы Беды допросились!

Румяная девушка подавала гретые щи, рыбную дрожалку и хлеб. Вчера она вместе со всеми поахала бы об участии потешника. Сегодня Брекала стал ещё одним из тех, кто сажал её на колени, искал устами уста... а после замахивался: не до тебя!

И ей было всё равно, цела в кладовой забытая шапка или уже кто-то стащил.

Шатущие люди

Мужики, приехавшие в лесной зеленец, выглядели кем угодно, только не разбойниками, успевшими порядочно нашалить по дорогам Шегардайской губы. Со стороны поглядеть – самые обычные люди. Да они такими и были, пока самострелы и кистени лежали спрятанные в санях.

Когда всполошились собаки, когда бабы с криком и плачем побежали встречать, Лутошка сперва оробел. Удивился собственной робости, спросил себя, чего испугался. Он уже несколько дней жил при становище боярыни Куки. В охотку помогал деду Хвице, кормил собак. Даже стражу нёс – то с Марновой, то с молодым Онтыкой. Ловил на себе задумчивый и тревожащий взгляд самой госпожи...

Уже шагнув следом за всеми, острожанин вдруг с удивительной ясностью ощутил: если прямо сейчас, пока никто не следит, схватить лыжи, пуститься в утёк – навряд ли его станут искать. А завтра или через седмицу, за тридевятым лесом, глядишь и попадутся правские переселенцы. С которыми он в самом деле за Киян-море пойдёт.

Лутошка даже остановился. Метнул глазами влево-вправо. На него никто не смотрел.

Он сделал шаг...

При мысли об одиноких ночёвках, кружащихся волках и беспощадном морозе стало до озноба жаль новообретённой жизни в ватаге. Лутошка мотнул головой: нет уж!..

И побежал следом за всеми.

Уйти, если что, можно будет как-нибудь в другой раз...

– Ну, что тут у нас? – спросил вожак.

Он по-хозяйски сидел на санях, в распахнутой шубе, в меховом треухе, сдвинутом на затылок. В дремучей бороде таял иней, ватаг улыбался, но маленькие голубые глаза сверлили Лутошку, взгляд был тот самый, что мерещился острожанину, когда он удирал от волков. Госпожа Кука ластилась к мужчине, сидела у ног на земле, прикинувшись к колену.

Лутошка глотнул, сдёрнул шапку, достал пальцами истоптанный мох:

– Добрый господин...

– С чем пожаловал, мальй?

Пока Лутошка соображал, как ответить, боярыня потянулась к уху предводителя, зашептала, прикрыв рот ладонью:

– Кудаш... Чёрная Пятерь...

Она только что стёрла с лица колкую и вонючую мазку, щёки подтянулись, были по-девичьи гладкими, бархатными, румяными.

Вожак чуть наклонил голову, выслушал, глаза опасно блеснули. Кулак упёрся в колено.

– Сказывай, парень! Как есть сказывай!

Ватажники оглядывались, стряхивали виснувших баб, подходили, становились послушать.

Острожанин как будто вернулся в берёзовую рассошину, в кольцо хищных теней... Он даже язык не сразу сыскал, но за минувшие дни его столько раз нудили вспоминать заточение и смерть Кудаша, что короткая повесть обрела даже некое подобие стройности.

– Привезли, стало быть, обречённого... Ближника вашего, Кудаша. Пудовыми цепями опутанного... Под землёй в неволе держали... А потом на смерть повели. Господин котляр учеников напустил. Я-то кабальным тогда у них был, я одаль стоял... А уж честной ближник ваш им такого бою задал! Кому руку выдернул, кого насовсем испугал! Чуть всех по лесу не разметал, да слишком много их было. Тут пустили на него дикого дикомыта, на ножовщину гораздо, Скварку... Он в глаз ему и уметил. Ушёл к родителям честной ближник ваш... а тело без всякой правды зверям в чаще бросили. Вот так, добрый господин, всё и было.

Вожак хрипло выдохнул. Долго молчал. Ватажники кругом тихо переговаривались, мяли шапки, качали кудлатыми головами.

– А ты, значит, к нам подвалиться решил?

Лутошка хотел ответить, что собирался, вообще-то, переселенцев искать, но само собой выговорилось:

– Да, добрый господин.

– Я тебе не господин, – почему-то зло усмехнулся ватаг. – Мы тут люди вольные... и к вольности своей кого попало не допускаем. В кабале у котляров чем занимался?

Лутошка отвёл глаза, проворчал:

– А на меня унотов притравливали. Я по лесу бегал, они ловили. С копьями, с самострелами...

– И живой?

– Я усердие показал. Не всяк поймать мог.

– Значит, все ухватки тайные видел?

Лутошка ответил рассудительно:

– Все не все, врать не буду. А что видел, то видел. – Захотелось похвалиться, он наморщил лоб, добавил: – И круговину тамошнюю

как свою онученьку знаю.

Вожак задумчиво кивнул:

– Что ж, поглядим на тебя... В общну что положишь?

– В общну?..

– А ты думал, с готового пить-есть будешь?

Улыбчивый Онтыка живо принёс Лутошкину заплечную суму.

– Отдашь волей, возьмём охотой, не отдашь волей, возьмём неволей!

– Где что добудем – всё братское, а общна – для чёрного дня.

– Мы – люди вольные, – повторил главарь. – Богатств не стяжаем, по сундукам друг от дружки не прячем... Показывай животы.

У Лутошки, срам сказать, были не животы, а сущая худоба. Латанные одёжки, огниво, лыжи, нож, самострел... Наземь вывалилась истёртая зепь и в ней моранская книжица. Её сразу подобрали, стали рассматривать.

– Грамоте разумеешь никак?

Лутошка покачал головой:

– На что мне...

– А книга зачем?

Он съёрничал:

– А в суму завалилась, когда уходил.

Батаг засмеялся, за ним и вся шайка. Лутошка понял, что начал нравиться им. А он-то чуть было в утёк не рванул!..

– Ладно, – сказал главарь. – Будешь, значит, с нами по воле ходить и за людскую правду муки терпеть.

«Нам – воля, – отозвалось в душе острожанина. – Нам – воля...»

Доля седьмая

Опала

Полосу мороза постепенно сдувало западным ветром. Уходящая стужа притащила на хвосте позёмку, какой давно не видали. По всему старому полю между Кутовой Воргой и лесом колыхалось сплошное белое одеяло, человеку по грудь.

Не зная, чем ещё услужить великому гостю, хозяин распахнул рогожную накидку. Прикрыл от летучего снега котляра, подвязывавшего лыжи. Ветер покидал вольку суровый и неразговорчивый. Большак хорошо видел: тот, как проводил ученика, места себе не находил. Вскидывался на всякий шорох, на случайный собачий брёх. Тем и кончилось, что снарядился в путь ни свет ни заря. Не то спасать приёмного сына, не то ловить и наказывать. Он проверял юксы тщательно, неторопливо. Чтобы поменьше думать о них в пути, неблизком и непростом. А может, просто оттягивал предел своего доверия ученику?

Внутри зеленца, еле слышно сквозь все стены и посвист тащиhi, но всё-таки внятно, тьякнул, залился лаем щенков. Большак оглянулся, насторожился, понял – который. И миг спустя – почему.

Сразу отозвались другие собаки.

Ветер тоже всё понял. Вскочил, как подброшенный, стал вглядываться. Стоял одной ногой на камысной площадке падласа, другой на снегу.

Догадка не обманула. У края прибрежного леса в плавном покрывале позёмки наметился вихрь. Не подлежало сомнению: к вольке кто-то мчался на лыжах. Нёсся, точно с радостного свидания, от девки, не чуя ног, оперённый краденым счастьем.

Ветер посмотрел, как близилось, пропадало, вновь обозначалось летучее пятнышко. Хмыкнул. Сбросил лыжу с ноги.

Ворон вправду вылетел к ним на крыльях, раскидывая снежную заверть, приплясывая на ходу, от уха до уха сияя таким победным восторгом, что озарилась ночь.

– Учитель!..

Ветер окинул его намётанным взглядом. Не ранен, не болен...

– Я ждал тебя раньше, – сказал он невозмутимо. – Где ты шатался?

– Я...

– А доброму хозяину поклониться?

Ворон виновато повернулся к большаку. Ударил поясным поклоном ему и другим воржанами, вышедшим проводить Ветра. Из плетёного

наплечного кузовка посунулись длинные сколотни, которых не было прежде.

– Учитель...

Ветер кивнул:

– Ты перво-наперво отцу донеси, видел ли сына.

Ученик вовсе смутился, зачем-то снял рукавицы.

– Как не видел! Он там живой, гоит поздорову со святым дедушкой и Люторадом... Гостинчику возвеселился, кланяться велел батюшке, матушке, всем семьянам... Я его на торгу встретил, он за жрецами сумку носил. Вот.

Старейшина Кутовой Ворги даже снег лишний раз с ресниц обмахнул. В уста расцеловать бы тебя, парень, за такую-то весть!.. Если Другонюшка на торгу сумки таскал, значит не вовсе плох был, как они с матерью боялись. Не спешил по Звёздному Мосту к родителям уходить... Большак вдруг рассмотрел: а щёки-то у парня окончательно провалились. Похоже, за трое без малого суток так и не удосужился ни отдохнуть, ни поесть. Тем не менее глаза вновь разгорались шальным восторгом:

– Учитель, я...

– Лыжи сними наперёд, – приказал Ветер. – Мои захвати. В клети расскажешь, что ещё видел.

Повернулся и пошёл в туман зеленца. Старейшина заспешил следом. Обрадовать жену с младшеньким – и немедля в собачник. Он уж знал, чем парня потешить.

– Я смотрю, ты не все ещё подзатыльники от меня получил, – проворчал Ветер. – Как не было ума, так и нету! Кто же, с орудья вернувшись, вот так всё вываливает, да ещё при мирянах?

Ворон мялся пристыженный. Вытирал нос кулачищем.

– Они люди верные и нас держатся крепко, – продолжал Ветер. – Но впрок ли им знать, какие дела меня в Шегардай ведут? Пусть уж у них, как здесь говорят, подушки под головами поменьше крутятся... Ну? Теперь так и будешь молчать? Выкладывай, чего ещё в городе насмотрелся. Скомороха Брекалу, хабальника Владычицы, застал ли?

Ворон так и встрепнулся, спеша наконец поделиться жгучей, распирающей новостью.

– Учитель, воля твоя! Не надо тебе в Шегардай этот идти, не надо голову подставлять!

Мало кто видывал подобное изумление на лице котляра.

– Что?..

Впору было предположить: Брекала вовсе уехал, умер болезнью, убили, спяну в ерике утонул... Ответ ученика всё равно застиг учителя врасплох.

– Ты меня на развед посылал, а я с ним разведался! Вот! Судьбу его прекратил, как ты собирался! Чтобы он Владычице не дерзил, а ты на смерть не готовился! Вот!

Вспомнил, торопливо раскупорил укладку. Выгреб со дна замороженный ком, успевший заиндеветь в тепле зеленца. Попытался расчлениить, не совладал. Тряпичные руки Тарашечки обняли разбитый гудок и напроць примёрзли – проще с мясом выдрать. Ладно, Ворон как есть протянул учителю, торжествуя:

– Вот!..

Ветер добычу не взял. Спросил очень отдельно, тихо и страшно:

– Ты. Что. Натворил?

Ученик испугался, начал смутно понимать.

Ветер повторил:

– Я тебя спрашиваю, мальчишка, ты что натворил?

Ворон открыл рот и закрыл.

Ветер сделал к нему шаг:

– Я тебя зачем отпускал?

– Учитель...

– Спрашиваю, я в город тебя зачем отпускал? Говори!

– На развед...

– На развед? Я кому про Белозуба рассказывал? Кому объяснял, что с его своевольства не всю грязь ещё расхлебал? – Ветер всплеснул руками, с силой саданул ладонью в ладонь. – Владычица, за что снова караешь?..

Ворон стоял перед ним как копьём пройденный. Государыня Смерть уже спешит по жилам и жилочкам, а глупое тело ещё супорится, ещё держится на ногах. Всё его шегардайское деяние, которое он нёс учителю с такой гордостью и восторгом, вдруг представало глупостью, безлепием, святотатством.

– Учитель... я его...

Сокрушительный удар отшвырнул парня к стене. Так бить не умел даже Лихарь. Ворон толком и не понял, откуда, с какой руки. А уж зазвенело не только в голове – во всём теле.

– Я тебя зачем отпускал?

Извне стукнули в дверь. Со второго раза Ветер мотнул бородой. Ворон открыл.

На пороге широко улыбался старейшина. Он держал в руках Шургу. Сучонка кряхтела, барахталась, вырывалась, хотела немедля бежать к своему собачьему счастью. Большак посмотрел на учителя, на ученика, перестал улыбаться.

– Я передумал, – всё тем же ровным голосом сказал ему Ветер. – Прости, добрый хозяин. Мне показалось, у меня есть сын, достойный подарка. Я ошибся. Продавай этого щенка с остальными. Если встанет в убыток, с меня за обиду.

– Что ты, милостивец, что ты, – попятился большак. – Да за такую весть радостную...

Дверь закрылась. Обиженный визг Шурги отдалился, смолк.

– Вернётся, встанешь к столбу, – ещё тише и страшнее прежнего приговорил Ветер. – За самовольство!.. За презрение! За то, что приказы пускаешь мимо ушей!.. – Сел, опустил в ладони лицо. – А сейчас иди куда вздумаешь. Не хочу ни видеть тебя, ни голоса твоего слышать.

Ворон долго бродил туда-сюда по зеленцу. Натыкался на углы, попусту беспокоил собак.

«Ты что натворил?..»

Голос учителя мерещился прямо над ухом. Опёнок вздрагивал, надеялся, озирался. Вот, значит, как чувствовал себя изрядно пьяный Брекала, когда на него с полусотни шагов наводили берестяную трубу. В итоге запуганный скоморох устремился в дом Милостивой – каять себя перед теми, кого прежде высмеивал и ругал... так и у Ворона саднила душа выговориться учителю. Всё как есть рассказать о своём шегардайском разведе. О бесстыдной крамоле Брекалы, воистину просившей ответа... о том, как вспомнилась наука попущеника, как решил ковать железо, пока горячо... Ворон даже слова подбирал, складные, убедительные... Потом представлял лицо учителя... все слова сразу разлетались как дым.

«Ты что натворил?»

Ноги спотыкались на ровной земле. Взамен лютого сокрушения подкатывала тупая усталость.

«Я тебя зачем отпускал?»

Постепенно расхотелось даже бесполезные слова учителю говорить. Всё сгорело. Пеплом подёрнулось.

«За самовольство... За презрение... За то, что приказы пускаешь мимо ушей...»

Ворон понял: сейчас он просто свалится и заснёт, точно забулдыга под кружальным столом. Так в былых сражениях Андархайны падали

воины, не раненные оружием. Он вернулся к порогу клетки. Тихонько устроился на ступеньке. Только начал выпрастывать руки из рукавов – представил: выйдет учитель... споткнётся об ученика, которого не хотел больше видеть.

«К столбу!..»

Ворон кое-как разогнул неверные ноги. Ещё немного побродил. Делать нечего, поплёлся туда, куда помещают самых разнелюбых или безнадёжно опоздавших гостей.

В собачник.

Ох и не хотелось же ему туда заходить...

Диво, псы не подняли лая. Лишь поворчали, порычали, да и затихли. Из тёплого кута выкатился серый клубок, вскинулся на дыбы, проскрёб лапами по кожуху. Ворон сел прямо там, где стоял, – у двери. Обнял Шургу. Она тут же умыла ему лицо, ткнулась носом в шею, часто задышала...

Больше Ворон ничего не знал, не думал, не помнил.

Он вновь стоял на Гадалкином носу, в самом конце мыса, а рядом зябла на озёрном ветру девушка с завязанными глазами. Только на сей раз он подставлял ей руку, упрашивая:

«Погадай!»

Но девушка отстранялась. Во сне у неё были тёмные волосы, гладко убранные со лба, только выбивалась непослушная вороная пружинка.

«Что ты мне пустую руку тянешь, невежа? – голосом Арелы наконец сказала она. – Калиту сперва развяжи. Наберёшь ли, пендерь лесной, четыре таймени да две утицы серебром?»

«Наберу!» – храбро ответил былой Сквара.

«Больно дорого заламываешь, – усомнился нынешний Ворон. – Уступила бы, величавушка!»

«Экий ты! – подбоченилась ворожея. – Вот суть людская: всё задаром хотите! Не-ет, желанный, за всё отплата положена. Даже за слово единое. А ты судьбу вздумал просить!»

«За слово?..» Он начал смутно припоминать какой-то другой разговор, но до конца не успел, потому что гадалка смягчилась:

«Ладно уж... одну утицу прощу. Больно песни мне твои полюбились!»

Во сне что угодно принимаешь как должное. И Ворон не призадумался, когда это она успела полюбить его песни.

«Злая ты, да что делать! – сказал он, вытаскивая пестрядинный кисетик. – Всё отдам, сполна заплачу! – И стал вместо денег отсчитывать полупрозрачные зёрнышки с жемчужным блеском внутри. Он и этому не удивился. – Только уж ты сама мне слово скажи не простое,

скажи золотое! Чтобы не камнем на шее повисло, а крыльями за спиной проросло!»

«Вовсе я и не злая. Неча кривду на меня возводить, – надула губы девушка. – Я право сужу. Оттого и в лица заглядывать не хочу!»

«Право судишь?.. – Ворон снова начал что-то вспоминать, но толком не вспомнил. – Ты гадай знай», – буркнул он этак надменно, как всегда, когда стойный ответ не спешил на язык. Сунул руку.

Он не почувствовал прикосновения пальцев. Наверное, ладони совсем закалились от оружия и работы, а девичьи пальчики были, как оботурый подшёрсток, неощутимые, невесомые.

«Сыграй мне на кугиклах, – попросила она. – Я петь стану».

Ворон послушно заиграл. Повёл голосницу нежнее и чище всех, что удавались доселе. Кугиклы шептали дождём на крыше клетки, ворковали птицей у гнезда, взмывали сквозь тучи к небу, синему, солнечному, полузабытому.

Девушка послушала, покивала... и не то чтобы запела – стала говорить, веско, неспешно, как положено ворожее.

*Дудочка песню поёт о надежде...
Губ, прославляющих радость и страсть,
Трижды коснётся Владычица, прежде
Чем поцелуем скрепить Свою власть.
Сможешь за правду и прежнее дружество
Выйти на рать?
Хватит ли совести, хватит ли мужества,
Чтоб не предать?
Горем и болью наполнится время,
Дрогнет душа над последней чертой,
Но расточится жестокое бремя
Чудом и подвигом песни простой.
Тучи сугробами, ясное небо ли –
Свёрстаны дни.
Ясность от морока, правду от небыли
Отъедини!
За окоёмом, где стынут утёсы,
Счастье вершит лебединый полёт.
Радужный блик озаряет торосы...
Дудочка песню во мраке поёт.
Примешь ли стрелы судьбы неминучие*

Дома вдали,
Чтобы другие, бесскверные, лучшие,
Дальше пошли?

«Ух ты! – восхитился Ворон. Из всего сказанного было понятно лишь про дудку во мраке: ворожея как-то дозналась о его странствиях по крепостным подземельям. – Это уж туману не на четыре таймени! На все тридцать три! Истолкуй хоть малость, чтобы мне знать!»

Ответа не было.

«Ты кого, желанный, зовёшь? – подняла голову толстая тётка, сидевшая над пёстрыми камешками. – Не было тут никакой девки. И Тарашечки нету, выгнал его какой-то захожень. И тебя я не помню...»

Ворону открыть бы глаза через сутки, не раньше, но какое! Он то и дело вскидывался, сбрасывал с головы куколь. Ему снилось: учитель снарядился в путь без него. Обратно в Чёрную Пятерь... Или, что гораздо хуже, в Шегардай. Переделывать за нерадивцем-учеником... выправлять, что он накривил... обречь себя на гибель...

Во сне Ворон принимался метаться, испуганно и бестолково. Просыпался – переводил дух. Ну ушёл, вот беда-то?.. Почему не догнать?.. Да и предупредил бы его кто-нибудь, хоть та же Шурга. Ветер, конечно, откуда угодно мог уйти незамеченным, но стал бы он красться из Ворги лишь для того, чтобы ещё так наказать опалённого ученика?

Сон окончательно разлетелся, когда к двери подошли с той стороны. Хозяйского сынишку Ворон встретил уже стоя, готовый немедленно хватать лыжи и мчаться.

– Спит твой наставник, – сказал Тремилко. – Я доглядывал.

Вместе они вывели и накормили всех собак. Ворон не без благоговения взял на поводок Звонку, кормилицу маленького Другони. Огромная, полная материнского достоинства белая сука придиричиво обнюхала его руки, одежду. И пошла себе рядом, признав за своего. Посмотрела на дочку, липнущую к валенкам дикомыта. Заглянула ему в глаза...

«Щеня береги!»

Ворон привык слушать Рыжика, поэтому услышал и её. Тошнотворный ужас опалы навалился хуже вчерашнего.

«Эх, мамка... Я наказа учителя не выполнил... и твоего теперь выполнить не смогу...»

Звонка вздохнула, лизнула ему пальцы, спокойно отошла нюхать

утоптаный другими собаками снег. Поняла ли? А может, знала что-то такое, о чём Ворон и догадаться не умел?.. Хозяйский сынишка вывел Парата, сурового, сивогривого. Звонка мигом сбросила десять прожитых лет, гибкой струйкой переметени юркнула к нему, затеяла играть. Парат чихнул, заулыбался.

– Ишь, радости-то, – сказал Тремилко. – Меж собой только и понимаются, никого другого знать не хотят.

– Что за хворь у Другонюшки? – спросил Ворон.

Тремилко пожал плечами:

– Кто говорит, из-за сучьего молока...

– А на самом деле?

– Отик думает, из-за Беды. Он же через год родился. Тогда дети совсем не стояли, явятся и помрут. Мама говорит, оттого, что больно страшно жить стало. Я-то не помню.

Ворон сказал с уважением:

– Другоня, значит, смелый, не побоялся. А что лицо покрывает?

– Он если иной пылью дохнёт, ему вовсе в груди запирает. А её поди знай, та или не та? Вот и прячется. Дома стружки нюхать не мог, а в городе, сказывают, у первого же кипуна постоял да чуть не свалился.

За день Ворон несколько раз видел учителя. Мельком, издали. Поглядывал с того конца двора, не смел подойти. Ветер ничем не оказывал, замечал ли его.

Ученик, ставший хуже пустого места, каждый раз в болоте тонул, вязком и беспросветном. Ни в чём больше не было смысла. Кроме Тремилки, никто с ним не заговаривал. И в избу, за стол, Ворона больше не звали. Белозуба небось тоже не сразу допустили в трапезную, хотя его вина была куда меньше. Белозуба Ветер к столбу всё-таки не поставил...

О страшном наказании, ожидавшем во дворе крепости, Ворон пока не очень задумывался. Наоборот, хватался за сказанное учителем:

«Вернёмся...»

Значит, Ветер хотя бы не собирался на смерть? Или как?.. Обмолвился сгоряча?..

Добрый Тремилко принёс опалённому рыбы, каши, лепёшек. Псы тянулись слева и справа, смотрели несатытыми глазами, точно шегардайская босота. Ворон стал было жевать, но вместо доброй пищи на языке были опилки. Еле проглотив, он выложил остатки в миску Шурге.

До вечера в Кутовой Ворге стали появляться соседи и мимоезжие гости. Люди возвращались с торгового дня. Воржане забирали городские товары, слушали новости. По одному выносили заранее сговорённых

щенков. Ветер тоже выходил, вёл беседы с гостями, чему-то смеялся. Ворон прятался в собачнике, у щенячьего закута. Только не хватало, чтобы его узнали да поняли, что учитель был ему не чужой!

О том, каких вестей наслушался Ветер, наверняка расспросивший гостей, дикомыт и думать боялся.

Парат, владыка собачника, пускал к детскому закуту лишь хозяев – да почему-то ещё его, ничтожного горемыку. Шурга сидела при нём. Постепенно у неё не осталось даже с кем поссориться-помириться. Весь помёт разобрали.

На другое утро Ворона снова разбудил Тремилко. Он держал в руках незнакомый ошейник.

– Слышь... – проговорил он, виновато отводя взгляд. – Покупщик по твою сучонку пришёл. С отиком по рукам бьют...

Сердце сжалось глухим бессильным комком. Хуже, чем когда Сквара окончательно убежал прочь от саней, увозивших Ознобишу на мирское учение... почему так?

Наверное, потому, что Зяблик хоть как-то умел за себя постоять, если не силой, так хитростью и умом...

Руки замлели, точно от мороза, стали неловкими. Ворон взялся надевать на Шургу ошейник. Это была жестокая снасть. Узловатый ремень, свитый удавкой. Чем сильнее рвёшься, тем трудней вырваться. Таким лютого кобеля усмирять, а на щенка зачем?.. Шурга что-то почувствовала, заметалась. Ворон взял её на руки, всем существом чувствуя – в последний раз. Замер, сунувшись лицом в тёплый мех. Вынес наружу.

Покупщик ждал за пределами зеленца. Стоял у своих саночек, запряжённых четвёркой псов, разговаривал с большаком. Кряжистый, очень крепкий мужик в шубе из собачьего меха, с пышным, во всю спину, оплечьем из выделанных хвостов.

Он привязывал к задку саней длинную палку с зарубками на концах. Поводок для молодой, ещё не привыкшей собаки.

– Не выдюжит так бежать, – хрипло сказал Ворон. – Мала ещё.

– Жить захочется, выдюжит, – усмехнулся Собачья Шуба и взял у него Шургу. Властно, по-хозяйски, поднял за шиворот. Она забилась, заверещала, попробовала оскалиться. Собачья Шуба смазал её по носу, чтобы замолкла. Прodel жердь сквозь ошейник.

– Ты, Хобот, с ней бы полегче, – нехотя посоветовал большак. – Она кровей добрых и...

Собачья Шуба поднял голову:

– Так и я тебе вроде по-доброму заплатил? Теперь моя плётка хозяйка.

Старейшина пожал плечами, не стал больше ничего говорить. Сучонка дёргала санки, таращила глаза, рвалась прочь, к своему человеку.

– Её Шургой зовут, – кое-как выдавил дикомыт.

Хобот повернулся к нему. Узнал ли? Ворону было всё равно.

– Дел у меня других мало, по именам ещё разбирать! Обвыкнется, вместо вон той запрягу! – Хобот выдернул из снега каёк, указал на одну из двух задних собак. Пёс держал на весу опухшую лапу, в повадке, во взгляде отчаяние мешалось с готовностью тянуть постромки, пока остаётся хоть капля былых сил. – Ишь, хвост поджимает, – засмеялся Собачья Шуба. – Чует небось: на вóрот скоро пришью!

Он взмахнул кайком. Все четыре пса сразу вскочили, потащили санки вперёд. Шурга тявкнула, опрокинулась, поехала по снегу на спине. Ворон сделал шаг, остановился. Санки прибавили ходу. Шурга кое-как извернулась, сумела встать, побежала рысью, увлекаемая удавкой. Она всё пыталась оглядываться – на Ворона, на родной зеленец. Лаяла, взвизгивала, умолкала... Потом санки скрылись в снежной пыли.

– Дурак ты, Хобот, – досадливо пробормотал большак. – Порода у меня добрая, да памятливая. Будешь так-то с ней, она тебе не забудет!

Обратная дорога выдалась скучной. Ветер не пускал ученика тропить. Сам проламывал целик, сам топтал рыхлый, взбитый уброд. Ворон молча тащился позади, волок санки. Те казались вдвое тяжелей прежнего. Может, учитель в Кутовой Ворге что-то купил. Какая разница? Не спрашивать стать.

Вспоминать беспечные шегардайские приключения было тошно и больно. Гадать об участии Шурги, представлять её мордочку у колена – ещё больней. Чтобы не комкалось дыхание, Ворон старался не думать, не вспоминать, не гадать. Просто шёл, упираясь на подъёмах и спусках. Сворачивал за учителем на заснеженные дорожки лесных речек.

А вдруг Шурга всё-таки растрепала петлю, перегрызла жердь, сорвалась домой? Только где ж ей от Хобота убежать. Это как Ознобише с Лихарем состязаться. Хобот пустит по следу злых взрослых собак, он сам догонит её... будет втаптывать в снег, вышибая последнее непокорство... Страшный он человек, Хобот: дитё не помилует...

А если Шурга привыкнет к нему? Начнёт его в санках послушно возить, и на кого скажет, на того бросаться?.. Была весёлым звонким щенком, станет злобной тварью кусачей...

Ворон через великую силу отодвигал зряшные мысли. Думать надо о том, к чему руки можешь приложить. К чему не можешь – лучше

просто терпеть.

Он равнодушно следил за очень тёмными и низкими тучами, поднимавшимися из закроя с западной стороны. Казалось, у окоёма росла медленная волна, венчанная белыми завитками. Вроде той, что в один миг слизнула деревню морян, оставив от дружного племени всего одного сына. Теперь волна мчалась дальше. Тянулась достать походников, дравшихся на восток.

«А как весело мы бежали в ту сторону...»

Ворон никогда в своей жизни пьяным не напивался, но теперь и он понял, чем похмелье отлично от буйного и всемогущего хмеля. Всё, что в дороге говорил ему Ветер, оборачивалось жестоким попрёком.

«Я-то тебе душу распахивал! Об отце, о братьях, о мотуши... Доверял, чего и Лихарь не знает... Я думал, у меня есть сын!»

А потом – изумление, почти ужас осознания неудачи:

«Я ошибся...»

Далёкая волна быстро превращалась в чёрную стену. Она высылала вперёд свирепые вихри, цепляла непроглядными космами вершины холмов.

«Учитель! Я торговую казнь видел. Недобрые они там. Они же тебя...»

Лес в этих местах когда-то был истая трущоба, никакая метель гребнем не вычесет. Теперь стало не то. Высокие деревья, по пояс вросшие в снег, сберегались только в распадках между холмами. Котляр остановился, начал рыть логово в крутом подветренном склоне. Ворон сбросил алык, так же молча взялся рубить и отбрасывать снег. По дороге туда они тоже, бывало, по полдня не говорили ни слова. Но можно ли равнять то молчание с нынешним!

«Учитель... я тебя избавить хотел...»

«А я просил избавлять? Ты, значит, весь мой замысел dokonно постиг? Тебе ясный наказ даден был: на развед сбегать – а ты что натворил? Ты что натворил?..»

В снежной норе пришлось отсиживаться почти двое суток. Спали в очередь, натянув поверх тёплых кожухов ещё по одному, мехом наружу. Ворон затеплил жирник, вытащил завёрнутого в берёсту шокура. Ветер мотнул головой. Он доедал снедь, захваченную из Кутовой Ворги. Ворон было колупнул рыбину лезьем, огорчился, оставил, вновь выложил на мороз.

Наконец буря удалилась своим путём на восток, покинув сломанные макушки и длинный хвост медленного снегопада. Ворон лопатой разбил продох, первым вылез наружу. Воздух, напоённый почти оттепельной сыростью, казался густым и тёплым. Снег, мягкий, липкий, успел согнуть

дугами не доломанные бурей хлысты, претворить их белыми скорбными ображениями Позорных ворот.

Ветер выбрался следом.

– Учитель... – сказал Ворон. – Учитель, воля твоя... накажи меня троекратно, только позволь...

Ветер поднял глаза. Серые, как тучи над головой. Морозные и чужие.

Ворон кашлянул, заторопился:

– Позволь, прежде чем к столбу, Надейку в чуланишке навестить... Я в зелейном ряду дивное лекарство добыл. Чтобы не ждать ей, долгих мук не терпеть, пока из холодницы выйду...

Ветер перестал смотреть на него. Перестал замечать.

– Не позволю, – сказал он. – А накажу и так троекратно, без твоих просьб.

Последний переход к Чёрной Пятери Ворон одолевал как в тумане. Его не то чтобы шатало, просто ноги ступали словно по собственному разумению. И глаза подмечали уже знакомые путевые приметы тоже как бы сами собой, без участия рассудка. Ворон пытался бодриться, но идти к столбу было жутко. Там ждало что-то такое, подле чего всё прежнее битъё покажется щелкушками в детской игре. У столба люди оставляют либо свою вину, либо свою честь. Будет сперва очень срамно. Потом – очень больно. И с начала до конца – очень страшно. Но может, хоть кончится нынешнее безвременье. Наказав Лихаря, учитель его чуждить перестал.

«И я свою честь возьму...»

Ещё изловчиться бы сунуть кому-нибудь в руку драгоценные зёрнышки да успеть объяснить, что с ними делать. Лыкашка наверняка встречать выбежит. И Хотён. И Шагала. А и не удастся снадобье передать, – всё равно: у столба раздевать станут, так он скажет им, чтобы не пороли мешочка.

«Будет что будет, даже если будет наоборот!»

Ворон поправлял на груди алык, в сотый раз ощупывал под кожухом пестрядинный кисет и... снова пытался вспомнить, как же называлось лекарство. Студень? Стыдь? Стужа?..

К середине утра над лесом начала восходить Наклонная башня. Ворон давно затвердил, где она появлялась. На каком повороте, на каком шагу. Сегодня она торчала из тумана этаким кулаком, снежный буран облачил её в царские горностаи, слишком пышные, чтобы долго держаться. Скоро белую шапку подточит близкое дыхание зеленца, оттепельный воздух

согреет чёрные камни, белый пух набрякнет влагой, начнёт прислушиваться к тяге земной...

Пока Ворон смотрел, нижняя половина шапки подёрнулась как бы морщинами, отделилась. Беззвучно рухнула сквозь туман. Дрогнула и верхняя часть. Подалась, поехала с каменного ствола, разваливаясь на ходу. Спустя время долетел отзвук тяжёлого глухого удара. Ворон даже шагу прибавил. Норов Наклонной обитатели крепости давно знали, и всё же... Неповоротливая Кобоха или кто-то из малышей могли положиться на авось – и не успеть. Почему Инберн до сих пор там крытого прохода не выстроил? Потому, что чёрным двором они с Ветром редко ходили?..

Он вновь подал голос.

– Учитель... воля твоя... – Выскочило само, не спохватился, пришлось продолжать. – Учитель, когда отказнишь... Можно, я проход под Наклонной строить начну? С робушами, с Белозубом...

Некоторое время Ветер шёл по заметённой дороге молча, как не слышал. Наконец бросил через плечо:

– Нет. Не позволю. – И всё-таки снизошёл, пояснил: – Может, хоть так иные привыкнут думать, что делают.

Ворон опустил голову.

С других башен их уже разглядели дозорные. Легко было представить, как там, внутри, все побросали работу. От старших, совершавших воинское правило, до самых младших, чистивших снег. Все бежали за пределы широко раздвинувшегося купола – встречать Ветра. И Ворона.

Котляр вдруг остановился. Повернулся, приминая лапками снег. Окинул пристальным взглядом ученика.

– Куда ты там хотел, беги уж, – смиростивился он прежним голосом, остудным, колючим. – Только живо возвращайся, не мешкай, не потерплю.

Хотён, Шагала и другие ребята, выбежавшие навстречу, едва головы успели вслед повернуть. Дикомыт пронёсся сквозь толпу, чуть не по стене одолел сугроб, заваливший подходы к чёрному двору, и скрылся в поварне. Только было замечено, что кожух болтался у него на плечах, а глаза горели сумасшедшим огнём. Хотён шагнул было следом, но увидел Лихаря, спешившего к учителю, и побежал за стеном.

В поварне угорелыми котами метались приспешники. Ветер явился врасплох, ни о какой настоящей готовке речи не шло, но надо же господину с дороги хоть мёда горячего поднести?.. А там и щей гретых с заедками?..

Вдоль глухой стены тянулась длинная печь, ровесница крепости.

Прокалённый свод с жерлами вмазанных котлов, одно сплошное горнило с несколькими устьями, чтобы подгрести жар туда, где нужней. В иных местах свод был перекрыт толстыми листами железа – ставить горшки, ковши, сковородки. Под одним из таких листов работники торопливо разводили огонь.

Ворон напрямик бросился к хозяйке поварни.

– Тётенька Кобоха! Дай скорее тёплой водички! И чем взбивать!

Кобоха много лет считалась правой рукой Инберна во всём, что касалосьстряпни. Она многое переняла у своего волостеля. В том числе подозрительность. Ей всё время казалось – голодные молодые ребята только мечтали добраться до съестного припаса. В особенности до всего, предназначенного на высокий стол.

Кобоха даже не расслышала, о чём именно просил Ворон.

– Куда вперёд старших разлетелся, бесчинник! – прикрикнула она, замахиваясь уполовником. – Не будет тебе ничего!

И отвернувшись, дала разгон чернавке, снявшей со стенного крючка не тот ковшик.

– Тётенька...

Ему полагалось бы уже исчезнуть, поняв: ничего он тут не добьётся. Однако на сей раз так просто отделаться от упряма не удалось.

– Тётенька, мне лекарство развести! Я Надейке принёс...

Кобоха повернулась к нему, красная и сердитая:

– За водой в мыльню ступай! А Надейка твоя – хоть бы померла скорей, дармоежка!

Ох, не надо было ей так-то говорить... Кобоха успела заметить, что в шумной поварне вдруг стало тихо. Приспешников и чёрных девок словно метлой вымело за порог. А саму Кобоху вдруг сгребли железные руки, притиснули локти к бокам, оторвали от пола. Близко мелькнуло лицо бесчинника-дикомыта, худущее, какое-то чёрное, с бешеными глазами... Кобоха вспорхнула лёгкой пушинкой – и с маху всела пухлым озадком в самый глубокий котёл. Эти котлы она каждый день видела раскалёнными, кипящими, шкворчащими...

Потом говорили, что от её вопля с Наклонной сошли остатки снега, не сброшенные обвалом. Кобоха билась и рвалась, уверенная, что сейчас изжарится, но ухватиться было не за что. Задранные кверху коленки подпирали добротное чрево и грудь, так что даже воздуху набрать толком не получалось, какое там выбраться.

Ворон уже сновал у длинного хлѳпота. В мыльной горячая вода, вестимо, была. Прямо из ближнего кипуна. Она смягчала волосы и отлично

сводила с тела грязь, но пить её, вонючую, было нельзя, а уж лекарство разводить – подавно.

В поварню сунулись снаружи. Ворон оглянулся через плечо, но только успел заметить мелькнувший край подола. Напуганные стряпеюшки так и не решились прийти на помощь Кобохе. Если бы подобное выкинул стень, они бы только переглянулись: чего другого ждать! Но дикомыт, которого все помнили смешливым и добрым...

От этого было действительно страшно.

Кобоха сучила ногами, ворочалась, кричала всё пронзительней, въяве обоняя дымок, будто бы уже сочившийся снизу. Ворону некогда было слушать её. Найдя чистую миску, он высыпал щедрую горсть зёрнышек. Во сне они катались жемчужинами, всамделишными были серые и невзрачные. Он торопливо раскупорил закутанный жбан вечорошнего кипятку. Залил, по наказу, на два пальца. Зёрнышки вмиг побелели, стали жадно пить воду. Пока набухали, Ворон бросился искать сбивалку – пучок длинных лучинок, распаренных, согнутых пополам. Сбивалка никак не попадалась ему. Видно, после смерти деда Опуры не стало терпеливцев дробить в пышную пену тесто для блинов и оладий: взболтают ложкой, так и сойдёт... Ворон обежал взглядом полицы, распахнул подвесной короб для сручья... Отчаянно спеша, принялся выгребать на хлопот подряд всё, что в коробе лежало. Про себя он уже решил тереть зелье рукой, и пусть Ветер что хочет с ним, то и делает!.. Но Владычица была милостива. Сбивалка наконец-то нашлась в дальнем углу. Рядом лежали мытые гусиные перья – смазывать хлеба да пироги. Ворон подумал о живом теле без кожи, вряд ли могущем вынести иное прикосновение. Выгреб заодно все пёрышки разом...

В миске тем временем успела вздуться блестящая прозрачная шапка. Грибаниха не обманула. Тягучая каша легко уступила сбивалке, послушно стала расти.

Ворон подхватил миску, перья, выскочил вон... Стряпная дружина пугливо жалась вся вместе, выглядывая из-за угла. Ворон одним движением оказался перед чернавками, ткнул пальцем в ближайшую. Глянул так, что девка распласталась по каменной стенке и ослабела, а остальные отпрянули.

– За Надежкой будешь ходить! Вернусь – пришибу!

Девчонка ничего не поняла, расплакалась. Раньше она, пожалуй, вволю поломалась бы, заставила уговаривать, требовала вечером на кугиклах сыграть... Теперь за послушание были обещаны колотушки, да чувствовалось – не для словца. Кобоха ему попробовала перечить...

Ворон не видел и не слышал, как утешали Сулёнку. На ходу гоняя сбивалкой, он во весь дух мчался прочь. К подвальным лестницам, к сиротскому закутку под каменным косоуром.

На полпути он спохватился светильничка. Возвращаться не было времени.

«Ощупью обойдусь... А нет, дверку распахну!»

В чулане горела маленькая лампа. После Ворон узнал, как Надейка плакала и целовала руки Кобохе, норовившей сберечь жир. Покамест он лишь увидел, что девушка вправду жила... хотя едва. Её совсем не угадать было под одеялом, скулы так и торчали, закрытые глаза потонули в тёмных кругах.

– Надейка!

Она прижимала к щеке подаренные куклы. На руке тоже знать было каждую косточку. Губы что-то шептали.

– Надейка, это я, Ворон!

Надейка не отозвалась.

На короткий миг дикомыт едва не поддался отчаянию. Какой прок от чудесного снадобья, если оно уже опоздало?

Упрямая челюсть тут же выкатилась вперёд.

«Нет у нас такой веры – голову склонять, если беда!..»

Припав на колени, он живо завернул на девушке одеяло, потом – широкую, давным-давно не стиранную рубаху. Вместо повязки обваренные места прикрывала серая тряпка, заскорузлая по краям. От неё разило тухлятиной. Люто досадуя, что не усадил Кобоху над жаром, Ворон наудачу потянул тряпку за уголок. Чёрствая ткань отстала на удивление легко, потекла мутная сукровица. Надейка перестала бормотать, ахнула, зашевелилась. Ворон сжал зубы, вовсе сдёрнул лоскут. Увидел треугольник тёмных завитков, а выше и ниже – пятна ожогов. Багрово-чёрные, воспалённые, страшные.

– Ты... ты что!..

Надейка пыталась его оттолкнуть, беспомощно хваталась то за рубашку, то за одеяло. Неистребимый девичий стыд сотворил чудо, вернул душу из липкого бредового небытия.

– Тихо ты!

Ворон свободной рукой поймал оба её запястья. Ему уже чудились снаружи шаги: это учитель, сказавший «Не потерплю!», прислал за ним Лихаря с Беримёдом. Сейчас дверка за спиной распахнётся и...

Какое пёрышко!.. Боясь не успеть, Ворон зачерпнул целебную пену,

стал прямо пятернёй размазывать по ожогам. Пена была скользкой и липкой одновременно, там, где проходила рука, начинала подсыхать блестящая прозрачная плёнка.

Надейка больше не противилась, лишь смотрела недоумевая, смаргивала слёзы с ресниц. Ворон мазал быстро и осторожно, снова и снова. Наконец выпустил девушку.

– Больно тебе?

– Холодно... – прошептала Надейка. Сглотнула, пожаловалась: – Стыд-то какой...

И опять уцепилась за одеяло.

«Не стыд, а стыдь! Или как там её...»

– Не укрывайся, так лежи, чтобы засохло, – принялся сбивчиво наставлять Ворон. – Сулёнка заглянет, скажешь, сбивалку пусть вымоет, не забудет.

– Нос... заворотит...

– Значит, приду – убью.

От мысли, что всё удалось, что он успел и теперь Надейка поправится, Ворона захлестнул шальной вихрь. Даже подумать ни о чём не успев, он нагнулся и неумело, крепко, отчаянно поцеловал Надейкины губы. Просто чтобы с собой нещечко унести, когда учитель начнёт ему тройное наказание отмерять.

И вылетел наружу ещё прежде, чем Надейка что-нибудь поняла. Девушка ахнула, потянулась рукой.

То ли вправду рядом был, то ли привиделся...

Вина и честь

Ворон выскочил в передний двор так поспешно, словно там впрямь могло что-то произойти без него. Руку, измазанную лекарством, он на ходу вытирал прямо о тельницу, потому что иначе пальцы слиплись бы навсегда. Рубашку марать было жаль, да что сделаешь! Её всё равно срежут сейчас. Он только радовался, что ещё в Кутовой Ворге снял Шерёшкину вышиванку. Вот уж незачем было бы ей гибнуть зазря.

Другой рукой Ворон торопливо растрёпывал дикомытские косы. Так всегда делали его предки, выходя на свадьбу Жизни и Смерти. Так следовало поступить и ему.

Ребята во дворе не особенно стройно, но старательно выводили хвалу-обращённую.

Жил он беспутно, Мать не почитая,
Был себе сам законом и судьёй...

Ворону не нравились обращённые. Они все были одинаковыми. И напев не менялся, и рассказывали, по сути, одно. Вихрь, нёсший парня, ещё не иссяк, губы сами расплзлись в нахальной улыбке, он чуть вслух не продолжил своей давней перелицовкой:

Кто от руки Мораны отбегает,
Будет тому однажды ой-ой-ой...

Тоже коряво, конечно, да хоть не ломит скулы тоской.

Он вроде не подавал голоса, кто-то всё равно оглянулся, ребята поспешно раздались перед ним на две стороны, словно шегардаиские позоряне. Они все здесь собрались, от старших до мелюзги, притянутые ужасом, любопытством и радостным осознанием, что страшное должно было постигнуть не их. Лица стали вдруг сливаться в сплошное пятно, Ворон не узнавал их, он даже учителя не мог высмотреть, хотя Ветер наверняка тоже здесь был. Впереди, заслоняя остальной мир, торчал столб. Невысокий, толстый, чёрный от времени и смолы.

Ноги странно одеревенели. Он подошёл, повернулся к столбу спиной. Опустил руки, сжал кулаки. В животе поселился трепет, как перед

Шегардаем, когда он отвязывал лыжи на последнем снегу. И, как тогда, Ворон нагло заулыбался. Просто от страха.

– Раздеть, – долетел голос Ветра.

Оказывается, учитель стоял в десятке шагов. Он не смотрел на ученика. Он обращался к Лихарю. От этого сразу стало вдвое страшней.

Стень, только ждавший приказа, кивнул ближним прихвостникам. Оттябель Пороша с готовностью шагнул вперёд, рука нащупала нож, глаза заблестели. Хотён прикусил губы, сдвинулся медленно, неохотно. Пороша успел ссечь с дикомыта пояс, собрать в горсть тельницу на плече. Как бы ещё кольнуть побольнее, да чтобы вышло случайно?.. Ворон посмотрел на бледного Хотёна, ему вдруг стало жаль гнездаря. Их глаза встретились, он улыбнулся, подмигнул:

– Давай, чего уж...

Хотён побелел, собрался натворить неведомых дел, но Лихарь следил зорко. Немедля подоспел, отодвинул унота, сам встал на его место. Лишь досадливо бросил:

– Теперь-то что померещилось?..

Хотён опустил голову, не ответил.

Через сугроб с чёрного двора торопливо лез Воробыш, красный, потный. Трудами всей поварни они только-только вызволили Кобоху. Осипшая от крика толстуха скрылась в портомойне, приспешники разводили пожарче огонь – до былой первозданности прокалывать осквернённый котёл. Заметив Ворона у столба, Лыкаш остановился. С угла крыши ему капало за ворот, он не замечал.

Лихарь живо вскрыл лезвием толстую прочную ткань, шипя сквозь зубы о бездельных учениках, с которых учителю никакой службы, одна седина в бороде. Взмах, рывок, треск портна... Ворон остался стоять голый по пояс, лишь посередине груди висел кармашек с кугиклами да на правой локотнице – пристёгнутые ножны с ножом. На левой ещё болтался кусок рукава, он сам стряхнул его наземь. По белой коже плеча толстой каплей прокладывала дорожку кровь. Лихарь срезал кармашек, намерился то ли о столб хватить, то ли ногой затоптать.

– Оставь, – сказал Ветер.

Лихарь глянул через плечо, поклонился, отдал кармашек Хотёну. Потом сунул ему и ножны.

Лыкаш заметил, как блеснули празеленым глаза дикомыта. Ворон что-то сказал. Не очень громко, но Лихарь, вздрогнув, сунул его кулаком по зубам... промахнулся. Ворон успел убрать голову. Стень мало не расшиб руку о столб, но бить вновь уже не было проку. Сказанное достигло

ребячьих ушей. Слева и справа от столба мальчишки прыскали, зажимали ладонями рты. Другие тянули шеи: что, что он сказал?.. Волна смешков неудержимо распространялась, накатывая туда, где стоял Ветер.

Отрок ласки захотел,
Отрок отрока раздел... –

дохнуло слева.

Мальчик мальчика раздел,
Мальчик мальчика хотел... –

отозвалось справа.

Хмыкнул в усы даже Инберн, вышедший посмотреть казнь. Мрачной обречённости как не бывало, иные уже поглядывали на учителя, наполовину ожидая, чтобы он тоже посмеялся – да и отдал Ворону вину, отпустил парня подобра-поздорову.

Надеялись они зря. Ветер не улыбнулся. Смотрел так, что вместо мелкой мороси во дворе залетали снежинки. Когда угас последний смешок, он пошёл к Ворону. Тот стоял в гусиной коже, голый, белый, с красным потёком от плеча до бедра, заново испуганный, замерший в таком судорожном напряжении, что на теле обозначилась каждая жилка.

– Я тебя зачем вперёд посылал?

Ветер не повышал голоса, но в тишине его отчётливо слышал весь двор.

– На развед... – с трудом выдавил дикомыт.

У горла отчаянно трепыхался живчик. Сумевший увернуться от стены, перед учителем Ворон по-прежнему был мокрым щенком. Он не увидел удара. Боль просто взорвалась в теле, прожгла от затылка до пят, согнула, бросила на столб, швырнула оземь. Ворон попытался вдохнуть, захрипел, всхлипнул. Воздух не проходил внутрь, дикомыт задыхался, перед глазами с трудом рассеивалась тьма. Руки скребли пальцами землю. Потом, дрожа от натуги, начали отжимать от неё тело. Ветер ждал. Мотая головой, ученик подобрал под себя одну ногу, другую... Он не знал, позволено ли хвататься за стоёк, но куда денешься – схватился, потому что иначе было не встать. А встать он очень хотел.

В глазах двоилось и плыло. Он увидел учителя и повернулся к нему.

Было страшно. Вся сила тратилась на то, чтобы стоять прямо, не корчиться, не заслоняться руками.

– А ты что натворил? – спросил Ветер.

– Раз... ве... дался...

Источник ударил. Ворон снова забыл, как его зовут, забыл вообще всё на свете, кроме одного – надо встать. Он целую вечность собирал руки и ноги. Заново учился дышать. Отодвигал прочь дурнотную боль, полз вверх по столбу. Распрямлял спину.

Ветер ничего больше не спрашивал.

– За непокорство!.. За своеволие!.. За презрение!..

И бил. В кровь, в сопли, в хлюст. Не спеша, невероятно искусно, жестоко и беспощадно. Было по-прежнему тихо, лишь глухо влипало в столб тело да рвался из груди воздух. Младшие ученики отступали, норовили спрятаться один за другого. Ворон продолжал вставать. Грязный, смятый, весь в крови, он выпрямлялся. Поднимал голову. Снова и снова. Всё медленнее, но вставал.

Пороша и Хотён ёжились, смотрели в сторону. Они хорошо помнили наказание Лихаря. Каждый поклялся бы дымом Великого Погребца – тогда учитель не был и вполтину так страшен. Ворон держался вроде неплохо, но если Ветер даст приказ карать до смерти... Да им же и велит ему руки вязать...

Не у одних гнездарей качнулся перед глазами призрак смертной верёвки.

Лихарь видел учителя точно таким всего раз. Годы назад. Когда вместо сборов в поход они с Ивеном пролезли погребцами в Мытную башню... и Ветер их застукал по возвращении. Та выходка, начавшаяся мальчишеской прокудой, для Ивеня кончилась изобличением в отступничестве. Почём знать, может быть, и теперь... с помощью Владычицы...

Сторонний глаз видел на лице стена только отчаяние. Негодный дикомыт, которого так холили в котле, обманул надежды учителя. Нарушил приказ, пустил прахом первое же орудье. А главное – огорчил Ветра... Как пережить?

...Котляр уже не бил – добивал. От очередного удара Ворон сломался в поясе настолько окончательно, что все смотревшие испытали облегчение, поняв – больше не поднимется. Он упал лицом в грязь. Руки ещё царапали, но сдвинуть тела не могли и постепенно затихли. Ветер стоял над ним, готовый казнить. Лицо у котляра было такое, что Лихарь отважился тихонько спросить:

– Учитель, воля твоя... На том же дереве?..

Если Ветер и услышал – виду не показал. Медленно разжал окровавленные кулаки. Обвёл взглядом учеников. Его голос породил эхо в каменных стенах:

– Вы видели, как взял свою честь воин, поправший приказ. Он ослушался меня и должен был отверстаться за преступление. Но в том, что орудье пошло не по замыслу, на самом деле виноват я.

Ученики ожили, загудели, сдвинулись немного поближе. Никто не знал, чего теперь ждать. Пороша облил Ворона из ведёрка, они с Хотёном собрались тащить податливое тело долой со двора, но бросили, стали слушать. Пока было понятно одно: сейчас у них на глазах произойдёт небывалое. Такое, о чём будут петь песни и рассказывать новым ложкам, объясняя, каким должен быть настоящий моранич.

– Я слишком привык вершить волю Справедливой, – громко, вдохновенно продолжал Ветер. – Я стал самонадеянным. Я не разглядел пути, подмеченного моим сыном. Я думал лишь о возмездии во имя Владычицы, а ученик сумел замирить недруга, превратить злоречивого в нашего друга... Такие ошибки требуют искупления. Лихарь!

Стень подошёл, ступая как по горячим углям. Выглядел он мертвей Ворона, а тот напоминал затоптанную пятерушку с разбитой о дерево головой. Лихарь повалился на колени, горестно ткнулся лбом в землю.

– Учитель...

Ветер спокойно спросил:

– Повторять меня вынуждаешь?

Сам расстегнул пояс, кожаный, в потёртом серебре воинской славы. Бросил Хотёну. Лихарь, страдая, всё не мог встать с колен, не смел прикоснуться к наставнику. Да кто бы на его месте решился! Ветер досадливо сдёрнул кожаный чехол и рубашку. Явились шрамы от ран, принятых ради Владычицы. У шеи висел простенький оберег, вырезанный из кости. Ветер снял и его. Поцеловал, отдал Хотёну. Лихарь наконец выпрямился, у него текли по лицу слёзы, смотреть было жалко и страшно. Он выполнит приказ – но весь двор видел, кому из двоих будет больней.

– Порадуй Владычицу, старший сын! – звенящим голосом сказал Ветер. – Я провинился. Я должен взять свою честь!

Когда Ворон торопливо чмокнул её, выскочил из чулана и убежал как настёганный, Надейка некоторое время недоумённо трогала пальцем губы. Потом начала сползать в прежний полубред, полусон. Вялой рукой

нашарила рядом кугиклы. Вот бы дикомыт снова приснился, он ведь их сделал. Надейка поднесла сверлѐнную деревяшку ко рту, слабо дунула.

– Жила я... в красных... теремах...

Вроде были ещё слова, но она их не помнила. Силы кончились, девушка задремала. Еле внятные отзвуки пения, проникавшие со двора, достигали спящего слуха. Надейка слышала колыбельную. Подошла мама, склонилась, погладила по голове. Они опять укрывались в сугробах, мама обнимала её, загораживала от метели... вот только холод полз по ногам, добирался до живота...

Надейка вздрогнула и очнулась. Жирник ещё горел. Приподняв голову, девушка увидела сброшенное одеяло и... свою распахнутую наготу. Страшную, стыдную. Рубашка задрана до груди, живот и бѐдра с пятнами ожогов не прикрыты даже повязкой.

«Кобоха придѐт... раскритичится... срамить будет...» – испугалась Надейка. Стала искать тряпку, чтобы не марать сорочки сукровицей и гноем. Но тряпки не было – сдѐрнув, Ворон скомкал дрянную ветошку, выкинул вон. Шарящая рука царапнула ногтем бедро, просто по свойству больного места неизменно оказываться на пути. Надейка ахнула, замерев в предчувствии боли... К удивлению, боль так и не настигла её. Отросший ноготь ткнул беззащитную плоть словно сквозь одеяло. Ожоги покрывала гибкая мутноватая плѐнка, гладкая, прочная, как чешуя коропа. Девушка вспомнила глаза дикомыта, пылавшие бешеной надеждой. Прислушалась к себе... поняла: снадобье, которое он так поспешно размазывал, начало творить обещанное волшебство. В сознании понемногу рассеивался дурнотный туман. Надейка словно выбредала к свету и ясности из густого паоблака, в котором блуждала седмицами.

Она осторожно расправила рубашку, немного передохнула, стала тянуть к себе одеяло. Что-то сухо прошуршало. Надейка удивилась, сунула руку, почувствовала под пальцами берестяные листы. Вскроенные сколотни упорно свивались трубками. Из самой середины выпала пригоршня костровых углей, завязанных в лоскуток. А ещё – розовая раковина завитком. Девушка взяла её, улыбнулась, вновь закрыла глаза.

Когда дверка заскрипела, она тотчас проснулась. Успела испугаться: Кобоха!.. Ругать будет!.. Но это была не Кобоха... и подавно не Ворон.

– Надейка... спишь? – окликнул робкий голосок.

– Живу, Сулѐнушка, – отозвалась она.

Чернавка забралась к ней в чуланчик. Надейке сразу бросилось в глаза – Сулѐнка смотрела опасливо. Так, словно больную неожиданно приблизил державец. Поправится, станет на поварне главной хозяйкой,

начнёт обиды припоминать. Надейка не придумала ничего лучше, чем спросить:

– Вернулся господин Ветер?..

Она по-прежнему не была толком уверена, наяву или во сне врывался к ней дикомыт. Сулёнка глянула искоса:

– Вернулся, утром ещё.

– А сейчас что?

– Вечеренье глухое.

Оказывается, Надейка и не заметила, как подошёл к концу день.

– Вернулся, – повторила она.

«Убежал... не заглядывал больше... как спросить?»

– А Ворон твой сразу шасть к нам в стряпную! Страшный такой! Глазища – во! Хвать тётку Кобоху... р-раз – и в котёл посадил!

Приспешница хихикнула, оглянулась, покрыла рот ладошкой.

– Да за что бы?.. – снова испугалась Надейка.

Сулёнка продолжала, не слушая:

– Уж посадил, еле вынули! Полдня из портомойни носу не казала, едва отстиралась...

– А... было-то что? Хвалы вроде пели или слышалось мне?..

Сулёнка всплеснула руками:

– Правда, что ли, не знаешь?

Надейка мотнула головой, встревоженно и недоумённо.

– Так господин источник гневный возвращался, Ворона твоего приводил как есть винного, – затараторила приспешница. – К столбу ставил и уж так бил, так бил!.. А потом-то, потом! Как тот вовсе падал, господин сам к столбу вставал и...

– Живой ли? – спросила Надейка.

– ...и господину Лихарю бить велел, и тот голосом плакал и...

– Сквара... Ворон живой?

Сулёнка прикрыла рот, не сразу сообразив, чего хочет Надейка.

– А как господин источник падал, обоих в покаянную относили, – сказала она. Вновь скосилась через плечо, округлила глаза. – Господин Лихарь теперь не ест, не пьёт, всё перед дверью на коленях стоит!

Надейка прикрыла глаза, перестала слушать. У столба!.. Значит, не приснился... Маленькое пламя жирника освещало засохшую миску со сбивалкой в гроздьях блестящих пузырьков. У столба... Вот почему он так спешил... двух слов не сказал... Это он к ней забежал перед тем, как к столбу встать...

Надейка тихо заплакала.

Раз в холоднице, значит живой... И честь взял...

Тени на берёсте

Ворон покоился в тишине и темноте, не чувствуя тела. Было легко и тепло. Разум плавал на грани блаженного пробуждения, когда сон и явь чудесным образом дополняют друг дружку. Потом вдалеке крохотным клубочком зародилось сияние. Это приближался огонь, его нёс на ладони брат Светел. В облике брата не было почти ничего от мальчонки, которого так хорошо помнил Ворон, но это был Светел. Ворон его всё равно узнал бы, даже не глядя, даже с завязанными глазами. Неодолимые течения несли их навстречу друг дружке. Светел был совсем уже близко, только протянуть руку и...

– Открывай глаза, сын, – сказал голос. – Довольно валяться.

Голос был очень знакомый и прозвучал наяву. Ворон, привыкший сперва вскакивать в готовности, а просыпаться уже потом, дёрнулся, попробовал разлепить ресницы. Сразу стало больно и холодно. Зарешёченное окошко впускало немного света. Ворон вспомнил и эту решётку, и тёмные узоры потёков на сводах холодницы. Он устыдился, что продолжает лежать, снова двинулся, вздрогнул, задержал дыхание, кое-как оторвал от камней затылок.

Он лежал на полу, на худой полсти, чем-то укрытый. И он был в холоднице не один. У дальней стены шевельнулся человек. Звякнула цепь, тянувшаяся от ошейника. Ворон рассмотрел, как блестели глаза.

«Дядя Космохвост?..»

Нет, это был не Космохвост. На цепи сидел Ветер.

Ворон мигом забыл, что у него самого кричала и жаловалась каждая косточка. Вскинулся на локтях.

– Учитель!.. – Рёбра обожгло так, что пришлось перевести дух. – Кто посмел?..

«Враги с войском подошли... жрецы опалили... острожане за вилы скопом взялись...»

Ветер негромко рассмеялся. Чувствовалось, и у него едва получалось не охать. Он сказал:

– Я тебе за твои художества тройное наказание отмерил, помнишь? Я дал тебе столько, сколько ты мог взять. Остальное сам принял. Потому что за дела учеников – ответ мой.

Ворон поспешно согнул руку к шее. Ошейника не было. Он попробовал вспомнить, чем кончилось наказание у столба, но память

бродила ржавыми шегардайскими кипунами: поди что-нибудь рассмотри.

– Учитель...

Ветер улыбнулся в потёмках:

– У нас ещё два дня и две ночи впереди, сын. Так что всё-таки ты сказал у столба? Слева одно передали, справа другое...

Дикомыт стиснул зубы, с горем пополам принуждая замлевшее тело к повиновению. Кто-то озаботился натянуть на него штаны и рваную стёганку, спасибо хоть на том. Ворон сбросил одеяло, подумал было встать, не отважился, подобрался к Ветру на четвереньках. Зацепил кувшин, еле успел подхватить. Подал учителю. Ветер жадно стал пить, вода булькала, вливаясь в пересохшее горло. Ворон мог сколько угодно твердить себе, что на цепи сидел вовсе не Космохвост, что через два дня дверь просто откроется и они вместе выйдут наружу... Не помогало. Он снова был никчёмным, беспомощным Скваркой, пытавшимся отвести беду от гораздо более сильного человека. Чувство, что опять не сумеет ничего изменить, гнуло к земле. Вот сейчас вломится кто-то обзлѐнный и страшный... подобьѐт учителя стрелой с наконечником в плѐнке засохшего зелья, чтобы оборониться не мог, и...

За дверью еле слышно прошелестели шаги. Ворон взвился с пола, пригнулся в боевой стойке, сжал кулаки.

Рядом стукнул кувшин. Ветер с улыбкой наблюдал за учеником.

– Лихарь ходит, – сказал он и непонятно добавил: – Бедняга.

Ворон медленно опустил кулаки.

– Бедняга?..

– А как по-твоему, кому пришлось меня бить?

Ворон сел у стены, обхватил руками колени. Измордованное тело снова начало прорастать болью. Он содрогнулся:

– Воля твоя, отец... Я тебя нипочѐм бить не стал бы!

Ветер никак не обнаружил, что заметил долгожданное обращение. Лишь вздохнул:

– Сколько было у меня учеников – такого невозможного не припомню...

– А Лихарь?

– Этот наоборот. Как предался мне, с тех пор в рот только и смотрит. Что поручу, выполнит в точности, ничего не упустит и от себя не добавит. А ты – неслушь.

Ворон тоже вздохнул. Так его ещё бабушка называла. Он задумался, спросил:

– Значит, Лихарь Брекалу этого по городу бы проводил и вернулся?

– Да. А потом я бы скомороха где-нибудь подстерёг.

– И... что сделал бы?

– Круг Мудрецов, – сказал Ветер, – назидает нас отмечать столь неисправимых глумцов жабьими лапками.

– Жабьими?..

– По приговору Круга я должен был усечь ему пальцы, чтобы не мог больше ни на гусях играть, ни кукол водить.

Ворон снова вздрогнул. Между лопатками на тараканьих ножках разбежался морозец. От слов учителя веяло таким же тёмным холодом, что от рассказов Шерёшки. Ворон медленно выговорил:

– Значит, это орудье... тебе вручили... ревнители веры? Мудрецы Круга? Которые... не очень любят тебя?

– Да.

Ревнители. Братья святого Краснопева, заточившего целую семью, – а люди даже не подозревали, что привезённую ими книгу провозгласили запретной. И вот любимица праведной Аэксинэй разрешилась от бремени едва ли не в тот самый день, когда на головы узникам посыпались камни. Скоро мужнин голос перестал отзываться из дальней каморы, и с Шерёшкой остались лишь «распоясанные» за стенами справа и слева, а маленькая дочь тянулась к груди, но у матери не было для неё молока... «А потом к нам склонилась Владычица. Всякий рождённый узрит впереди смерть...»

Ворон вдруг спросил:

– Учитель, кто такой был Гедах Керт?

Он никак не ждал, что Ветер засмеётся в ответ.

– Почему «был»?

– Так в родословных книгах листки вынуты... Когда я на стене прочитал...

Ветер усмехнулся:

– Ты, чудо лесное, Гедаха этого очень хорошо знаешь.

– Я?..

– Ты видел его в Житой Росточи, когда я там долю крови забирал для Владычицы. Только он давно сложил царственноравное имя. Теперь он предпочитает зваться Кербогой.

Ворон открыл рот. И молча закрыл.

Ветер продолжал:

– Под самую Беду Круг послал меня в Царский Волок – устраивать воинский путь, способлять Краснопеву... – Он помолчал немного, передохнул, говорить было трудно. – Приехал я уже на развалины.

Я увидел глыбы, ставшие могилой ревнителя, и узников, чудесно обойдённых гневом Справедливой. Я и решил, что помилованные Владычицей более не подлежат земному суду.

– Тётя Шерёшка рассказывала, ты её на руках вынес...

Ветер посмотрел на Ворона, улыбнулся:

– Я же не Краснопев с его святой непреклонностью. Я вытащил наружу несчастного старика с урезанным языком... молодую мать, превращённую в безумную ведьму... и боговдохновенного Гедаха, которого, полагаю, ещё долго будут помнить после того, как наши с тобой имена сотрёт время. Ревнитель его не казнил только потому, что смерть человека такой знатности требует царского разрешения. А царь Аодх то ли не успел разрешить казнь, то ли не пожелал.

– И ты... пошёл против мудрецов Круга...

– Я не захотел остаться в глазах людей погубителем чудесного стихотворца. Я предпочёл взять с него слово – если уж петь о Владычице, то лишь так, как велит Круг. Это слово он пока держит, а я его и не трогаю. – Ветер помолчал. – Вы, сыновья, можете не бояться, что Круг меня отсюда на высшее служение заберёт, не гожусь я для этого. Ну и я, сколько смогу, Люторада подальше от Чёрной Пятери держать буду... Я вас торить пытаюсь верными воинами для Владычицы и государя. А ревнителей, чтобы волю Круга блюсти, без нас на свете довольно.

Ворон долго молчал, чувствуя, как одно складывается с другим, делается понятней. Вот только в мире, казавшемся обжитым и постижимым, вдруг резче обозначились непроглядные тени.

– Учитель... – выговорил он затем. – Так они тебя теперь... за Шегардай... за то, что снова певца отпустил... из-за меня...

– Вот чего не боюсь, – хмыкнул Ветер. – Врать не буду, я тоже об этом думал сперва. Но люди уже доносят, что Люторад со старцем определили Брекале покаянный урок: сколько было у него хулительных скоморошин – во искупление каждой сложить по две хвалебные песни. Ну и, само собой, обращённую.

– Жил скоморох, гонитель Правосудной... – немедленно пропел Ворон. – Праздный народ смешил он на торгу...

– А дальше?

– В городе Шегардае многолюдном, там, где дворец стоит на берегу...

Ветер заметил:

– Пока больше получается про Шегардай, а не про обращение.

Дикомыт пожал плечами:

– Горожане вечем стояли. Дворец будут заново строить.

– Я знаю.

– Учитель, а как думаешь, Фойрег тоже отстроят?

Ветер даже удивился:

– Фойрег?..

– Тётя Шерёшка рассказывала, – смутился Опёнок. – Про дворцы, стены...

– Много лет назад я ездил в Фойрег. Воистину, царский был город, – вздохнул Ветер. – Теперь, говорят, и места не найти, всюду лишь оплавленный камень. Там скалы таяли от жара... тёкли, словно воск... – Задумался, неожиданно спросил совсем о другом: – Так ты правда в Шегардае пел на торгу? Или всё врут люди?

Ворон застыдился, опустил голову. «А как было иначе? Я просто не хотел, чтобы ты... чтобы они тебя...»

– Не врут... Пел.

– Прямо на торгу? В людской толпе?

– Воля твоя, учитель... Пришлось.

Ветер заслонил ладонью глаза:

– Слышала бы Айге... У тебя в родне все такие?

– Какие?

Пока источник подбирал слово, в трубе зашуршало, из каменной пасти вылетело чёрное облачко.

«Лыкаш!» – сразу подумалось Ворону.

– Инберн старые времена вспомнил, – засмеялся Ветер. Закашлялся, сморщился, но смеяться не прекратил. – Когда мы новыми ложками были, он в поварне живмя жил, а мы с Космохвостом без конца наказанные сидели... Достанешь?

Ворон принёс свёрток, сдул сажу.

– Ешь, сын, – сказал Ветер. – У тебя небось после Шегардая куска во рту не было.

Ворон мотнул головой:

– Нет, отец. Пополам!

Раньше Надейка спала, когда удавалось. От малости опочива откраивала время забежать в книжницу – постоять перед образом Матери Премудрости. Нарисованные глаза казались ей похожими на матушкины. Сперва Надейка повадилась молиться, советоваться, молча беседовать. Потом стала обращать внимание на следы кисти, на то, как неведомый образник выводил лицо, руку с грамоткой, тени у переносья. И наконец однажды, взяв дощечку и уголёк...

Надейка беспокойно возилась в чуланишке, пыталась двигать ногами, боялась боли, боялась разорвать плёнку.

Она всё вертела маленькие куклы, дула в отверстия. Ворон показывал, как их держать, но у неё не получалось. Сверлёные дудки сипели, шептали, а петь не соглашались. Надейка продолжала дуть. Она обещала.

Он вернётся. Он научит её.

Теперь он принимал муки в мозглой холоднице. Избитый, голодный, примкнутый цепью...

– Снадобье-то девчонке донёс? – спросил Ветер.

Он лежал под стеной и щурился, наблюдая за учеником.

Ворон оживлял тело, замлевшее от побоев и холода. Гнул назад, доставал ладонями пол, медленно переносил ноги, вставал.

– Твоим изволением, отец. Донёс!

Ветер насмешливо поинтересовался:

– Что хоть за снадобье, которого у нас в Чёрной Пятери не нашлось?

Ворон смутился:

– Название из памяти вон... Стыдь, не стыдь...

«Велико же твоё искусство, учитель! Кровь, сопли, в глазах тьма... А увечий никаких, только размяться как следует. Вот бы научиться как ты...»

– Чернавки редко помнят добро, – сказал Ветер. – Ты вон сколько хлопот принял, тройному наказанию обрекался от большого ума. А она поправится и забудет.

Дикомыт улыбнулся. Из-за синяков на лице улыбка вышла кривая.

– Да пускай забудет... Встала бы!

– Дурак ты, – повторил Ветер беззлобно. – Узнаешь ещё, каковы девки бывают... Про лекарство расскажешь потом, помогает ли.

Ворон сел на корточки. Источник ещё не подпускал его к себе так, как в начале шегардайского орудья, – и вот теперь. Скоро они выйдут, учителя встретит Лихарь, сбегутся другие ученики... Может, больше и не будет подобной близости, лишь память о ней. Мысленно он поклялся: Ветер не пожалеет, что решился приоткрыть ему душу.

– Учитель... Если мне дозволено будет спросить...

– Спрашивай, сын.

– Учитель, воля твоя... Ты рассказывал о родичах по отцу... А вдруг у тебя жив кто-нибудь из материной родни?

Взгляд котляра стал очень пристальным.

– Наверняка, – проговорил он затем. – Только я ничего не знаю об этой родне.

Ворон смотрел на него в полном недоумении. Как такое возможно?

Ветер покаянно вздохнул:

– Мальчишкой я был сыном неразумия ещё худшим, чем ты. Пока мотушь каждый день жила рядом и я мог расспросить её, я печалился об отце и о братьях, не желавших знаться со мной. А потом – рад бы спросить, да некого стало. Так что мне известно немногое... Мотушь была холопкой, наших семьян покупали и продавали, кляня за непокорчивость... Я сам был тому образцом. – Ветер вдруг улыбнулся. – Мне говорили, это оттого, что моего далёкого праотца на тяжёлке привели из похода, когда Ойдриговичи ходили воевать Коновой Вен.

«А мы этим Ойдриговичам... Коновой Вен?!»

– Мотушь ещё отличала вашу северную помолвку, – непривычно мечтательно продолжал Ветер. – Я рос в Андархайне, а она всё говорила про андархов: «они».

Ворон во все глаза смотрел на учителя. Потом жадно спросил:

– Откуда был твой предок, учитель? Как звался его род?..

Ветер грустно покачал головой:

– Этого я не знаю. Помню только, мотушь любила зелёное с серым. И ещё она носила оберег... – Он подцепил ремешок, вытянул из ворота костяную птицу: одно крыло простёрто лететь, другое прижато. Добавил странно севшим голосом: – Надела мне, когда котляры забирали.

Ворон силился вспомнить. Зелёное с серым... В глубине памяти, словно младенец в утробе, толкалось нерождённое воспоминание. «Глядите, ребятки, чтобы вам впредь не срамиться перед людьми, – всплыл голос бабушки Коренихи. – У тётки Дузыи понёва чёрная с синим глазком. Это потому, что она с левого берега. Оттуда приходят тучи и дождь... – Ворон вслушивался изо всех сил, но бабушкин голос отдалялся всё неудержимее. Поди разбери, вправду она так говорила или он поневоле домысливал. – А вот идёт тётя Горыня... Иные смеются: птахи подшибленные... Всего шесть глазков, серых по зелени... Шита белым, Горынюшка по мужу кручинится... А сами они говорят: указывает крылом, ведёт за собой...»

– Учитель, – морща лоб, медленно выговорил Ворон. – Я твой оберег видел... и понёвы у баб... В Торожихе, на купилище. Вы – дети Облачной Птицы, ваши имена от туч и ветров... Нагон, Меженец, Голмяна... Агрим – Полуночник по-нашему...

– Полуночник, – смакуя непривычное произношение, повторил

Ветер. – Вот как, значит.

Ворон добавил с горячностью:

– Люди живы, расспросить можно. На любой торг приехать!

– Я, наверно, всё тот же сын неразумия, – задумчиво проговорил Ветер. – Я бывал рядом, но на Коновой Вен не ходил никогда.

– Почему?

– Потому, что всегда находилось ещё одно важное дело, которое нужно было исполнить. И ещё... не знаю. Может, боялся.

– Боялся?..

– Да. Новой ложкой я всё мечтал себе родню с той стороны, а как повзрослел... – И Ветер, по обыкновению, без труда прочёл мысли ученика. – Ты ведь хочешь небось когда-нибудь домой завернуть?

– Ну...

– Вот и «ну». А представь: ты пришёл... Бабку схоронили, мать младшеньких нарожала, отец сына-моранича знать вовсе не хочет, а брат за себя девку взял, которую тебе прочили. Не боязно?

Ворон так и вскипел. «Да не может быть, чтобы атя!.. И бабушка всех вас переживёт! И Светел... Это Ишутку, что ли? Светел...»

Отрава незаметно поползла в душу. «А если действительно...»

Вдруг вспомнилась внезапная ревность брата, их глупая ссора как раз перед появлением котляров. «Я его обозвал... понял ли...»

Стало холодно и неудобно. Тот взгляд Светела...

Ветер внимательно следил за учеником.

– Вот и я о том, – проговорил он.

Глаза Ворона вдруг блеснули в потёмках шальной празеленью.

– Учитель, воля твоя... Если бы ты позволил... Я сопровождал бы тебя!

– Опять сопровождал? Куда ещё?

– К нам. На Коновой Вен.

– Чтобы твои соплеменники копья на тебя обратили: врага привёл?

Ворон упрямо наклонил голову:

– В твоём роду скажут: вот ещё один сын, потерянный и обрётённый.

Ветер очень долго молчал.

– Теперь ты понимаешь, – сказал он затем. – Когда я увидел тебя в Житой Росточи, я узрел перст Владычицы. Я даже закон поправил, лишь бы ты ушёл оттуда со мной. И отца твоего не убил, когда он вздумал противиться... Я не устану благодарить Правосудную за то, что удержала меня. Его кровь стала бы стеной между нами, а я этого не хотел.

Сулёнка была услужлива и болтлива, но не очень умна. От её

трескотни у Надейки разболелась голова, а толком понять удалось, по сути, одно. Ворон их всех там здорово напугал. Даже Кобоху. И Сулёнка, прежде не упускавшая случая щипнуть безответную пигалицу Надейку, смотрела на неё теперь, как на царевну какую. Не приведи Боги разгневать!

Такое с хорошей напужки только бывает.

Но чтобы Ворон? Кобоху куда-то там засадил? От страха обмараться заставил?..

Сам он никого не боялся, это Надейка очень хорошо знала. И убить мог, да. Ей рассказывали о погребении Мотуши. Но пугать?..

А ведь пожалуй...

Он и ей труса задал, когда влетел одичалый, весь чёрный, с лютыми и шальными глазами... взял рубаху выше пупа задрал...

Откуда в нём эта жуть? Может, она только думала, что знает его?

Верить не хотелось. Надейка мотнула головой, дунула в кугиклы.

И те вдруг отозвались, едва ли не в самый первый раз. Пропели нежно, грустно и ласково. Словно вступились за своего делателя. «Ты о чём, Надейка? О чём?..»

Чувствуя, что вовсе запуталась, девушка всхлипнула, прижала ладонью тугой и упрямый берестяной клок... Слёзы застилали глаза, она не успевала их смаргивать, уголёк крошился, липнул не к берёсте, а к пальцам, она стала рисовать прямо пальцами, в мечте, по наитию, просто потому, что так было правильно и хорошо.

– Значит, пел, – повторил Ветер. – На торгу!

Он уже не спрашивал, но Ворон на всякий случай кивнул, зная, что учитель различит в потёмках движение.

Звякнула цепь. Ветер укладывался поудобнее.

– Сказать, сын, почему я всё время ругаю именно тебя, а не Порошу с Бухаркой?.. Они добрые уноты, никчёмных у меня не бывает, я ведь на каждого очень смотрю, когда забираю, да и потом глаз не свожу... Каждый из них отважился бы пойти в город. Может, даже сумел бы выследить скомороха. Но посреди торга запеть!..

Ворон смущённо моргал, не зная, как ответить.

– Помнишь, я тебя предупреждал: две улицы пройдёшь, на третьей потеряешься? – продолжал котляр. – А ты вместо этого... Тебе, сосунку, немало дано, поэтому и спрос с тебя строже.

Опёнку захотелось расспросить обо всём сразу. Он начал открывать рот.

– Я многое прощаю тебе, но моё терпение не безгранично, – сказал

Ветер. – У меня уже был сын, в котором я, по глупости, готов был видеть второго себя. Вероятно, я слишком баловал Ивеня, без меры любовался его смелостью и умом... Чем это кончилось, ты, наверное, помнишь.

Ворон помнил. Кровь на снегу. Белые глаза Ознобиши. И горе учителя... которому, надо думать, самому было проще сунуть руки в петлю.

Ветер заговорил снова:

– В Шегардае ты наворотил глупостей. Я надеялся, что вырастил тайного воина, не оставляющего следов... а ты наследил, да так, что теперь я не скоро смогу вновь отправить тебя туда на орудье. Но, повторюсь, ты всего лишь сглупил. Ты радел о Правосудной, хотя и топорно. Поэтому я смог простить тебя. Я встал с тобой у столба и теперь мёрзну здесь, пытаюсь что-то втолковать... Не убивай меня насмерть, сын, прошу. Я тяжко грешен Владычице, но этого не заслужил.

Ворон сразу не нашёл голоса, глотнул, кашлянул:

– Учитель... что же натворил Ивень?

Ветер ответил глухо и трудно:

– Он где-то откопал книгу, клеймённую жеглом запрета столь непреклонного, что за одно повторенье написанного людям резали языки. Я взял Ивеня с поличным, я пытался сберечь его жизнь, но он отпирался от очевидного. Мне осталось лишь вразумить вас его смертью. Второй раз я такое вряд ли выдержу, сын.

Ворон молчал, опустив голову. Он очень хорошо понял предупреждение. «А я „Умилку Владычицы“ в руках держал... в сокровищнице... чуть с собой не унёс...»

– Хочешь знать, – сказал Ветер, – кто всех упорнее просил меня его пощадить?..

– Кто?

– Лихарь.

– Лихарь?..

«Которого ты вперёд выслал... казнь приготовить...»

– Да.

Ворон чуть не бросился возражать. В том походе он был мал и глуп. Он не слышал речей Ветра со стеном во время любошных битв на мечах, а по губам разбирать тогда ещё не умел. Однако он видел Лихаря, видел каждое движение, он смотрел и запоминал, потому что хотел скорей научиться. С тех пор он привык постигать бессловесную грамоту тела... и мог поклясться ледяными валами Твёржи: старший ученик просил для Ивеня чего угодно, только не милости.

Но как об этом заговорить?.. Возможно ли, чтобы мудрый источник

неверно истолковал подмеченное маленьким Скварой?.. Как знать! Горе, ненависть и любовь ещё не так слепят человека. «Не оговаривай Лихаря! – скажет учитель. И опечалится. – Не сумел я вас братьями сделать...»

Ветер полусидел у стены, неудобно привалившись плечами, было зябко, ошейник тёр и царапал. Ворон принёс свою полсть, закутал...

Кажется, занималось утро, когда в чуланчик под лестницей явился Лыкаш. Диво дивное! До сего дня молодой наглядьш Инберна Надейку едва замечал; знал ли, как по имени звать?.. А вот пришёл и уселся в ногах, где бывало сживал Ворон, и странно было видеть его пухлые щёки там, где прежде мелькал горбатый нос и блестели озорные глаза дикомыта. Ворона было не застать в бездвижном молчании, он бы и сейчас что-нибудь рассказывал, да не просто голосом – играл бы руками, пел взглядом, всем телом...

Лыкаш сидел вполоборота. Ловил скудный свет жирника. Держал тугой белый лист, порывавшийся завернуться сколотнем. Он рассматривал Надейкин рисунок, покинутый на виду. Девушка думала спрятать, но не успела, заснула. Отсветы пляшущего огонька бродили по неровной берёсте, населяли рисунок шёпотом жизни.

Посередине чёрным жезлом власти высился столб... И не мог затмить белого, гордого, летучего окаёмка: человек стоял прямо, вскинув голову, сжав кулаки... А вокруг – кликушествовало, корчилось в пляске злобного торжества, тянуло нечистые щупальца сонмище морочных теней. Неясных, размазанных и оттого особенно страшных. Человеку у столба Надейка тоже не придавала внятных черт, но повадка, осанка, поворот головы...

Лыкаш вдруг покосился на неё и сказал:

– А нравно ты господина учителя нарисовала.

«Кого?..» Надейка испугалась, запоздало припомнила, что котляр вроде правда становился к столбу да приказывал Лихарю не жалеть... так, во всяком случае, баяла Сулёнка. Девушка с внезапной тревогой задумалась, видела ли рисунок чернавушка. Что было вначале, что после – она помнила скверно.

– Я... Ворона, – кое-как выдавила она.

Лыкаш снова покосился, теперь уже на дверь.

– Я-то понял, – шепнул он, наклоняясь. – Я Ворону ближник... А вот если до господина стена дойдёт, беды не стряслось бы.

От мысли, что Лихарь может вновь заметить её, Надейка вовсе померкла. Чуть не попросила Воробыша унести злосчастный сколотень да сунуть в печку, пока в самом деле не дознался младший котляр... Что-то

остановило. Когда Лыкаш подлил масла в светильник и наконец убрался, Надейка решилась смарать рисунок с берёсты. Вправду решилась, без шуток... почти за дело взялась, ан сорной тряпицы не сыскала, не рукав же, в самом деле, чернить?..

Мисочка с засохшей сбивалкой, счастливо забытая и Сулёнкой, и Лыкашом, переливалась у жирника, останавливала внимание. Подумав, Надейка подтянула миску поближе. Плеснула воды, стала ждать. Косой потёк на дне скоро забелел, вспух пузырьём, начал расползаться. Надейка растёрла пальцами, стала мазать липкую жижицу на берёсту, чтобы не сыпалась, не облетала бренная крошка. Девушка не очень задумывалась, зачем делает это, просто так было правильно и хорошо.

Песни в холоднице

Лыкаш, несомненно, прав был в одном: покуда любимый учитель томился в отмеренном заключении, на глаза Лихарю попадаться не стоило. Стень появлялся, как неупокоенная душа, то на прясле, то в книжнице, то в ремесленной. Ученики и работники прятались от него, вот только скрыться не всегда удавалось. Даже Беримёд ходил с подбитым глазом, лелеял во рту расшатанный зуб. Но чаще всего несчастного пасынка Ветра можно было видеть стоящим на коленях у дверей покаянной. Младшие ученики во главе с Шагалай робко высовывались из-за угла, наблюдая, как избывал вину их грозный и не слишком добрый наставник. Коленями на голых камнях! Не двигаясь с места, даже если сквозь купол зеленца прорывались хлопья мокрого снега! Только волосы прилипали к лицу да на плечах темнела рубашка... Смотреть было, чего уж сказать, скорбно и жутковато. Поэтому и смотрели. Замечал ли стень ребятню, пялившую глаза через двор? Поди разбери. Наверное, всё-таки замечал.

В последний вечер Шагала неусыпно стерёг Лихаря, не хотел пропустить, когда тот выйдет на очередное «стояние».

– Я тоже учителя ждать буду!

– Давай, а мы одадь повременим, – напутствовали Шагалу другие, более разумные. – Беримёд небось подходил уже, хотел рогожку бросить на плечи... за что был взыскан без скупости. И тебе награда не завалется...

– Ну и что? – не смутился Шагала. – Пускай лучше мне глаз подобьёт, чем скажет потом, что я с ним учителя не встречал.

Деревенскому сироте к колотушкам было не привыкать. Его не уводили в котёл от мамкиных пирогов. Лихарь, возвращаясь с орудья, взял Шагалу в каком-то острожке, где мальчонку лупили почти ежедневно. На словах – за воровство. На деле – просто потому, что заступника не было. Лихарь и поднял над сиротой знак Владычицы, как Ветер когда-то – над ним самим.

Слова гнездарёнка поубавили ребятам веселья. У стень лучше было ходить в чести, это понимал каждый. Так и вышло, что в сумерках почти весь народец потянулся за Шагалай во двор, где возле холодницы приступал к последнему «стоянию» Лихарь. Он вышел без пояса, в белёной чистой тельнице, как на жертвенный подвиг. Помедлил, глядя вверх, принимая на лицо капли мелкого дождика. Истово осенил грудь

трёхчастным знаком Владычицы. Начал опускаться на колени...

...И тут из недр холодницы ударил хохот. Лёгкий, радостный, какой-то очень свободный, на два голоса. Лихарь отшатнулся, словно его пнули ногой. Не только ему показалось – хохотали над ним.

Мальчишки разом исчезли и больше не совались из-за угла, даже Шагала.

Никто не видел, как Лихарь закрыл руками лицо, ткнулся лбом в запертую дверь и так остался сидеть.

В потёмках холодницы Ворон босиком вышагивал от очажной пасти к придверным ступеням, потом назад. Прятал руки под мышками и то бормотал себе под нос, то напевал – тихонько, конечно. Всё время забывался, пальцы выползали наружу, принимались искать на груди кармашек с кугиклами. Тогда Ворон подносил их согнутыми ко рту, начинал дуть, как в дудочные стволы.

Ветер, может, и рад был бы обойтись без мельтешения перед глазами, но ученика не щунял. Знал уже: парню лучше всего сочинялось вот так, на ходу, на бегу. Котляр лишь раз укорно подал голос:

– Владычица, дай терпенья... Ты, значит, меня плясовой надумал порадовать?

Ворон даже остановился.

– Нет, учитель... Нет, конечно!

– Тогда что приплясываешь?

Ворон виновато моргнул:

– Воля твоя, отец... Больше не стану.

Лучший из учеников в самом деле был невозможен. Ведь вроде трепетно слушал, пока Ветер ему объяснял упущения и ошибки городского орудья... а в итоге что? Новая песня. Да небось опять такая, что и не похвалишься перед братьями по служению. Ветер не сводил глаз с ученика. Статью вымахал кому угодно на зависть, оплечился... а приглядишься – мальчишка. Язык вперёд ума на седмицу. Не допрыгался бы, когда учителя рядом не будет.

Ворон вдруг остановился. Незряче уставился на котляра. Губы шевелились, ноги переминались, как спутанные. Потом глаза вспыхнули:

– Учитель... Спросят внуки подросшие... Подскажи созвучье?

Вот опять. Поди разбери, нужно оно ему, это созвучье, или названного отца почтить вздумал? Другого в своё творение допускать – почти то же, что невесту доверить. Ветер это хорошо понимал.

– Внук, уйди по-хорошему... – прогудел он, не допустив ни тени

насмешки.

Ворон ошалело уставился на него. Наконец хлопнул себя по бёдрам ладонями, сломался пополам от веселья.

Вышло так заразно, что с Вороном, придерживая ошейник, расхохотался Ветер.

Это и был смех, ударивший Лихаря по ту сторону двери.

Смеяться полулёжа да на цепи было неудобно и больно. В конце концов Ветер закашлялся, смолк. Ученик встревоженно бросился к нему, но котляр отмахнулся:

– Песня-то когда будет? Полдня бормочешь, туда-сюда бегаешь... Мб́чи нету уже.

Нахальный дикомыт посмотрел сверху вниз, воздел палец, что-то быстро повторил про себя... Выпрямился во весь рост, расправил плечи, запел. Начал негромко, но разошёлся, голос легко объял холодницу, потёк сквозь дверь и окно... распространился по крепости, как в день, когда он пытался защитить Космохвоста.

Город мой, город ласковый
В лукоморье у розовых волн...
Станет сбывшейся сказкою
Новый день, и я к тебе направлю свой чёлн.
Спросят внуки подросшие:
«Где же город из песен твоих?»
Со слезою непрошеной
Я отвечу: «Нет его в пределах земных».
Где мой очаг, где мой ночлег?
Кануло, сгинуло.
Который год, который век –
Сколько их минуло!
Будет вновь расти трава,
Мы засучим рукава,
Возведём
И вернём
Не на словах!..
Город мой, город утренний
На ладонях привольных лугов!
Сквозь туман перламутровый
Различу твердыни стен и башни дворцов.
Каждый в свой черёд

Во плоти сойдёт
На землю.
Каждый бьётся сам,
Славу или срам
Приемля!
Город мой, славный город мой!
Я вернусь вместе с солнцем и весной!
Нашей памяти светочи
Укажут нам путь сквозь беду.
По серебряной ленточке
Вновь на берег морской
Предрассветной порой
Я приду.
Город мой, сердца вотчина!
Пусть твердят, что остался лишь прах!
Наша песня не кончена,
И домчусь к тебе я на крылатых ветрах!

Голосницу этим словам парень дал заковыристую.
– Спой ещё раз, – потребовал Ветер, когда ученик смолк, запыхавшийся и счастливый.
Ворон спел. Вышло спокойнее, зато как-то богаче.
Ветер вдруг спросил:
– Ты, дурак, хоть записываешь, что получилось?
Ворон даже покраснел, в самом деле чувствуя себя дураком.
– Так ты сам говорил... Безделица...
– Нет на свете безделиц, есть безделюги, – строго проговорил Ветер.
Помолчал, сокрушённо сложил брови домиком. – И опять, горе луковое, хоть бы слово в похвалу Справедливой! По-твоему, это хорошо, сын?
Ворон покорно опустил голову.
– Воля твоя, отец... А почему вы с дядей Космохвостом без конца наказанные сидели?
Ветер усмехнулся, посмотрел на него, рукой разгладил усы.
– Меня стругали за песни, – сказал он наконец. – А Космохвоста – за то, что вступался.

Люди верно говорят: в дороге даже и отец сыну товарищ. Всяк другому помогай, иначе до дому не добредёшь. Про холодницу тоже такое

присловье можно сложить. Только холодных сидельцев куда меньше, чем странников на дорогах.

Последняя ночь покаяния выдалась совсем гиблой. Двое узников жались вместе, шкурой чувствуя, как высоко над ними челюсти мороза стискивали утлый купол тумана.

«За песни стругали...»

– Учитель... – шёпотом спросил Ворон, когда согласно поворачивались на другой бок. – А про что были те песни? О которых с тебя правили?

Ветер долго не хотел отзываться. Наконец буркнул:

– Я с тех пор поумнел. И тебе желаю.

Ворона очень тянуло подступить с расспросами, пока длилась их близость наедине. Он не посмел. Наверное, Ветер воздавал славу матери. Не Владычице. Простой смертной женщине, что надела свой оберег маленькому Агрыму. Наставнику Агрыма это не нравилось, и он... а дядя Космохвост...

Ветер вдруг спросил:

– У вас на Коновом Вене... что-нибудь говорят про то, что сын Аодха Мученика мог быть спасён?

Ворона так и потянуло вывалить учителю всё без утайки... «Нет». Клятва молчать, данная в детстве, держала крепко.

Он зевнул:

– Где мы, а где Андархайна... На что нам чужие цари? В пограничье, может, что и болтают, а наш лес далеко...

Ветер улыбнулся, лёжа к нему спиной. Опёнок не увидел этой улыбки.

Спали урывками. Отсиживая один, Ворон сейчас по испытанному обыку вставал бы попрыгать, поприседать, откулачить призрачного злодея... Ветра не пускала цепь, и дикомыт не мог покинуть его. Кутал учителя обоими одеялами, тормошил, помогал повернуться, грел спину. Знал, как легко привязывается здесь, в холоднице, изнуряющий кашель.

– Лихарь плакал за дверью, – сказал он, когда вновь поворачивались.

Ветер даже дрёму стряхнул, удивился:

– Тебе что, жаль его? От кого бы другого...

Ворон смутился, передёрнул плечами. Он вовсе не забыл стению Житую Росточь и семью Ознобиши. Но когда свирепый воин вроде Лихаря мается на коленях и плачет, злорадствовать почему-то не хочется. Ворон спросил:

– У столба... Ну, заголяли меня... Что он так взбесился? Опять я его за болячку схватил?

– Это ещё урок тебе, дураку, – сказал Ветер. – Помнишь, я вам назидал: будь хоть великан, а сломанный палец найдётся? Если ты воин – должен знать, у кого где болячка. У друга – чтобы оградить. У врага... В Шегардае ты угадал верно. Брекала паскудничал, страшась, как бы Владычица вправду не требовала отплаты. Только ты действовал по наитию, поскольку ещё глуп.

– А надо как было?

– Надо не угадывать, надо знать. Если бьёшь, бей наверняка! Когда-то мне зандобился подход к одному волостелю... Добраться до господина оказалось непросто, но я обратил внимание на слугу. Тот терял разум, играя в кости, очень любил хозяина, чьё достояние тратил... и пуще смерти боялся предводителя своего же домашнего войска.

– И... как ты поступил?

– Я выждал, пока эта пыль проиграет вещицу, за которую, дознавшись, его бы не пощадили. Я добыл спущенное и отдал слуге, чтобы он мог на место вернуть.

– Он вернул?

– Да. И с тех пор исправно доносит мне обо всём, что я хочу знать.

– Воля твоя, учитель... Значит, ты заставил его предать господина?

– В том и хитрость, что нет. Я его не ломал. Я позволил слуге думать, что с моей помощью он опасает хозяина от врагов.

– А на самом деле?

– На самом деле его господин с тех пор у меня на ладони. Когда Владычица захочет, чтобы я сжал кулак, я его сожму – наверняка.

– А я, отец? За какой палец ухватят меня?

Ветер усмехнулся в темноте. Вот уж кого он видел насквозь. Знал лучше, чем дикомыт сам себя знал. Он ответил не задумываясь:

– Ты честный и верный. Таким, как ты, нужно держать ухо востро. Чужой верностью охочи пользоваться те, кто своей не припас. А таких на свете в достатке.

– А ещё, отец?

– Сам смекай. Каждый что-то любит, чего-то боится. Ты, я, Лихарь...

Ворон задумался:

– Ты Владычицу любишь. Матушку лелеял... Но разве боишься?

– Боюсь.

– Учитель, ты... за нас? За учеников?..

– Если бы тебя, растяпу, в городе повели на кобылу, я бы на себя выменивать прибежал. – Котляр повернул голову, спросил через плечо: – Помнишь, мотушь расслабленная лежала?

– Как не помнить, – прошептал Ворон.

Ему показалось, Ветер скрипнул зубами.

– Когда я нашёл её и увидел, что с нею случилось, я захотел узнать, чья смерть должна стать оплатой. Но выведал лишь, что однажды утром... за седмицу до моего прихода... она просто не встала.

– За седмицу, – тихо повторил Ворон.

– Да. Порой мне кажется, если бы я расторопнее поворачивался тогда... Не мешкал с одним, с другим, с третьим... я мог бы застать её. Что, если она заболела от горя? Оттого, что потеряла надежду?.. Бойся не успеть, сын, как я боюсь. Никогда не откладывай того, что может сгинуть и оставить тебя так вот гадать... – Ветер хрипло выдохнул, помолчал, сказал совсем другим голосом: – В Кутовой Ворге я подарил тебе щенка, потом отнял. Если хочешь...

Ворон твёрдо ответил:

– Ты правильно поступил, отец. Я провинился. Я должен был принять наказание.

Последняя бесконечная ночь тяжело далась всем. Стояла ещё крошечная темень, когда вышел державец Инберн, высыпали ученики, молча выстроились во дворе. Воробыш принёс охапку факелов и огонь. Едва на востоке неба родилась неспешная синева, к дверям холодницы прибежал с ключами Шагала. Лихарь не сумел сразу встать с колен, кивнул ему: открывай.

Пока гнездарёнок побеждал тугой замок, пока возился внутри, Лихарь кое-как оживил ноги. Поднялся, чуть не упал, схватился за стену. Беримёд дёрнулся было к нему... вовремя передумал. Во дворе затрещали факелы, ребята стали петь хвалу, сперва вразнобой, потом всё стройнее. В провале двери наметилось движение. Взявшие честь медлительно поднимались по ступеням, восходили навстречу рвущимся пламенам. Оба качались, осунувшиеся, нетвёрдые, одинаково жмурили глаза на свет. Лихарь поймал взгляд Ветра, полный гордости: «Помнишь, старший сын? Если этот упрямец у меня из рук есть начнёт... Кажется, я вправду стою кое-чего!»

Дикомыт двигался чуть позади, поддерживая котляра. Он был выше ростом, теперь это сделалось очень заметно. Иные обратили внимание, что он впервые оставил плести косы, убрал волосы по-андархски. Ворон смотрел сурово и сдержанно, между бровями легла отвесная складка. Ученик шёл за своим великим учителем.

---

notes

СНОСКИ

Автор, отнюдь не занимавшийся придумыванием новых слов или удивительных толкований, всего лишь пытался **писать эту книгу по-русски**. Честно предупреждаю: в тексте встретится ещё немало замечательных старинных слов, возможно выводящих из зоны привычного читательского комфорта. Полагаю, незаинтересованный читатель сумеет их с лёгкостью «перешагнуть». Заинтересованного – приглашаю в самостоятельное путешествие по сокровищнице русского языка. Поверьте, это может стать захватывающим приключением. А найдёте вы гораздо больше, чем предполагали...